This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

B 838,133

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
LIBRARIES
THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
ARTE · SCIENTIA · VERITAS
1817

Dubnov, S.

С. М. Дубновъ.

Письма

о

старомъ и новомъ еврействѣ

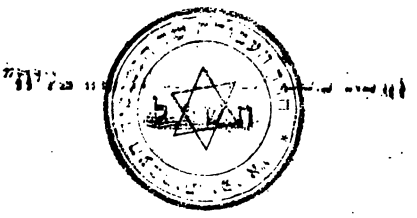
(1897—1907).

Систематически обработанное и дополненное изданіе.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія т-ва „Общественная Польза“, Большая Подъяческая, 39.
1907.

DS
141
.D971

903600-230



ПРЕДИСЛОВІЕ.

Эти „Письма“ писались и печатались въ теченіе десяти лѣтъ (1897—1907), чередуясь съ моими историческими трудами. Мысль одновременно работала въ двухъ областяхъ—стараго и новаго еврейства, исторіи и современности, которыя всегда представлялись мнѣ въ живой органической связи, какъ моменты одного великаго эволюціоннаго процесса. „Письма“, какъ показываетъ и заглавіе ихъ, явились плодомъ этой двойной работы.

Значитъ ли это, что на мою публицистику наложенъ профессіональный штемпель историка? Можетъ быть, иные читатели сдѣлаютъ автору противоположный упрекъ: что онъ слишкомъ горячо реагировалъ на явленія современности, болѣе, чѣмъ приличествуетъ человѣку, долженствующему по своему званію трактовать о жгучихъ вопросахъ дня съ холодной высоты тысячелѣтій, sub specie aeternitatis. Пусть оба эти упрека ослабляютъ другъ друга. Я могу только сказать, что въ „Письмахъ“ одинаково отразились и историческое мышленіе, и переживанія современности. Стоя въ исторіи и соціологіи на точкѣ зрѣнія научнаго эволюціонизма, я хотѣлъ дать систему идей, которая бы установила и мѣсто переживаемой нами эпохи въ многовѣковой эволюціи еврейства, и вытекающіе отсюда національные императивы. Но, находясь въ то же время въ водоворотѣ общественной жизни въ одинъ изъ самыхъ критическихъ и трагическихъ моментовъ еврейской исторіи, я не могъ не откликаться на волнующія событія дня, въ особенности въ тѣхъ сторонахъ ихъ, которыя затрагиваютъ самыя основы нашего національнаго бытія. И такимъ образомъ создался этотъ, изложенный въ серіи „писемъ“, синтезъ

стараго и новаго еврейства, который въ теченіе десяти лѣтъ прокладывалъ себѣ путь среди бурныхъ идейныхъ теченій современности, борясь съ національнымъ отреченіемъ однихъ, національнымъ или политическимъ романтизмомъ другихъ и умственнымъ шатаніемъ третьихъ.

Была ли успѣшна эта идейная борьба? Думаю, что нѣкоторыя жизненныя наблюденія и общественные факты дадутъ на это отчасти утвердительный отвѣтъ. Если въ послѣдніе годы вошли въ обиходъ еврейской соціальной жизни такіе, еще недавно казавшіеся „страшными“ и еретическими, лозунги, какъ „національныя права“, „автономизмъ“, „культурная автономія“, „національная школа“ и т. п.; если эти лозунги выставлены нынѣ въ программахъ еврейскихъ партій и союзныхъ организацій наряду съ требованіями гражданской и политической эмансипаціи,—то надо полагать, что тутъ, кромѣ другихъ вліяній, не обошлось и безъ вліянія эволюціоннаго національнаго синтеза, призывавшаго къ внутреннему возрожденію въ діаспорѣ. Однако, я весьма далекъ отъ того, чтобы торжествовать побѣду національно-культурнаго ренессанса въ еврейской жизни. Въ той части нашего общества, которая затронута вѣяніями этого ренессанса, больше національнаго *настроенія*, чѣмъ національныхъ *убѣжденій*; значительная же часть общества мало или вовсе не затронута новыми вѣяніями и пребываетъ еще въ полосѣ ассимиляціоннаго антитезиса или въ близкомъ съ нею сосѣдствѣ. Выработка систематическаго національнаго міровоззрѣнія только началась.

И когда я, приступая къ отдѣльному изданію „Писемъ“ въ систематической обработкѣ, задалъ себѣ вопросъ: нужна ли теперь эта книга, — меня обступили со всѣхъ сторонъ живые факты, говорившіе: да, нужна! Нужна и для блуждающаго еврейскаго интеллигента, еще не нашедшаго своего пути, и для самоувѣренныхъ соціальныхъ метафизиковъ или политическихъ утопистовъ, для которыхъ еще не потеряна надежда на отрезвленіе, и наконецъ—для того нееврейскаго общества, которому въ жизни и литературѣ хорошо знакомъ типъ покорно ассимилирующагося еврея и совершенно незнакомо направленіе возрождающагося свободнаго еврейства. И въ самые послѣдніе дни, когда я уже заканчивалъ редактированіе „Писемъ“, звуки жизни изъ собраній, съѣздовъ, прессы и литературы неотступно твердили мнѣ: еще много

тьмы и хаоса въ умахъ, нуженъ свѣтъ, нужна система, нужно ясное, цѣльное міросозерцаніе...

Когда я слышу на съѣздѣ новой еврейской организаціи, съ полунаціональной программой, торжественное заявленіе, подкрѣпленное ссылкой на двухтысячелѣтнюю стойкость діаспоры: „мы не видимъ никакой опасности ассимиляціи“ [1]), — я могу привѣтствовать здѣсь частичный успѣхъ національной пропаганды, выразившійся въ осужденіи ассимиляціи; но не могу не нарушить блаженства вѣрующихъ въ нашу національную безопасность ссылкою на соотвѣтствующую параллель между старымъ и новымъ еврействомъ въ моихъ „Письмахъ“. Можетъ быть, иные оптимисты, подумавши надъ этимъ вопросомъ, поймутъ, что ассимиляція—не только произвольный актъ отдѣльныхъ лицъ и группъ, что она—типичная бацилла діаспоры, входящая во всѣ поры культурнаго существа еврея, черезъ окружающую среду, черезъ чужой языкъ, школу, литературу; что старое еврейство обладало иммунитетомъ противъ этой разрушительной бациллы – автономной организаціей внутренней жизни, а новое еврейство сможетъ иммунизовать себя только созданіемъ такой же организаціи, приспособленной къ новому фазису общей и своей культуры, — т. е. путемъ отстаиванія тѣхъ гарантій національной цѣлости, которыхъ добивается всякое культурное національное меньшинство.

Когда мы слышимъ со стороны сіонистовъ официальное признаніе борьбы за національныя права въ діаспорѣ, мы можемъ лишь радоваться этому благодѣтельному возвращенію къ реальной политикѣ. Но въ то же время изъ рядовъ максималистовъ сіонизма долетаютъ еще до насъ возгласы въ такомъ родѣ: „Середины нѣтъ: или экзодъ, или ассимиляція!.. Проблему еврейства мы ставимъ начисто и разрѣшаемъ радикально: или территорія, или гибель!.. Борьба за національныя права (въ діаспорѣ)... объективно сводится къ сплоченію фактически экзодирующаго еврейства для организаціи экзода. Внѣ этой цѣли какая бы то ни было національная работа надъ еврействомъ безсмысленна и безнадежна“ [2])... Читая это, невольно вспоминаешь о внутренней „антиноміи сіонизма“ и объ „условныхъ націоналистахъ“, съ которыми я спорилъ въ рядѣ „Пи-

[1]) „Задачи русскаго еврейства“, докладъ *Л. Я. Штернберга* на учредительномъ съѣздѣ Еврейской Народной Группы,—въ газ. „Свобода и Равенство“ 1907 г. № 14, стр. 7 сл.

[2]) „Наброски безъ заглавія“ *В. Жаботинскаго*, „Разсвѣтъ“ 1907, № 13.

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
LIBRARIES
THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
ARTES SCIENTIA VERITAS
1817

тендуетъ, однако, на исчерпывающую полноту. Нѣкоторые важные вопросы (напр. о двухъ еврейскихъ языкахъ—древнемъ и разговорномъ—и объ ихъ мѣстѣ въ культурной автономіи) затронуты здѣсь лишь въ связи съ общимъ вопросомъ и особо не разработаны. Но „канонъ“ писемъ не заключенъ, и цѣлый рядъ вопросовъ уже намѣченъ для второй серіи ихъ.

Эта книга въ большей своей части предназначена не для однихъ русскихъ евреевъ. Матеріалъ взятъ изъ прошлой и современной жизни всего еврейства, и предлагаемое рѣшеніе національнаго вопроса приспособлено ко всемірной единой діаспорѣ, гдѣ происходитъ постоянное перемѣщеніе гегемоническихъ центровъ. Мои „письма“ адресованы и къ западнымъ единомышленникамъ, дѣйствительнымъ или возможнымъ, которые пока могли познакомиться съ ними только по нѣмецкому переводу первыхъ двухъ писемъ въ старой редакціи [1]). Хотѣлось бы вѣрить и надѣяться, что замѣтный нынѣ національный ренессансъ выдвинетъ среди евреевъ всѣхъ странъ рядъ публицистовъ-единомышленниковъ, которые самостоятельно трудились бы для той же цѣли: выработки ясныхъ воззрѣній на задачи міровой діаспоры, на основаніи не „катастрофальныхъ“ мессіанскихъ теорій, а того научнаго эволюціоннаго синтеза, который признаетъ только процессъ закономѣрной исторической преемственности и связываетъ ростъ молодыхъ побѣговъ нашей національной культуры съ ея вѣковѣчнымъ стволомъ.

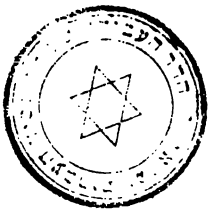
Спб. 21 апрѣля 1907.

---

[2]) См. приложеніе 2-е въ концѣ книги, стр. 365: „Предисловіе автора къ нѣмецкому переводу“.

ГРУППА I.

ОБЩІЕ ПРИНЦИПЫ.



ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Теорія еврейскаго націонализма.

I. Процессъ образованія національнаго типа: расовый моментъ, территоріально-политическій и культурно-историческій или духовный.—Движеніе отъ матеріальной культуры къ духовной въ ростѣ націи.—Пробный камень внутренней крѣпости націи: утрата государства и территоріи.

II. Соотвѣтственная эволюція еврейства: эмбріонъ духовной націи въ эпоху пророковъ, ея ростъ въ эпоху второго храма и окончательный закалъ въ діаспорѣ (автономизмъ, система гегемоній).—Нація есть производитель и произведеніе своей исторіи; наростаніе національной типичности.

III. Переходъ отъ объективныхъ признаковъ къ субъективнымъ въ научныхъ опредѣленіяхъ „націи".—Духовная общность сильнѣе кровной; квинтъ-эссенція націи.—Отрицаніе еврейской національности.—Смѣшеніе національнаго съ религіознымъ и секуляризація еврейской національной идеи; ассимиляціонное теченіе; религіозная *нація* и религіозная *группа*.—Минимумъ іудаизма и граница національнаго ренегатства.

IV. Національный индивидуализмъ и національный эгоизмъ.—Еврейская національная идея есть выраженіе чистаго индивидуализма.—Между индивидуальнымъ и соціальнымъ стоитъ національное.—Тезисы.

I. Изслѣдуя процессъ образованія національныхъ типовъ, мы замѣчаемъ въ немъ движеніе отъ физическаго къ духовному, отъ внѣшней простоты къ внутренней сложности. На низшихъ ступеняхъ культуры народности различаются между собою преимущественно по физическимъ признакамъ, а на высшихъ ступеняхъ—по культурно-историческимъ. Передъ нами проходятъ послѣдовательно слѣдующіе типы націй, различаемые по *преобладающимъ* въ каждую данную эпоху признакамъ: 1) *расовый типъ*, 2) *территоріально-политическій* или *соціально-автономный*, 3) *культурно-историческій* или *духовный*. Каждый предыдущій типъ входитъ въ послѣдующій, обра-

зуя съ нимъ механическое или химическое соединеніе, то есть либо оставаясь въ немъ въ своей формѣ, либо растворяясь и принимая другую форму. Разсмотримъ каждый изъ этихъ типовъ въ отдѣльности.

Въ начальной стадіи культуры расовая группа или *племя* является продуктомъ *природы*. Общность происхожденія, почвы и климата накладываетъ свой отпечатокъ на организмъ и темпераментъ членовъ данной групы семей, сосредоточенной на опредѣленной территоріи или территоріяхъ (въ осѣдломъ или кочевомъ состояніи). Создается „нація“ въ первоначальномъ, біологическомъ смыслѣ слова, въ смыслѣ „рода“ (*natio*-порода). Совокупность расовыхъ особенностей консолидируется путемъ наслѣдственности въ цѣломъ рядѣ поколѣній—и, такимъ образомъ, устанавливается основной пластъ, племенной субстратъ національности.

Но уже въ этой стадіи развитія съ вліяніемъ природы начинаетъ соперничать вліяніе *матеріальной культуры*. Постепенно воздѣйствіе природы на человѣка умѣряется обратнымъ воздѣйствіемъ человѣка на природу. Культура ослабляетъ непосредственное, грубое вліяніе почвы и климата и отчасти сглаживаетъ рѣзкія особенности расового типа (позже это дѣлается вслѣдствіе переселеній, смѣшанныхъ браковъ и т. п.). Будучи результатомъ болѣе сложнаго взаимодѣйствія человѣка и природы, культурный строй порождаетъ болѣе сложное своеобразіе. Приспособляясь къ физической средѣ и приспособляя среду къ своимъ потребностямъ, племя вырабатываетъ хозяйственныя условія своего быта въ различныхъ формахъ кооперації—зародыша общественности. Наряду съ опредѣленными способами борьбы за существованіе, устанавливаются и однородныя привычки и наклонности, воззрѣнія и вѣрованія у членовъ данной племенной группы. Общій языкъ является однимъ изъ сильнѣйшихъ орудій общенія членовъ группы между собою и разобщенія ихъ съ инородными племенами. Намѣчается путь отъ матеріальной культуры къ духовной. Такъ наростаетъ второй, культурный пластъ надъ физическимъ или расовымъ субстратомъ національности.

Ростъ общественности, какъ результатъ хозяйственной кооперації и другихъ видовъ людского общенія, вызываетъ необходимость въ постоянной объединяющей организаціи, въ формѣ гражданскаго или *государственнаго* союза. Территорія, бывшая раньше только

физическимъ факторомъ, становится и политическимъ факторомъ объединенія національности. Организованная государственная власть подчиняетъ всю страну болѣе или менѣе однородному управленію и охраняетъ ея границы отъ вторженія иноземцевъ. Политическая жизнь воспитываетъ націю въ извѣстномъ духѣ. Опредѣленная общественная дисциплина, опредѣленныя права и обязанности гражданъ (одинаковыя, по крайней мѣрѣ, въ предѣлахъ каждаго сословія и класса), обособленность даннаго государства въ ряду другихъ,—все это даетъ членамъ политическаго агрегата извѣстную сумму новыхъ интересовъ, наклонностей и стремленій. Объединяющею силою является понятіе объ *отечествѣ*, о его защитѣ или усиленіи. Патріотическіе подвиги поднимаютъ духъ народа, преданія о такихъ подвигахъ, увѣковѣченныя въ лѣтописяхъ, образуютъ одну изъ обычныхъ основъ первоначальнаго историческаго сознанія [1]).

Территоріально-политическій типъ націи проявляется въ различныхъ степеняхъ и формахъ, обусловленныхъ какъ степенью цивилизаціи даннаго народа, такъ и степенью его политической самостоятельности. Вслѣдствіе обычнаго въ исторіи процесса поглощенія малыхъ государствъ большими, покоренныя народности съ слабо развитымъ культурно-національнымъ типомъ утрачиваютъ свои особенности вполнѣ или отчасти и смѣшиваются съ народами болѣе ярко выраженнаго типа; націи же, болѣе окрѣпшія въ культурномъ или духовномъ отношеніи, отстаиваютъ свою самобытность и при политической зависимости путемъ *соціальной автономіи*, т. е. организаціи своего мѣстнаго самоуправленія соотвѣтственно своимъ историческимъ традиціямъ и внутреннимъ потребностямъ. Народы-покорители часто подвергаются еще большей опасности, вслѣдствіе политической гипертрофіи. Путемъ завоеваній и территоріальныхъ захватовъ они образуютъ государства изъ конгломерата взаимно чуждыхъ, иногда враждебныхъ народностей. Раздираемыя внутренними столкновеніями, такія „міровыя монархіи“ распадаются, увлекая на путь гибели и націю-завоевательницу (Ассирія, Вавилонія, Персія, древній Римъ). Политически-сильная, „господствующая“ нація часто

[1]) Весьма близка къ этой схемѣ развитія національныхъ типовъ формула *А. Фулье* о трехъ „большихъ факторахъ“, образующихъ физическій и психическій складъ народа: 1) наслѣдственность, фиксирующая расу, 2) приспособленіе къ физической средѣ, 3) приспособленіе къ соціальной средѣ. Ср. его „Факторы національнаго характера“ (рус. перев. изд. „Кадима“, 1906), стр. 12.

гибнетъ именно отъ преобладанія государственности надъ духовностью; послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго общественнаго и моральнаго декаданса, она растворяется въ потокѣ молодыхъ и жизнеспособныхъ народовъ, носящихъ въ себѣ задатки здоровой культуры. Такимъ образомъ, въ конечномъ итогѣ рѣшающимъ моментомъ въ судьбѣ націи является не ея внѣшнее могущество, а духовная сила, качества ея культуры и внутренняя сплоченность ея членовъ.

Политическому или соціальному фазису сопутствуетъ гораздо болѣе высокая и разнообразная культура, чѣмъ первобытному расовому фазису. Ростъ матеріальной культуры здѣсь тѣсно переплетается съ ростомъ духовнаго творчества. Соціальная жизнь обогащаетъ личность идеями и эмоціями альтруистическаго свойства. Религія поднимается на высоту болѣе или менѣе полнаго міросозерцанія. Нравственное сознаніе углубляется, и у вѣроучителей или мудрецовъ оно выливается въ формы ясныхъ этическихъ идеаловъ. Языкъ, прежде орудіе только житейскаго общенія, становится орудіемъ умственнаго общенія, творенія литературныхъ и научныхъ цѣнностей. Члены націи объединяются не только общими интересами, но и общими идеалами, иногда борьбою и страданіями за эти идеалы. Исторія и легенда прославляютъ уже не только героизмъ завоеванія или обороны, но и героизмъ духа, самоотверженную борьбу за высшія цѣнности цивилизаціи, за свободу мысли, вѣры, убѣжденія; онѣ увѣковѣчиваютъ и героизмъ мученичества. Эти историческія традиціи воодушевляютъ рядъ поколѣній и сплачиваютъ народъ могучимъ кольцомъ общихъ симпатій и антипатій [1]). Перво-

[1]) Къ этому высшему моменту національной эволюціи можетъ быть отнесена слѣдующая характеристика *Ренана*: „Нація—это духовный принципъ, результатъ глубокихъ усложненій исторіи, духовная семья... Двѣ вещи, являющіяся въ сущности одною, составляютъ этотъ духовный принципъ: одна въ прошломъ, другая въ будущемъ. Одна—это общее обладаніе богатымъ наслѣдіемъ воспоминаній, другая—общее соглашеніе, желаніе жить вмѣстѣ, продолжать сообща пользоваться доставшимся нераздѣленнымъ наслѣдствомъ... Нація, какъ индивидуумъ, есть результатъ продолжительныхъ усилій, жертвъ и самоотверженности. Героическое прошлое, великіе люди, слава—вотъ главный капиталъ, на которомъ основана національная идея. Имѣть общую славу въ прошломъ, общія желанія въ будущемъ, совершить вмѣстѣ великія дѣла и желать ихъ въ будущемъ—вотъ главныя условія для того, чтобы быть народомъ... Общія страданія объединяютъ больше, чѣмъ общія радости. Въ національныхъ воспоминаніяхъ трауръ имѣетъ большее значеніе, чѣмъ тріумфъ: трауръ налагаетъ обязанности и напрягаетъ общія усилія“ („Что такое нація“, гл. II—III).

бытный расовый субстратъ и цѣпь историческихъ традицій, комбинируясь съ духовными пріобрѣтеніями народа, образуютъ вмѣстѣ широкій фундаментъ *національнаго самосознанія*. Съ этого момента будущность націи главнымъ образомъ зависитъ отъ большей или меньшей силы этого самосознанія, отъ степени закала національнаго характера, отъ крѣпости выработанныхъ вѣками культурно-историческихъ устоевъ и отъ способности народа къ дальнѣйшему самобытному развитію своихъ творческихъ силъ. Могучій инстинктъ національнаго самосохраненія будетъ искать для народа формъ автономнаго развитія и, не найдя ихъ въ политической области, найдетъ въ соціальной или культурной, во всѣхъ доступныхъ народу сферахъ жизни и мысли.

Пробнымъ камнемъ устойчивости національнаго типа можетъ служить утрата политической независимости, обыкновенно считающейся непремѣннымъ условіемъ существованія націи. Если народъ, лишившійся своей государственной самостоятельности, но сохранившій свою территорію внутри чужого государства, все-таки продолжаетъ жить какъ самобытный коллективъ и стремиться къ максимуму внутренней автономіи, возможному при данныхъ условіяхъ,—такой народъ несомнѣнно обладаетъ значительнымъ закаломъ національной воли и запасомъ духовныхъ жизненныхъ силъ. Въ такомъ состояніи многія націи съумѣли долго сохранить свою самобытность, начиная съ Іудеи и Греціи временъ римскаго владычества и кончая Ирландіей и Польшей новѣйшаго времени. Но есть еще одно, болѣе трудное испытаніе національной зрѣлости: это—когда нація лишается не только политической независимости, но и своей территоріи, когда она шкваломъ исторіи оторвана отъ своей физической почвы, разсѣяна по чужимъ странамъ и постепенно утрачиваетъ даже единство языка. Если при такомъ разрывѣ внѣшнихъ національныхъ связей народъ все-таки, въ теченіе многихъ вѣковъ, существуетъ и творитъ самобытно, проявляя упорное стремленіе къ дальнѣйшему автономному развитію,—такой народъ достигъ наивысшей степени культурно-исторической индивидуализаціи и, *при условіи дальнѣйшаго напряженія національной воли*, можетъ считаться неистребимымъ. Исторія знаетъ много примѣровъ исчезновенія націй при утратѣ территоріи и разсѣяніи среди другихъ народовъ, но она знаетъ одинъ примѣръ со-

храненія націи безземельной и разсѣянной. Этотъ *unicum* въ исторіи — еврейскій народъ.

Историческое-ли это чудо? Нѣтъ. Еврейскій народъ прошелъ тѣ же фазисы національнаго развитія, какъ и другіе народы; но, вслѣдствіе своеобразности его исторической судьбы, элементы, образующіе національный типъ, сложились у него въ иныхъ комбинаціяхъ и пропорціяхъ, въ результатѣ чего явилось рѣшительное преобладаніе духовныхъ элементовъ надъ физическими и политическими, преобладаніе неотчуждаемыхъ пріобрѣтеній надъ отчуждаемыми. Бѣглый взглядъ на ходъ еврейской исторіи сейчасъ намъ это докажетъ.

II. *Расовый* элементъ въ развитіи еврейскаго національнаго типа преобладалъ въ до-царскую эпоху нашей исторіи. Изъ нѣсколькихъ скорлупъ семитическаго яйца (терахитовъ, авраамитовъ и др.) вылупливается племенной эмбріонъ номадовъ, подъ именемъ „Бне-Израиль“ или *израильтянъ*. Кочевья Месопотаміи, Палестины, Египта и пустыни Синая накладываютъ свой отпечатокъ на эту группу родственныхъ клановъ или „колѣнъ“. Ея характеръ закаляется не только въ борьбѣ съ природой, но и съ людьми (египетское рабство). Завоеваніе Ханаана даетъ израильтянамъ могучій рычагъ объединенія—постоянную *территорію*. Въ эпоху „судей“ виденъ еще скелетъ расоваго организма: родовой строй управленія, сепаратизмъ колѣнъ; но этотъ скелетъ постепенно обтягивается кожею единой территоріи, и близокъ моментъ *политическаго* объединенія націи. Оно совершается въ эпоху первыхъ царей—Саула, Давида и Соломона. Уже мелькаетъ тѣнь „великодержавства“ въ еврейскомъ государствѣ: является стремленіе къ покоренію сосѣднихъ племенъ, съ цѣлью обезпеченія своихъ границъ. Но роль народа-завоевателя не подъ силу еврейству при тогдашнемъ распредѣленіи политическихъ силъ въ Передней Азіи, наканунѣ выступленія сборныхъ государствъ-великановъ—Ассиріи и Вавилоніи. Не угасшій еще подрасовый сепаратизмъ „колѣнъ“ и споръ ихъ за гегемонію прорываютъ покровъ политическаго единства—и настаетъ время государственнаго дуализма, время двуцарствія израильско-іудейскаго.

Между тѣмъ ростетъ другая объединительная сила—сила своеобразной *духовной культуры*, въ которой религія занимаетъ первое мѣсто. Изъ зародыша племенного монотеизма (съ лозунгомъ: „Іегова—Богъ

Израиля"), отличавшагося отъ окружающаго язычества больше количественно, чѣмъ качественно, выростаетъ постепенно, послѣ ряда колебаній и ошибокъ, идеалъ универсальнаго монотеизма (имя: „Іегова—Богъ человѣчества"), глашатаемъ котораго долженъ быть еврейскій народъ. Вокругъ этого религіознаго ядра образуется система высокихъ соціальныхъ и этическихъ идеаловъ, вторгающихся въ общественную жизнь путемъ страстной пропаганды пророковъ. Профетизмъ, стремясь къ гармоническому сліянію универсальнаго съ національнымъ, ищетъ новыхъ путей для внутренняго укрѣпленія народа. Ростущее могущество хищныхъ великихъ державъ, Ассиріи и Вавилоніи, и грядущая опасность политическаго крушенія маленькаго еврейскаго государства—побуждаютъ пророковъ настаивать на перемѣщеніи центра національной устойчивости изъ области политической въ соціально-духовную. Они говорятъ, что политическая слабость или даже подчиненность не страшны при внутренней духовной сплоченности народа, ибо государство для націи—что скорлупа для ядра; они хотятъ сразу поднять еврейство на высшую ступень національнаго бытія, но они опередили свое время. Въ борьбѣ за національное существованіе долженъ былъ совершиться подборъ: слабые элементы не выдержали напора политической волны и ассимилировались съ окружающими народами (десятиколѣнное царство), болѣе стойкіе уцѣлѣли и медленно, но вѣрно шли по пути образованія духовнаго типа націи.

Этотъ типъ впервые доказалъ свою жизнеспособность въ краткую эпоху вавилонскаго плѣненія, когда іудейскій народъ былъ лишенъ одновременно и политической самостоятельности, и отчасти своей территоріи, а затѣмъ въ долгую эпоху персидскаго и греческаго владычества, когда народу была возвращена территорія безъ политической независимости. Если теократическій режимъ (точнѣе: *іерократическій*—господство священниковъ) этихъ эпохъ былъ еще далекъ отъ высшихъ идеаловъ профетизма, то онъ, во всякомъ случаѣ, опредѣлилъ устойчивость національнаго бытія на двухъ основахъ: соціальной и культурной автономіи. Выросъ и окрѣпъ (послѣ Эзры) „народъ книги", живущій запасами прежняго духовнаго творчества и творящій новыя культурныя цѣнности; кристаллизовалась сплоченная, несмотря на классовыя различія, національная масса—скалистый островокъ въ бурномъ океанѣ на-

родовъ. Къ этому островку тянулись съ магнетической силой осколки еврейской діаспоры, разбросанные по всей Передней Азіи и сѣверной Африкѣ. И когда налетѣлъ новый историческій шквалъ—соблазнительная греческая культура, противъ которой не могли устоять боги и люди Азіи, еврейскій островокъ дрогнулъ, но устоялъ. Наступилъ рѣдкій во всемірной исторіи моментъ, когда въ борьбу вступили не двѣ политическія силы, а двѣ культуры, два міросозерцанія: іудаизмъ и эллинизмъ. Побѣда іудаизма возвратила Іудеѣ на время и политическую самостоятельность, создавъ Хасмонейское царство. Тутъ снова началось—уже въ нѣдрахъ народныхъ массъ—соперничество двухъ принциповъ политической и духовной націи. Цадукеи стояли за преобладаніе внѣшней государственности и милитаризма, фарисеи—за преобладаніе духовной культуры и внутренней автономіи въ національномъ союзѣ [1]). Желѣзная рука Рима помогла торжеству фарисейскаго принципа, помимо воли его творцовъ. Послѣ долгаго политическаго сопротивленія націи, не приведшаго къ цѣли, настала полоса духовнаго сопротивленія, увѣнчавшагося успѣхомъ. Второе паденіе Іудеи не привело къ паденію іудейскаго народа: стволъ разбитаго и разсѣяннаго народа остался на своей почвѣ—въ римской Палестинѣ, возсоздалъ здѣсь общественно-духовный автономный центръ (періодъ патріархата) и даже питалъ далеко раскинутыя вѣтви діаспоры (палестинская гегемонія).

Но исторія готовитъ народу новый трудный экзаменъ по части національной зрѣлости. До сихъ поръ была Палестина плюсъ діаспора; съ начала среднихъ вѣковъ остается діаспора безъ Палестины. Родное территоріальное гнѣздо становится едва замѣтной географической точкой на картѣ трехъ частей свѣта, гдѣ разбросано еврейство. Безгосударственная нація становится и безземельною. Потокъ великаго переселенія народовъ, политическія завоеванія ислама на Востокѣ и христіанства на Западѣ—все болѣе дробятъ и разбрасываютъ еврейскую діаспору. Можетъ-ли жить этотъ географически раздробленный національный организмъ? Можетъ!—властно отвѣчаетъ исторія и продолжаетъ свое дѣло. Наступаетъ полоса *гегемоническихъ центровъ*.

Въ мѣстахъ значительнаго скопленія евреевъ образуются центры

---

[1]) Ср. мою „Всеобщую исторію евреевъ", кн. I, стр. 146—155. (Спб. 1903).

накопленія національно-духовной энергіи, резервуары живыхъ культурныхъ силъ, и къ этимъ центрамъ тяготѣютъ меньшія части діаспоры. Такъ возникли и развивались великія еврейскія гегемоніи Вавилоніи (V—XI в.), Испаніи (XI—XV г.), Германіи и Польши (XVI—XVIII в.). Въ каждомъ изъ этихъ центровъ вырабатываются автономныя общинныя организаціи, охватывающія многія области соціальной и культурной жизни народа (экзилархатъ и гаонатъ въ Вавилоніи, *Aljama* въ Испаніи, кагалы и союзы кагаловъ съ центральными органами или *waadim* въ Польшѣ). Въ различныхъ странахъ внутренняя общинная автономія евреевъ сохраняется даже въ эпохи полнаго гражданскаго безправія. Вездѣ народъ, лишенный географическихъ границъ, окружаетъ себя духовными кордонами, дисциплинируетъ своихъ членовъ опредѣленнымъ кодексомъ—религіознымъ, этическимъ, бытовымъ; лишенный самостоятельнаго государственнаго управленія, онъ создаетъ себѣ и съ неимовѣрными усиліями поддерживаетъ *суррогатъ государственности*: свою внутреннюю соціально-культурную автономію, свое общинное самоуправленіе. Бывали, конечно, въ теченіе этихъ пятнадцати вѣковъ разные періоды: періоды застоя и движенія, періоды господства охранительныхъ и прогрессивныхъ началъ, періоды односторонняго развитія и разносторонняго; но въ общемъ итогѣ народъ жилъ и развивался, какъ единое цѣлое во всей діаспорѣ, какъ самобытная національная личность.

Чѣмъ же въ сущности держалась безгосударственная, безземельная и разсѣянная нація въ теченіе этого ряда вѣковъ? Библейскимъ іудаизмомъ, дисциплиной Талмуда и раввинизма, обособленностью гетто, внутренней автономіей, мессіанской вѣрой въ политическое возрожденіе? Да, но все это—лишь формы проявленія національнаго бытія, формы непостоянныя, измѣнчивыя въ процессѣ исторіи. Первооснова же жизненности еврейскаго народа въ томъ, что онъ, прошедши расовый, первично-культурный и территоріально-политическій фазисы національности, успѣлъ уже утвердиться въ высшемъ фазисѣ—духовномъ или культурно-историческомъ, успѣлъ консолидироваться, какъ духовная нація, живущая въ силу стихійной или сознательной „воли къ жизни“. А успѣлъ потому, что въ комбинаціи силъ, образовавшихъ еврейскую національность, физическіе, политическіе и матеріально-культурные эле-

менты сочетались съ большей дозой духовно-культурныхъ элементовъ, чѣмъ у другихъ народовъ. Интенсивностью духовныхъ факторовъ здѣсь постоянно возмѣщалась убыль политическихъ, какъ возмѣщается, напримѣръ, убыль зрѣнія у слѣпыхъ пропорціональнымъ изощреніемъ осязанія или слуха. Процессъ наслѣдственности укрѣплялъ въ длинномъ рядѣ поколѣній своеобразныя черты, эмоціи, историческія наклонности, слѣды всего пережитаго и выстраданнаго. Углублялась коллективная индивидуальность, увеличивалась сопротивляемость обезличивающему вліянію инородной среды, вырабатывались способы борьбы за народное существованіе при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ. Были въ этой многовѣковой борьбѣ моменты опасные и критическіе, моменты остраго *національнаго подбора*, когда слабыя части націи отпадали, ассимилируясь съ другими народами (въ той или другой степени, этотъ подборъ—*постоянное* явленіе въ еврейской исторіи),—но въ результатѣ оставалось здоровое ядро націи, крѣпкое своею унаслѣдованною энергіей и высокимъ напряженіемъ національной воли.

Ибо народъ есть одновременно производитель своей исторіи и произведеніе ея. Онъ творитъ свою культуру въ каждый отдѣльный моментъ, и является продуктомъ этого творчества въ совокупности моментовъ—въ исторіи. Такъ какъ нація есть не только сумма индивидовъ, но и сумма поколѣній, сумма не только одновременно, но и послѣдовательно существующихъ группъ,—то въ ней дѣйствуетъ, „за порогомъ сознанія“, сила наслѣдственности, равнодѣйствующая различныхъ историческихъ переживаній, направляющая жизнь націи и соперничающая съ вліяніями внѣшней среды. Въ живой націи всегда есть взаимодѣйствіе двухъ силъ: *накопленія* культуры и *накопленной* культуры, труда даннаго поколѣнія и культурнаго капитала или орудій производства прежнихъ поколѣній. Изъ этого взаимодѣйствія выковывается народная индивидуальность. Въ рядѣ поколѣній наростаетъ національная типичность, кладущая отпечатокъ на жизнь индивида, и она наростала-бы безгранично, если-бы въ каждую эпоху доля ея не стиралась отъ необходимости приспособленія къ международной средѣ. Тамъ, гдѣ накопленіе самобытности возмѣщаетъ убыль ея, нація жизнеспособна; въ противномъ случаѣ она идетъ къ вымиранію путемъ ассимиляціи и затѣмъ растворенія среди другихъ народовъ. При наличности у даннаго народа такихъ

изоляторовъ, какъ собственныя территорія и государство, свой языкъ, школа и другія культурныя учрежденія,—самобытное развитіе его обезпечено даже при слабо выраженной народной индивидуальности. Отсутствіе же или слабость этихъ внѣшнихъ предохранителей національнаго типа могутъ быть возмѣщены только усиленіемъ *внутреннихъ предохранителей*, а именно напряженіемъ національной воли въ сторону автономнаго культурнаго развитія и энергичнымъ отпоромъ ассимилирующимъ воздѣйствіямъ окружающей среды, — процессъ, особенно характерный для исторіи еврейскаго народа въ діаспорѣ.

III. Что же, въ итогѣ, является вѣрнѣйшимъ признакомъ національности? Тутъ мы подходимъ къ вопросу, который и въ соціальной наукѣ и на практикѣ возбуждалъ до послѣдняго времени самые оживленные споры, до сихъ поръ еще не совсѣмъ улаженные. Не останавливаясь пока на деталяхъ этихъ разногласій, я только установлю здѣсь одно наблюденіе: въ научныхъ опредѣленіяхъ „націи“ замѣчается тотъ-же переходъ отъ физическихъ признаковъ къ духовнымъ, какъ въ самомъ процессѣ историческаго образованія націй, выше охарактеризованномъ. Философы старой школы опредѣляли національность только какъ продуктъ расы, почвы и климата; правовѣды и политики новаго времени часто отождествляли понятія „народъ“ и „государство“. Они брали за образецъ упрощенный типъ одноплеменнаго государства, а въ разноплеменномъ обрекали національное меньшинство на сліяніе съ господствующимъ большинствомъ (такой взглядъ существовалъ въ эпоху великой французской революціи и еще долго держался въ наукѣ права); болѣе либеральные политики снисходительно признавали право на культурную автономію за націями политически-зависимыми, но не утратившими своей территоріи и языка. Только въ послѣднее время все болѣе устанавливается взглядъ на націю, какъ на *культурно-историческую группу*, которая независимо отъ того, сохранила-ли она изъ прошлаго или утратила (частію или вполнѣ) свои внѣшніе аттрибуты — расовый типъ, территорію, государственность или языкъ,—въ настоящемъ *сознаетъ себя* націей, въ силу всей совокупности своей прежней самобытной эволюціи, и проявляетъ опредѣленное стремленіе продолжать эту эволюцію въ будущемъ. *Объективные признаки національности* все болѣе

уступаютъ мѣсто въ научныхъ опредѣленіяхъ субъективнымъ признакамъ [1]).

Вслѣдъ за соціологами-философами, и юристы-политики должны будутъ придти къ единогласному заключенію, что именно субъективные или духовные факторы національнаго типа являются вѣнцомъ его эволюціи, что всѣ матеріальные факторы суть только ступени, ведущія къ этой вершинѣ: къ выработкѣ стойкой, сознающей себя національной личности. Подобно тому, какъ въ обыкновенной семьѣ духовная общность является на высшихъ ступеняхъ культуры болѣе важнымъ факторомъ, чѣмъ кровное родство (бываютъ случаи распада семьи вслѣдствіе рѣзкаго расхожденія ея членовъ въ нравственныхъ или идейныхъ стремленіяхъ),

---

[1]) *Фихте* въ своихъ „Рѣчахъ къ нѣмецкому народу“ впервые выдвинулъ духовный элементъ національнаго типа, хотя и не выдѣлялъ его изъ территоріально-политическихъ элементовъ, сливая гражданское понятіе „патріотизма“ съ психическимъ „націонализма“. *Ренанъ* („Что такое нація?“) яснѣе подчеркнулъ элементъ субъективной воли въ національномъ сознаніи и сдѣлалъ мѣткое, наиболѣе подходящее къ еврейству, замѣчаніе, что въ суммѣ пережитыхъ историческихъ впечатлѣній, объединяющихъ націю, страданія имѣютъ большую объединительную силу, чѣмъ счастливые моменты (см. выше, пр.). *Фулье* заканчиваетъ свое изслѣдованіе „Факторы національнаго характера“ слѣдующимъ выводомъ: „Народъ прежде всего есть совокупность людей, которые сами разсматриваютъ себя какъ народъ,—духовное созданіе тѣхъ, которые безпрерывно создаютъ его; *его сущность въ его сознаніи*“.

Самоновѣйшій выводъ ученаго, посвятившаго себя изслѣдованію національнаго вопроса—*Шпрингера*, гласитъ: „Національность есть духовное и культурное сообщество“, принадлежность къ которому устанавливается волею и соотвѣтственнымъ заявленіемъ даннаго лица („Государство и нація“, рус. изд. Од. 1906 г., стр. 14). Позднѣйшее опредѣленіе Шпрингера въ его большомъ трудѣ („Der Kampf der Oesterreichischen Nationen um den Staat“, 1902, § 8; переводъ въ журналѣ „Еврейская Жизнь“ 1906, съ кн. II), что „нація есть союзъ *одинаково мыслящихъ и говорящихъ лицъ*, культурное сообщество современныхъ людей, не связанное болѣе съ почвой“, кажется мнѣ неудачнымъ въ первой своей половинѣ, ибо „одинаковость мышленія“—постулатъ слишкомъ смѣлый, а общность языка—слишкомъ ограничивающій, подобно отвергнутому Шпрингеромъ территоріальному признаку. Странно, что самъ Шпрингеръ не замѣтилъ рѣзкаго противорѣчія этого опредѣленія со своимъ же категорическимъ заявленіемъ въ названной брошюрѣ, изданной тремя годами раньше: „Какой еще другой признакъ принадлежности къ духовному и культурному обществу можетъ существовать, кромѣ сознанія этой принадлежности? Конечно, не „родной языкъ“: Шамиссо, напримѣръ, духовно и культурно принадлежалъ нѣмецкой націи. Такъ же мало подходитъ и „разговорный языкъ“: итальянскій эмигрантъ въ Лондонѣ остается итальянцемъ, хотя онъ обыкновенно и говоритъ по англійски“ („Госуд. и нація“, стр. 14).

такъ и въ національной семьѣ высшаго типа главнымъ связующимъ звеномъ служитъ общность духовно-культурныхъ стремленій [1]).

Въ борьбѣ современныхъ народовъ либо за политическую независимость, либо за областную автономію — развѣ не самымъ важнымъ стимуломъ является забота о сохраненіи и свободномъ развитіи своихъ культурныхъ цѣнностей, своей исторической индивидуальности? Когда Германія въ началѣ XIX в. боролась противъ верховенства Наполеона I, а позже Италія—противъ владычества австрійцевъ, то борьба вызывалась фактомъ иноземнаго владычества, какъ символомъ вторженія въ нѣмецкую и итальянскую жизнь чужой національной культуры. Во всѣхъ освободительныхъ движеніяхъ націй, въ протестахъ противъ внѣшняго политическаго гнета, сказывается неодолимый инстинктъ народной индивидуальности, требующей для себя свободнаго духовнаго развитія, „культурнаго самоопредѣленія". Здѣсь для сохраненія драгоцѣннаго ядра—индивидуальной свободы націй—его стремятся покрыть бронею территоріальной или политической независимости. Но бываютъ случаи, когда нація вынуждена обходиться безъ этой *предохранительной оболочки* политической и даже областной автономіи; такая нація ведетъ борьбу за свою соціально-культурную автономію тѣми средствами, какія оста-

---

[1]) Желая научно поразить антисемитизмъ, Ренанъ въ своей лекціи „Еврейство какъ раса" (1883) доказывалъ смѣшанный характеръ еврейскаго *расоваго* типа. Считая его доводы преувеличенными и полагая, что во всякомъ случаѣ еврейство представляетъ собою *относительно* наиболѣе чистый расовый типъ изъ всѣхъ существующихъ,—я не вижу въ теоріи Ренана никакого основанія для оспариванія еврейскаго *національнаго* типа. Еврей-націоналистъ можетъ смѣло подписаться подъ слѣдующимъ выводомъ Ренана въ той же лекціи: „Въ вопросѣ о національностяхъ мы отводимъ расовому началу второстепенное мѣсто. Этнографическій элементъ, столь важный на зарѣ исторіи, постепенно теряетъ свое значеніе по мѣрѣ развитія цивилизаціи". И напрасно самъ Ренанъ и аплодировавшіе ему французско-еврейскіе ассимиляторы сдѣлали изъ факта второстепенности расоваго элемента выводъ о неизбѣжности для евреевъ „ассимилироваться съ различными націями". Они забыли о той колоссальной культурно-исторической надстройкѣ надъ расовымъ субстратомъ, которая образуетъ національность и поддерживаетъ ее именно „по мѣрѣ развитія цивилизаціи".

Яркой иллюстраціей этому служитъ національное отчужденіе караимовъ отъ еврейства, послѣдовавшее за ихъ религіознымъ отпаденіемъ. Членъ еврейской семьи сталъ намъ чуждъ послѣ его рѣзкаго уклоненія отъ нашей исторической эволюціи. Кровная связь порвалась, какъ только исчезла связь духовная.

вила въ ея распоряженіи ея предыдущая историческая эволюція. Насчетъ утраченныхъ внѣшнихъ аттрибутовъ національности она усиливаетъ и напрягаетъ внутренніе: самосознаніе, коллективную волю, солидарность стремленій, направленныхъ къ поддержанію своихъ автономныхъ организацій и учрежденій, своего языка, школы, литературы. И если эта борьба ведется съ успѣхомъ въ теченіе долгаго періода, то можно предсказать успѣшность ея и въ будущемъ, при условіи, что все будетъ дѣлаться для дальнѣйшаго питанія и напряженія національной энергіи.

Послѣ всего сказаннаго становится яснымъ, какъ велико заблужденіе тѣхъ—своихъ и чужихъ, которые отказывали и отказываютъ еврейству діаспоры въ правѣ называться „націей“ на томъ основаніи, что ему недостаетъ нѣкоторыхъ внѣшнихъ аттрибутовъ націи, утраченныхъ имъ или ослабленныхъ на его долгомъ историческомъ пути (при пропорціональномъ усиленіи духовныхъ аттрибутовъ). Нужно совершенно не понимать внутренней природы національнаго „я“ и процесса его образованія, чтобы отказать въ званіи „націи“ древнѣйшему историческому коллективу, представляющему собою въ послѣднія два тысячелѣтія *квинтъ-эссенцію націи*, націю самой чистой духовной пробы, съ наименьшей примѣсью сторонніхъ ингредіентовъ, которые близорукими людьми принимаются за чистое золото народной самобытности.

Отрицаніе своей „національности“ въ еврейской средѣ исходитъ изъ двухъ противоположныхъ круговъ: ортодоксальнаго и свободомыслящаго. Такъ какъ въ теченіе тысячелѣтій во всѣхъ сферахъ еврейской жизни господствовалъ религіозный абсолютизмъ, то вѣрующая масса сжилась съ мыслью, что еврейство—не нація въ обыкновенномъ смыслѣ, а только религіозная община, управляемая священными преданіями или законами, охватывающими всю личную и общественную жизнь индивида. Эта безсознательная масса видитъ въ каждый данный моментъ лишь готовый результатъ еврейской исторической эволюціи, но не замѣчаетъ преемственности всѣхъ ея моментовъ. Она не знаетъ, что въ сферу религіи постепенно искусственно втягивались всѣ древніе національные институты еврейскаго народа: историческіе праздники, обычаи и нравы, нормы права, общественныя учрежденія, весь строй уцѣлѣвшаго въ діаспорѣ внутренняго самоуправленія. Принимая окраску

за сущность, масса такъ слила „національное“ съ „религіознымъ“, что первое потонуло въ послѣднемъ,—потонуло, но не исчезло. Ибо въ сущности точку зрѣнія ортодоксальной массы можно формулировать такъ: „Еврейство—*религіозная нація*; члены ея связаны между собою силою религіознаго императива или обрядовой дисциплины, и всякій серьезный нарушитель этой дисциплины выходитъ изъ народнаго союза“. Такая точка зрѣнія по существу не противорѣчитъ понятію „духовной (или культурной) націи“: она только невѣрно отождествляетъ термины „духовный“ и „культурный“ съ „религіознымъ“. Это—узость кругозора, окрашеннаго въ одинъ цвѣтъ; это—привычка некритикующаго ума видѣть разъ навсегда установленную окаменѣлую традицію тамъ, гдѣ была живая творческая эволюція. Предоставимъ вѣрующей массѣ до поры до времени думать, что еврейская національность и религіозность одно и то же: въ этой наивной мысли—тайна необычайной стойкости массоваго еврея. Пусть онъ приписываетъ религіи то, что относится ко всей накопленной культурѣ еврейской націи; пусть довольствуется одностороннимъ сознаніемъ, пока ему недоступно полное, основанное на анализѣ и критикѣ. Настанетъ очередь и для послѣдняго. И консервативный умъ замѣтитъ, что многіе свободомыслящіе евреи, нарушая строгую религіозно-обрядовую дисциплину все-таки остаются вѣрными, самоотверженными сынами своего народа, что они не только не выходятъ изъ народнаго союза, но всѣми силами стремятся къ его укрѣпленію. Это уже толчекъ къ анализу. Человѣкъ начнетъ отдѣлять національное отъ религіознаго, а знакомство съ научной исторіей откроетъ ему причину смѣшенія этихъ понятій. И тогда въ болѣе широкихъ кругахъ массы начнется тотъ процессъ *секуляризаціи національной идеи*, который въ новѣйшее время совершается въ значительной части нашего свободомыслящаго общества,—въ значительной части, но далеко не во всемъ обществѣ, какъ сейчасъ увидимъ.

Въ то время какъ старо-ортодоксальная масса видитъ въ еврействѣ фактически религіозную *націю* и въ силу авторитета вѣры не допускаетъ сліянія его съ другими народами,—ассимилированная интеллигенція (включая сюда и свободомыслящихъ, и нео-ортодоксовъ Запада) видитъ въ еврействѣ только религіозную *группу*, синагогальный союзъ, не связывающій своихъ членовъ никакой дисциплиной въ національномъ

отношеніи. Еврей—по этой теоріи—можетъ входить въ составъ окружающихъ его націй, оставаясь только членомъ союза своихъ „единовѣрцевъ“. Онъ можетъ стать, напримѣръ, нѣмцемъ-іудеемъ, какъ есть нѣмцы-протестанты и нѣмцы-католики. Правильнымъ выводомъ отсюда было бы признаніе религіозно-свободомыслящаго или невѣрующаго еврея выбывшимъ изъ „союза единовѣрцевъ“; но этотъ выводъ обыкновенно маскируется, дабы не подорвать послѣдняго устоя еврейскаго „единства“ и... не довести всей теоріи до абсурда. Въ слѣдующемъ письмѣ я дольше остановлюсь на характеристикѣ этой теоріи, еще недавно сильной, а нынѣ хромающей отъ нанесенныхъ ей ударовъ. Здѣсь укажу только, что она противорѣчитъ и традиціонному представленію ряда поколѣній о несливающейся „религіозной націи“, и научному воззрѣнію о несливающейся „духовной (культурной) націи“. Это—не выводъ вѣры и не выводъ науки, а измышленіе либо наивныхъ идеологовъ, либо разсчетливыхъ практиковъ, оправдывающихъ искусственной доктриной желаніе приспособиться къ внѣшней средѣ съ наибольшей для себя и потомства выгодой [1]). Тутъ повторяется процессъ національнаго подбора или выдѣленія національно-слабыхъ элементовъ, не выдерживающихъ давленія окружающей среды.

Естественное стремленіе къ секуляризаціи еврейской національной идеи можетъ вызвать другую крайность. Если ортодоксы говорятъ: „іудаизмъ—единственная основа нашей національности“, то свободомыслящіе могутъ сказать: „іудаизмъ вовсе не обусловливаетъ національности, которая можетъ существовать и безъ него, въ силу

---

[1]) Сторонники ассимиляціи обыкновенно называютъ своимъ родоначальникомъ Моисея Мендельсона, а противники ея на этомъ основаніи предаютъ великаго мыслителя анаѳемѣ. Это—крупная историческая ошибка, къ сожалѣнію, глубоко укоренившаяся въ нашей публицистикѣ со временъ Смоленскаго. Мендельсонъ, правда, не считалъ евреевъ секуляризованной культурной націей; онъ, такъ смѣло боровшійся за отдѣленіе государства отъ церкви, не допускалъ отдѣленія національности отъ синагоги. Но вмѣстѣ съ тѣмъ не онъ былъ творцомъ лозунга: еврейство—религіозная группа, могущая національно сливаться. Мендельсонъ (какъ это доказываетъ его философія исторіи въ „Іерусалимѣ“ и вся его жизнь) стоялъ на традиціонной точкѣ зрѣнія, что еврейство—религіозная *нація*, не могущая сливаться ни съ какими народами; онъ только прибавилъ, въ отличіе отъ старыхъ ортодоксовъ, что при успѣхахъ просвѣщенія евреи могутъ сближаться съ окружающими народами въ области *гражданской* жизни.

только психической наслѣдственности и культурно-историческихъ факторовъ". На практикѣ послѣднее мнѣніе сводилось бы къ признанію религіознаго ренегатства: еврей могъ бы даже отречься отъ іудаизма ради другой религіи—и все таки оставаться евреемъ по національности. Это, конечно, было бы опаснѣйшимъ заблужденіемъ. Стремясь къ секуляризаціи національной идеи, къ отдѣленію ея отъ религіи, мы только желаемъ, чтобы религія *не господствовала*, а не чтобы она была совершенно изъята изъ духовнаго капитала націи. Отстаивая существованіе еврейства, какъ культурно-историческаго типа, мы не должны забывать, что іудаизмъ есть одна изъ важнѣйшихъ составныхъ частей этой національной культуры, и устранить его — значитъ подкопать подъ собою часть фундамента. Различіе между нами и ортодоксами въ томъ, что они признаютъ *традиціонный* іудаизмъ, какъ нѣчто разъ навсегда установленное въ своихъ формахъ, а мы признаемъ іудаизмъ *эволюціонный*, мѣнявшій и мѣняющій формы, непрерывно приспособляющійся къ условіямъ новой культуры; они признаютъ непререкаемую догму, мы—живое творчество. Меня спросятъ: а что же дѣлать тѣмъ, которые по убѣжденіямъ вовсе не признаютъ религіи вообще или еврейской религіи въ частности? Вопросъ этотъ заслуживаетъ особаго вниманія.

Дѣло въ томъ, что историческій іудаизмъ не есть, подобно христіанству или исламу, только религія: это—цѣлая полоса культуры. Вслѣдствіе своеобразныхъ историческихъ условій, втянувшихъ всю жизнь еврейскаго народа въ сферу религіознаго авторитета, іудаизмъ сдѣлался всеобъемлющимъ міросозерцаніемъ, куда входятъ элементы религіозные, этическіе, общественные, мессіанскіе, политическіе, философскіе. Въ каждой изъ этихъ областей исторія нагромоздила рядъ разнородныхъ наслоеній. Библія, Талмудъ, раввинизмъ,—обрядовый, раціоналистическій и мистическій—не только составныя части, но и этапы іудаизма. Іудаизмъ такъ широкъ и многообразенъ, что почти всякій можетъ взять изъ него то, что соотвѣтствуетъ его завѣтнымъ убѣжденіямъ. Правовѣрный еврей признаетъ всѣ догмы и обряды іудаизма такъ, какъ они сложились вѣками и отвердѣли въ послѣднихъ раввинскихъ кодексахъ. Еврей реформированный отбрасываетъ раввинскія и даже талмудическія предписанія, признавая лишь корен-

ные догматы и историческіе обряды „мозаизма“. Сторонники богословскаго раціонализма находятъ удовлетвореніе въ нашей разнообразной религіозной философіи среднихъ вѣковъ. Свободомыслящій еврей, вовсе не признающій догмъ, можетъ найти высокое этическое и соціальное міросозерцаніе въ ученіи библейскихъ пророковъ. *Профетизмъ* съ его универсальными идеалами имѣетъ всѣ задатки, чтобы стать „религіей будущаго“, этикою свободнаго общества [1]). Тѣ, которые цѣнятъ въ религіи преимущественно поэтическую ея сторону, найдутъ въ библейскомъ и средневѣковомъ іудаизмѣ глубокую и трогательную поэзію, способную очаровать душу. Сторонники мистицизма найдутъ огромныя залежи его въ каббалѣ, а еще больше въ хасидизмѣ—„религіи сердца“. Вообще, можно быть евреемъ по пророкамъ или Талмуду, по Маймониду или „Шулханъ-Аруху“, по Мендельсону или Бешту, даже по Спинозѣ и Гейгеру (если бы только послѣдніе двое дошли до признанія еврейской національной идеи въ современномъ смыслѣ [2]).

Наконецъ, и тѣ евреи, которымъ чуждо религіозное міросозерцаніе въ какой бы то ни было формѣ, будутъ болѣе склонны оставаться подъ знаменемъ іудаизма, чѣмъ переходить подъ чужое религіозное знамя. Такіе люди, если они только искренни и неспособны торговать совѣстью, не могутъ *по убѣжденію* измѣнить вѣрѣ отцовъ въ пользу другой, ибо если іудейская догматика, столь близкая къ раціонализму, ихъ не удовлетворяетъ, то ихъ подавно не удовлетворятъ мистическая догматика и символика христіанства. Еще Дидро сказалъ, что нуть сомнѣнія ведетъ отъ христіанства къ іудаизму и отъ послѣдняго къ философскому деизму. За этическими же идеалами человѣкъ скептическаго склада скорѣе обратится къ ясному жизненному ученію библейскихъ пророковъ, чѣмъ къ евангельскому „ученію не отъ міра сего“. Слѣдовательно, невѣрующій еврей можетъ либо номинально числиться

---

[1]) Попытку въ этомъ родѣ сдѣлалъ даровитый оріенталистъ *Джемсъ Дармстетеръ*—въ своемъ очеркѣ „Les Prophètes d'Israel“ (Paris, 1892). Ср. переводъ этого очерка и введеніе переводчика въ „Книжкахъ Восхода“ 1904 г., V'II—V'III.

[2]) Я допускаю, что Спиноза не отдалился-бы отъ своихъ соплеменниковъ, если-бы историческое размышленіе привело его и амстердамцевъ къ убѣжденію, что можно быть національнымъ евреемъ, не будучи правовѣрнымъ въ традиціонномъ смыслѣ. Но XV'II вѣкъ еще не созрѣлъ для секуляризаціи еврейской національной идеи.

въ рядахъ послѣдователей іудаизма, за неимѣніемъ другой религіи, болѣе отвѣчающей свободнымъ философскимъ воззрѣніямъ, либо успокоить свою совѣсть причисленіемъ себя къ разряду „Confessionslose“ (не признающихъ никакого вѣроисповѣданія), но во всякомъ случаѣ не можетъ по чистой совѣсти приписаться къ чужой церкви. Невѣріе не отрываетъ еврея отъ его народа, если только онъ не признаетъ національной ассимиляціи; но офиціальный переходъ въ другую вѣру означаетъ *фактически*, при положеніи діаспоры, выходъ изъ еврейской націи, если не для самого ренегата, то для его потомства, которое должно и по національности слиться съ окружающимъ нееврейскимъ населеніемъ. Въ душѣ иной крещеный еврей можетъ считать себя „христіаниномъ еврейской національности“, но на дѣлѣ онъ уже отъ послѣдней отрѣзанъ. Исключеніе составляли въ прошломъ марраны, которые подъ навязанною маскою христіанства исповѣдывали іудейство и въ этомъ духѣ воспитывали своихъ дѣтей. Вообще, еврей можетъ быть „іудеемъ“ по религіи активно или пассивно, реально или номинально; онъ даже можетъ быть нулевымъ или „безъисповѣднымъ“,— но отреченіе отъ іудейства при *формальномъ* переходѣ въ христіанство уже равносильно выходу изъ еврейской націи [1]).

Въ своихъ „Историческихъ письмахъ“ Лавровъ (Миртовъ) разбираетъ вопросъ: вѣрна-ли мысль, что та или другая историческая національность проводитъ въ общемъ прогрессѣ человѣчества свою опредѣленную идею,—точнѣе говоря: есть-ли такая типичная національная идея, которая „не ограничивается одною эпохою, а связываетъ всѣ эпохи національной жизни“? Авторъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ отрицательно, и въ доказательство ссылается на примѣры двухъ „безспорно историческихъ національностей“ — евреевъ и французовъ. Отно-

[1]) На этомъ основаніи я не вижу повода къ оптимизму въ обошедшемъ недавно прессу примѣрѣ трагически погибшаго члена Государственной Думы М. Я. Герценштейна, который и послѣ крещенія—если вѣрить газетнымъ сообщеніямъ — обозначалъ себя въ регистраціи „православный (христіанинъ) *еврейской національности*“. Тутъ послѣдній эпитетъ обозначалъ только фактъ прошлаго, а не настоящаго, фактъ еврейскаго *происхожденія* депутата, а не дѣйствительной его принадлежности къ еврейской націи, какъ самобытной общественно-культурной организаціи. Герценштейнъ не могъ и не желалъ бы быть членомъ не только еврейской религіозной общины, но и той „національной общины“, которая должна сдѣлаться единицей нашего самоуправленія.

сительно евреевъ онъ говоритъ: „Евреи, несмотря на свою малочисленность, играли историческую роль въ древности; они играли также историческую роль въ средневѣковой Европѣ; они и въ наше время не лишены историческаго значенія, такъ что нѣкоторые писатели связывали революціонныя потрясенія Германіи въ концѣ сороковыхъ годовъ (19-го вѣка) съ вліяніемъ на германское общество многочисленныхъ евреевъ, живущихъ въ его средѣ. Имена евреевъ-соціалистовъ достаточно неизгладимо вписаны какъ въ лѣтописи науки, такъ и въ лѣтописи соціальнаго волненія всего періода, затѣмъ слѣдовавшаго, чтобы возможно было отрицать ихъ вліяніе, которое едва-ли дозволительно вполнѣ обособить отъ ихъ національности. Само антисемитическое движеніе послѣдняго десятилѣтія представляетъ въ патологической формѣ признаніе врагами евреевъ, что послѣдніе, въ своемъ обособленномъ цѣломъ, составляютъ общественную силу, такъ или иначе вліяющую на самыя существенныя функціи современнаго общества.—Но неужели на минуту можно допустить, что одну и ту же идею представляли въ исторіи пророки временъ перваго паденія Іерусалима, средневѣковые каббалисты, талмудисты, переводчики Аверроэса и современники Гейне, Ротшильда, Мейербера, Маркса и Лассаля? Между тѣмъ, едва-ли есть національность, гдѣ обособленіе и сила традиціи были значительнѣе, чѣмъ у евреевъ“. Отмѣчая ту же пестроту культурныхъ наслоеній во французской исторіи, авторъ приходитъ къ заключенію: „Общей идеи, проникающей всю исторію какой-либо націи, не оказывается“, а бываетъ только *временная* гегемонія данной націи въ области той или другой идеи [1]).

Я вовсе не намѣренъ оспаривать этотъ общій выводъ, тѣмъ болѣе, что самъ выше призналъ разнородность наслоеній въ еврейской культурѣ и въ той широкой полосѣ ея, которая называется іудаизмомъ. Я далекъ отъ теоріи предначертанныхъ національныхъ „миссій“ и отъ закрѣпленія „національнаго духа“ за одной какой-нибудь опредѣленной формой. Это, съ одной стороны, значило бы пускаться въ область исторической метафизики, а съ другой—соперничать съ тѣми идеологами реакціи, которые пригвождаютъ „національный духъ“ къ той или

[1]) *Историческія письма*, глава: „Національности въ исторіи“, стр. 197—205 (2-е изд. „Русск. Бог.“ Спб. 1905).

другой излюбленной идеѣ—религіозной, соціальной или государственной. Устрашающимъ примѣромъ такого метода могли бы служить теорія славянофиловъ и практика ихъ выродившихся преемниковъ, столповъ россійской автократіи. Я совершенно согласенъ съ г. Струве, что „всякое стремленіе связать принципіально и навсегда какое-нибудь опредѣленное содержаніе съ формой національнаго духа теоретически означаетъ превращеніе его изъ формы текучаго по своему содержанію процесса въ застывшую сущность, съ разъ навсегда даннымъ содержаніемъ“, и что „національный духъ созидается въ вѣчно-творческомъ процессѣ народной жизни“ [1]). Все это, однако, вовсе не исключаетъ установленія апостеріорнымъ путемъ какой-либо черты или чертъ, характеризующихъ исторію данной націи. Въ эволюціи еврейства, напримѣръ, нѣтъ единой, всѣ эпохи проникающей *идеи*, но есть постоянно присущая этой эволюціи *идейность*: непрерывное духовное творчество въ той или другой области, правильное чередованіе умственныхъ направленій въ связи съ общими идеями вѣка. Имѣть въ своей многовѣковой исторіи постоянный оборотный капиталъ идей, вести свою непрерывную линію культуры, безъ пробѣловъ варварства —это уже черта, не часто встрѣчающаяся даже у народовъ, достигшихъ высокихъ ступеней цивилизаціи. И я думаю, что народъ имѣетъ право указывать на свое значеніе въ прошломъ, на свои міровыя заслуги, на свой вкладъ въ исторію человѣчества — для оправданія своего права на автономное національное существованіе. И еврейскій народъ можетъ сослаться на все это — пожалуй съ большимъ основаніемъ, чѣмъ всякій другой. Этой ссылки достаточно, чтобы вызвать краску стыда на лицахъ тѣхъ, которые дерзаютъ утверждать, что ветеранъ исторіи, на глазахъ котораго прошла отъ варварства къ цивилизаціи вся Европа, который бросилъ человѣчеству на ходу двѣ міровыя религіи и гордо пошелъ дальше своей дорогой,—что этотъ народъ можетъ и долженъ утратить свою индивидуальность, ассимилируясь съ націями менѣе продолжительной и менѣе испытанной культуры. Такому постыдному требованію національная еврейская интелигенція должна противопоставить не претензію на какую либо особую „миссію“ еврейства,

[1]) *П. Струве.* На разныя темы, ст. „Въ чемъ же истинный націонализмъ“? стр. 533, 535 (Спб. 1902).

а категорическую волю народа, желающаго продолжать свою самобытную историческую эволюцію при потребныхъ для этого автономныхъ общественныхъ и культурныхъ условіяхъ.

Итакъ, не прикрѣпляя еврейской національной идеи ни къ провиденціальной миссіи, ни къ традиціоннымъ формамъ іудаизма, мы только связываемъ ее со свободою дальнѣйшаго роста народа на своей духовной почвѣ. Не съ разъ навсегда установленной, а съ непрерывно развивающейся автономной культурой связываемъ мы будущность еврейства; *автономная* же культура будетъ непремѣнно *національной*, т. е. продолженіемъ и усовершенствованіемъ того, что выработано народомъ въ теченіе всей его предыдущей исторической жизни.

IV. Противъ еврейскаго націонализма выдвигаютъ обыкновенно тѣ возраженія, которыя принято выставлять противъ націонализма вообще, какъ явленія якобы противорѣчащаго высшимъ началамъ соціальнаго прогресса. Приходится, къ сожалѣнію, опровергать эти возраженія, основанныя на грубомъ смѣшеніи понятій не только разнородныхъ, но и рѣзко противоположныхъ. Предубѣжденіе противъ національнаго принципа обыкновенно объясняется не истиннымъ пониманіемъ его сущности, а извращеніемъ ея. Существуютъ двѣ формы націонализма: 1) *національный индивидуализмъ* и 2) *національный эгоизмъ*. Національный индивидуализмъ, историческія и психологическія основы котораго выше разъяснены, есть стремленіе народа къ сохраненію и развитію своей самобытности и той внутренней или внѣшней, культурной или политической, автономіи, которая обезпечиваетъ эту свободу самобытнаго развитія. Это — великое и плодотворное стремленіе національнаго индивида оставаться самимъ собою, совершенствовать свой историческій типъ, защищать свою свободу коллективной личности. Оно вполнѣ соотвѣтствуетъ высшимъ принципамъ этики и соціальнаго прогресса, въ троичной формулѣ послѣдняго: „свобода, равенство и братство“. Свобода національнаго индивида выводится изъ свободы простого индивида: насколько личность должна обладать свободою въ обществѣ, настолько нація должна быть свободна въ международномъ общежитіи. Къ принципу свободы примыкаетъ и регулируетъ его принципъ равенства: всѣ культурныя націи, независимо отъ численности и политическаго положенія каждой, равноцѣнны въ смыслѣ неотъемле-

мости ихъ національныхъ правъ, — и если нѣсколько націй объединено въ одномъ государствѣ, то ни одна изъ нихъ не вправѣ, подъ видомъ „господствующей", подавлять индивидуальность національнаго меньшинства даннаго государственнаго союза. При соблюденіи этихъ условій возможно „братство" народовъ, т. е. дружеское сожитіе различныхъ народностей, изъ которыхъ ни одна не стремится угнетать или обезличивать другую и, въ свою очередь, не опасается такихъ посягательствъ со стороны другой. Таковъ національный индивидуализмъ.

Національный эгоизмъ есть отрицаніе указанныхъ прогрессивныхъ принциповъ. Это—стремленіе господствующей націи къ порабощенію зависимой, стремленіе національнаго большинства даннаго государства или области къ культурному подчиненію меньшинства, путемъ навязыванія ему своего языка и школы, своей общественной организаціи, своихъ хозяйственныхъ формъ. Это—отрицаніе и свободы и равенства въ международныхъ отношеніяхъ, начало права сильнаго, угнетенія и вражды. Національный эгоизмъ имѣетъ агрессивный, наступательный характеръ, между тѣмъ какъ національный индивидуализмъ по существу дефенсивенъ, оборонителенъ. Первый проявляется въ осужденныхъ соціальной этикой формахъ „государственной народности" и „шовинизма"; второй вызывалъ всегда сочувствіе передового человѣчества, проявляясь либо въ освободительныхъ политическихъ движеніяхъ (освобожденіе Италіи отъ австріискаго ига, Греціи и балканскихъ славянъ отъ турецкаго ига, попытки возстановленія Польши, англо-бурская война), либо въ борьбѣ за областную и соціально-культурную автономію (борьба ирландцевъ за „гомруль", автономизмъ прусскихъ и русскихъ поляковъ, австрійскихъ славянъ и т. п.). Вообще, на *практикѣ* люди умѣли различать истинный націонализмъ отъ ложнаго, освободительный—отъ деспотическаго; только въ теоріи еще господствуетъ сильная путаница въ этой мало разъясненной области [1]). Въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ я

[1]) Извѣстный еврейскій публицистъ *Matiacъ Ахеръ* недавно формулировалъ это различіе въ двухъ терминахъ: *Machtnationalismus* и *Kulturnationalismus* (націонализмъ господства и культуры). Срав. „Восходъ" 1906 г. № 2, ст. 36. Ересіархъ въ области сіонизма, г. Ахеръ нынѣ призналъ формулу духовнаго націонализма („Еврейство—духовная потенція", *ibid.*) и ведетъ дѣятельную агитацію въ пользу національно-культурной автономіи евреевъ въ Австріи.

буду подробно трактовать вопросъ объ „этикѣ національнаго“ [1]). Здѣсь же, на основаніи сдѣланнаго анализа, мы можемъ въ общихъ чертахъ установить этическій критерій *еврейскаго* національнаго.

Безспорно, что еврейскій національнымъ по самому существу своему не можетъ имѣть ничего общаго съ тѣмъ, что мы называемъ „національнымъ эгоизмомъ“. Какъ духовная или культурно-историческая нація, лишенная возможности стремиться къ политическимъ побѣдамъ, насильственнымъ территоріальнымъ захватамъ или къ культурному подчиненію себѣ другихъ народностей (по языку, религіи, школѣ),— еврейство можетъ имѣть только одну заботу: о сохраненіи и автономномъ развитіи своей народной индивидуальности въ предѣлахъ территоріально-политическихъ союзовъ, часть которыхъ оно въ различныхъ пунктахъ діаспоры составляетъ. Оно не можетъ имѣть агресивно-національныхъ стремленій даже въ той мѣрѣ, въ какой ихъ имѣютъ другія политически зависимыя, но „территоріальныя“ народности, проявляющія тенденцію къ обезличенію находящагося среди нихъ національнаго меньшинства (напр., отношеніе поляковъ къ евреямъ въ Царствѣ Польскомъ, къ русинамъ и евреямъ въ Австріи). Еврейскій національнымъ есть самый чистый типъ собирательнаго индивидуализма, обороняющагося отъ нападеній, но никогда не совершающаго ихъ и не могущаго совершать. Онъ является постулатомъ высшей соціальной справедливости, которая требуетъ признанія равноцѣнности націй, въ смыслѣ права каждой на самоопредѣленіе и внутреннюю автономность. жизнь.

Значитъ ли это отгораживать себя отъ человѣчества, обособляться, замыкаться въ свою скорлупу? Нисколько. Развѣ для того, чтобы быть хорошимъ, дѣятельнымъ членомъ общества, надо себя обезличить, стереть свою индивидуальность, нивеллировать свой характеръ и наклонности по общему шаблону? Такіе шаблонные, гуртовые типы составляютъ во всякомъ обществѣ не активный творческій элементъ, а пассивную, косную массу. Такъ и въ союзѣ народовъ обезличенная нація есть соціальная величина обезцѣненная. Нація, оторванная отъ своей духовной почвы, чахнетъ и теряетъ способность къ производству новыхъ культурныхъ цѣнностей, обогащающихъ общечеловѣческую жизнь.

[1]) Дальше, письмо III.

„Задача каждаго общества—говоритъ современный философъ Виндельбандъ—въ томъ, чтобы ясно сознать то духовное содержаніе, которое образуетъ общую стихійную основу душевной жизни всѣхъ его членовъ, и сообразно этой основѣ организовать свою внѣшнюю жизнь. Всестороннее разрѣшеніе этой задачи мы называемъ *системой культуры* даннаго общества, и такимъ образомъ можно сказать: назначеніе каждаго общества состоитъ въ созданіи своей системы культуры. Каждое общество должно вырабатывать изъ массы индивидуальныхъ проявленій жизни тотъ комплексъ представленій, чувствъ и направленій воли, который образуетъ его общую жизненную основу. Въ этой системѣ культуры содержится единственная нравственная цѣнность каждаго общества; послѣднюю каплю своей крови оно должно отдать, чтобы создать и сохранить ее“ [1]). Этотъ категорическій императивъ наиболѣ примѣнимъ къ національному типу общества, въ которомъ „стихійная основа душевной жизни“ есть результатъ самой продолжительной и своеобразной исторической эволюціи. Нація не исполнила бы своего долга предъ человѣчествомъ, если бы бросила руль своей исторіи и передала его въ чужія руки, если бы она отреклась отъ своей „системы культуры“.

Да это и невозможно въ живой и жизнеспособной націи. Слѣдуетъ твердо помнить ту истину, что *между индивидуальнымъ и соціальнымъ стоитъ національное.* Не человѣкъ вообще, а человѣкъ той или другой національности является конкретно членомъ данной общественной организаціи. Личность проявляетъ себя въ государствѣ и въ обществѣ со всѣми своими особенностями, въ числѣ которыхъ національныя занимаютъ видное мѣсто. Всякая группа людей выступаетъ въ своей національной оболочкѣ, сросшейся съ ея внутреннимъ складомъ, и только въ качествѣ такой индивидуальной коллективности становится соціальною и культурною силою. Въ здоровой націи инстинктъ ея самосохраненія, какъ цѣлаго, усиливается пропорціонально грозящей ей опасности. У народа, объединеннаго сильнымъ государствомъ или сплоченнаго на одной территоріи, національная энергія находится обыкновенно въ скрытомъ состояніи; у народа же, лишен-

---

[1]) *Виндельбандъ.* Прелюдіи, стр. 275—77 (Спб. 1904).

наго территоріально-политическаго покрова и подвергающагося опасности быть поглощеннымъ другими народами, національная энергія проявляется въ активныхъ формахъ, и національный моментъ ярко окрашиваетъ собою всѣ стороны личной и общественной жизни. Когда натискъ извнѣ усиливается, для каждаго члена культурной націи, незащищенной государственными границами и военной охраной, дѣлается обязательнымъ моральный императивъ: соображай свои дѣйствія съ началомъ цѣлости и автономности твоей націи! Этотъ императивъ долженъ сдѣлаться высшимъ критеріемъ въ жизни современнаго еврейства, окруженнаго со всѣхъ сторонъ опасностями; онъ долженъ вызвать высшее напряженіе національной воли,—и если онъ еще не сталъ безспорнымъ для *всѣхъ* членовъ гонимой націи, то это симптомъ болѣзни воли, гнѣздящейся въ нѣкоторой части нашего народнаго организма. Детальное изслѣдованіе этой болѣзни и соотвѣтствующій діагнозъ составляетъ одну изъ важнѣйшихъ задачъ нашей идейной публицистики.

* * *

Все, сказанное въ этомъ письмѣ, приводитъ насъ къ слѣдующимъ общимъ тезисамъ:

I. Нація въ полномъ кругѣ своего развитія есть *культурно-историческая группа*, члены которой первоначально объединялись общностью происхожденія, языка, территоріи и государства, а съ теченіемъ времени объединились внутренно или духовно, на почвѣ общаго культурнаго наслѣдія, общихъ историческихъ традицій, духовныхъ и соціальныхъ идеаловъ и другихъ типичныхъ особенностей своей эволюціи.

2. Нація, прошедшая черезъ указанные фазисы развитія въ прошломъ. имѣющая сумму общихъ идей, чувствъ и интересовъ въ настоящемъ, и проявляющая стремленіе къ самобытному развитію въ будущемъ—должна обладать *автономіей* въ той или другой формѣ (политической, областной или общинной), въ зависимости отъ данныхъ историческихъ условій.

3. *Самосознаніе націи* есть главнѣйшій критерій ея существованія. „Я сознаю себя націей, слѣдовательно, существую“—такова формула культурно-исторической національной группы. Конкретно это самосознаніе проявляется въ опредѣленномъ *напряженіи національ-*

ной воли, направленной къ сохраненію и развитію своей автономіи въ одной изъ упомянутыхъ соціальныхъ формъ. При отсутствіи у даннаго народа предохранительныхъ оболочекъ государства или территоріи, у него пропорціонально увеличивается интенсивность *внутреннихъ предохранителей*— и народная энергія направляется въ сторону усиленія объединяющихъ общественныхъ и духовныхъ факторовъ, какъ орудій въ борьбѣ за національное существованіе.

4. Удовлетворяя всѣмъ этимъ условіямъ, *еврейская нація представляетъ собою высшій типъ культурно-исторической или духовной націи*. Необычайно долгій и своеобразный историческій процессъ закалилъ эту націю и сдѣлалъ ее жизнеспособною даже при отсутствіи политическаго и территоріальнаго единства. Она будетъ продолжать свое самобытное существованіе, но только при условіи дальнѣйшаго напряженія національной энергіи въ прежнихъ размѣрахъ, хотя и въ иныхъ формахъ, соотвѣтствующихъ современной культурѣ.

5. Фактически еврейство существуетъ какъ духовная нація въ сознаніи большинства народа, а именно ортодоксальной массы, которая признаетъ идею „религіозной *націи*“, вслѣдствіе сведенія всей національной культуры къ религіозному моменту, господствовавшему въ теченіе многихъ вѣковъ; неизбѣжная секуляризація національной идеи постепенно превратитъ это одностороннее самосознаніе въ полное, религіозно-традиціонное—въ исторически-эволюціонное. Отрицаніе же еврейской національности сторонниками теоріи „религіозной *группы*“ коренится въ *ассимиляціи*, какъ стремленіи нѣкоторой части еврейства въ діаспорѣ приспособиться къ господствующимъ народамъ, и является слѣдствіемъ процесса подбора или отпаденія національно-слабыхъ элементовъ.

6. *Іудаизмъ*, будучи частью еврейской національной культуры, составляетъ аттрибутъ еврейской національной идеи, какъ начало *эволюціонное*, а не традиціонное. Отреченіе отъ него въ этой подвижной формѣ, путемъ офиціальнаго перехода въ другую религію, фактически равносильно выходу изъ еврейской національной организаціи.

7. Въ этическомъ отношеніи еврейскій націонализмъ долженъ быть признанъ чистою формою *національнаго индивидуализма*, который

не можетъ имѣть ничего общаго съ агрессивнымъ національнымъ эгоизмомъ.

Въ слѣдующихъ письмахъ эти тезисы, обоснованные здѣсь идеологически, будутъ подробно развиты на основаніи фактовъ прошлаго и настоящаго и доведены до своихъ практическихъ послѣдствій.

1897—1906 г.

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

Еврейство, какъ духовная (культурно-историческая) нація среди политическихъ націй.

I. Заблужденіе ассимиляторовъ: пожертвованіе своимъ національнымъ индивидуализмомъ ради чужого національнаго эгоизма.—Различіе терминовъ „французъ, нѣмецъ... еврейскаго исповѣданія“ и „французскій, нѣмецкій... гражданинъ еврейской національности“.—Историческое право евреевъ, какъ потомковъ древнеримскихъ поселенцевъ, на европейскую почву.—Въ западной и восточной Европѣ это право основано не на давности владѣнія, а на давности поселенія и культурной дѣятельности.—Совмѣстимо ли національное чувство еврея съ мѣстными патріотизмами? — Естественная любовь къ родинѣ неизмѣнна, гражданскій элементъ патріотизма (цивизмъ) обусловленъ гражданской и національной свободой данной народности.—Совмѣстность двухъ союзовъ: формальнаго-государственнаго и духовнаго-національнаго.—Еврейство—не государство въ государствѣ, а нація среди націй, духовная (культурно-историческая) нація среди политическихъ.—Оно требуетъ себѣ, кромѣ гражданскихъ, и національныхъ правъ.

II. Генезисъ ассимиляціи. — Отрицаніе національныхъ правъ евреевъ въ эпоху французской революціи и отреченіе евреевъ отъ этихъ правъ ради гражданскихъ.—Замѣна внѣшняго рабства внутреннимъ.—Вырожденіе идеологіи ассимиляціи. — Границы сближенія съ другими націями.—Равноцѣнность національностей.

III. Сократовская „дерзость“ требованій. — Считаться ли съ юдофобами или съ „либералами“, продающими намъ гражданскую эмансипацію за наше національное самоотреченіе?—Борьба за полноправіе.—Перемѣщеніе центра въ кругъ нашихъ народныхъ интересовъ для возстановленія національнаго равновѣсія.

I. Въ предыдущемъ письмѣ установлено, что еврейская національная идея не только не противорѣчитъ высшимъ соціально-этическимъ идеаламъ человѣчества, но напротивъ—ими обусловливается. Для насъ стало ясно, что за эту идею должны стоять всѣ сторонники справедливости и прогресса, противъ нея—сторонники насилія и реакціи.

Вдумываясь въ эту простую истину, мы поймемъ, какое превратъ-

ное понятіе о національнзмѣ господствовало въ кругахъ „передовыхъ“ евреевъ на Западѣ и въ Россіи. Какъ горько ошибались они, когда во имя прогресса осуждали такое истинно-прогрессивное начало, какъ право *каждой* исторической націи на свободное самобытное развитіе! Они смѣшивали два противоположныхъ понятія: народный индивидуализмъ и народный эгоизмъ, забывая, что насколько нарушеніе чужой индивидуальной свободы преступно, настолько отстаиваніе своей—нравственно обязательно. Ратуя за начала свободы и равенства, они сами давали поводъ къ нарушенію этихъ началъ тѣмъ, что отрекались отъ своей внутренней національной *свободы* въ пользу чужого *произвола*. Признавая право окружающихъ народовъ ассимилировать евреевъ съ собою, представители новаго „освобожденнаго“ еврейства тѣмъ самымъ допускали законность національнаго эгоизма въ этихъ народахъ, между тѣмъ какъ за своимъ народомъ они не признавали даже права естественнаго національнаго индивидуализма. И, поступая такъ, эти люди воображали себя рыцарями общечеловѣческой идеи и думали, что за наше національное самоотреченіе, за проявленіе угодливости и раболѣпія, насъ станутъ больше уважать и любить,—пока опытъ не убѣдилъ ихъ, что съ уваженіемъ относятся только къ *личности*, которая сама себя уважаетъ, къ характеру, а не къ податливому существу, которое позволяетъ себя обезличивать...

Уличенные въ несостоятельности идеологической, противники еврейскаго національнзма прибѣгаютъ къ доводамъ „практической мудрости“. Они говорятъ: „Что же намъ дѣлать? Развѣ признаніе еврейской національной идеи совмѣстимо съ фактомъ пребыванія евреевъ среди другихъ націй, съ ихъ зависимостью отъ чужихъ политическихъ и соціальныхъ группъ? Имѣя въ однѣхъ странахъ равныя права съ христіанами и ожидая такого же равноправія въ другихъ странахъ, могутъ ли евреи заявлять, что они не члены тѣхъ націй, которыя ихъ усыновляютъ? Могутъ ли они, не навлекая на себя обвиненія въ опасномъ сепаратизмѣ, объявлять себя членами единой и нераздѣльной, хотя и разсѣянной, еврейской націи?“

Тутъ мы подходимъ къ пункту, который составляетъ главную опору антинаціональной политики эмансипированнаго еврейства. На этомъ пунктѣ слѣдуетъ подольше остановиться.

На одинъ изъ вышепоставленныхъ вопросовъ мнѣ придется отвѣчать вопросомъ же. Противъ вопроса: могутъ ли евреи заявлять, что они не члены тѣхъ націй, которыя ихъ усыновляютъ?—я ставлю вопросъ: могутъ ли евреи по чистой совѣсти заявлять, что они дѣйствительно стали членами тѣхъ націй, которыя ихъ „усыновили“, т. е. попросту признали или готовы признать своими равноправными согражданами? Стоитъ только вспомнить элементарное опредѣленіе термина „нація“, чтобы понять всю несообразность предположенія, что эмансипированные евреи во Франціи стали французами, въ Германіи—нѣмцами и т. д. Членами той или другой націи не *дѣлаются*, а *рождаются* (nascuntur, по самому смыслу словъ natio, nativus). *Сдѣлаться* можно членомъ какой-нибудь *искусственной*, юридической или соціально-политической группы, какъ напримѣръ даннаго гражданскаго общества, даннаго государства, корпораціи, цеха; но нельзя „сдѣлаться“ членомъ *естественной* группы—племени или націи иначе, какъ путемъ физическаго смѣшенія съ ней (черезъ браки) въ рядѣ поколѣній, т. е. путемъ долгаго процесса уничтоженія своей народной индивидуальности. Сразу формально записаться въ составъ чужой національности, произвольно объявить себя нѣмцемъ, французомъ или русскимъ—это для еврея полный абсурдъ. Перемѣна націи и перемѣна подданства не одно и то же. Эмансипированный еврей во Франціи, положимъ, называетъ себя „французомъ еврейскаго исповѣданія“. Означаетъ ли это, что онъ—членъ французской націи, исповѣдующій еврейскую вѣру? Конечно, нѣтъ. Чтобы быть членомъ французской націи, надо родиться французомъ, быть потомкомъ галловъ или близко родственной имъ расы, или въ рядѣ поколѣній сродниться съ французами настолько, чтобы воспринять особенности, составляющія результатъ исторической эволюціи французскаго народа. Еврей же, родившійся и живущій во Франціи, остается все-таки членомъ еврейской націи и—сознательно или стихійно—носитъ на себѣ и въ себѣ отпечатокъ еврейской исторической эволюціи. Слѣдовательно, названіе „французъ еврейскаго исповѣданія“ можетъ имѣть только такой смыслъ: уроженецъ и житель Франціи или гражданинъ французскаго государства, исповѣдующій іудаизмъ. Къ какой же націи можетъ принадлежать подобный субъектъ, если, какъ уже доказано, онъ къ французской націи принадлежать не можетъ?

Конечно — къ еврейской. Какого онъ будетъ исповѣданія въ случаѣ, если убѣжденія его не позволятъ ему исповѣдывать ни іудейство, ни другую положительную религію? Никакого. Перестанетъ ли онъ отъ этого быть, сознательно или безсознательно, членомъ еврейской націи? Нѣтъ, ибо (какъ доказано въ предыдущемъ письмѣ) іудаизмъ не есть единственный культурно-историческій факторъ еврейской національности, да онъ и не сводится исключительно къ религіозному моменту. Слѣдовательно, такой еврей во *всѣхъ* положеніяхъ останется *французскимъ гражданиномъ еврейской національности*. Такой именно терминъ долженъ употребляться во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, вмѣсто двусмысленнаго и несоотвѣтствующаго дѣйствительности термина: „французъ или нѣмецъ еврейскаго исповѣданія“. Когда мы выражаемся кратко: *нѣмецкій еврей* или *русскій еврей*, мы подразумѣваемъ подъ этимъ: уроженецъ или гражданинъ Германіи, либо Россіи, принадлежащій къ еврейской національности.

„Но можетъ ли быть гражданиномъ — и особенно хорошимъ гражданиномъ, патріотомъ — даннаго государства человѣкъ, отдѣляющій себя отъ господствующей національности этого государства?“ Странно, что такой вопросъ предлагается именно по отношенію къ евреямъ, а не къ чехамъ, полякамъ, ирландцамъ и другимъ народностямъ, входящимъ въ составъ разноплеменныхъ государствъ. Никто не спроситъ: можетъ ли полякъ, напримѣръ, быть хорошимъ гражданиномъ Пруссіи или Австріи. А то чѣмъ же ему быть здѣсь? Онъ, конечно, будетъ и долженъ быть гражданиномъ прусскаго или австрійскаго государства, разъ историческія условія такъ сложились, что онъ пока не можетъ возстановить свое собственное государство. Онъ будетъ *хорошимъ* гражданиномъ, вѣроятно, не съ національно-нѣмецкой точки зрѣнія, а съ національно-польской. Онъ будетъ служить общимъ интересамъ государства, пока ими не нарушаются его коренныя національныя права, не подавляются его народная самобытность и его внутренняя автономія. Вѣдь и каждый аборигентъ остается вѣрнымъ гражданиномъ своей страны лишь до тѣхъ поръ, пока въ ней охраняются его элементарныя человѣческія права (ибо въ этой охранѣ собственно и заключается смыслъ гражданскаго союза).

Разъ навсегда надо затвердить себѣ, что государство есть *фор-*

мальный общественно-правовой союзъ, призванный охранять интересы своихъ членовъ, между тѣмъ какъ нація есть союзъ *внутренній*, психически-бытовой [1]). Первый по существу своему измѣняемъ, второй неизмѣненъ. Поляки и чехи составляли нѣкогда самостоятельныя государственныя группы, а нынѣ входятъ въ составъ другихъ, разнородныхъ государственныхъ союзовъ, не переставая все-таки быть, какъ нѣсколько столѣтій назадъ, членами польской и чешской націй. Допустимъ, что это—аномалія, результатъ международныхъ столкновеній, что лучше бы, примѣрно, полякамъ имѣть и теперь свое самостоятельное королевство, а не быть раздробленными между тремя государствами. Но отсюда не вытекаетъ, что народъ, лишившійся въ силу несчастнаго стеченія обстоятельствъ политической независимости, долженъ терять и національную самобытность. Вѣдь бываютъ и примѣры свободнаго соединенія націй въ одно государство, какъ мы видимъ это въ Швейцаріи, гдѣ въ одинъ государственный союзъ вступили три національныя группы: нѣмцы, французы и итальянцы, сохраняя каждая свою національную самобытность. Слѣдовательно, если въ *нормальномъ* государствѣ съ разнороднымъ національнымъ составомъ гарантируется каждой группѣ національная автономія, — то и евреи могутъ считать себя полными гражданами тѣхъ государствъ, гдѣ они живутъ, лишь при условіи признанія за ними, какъ членами особой націи, права на національно-культурную самобытность.

Скажутъ: „Евреи находятся въ исключительномъ положеніи. Они, вѣдь, не покоренные *территоріальные* народы, какъ поляки, чехи или ирландцы, подчинившіеся чужому господству, но не оторвавшіеся отъ своей земли, а народъ безземельный, давно лишившійся своей территоріи и скитающійся по чужимъ странамъ. Не имѣя своей собственной территоріи, еврей или пересталъ быть членомъ еврейской націи и долженъ быть поглощенъ тѣми націями, среди которыхъ его народъ разсѣянъ, или же—если онъ все-таки упорно продолжаетъ считать себя членомъ еврейской націи—не можетъ претендовать на права гражданина въ странахъ, гдѣ ему не принадлежитъ ни одна пядь земли“.

[1]) Еще Гердеръ отличалъ *искусственные* организмы—государственные отъ *естественныхъ*—національныхъ

Мнѣніе, будто евреи, лишившись своего древняго отечества въ передней Азіи, не имѣютъ ни нравственнаго, ни юридическаго права на европейскую почву, до такой степени распространено, что имъ пользуются для своихъ цѣлей не только антисемиты, но, къ сожалѣнію, и неосмотрительные агитаторы изъ политическихъ сіонистовъ, мечтающихъ о возстановленіи еврейскаго государства въ Палестинѣ. А между тѣмъ нѣтъ заблужденія болѣе опаснаго и вдобавокъ антиисторическаго, чѣмъ это мнѣніе, будто евреи—„чужіе“, пришельцы въ Европѣ. Исторія говоритъ намъ, что евреи—древніе обитатели Европы, утвердившіеся тамъ еще до возникновенія цивилизаціи и до упроченія христіанства. Со временъ универсальной монархіи Александра Македонскаго, судьбы еврейства были тѣсно связаны съ судьбами двухъ міровыхъ государствъ Запада—Греціи и потомъ Рима. Греко-сирійское владычество въ Азіи вытѣснило значительную часть евреевъ, еще въ періодъ второго храма, изъ Іудеи,— и такимъ образомъ возникли культурные центры „діаспоры“ въ Сиріи, египетской Александріи и на всемъ азіатскомъ побережьѣ Средиземнаго моря. Римъ, включивъ Іудею въ число своихъ владѣній, тѣмъ самымъ включилъ евреевъ въ число подданныхъ Римской имперіи и далъ имъ право жить на всемъ протяженіи этой имперіи, то-есть на территоріи большей части европейскаго запада, причемъ нигдѣ не ограничивалъ ихъ „чертою осѣдлости“. Этимъ правомъ евреи пользовались лишь въ незначительной степени, пока патріоты Іудеи еще питали надежду на освобожденіе своей родины отъ римскаго ига; но и тогда уже, въ концѣ эпохи второго храма, евреи имѣли свои колоніи въ городѣ Римѣ и приморскихъ пунктахъ Италіи и оттуда стали проникать въ европейскія провинціи Рима—въ Галлію, Германію и Испанію. Когда же послѣ великой войны Іудеи за независимость и разрушенія Іерусалима (70 г.), а затѣмъ послѣ неудачнаго возстанія Баръ-Кохбы (138), надежда на возстановленіе іудейскаго государства исчезла,—громадная масса евреевъ разсѣялась по всѣмъ провинціямъ обширной Римской имперіи. Кромѣ небольшого полуавтономнаго центра, оставшагося въ Палестинѣ въ эпоху патріархата, евреи имѣли свои колоніи и въ западной, и въ восточной половинѣ имперіи. Они видѣли превращеніе языческаго Рима въ христіанскій, съ волненіемъ

слѣдили за успѣхами новой вѣры при Константинѣ Великомъ и за ея временнымъ упадкомъ при Юліанѣ Отступникѣ; они чувствовали на себѣ тяжелую руку первыхъ византійскихъ императоровъ, поддавшихся вліянію духовенства. Когда Римская имперія распалась, возникшія на ея развалинахъ независимыя европейскія государства распредѣлили между собою ея территорію и, между прочимъ, также массу издавна жившихъ на этой территоріи евреевъ. По мѣрѣ распространенія христіанства въ этихъ государствахъ, евреевъ стали преслѣдовать не какъ чужихъ или пришельцевъ—ибо они уже издавна жили здѣсь въ качествѣ римскихъ подданныхъ,—а какъ единственную группу *туземцевъ*, которая не хотѣла принять новую религію. Исключительно религіозный, а не національный антагонизмъ лежалъ въ основѣ гоненій на евреевъ въ Италіи при Остготахъ, во Франціи при Меровингахъ, въ Испаніи при вестготахъ. (Характерно, что въ Испаніи гоненія на евреевъ начались только тогда, когда вестготскіе короли отреклись отъ полу-іудейской аріанской формы христіанства и приняли католичество, въ концѣ VI вѣка; при короляхъ-аріанахъ гоненій не было). Карлъ Великій, сдѣлавшій попытку возстановить распавшуюся Римскую имперію, покровительствовалъ евреямъ не только ради усиленія промышленности, но и вслѣдствіе смутнаго сознанія, что, получивъ еврейское населеніе въ наслѣдство отъ бывшей Римской имперіи, онъ имѣетъ по отношенію къ нему извѣстныя нравственныя и юридическія обязанности. Послѣдовавшее затѣмъ дробленіе западно-европейскаго материка на мелкія государства съ феодальнымъ устройствомъ заставило забыть объ этихъ обязанностяхъ европейскихъ правителей и народовъ по отношенію къ живому наслѣдію древне-римской имперіи—къ еврейству. Помнили объ этомъ средневѣковые германскіе правители, носившіе титулы „императоровъ священной Римской имперіи“, но помнили только для того, чтобы сдѣлать евреевъ „камеркнехтами“ и рабами торговли. Частыя изгнанія, которымъ подвергались евреи при жестокомъ режимѣ среднихъ вѣковъ, вынужденныя скитанія несчастныхъ изъ одной европейской страны въ другую—изъ Италіи во Францію, изъ Франціи въ Испанію и Германію, изъ Испаніи въ Италію, Голландію и Англію, изъ Германіи въ Польшу—все это внушало народамъ мысль, что евреи—какіе-то вѣчные скитальцы, что искони они

повсюду пришельцы и чужіе. И такимъ образомъ сложилась въ народномъ воображеніи легенда объ Агасферѣ, „вѣчномъ жидѣ“.

Но все это были результаты дикаго насилія и забвенія историческихъ правъ. Евреи могли сказать христіанскимъ народамъ Европы: „Вы не имѣете права лишать насъ территоріи, на которой наши предки въ древнѣйшія времена поселились въ качествѣ подданныхъ Римской имперіи, отнявшей у насъ наше восточное отечество. Мы— потомки древне-римскихъ колонистовъ еврейской національности въ Европѣ. Великое переселеніе народовъ, этотъ моментъ зарожденія европейскаго національно-государственнаго строя, застало уже наши колоніи во многихъ странахъ Европы. Вы были еще младенцами цивилизаціи и темными язычниками въ то время, когда мы жили рядомъ съ вами въ качествѣ культурныхъ поселянъ, исповѣдывавшихъ древнѣйшую міровую религію. Неужели мы хуже потомковъ гунновъ, варварскихъ готовъ и другихъ некультурныхъ племенъ частію азіатскаго происхожденія, раздѣлившихъ между собою наслѣдіе древняго Рима? Неужели право на данную территорію можно получить только мечемъ и захватомъ, а не естественнымъ и гораздо болѣе человѣчнымъ актомъ поселенія и мирной культуры въ теченіе многихъ вѣковъ?“ Конечно, свѣтскіе и духовные правители, при господствѣ вѣроисповѣднаго начала въ государственномъ правѣ, могли не обращать вниманія на эти законныя притязанія. Они могли сказать евреямъ: мы васъ гонимъ и истребляемъ какъ еретиковъ, не признающихъ нашей религіи, а до вашихъ стародавнихъ правъ на Европу намъ дѣла нѣтъ! Но нынѣшнія секуляризованныя „народоправства“, отдѣлившія въ той или другой степени церковь отъ государства, не могутъ и не должны игнорировать эти историческія права евреевъ на европейскую территорію.

Все, сказанное здѣсь относительно Западной Европы, непосредственной наслѣдницы древняго Рима, примѣнимо и къ евреямъ Восточной Европы. Славянскіе народы начали свою культурно-историческую жизнь гораздо позже, чѣмъ романо-германскіе. Однако и они, почти на зарѣ своего историческаго существованія, встрѣтились уже съ евреемъ, какъ съ давнимъ поселенцемъ въ ихъ земляхъ. Восточно-римская имперія, Византія, еще въ первые вѣка христіанства снабжала колонистами-евреями южнорусскія побережья Чернаго и Каспійскаго мо-

реи [1]); Хазарія познакомила съ евреями юго-западную Русь въ періодъ первыхъ кіевскихъ князей; Германія и Богемія посылали евреевъ въ Польшу въ моментъ возникновенія въ ней правильнаго государственнаго строя. Эти евреи насаждали въ странѣ съ первобытною культурою торговлю и промышленность, учили туземцевъ извлекать доходы изъ нѣдръ земли (соляныхъ копей, рудниковъ), связали далекую Польшу со всемірнымъ рынкомъ и тѣмъ содѣйствовали ея сближенію съ цивилизованными странами. Въ то время, какъ московская Русь, обособленная отъ цивилизованнаго міра татарщиной и замороженная византизмомъ, не пускала къ себѣ евреевъ, которые могли бы оказать ей громадныя культурныя услуги,—польскіе правители дорожили этими услугами и оказывали евреямъ всевозможное покровительство. Церковная политика среднихъ вѣковъ, конечно, и тутъ оставила печальные слѣды: евреевъ въ Польшѣ часто угнетали, нарушали ихъ элементарныя права, формулированныя въ древнихъ хартіяхъ королей; ихъ унижали, искусственно обособляли въ отдѣльный общественный классъ, поддерживаемый особыми привилегіями, а не общими нормами права; но ихъ все-таки поневолѣ признавали органическою частью государства, необходимою для выполненія извѣстныхъ соціальныхъ функцій. Когда въ 1539 г. разнеслись слухи о намѣреніи литовскихъ евреевъ переселиться въ Турцію, король Сигизмундъ I ужаснулся, нарядилъ строгое слѣдствіе и успокоился лишь тогда, когда убѣдился въ неосновательности этихъ слуховъ [2]) Такъ, въ теченіе многихъ вѣковъ, евреи въ Польшѣ играли роль мирныхъ культуртрегеровъ, при немиролюбивыхъ къ нимъ отношеніяхъ, пока Польша не была раздроблена между тремя сосѣдними государствами. Россія, получивъ большую часть польской территоріи, густо населенную евреями, тѣмъ самымъ взяла на себя извѣстныя обязательства по отношенію къ еврейскому населенію пріобрѣтеннаго края. Какъ исполнялись эти обязательства до сихъ поръ—на это даетъ отвѣтъ поучительная исторія евреевъ въ новой Россіи: позорное гражданское безправіе нѣсколькихъ милліоновъ,

---

[1]) См. греко-еврейскія надписи въ Тавридѣ, относящіяся къ I и III вѣкамъ христіанской эры, въ „Регестахъ и надписяхъ“ стр. 3—4 (Спб. 1899 г.).

[2]) См. мой этюдъ: „Евреи и реформація въ Польшѣ“, Восходъ, 1895, кн. VII—VIII; см. также „Всеобщую исторію евреевъ“, кн. III, стр. 107.

юдофобское законодательство, гоненія и погромы послѣднихъ десятилѣтій. Повторились въ новѣйшее время на востокѣ Европы тѣ отношенія къ евреямъ, которыя характеризуютъ средневѣковый режимъ на западѣ. Сторонники этого режима, конечно, оспариваютъ нравственную и юридическую силу обязательствъ Россіи по отношенію къ исконнымъ еврейскимъ обитателямъ ея нынѣшнихъ владѣній. Но вѣдь можно подавлять право, а не правосознаніе, и „великій разбой“ государства по отношенію къ милліонамъ туземцевъ не можетъ же навсегда остаться нормою общественной жизни.

Итакъ, евреи имѣютъ, даже съ формальной точки зрѣнія, неоспоримыя историческія права на территорію Европы. Правда, они, въ отличіе отъ другихъ политически несамостоятельныхъ народностей, не занимаютъ сплошной массой цѣлыя области и вездѣ составляютъ національное меньшинство; но отъ этого ихъ право называться туземцами Европы не умаляется. Европа служитъ родиной значительной части еврейскаго народа уже въ теченіе двухъ тысячъ лѣтъ; въ ея землѣ покоятся кости нашихъ отдаленныхъ предковъ; здѣсь застало насъ, въ качествѣ древне-римскихъ колонистовъ, зарожденіе христіанской цивилизаціи, возникновеніе національныхъ и государственныхъ союзовъ; здѣсь мы и сами развили промышленную и умственную культуру, имѣвшую вліяніе и на нашихъ христіанскихъ сосѣдей. И послѣ этого насъ называютъ чужеземцами, пришельцами, а нѣкоторые изъ нашей среды даже склонны согласиться съ софизмомъ нашихъ враговъ и оправдываютъ имъ неизбѣжность исхода евреевъ изъ Европы! Неужели же мы, вмѣсто того чтобы неустанно протестовать противъ непризнанія нашего историческаго права, сами отъ него отречемся? Выводъ ясенъ. Если право сохранять свою національность, какъ говорятъ формалисты, имѣютъ территоріальные, хотя и политически несамостоятельные народы, то евреи это право имѣютъ, ибо они въ условномъ смыслѣ „территоріальный“ народъ, съ той особенностью, что ихъ территорія въ Европѣ состоитъ изъ мелкихъ дробей, не составляющихъ цѣлой областной единицы. Это—аборигены Европы, основывающіе свое право не на давности владѣнія, а на давности поселенія и культурной дѣятельности [1]).

[1]) Mutatis mutandis все, сказанное здѣсь о Европѣ, примѣнимо и къ Америкѣ. Не говоря объ отдѣльныхъ еврейскихъ спутникахъ Колумба, участвовав-

Можетъ ли еврейство, оставаясь націей въ цѣломъ, быть роднымъ элементомъ въ различныхъ политическихъ организмахъ, куда оно входитъ? Другими словами: можно ли считать присущими члену еврейской націи, живущему въ той или другой странѣ, любовь къ отечеству, преданность его интересамъ, именно то, что называютъ патріотизмомъ? Не находится ли *національное* чувство еврея въ противорѣчіи съ *патріотическимъ* чувствомъ его, въ качествѣ гражданина данной страны? Этотъ циклъ вопросовъ, слегка затронутый выше, я подвергну теперь болѣе подробному анализу.

Патріотизмъ есть сложная эмоція, состоящая изъ двухъ элементовъ: *естественнаго* чувства любви къ родинѣ (patria) и *нравственнаго* сознанія солидарности интересовъ всѣхъ гражданъ въ данномъ государственномъ союзѣ. Такъ какъ, послѣ утраты евреями политическаго центра на Востокѣ, Европа стала второю родиной для значительной ихъ части, то въ рядѣ поколѣній должно было развиться и естественное чувство любви къ этой родинѣ. Какъ чувство природное, оно не зависитъ отъ того, какъ живется человѣку въ данной странѣ. Человѣкъ любитъ страну, гдѣ онъ родился и выросъ, съ природою которой съ дѣтства сжилась его душа, съ которою у него связанъ болѣе или менѣе длинный рядъ фамильныхъ или историческихъ воспоминаній, отрадныхъ или грустныхъ. Мѣста, гдѣ мы страдали, намъ не менѣе дороги, чѣмъ мѣста, гдѣ мы были счастливы. Кто не знаетъ о той горячей привязанности къ родинѣ, которую въ теченіе столѣтій сохраняли евреи, изгнанные изъ Испаніи и Португаліи въ концѣ XV вѣка? Кто не знаетъ, какою тоскою по родинѣ часто томятся въ Америкѣ изгнанники нашихъ дней—еврейскіе эмигранты изъ Россіи? Не только природа, но и дорогія національныя реликвіи связываютъ насъ со страною, ставшею на болѣе или менѣе продолжительное время нашимъ отечествомъ: могилы нашихъ славныхъ предковъ, наши религіозныя святыни, наши историческіе памятники, мѣста, связанныя съ тѣми поэтическими народными преданіями, которымъ мы съ радостью или грустью

шихъ въ самомъ открытіи Новаго Свѣта, промышленная колонизація евреевъ въ Америкѣ, сѣверной и южной, шла съ XVI и особенно съ XVII вѣка непрерывно, параллельно съ колонизаціей общеевропейской. Евреи принимали дѣятельное участіе въ основаніи факторій и городскихъ промышленныхъ центровъ и наравнѣ съ другими націями строили американскую цивилизацію.

внимали во дни юности и о которыхъ мы впослѣдствіи яснѣе узнавали изъ нашей исторіи. Цѣлыя полосы нашей исторической жизни связаны для насъ съ Германіей, Италіей, Франціей, Англіей, Польшей, Россіей и другими странами Европы. Можно ли, послѣ этого, оспаривать у еврея простѣйшее чувство привязанности къ родинѣ, разъ имѣется наличность всѣхъ условій, естественно создающихъ такую привязанность?..

Слѣдовательно, первичный, природный элементъ патріотической эмоціи такъ же присущъ еврею въ той или другой странѣ, какъ и христіанину, уроженцу этой страны. Остается только вопросъ относительно второго, гражданскаго элемента патріотизма: сознанія взаимной солидарности членовъ данной политико-соціальной организаціи. Это сознаніе, которое я бы назвалъ „цивизмомъ", зависитъ уже отъ общественнаго положенія личности въ государствѣ. Если законы одинаковы для всѣхъ гражданъ, если отечество не дѣлитъ своихъ дѣтей на сыновъ и пасынковъ, если внутренняя свобода каждой національной или религіозной группы обезпечена согласною волею всѣхъ и не приносится въ жертву притязаніямъ такъ называемой „господствующей" націи,—тогда чувство гражданской солидарности и вѣрность данному политическому союзу общи всѣмъ разнороднымъ группамъ, входящимъ въ составъ государства. Въ противномъ же случаѣ цивизмъ или утрачивается, или выражается въ различныхъ формахъ у различныхъ группъ. Тогда, напримѣръ, и гонимые за національность евреи, и преслѣдуемые за вѣру „коренные" русскіе духоборы покидаютъ Россію и ѣдутъ искать новую свободную родину въ Соединенныхъ Штатахъ Америки или въ Канадѣ. Въ Швейцаріи, гдѣ всѣ три націи, входящія въ составъ государственнаго союза, вполнѣ автономны, общегосударственный цивизмъ повсюду силенъ и уживается съ отдѣльными мѣстными патріотизмами. Въ Австріи же, гдѣ между національностями постоянно кипитъ борьба не только за автономію, но часто и за гегемонію въ различныхъ областяхъ,—подкапывается сознаніе солидарности обще-государственныхъ интересовъ, и *общій* патріотизмъ исчезаетъ. Здѣсь нѣмецъ патріотиченъ въ одномъ смыслѣ, чехъ—въ другомъ, полякъ—въ третьемъ, русинъ—въ четвертомъ. При нынѣшнихъ обстоятельствахъ у ирландцевъ не можетъ быть великобританскаго патріотизма, но онъ станетъ вполнѣ

возможнымъ, если Ирландіи будетъ данъ тотъ широкій національный гомруль, котораго она такъ долго добивается.

Притязанія евреевъ на національную автономію въ разныхъ европейскихъ странахъ, конечно, не идутъ такъ далеко, какъ притязанія ирландцевъ или даже поляковъ. Какъ давнишніе обитатели Европы, евреи требуютъ себѣ полноправія гражданскаго и политическаго; какъ члены духовной или культурно-исторической націи, они требуютъ той національно-культурной автономіи, которая должна быть признана за всякой націей, желающей развиваться самобытно. При удовлетвореніи этихъ двухъ требованій и при естественной привязанности евреевъ къ своей второй, западной родинѣ, патріотизмъ ихъ въ различныхъ странахъ не можетъ подлежать сомнѣнію. Еврей, довольный своимъ отечествомъ, можетъ быть патріотомъ англійскимъ, французскимъ или нѣмецкимъ, будучи въ то же время вѣрнымъ и преданнымъ сыномъ разсѣянной, но единой еврейской націи [1]). Государство, какъ уже сказано, есть формальный союзъ, нація—союзъ духовный; членовъ перваго соединяютъ общіе интересы, членовъ второго—сверхъ общихъ интересовъ и общія чувства и наклонности. Можно, поэтому, быть одновременно хорошимъ членомъ и того и другого союза, ибо оба союза, какъ разнородные, не противорѣчатъ другъ другу. Кремье, напримѣръ, былъ горячимъ французскимъ патріотомъ и въ то же время имѣлъ смѣлость демонстрировать солидарность интересовъ евреевъ всѣхъ странъ, учредивъ „Alliance Israélite Universelle“. (Конечно, Кремье былъ еще далекъ отъ еврейской національной идеи въ ея широкомъ смыслѣ, но для той ассимиляціонной эпохи и этого было достаточно). Во всякомъ случаѣ, патріотизмъ, положимъ, прусскихъ евреевъ не менѣе благонадеженъ,

---

[1]) Возможны, конечно, конфликты между общенаціональнымъ чувствомъ и чувствомъ мѣстнаго патріотизма. Нелегка, напримѣръ, была душевная драма евреевъ, сражавшихся въ 1870 г. въ двухъ враждебныхъ арміяхъ—французской и германской; нѣчто такое пережили бы поляки при войнѣ между Россіей и Австріей или Германіей. Но явленія, вытекающія изъ милитаризма, пережитка варварства, не могутъ считаться нормативными. Говоря о патріотизмѣ, я, конечно, исключаю тотъ реакціонный „патріотизмъ“, который вызывается низменными шовинистическими побужденіями и который опозоренъ политикою пангерманистовъ въ Австріи, „націоналистовъ“ во Франціи и „черной сотни“ въ нынѣшней Россіи. Такимъ „патріотомъ“ еврей уже потому не будетъ, что этотъ сортъ патріотизма обыкновенно связанъ съ юдофобіей.

чѣмъ патріотизмъ прусскихъ поляковъ. Евреевъ можно скорѣе упрекать въ излишнемъ патріотическомъ усердіи, порою обидномъ для нашего національнаго чувства. Памятны еще рѣшенія еврейскихъ реформистовъ въ Германіи вычеркнуть изъ молитвенника всѣ трогательныя молитвы о возвращеніи въ Іерусалимъ, изъ опасенія согрѣшить противъ нѣмецкаго фатерланда. Эти запуганные люди, жившіе еще традиціями стараго полицейскаго государства, не понимали, что истинно-правовое государство не можетъ посягать ни на религіозные, ни на національно-историческіе идеалы своихъ гражданъ. Эмансипированные евреи Запада добивались свободы рабскими пріемами; они требовали равенства съ робостью приниженныхъ. Они думали, что цивизмъ требуетъ внутреннихъ жертвъ, отреченія отъ дорогихъ реликвій; они трепетали при равноправіи, какъ прежде при безправіи...

Итакъ, еврейскій духовный или культурно-историческій національнализмъ не противорѣчитъ общегражданскимъ обязанностямъ различныхъ частей еврейства въ различныхъ государствахъ. Подобно тому, какъ всякій человѣкъ можетъ быть любящимъ членомъ своей семьи и гражданиномъ своего государства, такъ и каждая группа еврейства, чувствуя тяготѣніе къ своей общей національной семьѣ и отстаивая ея интересы, въ то же время можетъ участвовать въ гражданской жизни государства, гдѣ она находится, и служить его интересамъ, конечно при условіи своего полнаго равноправія съ другими слоями населенія. Такимъ образомъ, евреи вездѣ образуютъ *не государство въ государствѣ, а націю среди націй.* Евреи Австріи, Германіи и Россіи, имѣя различные гражданско-политическіе интересы, имѣютъ однако между собою внутреннюю связь и общность національныхъ интересовъ, подобно полякамъ, раздробленнымъ между этими тремя государствами. Эта общность національныхъ интересовъ выражается фактически въ особыхъ формахъ внутренняго самоуправленія, въ самостоятельной организаціи своихъ народныхъ, общинныхъ, просвѣтительныхъ и религіозныхъ учрежденій, въ автономной по языку и программѣ школѣ, и наконецъ въ объединеніи силъ для парламентской и общественной борьбы, въ веденіи опредѣленной *національной политики* [1]).

[1]) См. дальше, письма IV, V, XII, и XIII, гдѣ подробно разработаны главные вопросы внутренней національной организаціи.

Признавая *гражданскія* права евреевъ, каждое государство должно признавать и эти *національныя* права ихъ, т. е. право на самобытное внутреннее развитіе, вытекающее изъ свободы самоопредѣленія. Мы должны бороться противъ самой допустимости требованія, чтобы евреи ради достиженія гражданскихъ правъ отреклись отъ своихъ правъ національныхъ. Нашъ народъ *въ цѣломъ* никогда не пожертвуетъ своей національно-культурною самобытностью въ угоду другимъ націямъ. Только извѣстная часть общества, захваченная процессомъ ассимиляціи, можетъ еще и теперь думать, что евреи должны всячески сокращать свою національную индивидуальность для того, чтобы добиться въ разныхъ странахъ гражданскихъ правъ или сохранить за собою уже добытыя. Но такая теорія національнаго самоуничиженія, требующая отъ евреевъ во имя „равноправія“ такихъ жертвъ, какія не требуются ни отъ какого другого народа, противорѣчитъ самому понятію равноправія и равноцѣнности людей. Это—переходная ступень отъ рабства къ свободѣ въ сознаніи какъ самихъ освобождаемыхъ, такъ и ихъ недавнихъ поработителей.

II. Разсмотримъ ближе генезисъ и сущность этой доктрины *ассимиляціи*, которая еще недавно господствовала въ интеллигентныхъ кругахъ еврейства, а нынѣ переживаетъ моментъ остраго кризиса.

Ассимиляція явилась слѣдствіемъ внезапнаго перехода евреевъ отъ гражданскаго безправія къ равноправію. На Западѣ она упрочилась послѣ первой, французской, эмансипаціи (1791 г.) и особенно послѣ второй, нѣмецкой, эмансипаціи (1848). Когда въ 1789 г. во французскомъ Національномъ собраніи обсуждался еврейскій вопросъ, защитникъ равноправія Клермонъ-Тоннеръ сказалъ: „Евреямъ, какъ націи, слѣдуетъ отказывать во всемъ; но евреямъ, какъ людямъ, слѣдуетъ все предоставлять... Не можетъ быть націи въ націи“. Ораторъ юдофобскаго лагеря аббатъ Мори основывалъ свои доводы противъ эмансипаціи евреевъ на томъ, что „названіе *еврей* есть не названіе секты, а названіе націи“ и что еврей, вѣрный своимъ національнымъ традиціямъ, „не можетъ стать французомъ“ [1]). И либералы, и консерваторы сходились

[1]) См. мою монографію „Французская революція и евреи“ („Восходъ“ 1889 г.); ср. новое переработанное ея изданіе: „Эмансипація евреевъ во время великой французской революціи“ (Вильна, 1906), стр. 29—33.

въ томъ, что для полученія равноправія еврей долженъ отречься отъ своей національности, оставаясь іудеемъ только по религіи и дѣлаясь французомъ по національности; но либералы считали такую ассимиляцію возможной и потому стояли за гражданское равноправіе, консерваторы же считали ее невозможной и ратовали противъ равноправія евреевъ. Обѣ стороны не доросли до признанія національныхъ правъ, какъ части полноправія гражданина. Не доросли до требованія *полноправія* и сами евреи, жившіе тогда между страхомъ и надеждой. Въ ихъ сознаніи національное еще такъ сливалось съ религіознымъ, что они могли — безъ большой борьбы съ совѣстью — скрыть одно подъ другимъ ради спасенія гражданскаго равноправія. Когда въ 1807 г., при Наполеонѣ I, евреямъ грозило лишеніе недавно полученныхъ гражданскихъ правъ, ихъ представители въ „Великомъ синедріонѣ“ торжественно объявили, что „нынѣ евреи не образуютъ націи и предпочитаютъ входить въ составъ великой (французской) націи, считая это политическимъ искупленіемъ [1]). Такимъ открытымъ отреченіемъ отъ своей національности, или tacitu consensu въ этомъ смыслѣ, сопровождалась эмансипація евреевъ и въ другихъ западныхъ странахъ.

Возстановленная въ своихъ элементарныхъ правахъ, значительная часть еврейской массы приняла это не какъ актъ простой справедливости по отношенію къ гонимой націи, а какъ милость, дарованную ей господствующими христіанскими народами при условіи ея національнаго обезличенія. За эту „милость“ многіе евреи платили полнымъ и частичнымъ уничтоженіемъ своей національной личности, онѣмеченіемъ, офранцуженіемъ и т. д. Они не *сближались* со своими христіанскими согражданами *на равныхъ правахъ*, а старались во всемъ *уподобляться* имъ, перенимать ихъ національную культуру, даже *сливаться* съ ними. Первое поколѣніе эмансипированныхъ *симулировало* чужой націонализмъ, слѣдующія поколѣнія уже оказались въ разныхъ степеняхъ *ассимилированными*. Та-же тенденція повторилась, хотя и въ менѣе широкихъ размѣрахъ, въ верхнихъ слояхъ русскаго еврейства, послѣ осво-

[1]) „Aujourd'hui que les juifs ne forment plus une nation, et qu'ils ont l'avantage d'etre incorporés dans la grande nation, ce qu'ils regardent comme une rédemption politique...“ См. *L. Kahn*, Les juifs de Paris pendant la Revolution“ (Paris 1898), p. 333.

бодительныхъ вѣяній 60-хъ годовъ. Повсюду въ Европѣ эмансипированные, или ждавшіе эмансипаціи, евреи жертвовали своими національными правами ради правъ гражданскихъ. Послѣ вѣковъ рабства, униженій и замкнутости мысли, евреи конечно должны были устремиться къ просвѣщенію, умственному и соціальному возрожденію, вообще къ *очеловѣченію* въ высшемъ смыслѣ слова, наравнѣ съ передовыми европейскими народами; на дѣлѣ же они устремились къ *онѣмеченію*, *обрусѣнію* и т. д., то-есть къ искусственному подчиненію своей національной личности чужимъ. Такого рода „ассимиляція“ была видоизмѣненіемъ прежняго рабскаго состоянія евреевъ, но въ этическомъ отношеніи была гораздо хуже. Средневѣковый еврей гнулъ только свою спину передъ своимъ гонителемъ-христіаниномъ, но никогда не гнулъ своей совѣсти и не поступался ничѣмъ изъ того, что считалъ своими духовно-національными правами; новомодный же еврей, получивъ возможность высоко держать голову въ христіанскомъ обществѣ, сталъ въ угоду этому обществу коверкать свою душу, свой національный типъ, чтобы быть „какъ можно менѣе похожимъ на еврея“. Это—модификація рабства, смѣна внѣшняго раболѣпія внутреннимъ.

Справедливость требуетъ отмѣтить фактъ, что наряду съ *ассимиляторами-практиками*, руководившимися только инстинктомъ приспособленія къ новой средѣ, существовали и *ассимиляторы-идеалисты*, которые видѣли въ такомъ поведеніи условіе прогресса. Одни носились съ идеаломъ космополитизма и во имя его начинали съ упраздненія своей національности, не замѣчая, какъ они между тѣмъ становились членами не воображаемаго космополитическаго общества, а той національной группы, съ которой они связаны политически и территоріально. Теоретическое отрицаніе національнаго принципа привело ихъ на практикѣ только къ тому, что они замѣнили свою національность чужою, впредь до „конца временъ“, когда всѣ народы сольются въ одно абстрактное „человѣчество“. Идеологія ассимиляціи, пройдя черезъ этотъ фазисъ, смѣшалась съ тѣмъ житейскимъ интересомъ, который продиктовалъ необходимость сліянія и „практикамъ“; вывѣтрившійся идеалъ сталъ прозрачною маскою для цѣлей низменнаго приспособленія, для соображеній личной выгоды, для хорошей карьеры. Подъ тонкимъ покровомъ „освободителя человѣчества“ обнажилась фи-

зіономія раба, отрекшагося отъ своей непризнанной націи ради чужой, господствующей.

Идеологія ассимиляціи силою вещей сошлась съ практикою ея на почвѣ того, что можно было бы назвать „атавизмомъ безправія". Раньше еврейскія массы долго мирились съ гражданскимъ безправіемъ, нынѣ онѣ мирятся съ безправіемъ національнымъ. Только въ послѣднее время все болѣе ростетъ въ евреѣ сознаніе, что никто не вправѣ требовать отъ него національнаго самоотреченія, что денаціонализація евреевъ была такою же данью грубому произволу, какъ ихъ прежняя гражданская деградація; что истинная свобода и равенство предполагаютъ равноправіе не только единичнаго, но и національнаго индивида. Лучшая часть современной еврейской интеллигенціи уже проникласъ этимъ высокимъ сознаніемъ. Она уже не гнетъ ни своей спины, ни своей совѣсти передъ сильными. Ей, внутренно свободной, не страшна деморализующая сила западнаго антисемитизма и россійской юдофобіи, подкрѣпляемой жестокимъ полицейскимъ гнетомъ. Деморализуется только интеллигенція безпочвенная, оторванная отъ народа; въ національно здоровой же части интеллигенціи какъ общественный антисемитизмъ, такъ и свирѣпыя правительственныя репрессіи (въ Россіи) только усиливаютъ процессъ національнаго самосознанія, увеличиваютъ силу отпора. Этотъ процессъ, въ силу историческихъ и психическихъ условій, долженъ былъ притти на смѣну ассимиляціи. Теперь въ рядахъ сторонниковъ ассимиляціи могутъ оставаться или неисправимые идеологи фактически несуществующаго космополитизма, или ловкіе практики, предпочитающіе прилѣпиться къ сильнымъ, чѣмъ числиться въ рядахъ гонимыхъ или гражданъ низшей категоріи. Многіе изъ ассимиляторовъ, впрочемъ, дѣйствуютъ безсознательно, вслѣдствіе дурного воспитанія и ранней отчужденности отъ еврейства. Такіе блудные сыны націи могутъ еще, при доброй волѣ и благопріятныхъ условіяхъ, вернуться подъ отчій кровъ. Объ отщепенцахъ-же, объ увядшихъ и опадающихъ листьяхъ, вѣковѣчное дерево еврейства никогда не тужило и теперь не имѣетъ повода тужить. Отъ національнаго подбора ядро націи только усиливалось.

Но неужели евреямъ надо снова обособляться, создать вокругъ себя нѣкоторое духовное гетто, взамѣнъ разрушеннаго каменнаго гетто среднихъ вѣковъ?—Отнюдь нѣтъ. Я не проповѣдую искусственнаго обосо-

бленія и сепаратизма ни подъ какими видами. Естественная же обособленность, въ смыслѣ индивидуализаціи, законна для каждой опредѣлившейся личности, единичной или собирательной. Сближеніе евреевъ съ окружающей средой должно происходить, но только *на равныхъ правахъ*. Еврей, сближаясь съ членомъ другой націи, не долженъ *подчинять* свою народную индивидуальность его народной индивидуальности, но оба они должны *соподчиняться* высшему принципу равноцѣнности всѣхъ гражданъ. Если же нееврей отвергнетъ такое общественное сближеніе на равныхъ правахъ, то уважающій себя еврей объявитъ, что въ данный моментъ сближеніе невозможно и нежелательно. Это будетъ, если хотите, сепаратизмъ, но сепаратизмъ вынужденный, имѣющій цѣлью защитить свою индивидуальную свободу, свою народную честь. Въ такомъ состояніи—позволю себѣ такъ выразиться—*оборонительнаго сепаратизма* находятся нынѣ въ Россіи лучшіе представители мыслящаго еврейства, сохранившіе въ себѣ свободную душу. Я преклоняюсь передъ этимъ гордымъ одиночествомъ людей, предпочитающихъ остаться внѣ шумнаго круга національнаго большинства, чѣмъ вступать туда на условіяхъ, унижающихъ ихъ чувство личнаго и народнаго достоинства. Еврейство во многія эпохи своей исторіи находилось въ положеніи *splendid isolation*, хотя не въ смыслѣ бронированнаго кулака, а бронированнаго духа...

Итакъ, *ассимиляція есть не только отреченіе отъ народныхъ интересовъ еврейства, но и отрицаніе индивидуальной свободы еврейской націи и ея равноцѣнности въ международной культурной семьѣ*. Это – ошибка и практическая, и теоретическая; это—результатъ и *соціальнаго предразсудка*, и *моральнаго дефекта*, присущихъ какъ тѣмъ, которые ассимилируются, такъ и тѣмъ, которые требуютъ отъ евреевъ ассимиляціи. Еврей, ассимилируясь, то есть подчиняя свою національную личность чужой, изъ какихъ бы побужденій онъ ни исходилъ, является жертвою безсознательнаго атавизма безправія, этой психической язвы, становящейся и этическою язвою, когда человѣкъ покидаетъ станъ угнетаемыхъ, чтобы присоединиться къ стану торжествующихъ. Со стороны же не-евреевъ требованіе, чтобы евреи съ ними ассимилировались, вызвано сознательнымъ или стихійнымъ презрѣніемъ „сильныхъ“ къ „слабымъ“, убѣжденіемъ, что вѣками по-

рабощенное еврейство должно платить за „дарованныя“ ему гражданскія права (т. е. за возвращеніе нѣкогда отнятыхъ правъ) отреченіемъ отъ своей народной индивидуальности. И требованія такого рода, и уступки этимъ требованіямъ противны высшему началу соціальной этики: принципу равноцѣнности всѣхъ націй.

Начиная со временъ первой эмансипаціи 1791 года, мы добивались только гражданскихъ и политическихъ правъ въ странахъ діаспоры. Теперь настала пора заявить и о національныхъ правахъ нашихъ, которыя, какъ уже выше доказано, вполнѣ совмѣстимы съ легальнымъ гражданскимъ положеніемъ различныхъ частей нашего народа въ странахъ діаспоры.

* * *

III. Таковы, въ общихъ чертахъ, практическіе выводы изъ развитой мною доктрины еврейскаго духовнаго или культурно-историческаго націонализма. Въ слѣдующихъ письмахъ эти общіе выводы будутъ детально разработаны, въ связи со способами примѣненія ихъ къ различнымъ сторонамъ нашей соціальной и духовной жизни. Въ заключеніе настоящей бесѣды, мнѣ приходится еще дать отвѣтъ на одно общее возраженіе, относящееся болѣе къ тактикѣ, чѣмъ къ программѣ носителей еврейской національной идеи.

Можетъ быть, сдѣланные сейчасъ выводы напомнятъ кое-кому объ одномъ драматическомъ эпизодѣ, изъ жизни мудреца Сократа. Когда великій мудрецъ стоялъ предъ аѳинскими судьями, которые уже признали его виновнымъ въ распространеніи „вредныхъ ученій“ и готовились произнести смертный приговоръ, онъ воспользовался предоставленнымъ ему правомъ и самъ опредѣлилъ для себя тотъ приговоръ, который по совѣсти считалъ наиболѣе справедливымъ. Сократъ потребовалъ, чтобы его, въ воздаяніе за оказанныя имъ отечеству услуги „приговорили“ къ пожизненному содержанію въ Пританеумѣ, т. е. въ національномъ дворцѣ, гдѣ на склонѣ лѣтъ содержались на государственный счетъ заслуженные аѳинскіе граждане, государственные дѣятели и прославившіеся полководцы. Такой образъ жизни—съ чувствомъ достоинства заявилъ Сократъ—наиболѣе соотвѣтствуетъ характеру человѣка, который долженъ имѣть досугъ отъ житейскихъ заботъ для того, чтобы поучать

васъ добру. Судьи, конечно, возмутились „дерзкою“ рѣчью мудреца, который требовалъ себѣ награды за то, что, по ихъ мнѣнію, заслуживало суроваго наказанія, и роковой приговоръ, еще понынѣ возмущающій совѣсть человѣчества, былъ произнесенъ.

Кто нибудь, можетъ быть, найдетъ въ этомъ эпизодѣ нѣкоторое сходство со сдѣланною выше постановкою еврейскаго національнаго вопроса. Какъ!—скажутъ они:—еврейская нація нынѣ сидитъ на скамьѣ подсудимыхъ. Въ однѣхъ странахъ ее третируютъ какъ касту паріевъ и не даютъ ей элементарныхъ гражданскихъ правъ; въ другихъ странахъ раздаются голоса, что у нея слѣдуетъ отнять и тѣ гражданскія права, которыя ей уже предоставлены. Повсюду ее обвиняютъ, осуждаютъ, произносятъ надъ нею жестокіе приговоры. А тутъ вы являетесь и отъ имени обвиняемой націи говорите такія гордыя слова: „мы, евреи, не будемъ довольствоваться одними гражданскими правами; намъ еще нужны національныя права: мы требуемъ уваженія къ нашей народной личности, къ нашему историческому прошлому, къ нашему культурному достоянію, требуемъ признанія нашей національной автономіи!“ Но вѣдь это смѣшно. Вы совершенно забываете о нашемъ положеніи. Ваши требованія могутъ показаться странными, дерзкими.

Да, господа: могутъ показаться. Но кому? Нашимъ обвинителямъ, тѣмъ, которые отрицаютъ за евреемъ всякія права человѣка и гражданина, которые хотятъ или выжить его или держать его въ положеніи парія? Такимъ людямъ, сторонникамъ неравенства и угнетенія, будутъ казаться несообразными *всякіе* доводы во имя справедливости и соціальной этики. Юдофобы всѣхъ временъ не прощали еврейству самаго факта его существованія, а еврейство все-таки существуетъ, не справляясь съ желаніями Гамановъ, ни древнихъ, ни современныхъ. Самозванные прокуроры сажаютъ еврейство на скамью подсудимыхъ, часто сами не вѣря въ составленный ими обвинительный актъ; но обвиняемый гордо, въ сознаніи своей правоты, поднимаетъ голову и заявляетъ, что на позорной скамьѣ должны сидѣть насильники, а не жертвы. Историческая Немезида уже посадила на эту скамью и судей Сократа, и творцовъ инквизиціи, и средневѣковыхъ гонителей еврейства; она посадитъ туда и новѣйшихъ рыцарей антисемитизма и юдофобіи. Не съ мнѣніемъ такихъ темныхъ людей намъ считаться. Противъ реакціонныхъ элемен-

товъ общества была и будетъ борьба, и въ ней евреи будутъ не одиноки: они будутъ идти въ рядахъ всей освободительной арміи.

Кому же еще національныя требованія еврейства могутъ казаться непріемлемыми? Можетъ быть, тѣмъ мнимымъ друзьямъ нашимъ, которые „великодушно“ возвращаютъ намъ отнятыя у насъ гражданскія права и взамѣнъ этого требуютъ, чтобы мы были членами окружающей національной среды, а не евреями, чтобы мы отреклись отъ своей культурной автономіи, сохраняя изъ нея только принадлежность къ іудейскому вѣроисповѣданію? — Этимъ людямъ мы отвѣтимъ: вы, господа, считаете себя великодушными и либеральными, но можно ли называть великодушнымъ человѣка, который, продержавъ своего ни въ чемъ неповиннаго ближняго много лѣтъ въ душной тюрьмѣ, наконецъ, подъ вліяніемъ проснувшейся совѣсти, выпускаетъ его на свободу и при этомъ требуетъ еще отъ него признательности и самоотреченія? Можно ли считать истинно-либеральнымъ того, кто отстаиваетъ только свободу проявленія своей національной личности и отказываетъ въ такой свободѣ члену другой націи? Мы отвергаемъ мотивъ „великодушія“ въ дѣлѣ возвращенія ограбленныхъ у насъ гражданскихъ нравъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не признаемъ либерализма, ставящаго такія позорныя условія равноправія. Мы не продадимъ своей національной свободы ради гражданской. Живя въ Европѣ со времени возникновенія въ ней цивилизаціи, мы натурализованы самой исторіей и должны пользоваться здѣсь всѣми гражданскими правами, присвоенными даже народамъ, позже насъ поселившимся въ этихъ странахъ. Если Европа когда-нибудь совершенно загладитъ свое тысячелѣтнее преступленіе противъ еврейства, то въ нашихъ сердцахъ утихнетъ гнѣвъ обездоленныхъ, но никогда на этомъ мѣстѣ не выростетъ чувство рабской благодарности за возвращеніе отнятыхъ у насъ правъ. Какъ историческая и культурная нація, доказавшая свою жизнеспособность при всевозможныхъ условіяхъ, мы хотимъ развиваться свободно и самобытно въ нашей внутренней жизни, что отнюдь не противорѣчитъ ни нашимъ общечеловѣческимъ задачамъ, ни гражданскимъ обязанностямъ. Духъ времени и прогрессивныя стремленія вѣка будутъ вліять и на нашъ народный бытъ. Мы будемъ совершенствоваться по своему, наравнѣ съ другими націями, но не подъ ихъ руководствомъ. Мы будемъ улучшать свой внутренній бытъ и устра-

нять изъ него печальные недостатки, будемъ реформировать наши религіозныя, общественныя и культурныя учрежденія; мы должны преобразовать и спеціальную еврейскую школу такъ, чтобы она отвѣчала и нашимъ національнымъ задачамъ, и требованіямъ нашей гражданской и политической жизни въ каждомъ государствѣ. Но все это мы будемъ дѣлать автономно на почвѣ нашей собственной эволюціи, а не изъ желанія угодить тому или другому изъ нашихъ сосѣдей, уподобиться такому-то или выиграть во мнѣніи такого-то.

Дологъ и труденъ путь автономнаго развитія нашей разсѣянной націи, сталкивающейся со всѣми культурными націями міра. Не скоро еще признаютъ за евреями въ полномъ объемѣ и гражданскія и національныя права. Это сознаніе однако не заставитъ насъ сложить оружіе, а напротивъ—зарядитъ насъ такимъ количествомъ энергіи, которое необходимо для долгой борьбы, для одолѣнія великихъ препятствій. Вѣдь наша исторія измѣряется тысячелѣтіями. Въ Россіи, гдѣ милліоны евреевъ еще лишены элементарныхъ гражданскихъ правъ, борьбу за эти права намъ придется вести въ союзѣ съ тѣми оппозиціонными силами, которыя борются противъ деспотическаго режима этой имперіи вообще. Здѣсь наша побѣда лежитъ на линіи побѣды общерусскаго дѣла, побѣды правового государства надъ полицейскимъ. Но борясь за нашу гражданскую эмансипацію, мы будемъ одновременно отстаивать и наши національныя права. Мы не повторимъ роковой ошибки нашихъ западныхъ братьевъ. Одною изъ причинъ успѣха антисемитизма на Западѣ была потеря самоуваженія въ образованныхъ классахъ еврейства, устремившихся къ ассимиляціи и застрявшихъ въ чужихъ національныхъ организмахъ, гдѣ они вызываютъ раздраженіе, какъ инородное тѣло въ организмѣ. Лишенное чувства своего національнаго достоинства, еврейское общество лишилось уваженія и у другихъ. Нынѣ, подъ вліяніемъ чувствительныхъ толчковъ извнѣ, начинаетъ пробуждаться и въ этихъ классахъ еврейства самосознаніе, которое раньше или позже должно привести къ борьбѣ за признаніе нашей національной личности и положить конецъ унизительному вторженію евреевъ въ чужіе національные очаги. Это вызоветъ, если не болѣе дружелюбное, то болѣе почтительное отношеніе къ еврейской націи со стороны другихъ народовъ. Мы по крайней мѣрѣ заставимъ уважать себя, если

*

не можемъ заставить любить. Эмоція взаимной любви необходима для членовъ тѣсной національной семьи; членовъ же гражданскаго союза связываетъ общность правъ и обязанностей въ опредѣленной сферѣ, и чувство взаимнаго уваженія является тамъ результатомъ одинаковаго распредѣленія правъ и обязанностей между всѣми гражданами.

Весь ходъ событій ведетъ насъ къ рѣшительной альтернативѣ: національное разложеніе или національное возрожденіе. Процессъ разложенія уже настолько выяснился, что мы знаемъ, гдѣ гдѣздится опасность. Въ XIX вѣкѣ въ верхнихъ слояхъ еврейства перемѣстился центръ общественности изъ нашей внутренней народной жизни во внѣшнюю окружающую среду, въ сферу чужихъ народныхъ интересовъ. Точка опоры оказалась не внутри, а внѣ нашего національнаго круга, отчего получилось неустойчивое равновѣсіе, опасное національное шатаніе. Чтобы устранить это шатаніе, необходимо обратное перемѣщеніе центра на его естественное мѣсто — въ кругъ нашихъ народныхъ интересовъ. Возстановленіе утраченнаго національнаго равновѣсія—вотъ главное условіе нашего обновленія. Къ этой великой задачѣ національнаго возрожденія должны быть направлены всѣ наши силы, всѣ помыслы, весь запасъ энергіи, унаслѣдованной нами отъ многихъ поколѣній борцовъ и мучениковъ, героически вынесшихъ ковегъ еврейства изъ потопа всемірной исторіи.

Январь 1898 (дополн. 1906 г.).

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ.

Этика національнализма.

I. Послѣдствія ложной ассоціаціи.—Дѣло Дрейфуса и французскіе національисты-антисемиты.—Этическая компрометація національнализма.

II. Аналогія между религіозной и національной идеями.—Кризисъ національной идеи.—Этическій критерій ея: разграниченіе національнаго эгоизма и національнаго индивидуализма.

III. Этическая формула Соловьева, ея минимумъ и максимумъ. — Различеніе „національнаго" и „національистическаго".—Наступательный и оборонительный національнализмъ. — Смѣшеніе этихъ понятій въ русской публицистикѣ.—Рязъясненіе національиста-еврея.—Демаркаціонная линія.

IV. Совмѣстимость національной идеи съ универсализмомъ.—Провиденціальный еврейскій универсализмъ пророковъ, максимальная „христіанская" формула Соловьева и осуществимая заповѣдь.—Совмѣстимость національной идеи съ интернаціонализмомъ (некосмополитическимъ); взгляды лидеровъ соціалъ-демократіи.—Какъ оберегать чистоту національнаго идеала?

I. Нигдѣ этическая оцѣнка дѣйствій не вызываетъ столько противорѣчій, какъ въ области національнаго вопроса. Одни проклинаютъ національнализмъ вообще, какъ реакціонное движеніе; другіе благословляютъ его, какъ прогрессивное, освободительное движеніе. Объясняется это и сложностью самой національной идеи, и разнородными формами ея проявленія. Тутъ болѣе чѣмъ гдѣ-либо злоупотребляютъ методомъ *этической ассоціаціи*, состоящимъ въ томъ, что данная идея оцѣнивается не по существу своему и не въ различныхъ проявленіяхъ, а только по тѣмъ ея проявленіямъ и сопутствующимъ обстоятельствамъ, которыя преобладаютъ въ данный моментъ. Національная идея популярна въ эпохи, когда она проявляется преимущественно въ формѣ силы освободительной или оборонительной, и непопулярна въ такіе моменты, когда она въ политической жизни выражается въ агрессивныхъ дѣй-

ствіяхъ шовинистовъ и реакціонеровъ изъ господствующихъ, или стремящихся къ господству, націй. Къ несчастію для человѣчества вообще и еврейства въ частности, мы нынѣ переживаемъ моментъ послѣдняго рода.

Недавно на поверхность политической жизни Европы всплыло одно явленіе, которое можетъ имѣть весьма неблагопріятныя послѣдствія для правильнаго пониманія идеи націонализма. Я говорю о народившейся во Франціи въ 1898 г. новой партіи „націоналистовъ", которая, подобно мутной пѣнѣ въ бурлящемъ котлѣ, шумно поднялась посреди кипѣнія политическихъ страстей, возбужденныхъ „дѣломъ Дрейфуса". Высокій подвигъ Эмиля Зола и его соратниковъ, выступившихъ въ защиту поруганнаго правосудія, встрѣтилъ отпоръ со стороны тѣхъ французовъ, которые чувствуютъ себя хорошо только въ атмосферѣ искусственно подогрѣтаго патріотизма и военнаго реванша. Представители родственныхъ по духу реакціонныхъ партій—клерикаловъ, монархистовъ и антисемитовъ—соединились и образовали новую политическую и парламентскую группу, члены которой называютъ себя „націоналистами". Дѣло Дрейфуса, которое эти реакціонеры создали и затѣмъ опутали сѣтью лжи и поддѣлокъ, было для нихъ только демонстраціей, потребной для пропаганды антисемитизма. Общая же ихъ задача — преслѣдовать и позорить во Франціи все не-французское и не-католическое, внушать народу ненависть къ „евреямъ, протестантамъ и масонамъ", какъ гласитъ тройственная формула „націоналистской" анаѳемы. Если эта программа, проникнутая духомъ „лиги католиковъ" въ эпоху Варѳоломеевской ночи, уже достаточно характеризуетъ идейныя стремленія новаго союза, то репутація его вождей объясняетъ многое въ тѣхъ „нравственныхъ" пріемахъ, къ которымъ союзъ прибѣгаетъ для достиженія своихъ цѣлей. Имена такихъ буяновъ парламента и прессы, какъ Дерулэдъ, Рошфоръ и Дрюмонъ, напередъ ручались за неизмѣнно буйное и скандальное поведеніе родного политическаго дѣтища этихъ господъ.

И дѣйствительно, новая партія ринулась въ бой съ остервенѣніемъ хищнаго звѣря. Она развернула свою дѣятельность въ различныхъ сферахъ: въ парламентѣ, въ обществѣ и особенно въ прессѣ,—той наглой и лживой бульварной прессѣ, которая въ своей неприкрашенной наготѣ возможна только въ современномъ Парижѣ. За короткое

время своего существованія эта партія успѣла натворить столько скандаловъ и низостей, что репутація ея въ общественномъ мнѣніи Европы уже прочно установилась. Поведеніе парижскихъ „націоналистовъ“ въ послѣднее время вызвало даже среди честныхъ людей всѣхъ странъ серьезныя—хотя, быть можетъ, и преувеличенныя—опасенія за „моральное здоровье“ современнаго французскаго общества.

Если въ сферѣ политическихъ интересовъ агитація французскихъ націоналистовъ, осуждаемая лучшими людьми, можетъ лишь временно тормозить дѣло правды и свободы,—то въ сферѣ высшихъ идей она способна причинить болѣе продолжительное зло. Зло въ томъ, что подобная агитація порождаетъ въ умахъ *ложную ассоціацію идей*, связывая представленіе о націонализмѣ съ представленіемъ о чемъ-то реакціонномъ, хищномъ и противоэтическомъ. Та всесвѣтная публика, которая въ продолженіе ряда лѣтъ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила за безконечными перипетіями дѣла Дрейфуса въ связи съ подвигами французскихъ націоналистовъ,—какое понятіе о націонализмѣ вообще могла она вынести изъ всѣхъ этихъ фактовъ? Разумѣется, самое неблагопріятное, какъ о вредномъ соціальномъ наростѣ. Идея, сама по себѣ возвышенная, весьма часто компрометируется своими случайными, но въ данный моментъ бьющими въ глаза уродливыми проявленіями. Чтобы избѣгнуть ошибочнаго отрицательнаго обобщенія, необходимо путемъ анализа отдѣлить временныя уродливыя проявленія данной идеи отъ чистой сущности ея; но многіе-ли способны къ такому анализу, особенно въ той разношерстной публикѣ, большая часть которой впервые, быть можетъ, составила себѣ понятіе о націонализмѣ по дѣятельности французскихъ націоналистовъ въ процессѣ Дрейфуса? Безсознательная ассоціація идей неизмѣримо сильнѣе логическаго анализа, и даже вдумчивые люди не всегда способны совершенно освободиться отъ вліянія неправильной психической ассоціаціи, многократно повторяющейся.

Если въ публикѣ, относящейся безучастно къ идейнымъ направленіямъ, отталкивающія свойства французскихъ націоналистовъ вызываютъ только смутное *представленіе* о негодности націонализма вообще,—то въ мыслящей части публики это представленіе достигаетъ большей ясности и складывается въ болѣе или менѣе сильное *убѣжденіе*. Тѣ, которые

до сихъ поръ колебались между космополитизмомъ и національнымъ (а такихъ очень много), приходятъ къ заключенію, что этическое превосходство не на сторонѣ послѣдняго. Тѣ, которые еще раньше были противниками національнаго, подкрѣпляютъ свое мнѣніе новымъ „фактическимъ“ доводомъ. Они указываютъ на то, что даже въ „самой передовой странѣ“ національнымъ принялъ возмутительное направленіе, и заключаютъ отсюда, что къ такимъ результатамъ онъ приведетъ вездѣ. Нерѣшительные же сторонники національнаго смущены „неотразимою“ логикою событій, и многіе изъ нихъ, пожалуй, готовы перейти въ лагерь противниковъ.

Я замѣчаю преобладаніе такой неблагопріятной для національнаго тенденціи въ сужденіяхъ общей печати, гдѣ, подъ вліяніемъ указанныхъ французскихъ событій, слово „націоналисты“ все чаще появляется въ сопровожденіи такихъ эпитетовъ, какъ „шовинисты“, „реакціонеры, „антисемиты“, и т. п. Но болѣе всего меня занимаетъ вопросъ: какъ отразится эта господствующая тенденція на развитіи или, точнѣе, на пониманіи и нравственной оцѣнкѣ національной идеи среди евреевъ. Тотъ фактъ, что во Франціи національнымъ выступаетъ нынѣ въ дѣлѣ Дрейфуса въ братскихъ объятіяхъ разнузданнаго антисемитизма, можетъ только усилить въ еврейскомъ умѣ вышеупомянутую невѣрную ассоціацію идей. „Французскій національнымъ—нашъ личный врагъ, жестокій, низкій, кровожадный; такое же враждебное отношеніе къ намъ, евреямъ, обнаруживаютъ часто и націоналистскія партіи другихъ народовъ; слѣдовательно, должно существовать въ самой идеѣ національнаго что-то такое, что внушаетъ ея носителямъ ненависть къ другимъ націямъ. А если такъ, то національнымъ является началомъ противо-этическимъ, и всякій народъ долженъ остерегаться его въ своей собственной средѣ“. Такъ могутъ разсуждать многіе евреи, оскорбленные въ своихъ лучшихъ чувствахъ современной вакханаліей „національнаго“ во Франціи [1]). И такимъ образомъ во многихъ слояхъ

[1]) Въ настоящее время, конечно, нѣтъ надобности ходить во Францію за примѣрами разнузданнаго, хищнаго „національнаго“. Этотъ флагъ выкинула въ Россіи самая отвратительная порода обскурантовъ—черносотенный „Союзъ русскаго народа“, „національнаго“ энергія котораго выразилась въ сотняхъ погромовъ и „кровавыхъ бань“, омрачившихъ торжество освободительнаго движенія въ странѣ самодержавія.

еврейства создается постепенно сильное настроеніе,—сильное потому, что опирается на нравственный протестъ—безусловно враждебное національной идеѣ вообще. Противъ этого обобщенія, порожденнаго односторонней ассоціаціей идей, нужно бороться. Нужно доказать, что въ основѣ указаннаго умозаключенія лежитъ коренная психологическая ошибка.

Тѣ, которые читали мои предъидущія „Письма", вѣроятно не будутъ нуждаться въ многочисленныхъ доказательствахъ. Если они согласились съ авторомъ въ *психологическомъ объясненіи* идеи чистаго національзма, то они должны согласиться и съ *этическою оцѣнкою* этой идеи, которую они найдутъ въ нижеслѣдующихъ строкахъ.

II. Существуетъ глубокое сходство въ эволюціи двухъ великихъ идей-силъ, двигателей исторіи: идеи *религіозной* и идеи *національной*, несмотря на различіе ихъ психологическаго происхожденія. Порожденная главнымъ образомъ потребностью въ объясненіи непознаваемаго, религія переживала многоразличные фазисы, въ зависимости отъ роста матеріальной и духовной культуры. Начиная съ дикаря, для котораго весь міръ явленій былъ непознаваемъ, полонъ чудесъ и скрытыхъ силъ, и кончая современнымъ ученымъ, предъ которымъ открытъ великій міръ познаваемаго съ его неизмѣнными ясными законами, но открытъ только до извѣстной грани,—сотни поколѣній людей жили подъ властью различныхъ формъ религіознаго творчества. И здѣсь замѣчается тотъ постепенный переходъ отъ физическаго къ духовному, который указанъ выше въ генезисѣ національной идеи (см. письмо I). Какъ нація перешла отъ первобытныхъ вліяній расы, почвы и климата къ факторамъ политическаго единенія, а затѣмъ кристаллизовалась въ духовный или культурно-историческій типъ,—такъ и религія шла отъ грубаго фетишизма къ болѣе утонченному, символическому политеизму, затѣмъ къ монотеизму (чистому или съ примѣсью язычества) съ преобладаніемъ церковной обрядности или культа, пока наконецъ не скинула своихъ многочисленныхъ скорлупъ и не предстала предъ ясными умами въ формѣ могучей силы творящаго духа, имѣющей высокую психологическую цѣнность, независимо отъ своихъ случайныхъ внѣшнихъ проявленій. Былъ моментъ, когда раціоналистическая философія и позитивизмъ огульно

упразднили все религіозное міросозерцаніе и на развалинахъ „теологическаго фазиса“ (вкупѣ съ „метафизическимъ“) воздвигли гордое зданіе позитивной науки. Но въ упоеніи торжествомъ научнаго мышленія, раціоналисты и позитивисты забыли, что за предѣлами свѣтлой области познаваемаго, безпрерывнымъ расширеніемъ которой человѣчество справедливо гордится, есть еще—и всегда останется—темная область непознаваемаго, гдѣ религіозное творчество въ той или другой формѣ непремѣнно будетъ властвовать надъ умами ищущихъ. Понявшіе эту психическую необходимость религіи, какъ категоріи сверхчувственнаго познанія, отказываются отъ наивной мысли упразднить религіозный факторъ, а наоборотъ вводятъ его въ область научнаго изслѣдованія и объективно оцѣниваютъ его роль въ развитіи личности и общества. Такъ бываетъ и съ національной идеей: научно мыслящіе умы переходятъ отъ игнорированія или отрицанія этой идеи къ изслѣдованію и утвержденію ея, въ качествѣ великаго культурно-историческаго фактора, вносящаго свою долю въ результатъ человѣческой эволюціи.

Но кромѣ этой психической аналогіи между религіозной и національной идеями, есть еще болѣе яркая этическая аналогія. Нѣтъ сомнѣнія, что въ той страстной борьбѣ противъ религіознаго міросозерцанія, которая поднялась въ XVIII вѣкѣ, проявился протестъ не только освобожденнаго разума, но и возмущеннаго нравственнаго чувства. Разумъ, разорвавъ сковавшую его цѣпь церковныхъ преданій, увидѣлъ въ нихъ много ложнаго, противорѣчиваго, произвольнаго, и устремился къ новому, самостоятельному познанію явленій, безъ помощи авторитетовъ. Но этотъ интеллектуальный протестъ не имѣлъ бы такого успѣха, еслибы къ нему не присоединился протестъ нравственный. Люди вспомнили всѣ средневѣковые ужасы, творившіеся во имя религіи: темницы, пытки и костры инквизиціи, деспотизмъ князей церкви, порочность духовенства, злобную нетерпимость ко всему иновѣрному и иномыслящему; они увидѣли вокругъ себя сѣти лжи, коварства и обмана, сотканныя іезуитами и однородными фанатиками всѣхъ вѣроисповѣданій,— и у нихъ явилось такое убѣжденіе: если религія, санкціонируя нравственность, такъ грубо нарушаетъ ее на дѣлѣ и причиняетъ столько зла въ общественной жизни, то она, стало быть, внутренно несостоятельна и негодна. Разсуждавшіе такъ не замѣчали, что ихъ умомъ

владѣетъ одна только привычная ассоціація представленій, созданная временными историческими обстоятельствами. Они судили о сущности религіи по ея церковнымъ формамъ или по поведенію ея представителей, среди которыхъ часто преобладали люди, извращавшіе эту сущность вслѣдствіе заблужденія или своекорыстныхъ цѣлей. Они забывали, что самая возвышенная истина можетъ сдѣлаться въ рукахъ дурныхъ или темныхъ людей орудіемъ зла и умопомраченія. Стоило бы имъ вспомнить, что въ одинъ и тотъ же вѣкъ во имя христіанской церкви выступали и благородный подвижникъ Іоганнъ Гусъ, и великій извергъ Торквемада, оба горячо вѣровавшіе,—чтобы понять, что съ религіей можетъ быть связано въ одномъ случаѣ высшее торжество нравственнаго чувства, а въ другомъ—полное его униженіе. Отсюда они бы вывели, что не идея религіи была причиною этихъ противоположныхъ явленій, а различныя пониманіе и примѣненіе ея при различныхъ духовныхъ и общественныхъ условіяхъ. Къ такому объективному заключенію пришли трезвые умы, съумѣвшіе разсѣять туманъ привычныхъ ассоціацій идей. И въ настоящее время только поверхностные люди могутъ утверждать, что съ самой религіей, какъ чувствомъ или идеей, органически связано что либо противо-этическое. Напротивъ, чѣмъ глубже проникаетъ научное изслѣдованіе, тѣмъ яснѣе становится, что чистая религія, выступившая въ древности съ высшими нравственными идеалами, могла бы еще и въ современномъ обществѣ играть роль великой этизирующей силы.

Опасный кризисъ, окончившійся благополучно для религіозной идеи, не миновалъ еще для идеи національной. Въ наше время національная нетерпимость свирѣпствуетъ часто почти съ такою же силою, какъ нѣкогда—религіозный фанатизмъ. Достаточно указать на острую національную борьбу нѣмцевъ и славянъ въ Австріи, пруссаковъ и поляковъ въ Познанской провинціи, на подвиги французскихъ націоналистовъ (на родинѣ и особенно въ Алжирѣ), наконецъ на дѣянія русскихъ погромныхъ патріотовъ, чтобы понять, какъ далеко могутъ зайти національныя страсти. И глядя на все это, люди искренніе и честные проникаются недовѣріемъ къ націонализму вообще, а иные даже рѣзко его осуждаютъ, какъ начало вредное, антисоціальное. Такихъ убѣжденныхъ противниковъ націонализма должно было появиться особенно много

среди образованныхъ евреевъ, ибо опытъ доказалъ имъ, что всякая вспышка національныхъ страстей въ какой-нибудь народности прежде всего ухудшаетъ отношеніе этой народности къ живущимъ въ ея средѣ евреямъ. Господствовавшая въ нашихъ культурныхъ слояхъ до недавняго времени склонность къ космополитизму объяснялась больше всего этимъ отвращеніемъ къ негуманнымъ и ретрограднымъ проявленіямъ націонализма. Не сущность національной идеи отталкиваетъ многихъ отъ нея, а сопровождающія ее насилія и несправедливости, т. е. этическое извращеніе этой идеи... Но пора вѣдь освободиться отъ вліянія односторонней, хотя и часто повторяющейся, ассоціаціи идей. Можно признавать вредными данныя формы націонализма и въ то же время высоко цѣнить чистыя его проявленія, психологически законныя и этически возвышенныя. Развѣ религіозность Гуса станетъ подозрительною оттого, что и Торквемада выступалъ во имя религіи? Развѣ національные идеалы Кошута или Гарибальди становятся предосудительными оттого, что шовинисты вродѣ Шенерера и Вольфа, Дрюмона и Рошфора, тоже выступаютъ во имя націонализма?

Въ чемъ же тутъ различіе? Въ одномъ случаѣ (Гусъ) человѣкъ борется за свои святыя религіозныя убѣжденія, а въ другомъ (Торквемада) человѣкъ стремится насильственно искоренить въ другихъ ихъ святыя религіозныя убѣжденія и навязать имъ свои. Въ одномъ случаѣ борцы отстаиваютъ самобытность и независимость своей народности, а въ другомъ насильники стремятся подавить самобытность чужой народности, пользуясь ея малочисленностью и политической зависимостью. Развѣ это—не два противоположныхъ этическихъ полюса? Порывъ къ свободѣ на одной сторонѣ и верхъ деспотизма на другой, борцы за право на одной сторонѣ и поборники грубой силы на другой,— и эти нравственные антиподы выступаютъ подъ однимъ и тѣмъ же знаменемъ „націонализма“! Долженъ, слѣдовательно, быть этическій критерій націонализма, опредѣляющій, что въ немъ добро и что зло.

Этотъ критерій уже указанъ въ предыдущихъ „письмахъ“. Тамъ были даже даны различныя названія положительному и отрицательному полюсамъ націонализма. Первый названъ „національнымъ индивидуализмомъ“, а второй—„національнымъ эгоизмомъ“. Первый есть этическій плюсъ, второй—минусъ. Отстаивать свою индивидуальную сво-

боду есть потребность всякой высокоразвитой личности, будь то отдѣльный человѣкъ или цѣлый народъ. Подавлять въ другомъ человѣкѣ или народѣ его индивидуальность и навязывать имъ свою—это въ такой же мѣрѣ возмутительно, какъ стремленіе средневѣковыхъ фанатиковъ церкви навязывать иновѣрцамъ свою религію. Столкновенія и насилія возможны только при господствѣ національнаго эгоизма, но не индивидуализма. Такія столкновенія возможны въ слѣдующихъ видахъ: 1) *борьба двухъ національныхъ эгоизмовъ*, т. е. двухъ народовъ, изъ которыхъ каждый стремится присвоить себѣ первенство или власть надъ другимъ; это—борьба двухъ хищниковъ, приводящая къ періодическимъ разорительнымъ войнамъ и постоянному злу милитаризма; 2) *борьба національнаго эгоизма противъ національнаго индивидуализма*, т. е. стремленіе сильной народности отнять либо политическую свободу, либо культурную автономію у другой, менѣе сильной народности и подчинить ее себѣ; здѣсь нападающая сторона нарушаетъ соціальную этику, обороняющаяся же сторона, защищая свою свободу и самобытность, борется за право и справедливость. Слѣдовательно, 3) оборона *національнаго индивидуализма противъ эгоизма* составляетъ необходимое условіе свободы и прогресса. Теперь спрашивается, въ какихъ формахъ возможно *столкновеніе двухъ народныхъ индивидуализмовъ*? Индивидуализмъ означаетъ стремленіе каждаго сохранить свою внѣшнюю и внутреннюю свободу при непремѣнномъ условіи, чтобы это не мѣшало свободѣ другихъ индивидовъ (иначе онъ превратился бы въ эгоизмъ). Для соблюденія этого условія необходимо опредѣлить сферы законной автономіи каждаго индивида-націи и установить границу, за которою уже начинается вторженіе въ область чужой автономіи. Тутъ возможны только споры о разграниченіи сферъ автономіи; но когда такое разграниченіе уже точно установлено законодательными актами и укоренилось въ международномъ правосознаніи, опасность столкновеній уменьшается, а вѣроятность мирнаго сожительства націй увеличивается. Если чистый индивидуализмъ, безъ примѣси эгоизма, сравнительно рѣдко встрѣчается, то это все же идеалъ, къ которому можно приблизиться и, во всякомъ случаѣ, должно стремиться.

И ближе всего къ этому идеалу стоитъ еврейскій націонализмъ, по существу своему духовный, стремящійся къ самозащитѣ, а не къ

нападенію. Даже проповѣдники универсализма должны поневолѣ признать: что „національнизмъ, въ моментъ борьбы народа за свое существованіе, представляетъ собою зрѣлище героическаго величія и благородства“ [1]); что національная идея становится возвышенною, когда она преслѣдуетъ „блага духовныя, которыя по самому понятію своему исключаютъ возможность дурныхъ средствъ для ихъ пріобрѣтенія“ [2]). А что такое вся еврейская исторія послѣднихъ 18 вѣковъ, какъ не героическая борьба культурной націи за свою внутреннюю свободу, борьба, которая ведется не силою оружія, а исключительно силою духа, борьба за тѣ высокія „духовныя блага“, которыя по существу своему „не могутъ пріобрѣтаться дурными средствами“? Идеалъ *духовной* націи этиченъ по самому существу своему, а таковъ именно національный идеалъ еврейства.

III. Русскій философъ Вл. Соловьевъ такъ опредѣляетъ этическую цѣнность чистой національной идеи: „Пусть непосредственнымъ предметомъ нравственныхъ отношеній будетъ отдѣльное лицо. Но вѣдь въ самомъ этомъ лицѣ основная его особенность есть его народность (въ положительномъ смыслѣ характера, типа и творческой силы). Это не есть только физическій фактъ, но и психическое, и нравственное опредѣленіе. На той степени развитія, какой достигло человѣчество, принадлежность даннаго лица къ извѣстной народности закрѣпляется его собственнымъ актомъ самосознанія и воли. Такимъ образомъ народность есть внутренняя, неотдѣлимая принадлежность этого лица, то, что для него въ высшей степени дорого и важно. И какъ же я могу быть въ нравственномъ отношеніи къ этому лицу, если не хочу признавать существованія того, что для него такъ значительно? *Нравственный принципъ не даетъ мнѣ права превращать дѣйствительное лицо, живого человѣка, съ его неотъемлемымъ и основнымъ національнымъ опредѣленіемъ, въ какой-то пустой, отвлеченный субъектъ, произвольно выдѣляя изъ него существенныя его*

[1]) Выраженіе одного изъ творцовъ „Нѣмецкаго общества этической культуры“, профессора *В. Ферстера*, въ его брошюрѣ: „Zur Ethik des Nationalismus u. d. Judenfrage“. Berlin, 1893, стр. 7.

[2]) *Вл. Соловьевъ*. Оправданіе добра. Нравственная философія. Спб. 1897, стр. 362.

особенности. Если я долженъ признавать собственное достоинство этого лица, то я обязанъ признавать все то положительное, съ чѣмъ онъ связываетъ свое достоинство; и если я люблю человѣка, то я долженъ любить его народность, которую онъ любитъ и отъ которой себя не отдѣляетъ. Высшій нравственный идеалъ требуетъ, чтобы мы любили всѣхъ людей, какъ самихъ себя; но такъ какъ люди не существуютъ внѣ народностей, и эта связь сдѣлалась уже нравственною, внутреннею, а не физическою только, то прямой логическій выводъ отсюда есть тотъ, что *мы должны любить всѣ народности, какъ свою собственную* [1]).

Въ этомъ опредѣленіи національной этики философъ-идеалистъ незамѣтно перешелъ отъ требованія минимума національнаго альтруизма къ требованію его максимума, выраженнаго въ послѣдней подчеркнутой формулѣ. Оставляя въ сторонѣ этотъ спорный максимумъ (о немъ будетъ рѣчь дальше), мы, конечно, всѣ согласимся признать безспорность минимальной формулы: что нравственное отношеніе къ личности необходимо подразумѣваетъ признаніе ея неотъемлемыхъ національныхъ особенностей и права свободнаго ихъ проявленія въ формахъ, не противорѣчащихъ общепринятымъ началамъ законности и справедливости. Критеріемъ правомѣрности въ данномъ случаѣ должно служить слѣдующее положеніе: сфера осуществленія моихъ національныхъ правъ простирается до той линіи, за которою начинается уже нарушеніе національныхъ правъ моихъ инородныхъ сосѣдей. Если при такомъ условіи признать этичнымъ и правомѣрнымъ принципъ *народности* или *національности*, то необходимо признать правильнымъ и *націонализмъ*, какъ систему воззрѣній, основанныхъ на этомъ принципѣ. А между тѣмъ въ публицистикѣ установилось какое-то условное различеніе этихъ двухъ терминовъ: „національность“ употребляется въ положительномъ смыслѣ, „націонализмъ“—въ отрицательномъ. Тотъ же Соловьевъ въ своихъ политическихъ сочиненіяхъ различаетъ *„національныя* движенія“, какъ прогрессивныя, отъ *„націоналистическихъ“* или реакціонныхъ. Для него *„народность* или народный характеръ есть положительная сила, присущая всему народу и особенно проявляющаяся въ его лучшихъ лю-

[1]) Тамъ-же, гл. XI: „Національный вопросъ съ нравственной точки зрѣнія“, стр. 387—88.

дяхъ", а „*національнализмъ*—ревнивая и напряженная заботливость о своей національной особенности, усиленное возбужденіе національнаго эгоизма". Выводъ изъ всей этой классификаціи тотъ, что національность—идеалъ, а національнализмъ—идолъ или идолопоклонство [1]).

Я думаю, что такое словесное различеніе, основанное только на грамматическихъ суффиксахъ къ одному и тому же корню, недопустимо въ научной терминологіи, ибо оно грозитъ еще увеличить ту идейную путаницу, которая существуетъ въ національномъ вопросѣ. Вотъ, напримѣръ, честный русскій философъ считаетъ для себя позорнымъ тотъ эпитетъ „націоналистъ", какимъ гордились Маццини и Гарибальди, а между тѣмъ понятія всѣхъ трехъ о чистой идеѣ національности были одинаково возвышенны. Съ другой стороны, читая въ газетныхъ извѣстіяхъ одновременно, что и во Франціи и въ Ирландіи на парламентскихъ выборахъ побѣдили „націоналисты", вы испытываете неодинаковое чувство: вы радуетесь успѣху ирландскихъ націоналистовъ и сокрушаетесь по поводу побѣды одноименныхъ французскихъ депутатовъ. Отчего же? Оттого, что тутъ рѣчь идетъ о двухъ противоположныхъ „національнализмахъ": освободительномъ и угнетающемъ, оборонительномъ и наступательномъ, индивидуалистическомъ и эгоистическомъ. Тысячу разъ правъ Соловьевъ, представитель великорусскаго народа, когда приравниваетъ къ національному эгоизму „ревнивую и напряженную заботливость о своей національной особенности",—правъ съ точки зрѣнія *своего* народа, ибо великорусскому „господствующему" народу такая „ревнивая заботливость" ненужна, а нужна она развѣ Побѣдоносцевымъ и Суворинымъ для подавленія всего нерусскаго, во имя лозунга: „Россія для русскихъ!" Но Соловьевъ былъ бы глубоко неправъ, еслибы вздумалъ примѣнить тотъ же приговоръ къ миноритетнымъ національностямъ въ Россіи, которыя только и держатся благодаря „напряженной заботливости о своей національной особенности". Когда политически зависимая или угнетенная нація выдвигаетъ своихъ „націоналистовъ", это вполнѣ объяснимо, ибо она должна бороться за свою народность и внутреннюю автономію противъ господствующей національности, стремящейся ее ослабить или

[1]) *Соловьевъ*. Національный вопросъ въ Россіи, стр. 19, 66 (Спб. 1884; полнѣе въ новомъ изданіи 1904); срав. его статью „Національныя движенія" въ Энциклопед. Словарѣ Брокгауза-Ефрона.

поглотить. Когда же первенствующая въ данномъ государствѣ нація, которой не грозитъ опасность порабощенія или поглощенія меньшими національными группами, создаетъ кадры своихъ „націоналистовъ“, то она готовится не къ оборонѣ, для нея ненужной, а для нападенія, для удержанія своего положенія „господствующей націи“ путемъ подавленія самостоятельности „подвластныхъ“ націй; она хочетъ руссифицировать, германизировать, т. е. навязать меньшимъ народамъ свой языкъ, школу, политическія стремленія. Конечно, для оправданія своихъ стремленій, эти представители волчьяго націонализма заявляютъ, что націи-овцы „мутятъ ихъ воду“ (Дрюмонъ и братія увѣряютъ, что весь французскій народъ подвергается опасности отъ застрявшей въ его организмѣ горсти въ сто тысячъ евреевъ, русскіе юдофобы вопятъ о завоеваніи Россіи евреями, а нѣмцы-гакатисты въ прусской Польшѣ плачутся, что поляки ихъ вытѣсняютъ),—но послѣ краткаго объясненія по безсмертному образцу крыловской басни всегда обнаруживается, что ultima ratio націоналиста-хищника заключается въ афоризмѣ: „Я тебя съѣсть хочу“! Въ такихъ случаяхъ терминъ „націоналистъ“ часто замѣняется терминомъ „патріотъ“, и угнетеніе національнаго меньшинства со стороны большинства оправдывается любовью къ отечеству, т. е. не къ совокупности всѣхъ народовъ, составляющихъ отечество, а къ тому „главному“ народу, который благодаря своей многочисленности или грубой силѣ оружія нѣкогда захватилъ власть и „строилъ государство“. И мы всѣ до такой степени привыкли соединять съ *такимъ* патріотизмомъ или націонализмомъ представленіе о грубомъ насиліи и политической тираніи, что вполнѣ понимаемъ мотивы тѣхъ либеральныхъ членовъ господствующихъ націй, которые громогласно объявляютъ: мы не націоналисты и не „патріоты“. Слово „патріоты“ берется при этомъ по крайней мѣрѣ въ ковычки, для указанія, что можетъ существовать и не хищный патріотизмъ; слово же „націонализмъ“ отвергается безъ всякихъ условій, какъ техническій терминъ для обозначенія шовинизма и грубой нетерпимости [1]).

---

[1]) Изъ русскихъ публицистовъ въ послѣдніе годы особенно ратовалъ противъ націонализма г. Южаковъ въ „Русскомъ Богатствѣ“. Нападая на сіонизмъ, какъ еврейское національное движеніе, г. Южаковъ валитъ въ одну кучу всѣ виды націонализма и дѣлаетъ такое обобщеніе: „Націонализмъ имѣетъ свою

На всѣ эти заявленія лучшихъ представителей „господствующихъ націй“ еврей могъ бы отвѣчать категорически: „Вы, съ своей точки зрѣнія, совершенно правы. Будь я на вашемъ мѣстѣ, будь я русскимъ человѣкомъ, пруссакомъ, французомъ, англичаниномъ, я бы стыдился имени „націоналиста“, какъ вывѣски политическаго угнетенія болѣе слабыхъ народностей со стороны моего „коренного“ народа; я стыдился бы именно *такого* націонализма, который заключается въ позорной политикѣ руссификаціи, германизаціи или иной ассимиляціи, т. е. въ обезличеніи національнаго типа численно слабѣйшихъ народностей. Будь я даже полякомъ или чехомъ, то-есть членомъ національнаго меньшинства въ государствѣ, я бы тоже не безъ оговорокъ принялъ званіе „націоналиста“, ибо опытъ показалъ мнѣ, что и эти народы, отстаивая свою собственную національную свободу, не всегда щадятъ народную самобытность находящихся въ ихъ средѣ еще болѣе дробныхъ національныхъ группъ и часто чувствительно давятъ ихъ (полонизація русиновъ и евреевъ въ Галиціи, евреевъ въ Царствѣ Польскомъ, трагическое положеніе евреевъ между нѣмцами и чехами въ Богеміи). Но будучи евреемъ, я смѣло и гордо ношу званіе „націоналиста“, ибо знаю, что мой народъ, вслѣдствіе своего особаго положенія въ діаспорѣ, нигдѣ не можетъ стремиться къ національному господству или первенству. Мой націонализмъ можетъ быть только освободительнымъ, чисто-индивидуалистическимъ и, слѣдовательно, высоконравственнымъ... Вы, отрицая свой агрессивный націонализмъ, на-

---

логику, и тотъ, кто желаетъ служить дѣлу правды и совѣсти, долженъ себя тщательно оберегать отъ всякаго общенія съ націонализмомъ и его логикой“ (Р. Б. 1903, кн. 9). Другой радикальный публицистъ, г. А. Новиковъ, недавно сдѣлалъ въ еврейскомъ органѣ („Хроника еврейской жизни“, 1906 г., № 25) слѣдующее рѣшительное признаніе: „Я ненавижу антисемитизмъ, какъ и всякій націонализмъ, потому что какъ слѣпой не разбираетъ красокъ, такъ и я не разбираюсь въ національностяхъ“. Г. Новиковъ, чистосердечно сознавшійся въ слѣпотѣ по вопросу о національности, ярко демонстрируетъ это отождествленіемъ *всякаго* націонализма съ антисемитизмомъ или реакціей. Странно видѣть въ серьезной идейной публицистикѣ такое отсутствіе анализа въ вопросѣ столь громадной важности. Эти, несомнѣнно свободомыслящіе, писатели не замѣчаютъ, что проклиная націонализмъ огульно, безъ разбора его видовъ и проявленій, они предаютъ анаѳемѣ и всѣ освободительныя національныя движенія XIX вѣка: возрожденіе Греціи, Италіи, Венгріи, Балканскихъ славянъ, освободительную борьбу поляковъ, ирландцевъ, буровъ,—что едва ли соотвѣтствуетъ ихъ политическимъ убѣжденіямъ.

зываете себя иногда *космополитами*. Что-жъ? Вы можете себѣ позволить и эту роскошь. Ваша нація, единая по языку и внѣшней культурѣ, окованная въ броню территоріи и государства, охраняемая на границахъ крѣпостями и пушками, не исчезнетъ, не растворится среди другихъ народовъ, сколько бы вы ни говорили о вашемъ космополитизмѣ; ее никто не обидитъ: скорѣе она кого-нибудь обидитъ. А вотъ я, сынъ еврейской діаспоры, разбросанной въ пяти частяхъ свѣта, говорящей на всѣхъ языкахъ, раздробленной на столько политическихъ и территоріальныхъ группъ, сколько есть народовъ въ мірѣ,—если я и значительная часть соплеменниковъ откажемся отъ уцѣлѣвшихъ культурныхъ связей съ нашей націей и провозгласимъ себя „космополитами“, мы совершимъ низкую измѣну, мы ускоримъ гибель этого народа, ничѣмъ инымъ незащищеннаго, кромѣ духовно-національныхъ границъ; мы сдѣлаемъ нѣчто подобное тому, что сдѣлалъ бы государственный измѣнникъ изъ вашей среды, подвергающій опасности ваши территоріальныя границы. У васъ космополитъ—національный нуль, у насъ—національный минусъ“.

Итакъ, мы и вы, представители обороняющихся націй и представители наступающихъ націй, выражаемъ однимъ и тѣмъ же общепринятымъ словомъ противоложныя понятія. Еслибъ какой-нибудь волапюкъ установилъ новое слово для обозначенія *нашего*, этическаго націонализма, то мы бы охотно оставили вамъ на растерзаніе старый, опороченный терминъ. Но пока этого нѣтъ, мы обязаны точно и строго условиться относительно употребленія существующаго термина. Такую демаркаціонную линію между указанными противоположными понятіями устанавливаетъ развитая мною въ предыдущихъ письмахъ схема двухъ категорій націонализма, положительнаго и отрицательнаго:

Положительная категорія:	Отрицательная категорія:
а) Національный индивидуализмъ.	а) Національный эгоизмъ.
б) Оборонительный или освободительный націонализмъ.	б) Наступательный или угнетающій (ассимилирующій) націонализмъ

IV. Когда въ международныхъ отношеніяхъ прекратится наступательный націонализмъ, тогда станетъ излишнимъ чрезвычайное напряженіе энергіи его оборонительнаго антипода; но это не значитъ, что

національнымъ вообще исчезнетъ. Исчезнетъ только острое, тревожное чувство самосохраненія, ранѣе вызванное опасностью, но останется нормальное чувство самосохраненія. Останется спокойный индивидуализмъ, стремленіе каждаго народа къ самобытному культурному развитію. Тогда выяснится, что духовное содержаніе національной идеи вполнѣ совмѣстимо даже съ идеалами *универсализма*. Не слѣдуетъ, конечно, смѣшивать универсализмъ съ „космополитизмомъ“. Послѣдній отрицаетъ психическія и этическія основы народности и не признаетъ никакихъ посредствующихъ звеньевъ между человѣкомъ и человѣчествомъ; первый же признаетъ, что человѣкъ есть членъ своего народа, а народъ есть членъ семьи народовъ или человѣчества,—а потому требуетъ, *чтобы между народами въ человѣчествѣ существовала такая же солидарность, какъ между отдѣльными людьми въ каждомъ народѣ*. Въ такомъ духѣ, хотя и съ провиденціальной окраской, проповѣдывали высшіе представители библейскаго профетизма, которые были универсалистами, а не космополитами, какъ ошибочно думаютъ иные. Пророки учили, что національная задача еврейства состоитъ въ распространеніи истиннаго богопознанія и идеаловъ соціальной справедливости между народами; они называли Израиль „свѣточемъ для народовъ“ и не допускали мысли, чтобы этотъ свѣточъ могъ погаснуть. Они учили, что каждый еврей долженъ работать для достиженія духовной миссіи еврейскаго народа, а весь еврейскій народъ—для духовнаго усовершенствованія другихъ народовъ, т. е. „человѣчества“. Они въ этомъ видѣли высшее этическое „оправданіе“ бытія еврейской націи. Мы, исходя изъ догмы права каждой націи на самоопредѣленіе, не нуждаемся въ этомъ оправданіи нашего бытія путемъ предустановленной миссіи. Но стоя на почвѣ реальныхъ международныхъ отношеній, мы утверждаемъ, что при господствѣ національнаго индивидуализма (вмѣсто національнаго эгоизма), братская солидарность народовъ и возможна, и необходима. Равноправныя и автономныя націи могутъ только мирно соперничать другъ съ другомъ въ культурныхъ успѣхахъ, но не враждовать или бороться. Между членами разныхъ націй не будетъ тѣхъ кровныхъ или историческихъ симпатій, какія существуютъ между членами одной націи, но будутъ взаимныя идейныя симпатіи, основанныя на общечеловѣческихъ стремленіяхъ, будутъ дру-

жественныя отношенія равныхъ членовъ всемірнаго союза народовъ [1]).

Въ этомъ смыслѣ я считаю нужнымъ исправить вышеприведенную формулу максимальнаго народнаго альтруизма или универсализма, установленную Вл. Соловьевымъ. Она гласитъ: „Мы должны *любить* всѣ народности какъ свою собственную". Эта заповѣдь не вполнѣ согласуется съ опредѣленіемъ самого Соловьева, что „основная особенность отдѣльнаго лица есть его народность", какъ „психическій и нравственный фактъ". Изъ этого вѣрнаго опредѣленія слѣдуетъ, что люди, имѣющіе общія народныя особенности, будутъ психически и нравственно притягиваться другъ къ другу больше, чѣмъ къ членамъ другой народности,—и такъ оно и есть въ дѣйствительности. Любя свою народность въ силу родственной съ ней связи, физической и духовной, человѣкъ не можетъ *точно такъ же* любить чужую народность, гдѣ такой связи нѣтъ. И всякая заповѣдь въ смыслѣ такого полнаго уравненія эмоцій любви къ своей и чужой націи останется только pium desiderium. Вмѣсто этой этической абстракціи, я предлагаю слѣдующее конкретное положеніе: *признавайте свободу всякаго національнаго*

[1]) Въ своемъ трудѣ „Die Ethik des Judenthums (Berlin, 1898, §§ 157—161), проф. Лацарусъ проводитъ глубокомысленную параллель между народнымъ *партикуляризмомъ* (какъ онъ называетъ націонализмъ) и *универсализмомъ* на почвѣ еврейской религіи и этики. Онъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что „оба эти направленія отличаются другъ отъ друга не столько *этически*, сколько *психологически;* не объективно, въ ученіи, но субъективно, въ личностяхъ, лежитъ основа ихъ противоположности. Здѣсь споръ идетъ не о теоретической цѣли и будущности человѣчества, а только о практическомъ пути и настоящемъ еврейства... Партикуляристы думаютъ реалистически только о настоящемъ; универсалисты думаютъ въ то же время идеалистически и о будущемъ... Но безспорно, что руководящія идеи обоихъ направленій имѣютъ подъ собою этическую основу".—Къ этому слѣдуетъ прибавить только одну поправку, а именно: если преобладаніе того или другого изъ указанныхъ направленій зависитъ отъ настроенія личностей, то вѣдь настроеніе личностей въ свою очередь зависитъ отъ историческихъ условій жизни народа въ каждую данную эпоху. Когда угрожаетъ опасность народной цѣлости, личность *должна* думать больше всего о спасеніи этой цѣлости, о *настоящемъ,* и должна думать „реалистически"; когда же народная самобытность обезпечена отъ покушенія со стороны національнаго эгоизма другихъ народовъ, тогда отдѣльныя личности проникаются болѣе широкимъ „идеалистическимъ" настроеніемъ; спокойныя въ настоящемъ, онѣ думаютъ о будущемъ и получаютъ возможность удовлетворять высшимъ требованіямъ универсализма. Все, слѣдовательно, сводится къ различію *историческихъ* положеній данной націи.

индивида, какъ свободу своей собственной націи; или: *уважайте чужую національную личность, какъ свою собственную.* Это—необходимое слѣдствіе понятія національнаго индивидуализма: разъ я признаю за собою нравственное право и даже обязанность сохранять свою народную самобытность, то я долженъ признавать это же право и за всякимъ человѣкомъ другой націи. И разъ я считаю свои національныя симпатіи нравственными, то долженъ считать таковыми же національныя симпатіи члена другого народа и уважать ихъ въ немъ. Именно: уважать, а не любить,—ибо для чувства любви нужно, чтобы эти чужія симпатіи стали моими; но тогда я сдѣлался бы одновременно членомъ двухъ націй, что было бы безсмыслицею, или же отрекся бы отъ своей націи ради другой, что было бы актомъ національнаго самоубійства.

Въ этомъ разногласіи между формулою „христіанскаго философа" Соловьева и нашею проявляется опять-таки различіе національныхъ міросозерцаній. Это—старый споръ между евангельскимъ субъективнымъ началомъ *любви,* которую нельзя предписывать, и объективной нормой *справедливости,* составляющей основу еврейской этики. Іудаизмъ никогда не создавалъ неосуществимыхъ моральныхъ формулъ и вообще ученій „не отъ міра сего": онъ ставилъ идеалы достижимые, но зато строго требовалъ ихъ осуществленія въ жизни [1]).

Все, сказанное здѣсь объ универсализмѣ, примѣнимо и къ *интернаціоналізму,* понимаемому въ томъ же смыслѣ. Этотъ терминъ, обычный въ соціалистической литературѣ, употреблялся различно въ различныхъ ея стадіяхъ. Марксъ и Энгельсъ приближали понятіе „интернаціонализма" къ „космополитизму" или отрицанію національной идеи, которая имъ представлялась только историческимъ наростомъ, излишней роскошью для „пролетаріата, не имѣющаго отечества". Такъ какъ національная борьба часто осложняла и затрудняла классовую, то первоначальный марксизмъ отвергалъ первую и даже стоялъ за политическую централизацію, за подчиненіе мелкихъ націй одной сильной государственной націи, въ

[1]) Конечно, и евангельская этика „не отъ міра сего" выросла на еврейской почвѣ, но не пустила тамъ корней даже въ идеологіи. Іудаизмъ былъ избавленъ, такимъ образомъ, отъ того вопіющаго раздвоенія идеологіи и дѣйствительности, которое характеризуетъ эволюцію христіанства.

цѣляхъ „культурнаго объединенія“ (Марксъ, напримѣръ, рѣзко осуждалъ автономическія стремленія австрійскихъ славянъ, кромѣ поляковъ) [1]). Въ новѣйшее время, когда выяснился освободительный характеръ національныхъ движеній, вожди соціалъ-демократіи поняли ошибку своихъ предшественниковъ. На партійныхъ съѣздахъ и въ литературѣ автономныя политическія и національно-культурныя стремленія угнетенныхъ народностей были признаны законными, насколько они не затемняютъ классоваго самосознанія пролетаріата. Нѣкоторые вожди соціалъ-демократіи (Каутскій и др.) настаиваютъ на этомъ послѣднемъ условіи и ограничиваютъ національное движеніе рамками пролетарской политики; другіе считаютъ соціализмъ и національную идею не только не противорѣчащими, но и дополняющими другъ друга (Пернерсторферъ и др.) [2]). Въ связи съ этимъ измѣнилось у новѣйшихъ соціалистовъ и понятіе объ интернаціонализмѣ. Послѣдній не отождествляется теперь съ абстрактнымъ космополитизмомъ, а приближается къ вышеуказанному понятію универсализма. Въ отвѣтъ на разосланную въ 1905 г. анкету, крупнѣйшіе лидеры рабочаго движенія въ Европѣ высказались, что націонализмъ или патріотизмъ совмѣстимъ съ интернаціонализмомъ, въ смыслѣ международнаго сотрудничества автономныхъ (политически или культурно) національныхъ единицъ [3]). Одинъ изъ этихъ отзывовъ—отзывъ Бебеля—до такой степены близокъ къ нашимъ тезисамъ, что я не могу отказать себѣ въ удовольствіи привести изъ него цитату.

„Что мы понимаемъ подъ патріотизмомъ? Всякій народъ, который имѣетъ свой собственный языкъ, свои собственные нравы, свою цивилизацію и свою исторію, имѣетъ право развиваться, какъ органическое цѣлое, и самоуправляться. Патріотъ—тотъ, кто старается гарантировать народу, къ которому онъ принадлежитъ по рожденію, языку и нравамъ, наивысшую цивилизацію въ интересахъ всѣхъ, не причиняя вреда какому-либо другому народу. Если онъ преслѣдуетъ эту цѣль, не заботясь о личныхъ выгодахъ и не подслуживаясь управляющимъ классамъ, но въ интересѣ всѣхъ,—то онъ осуществляетъ наивысшій идеалъ, который человѣкъ можетъ себѣ поставить.

---

[1]) Ср. *Масарикъ*, Философскія и соціологическія основанія марксизма. Рус. перев. М. 1900, стр. 388—415 (глава: „Націонализмъ и интернаціонализмъ“).

[2]) *Пернерсторферъ*, Національный вопросъ и соціалъ-демократія, стр. 8 сл. (Спб. 1906).

[3]) Отзывы на эту анкету переведены въ брошюрѣ д-ра *Пасманика*: „Національный вопросъ предъ судомъ соціалъ-демократовъ“, снабженной содержательнымъ введеніемъ переводчика. Изд. „Кадима“, Одесса 1906 г.

„Но что мы понимаемъ подъ интернаціонализмомъ? Не уничтоженіе національности, не насильственное сліяніе народовъ, но поддержаніе и прогрессъ мирныхъ культурныхъ отношеній между народами. На ряду съ національной цивилизаціей народа существуетъ интернаціональная, въ которой участвуетъ каждый народъ сообразно со своимъ интеллектуальнымъ развитіемъ. Наши дѣловыя сношенія, наша научная, артистическая и литературная дѣятельность, обмѣнъ открытій и изобрѣтеній—вотъ главныя характерныя черты этого интернаціональнаго напряженія... (Далѣе говорится о перспективѣ мирнаго улаженія споровъ между государствами и образованія всемірнаго парламента изъ представителей цивилизованныхъ націй).

„Итакъ, патріотизмъ и интернаціонализмъ не противорѣчатъ другъ другу, но взаимно дополняются, на благо все болѣе совершенной цивилизаціи... Каждый народъ, каждая народная группа должна сама опредѣлять свою участь. Энергичный народъ, испытавшій посягательство на свой языкъ, цивилизацію и, слѣдовательно, также на свои матеріальные интересы, будетъ всегда стараться добиться своей національной независимости, потому что только она гарантируетъ самобытность его цивилизаціи“ [1]).

Въ такомъ же духѣ высказались итальянскій лидеръ соціалистовъ Энрико Ферри и австрійскій—Пернерсторферъ. Послѣдній, въ отличіе отъ Бебеля и Ферри, употребляетъ, вмѣсто опошленнаго обиходнаго термина „патріотизмъ“, болѣе широкіе научные термины: „національность“, „національная идея [2]). („Патріотизмъ“—смѣсь государственнаго и національнаго, т. е. элементовъ, которые нерѣдко сталкиваются, и при употребленіи этого термина всегда приходится оговаривать, о какомъ патріотизмѣ идетъ рѣчь). Болѣе прямолинейный теоретикъ соціализма, К. Каутскій съ явной неохотой склоняется на сторону націонализма, проводитъ демаркаціонную линію между буржуазнымъ и пролетарскимъ пониманіемъ какъ націонализма, такъ и интернаціонализма, и повсюду подчеркиваетъ суверенитетъ классовой политики, которой должны подчиняться и національныя движенія [3]). Оставляя въ сторонѣ это послѣднее, партійное отношеніе къ дѣлу, мы можемъ однако констатировать фактъ, что въ послѣднее время сама жизнь заставила даже упорныхъ послѣдователей Маркса измѣнить свое отношеніе къ національному вопросу и отвести ему подобающее мѣсто въ эволюціи общества. Когда всѣ соціалъ-демократы проникнутся этой идеей, то споръ между ними и непартійными

[1]) *Ibid.*, стр. 36—37. Приведено съ сокращеніями и устранены явныя опечатки и стилистическія шероховатости перевода.

[2]) *Ibid.*, стр. 28—35, 38—39.

[3]) *Ibid.*, 39—43. Къ мнѣнію Каутскаго примыкаетъ отзывъ русскаго лидера партіи, г. Плеханова; тамъ же стр. 43—48.

націоналистами будетъ вестись не о томъ, нужна или не нужна національная индивидуализація, а только о томъ, какая политика должна *первенствовать* въ жизни обороняющихся или освобождающихся народностей: національная или классовая. Въ стремленіи же къ идеалу интернаціонализма, какъ союза равноправныхъ и автономныхъ (политически или культурно) національныхъ группъ, сойдутся и тѣ и другіе. Высокій идеалъ универсализма долженъ служить путеводной звѣздой для всякаго истиннаго націоналиста; степень приближенія къ этому идеалу и есть мѣра этической чистоты даннаго національнаго направленія.

Если чистая національная идея вообще совмѣстима съ идеаломъ универсализма, то въ частности совмѣстима съ нимъ еврейская національная идея, исключающая возможность агрессивности. Она обусловливается высшимъ принципомъ соціальной этики: равноцѣнностью коллективныхъ индивидовъ или націй въ международной семьѣ. Еврейской націонализмъ въ такой же мѣрѣ удовлетворяетъ требованіямъ этики, въ какой упомянутый французскій (или нынѣшній русскій) націонализмъ нарушаетъ ихъ. Пусть тѣ, которые преклоняются передъ высокимъ идеаломъ, борются противъ его извращенія. И потомкамъ библейскихъ пророковъ болѣе всего подобаетъ поддерживать во всей чистотѣ тотъ національный идеалъ, который въ профетизмѣ сливался съ грандіозными мечтами о всечеловѣческомъ братствѣ.

Май 1899 (дополн. 1906 г.).

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ.

Автономизмъ, какъ основа національной программы.

I. Тезисъ обособленности, антитезисъ ассимиляціи, синтезъ автономизма.

II. Автономія и гетерономія.—Формула еврейскаго автономизма.

III. Община, какъ историческая единица самоуправленія. — Старый типъ религіозной общины, какъ дроби „религіозной націи".—Новая „Cultusgemeinde" и синагогальная организація самоуправленія — реликвіи эмансипированнаго еврейства.—Необходимость секуляризаціи: національная община.—Шансы автономіи на Западѣ. — Отрадные симптомы; проектъ *Judentag'a* Филиппсона. — Борьба за общинную автономію въ Россіи.

IV. Національное представительство въ парламентахъ и еврейскія парламентскія фракціи. — Печальное состояніе еврейскаго представительства въ Австріи.—Упрекъ извнѣ (Масарикъ).—Шансы представительства въ различныхъ странахъ.

V. Общееврейская центральная организація; національный конгрессъ. — Эмиграціонный вопросъ; будущность еврейскихъ центровъ въ Америкѣ и Палестинѣ.

VI. Отвѣтъ на возраженія: автономія и борьба за право, боязнь „кагала", право культурной „обособленности", борьба съ государственнымъ національномъ.—Ближайшая программа дѣятельности.

Приложеніе: рѣчь депутата Брейтера.

I. Умеръ недавно XIX вѣкъ, нѣкогда мощный, порывистый, полный свѣтлыхъ надеждъ, но предъ кончиною одряхлѣвшій, впавшій въ идейный маразмъ, въ болѣзнь этическаго и эстетическаго декаданса („fin de siécle"). Теперь медленно приближается къ смерти одинъ изъ величайшихъ антитезисовъ еврейской исторіи, порожденный этимъ бурнымъ вѣкомъ [1]).

---

1) Во избѣжаніе недоразумѣній, я долженъ замѣтить, что примѣняемая въ этомъ и другихъ „письмахъ" *эволюціонная* тріада (тезисъ, антитезисъ, синтезъ) находится только въ отдаленномъ родствѣ съ Гегелевской *діалектической* тріадой. Для меня это не формальный логическій методъ, а глубокій психологическій процессъ сочетанія дробныхъ долей истины, разсѣянныхъ въ различныхъ

XIX вѣкъ былъ въ еврейской исторіи „вѣкомъ антитезиса". Старый *тезисъ*, противъ котораго онъ выступилъ, назывался *обособленностью*. Послѣ упадка сефардской культуры въ Испаніи и перехода національной гегемоніи къ ашкеназамъ Германіи и Польши, этотъ тезисъ, въ теченіе трехъ столѣтій (1492—1791), составлялъ непоколебимую основу еврейской жизни. Строгая замкнутость въ сферѣ соціальной, бытовой и духовной, внутреннее общинное самоуправленіе, мѣстами широко организованное (какъ напр. въ Польшѣ), и чисто формальное отношеніе къ внѣшнему государственному режиму (или вѣрнѣе—прижиму", по символическому выраженію чеховскаго героя)—вотъ характерныя черты нашего стараго порядка. Что бы ни говорили о недостаткахъ этого стараго порядка, но въ немъ было одно крупное достоинство—цѣльность, послѣдовательность поведенія. Евреи со-

---

стадіяхъ мышленія и чувствованія. Три стадіи образуютъ полный кругъ развитія, и каждой изъ нихъ соотвѣтствуютъ не абстракціи, а жизненныя идеи-силы. *Тезису* соотвѣтствуетъ унаслѣдованная отъ прежнихъ поколѣній безъ критики косная *традиція*, установившееся и отвердѣвшее мнѣніе или вѣрованіе, положительная *догма*. *Антитезисъ* есть стремленіе освободиться изъ-подъ власти догматическаго или традиціоннаго тезиса, разрушить его всецѣло, не допуская въ немъ даже той доли исторической истины, которой онъ обязанъ своимъ возникновеніемъ; это абсолютная критика, отрицаніе прежняго, противоположный идеалъ. *Синтезъ* есть не „отрицаніе отрицанія" (какъ въ діалектикѣ Гегеля), а процессъ творчества болѣе полной идеи, куда входятъ очищенныя отъ крайностей доли истины, содержавшіяся въ тезисѣ и антитезисѣ, въ комбинаціи съ новыми жизненными элементами. Это—основа для болѣе совершеннаго міросозерцанія, удовлетворяющаго не одной, а многимъ потребностямъ человѣческой души, эмоціональнымъ и интеллектуальнымъ, или потребностямъ народа въ данную историческую эпоху. При тезисѣ остается неразсуждающая патріархальная масса, старая ортодоксія; къ антитезису переходитъ интеллигентная масса, особенно молодежь, въ періодъ крушенія старыхъ идеаловъ и вѣрованій; но только люди односторонніе или ограниченные (вообще или въ данной области) застываютъ на этой стадіи отрицанія: глубже мыслящіе переходятъ отъ антитезиса къ синтезу, совершая такимъ образомъ *полный кругъ развитія*. Однако и синтезъ, вошедшій въ сознаніе массъ, превращается съ теченіемъ времени въ догму, традицію, т. е. въ тезисъ, въ которомъ сущность заслонена сторонними примѣсями и позднѣйшими наслоеніями; противъ него тогда выступаетъ новый антитезисъ, а затѣмъ создается новый синтезъ, еще болѣе многосторонній, чѣмъ предыдущій,—и такъ далѣе вращается кругъ исторіи, вырабатывая съ каждымъ фазисомъ все болѣе провѣренныя идеи, очищаемыя опытомъ и критикою ряда поколѣній. Въ этомъ—*законъ идейной эволюціи*, законъ духовнаго прогресса. Я надѣюсь въ особомъ этюдѣ подробно развить содержаніе этого научнаго закона эволюціи идей, въ его психологическихъ и соціологическихъ проявленіяхъ.

вершенно здраво разсуждали, что если государство только терпитъ ихъ въ качествѣ выгодныхъ „жильцовъ“, а христіанское населеніе имъ чуждо или враждебно, то и они могутъ относиться къ государству только формально, а къ недобрымъ сосѣдямъ не имѣютъ основанія питать добрыя чувства. Установилась, такимъ образомъ, „терпимость“ съ обѣихъ сторонъ, хотя и не однородная:

Du... duldest, dass ich athme,
Dass du rasest, dulde ich (Heine)

Евреи уплачивали государству свои постоянныя и чрезвычайныя повинности, несоразмѣрныя съ жалкими правами, которыя имъ предоставлялись — и затѣмъ считали себя свободными отъ обязательствъ по отношенію къ государству, трактовавшему ихъ какъ иностранцевъ. Они мирились съ тѣмъ, что не имѣли ни политическихъ правъ, ни гражданскаго равноправія, ибо сохранили за собою одно право, которое имъ было всего дороже: право самобытной національной жизни, осуществляемое путемъ общиннаго самоуправленія. Это внутреннее самоуправленіе было для нихъ суррогатомъ государственности и гражданственности. Парія внѣ гетто, еврей былъ гражданиномъ внутри гетто, внутри раіона своей осѣдлости, въ своей общинѣ, въ своемъ духовномъ государствѣ. Въ Польшѣ евреи создали широкую и стройную общинную организацію— кагалы и союзы кагаловъ, съ цѣлой сѣтью религіозныхъ, благотворительныхъ и просвѣтительныхъ учрежденій, со сложной административной іерархіей. Для польскаго правительства эта организація была весьма удобна, ибо она гарантировала точное исполненіе евреями, за круговою порукою, всѣхъ своихъ формальныхъ обязанностей по отношенію къ государству; для христіанскаго населенія она была безразлична, ибо евреи все равно не могли имѣть съ нимъ никакого гражданскаго общенія, какъ люди, не допускавшіеся ни въ общегосударственныя представительныя учрежденія (сеймы), ни въ городскіе магистраты, ремесленные и купеческіе цехи и другія сословныя учрежденія. Для евреевъ же эта общинная автономія имѣла громадное и національное, и культурное значеніе; она объединяла и укрѣпляла опальную націю и въ то же время цивилизовала ее, пріучала къ общественной дисциплинѣ, къ самоуправленію и самодѣятельности. Еврей сознавалъ себя членомъ живого народнаго организма; онъ имѣлъ *свой*

тѣсный общественный и духовный кругъ и довольствовался имъ. Его обособляли, держали внѣ закона и внѣ гражданскаго общества—и онъ обособлялся, находя полное удовлетвореніе въ своемъ законѣ и своемъ обществѣ, въ своей синагогѣ, школѣ, кагальной избѣ, наконецъ въ своемъ умственномъ и литературіомъ творчествѣ. Онъ считалъ эту обособленность благомъ для своей національно-культурной личности и распространялъ ее на всѣ сферы жизни и быта, вездѣ стараясь не походить на „нихъ", на чуждыхъ или враждебныхъ ему сосѣдей... Каждый еврей, сознательно или безсознательно, жертвовалъ частью своей индивидуальной свободы ради крѣпости національной дисциплины. Только исключительныя натуры тяготились этой чрезчуръ суровой дисциплиной, основанной на старомъ началѣ: salus publica—suprema lex. Въ нихъ порывы личной свободы боролись съ игомъ общественнаго регламента,—но эта трагическая борьба стала замѣтной уже въ послѣдующее, переходное время.

Наступилъ XIX вѣкъ, предшествуемый громомъ революціи и восторженными кликами о „равенствѣ, братствѣ и свободѣ". Передовые евреи Западной Европы проникались новыми, освободительными вѣяніями еще раньше, чѣмъ эти вѣянія успѣли принять реальныя формы въ христіанскомъ обществѣ, раньше, чѣмъ рухнули повсюду стѣны гетто. Еще солнце свободы засіяло только надъ горстью евреевъ во Франціи, а косые лучи его уже освѣтили темные закоулки германскихъ гетто, гдѣ недавно началось культурное обновленіе еврейскаго общества подъ вліяніемъ гуманизма „эпохи Мендельсона". Подъ лучами приближавшейся соціальной весны быстро таяла наслоенная вѣками ледяная глыба обособленности. Потекли вешнія воды: пошло наводненіе *ассимиляціи*. Тезисъ—окаменѣлый старый порядокъ еврейской жизни—рушился, и на его развалинахъ водворилась противоположная крайность *антитезиса* [1]). Ему сначала еще не поддаются русско-польскіе евреи, пе-

[1]) Этотъ антитезисъ—не первый въ еврейской исторіи. Въ предыдущіе періоды были два сходныхъ ассимиляціонныхъ теченія: одно—въ древности, въ эпоху іудео-эллинскаго синкретизма (въ Александріи, Сиріи, отчасти Іудеѣ), другое—въ средневѣковой арабской Испаніи. Оба раза ассимиляція коснулась быта, языка, литературы и отчасти даже религіи евреевъ — и тѣмъ не менѣе не поколебала вѣкового національнаго ствола еврейства, хотя оторвала отъ него немало вѣтвей. Высшіе умы (Филонъ, Маймонидъ) съумѣли синтезировать іудаизмъ съ эллинской и арабской культурой, а масса была откинута наступленіемъ воинствующей церкви (христіанской и мусульманской) въ область традиціоннаго тезиса.—О генезисѣ ассимиляціи XIX вѣка см. выше, письмо II.

реживающіе въ первой половинѣ XIX вѣка эпоху почти средневѣковаго типа; но hodie mihi cras tibi — и во второй половинѣ столѣтія, верхніе слои русскаго еврейства тоже вовлекаются въ западный антитезисъ, подъ вліяніемъ занесенныхъ съ Запада идей и мгновенно блеснувшаго на Востокѣ луча эмансипаціи, вскорѣ погасшаго...

Что-то необычайное творилось тогда въ еврейской жизни. Умственный кругозоръ расширился, индивидуальная жизнь получила больше простора, а торжествующій гуманизмъ сломалъ всѣ барьеры исторіи — и одиноко стоявшій народъ втянулся въ водоворотъ европейской общественности. *Человѣкъ*, освобожденный отъ тяжелыхъ оковъ традиціи, воспрянулъ и торжествовалъ побѣду, но что сталось съ *евреемъ*, съ нашимъ національнымъ духомъ? — Тутъ антитезисъ XIX вѣка надѣлалъ страшныя опустошенія. Безжалостно ломались вѣковые устои еврейской культуры, всѣ лучшія историческія традиціи, всѣ остатки національной автономіи. Искоренялось и самое представленіе о еврействѣ, какъ о живой, внутренно-автономной націи; еврейская національная идея попала въ index запрещенныхъ „ретроградныхъ“ идей. Какъ нѣкогда кричали: „въ шатры свои, Израиль!“—такъ теперь стали кричать: „вонъ изъ шатровъ своихъ, Израиль!“ Сліяніе съ окружающими націями стало догмою новаго міросозерцанія. Одни уходили по пути добровольнаго сліянія туда, куда не могли загнать ихъ предковъ мечъ крестоносцевъ и огонь Торквемадъ; другіе, подобно сатанѣ въ „Іовѣ“, отнимали у „бывшей“ націи все, кромѣ души, которая у нихъ какъ-то сократилась, втиснутая въ узкую рамку нѣсколькихъ религіозныхъ догматовъ и обрядовъ. „Оставь умершую еврейскую націю и прилѣпись къ народамъ, среди которыхъ живешь!“—вотъ священная заповѣдь, которую съ жаромъ неофитовъ возвѣщали жрецы ассимиляціи.. Во что же вѣрила эта новая „культурная“ масса, убившая въ себѣ свой національный духъ, свои гордыя историческія традиціи, перекраивавшая свою душу на чужой національный ладъ: нѣмецкій, польскій или русскій? Она вѣрила, что еврейство, какъ нація, умерло и должно или раствориться въ человѣчествѣ, или—такъ какъ конкретно „человѣчество“ дѣлится на націи—войти въ составъ чужихъ національныхъ организмовъ, сохраняя только, въ видѣ красивыхъ реликвій, нѣсколько обломковъ своей древней религіи и исторіи. Крайность стараго обособленія вы-

звала эту крайность ассимиляціи. Сила антитезиса, по психологическому закону, оказалась пропорціональною силѣ тезиса.

Но антитезисъ, по самому существу своему, не можетъ держаться долго: разрушеніе завершается скорѣе, чѣмъ созиданіе. Ассимиляція должна была дойти до абсурда, какъ способъ спасенія еврейскаго народа черезъ... національное самоубійство, и раньше или позже ей предстояло банкротство. Антисемитизмъ „конца вѣка“ послужилъ внѣшнимъ толчкомъ, ускорившимъ это крушеніе антитезиса въ его крайнихъ проявленіяхъ. Антисемитизмъ сдѣлалъ смѣшною основную заповѣдь ассимиляціи: „прилѣпись къ окружающимъ націямъ!“ Ибо эти націи стали энергично стряхивать съ себя „прилѣпившихся“ къ нимъ евреевъ и тѣмъ дали понять, что при подобныхъ операціяхъ недостаточна готовность только одной изъ участвующихъ сторонъ. Впрочемъ, трагическій элементъ оказался тутъ сильнѣе комическаго... Ассимилированная толпа не замѣчаетъ еще ни злой ироніи, ни потрясающаго трагизма въ этомъ новомъ поворотѣ исторіи — и продолжаетъ по инерціи двигаться въ прежнемъ направленіи. Но лучшая часть еврейской интеллигенціи призадумалась—и вотъ приблизительно ходъ ея мыслей:

Чего мы достигли въ эпоху антитезиса? Мы удалились отъ своего народа и не могли войти, какъ органическая часть, въ составъ окружающихъ народовъ. Ассимиляція оказалась актомъ психически неестественнымъ, морально унизительнымъ и практически нецѣлесообразнымъ. Мы отреклись отъ *автономіи*, этого жизненнаго нерва всякой національности, и замѣнили его началомъ *гетерономіи*, ковырканіемъ своей народной индивидуальности на чужой ладъ. Эта ошибка принесла свои плоды. Мы лишились своего внутренняго центра жизни, перенесли этотъ центръ во внѣшнюю среду—и въ результатѣ у насъ оказалось неустойчивое равновѣсіе, опасное шатаніе. „Сліяніе“, „пріобщеніе къ культурѣ“ того или другого народа!—отчего эти слова звучали въ нашихъ ушахъ такъ „гордо“, между тѣмъ какъ подобные лозунги оскорбляли бы чувство достоинства всякой другой уважающей себя націи, хотя бы и политически зависимой, угнетаемой? Отчего не выработались такіе рабскіе лозунги у ирландцевъ, поляковъ, астрійскихъ славянъ, турецкихъ армянъ? Развѣ наша трехтысячелѣтняя культура не даетъ намъ, древнѣйшему историческому народу, такого же

права на повсемѣстное свободное развитіе въ нашемъ національномъ духѣ, какъ другимъ политически несамостоятельнымъ народамъ? Развѣ еврейскія требованія въ области соціально-культурной автономіи менѣе исполнимы, чѣмъ требованія территоріальной автономіи, предъявляемыя другими народами въ разноплеменныхъ государствахъ? Да, мы низко пали. Гораздо больше было въ насъ чувства собственнаго достоинства въ эпоху стараго тезиса, когда центръ нашей жизни находился среди насъ, а не внѣ насъ, когда обособленность, не охраняя насъ отъ внѣшнихъ ударовъ (отъ нихъ мы и теперь не застрахованы), предохраняла насъ отъ внутренней раздробленности и двоедушія и дѣлала насъ равноправными членами *своей* національной организаціи. Правда, обособленность шла тогда слишкомъ далеко: она простиралась не только на *еврея*, но и на *человѣка*, она охватывала тѣснымъ кольцомъ нашу умственную и культурную жизнь, она давила индивида тяжестью своей дисциплины, налагала на свободный духъ оковы традиціи. Это зло отчасти уже устранено эпохою антитезиса — и здѣсь главная ея заслуга. Эта эпоха, сокративъ нашу народную личность, расширила однако сферу индивидуальной свободы, пріучила насъ болѣе или менѣе къ политической и гражданской жизни, вызвала въ насъ потребность обновленія стараго строя, жажду внутренней реформы. Итогъ этой эпохи—въ томъ, что она одновременно и *гуманизировала* и *денаціонализировала* еврея.

Опытъ жизни обнаружилъ односторонность и тезиса, и антитезиса. Онъ показалъ, что настала пора для новой комбинаціи силъ, болѣе полной, примиряющей требованія гуманизма и прогрессивнаго націонализма. Былъ проложенъ путь широкому *синтезу*. Этотъ синтезъ долженъ сочетать въ себѣ все стойкое и жизнеспособное изъ предыдущихъ двухъ стадій развитія и, отбросивъ ихъ крайности, создать основу для новаго направленія. И мы теперь несомнѣнно стоимъ на порогѣ великаго историческаго синтеза. Въ чемъ же заключается смыслъ этого новаго идейнаго направленія, долженствующаго надолго опредѣлить содержаніе нашей національной жизни?

Тезисъ назывался „обособленностью“, антитезисъ—„ассимиляціей“. Каково имя новорожденнаго синтеза?—*Автономизмъ*. Автономизмъ есть стремленіе всякой жизнеспособной націи къ максимуму внутренней

независимости или автономіи, возможному при данныхъ политическихъ условіяхъ. Автономизмъ—общій принципъ, автономія—его примѣненіе въ различныхъ формахъ, которыя мы сейчасъ разсмотримъ.

II. Всякая жизнеспособная нація стремится къ сохраненію тѣхъ индивидуальныхъ и самобытныхъ чертъ, которыми ее надѣлила ея собственная историческая эволюція, а также тѣхъ орудій, которыя способствуютъ такому сохраненію. Она ревностно оберегаетъ свою территорію и политическую независимость, а если она послѣднихъ лишилась—то свой языкъ, свою культуру, письменность, школу и религію, свое общинное самоуправленіе, свои особыя учрежденія и вообще все то, что укрѣпляетъ внутреннее общеніе ея членовъ. Въ жизнеспособной націи стремленіе къ *сохраненію* своего историческаго типа всегда идетъ объ руку со стремленіемъ къ его дальнѣйшему *развитію* и усовершенствованію. Всѣ эти естественныя наклонности національнаго организма выражаются въ тенденціяхъ автономистическихъ. Чѣмъ сложнѣе и своеобразнѣе историческая эволюція даннаго народа, тѣмъ сильнѣе въ немъ стремленіе къ „своезаконію“, къ автономіи—т. е. къ дальнѣйшему росту на своей культурной почвѣ—и отвращеніе къ „инозаконію“ или гетерономіи, навязывающей ему духъ и формы чужой эволюціи. Автономія, какъ постулатъ исторіи, есть слѣдовательно неотъемлемое право каждаго національнаго индивида. Однако, формы и степени ея бываютъ весьма разнообразны, въ зависимости отъ политическихъ и соціальныхъ условій, въ которыхъ находится данный народъ въ данномъ разноплеменномъ государствѣ. Ирландцы, напримѣръ, домогаются территоріальнаго или, по крайней мѣрѣ, парламентскаго (Home Rule) отдѣленія своей страны отъ чуждой имъ по религіи и національности Англіи; чешскіе націоналисты мечтаютъ о такой независимости, какою пользуется въ Австрійской имперіи Венгрія, о превращеніи этой двухэтажной имперіи въ трехэтажную—Австро-венгро-чешскую; австрійскіе и прусскіе поляки стремятся къ расширенію своей областной сеймовой автономіи и энергично борются противъ попытокъ германизаціи; русины въ Галиціи, въ свою очередь, отстаиваютъ свою культурную самобытность и противодѣйствуютъ полонизаторскимъ тенденціямъ. Въ чемъ же долженъ выразиться еврейскій автономизмъ? Онъ долженъ, конечно, соотвѣтствовать характеру еврейской національной идеи. Еврейство, какъ духовная

или культурная нація, не можетъ стремиться въ діаспорѣ ни къ территоріальному, ни къ политическому обособленію, а только къ общественной и національно-культурной автономіи. Еврей-націоналистъ говоритъ: „Какъ гражданинъ данной страны, я участвую въ ея политической и гражданской жизни, по мѣрѣ предоставленныхъ мнѣ правъ, но какъ членъ еврейской націи, я имѣю сверхъ того свои народные интересы—и въ этой сферѣ признаю себя автономнымъ въ такой же степени, въ какой автономія въ данномъ государствѣ и въ данной сферѣ интересовъ допускается для всякаго другого національнаго меньшинства. Я волеиъ говорить на своемъ языкѣ и употреблять его во всѣхъ публичныхъ учрежденіяхъ, воспитывать своихъ дѣтей въ своемъ національномъ духѣ и приспособлять къ тому программы моихъ школъ, открыто исповѣдывать и проповѣдывать свою религію, имѣть свое общинное самоуправленіе и создавать для народныхъ цѣлей различныя организаціи, имѣть солидарность интересовъ съ моими соплеменниками не только въ данной странѣ, но и въ другихъ странахъ, участвовать во всѣхъ организаціяхъ, направленныхъ къ охранѣ и защитѣ интересовъ еврейскаго народа повсемѣстно“.

Въ „эпоху обособленности“ евреи въ значительной мѣрѣ, хотя и въ устарѣлыхъ формахъ, пользовались правомъ національно-культурной автономіи, но не имѣли гражданскихъ и политическихъ правъ. Въ „эпоху ассимиляціи“ началось участіе евреевъ въ гражданской, а мѣстами и въ политической жизни обитаемыхъ ими странъ; но зато многіе отказались отъ лучшаго историческаго достоянія своего народа — отъ его внутренней національной автономіи, которую они ошибочно считали несовмѣстимой съ полученной или ожидавшеюся гражданской эмансипаціей. Такимъ образомъ, старое еврейство жертвовало гражданскими правами ради національныхъ, а новое пожертвовало національными правами ради гражданскихъ или политическихъ. Наступающая теперь „эпоха автономизма“ чужда односторонности обѣихъ предыдущихъ эпохъ, которая дѣлала жизнь неполною, ненормальною. Новая эпоха должна сочетать гражданско-политическое равноправіе евреевъ съ той долей общественно-культурной автономіи, какою пользуются другія націи, находящіяся въ сходныхъ съ ними историческихъ условіяхъ. Евреи должны добиваться одновременно *гражданскаго*, *политическаго* и *національнаго* равноправія, не жертвуя однимъ ради другого, какъ это было раньше.

Итакъ, формула еврейскаго автономизма гласитъ: *Евреи во всякой странѣ, принимая активное участіе въ ея гражданской и политической жизни, пользуются всѣми правами, присвоенными ея гражданамъ, какъ отдѣльнымъ людямъ и какъ членамъ своихъ націй. Граждански равноправные, евреи добиваются и національнаго равноправія въ предѣлахъ, допускаемыхъ цѣлостью даннаго государственнаго организма.*

III. Какими же путями будутъ осуществляться наши національныя права, наша внутренняя автономія? Тутъ мы должны различить два вида національнаго меньшинства въ разноплеменномъ государствѣ или *Nationalitätenstaat*: 1) *территоріальная народность*, составляющая меньшинство въ общемъ составѣ государства и большинство въ своей исторической области или провинціи (поляки въ трехъ имперіяхъ, чехи въ Австріи и т. п.); 2) *нетерриторіальная народность* или народная дробь, не составляющая большинства населенія въ данной провинціи (евреи во всѣхъ странахъ, поляки въ Литвѣ etc). Для націй перваго типа нужна *областная-сеймовая* автономія, для націй второго типа—*общинная-культурная* автономія.

До XIX вѣка, въ странахъ діаспоры единицей еврейскаго самоуправленія была *община*. Размѣры автономіи обусловливались степенью организованности этихъ единицъ и объемомъ дѣятельности той центральной организаціи, которая ихъ объединяла (союзъ общинъ). Такъ какъ вся наша національная и даже индивидуальная жизнь въ долгій безгосударственный періодъ нашей исторіи регулировалась „религіознымъ“ законодательствомъ (т. е. общимъ законодательствомъ, облеченнымъ санкціей религіи), то и общинное самоуправленіе велось подъ той же фирмой. Тотъ режимъ, который создалъ изъ еврейства типъ религіозной *націи* (см. письмо I), создалъ и типъ *религіозной общины*, какъ автономной единицы. И какъ въ цѣломъ народъ подъ фирмою религіи фактически осуществлялъ задачи, внѣ ея области лежащія, такъ и въ части его, въ „религіозной“ общинѣ, осуществлялись всѣ функціи общественной и народной организаціи: дѣйствовала выборная администрація по дѣламъ общины, еврейскій судъ разбиралъ гражданскіе и часто уголовные процессы, существовала система самообложенія и сбора государственныхъ податей, содержались собственныя школы всѣхъ типовъ,

создавались религіозныя и благотворительныя учрежденія, ремесленные и торговые цехи, союзы взаимопомощи; вырабатывались обязательныя постановленія и регламенты на съѣздахъ делегатовъ общиннаго союза [1]). Синагога и раввинатъ только оффиціально стояли въ центрѣ всей этой сѣти учрежденій; фактически же община была своего рода еврейской „земской единицей“ самоуправленія. Въ до-эмансипаціонную эпоху общинная автономія была, какъ уже сказано выше, суррогатомъ государственности и гражданственности, отъ которыхъ старый деспотическій режимъ всячески отстранялъ евреевъ.

Что же должно было сдѣлать „новое еврейство“, получившее на Западѣ гражданскую эмансипацію, или еще раньше проникшееся духомъ современной культуры? Оно должно было приспособить свою автономію къ новымъ понятіямъ, къ строю жизни свободнаго гражданина. Предстояло и въ еврействѣ совершить общеевропейскій процессъ *секуляризаціи*, отдѣленіе соціальнаго отъ религіознаго. Нужно было и въ общинной автономіи отдѣлить національное ядро отъ твердой религіозной скорлупы. Вѣдь и послѣ сокращенія объема еврейскаго самоуправленія благодаря эмансипаціи (въ сферѣ администраціи, суда и фиска), оставалась еще широкая область соціальной и культурной автономіи: сѣть мѣстныхъ учрежденій для цѣлей взаимопомощи, благотворительности, просвѣщенія въ предѣлахъ общинъ; объединеніе общинъ въ союзы съ центральными органами для регулированія обще-еврейскихъ дѣлъ и защиты политическихъ и соціально-экономическихъ интересовъ еврейства въ данной странѣ; организація еврейскаго національнаго представительства въ общегосударственныхъ и областныхъ представительныхъ учрежденіяхъ. Обо всемъ этомъ забыло ассимилированное еврейство, бросившееся въ объятія — не всегда распростертыя — своихъ „освободителей“. Отрекшись отъ секуляризованной національной идеи и наклеивъ на еврейство жалкій ярлыкъ „религіозной группы“ [1]), эмансипированные оставили отъ всей былой автономіи только ея вывѣску: синагогу и раввинатъ, отчасти благотворительность, уступивъ все прочее государ-

[1]) См. мои „Историческія сообщенія“ (*Восходъ* 1894, кн. 2, 4, 11) и статью *Council of four Lands* въ „Jewish Encyclopedia“, vol. IV (New-Jork. 1903); ср. также „Всеобщ. Истор. евреевъ“, книги II—III, passim.

[1]) См. выше, письмо I, стр. 14—16.

ственной опекѣ. Такъ возникла въ Германіи съуженная общинная организація, ядромъ которой является не самоуправляющаяся національная община, а религіозная (Cultusgemeinde), синагогальный приходъ. Такъ образовалась во Франціи *консисторіальная* организація общинъ съ іерархіей „духовныхъ пастырей"—раввиновъ и грандъ-раввиновъ. По этимъ двумъ типамъ, германскому и французскому, сложилось самоуправленіе и въ другихъ странахъ Запада. Вездѣ единственнымъ центромъ притяженія для еврея служитъ только синагогальный приходъ; туда тяготѣютъ и неоортодоксы, и реформисты, одинаково обезличенные въ еврейскомъ національномъ смыслѣ, онѣмеченные, офранцуженные и т. п. Многіе только формально „приписаны" къ общинѣ, будучи далеки отъ религіознаго культа по своимъ убѣжденіямъ, а иные порываютъ даже эту формальную связь, объявляя себя *confessionslos* и освобождаясь такимъ образомъ отъ платежа общиннаго налога.

Все это—плоды эпохи антитезиса. Ассимиляція разрушила одинъ изъ главныхъ устоевъ автономіи: національную школу. Возлѣ обломковъ еврейской школы (вѣроисповѣдныя Gemeindeschulen и консисторіальныя школы съ государственнымъ языкомъ преподаванія), гордо высится государственная или муниципальная школа, прививающая еврейскимъ дѣтямъ духъ чужой культуры, чужія національныя чувства и стремленія. Еврейскій языкъ изгнанъ на Западѣ изъ школы и литературы, частью даже изъ синагоги. Ассимилированный еврей находитъ полное удовлетвореніе своимъ общественнымъ потребностямъ въ окружающемъ христіанскомъ обществѣ, а національныя потребности у него давно атрофировались. Только въ послѣднее время грубый толчокъ извнѣ—антисемитическое движеніе—далъ ему почувствовать, что онъ слишкомъ поспѣшилъ усыновиться въ чужой національной семьѣ. Пробужденіе начинается—и западный еврей стоитъ теперь на поворотномъ пунктѣ исторіи: придется свернуть съ тракта ассимиляціи.

Вмѣстѣ съ фикціей „религіозной *группы*" должна исчезнуть и фикція „религіозной *общины*" (конечно, не въ смыслѣ устраненія культа, а въ смыслѣ снятія *вывѣски* религіи съ учрежденій свѣтскаго типа). Приходится возстановить разрушенную автономію, въ формахъ соотвѣтствующихъ новымъ соціальнымъ условіямъ. Въ такихъ государствахъ, какъ Германія и Австрія, гдѣ административная регламентація еще не уст-

ранена, евреямъ придется вести борьбу за легализацію своего самоуправленія на правахъ *національныхъ общинъ*, за признаніе своихъ народныхъ школъ и другихъ культурныхъ учрежденій. Эта борьба должна не только окончиться, но и сопровождаться побѣдой, ибо при сильномъ желаніи евреи въ правовыхъ государствахъ могутъ значительно расширить свое самоуправленіе даже сейчасъ, на основаніи существующихъ конституціонныхъ законовъ о свободѣ обществъ и союзовъ, добиваясь въ то же время путемъ законодательнымъ признанія секуляризованной національно-общинной автономіи во всемъ ея объемѣ [1]). Наибольшая фактическая автономія возможна для евреевъ въ странахъ, гдѣ господствуетъ принципъ невмѣшательства въ частную жизнь гражданъ, гдѣ нѣтъ ни административной опеки, ни чрезмѣрной централизаціи власти. Въ такихъ странахъ—Англіи, Британскихъ колоніяхъ и Соединенныхъ Штатахъ сѣверной Америки—евреи могли бы и теперь пользоваться широкимъ самоуправленіемъ, если бы только захотѣли выйти изъ тисковъ „религіозной общины“. Они могли бы имѣть свою общинную магистратуру, нестѣсняемую никакими полицейскими регламентами, устраивать союзы общинъ, созывать національные конгрессы, открывать низшія, среднія и высшія школы съ еврейской національной программой, и вообще создавать всѣ учрежденія, требуемыя нашей внутренней автономіей. То, что въ этой автономіи еще не санкціонировано свободными конституціями Англіи и Америки, будетъ санкціонировано особыми законодательными актами. Нужно только, чтобы „эмансипированные“ евреи прониклись сознаніемъ, что ихъ дѣйствительная и полная эмансипація наступитъ лишь тогда, когда кромѣ уже полученнаго гражданскаго равноправія, они путемъ борьбы добьются и національнаго равноправія, по примѣру всѣхъ культурныхъ націй [2]).

---

[1]) Во Франціи этотъ вопросъ нынѣ стоитъ на очереди, послѣ недавняго полнаго отдѣленія церкви отъ государства. Такъ какъ еврейское духовенство теперь уже не содержится на счетъ государства, то наполеоновская консисторіальная организація общинъ могла бы быть замѣнена свободною, національною. Только хватитъ ли на это мужества у ассимилированныхъ французскихъ евреевъ?

[2]) Когда я писалъ это письмо (1901), большой трудъ австрійскаго юриста *Шпрингера* о національной автономіи („Der Kampf der oesterreichischen Nationen um den Staat“, 1 Theil, 1902) еще не появился, а брошюра „Государство и нація“ того же автора, подъ псевдонимомъ *Синоптикуса* (Wien, 1899),

Нѣкоторыя явленія послѣдняго времени свидѣтельствуютъ, что сознаніе необходимости особой политической организаціи все болѣе завоевываетъ себѣ почву среди западнаго еврейства. Въ Германіи начинаютъ чувствовать, что ни „Cultusgemeinde", ни ихъ жалкій союзный органъ „Deutsch-israelitischer Gemeindebund" не могутъ удовлетворять соціальнымъ и политическимъ запросамъ еврейской жизни, что необходима иная организація народныхъ силъ для защиты общееврейскихъ интересовъ. Недавно вопросъ о „еврейскомъ сеймѣ" (Judentag) возбужденъ въ столицѣ Германіи однимъ изъ дѣятелей еврейскаго общиннаго самоуправленія, извѣстнымъ историкомъ профессоромъ Мартиномъ Филиппсономъ. Въ 1900 г. проф. Филиппсонъ предложилъ: создать въ Германіи еврейскій сеймъ или періодическіе съѣзды делегатовъ отъ общинъ, съ

была мнѣ неизвѣстна. Познакомившись нынѣ съ этими трудами, я съ удовольствіемъ замѣтилъ, что и спеціальный знатокъ самой запутанной національной проблемы, австрійской, пришелъ къ заключенію, весьма близкому къ моей формулировкѣ еврейской автономіи. Выводъ Шпрингера состоитъ въ томъ, что при установленіи автономныхъ формъ для національнаго меньшинства слѣдуетъ руководствоваться не территоріальнымъ или областнымъ, а *персональнымъ* принципомъ. Не населеніе данной области есть автономная единица, ибо такая „единица" часто состоитъ изъ разнородныхъ національныхъ дробей (поляки, русины, евреи и нѣмцы въ Галиціи, чехи и нѣмцы въ различныхъ пропорціяхъ въ округахъ Богеміи), а каждая дробная группа національнаго меньшинства независимо отъ мѣстожительства. Одинаковое право самоуправленія имѣетъ напр. небольшая группа чеховъ въ нѣмецкомъ округѣ и небольшая группа нѣмцевъ въ чешскомъ округѣ. Авторъ долженъ поневолѣ признать *національную общину* идеальной мелкой единицей самоуправленія, сравнивая ее—по типу, а не по объему дѣятельности—съ религіозной общиной или конгрегаціей, автономной даже въ деспотическихъ странахъ. Итакъ, австрійскій и еврейскій автономисты—одинъ на основаніи опыта настоящаго, другой въ силу опыта прошлаго — пришли къ одинаковому заключенію о національной общинѣ, какъ единицѣ самоуправленія. Конечно, требованія еврейскаго автономизма не идутъ такъ далеко, какъ требованія Шпрингера для территоріальныхъ націй Австріи (широкія административныя и судебныя функціи и т. п.); но свобода общиннаго самоуправленія, въ формѣ мѣстныхъ и центральныхъ организацій, и національно-культурная автономія составляютъ при нынѣшнихъ условіяхъ минимумъ нашихъ требованій.

Въ послѣдніе годы нѣкоторые элементы „автономизма" включила въ свою программу еврейская рабочая партія въ Россіи „Бундъ", и многіе на этомъ основаніи называли членовъ партіи „автономистами". Едва ли, однако, подобаетъ такое названіе партіи, до сихъ поръ не выяснившей не только своего взгляда на еврейское самоуправленіе, но даже своего отношенія къ еврейской національной идеѣ, которая въ программѣ „Бунда" болѣе терпима (въ очень смутной формѣ), чѣмъ признана.

цѣлью отстаивать гражданское полноправіе, политическіе и духовные интересы нѣмецкихъ евреевъ. Въ горячей статьѣ, написанной по этому поводу, [1]) авторъ проекта такъ излагаетъ свои мотивы, подвергая рѣзкой критикѣ существующій ассимиляціонный режимъ:

„Мы (нѣмецкіе евреи) старались избѣгать всего, что выставляло насъ передъ свѣтомъ въ качествѣ евреевъ. Мы заботились лишь о томъ, чтобы не бросаться въ глаза, не напоминать никому о нашемъ самостоятельномъ существованіи... Но чего мы добились—всякій знаетъ. Именно на трусовъ, прятавшихся за кустами, грубый антисемитизмъ излилъ всю чашу ненависти, презрѣнія и дикости... Такъ-то идутъ дѣла на свѣтѣ. Кто подставляетъ свою щеку для удара, тотъ навѣрное получитъ ударъ. Ибо о сентиментальности реализмъ нашихъ дней и знать не хочетъ. Только тотъ, кто вооруженъ, можетъ устоять; тотъ же, кто уступаетъ, будетъ безжалостно растоптанъ“... (Доказывая далѣе необходимость объединенія германскихъ евреевъ путемъ общей организаціи, проф. Филиппсонъ слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ задачу этой организаціи): „Нашу задачу можно опредѣлить одной формулой: отстаивать общіе интересы германскихъ евреевъ и вновь завоевать наше равноправіе. Но многимъ эта великая и прекрасная цѣль кажется слишкомъ отвлеченной, они хотятъ выслушать нѣчто „практическое“. Такъ назовемъ же отдѣльно пункты, и конечно только ближайшіе, лежащіе въ нашемъ полѣ зрѣнія; съ теченіемъ времени къ нимъ прибавится очень много новыхъ пунктовъ. Общая организація евреевъ Германіи, а именно собраніе делегатовъ и его комитетъ, должны всѣми законными средствами бороться противъ нанесенія ущерба нашимъ согласнымъ съ конституціей правамъ, черезъ имперское правительство, рейхстагъ, правительства отдѣльныхъ странъ и ландтаги. Они должны неустанно протестовать противъ всякаго нарушенія нашихъ правъ. Они должны постоянно выдвигать высокіе принципы іудаизма, какъ вѣроученія и этической системы. Они должны вліять на прессу, устраивать публичныя собранія; при выборахъ они должны вездѣ, гдѣ возможенъ успѣхъ, руководствоваться отношеніемъ кандидата къ дѣлу равноправія. Они должны составить тотъ признанный органъ, съ которымъ правительства могли бы сноситься по всѣмъ спеціально-еврейскимъ дѣламъ. Крайнее расширеніе и усложненіе государственной дѣятельности дѣлаютъ подобный органъ настоятельно необходимымъ, и намъ извѣстно, что появленіе такового было бы очень желательно нѣкоторымъ прусскимъ министерствамъ. Делегатское собраніе и комитетъ должны содѣйствовать тому, чтобы при заключеніи торговыхъ договоровъ не было установлено какихъ-нибудь исключительныхъ пунктовъ, могущихъ вредить еврейскимъ купцамъ Они должны объединить разрозненныя стремленія къ распространенію среди евреевъ ремеслъ, садоводства и земледѣлія. Они, наконецъ, должны посильно защищать гонимыхъ евреевъ Востока (Россіи)“.

Идея Филиппсона встрѣтила, конечно, отпоръ среди той ассимили-

[1]) Bedürfen die deutschen Juden einer Gesamtorganisation? *Ost und West* 1901, № 2.

рованной буржуазной интеллигенціи, трусость которой онъ такъ бичевалъ. Многіе выступили противъ проекта общееврейской организаціи, боясь усилить гнѣвъ антисемитовъ и возбудить недовѣріе къ своему „нѣмецкому патріотизму“; даже самъ авторъ проекта, не рѣшившійся еще открыто стать подъ еврейское національное знамя, недостаточно энергично агитировалъ въ пользу практическаго осуществленія своей мысли. Однако, въ болѣе сознательныхъ кругахъ общества идея Филиппсона прокладываетъ себѣ путь. Въ Берлинѣ образовался подготовительный комитетъ (въ составъ его входитъ и Филиппсонъ), разославшій во всѣ еврейскія общины Германіи извѣщеніе о приготовленіяхъ „къ общей организаціи нѣмецкихъ евреевъ“. „Созданіе всенѣмецкой организаціи—говорится въ циркулярѣ—является не только настоятельной потребностью настоящаго момента, *но вызывается постоянными нуждами духовнаго прогресса еврейства.* Задача наша заключается въ учрежденіи союза, который объединилъ бы всѣ существующія организаціи въ общей работѣ ради единой цѣли—блага всего нѣмецкаго еврейства“. Комитетъ увѣряетъ, что новый союзъ не будетъ вмѣшиваться въ религіозныя дѣла общинъ, а будетъ преслѣдовать лишь политическія цѣли, стремясь главнымъ образомъ къ охранѣ тѣхъ правъ, которыя дарованы германскимъ евреямъ конституціей и которыя на каждомъ шагу нарушаются. Въ отвѣтъ на опасенія, что созданіе общей организаціи евреевъ вызоветъ усиленіе антисемитизма въ Германіи, циркуляръ говоритъ: „Должны ли мы считаться съ подобными указаніями? Нѣтъ, мы должны дѣлать то, что сами признаемъ правильнымъ. Если бы евреи давно уже имѣли представительство, если бы они дѣйствительно были связаны той солидарностью, которая ставилась имъ въ укоръ, никогда антисемитамъ не удалось бы настолько умалить еврейскія права. Нѣмецкое еврейство, обладаетъ достаточнымъ запасомъ духовныхъ силъ, чтобы извнутри создать организацію, которая будетъ добиваться того, что намъ нужно. А когда мы здѣсь добьемся, наконецъ, дѣйствительнаго равноправія, мы сумѣемъ протянуть руку помощи восточнымъ евреямъ“ [1]).

[1]) *Восходъ* 1901 г. № 62.—Впослѣдствіи идея Judentag'а была осуществлена въ другой формѣ: вмѣсто періодически созываемыхъ „сеймовъ“, было рѣшено учредить постоянную организацію для защиты общееврейскихъ интересовъ въ Германіи. Эта организація, подъ именемъ „Союза нѣмецкихъ евреевъ“ (Verband der deutschen Juden), имѣла въ концѣ 1905 г. въ Берлинѣ свое общее

Все это, конечно, носитъ политически-боевой характеръ и не имѣетъ прямого отношенія къ національной реорганизаціи общиннаго самоуправленія; однако, отрадно отмѣтить, что наши братья въ Германіи робко, ощупью пробираются на вѣрный путь. Многіе изъ нихъ уже поняли необходимость солидарныхъ дѣйствій и внѣ узкаго круга „вѣроисповѣдныхъ“ интересовъ, поняли необходимость особаго политическаго „представительства“ для борьбы за „дѣйствительное равноправіе“, т. е. полноправіе, которое немыслимо безъ внутренней автономіи. Этотъ путь медленно, но вѣрно приведетъ ихъ современемъ къ широкой національной организаціи еврейскихъ силъ на всѣхъ поприщахъ общественности.

Нѣтъ надобности доказывать, что особенно важное значеніе имѣетъ національно-культурная автономія для шестимилліоннаго ядра еврейства, сосредоточеннаго въ Россіи. Въ этомъ государствѣ, гдѣ евреи еще лишены элементарныхъ гражданскихъ правъ, условія осуществленія общинной автономіи съ легальной стороны менѣе благопріятны, чѣмъ на Западѣ, но зато имѣется больше внутреннихъ стимуловъ для фактическаго ея осуществленія [1]). Въ Россіи (кромѣ Царства Польскаго), со времени разгрома кагаловъ при Николаѣ I, офиціально не установлено даже существованіе еврейскихъ общинъ, какъ юридическихъ лицъ. Община тутъ скорѣе терпима, чѣмъ узаконена. Но зато здѣсь существуетъ огромное число патріархальныхъ еврейскихъ общинъ, которыя фактически сохранили небольшіе остатки былого самоуправленія и не могутъ себѣ представить вторженіе чужого элемента въ ихъ внутренній бытъ иначе, какъ въ видѣ стихійнаго бѣдствія („гзейра“). Если мы въ Россіи пока не имѣемъ тѣхъ политическихъ гарантій общинной автономіи, которыя возможны на Западѣ, то взамѣнъ ихъ имѣемъ гораздо больше нравственныхъ

собраніе, привлекшее 400 делегатовъ изъ 169 мѣстностей Германской имперіи. Въ собраніи доказывались несостоятельность ассимиляціи и необходимость борьбы за осуществленіе еврейскаго равноправія, которое фактически часто нарушается германскимъ правительствомъ; подчеркивалось, что значеніе „Союза“ — въ самомъ фактѣ его существованія, въ демонстрированіи идеи еврейскаго народнаго единства. См. *Восходъ* 1905 г. № 46, ст. 49—53.

[1]) *Примѣчаніе 1906 г.* Нынѣ, по вступленіи Россіи въ конституціонную жизнь, положеніе мѣняется къ лучшему. Основной принципъ національной общины, намѣченный въ этомъ письмѣ, можетъ быть практически осуществленъ на началахъ, изложенныхъ мною въ краткой программѣ въ ст. „Уроки страшныхъ дней“ отъ 1905 г. См. дальше, письмо XII, гл. 4: „Внутренняя организація“ (и письмо XIV—о задачахъ Volkspartei).

стимуловъ къ ея сохраненію и расширенію. Законодательно обособленные, какъ „инородцы“ [1]), удаленные отъ участія въ государственной службѣ и въ мѣстномъ самоуправленіи—земствѣ и муниципалитетѣ,—евреи по необходимости должны удовлетворять свои культурныя и соціальныя потребности собственными силами, должны создавать повсюду свои общественныя организаціи, свои учрежденія. Ограниченіе доступа евреямъ въ общія учебныя заведенія должно повлечь за собою постепенное размноженіе спеціально-еврейскихъ школъ всѣхъ типовъ, которыя въ силу нашей новой исторической эволюціи должны получить національный характеръ. Слѣдовательно, наша внутренняя жизнь прямо, а внѣшній законъ косвенно поддерживаютъ нашу общинную автономію. Придетъ время, когда закону придется и официально легализировать ее, хотябы въ скромной формѣ „гминнаго“ самоуправленія, давно допущеннаго правительствомъ для евреевъ Царства Польскаго. (Тамъ косная хасндская среда не съумѣла использовать эту организацію для болѣе широкой самодѣятельности и ослабленія тяжелой административной опеки). Отъ степени же напряженія нашей національной воли (а въ Россіи это напряженіе еще потенціально высоко въ еврейской массѣ и части интеллигенціи) будетъ зависѣть, какъ и въ какихъ размѣрахъ пользоваться той общественно-культурной автономіей, которая составляетъ наше священное право, какъ исторической націи, не желающей и не могущей раствориться среди другихъ націй.

[1]) Никогда не лишне напомнить о своеобразной официальной классификаціи инородцевъ, въ которой *послѣднее* мѣсто отведено евреямъ. Ст. 762 т. IX Свода законовъ Росс. Имперіи (Законы о состояніяхъ) гласитъ: „Къ числу обитающихъ въ Россійской имперіи *инородцевъ* принадлежатъ: 1) Сибирскіе инородцы, 2) Самоѣды Архангельской губерніи; 3) Кочевые инородцы Ставропольской губ., 4) Калмыки, кочующіе въ Астрахан. и Ставроп. губ.; 5) Киргизы Внутренней орды. 6) Инородцы областей Акмолинской, Семипалатинской и др., 7) Инородческое населеніе Закаспійской области, 8) Евреи“.— Эта оригинальная классификація составлена какъ бы въ пику исторіи: въ ряду некультурныхъ и частію даже полудикихъ инородцевъ кодификаторъ отводитъ евреямъ послѣднее мѣсто. Ясно, во всякомъ случаѣ, одно: законъ считаетъ евреевъ не только иновѣрцами, но и инородцами, т. е. людьми иной расы и націи. Если бы евреи дѣйствительно играли въ исторіи роль калмыковъ или киргизовъ (чѣмъ ихъ хочетъ уязвить кодификаторъ), то для нихъ ассимиляція съ русскимъ народомъ была бы культурнымъ повышеніемъ. Но такъ какъ евреи имѣютъ безспорное, подтверждаемое общеизвѣстными документами, право на званіе древнѣйшаго культурнаго народа, то они могутъ смотрѣть на предлагаемое сліяніе лишь какъ на національный mesalliance...

Въ Россіи евреямъ приходится бороться и за свои гражданско-политическія, и за свои національныя права. Такая сложная борьба, внушенная сознаніемъ, что народъ долженъ отстаивать и свои матеріальные и духовные интересы, что онъ защищаетъ то національное достояніе, ради котораго онъ перенесъ тысячелѣтнія муки,—именно такая борьба и способна воспламенить духъ борцовъ и усилить порывъ къ идеалу, какъ бы ни былъ великъ гнетъ извнѣ. Наоборотъ, внѣшній гнетъ придастъ нашему отпору особенную остроту. Въ эпоху религіозныхъ гоненій мы имѣли религіозныхъ мучениковъ, спасшихъ іудаизмъ; нынѣ, въ эпоху національныхъ гоненій, мы готовы выдвинуть національныхъ мучениковъ, которые спасутъ еврейство. Безъ мученичества и страстной борьбы не совершилось ни одно освободительное движеніе въ исторіи человѣчества. Наша собственная гражданская эмансипація въ Западной Европѣ оказалась неполною именно потому, что она была добыта путемъ компромиссовъ и унизительныхъ уступокъ со стороны нашей ассимилированной интеллигенціи. Она была принята какъ даръ, за который надо было пожертвовать своей внутренней національной независимостью. Этотъ урокъ не пройдетъ даромъ. Въ странахъ, гдѣ евреи еще не достигли эмансипаціи, они будутъ бороться за нее не на почвѣ „сліянія“, а на почвѣ національной автономіи, требуя равноправія не только для отдѣльнаго еврея, но и для еврейскаго народа.

IV. Въ правовыхъ или конституціонныхъ государствахъ, съ національной автономіей тѣсно связано *національное представительство*, то-есть выступленіе выборныхъ представителей данной народности въ общегосударственныхъ парламентахъ и областныхъ сеймахъ въ качествѣ организованной національной группы или фракціи. Въ государствахъ съ разноплеменнымъ составомъ такое представительство необходимо и для законодательной защиты интересовъ національнаго меньшинства отъ посягательствъ большинства, и для демонстрированія единства и внутренней автономности даннаго народа. Каждая часть Nationalitätenstaat'a стремится провести на выборахъ въ парламентъ пропорціональное число своихъ представителей, а избранные его депутаты образуютъ въ парламентѣ особую національную фракцію, съ опредѣленной дисциплиной. Такъ существуетъ въ англійской палатѣ общинъ фракція ирландскихъ депутатовъ, въ австрійскомъ рейхсратѣ—фракціи польскихъ, чешскихъ,

итальянскихъ, русинскихъ и хорватскихъ депутатовъ, въ германскомъ рейхстагѣ—фракціи польская, эльзасская и датская. Отчего же до сихъ поръ ни въ одномъ парламентѣ нѣтъ *еврейской депутатской фракціи?* Отчего такъ слаба, ничтожна наша политическая организація въ странахъ, гдѣ мы — по крайней мѣрѣ на бумагѣ — пользуемся равноправіемъ? Въ то время, какъ всѣ національности, интересы которыхъ гораздо болѣе охраняются государствомъ, чѣмъ интересы евреевъ, имѣютъ въ парламентахъ и внѣ ихъ сильныя организаціи — фракціи; политическіе клубы, лиги,—евреи ничего подобнаго не имѣютъ? Отвѣтомъ на поставленный вопросъ можетъ быть другой, болѣе общій вопросъ: отчего такъ незначительно число депутатовъ-евреевъ въ большинствѣ европейскихъ парламентовъ, и отчего эти немногіе депутаты никогда не выступаютъ въ качествѣ представителей *своей* націи?

Причинъ много. Во-первыхъ, евреи вслѣдствіе своей разбросанности обыкновенно составляютъ въ избирательныхъ округахъ такія незначительныя дроби, что имъ трудно провести своихъ депутатовъ, и они должны на выборахъ отдавать свои голоса кандидатамъ христіанскаго населенія. Во-вторыхъ, даже при отсутствіи такой трудности евреи-избиратели проводятъ депутатовъ-христіанъ, полагая, что въ устахъ послѣднихъ защита еврейскихъ интересовъ съ парламентской трибуны будетъ казаться болѣе безпристрастной и убѣдительной, чѣмъ въ устахъ еврейскихъ депутатовъ, — соображеніе низменнаго свойства, вдобавокъ не оправдываемое на дѣлѣ. Въ-третьихъ западная ассимиляція внушила большинству евреевъ мысль, что въ области гражданской и политической нѣтъ отдѣльныхъ еврейскихъ интересовъ, а національныхъ интересовъ не можетъ быть у людей, составляющихъ только скромную „религіозную группу“ въ составѣ другихъ націй. Послѣднія двѣ — субъективныя — причины привели къ тому, что даже тамъ, гдѣ отсутствовала первая объективная причина (гдѣ евреи составляли большинство въ избирательныхъ округахъ или такую замѣтную величину, что могли вступать въ выгодныя для себя коаліціи), еврейская избирательная масса не пользовалась выгодами своего положенія и довѣрчиво шла во хвостѣ окружающаго національнаго большинства. И если послѣднее иногда даже „милостиво разрѣшало“ евреямъ выбирать тамъ и сямъ своихъ соплеменниковъ, то эти депутаты связывались дисциплиной нееврей-

скихъ организацій и для своего народа имѣли нулевое, если не отрицательное, значеніе въ парламентской дѣятельности.

Результаты получились плачевные. Въ австрійской *Галиціи*, гдѣ евреи составляютъ около 12% всего населенія, они отдаютъ свои голоса польскимъ кандидатамъ. Они дерзаютъ, съ позволенія пановъ, посылать въ рейхсратъ только двухъ своихъ депутатовъ съ обязательствомъ работать въ составѣ польской парламентской фракціи („коло“) и подчиняться велѣніямъ „польскаго клуба“. Депутаты въ родѣ Быка и Рапопорта—избранники галиційскаго еврейства, угнетаемаго поляками—дѣлаются членами „польскаго клуба“, который приказываетъ имъ смиренно молчать въ рейхсратѣ, когда тамъ наносятся величайшія оскорбленія еврейскому народу. Антисемиты изъ банды Люгера и Шнейдера поносятъ евреевъ въ парламентскихъ рѣчахъ, требуютъ для нихъ новыхъ законодательныхъ ограниченій, — а еврейскіе депутаты сидятъ рядомъ съ польскими панами и молчатъ, связанные своими лакейскими обязанностями по отношенію къ польскому клубу. Лишь изрѣдка они, съ благосклоннаго разрѣшенія своихъ господъ, произносятъ блѣдную рѣчь въ защиту своихъ „единовѣрцевъ“, отнюдь не какъ членовъ еврейской націи, а какъ „поляковъ Моисеева закона [1]). Еще менѣе, конечно, заботятся объ интересахъ еврейскаго народа тѣ христіанскіе депутаты, за которыхъ евреи Галиціи или Богеміи подавали свои голоса на выборахъ, когда тѣ искусно прикрывали свои антисемитскія тенденціи притворными симпатіями къ „гонимому племени“. Раболѣпіе однихъ и политическая трусость другихъ, отсутствіе національнаго достоинства и политической зрѣлости—приводятъ къ тому, что цѣлая народность, интересы которой наиболѣе подвергаются опасности со стороны враждебныхъ элементовъ, не имѣетъ въ парламентѣ своего національнаго представительства. А между тѣмъ австрійскіе евреи, объединившись въ національный союзъ, могли бы выдвинуть и въ рейхсратѣ, и въ

[1]) Когда галиційско-еврейскій депутатъ д-ръ Блохъ повелъ въ рейхсратѣ борьбу съ юдофобіей католическаго духовенства, польскій клубъ заставилъ его отказаться отъ своего мандата. Когда же депутатъ Быкъ осмѣлился однажды рѣзко возразить на антисемитскія выходки клерикала Лихтенштейна, польскій клубъ поставилъ ему на выборъ: либо сложить свой мандатъ, либо извиниться,—и еврейскій депутатъ предпочелъ послѣднее, не сознавая всей постыдности такого шага.

областныхъ сеймахъ значительное число депутатовъ, которые составили бы особую еврейскую фракцію, не менѣе сильную, чѣмъ существующія тамъ фракціи второстепенныхъ національностей, въ родѣ итальянцевъ, русиновъ, хорватовъ [1]).

То же примѣнимо и къ *Венгріи*. По послѣднимъ свѣдѣніямъ, въ венгерскомъ парламентѣ засѣдаютъ 16 еврейскихъ депутатовъ [2]). Большинство ихъ, конечно, избрано смѣшаннымъ составомъ избирателей — евреевъ и христіанъ. Но вѣдь при наличности округовъ съ значительной массой еврейскихъ избирателей (Будапештъ и др.), возможны выгодныя соглашенія и на выборахъ и въ самомъ парламентѣ. Здѣсь евреи-депутаты могли бы, напримѣръ, выговорить себѣ право образовать особую парламентскую фракцію для совмѣстныхъ совѣщаній по вопросамъ, касающимся еврейскихъ интересовъ,—что не препятствовало бы ихъ участію въ обще-политическихъ партіяхъ по своимъ убѣжденіямъ и мандатамъ. И если бы въ венгерскомъ парламентѣ образовалась еврейская фракція, то, при вышеуказанномъ или даже меньшемъ числѣ членовъ, она могла бы много сдѣлать для защиты далеко необезпеченныхъ гражданскихъ и національныхъ интересовъ венгерскаго еврейства.

Такая же національно-политическая апатія замѣтна и среди *чешскихъ* евреевъ, особенно одурманенныхъ наркозомъ ассимиляціи.— Замѣчательно, что въ то время, какъ забитая еврейская масса и ассимилированная интеллигенція не дерзаютъ даже думать объ организаціи своей политической партіи, объ этой организаціи заговорили свободомыслящіе христіане. Въ газетахъ появилось слѣдующее извѣстіе [3]):

„Въ Прагѣ организовалась „Чешская народная партія“. Учредитель ея—профессоръ Масарикъ. Новая партія признаетъ за евреями право на *самостоятельное національное существованіе*. Она не требуетъ отъ нихъ сліянія съ чешскою народностью, она готова признать не только за каждымъ евреемъ въ отдѣльности права человѣка

[1]) Въ австрійскомъ рейхсратѣ — 425 депутатовъ. Такъ какъ еврейское населеніе имперіи составляетъ 4%, то евреи имѣютъ право на 17 депутатскихъ мѣстъ, а хорошо организованная національная фракція изъ 17 членовъ могла бы имѣть большое вліяніе на ходъ парламентской дѣятельности. Въ Галиційскомъ сеймѣ, гдѣ хозяйничаютъ поляки, евреи могли бы имѣть 11 депутатовъ пропорціонально своей численности.

[2]) *Восходъ* 1901 г. № 56 („Заграничн. Хроника“).

[3]) Цитирую фактическую часть по *Восходу* 1900 г., № 25.

и гражданина, но и за всѣми евреями въ совокупности, въ цѣломъ, права народности. Еврей не обязывается быть непремѣнно чехомъ, нѣмцемъ или полякомъ. Австрійскіе евреи въ средѣ другихъ національностей Габсбургской имперіи должны составить особую національность, какою они въ дѣйствительности и являются. *Они будутъ имѣть своихъ собственныхъ еврейскихъ представителей въ рейхсратѣ* и свои учрежденія тамъ, гдѣ евреи живутъ сплошными массами“ [1]).

Я здѣсь остановился на разноплеменной Австро-Венгріи, гдѣ парламентская группировка по національностямъ уже установилась для всѣхъ народностей, кромѣ евреевъ. Но и въ другихъ странахъ съ значительнымъ еврейскимъ населеніемъ возможно для насъ, въ той или другой степени, національное представительство. Если въ *Германіи*, при разбросанности евреевъ, имъ трудно послать въ рейхстагъ свою группу представителей (хотя возможно при избирательныхъ коалиціяхъ связывать евреевъ-депутатовъ разныхъ партій мандатомъ совмѣстныхъ дѣйствій по еврейскому вопросу),—то въ *Пруссіи* это вполнѣ достижимо. Въ этой классической странѣ нѣмецкаго антисемитизма евреи нѣкоторыхъ округовъ (Берлина, Данцига и др.), благодаря своей компактной массѣ и особенностямъ прусскаго избирательнаго закона, могутъ посылать въ ландтагъ нѣсколькихъ своихъ представителей со спеціальными мандатами [2]). Съ каждымъ годомъ увеличиваются шансы еврейскаго

[1]) *Примѣчаніе 1906 года.* Послѣдніе годы принесли еще рядъ однородныхъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о сочувствіи идеѣ еврейскаго національнаго представительства со стороны лучшихъ дѣятелей христіанскаго общества. Галиційскимъ евреямъ пришлось въ 1904 г. выслушать отъ нѣмецкаго депутата *Брейтера* полную негодованія рѣчь по поводу ихъ раболѣпія предъ поляками и отсутствія собственной избирательной и парламентской организаціи. (Замѣчательная рѣчь Брейтера приводится дальше, въ приложеніи къ концу настоящаго письма). Въ началѣ 1906 г. съ такими же филиппиками выступилъ на митингахъ и въ прессѣ русинскій депутатъ *Романчукъ*, жаловавшійся, что евреи своими вотумами усиливаютъ въ Галиціи господство поляковъ, во вредъ себѣ и русинамъ. Это, однако, еще не тронуло коснаго еврейства Австріи. Недавно, въ виду проекта новаго, льготнаго для мелкихъ національностей Австріи, избирательнаго закона, нѣкоторые сіонистскіе дѣятели пытались добиться улучшенія и еврейскаго представительства въ рейхсратѣ, но не встрѣтили поддержки въ широкихъ слояхъ еврейскаго общества.

[2]) Въ 1903 г. прусскіе евреи, встревоженные ростомъ антисемитизма, встрепенулись и провели на выборахъ въ ландтагъ шесть своихъ депутатовъ. До образованія особой еврейской фракціи въ ландтагѣ эти избранники народа, однако, еще не додумались (прим. 1906 г.).

національнаго представительства въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, благодаря громадной иммиграціи русскихъ евреевъ. Здѣсь, въ нѣкоторыхъ избирательныхъ округахъ, еврейское населеніе скоро достигнетъ такого численнаго перевѣса (лондонскій East-end, ньюіоркское „гетто“ съ его полумилліоннымъ населеніемъ и др.), что сможетъ посылать въ парламенты организованныя группы своихъ представителей съ національными мандатами [1]).

Само собою разумѣется, что вопросъ о еврейскомъ національномъ представительствѣ въ парламентахъ будетъ вполнѣ разрѣшенъ, когда разрѣшится общій вопросъ о *пропорціональной системѣ выборовъ*, предохраняющей права меньшинства.

Но и до разрѣшенія этого сложнаго вопроса можно еще очень много сдѣлать для политической организаціи еврейства на почвѣ парламентскихъ выборовъ. Двѣ вещи создаютъ политическую организацію силъ: сознаніе солидарности интересовъ данной группы населенія и необходимость защищать эти интересы. Интенсивность защиты соотвѣтствуетъ интенсивности нападенія. А вѣдь ничьи интересы не подвергаются повсемѣстно такому поруганію, какъ интересы евреевъ. Горькая необходимость самообороны усилитъ сознаніе солидарности тамъ, гдѣ оно еще слабо. Среди ассимилированныхъ евреевъ процессъ національзаціи начнется, такимъ образомъ, съ конца—съ практической необходимости самозащиты. Когда пробужденное еврейское общество сброситъ съ себя ассимиляціонный гипнозъ, тогда оно пойметъ ту настоятельную необходимость національно-политической организаціи, на которую теперь, къ стыду нашему, указываютъ намъ только доброжелательные христіане, въ родѣ Масарика (или Брейтера). Тогда парламенты всѣхъ странъ увидятъ въ своихъ стѣнахъ гордыхъ, независимыхъ представителей еврейской націи, а не жалкихъ прислужниковъ чужихъ національныхъ партій [2]).

[1]) См. дальше, письмо X („О растерявшейся интеллигенціи“).

[2]) Не думалось въ ту пору глухой реакціи, когда я писалъ эти строки, что спустя четыре года мнѣ и моимъ единомышленникамъ придется защищать на еврейскомъ съѣздѣ въ *Россіи* практическое предложеніе о національной организаціи выборовъ и образованіи еврейской депутатской фракціи въ русской Государственной Думѣ. На третьемъ съѣздѣ „Союза полноправія еврейскаго народа въ Россіи“ (въ Петербургѣ 10—13 февраля 1906 г.) горячо дебатировалось это предложеніе и прошло, хотя и въ компромиссной формѣ, (см. *Отчетъ*

V. Основа нашей національной идеи состоитъ въ томъ, что всѣ разсѣянныя части еврейской діаспоры составляютъ единый, нераздѣльный народъ, связанный общими интересами. Во всѣ эпохи, ясно или смутно, сознавалась необходимость общееврейской организаціи для объединенія силъ и отстаиванія интересовъ всей діаспоры. Даже въ разгаръ ассимиляціи, въ 1860 г., французско-еврейскіе общественные дѣятели основали въ Парижѣ „Alliance Israélite universelle", какъ органъ культурной и политической взаимопомощи, манифестировавшій солидарность евреевъ всего земного шара. Но этотъ союзъ, возникшій и развившійся въ эпоху нашего „распада", не могъ осуществить лежавшую въ его основѣ общенародную идею. Его политическая задача (воздѣйствіе дипломатическимъ путемъ на правительства отсталыхъ государствъ съ цѣлью добиться тамъ эмансипаціи или облегченія участи евреевъ) осуществлялась вяло: союзъ имѣлъ палліативный успѣхъ въ Румыніи, косвенно повліялъ на рѣшеніе Берлинскаго конгресса относительно равноправія евреевъ въ Болгаріи и Сербіи, и иногда предупреждалъ погромы въ Персіи и Марокко; но и эта политическая дѣятельность все болѣе сокращается. Гораздо значительнѣе культурная или просвѣтительная роль союза, покрывшаго темный мусульманскій Востокъ сѣтью школъ для еврейскихъ дѣтей; но во всѣхъ этихъ школахъ національный элементъ воспитанія вытѣсненъ тенденціей наса-

---

III съѣзда, стр. 69 — 107). Цѣликомъ принятъ съѣздомъ предложенный мною пунктъ, признающій „недопустимымъ для еврейскихъ депутатовъ вступленіе въ нееврейскія *національныя* группы въ Думѣ". При свободѣ участія въ различныхъ политическихъ партіяхъ, думскіе депутаты-евреи обязаны „объединяться для коллективнаго обсужденія и возможныхъ совмѣстныхъ дѣйствій въ цѣляхъ достиженія полноправія евреевъ въ Россіи" (компромиссная резолюція взамѣнъ нашего предложенія, чтобы признать обязательнымъ для еврейскихъ депутатовъ Думы „образовать національную группу для солидарныхъ дѣйствій по всѣмъ, касающимся евреевъ вопросамъ"). Подъ „полноправіемъ" Союзъ подразумѣваетъ, согласно своей программѣ „гражданскія, политическія и *національныя* права", и къ защитѣ ихъ обязываетъ не только евреевъ-депутатовъ, но и нееврееевъ, избранныхъ еврейскими голосами. Въ первой Государственной Думѣ еврейскіе депутаты въ своей тактикѣ руководствовались резолюціями съѣзда „Союза полноправія", хотя дѣла не подвинули вслѣдствіе скораго роспуска Думы. Частичный успѣхъ идеи еврейскаго національнаго представительства при первыхъ шагахъ парламентаризма въ Россіи предвѣщаетъ этой идеѣ современемъ болѣе широкій успѣхъ, при энергіи и настойчивости національной части нашего общества.

ждать въ гетто сѣмена французской культуры (французскій языкъ, а не еврейскій служитъ тамъ обыкновенно языкомъ преподаванія). Мало-по-малу союзъ превращается въ филантропическое учрежденіе, дѣятельность котораго сводится къ денежнымъ пожертвованіямъ въ пользу евреевъ, пострадавшихъ отъ погромовъ, и къ матеріальной поддержкѣ восточныхъ школъ. Въ такія же безцвѣтныя филантропическія учрежденія выродились и копіи съ парижскаго „Альянса"—„Israelitische Allianz" въ Вѣнѣ и „Anglo-Jewish Association" въ Лондонѣ.

Новѣйшее сіонистское движеніе вызвало къ жизни одну замѣчательную національную оргазнизацію—періодическіе конгрессы сіонистовъ, съ „Исполнительнымъ комитетомъ" въ Вѣнѣ и „уполномоченными" во всѣхъ странахъ, съ обширною сѣтью кружковъ „шекеледателей", районными съѣздами и т. п. Но при всей распространенности этой организаціи, она все-таки имѣетъ партійный характеръ и преслѣдуетъ спеціальную цѣль: образованіе въ Палестинѣ гарантированнаго международнымъ правомъ еврейскаго центра. Она не ставитъ себѣ цѣлью *непосредственно* заботиться объ экономическихъ и гражданскихъ интересахъ еврейства въ мѣстахъ его теперешней осѣдлости, а тѣмъ менѣе—о *систематической* защитѣ ихъ; она хлопочетъ больше о будущемъ, чѣмъ о настоящемъ. Но такая односторонняя партійная программа не можетъ удовлетворить назрѣвшей потребности въ широкой общенародной организаціи, охватывающей всѣ сферы нашей національной жизни. Эта потребность не разъ уже прорывалась въ сіонистской литературѣ и даже въ иныхъ конгрессныхъ рѣчахъ „вольнодумцевъ", выдвигавшихъ необходимость „реальной политики" и „культурной дѣятельности" на мѣстахъ. Нынѣ въ кружкахъ русскихъ сіонистовъ и на районныхъ съѣздахъ все громче раздаются голоса въ пользу „культурной программы", которая въ своихъ основныхъ чертахъ совпадаетъ съ программою чистыхъ націоналистовъ. Многимъ кружкамъ надоѣло заниматься только сборомъ „шекелей" и „акцій" въ ожиданіи будущихъ благъ; они жаждутъ живой работы, направленной къ націонализаціи общинныхъ учрежденій, школьнаго воспитанія и т. п. Чисто „политическіе" кружки сіонистовъ все болѣе уступаютъ мѣсто „культурнымъ" кружкамъ. Такимъ образомъ, среди самыхъ сіонистовъ растетъ сознаніе, что официальная программа ихъ партіи недоста-

точна и нуждается въ расширеніи до размѣровъ общеевре́йской программы. Слѣдствіемъ этого можетъ быть постепенное превращеніе „сіонистскихъ“ конгрессовъ изъ партійныхъ въ общеевре́йскіе или „національные“.

„Общеевре́йскій конгрессъ“ долженъ быть органомъ всѣхъ партій и фракцій, признающихъ еврейскую національную идею. Это—высшій органъ той *объединенной* національной партіи, о которой я говорилъ въ другомъ „письмѣ“ (IX). Сіонистскій конгрессъ провозгласилъ отъ имени еврейства: мы желаемъ и можемъ быть націей на особой территоріи, при извѣстныхъ условіяхъ и гарантіяхъ, и должны стремиться къ достиженію этихъ условій; общеевре́йскій же конгрессъ провозгласитъ лозунгъ, болѣе соотвѣтствующій исторіи и современности: мы на всемъ необъятномъ пространствѣ діаспоры были и будемъ націей, мы всюду имѣемъ свои національные интересы и обязаны защищать ихъ, создавая нужныя для этого условія и правовыя гарантіи въ предѣлахъ возможности. Конечно, если извѣстная партія включаетъ въ „предѣлы возможнаго“ и политическое возрожденіе въ Палестинѣ, то она обязана къ этому также стремиться; но она должна помнить, что это только часть обще-національной задачи. Общеевре́йскіе конгрессы должны обсуждать всѣ коренные вопросы нашей политической, общественной и духовной жизни и устанавливать формы національной организаціи еврейства, сообразно условіямъ каждой страны.

Одною изъ спеціальныхъ задачъ этой общенародной организаціи должно быть урегулированіе вѣковѣчнаго нашего странничества—*эмиграціи*. Печальный продуктъ діаспоры, эмиграція часто является единственнымъ способомъ облегченія „еврейскаго горя“, не только личнаго, но и національнаго. Изъ роковой необходимости эмиграція превратилась, при нашихъ историческихъ условіяхъ, въ могучее орудіе національнаго самосохраненія. Перемѣщая еврейскія массы изъ „угрожаемыхъ по юдофобіи“ странъ въ страны съ лучшими условіями борьбы за матеріальное и духовное существованіе, она создаетъ новые центры взамѣнъ распадающихся. Переживаемый нынѣ моментъ является въ этомъ отношеніи знаменательнымъ. Если вспомнить, что за послѣднее двадцатилѣтіе (1881—1901) Россія двинула въ Америку и отчасти въ другія страны около *милліона* еврейскихъ эмигрантовъ, ты мы поймемъ

великое значеніе этого фактора въ будущемъ. Это болѣе чѣмъ частичное перемѣщеніе географическаго центра: это, быть можетъ, перемѣщеніе національнаго центра, новое распредѣленіе культурной гегемоніи въ еврействѣ. И Сѣверной Америкѣ, кажется, суждено сдѣлаться современемъ тѣмъ пунктомъ, который въ ближайшую эпоху нашей исторіи сыграетъ роль средневѣковой арабской Испаніи или позднѣйшей Польши—роль крупнѣйшаго культурнаго центра еврейства [1]).

Если бы намъ удалось съ теченіемъ времени, путемъ постепенной колонизаціи, создать въ *Палестинѣ* значительный еврейскій центръ съ населеніемъ приблизительно въ одинъ милліонъ, — то этотъ центръ былъ бы, безъ сомнѣнія, наиболѣе удобнымъ для осуществленія еврейской національно-культурной автономіи. Я не вѣрю въ возможность возникновенія въ Палестинѣ «гарантированнаго международнымъ правомъ» еврейскаго *государства*, хотя бы и вассальнаго, ибо ни Турція, ни «великія державы» не расположены заботиться о нашемъ благополучіи и о созиданіи для насъ своеобразной Швейцаріи на нашей древней родинѣ, которую и христіане, и мусульмане считаютъ своимъ общимъ достояніемъ. Но я допускаю возможность постепеннаго образованія въ Палестинѣ еврейской *общественной организаціи*, въ которой начало *внутренней* автономіи нашло бы себѣ наиболѣе широкое примѣненіе. Не благодаря свободѣ и „гарантіямъ“, а скорѣе благодаря произволу, царящему въ Оттоманской имперіи, евреи могли бы тамъ обособиться въ самобытную національную группу, объединенную собственной духовной и общественной дисциплиной. Возможно, что древнееврейскій языкъ сдѣлался бы тамъ разговорнымъ (тенденція къ этому уже замѣчается среди нынѣшнихъ палестинскихъ евреевъ), и такимъ образомъ одинъ изъ утраченныхъ признаковъ націи былъ бы возстановленъ въ нашей жизни. Историческая и религіозная атмосфера нашей древней родины содѣйствовала бы образованію тамъ болѣе самобытнаго національно-культурнаго типа, который могъ бы имѣть нѣкоторое моральное вліяніе, въ смыслѣ духовной національзаціи, на еврейство діаспоры. Но это—идеалъ болѣе или менѣе далекаго будущаго. Надо стремиться къ нему путемъ усиленной *колонизаціи*, какъ земледѣльческой, такъ и промышленной; но не нужно связывать съ

[1]) См. письмо XI („Историческій моментъ“).

этимъ отдаленнымъ *частичнымъ* идеаломъ и обусловливать имъ судьбу *всего* еврейства, которая въ цѣломъ зависитъ отъ того, насколько нашъ народъ во всѣхъ странахъ діаспоры непосредственно будетъ дѣлать то, что ведетъ къ его національному самосохраненію и автономному развитію.

VI. Противъ принципа и практической примѣнимости автономизма будетъ, конечно, выставлено немало возраженій. Отвѣты на тѣ изъ нихъ, которыя касаются самой сущности національной идеи, какъ предпосылки автономизма, читатели могутъ найти въ предыдущихъ „письмахъ“ (особенно въ первыхъ двухъ). На спеціальныя же возраженія противъ теоріи и практики еврейской автономіи попытаюсь вкратцѣ отвѣтить здѣсь, насколько я могу ихъ предусмотрѣть.

Еврейскій національно-культурный автономизмъ неосуществимъ—говорятъ одни (а сіонисты прибавляютъ: неосуществимъ *внѣ Палестины* [1]). Если есть еще надежда на завоеваніе евреями *гражданскаго* равноправія въ странахъ діаспоры, то права внутренней автономіи въ національномъ духѣ имъ въ этихъ странахъ никогда не предоставятъ.

На это я отвѣчу: 1) внутреннее общинное самоуправленіе, въ широкихъ или ограниченныхъ размѣрахъ, предоставлялось евреямъ во всѣхъ странахъ и во всѣ времена, не исключая и новѣйшаго; только наши предки до XIX вѣка дорожили этимъ правомъ и отстаивали его, а ихъ потомки въ эпоху ассимиляціи низвели его почти до нуля; 2) право самобытнаго культурно-національнаго развитія принадлежитъ къ числу исторически присущихъ каждой національной особи, неотъемлемыхъ правъ, — и отъ степени индивидуальной энергіи данной націи зависитъ форма осуществленія этого внутренняго права при всевозможныхъ внѣшнихъ условіяхъ.

Еврейскій автономизмъ предъявляетъ не территоріальныя, а національно-культурныя требованія. Въ этихъ границахъ онъ формально осуществимъ въ правовомъ государствѣ и фактически неустранимъ въ

[1]) Въ послѣдніе два года, съ начала освободительнаго движенія въ Россіи, отношеніе большинства сіонистовъ къ „реальной работѣ на мѣстахъ“ измѣнилось. Сіонисты, вошедшіе въ Союзъ „полноправія“ (1905), признали формулу борьбы за „гражданскія и *національныя* права евреевъ въ Россіи“, а Гельсингфорскій съѣздъ партіи (ноябрь 1906 г.) выработалъ даже программу еврейской автономіи, совпадающую съ программой націоналистовъ.

„полицейскомъ государствѣ". Тамъ, гдѣ установлено гражданское равенство вѣроисповѣдныхъ и національныхъ группъ, внутреннее самоуправленіе ихъ является только необходимымъ слѣдствіемъ какъ этого равенства, такъ и общихъ конституціонныхъ гарантій свободы союзовъ, собраній и т. п.,—и я уже выше указалъ на тѣ страны, гдѣ государственная власть не можетъ препятствовать широкой общинной, школьной и вообще культурной автономіи евреевъ. Въ странахъ же, гдѣ гражданское равноправіе евреевъ еще не упрочилось или вовсе не существуетъ, проявляется дѣйствіе второго изъ вышеприведенныхъ факторовъ—*неотъемлемости* національныхъ правъ, составляющихъ органическую часть *личныхъ* правъ каждаго человѣка. Если во мнѣ „еврей" неотдѣлимъ отъ „человѣка", то я буду одновременно отстаивать права своей индивидуальной и національной личности. Мои предки самоотверженно охраняли это право національной самобытности, патріархальная народная масса и понынѣ его охраняетъ, хотя и не развиваетъ, а я хочу и охранять, и прогрессивно развивать его, приспособляясь къ условіямъ общечеловѣческой культуры. И никакой гражданскій законъ въ мірѣ не можетъ мнѣ это запретить, если только онъ не заимствованъ изъ давно осужденнаго исторіей средневѣковаго права или уставовъ святой инквизиціи. Если же въ иныхъ странахъ еще возможны такія насилія надъ моею національною личностью, то уступать насильникамъ безъ борьбы—значитъ не быть достойнымъ сыномъ націи, прославившейся своей двухтысячелѣтнею стойкостью при ужаснѣйшихъ гоненіяхъ.

„Но допустимъ, что государственный законъ подтвердитъ наше право на внутреннюю автономію, — что же скажетъ христіанское *общество*, среди котораго мы живемъ? Не заявитъ ли оно, что народность, такъ упорно оберегающая свою самобытность и самоуправленіе, чужда окружающимъ націямъ, лишена чувства патріотизма въ каждой странѣ, стремится къ обособленности?" На подобное возраженіе я уже обстоятельно отвѣчалъ въ предыдущихъ письмахъ и здѣсь долженъ только сдѣлать выводъ изъ этого отвѣта.

Я уже говорилъ, что такъ какъ понятіе „отечества" состоитъ изъ двухъ частей—„природа" и „люди", — то и любовь къ отечеству бываетъ двоякая. Любовь къ родной природѣ, впечатлѣнія которой связаны съ самымъ процессомъ образованія нашего душевнаго склада, неискоре-

нима и такъ же постоянна, какъ сама природа. Любовь же наша къ „людямъ“, т. е. къ народамъ, живущимъ рядомъ съ нами, есть величина непостоянная и зависитъ отъ степени любви этихъ народовъ къ намъ. Мой „цивизмъ“ (чувство гражданской солидарности) составляетъ эквивалентъ того, что мнѣ даютъ государство и общество, какъ члену гражданскаго союза и члену моей націи. Если государство попираетъ мои человѣческія, гражданскія и національныя права, я не могу его любить: я долженъ или бороться противъ его деспотическаго режима, или бросить страну, эмигрировать. Можете ли вы требовать отъ избиваемыхъ въ Турціи армянъ турецкаго патріотизма, или отъ терзаемыхъ румынскихъ евреевъ—румынскаго патріотизма? Такое требованіе было бы чудовищнымъ глумленіемъ,—а вѣдь къ евреямъ его часто предъявляютъ, и—что всего возмутительнѣе — иные евреи находятъ, что намъ вправѣ предъявлять подобное требованіе, а мы должны съ нимъ считаться. Если же данное государство обезпечиваетъ мнѣ гражданское равноправіе и свободу моей національной личности,—тогда у меня нѣтъ повода не любить это государство, и я буду ревностно работать для его усиленія и процвѣтанія наравнѣ со всѣми моими согражданами. Слѣдовательно, не мое стремленіе къ національной самобытности, а наоборотъ—попытки государства или общества подавить во мнѣ это стремленіе могутъ ослабить во мнѣ государственный патріотизмъ и чувство обще-гражданской солидарности. Чѣмъ шире моя личная и національная свобода, тѣмъ сильнѣе я привязанъ къ государству, охраняющему эту свободу, и vice versa.

„Но—говорятъ мнѣ—вы не считаетесь съ существующими обстоятельствами. Развѣ вы не слышите этихъ постоянныхъ криковъ о „кагалѣ“, объ „обособленности“ евреевъ? Вѣдь именно наша національная обособленность выставлялась и выставляется какъ оправданіе нашей гражданской неправоспособности?“

Тѣ, которые такъ говорятъ, сами чрезчуръ запуганы и пугаютъ другихъ. Подобными наивными доводами можно было стращать насъ полвѣка назадъ, но теперь пора бы ихъ бросить. Вы слышали, что говорятъ антисемиты Запада о евреяхъ ассимилированныхъ, отрекшихся отъ своей національности: „Евреи опасны, ибо они пробираются въ христіанское общество, сливаются съ нимъ и портятъ его, или же слишкомъ успѣшно конкуррируютъ съ нимъ въ борьбѣ за существова-

ніе". Вы слышали, что говорятъ въ государствахъ, гдѣ евреямъ еще не дали равноправія, въ оправданіе этого: „Евреямъ нельзя давать гражданское равноправіе, ибо они способнѣе коренного населенія, а сближаясь съ нимъ на почвѣ общей культуры, всегда одерживаютъ верхъ надъ нимъ въ сферахъ экономической и умственной".—Итакъ, юдофобы всѣхъ странъ одновременно оправдываютъ свою ненависть къ намъ и нашей національной обособленностью, и нашей склонностью къ ассимиляціи, желаніемъ однихъ остаться въ еврействѣ и желаніемъ другихъ „пробраться" въ христіанскую среду, еврейскимъ націонализмомъ и „еврейскимъ космополитизмомъ". И съ мнѣніемъ такихъ слѣпыхъ ненавистниковъ считаются друзья нашего народа!

„Кагалъ", „кагальность!"—Но что такое кагальность? Извѣстная форма, въ которой выражалась солидарность еврейскихъ интересовъ въ сферѣ духовной, общинной и національной. Въ такомъ случаѣ очень жаль, что обвиненіе насъ въ „кагальности" такъ мало соотвѣтствуетъ дѣйствительности въ настоящее время. Солидарность интересовъ есть столь-же высокая нравственная обязанность для членовъ націи, какъ для членовъ семьи, и отъ такой солидарности могутъ отрекаться только непомнящіе родства, трусливые перебѣжчики. Ни поляки, ни русины, ни армяне не скрываютъ факта солидарности своихъ національныхъ интересовъ, а извѣстная часть еврейской интеллигенціи дошла до такого рабскаго самоотрицанія [1]). А разъ солидарность національныхъ интере-

[1]) Вотъ одинъ изъ многихъ примѣровъ. Когда въ Лондонѣ засѣдалъ конгрессъ сіонистовъ, одинъ изъ представителей ассимилированныхъ англійскихъ евреевъ протестовалъ противъ національнаго элемента въ сіонизмѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ (цитирую изъ помѣщеннаго въ „Daily News" письма еврея, за подписью Cantabrigian, по статьѣ г. Рапопорта: „Четвертый конгрессъ сіонистовъ" (*Еврейская библіотека*, т. IX, Спб. 1901 г., стр. 307): „Противъ чего я возстаю, такъ это противъ лозунга „Израиль какъ нація". Если было бы вѣрно, что евреи отдѣльный народъ, то другіе народы были бы вправѣ стараться отдѣлаться отъ чуждаго имъ населенія. Но въ томъ то и дѣло, что это неправда. Евреи не отдѣльный народъ; они просто англичане, французы, нѣмцы, русскіе иного вѣроисповѣданія, чѣмъ большинство ихъ соотечественниковъ. И единственная причина моего протеста противъ сіонистскаго движенія—это то, что оно какъ бы оправдываетъ ложь, столь старательно распространяемую противъ насъ нашими врагами: будто наши задачи и стремленія не связаны съ нашими родинами, и мы будто упорно держимся за обособленность еврейской націи". Такъ думаютъ тысячи современныхъ цивилизованныхъ рабовъ, боящихся, что у нихъ отнимутъ „милостиво дарованную" эмансипацію.

совъ признается въ извѣстныхъ предѣлахъ законною для всѣхъ націй, то она должна признаваться таковою и для евреевъ, старѣйшей изъ культурныхъ націй. Для реализаціи же этой солидарности интересовъ должна существовать извѣстная внутренняя автономія съ соотвѣтствующими учрежденіями. Нѣкогда такая автономія называлась „кагаломъ", т. е. общиннымъ устройствомъ, и дѣйствовала офиціально, поддерживая внутреннее единство и общественную дисциплину среди евреевъ. Впослѣдствіи кагалъ разложился, частью вслѣдствіе правительственныхъ репрессій, частью потому что онъ не сумѣлъ приспособиться къ новымъ культурнымъ условіямъ. Но вѣчно живая идея еврейской солидарности должна вызвать иную, болѣе совершенную и отвѣчающую условіямъ жизни организацію, которая оберегала бы наши національные интересы. И если вамъ угодно назвать эту новую организацію еврейскимъ словомъ „кагалъ", то мы противъ этого ничего не имѣемъ.

Пора, наконецъ, разсѣять туманъ, окутывающій это страшное слово „обособленность", которымъ насъ пугаютъ и „друзья", и недруги. Коль скоро старая гражданская обособленность эпохи тезиса, какъ продуктъ безправія и насилія, противна правосознанію современнаго еврея, то рѣчь можетъ быть только о національно-культурной „обособленности" или, точнѣе, автономіи. Въ этомъ-ли надо оправдываться? Обвиненіе въ „сепаратизмѣ" есть излюбленный боевой пріемъ всякаго господствующаго національнаго большинства противъ меньшинства; но уважающая себя нація не считается съ подобными „обвиненіями", признавая свое право на самобытное развитіе неотъемлемымъ. Отчего же одни только евреи такъ боятся этого „обвиненія?"

Въ нашей новѣйшей исторіи я не знаю болѣе позорнаго явленія, чѣмъ этотъ страхъ двухъ-трехъ поколѣній еврейской интеллигенціи передъ упрекомъ въ національномъ „обособленіи". Скажите съ видомъ упрека прусскому поляку, что онъ не германизуется, вопреки всѣмъ стараніямъ прусскихъ юнкеровъ, или—русину въ Галиціи, что онъ не ополячивается,—и они вамъ отвѣтятъ, что вашъ упрекъ дѣлаетъ честь ихъ національной стойкости. А европейски образованный еврей въ ужасѣ отступаетъ передъ упрекомъ въ томъ, что онъ не онѣмеченъ, не офранцуженъ, не обрусѣлъ. Хуже всего то, что такіе евреи пріучили даже либеральныхъ христіанъ смотрѣть на ассимиляцію, какъ на нѣчто обя-

зательное именно для еврея, какъ на эквивалентъ его гражданскаго равноправія. Въ эпоху антитезиса наша „заранѣе благодарная“ за равноправіе интеллигенція такъ долго пѣла сладкую серенаду о „сліяніи“ подъ окнами христіанскаго общества, что послѣднее потомъ стало требовать сліянія, какъ должнаго. Въ русской либеральной публицистикѣ, напримѣръ, установились „двѣ мѣры и два вѣса“ по отношенію къ евреямъ съ одной стороны и прочимъ историческимъ націямъ—съ другой. Когда говорятъ о полякахъ, литовцахъ, армянахъ, всякій истинно-либеральный публицистъ не только не требуетъ отъ нихъ обрусѣнія, но даже рѣзко осуждаетъ правительственную политику въ этомъ направленіи. Когда же говорятъ о евреяхъ, такое требованіе прямо или косвенно всегда предъявляется даже въ лучшихъ либеральныхъ органахъ русской періодической печати [1]). Одинъ радикальный русскій публицистъ выразился такъ: мы не беремся *обрусить* евреевъ, но мы бы желали, чтобы они *обрусѣли* [2]).

Въ этомъ тяжкая вина еврейской ассимилированной интеллигенціи.

---

[1]) Въ другомъ мѣстѣ я надѣюсь подробнѣе остановиться на поучительной исторіи отношеній русской либеральной прессы къ евреямъ. Здѣсь отмѣчу только тотъ общеизвѣстный фактъ, что эта пресса крайне слабо и неохотно защищала насъ въ то время, когда реакціонныя юдофобскія газеты ежедневно травили насъ, накликая репрессіи и погромы. Въ пережитые послѣ 1881 г. страшные годы, евреи скорѣе могли услышать слабое слово защиты со стороны умѣренно-консервативнаго, чѣмъ либеральнаго органа. „Русскія Вѣдомости“ невозмутимо молчали, когда кругомъ шла дикая юдофобская травля, между тѣмъ какъ „Петербургскія Вѣдомости“ хоть иногда робко выражали свое сочувствіе преслѣдуемымъ. Кто не помнитъ за послѣдніе двадцать лѣтъ такихъ моментовъ, когда нравственно истерзанный еврей не зналъ, чѣмъ больше возмущаться—людоѣдствомъ реакціонеровъ-антисемитовъ или тупымъ равнодушіемъ либераловъ?.. Конечно, бывали блестящія исключенія: Щедринъ, Вл. Соловьевъ, Чичеринъ; но эти крупные писатели говорили за себя, и каждый по своему, а не за всю либеральную печать, которая или систематически замалчивала еврейскій вопросъ, или же доктринерски-спокойно доказывала, что гоненія на евреевъ мѣшаютъ ихъ обрусѣнію или сліянію (т. е. національному самоотреченію) и потому „невыгодны“ для государства.

[2]) Г. Южаковъ въ „Русскомъ Богатствѣ“, въ одной изъ книжекъ 1901 г. Цитирую на память, но подчеркнутыя слова помню ясно. (Такое же desiderium высказалъ въ послѣдніе дни и такой публицистъ-философъ, какъ П. Б. Струве. Въ интервью по поводу сіонизма г. Струве выразился такъ: „Въ интересахъ Россіи я желалъ-бы, чтобы евреи ассимилировались. Думаю, что это и въ интересахъ еврейства“ (газета „Русь“ отъ 2-го февраля 1907 г.). Сказалъ-ли бы г. Струве подобный „комплиментъ“ по адресу какого-либо другого національнаго меньшинства въ Россійской имперіи)?

Она долго кричала, что мы не нація, что мы вездѣ органически сливаемся съ господствующими націями,—а теперь намъ уже не вѣрятъ, когда мы объявляемъ себя націей, претендующей на извѣстныя національныя права. Ассимиляторы такъ долго лгали (не только передъ другими, но и передъ собой), что теперь уже не вѣрятъ правдѣ еврейскихъ націоналистовъ. Но если ложь укоренилась, то это еще не значитъ, что ее нужно поддерживать. Довольно играть въ прятки. Пора объявить во всеуслышанье: мы, евреи, имѣемъ съ окружающими народами только общность политическихъ и гражданскихъ интересовъ, но національно мы настолько же обособлены, насколько обособлена всякая другая историческая нація въ нашемъ положеніи. Во всякомъ случаѣ, національная обособленность евреевъ въ данномъ разноплеменномъ государствѣ не будетъ, при равенствѣ гражданскихъ правъ, сильнѣе, чѣмъ обособленность прочихъ народностей, составляющихъ это государство. Мы вездѣ добиваемся равноправія съ другими „инородными“ націями, входящими въ составъ государства, съ тѣми лишь измѣненіями, которыя обусловливаются особенностями нашего внѣтерриторіальнаго положенія.

Многіе согласятся, что такія требованія исторически и нравственно совершенно справедливы, но, скептически покачивая головою, скажутъ: „Врядъ ли достижима подобная цѣль при усиливающемся режимѣ „національнаго государства“ или *государственнаго націонализма*. Послѣдній стремится ассимилировать всѣ народности даннаго государства съ господствующей націей. Ради этого однихъ „инородцевъ“ ограничиваютъ въ гражданскихъ правахъ, другихъ крайне стѣсняютъ въ области культурной автономіи, ссылаясь на требованія государственнаго единства или общественной безопасности. Устоятъ ли евреи противъ такого режима?—„Это возраженіе—самое прямое изъ всѣхъ, которыя могутъ быть сдѣланы противъ моей теоріи. Дѣйствительно, государственный націонализмъ враждебенъ націонализму „зависимыхъ“ народовъ, какъ враждебенъ эгоизмъ индивидуализму [1]). Правда и то, что принципъ „національнаго государства“ нынѣ часто выдвигается какъ основа внутренней политики. На мѣсто средневѣковой „государственной церкви“ вы-

[1]) То же примѣнимо и къ *областному націонализму*, гдѣ національное большинство давитъ въ своей средѣ миноритетныя группы (напр. отношеніе поляковъ къ русинамъ и евреямъ).

ступаетъ начало „государственной національности“. Вмѣсто принципа: cujus regio, ejus religio—проводится принципъ: cujus regio, ejus natio. Клики въ родѣ: „Россія для русскихъ“ раздаются все чаще изъ реакціонныхъ рядовъ. Но долговѣченъ ли подобный режимъ, рекомендуемый шовинистами-насильниками, можетъ ли онъ упрочиться въ государствѣ съ разноплеменнымъ составомъ, безъ крайней опасности для цѣлости этого государства? Государственный націонализмъ—это змѣя, кусающая свой собственный хвостъ. Политика, состоящая въ угнетеніи національнаго меньшинства и насильственномъ ассимилированіи его съ большинствомъ, можетъ привести только къ двумъ результатамъ: 1) или къ постояннымъ внутреннимъ смутамъ и возмущеніямъ среди угнетаемыхъ націй, къ непрерывной „гражданской войнѣ“, подрывающей въ государствѣ всѣ основы порядка и законности; 2) или къ распаденію единаго государства и образованію федераціи національностей. И тотъ и другой исходъ едвали въ интересахъ упомянутыхъ политиковъ и „патріотовъ“. Послѣ ряда попытокъ въ духѣ государственнаго націонализма, эти политики придутъ къ убѣжденію, что именно для цѣлости государства и его внутренняго мира необходимо отказаться отъ пагубной системы нивеллировки народныхъ типовъ. Именно для своего спокойствія и политическаго могущества, разноплеменное государство должно предоставлять культурную (а инымъ и областную) автономію входящимъ въ его составъ историческимъ народностямъ. И мы видимъ, что правительство Австріи, напримѣръ, въ послѣдніе годы стремится, хотя и не всегда удачно, къ разрѣшенію національнаго вопроса путемъ уступокъ автономистскимъ требованіямъ не только областей, но и миноритетныхъ національныхъ группъ, ибо даже пангерманисты должны признать наконецъ нелѣпость лозунга: „Австрія для нѣмцевъ“.

Несмотря на всѣ переживаемыя нынѣ мучительныя колебанія, ходъ исторіи ведетъ не къ порабощенію, а къ освобожденію національныхъ индивидовъ. Какъ палъ послѣ долгой борьбы принципъ „господствующей религіи“ (церкви), такъ падетъ принципъ „господствующей національности“. Если XIX вѣку удалось укоренить въ правосознаніи общества начало, хотя и относительной, свободы отдѣльной личности, то XX вѣку предстоитъ утвердить идеалъ свободы или автономіи національной личности. Борьба народовъ за этотъ идеалъ не прекратится, пока онъ не

восторжествуетъ. Евреи, слѣдовательно, не одни въ этой борьбѣ: ихъ дѣло совпадаетъ съ законнымъ процессомъ исторіи, который ведетъ къ великой цѣли: къ свободѣ національной личности въ предѣлахъ свободы правового государства.

* * *

Таково реальное содержаніе историческаго синтеза, о которомъ я говорилъ въ началѣ настоящаго письма. Въ этомъ синтезѣ совмѣщаются всѣ здоровые статическіе элементы тезиса съ нормальными динамическими элементами антитезиса. Нашъ идеалъ: сохраненіе и усовершенствованіе нашего національнаго типа въ духѣ нашей исторической эволюціи и при помощи тѣхъ средствъ, какія даетъ современная культура всѣмъ націямъ, борющимся за свое существованіе. Тѣмъ, которые боятся этой борьбы, я скажу: кто боится борьбы, боится жизни. Наши предки потому имѣли такую полноту внутренней жизни, что они всегда пассивно или активно сопротивлялись мощному напору извнѣ. Современные интеллигенты, еще не выбившіеся изъ полосы „антитезиса“, увяли и утратили смыслъ жизни, какъ только потеряли нравственный стимулъ къ борьбѣ за свою національную личность.

Мы переживаемъ время великой тоски и великаго уныніе. Вся атмосфера еврейской жизни насыщена стонами и вздохами. Терпѣніе безъ его стойкости, отчаяніе безъ „энергіи отчаянія“, мученичество безъ тѣхъ импульсовъ къ дѣйствію, которые оно даетъ живому и чуткому индивиду—все это надламываетъ силы значительной части еврейской интеллигенціи. И къ этой интеллигенціи я взываю: вотъ вамъ конкретный идеалъ, который возвратитъ вамъ утраченный смыслъ жизни. Къ этому идеалу примѣнимы слова великаго учителя (Второзак. XXX, 11—14): „Завѣтъ, который я тебѣ даю, не недоступенъ тебѣ и не далекъ отъ тебя. Онъ не на небѣ, чтобы можно было сказать: если кто взойдетъ на небо и достанетъ его и возвѣститъ намъ, то мы его исполнимъ. И не за моремъ онъ, чтобы можно было сказать: если кто переплыветъ море и достанетъ этотъ завѣтъ и возвѣститъ намъ его, то мы его исполнимъ. Нѣтъ, *очень близко къ тебѣ это дѣло, и отъ твоихъ устъ и твоего сердца зависитъ осуществить его*“. Наша историческая жизнь зависитъ не отъ тѣхъ внѣшнихъ силъ, ко-

торыя въ данный моментъ угнетаютъ насъ,—какими бы могучими онѣ ни казались,—и не отъ тѣхъ гадательныхъ далекихъ плановъ, осуществленіе которыхъ не въ нашей власти. Не отъ репрессивной политики того или другого правительства по отношенію къ евреямъ и не отъ воображаемаго въ будущемъ „согласія султана и державъ“ на уступку намъ Палестины,—а отъ насъ самихъ зависитъ наше національное возрожденіе, отъ нашихъ „устъ и нашего сердца“, отъ всѣхъ тѣхъ конкретныхъ дѣлъ, которыя мы *на каждомъ шагу*, въ каждомъ пунктѣ діаспоры, будемъ совершать для сохраненія и развитія нашего народа.

Мы должны оставить томительную политику ожиданія, будь то ожиданіе гражданскаго равноправія, просвѣтленія антисемитовъ, или благорасположенія турецкаго султана. Наша программа—программа дѣйствія, упорной, повседневной, подчасъ незамѣтной работы надъ собою, и въ то же время неустанной борьбы за наши человѣческія и національныя права. Тутъ каждое усиліе въ настоящемъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ шагъ къ будущему. Всякая мѣстная организація нашихъ силъ въ національномъ направленіи, всякое учрежденіе, поддерживающее нашу законную автономію, всякая школа, проникнутая еврейскимъ національнымъ духомъ, всякій новый кружокъ для изученія еврейскаго языка, исторіи, литературы — приближаетъ насъ на одинъ шагъ къ нашей святой цѣли. Эта великая національно-культурная работа только начинается, но въ ней — смыслъ ближайшаго будущаго. Цѣль ея—внутреннее возрожденіе евреевъ во всѣхъ мѣстахъ, куда забросила ихъ исторія.

Декабрь 1901 (дополн. 1906—07 г.).

Приложеніе *(къ примѣчанію на стр. 96).*

Въ ноябрѣ 1904 г., лембергскій депутатъ австрійскаго рейхсрата *Брейтеръ* (христіанинъ) произнесъ въ еврейскомъ собраніи слѣдующую рѣчь (цитируется по переводу, помѣщенному въ *Восходѣ* 1904 г., № 25):

„Я часто думалъ о томъ, почему положеніе евреевъ такъ бѣдственно и печально,—и наконецъ пришелъ къ заключенію, что главнѣйшей и даже единствен-

ной причиной ихъ несчастія—это ассимиляція. Вамъ дано было „равноправіе“; но вмѣсто того, чтобы требовать тогда *осуществленія* правъ, представители вашей интеллигенціи стали проповѣдывать ассимиляцію; они объявили себя поляками и отвернулись отъ еврейства. Они забыли при этомъ, что на каждую пару поляковъ приходится по одному прирожденному антисемиту, всосавшему ненависть и презрѣніе къ еврею вмѣстѣ съ молокомъ матери. Они вообразили, что ненависть къ евреямъ немедленно исчезнетъ, какъ только евреи начнутъ увѣрять, что они настоящіе поляки и что еврейскихъ интересовъ вовсе не существуетъ. Именно благодаря этому ваши права мало-по-малу были сведены на нѣтъ. Ассимиляція принесла вамъ огромный вредъ въ моральномъ отношеніи. Скажу вамъ откровенно: болѣе антисемитской политики, чѣмъ вы ведете, и антисемиты не могли бы придумать. Развѣ вы не даете своихъ голосовъ шляхтичамъ, о которыхъ доподлинно извѣстно, что они антисемиты чистѣйшей воды? И если вы уже выбираете еврея, то развѣ выбираете его какъ представителя вашихъ *еврейскихъ* интересовъ? Отнюдь нѣтъ! Вы выбираете того или другого еврея, потому что шляхта желаетъ его. Эти еврейскіе депутаты выступаютъ поэтому въ учрежденіяхъ въ качествѣ поляковъ и интересуются только тѣмъ, что интересуетъ поляковъ; о еврейскихъ же дѣлахъ они вовсе не заботятся. Не знаю, есть ли у васъ глаза, или вы нарочно закрываете ихъ, чтобы не видѣть окружающаго. Не видите ли вы, что употребляются всѣ средства, чтобы лишить васъ послѣдняго куска хлѣба? [1]). А вы пальцемъ не пошевельнете, чтобы отстоять себя, измѣнить положеніе къ лучшему!...

„Какъ христіанинъ, я недостаточно близко знакомъ съ вашими еврейскими дѣлами. Но вотъ, что мнѣ кажется чрезвычайно важнымъ для васъ:

1) *Крѣпкая сплоченность*: еврей долженъ выступать только въ качествѣ еврея, а отнюдь не какъ полякъ; онъ не долженъ упускать случая требовать для евреевъ предоставленныхъ имъ конституціей правъ.

2) Необходимо добиваться того, чтобы евреямъ предоставлено было участіе въ управленіи соотвѣтственно процентному ихъ отношенію къ прочему населенію.

3) На выборахъ вамъ не слѣдуетъ идти за заправилами. Вы должны настаивать на томъ, что выборными вашими могутъ быть только евреи, близко знающіе ваши нужды и готовые отстаивать ваши интересы. Если же выберете поляка, то онъ долженъ обязаться защищать самымъ энергичнымъ образомъ еврейскіе интересы.

4) Необходимо расширять кругъ еврейскихъ промысловъ, въ частности—привлекать евреевъ къ занятію земледѣліемъ и пр.“.

---

[1]) Намекъ на систематическій бойкотъ еврейской торговли и ремесленнаго производства со стороны поляковъ Галиціи.

ПИСЬМО ПЯТОЕ.

О національномъ воспитаніи.

Національное воспитаніе, какъ главный устой автономнаго развитія народа.—Діагнозъ болѣзни воспитанія.—Теорія Люблинскаго о кровной и культурной націи и печальная дѣйствительность на Западѣ. — „Еврейскій Вертеръ" Якобовскаго: душевная раздвоенность современнаго еврея, извращеніе національной эмоціи вслѣдствіе чужого воспитанія.—Датскій націонализмъ и еврейскій индифферентизмъ Брандеса; прогрессирующая отчужденность отъ еврейства.—Не хотящіе и не могущіе быть евреями.—Денаціонализація еврейской школы въ Россіи.—Исповѣдь „сына вѣка". — Отцы и дѣти.—Какъ устранить дуализмъ кровной и культурной націи?—Родная нація дѣлается путемъ воспитанія и культурной націей индивида.—Примиреніе гуманизаціи и націонализаціи въ школѣ.—Различіе между „національной школой" государства и автономныхъ народностей. — Школьная автономія — гарантія національной свободы.

Приложеніе А. Планъ школьной реформы.
Приложеніе В. „Kulturkampf" 1901—1902 г.

На трехъ устояхъ покоится внутренняя національно-культурная автономія еврейскаго народа: на самоуправленіи общины, свободѣ языка и автономіи школы. Трудно сказать, какой изъ этихъ устоевъ имѣетъ наибольшее значеніе для поддержанія еврейства, ибо каждый изъ нихъ безусловно необходимъ для этой цѣли на своемъ мѣстѣ и выполняетъ свою опредѣленную функцію въ дѣлѣ организаціи народа. Однако, не подлежитъ сомнѣнію, что третій факторъ автономіи — *національная школа* (или „національное воспитаніе" въ широкомъ смыслѣ)—особенно тѣсно связанъ съ интимнѣйшими сторонами національной эволюціи, съ развитіемъ души народной. Если общинная автономія важна преимущественно для соціальной организаціи еврейства, то школьная автономія (куда входитъ предпосылка о свободѣ языка) обусловливаетъ возможность развитія еврейской личности. Школа, способы воспитанія и программа обученія—дѣй-

ствуютъ непосредственно на образованіе каждой отдѣльной клѣточки національнаго организма. И поскольку здоровье организма обусловливается здоровьемъ составляющихъ его единицъ-клѣточекъ, постольку національное воспитаніе должно служить основою всей системы національной организаціи. Это условіе имѣетъ альтернативное значеніе особенно для еврейства, для котораго это—вопросъ жизни и смерти. Современный культурный еврей въ діаспорѣ подвергается съ ранняго возраста воздѣйствію чужой національной школы, извращающей въ немъ психическую основу еврейскаго народнаго сознанія и дѣлающей его либо отщепенцемъ, либо негоднымъ больнымъ членомъ своего народа. И когда мы говоримъ о возрожденіи еврейства, объ оздоровленіи нашего народнаго организма, мы должны сдѣлать точный діагнозъ этой разъѣдающей насъ хронической болѣзни, вызывающей опасныя внутреннія растройства: болѣзни воспитанія – и изыскать способы для устраненія ея причинъ.

Я не буду здѣсь говорить языкомъ идейныхъ абстракцій: я заставлю говорить живыхъ свидѣтелей — реальные факты, вопіющіе къ намъ изъ повседневной жизни, изъ семьи и школы, изъ сферъ, гдѣ уродуется дѣтская душа еврея. Начну съ „человѣческихъ документовъ“ въ новѣйшей литературѣ.

Молодой нѣмецко-еврейскій писатель *С. Люблинскій* (журналистъ и авторъ книги „Litteratur und Gesellschaft im 19-ten Jahrhundert“) изобрѣлъ недавно теорію, оправдывающую ассимиляцію евреевъ съ точки зрѣнія того, что можно назвать „культурнымъ національзмомъ на изнанку“. Каждый современный еврей съ европейскимъ образованіемъ долженъ, по этой теоріи, дѣлать выборъ между двумя націями: „расовою“ и „культурною“. Расовая нація—это его родная еврейская нація, съ которой онъ связанъ происхожденіемъ, кровнымъ родствомъ. Культурная нація — это окружающій его народъ, въ государствѣ или области котораго онъ живетъ, на языкѣ котораго говоритъ, въ школѣ котораго онъ обученъ, на литературѣ котораго воспитанъ. Столкновеніе этихъ двухъ національныхъ теченій въ душѣ еврея порождаетъ мучительное раздвоеніе, отъ котораго надо избавиться. И г. Люблинскій устраняетъ этотъ дуализмъ безъ особаго труда: при выборѣ между расовою и культурной націей предпочтеніе должно быть отдано послѣдней, ибо „die Kultur ist mehr als das Blut“, культура важнѣе кров-

наго родства. Современный еврей, напримѣръ, въ Германіи долженъ и можетъ сознавать себя исключительно нѣмцемъ. Еврей, „всецѣло носящій въ своей душѣ нѣмецкую культуру, есть настоящій нѣмецъ“, въ большей даже степени, чѣмъ прямой потомокъ Германа, лишенный нѣмецкой образованности. „И задача національнаго государства—прибавляетъ Люблинскій—состоитъ въ томъ, чтобы слить въ одно высшее органическое цѣлое различные классы, религіи, темпераменты (?) и племена. Внутри этого большого круга и этой общей духовной организаціи еврей можетъ проявлять свои особенности такъ же свободно, какъ католикъ или баварецъ. (Какая же возможна свобода, если одобряемое г. Люблинскимъ „національное государство“ будетъ стремиться къ „сліянію племенъ и религій?“ *С. Д.*) Вѣдь говорятъ же въ шутку, что нѣмцы южныхъ и нѣкоторыхъ прирейнскихъ областей вовсе не германцы, а говорящіе по-нѣмецки кельты. А между тѣмъ они по своей культурѣ совершенные нѣмцы. Ибо культура важнѣе, чѣмъ кровь“ [1]).

Смыслъ этой теоріи ясенъ: я *родился* евреемъ, но *воспитанъ* и *обученъ* какъ нѣмецъ; слѣдовательно, я составляю только этническую или вѣроисповѣдную разновидность германскаго народа, какъ напр. швабы, баварцы, католики. А такъ какъ въ образованномъ нѣмецкомъ евреѣ и племенныя, и религіозныя особенности, на которыхъ основывается его разновидность, сглажены путемъ культурной шлифовки и доведены почти до нуля, то остается нулевой еврей и полный нѣмецъ,—что и требовалось доказать. Тотъ же силлогизмъ примѣнимъ и къ русскому, французскому, англійскому еврею, и такъ далѣе.

Но силлогизмъ ли это, и нужно ли его доказывать или опровергать? Нѣтъ Если бы мы имѣли здѣсь дѣло съ умозрительной доктриной, то ее можно было бы подвергнуть критикѣ со стороны соціологической и этической. Можно легко опредѣлить общественную цѣнность теоріи, основанной на признаніи анти - демократическаго „національнаго государства“ и его права „слить въ одно органическое цѣлое различные классы, религіи, племена“, даже „темпераменты“,—то-есть на при-

---

[1]) „Ein letztes Wort zur Judenfrage“, *Ost und West* 1901, № 9, S. 650. Подробнѣе о воззрѣніяхъ г. Люблинскаго и о превращеніи его изъ политическаго сіониста въ идеолога ассимиляціи—см. дальше, письмо IX.

*

знаніи безобразной системы казарменной нивеллировки разнородныхъ группъ населенія. Не трудно было бы дать и этическую оцѣнку декларації еврея, гласящей: культурная нація (въ данномъ случаѣ—нѣмецкая), съ которой меня, представителя одного поколѣнія, связали языкъ и школа, мнѣ гораздо ближе, чѣмъ моя родная нація, съ которой меня больше не связываетъ ставшая мнѣ чужою культура сотни поколѣній. Дѣло тутъ не въ политическихъ воззрѣніяхъ сомнительнаго качества и таковыхъ же этическихъ понятіяхъ г. Люблинскаго; дѣло вообще не въ доктринѣ, а въ объясняемомъ ею *фактѣ*, въ формулировкѣ того внутренняго переворота, который давно совершился въ душѣ интеллигентнаго еврея извѣстнаго типа. Такой еврей не долженъ намъ доказывать, что онъ нѣмецъ, русскій и т. п.; достаточно, если онъ откровенно говоритъ: „я *чувствую себя* нѣмцемъ или русскимъ, потому что таковымъ воспитанъ“. Вы можете такого человѣка признать ненормальнымъ субъектомъ, національнымъ ублюдкомъ, но вы должны вѣрить его самочувствію, если только не имѣете основанія подозрѣвать тутъ притворство.

Въ послѣднее время все чаще встрѣчается типъ интеллигентнаго еврея, который или хочетъ, или поневолѣ—въ силу отталкиванія извнѣ — долженъ стать національнымъ евреемъ, но *не можетъ* стать такимъ, ибо домашнее и школьное воспитаніе сдѣлало его нѣмцемъ, русскимъ, французомъ, а не евреемъ. Историческая наслѣдственность и племенной инстинктъ порождаютъ въ такомъ человѣкѣ смутное *влеченіе* къ родной націи, антисемитизмъ насильно *толкаетъ* его туда, отрицая за нимъ право причислять себя къ „арійскому обществу“; но полученное имъ воспитаніе внушаетъ ему уже ясное *сознаніе*, что съ окружающими націями его связываетъ культурное и духовное родство, а съ еврействомъ — только нѣчто безсознательное: кровь, раса, незнакомое прошедшее. Это внутреннее противорѣчіе часто вызываетъ въ душѣ глубокій, болѣе или менѣе продолжительный разладъ. Человѣкъ мечется между „кровной“ и „культурной“ націями, между безсознательнымъ, унаслѣдованнымъ, и сознательно усвоеннымъ посредствомъ воспитанія. Обыкновенно такая борьба кончается въ пользу „культурной національности“, ибо воспитаніе и культурная среда дѣйствительно сильнѣе наслѣдственности. Воспитанный въ нѣмецкомъ духѣ, Люблин-

скій былъ временно отброшенъ антисемитической волной въ сторону еврейскаго національнаго движенія, и здѣсь онъ выбралъ то знамя, которое отличалось наибольшей эффектностью: знамя политическаго сіонизма; но вскорѣ въ немъ опять заговорилъ нееврейскій духъ, усвоенный воспитаніемъ, и онъ бросаетъ сіонизмъ и объявляетъ себя „совершеннымъ нѣмцемъ". Апломбъ, съ которымъ онъ совершилъ этотъ переходъ, свидѣтельствуетъ больше о рѣшительности, чѣмъ о глубинѣ его натуры. Но бываютъ случаи, когда внутренній разладъ, происходящій въ душѣ современнаго еврея, не такъ благополучно разрѣшается, а налагаетъ печать трагической раздвоенности на всю жизнь человѣка. Образецъ такой національной раздвоенности представилъ намъ недавно, въ своихъ произведеніяхъ и въ личной своей жизни, одинъ рано угасшій нѣмецко-еврейскій поэтъ, *Людвигъ Якобовскій*.

О Якобовскомъ заговорили въ нѣмецкой литературѣ послѣ того, какъ онъ умеръ въ Берлинѣ отъ нервной горячки, въ декабрѣ 1900 года, на 32-мъ году жизни. Вспомнили, что онъ авторъ романа „Еврейскій Вертеръ" (Werther der Jude) и нѣсколькихъ сборниковъ стихотвореній, въ которыхъ слышался плачъ надломленной, изстрадавшейся души, напрасно рвущейся къ цѣльности и счастью. Герой „Еврейскаго Вертера" есть продуктъ трагическаго душевнаго разлада, возникшаго въ ассимилированномъ нѣмецкомъ евреѣ подъ вліяніемъ антисемитской реакціи.

Сынъ богатаго еврейскаго купца, воспитанный дома какъ „нѣмецъ Моисеева закона" и обученный въ нѣмецкой школѣ, герой—студентъ берлинскаго университета—постоянно мечется между двумя національными стихіями: нѣмецкой и еврейской. Онъ радъ бы забыть о своемъ еврействѣ, съ которымъ его связываютъ лишь дѣтскія воспоминанія о синагогѣ, праздникахъ и скучномъ учителѣ еврейскаго алфавита; онъ чувствуетъ себя нѣмцемъ по всѣмъ своимъ симпатіямъ и стремленіямъ; но окружающая христіанская среда на каждомъ шагу напоминаетъ ему, что онъ еврей. Любимая имъ христіанская дѣвушка, ея родные, товарищи-студенты — всѣ прямо или косвенно твердятъ ему: „ты чуждъ намъ, ты—отпрыскъ несимпатичнаго намъ племени, ты не можешь быть настоящимъ нѣмцемъ!" Герой одно время даже самъ заражается отъ окружающей среды ядомъ антисемитизма: онъ смотритъ на себя, какъ

на жертву, страдающую за грѣхи предковъ; онъ рѣзко осуждаетъ недостатки еврейской плутократіи, не замѣчая скверныхъ сторонъ нѣмецкой буржуазіи. Онъ стыдитъ себя каждый разъ, когда замѣчаетъ въ себѣ стихійное чувство привязанности къ еврейству, ибо видитъ въ этомъ печальное доказательство, что онъ еще недостаточно онѣмечился. Но иногда въ немъ беретъ верхъ старая историческая наслѣдственность, и онъ, въ отвѣтъ на увѣщанія друга — поменьше думать о еврействѣ, восклицаетъ: „Не думать объ этомъ! развѣ это возможно? Какъ будто передъ каждымъ современнымъ евреемъ, который открытыми глазами смотритъ на грубую дѣйствительность, эта проблема не возникаетъ сама собой, какъ черное чудовищное привидѣніе, начиная отъ тихой скорбной жалобы нашего сердца на отлученіе и кончая грубыми криками *hep-hep* на улицѣ!... Ахъ, онъ совсѣмъ не понимаетъ, что значитъ быть евреемъ! *Быть евреемъ всѣми фибрами души и каждой каплей крови, и все-таки въ другомъ смыслѣ — ни одной каплей крови и ни однимъ фибромъ души!*“ [1]). Измученный этою національною раздвоенностью, герой „Еврейскаго Вертера“ кончаетъ самоубійствомъ. Ближайшимъ поводомъ къ печальной развязкѣ послужило то, что нѣмецкіе „товарищи“ исключили его изъ студенческой корпораціи, какъ сына еврейскаго дѣльца, запутавшагося въ какихъ-то разоблаченныхъ газетами коммерческихъ спекуляціяхъ.

„Еврейскій Вертеръ“ былъ опубликованъ еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ. И теперь, когда сошелъ въ могилу авторъ этой повѣсти, Якобовскій, мы узнаемъ изъ его біографіи то, о чемъ раньше легко было догадаться, а именно — что онъ вложилъ въ своего героя свою собственную душу, свои думы и терзанія [2]). Якобовскій самъ постоянно метался между еврействомъ и „германствомъ“, но и въ немъ перевѣсъ клонился на сторону послѣдняго. Какъ бы боясь, что его заподозрятъ въ еврейскомъ національнизмѣ, онъ въ предисловіи къ своему „Вертеру“ предупреждаетъ: „Въ своихъ воззрѣніяхъ на еврейскій вопросъ я остался тѣмъ же, чѣмъ былъ; они (воззрѣнія) сохранили все то же направленіе: полное сліяніе съ нѣмецкимъ духомъ и нѣмецкими нравами“.

---

[1]) Цитирую по статьѣ г. Мельника: „Страданія еврейскаго Вертера“, *Восходъ* 1901, кн. IV, стр. 129.

[2]) *Dr. Th. Lessing.* Ludwig Jakobowski. „Ost und West“ 1901, № 8.

Произнося этотъ реквіемъ надъ еврейскимъ національнымъ чувствомъ, которое онъ носилъ въ душѣ только какъ трупъ, какъ тяжелое „бремя наслѣдственности“,— Якобовскій въ то же время обращался съ такою унизительною мольбою къ нѣмецкому народу:

Was giebst du mir, du deutsches Land,
Für meine reichen Gaben?
O schütte mir Liebe in die Hand,
Nur Liebe möcht ich haben.
O deutsches Land, du schlimmes Land,
Was schenkst du deinem Knaben?
Zum Leben eine Handvoll Sand
Und Sand auch zum Begraben... [1]).

Какъ нищій у дверей, вымаливаетъ себѣ еврейскій поэтъ любовь у отталкивающей его чужой націи, и повидимому не чувствуетъ всей унизительности такого нищенства. Отчего же шелъ онъ съ своею любовью къ чужимъ, къ врагамъ, а не къ своимъ, къ братьямъ? Отчего ласкался онъ такъ нѣжно къ злой мачихѣ, а не къ родной матери? Отчего тянуло его къ сильнымъ, къ торжествующимъ, а не къ милліонамъ несчастныхъ его братьевъ, у которыхъ ему не приходилось бы *выпрашивать* взаимности?—Оттого что между Якобовскимъ и его „кровной націей“ стала „культурная національность“, навязанная ему нѣмецкой жизнью и школой. Онъ съ малыхъ лѣтъ говорилъ, думалъ, читалъ и писалъ по-нѣмецки, зналъ и любилъ только нѣмецкую литературу, воспитывался на нѣмецкихъ идеалахъ, между тѣмъ какъ о еврейскомъ языкѣ, еврейской литературѣ и исторіи, о великихъ идеалахъ еврейства въ прошломъ и настоящемъ онъ имѣлъ самое смутное представленіе. А между тѣмъ новая „культурная нація“ отвергала любовь еврея, считая его членомъ другой націи, которой онъ не признавалъ. Трагизмъ еврейскаго Вертера въ томъ, что онъ—презираемый пасынокъ въ чужой семьѣ, между тѣмъ какъ могъ бы быть любимымъ сыномъ въ своей родной, покинутой имъ семьѣ. Такихъ „отрѣзанныхъ ломтей“ у насъ несмѣтное множество, во всѣхъ странахъ и во всѣхъ сферахъ жизни.

---

[1]) „Что даешь ты мнѣ, нѣмецкая родина, за мои богатые дары? О, излей на меня свою любовь, только любви я хочу! О, нѣмецкая родина, злая родина, что подаришь ты своему мальчику? Горсть песку при жизни и горсть земли при погребеніи!“..

Воспитаніе поколѣнія, къ которому принадлежатъ Якобовскіе и Люблинскіе, совпало съ эпохою расцвѣта антисемитизма въ Европѣ. Этимъ объясняются характеризующій такихъ людей душевный разладъ и временное, болѣе или менѣе мучительное, колебаніе между еврейской и другими націями. Но раньше процессъ ассимиляціи на Западѣ происходилъ при болѣе благопріятныхъ для него условіяхъ, и онъ успѣлъ оставить прочный осадокъ въ жизни предыдущихъ двухъ или трехъ поколѣній. Тѣ евреи, хоторые выросли и получили нееврейское воспитаніе въ болѣе раннюю эпоху, „до потопа“ антисемитизма, по большей части избавились отъ трагическаго національнаго дуализма нынѣшней еврейской молодежи [1]). Въ нихъ уже давно сложилось и окрѣпло національное чувство тѣхъ народовъ, въ школахъ которыхъ они получили свое воспитаніе, и они совершенно утратили интересъ къ еврейству. Доказательство этому далъ намъ недавно знаменитый „датскій“ критикъ, *Георгъ Брандесъ*. Около тридцати лѣтъ работаетъ уже Брандесъ въ области литературной критики, тридцать лѣтъ пользуется общеевропейской извѣстностью, читаетъ лекціи и печатаетъ книги о различныхъ европейскихъ литературахъ, нерѣдко даже о второстепенныхъ, принимаетъ участіе въ политической жизни Даніи,—и за все это время онъ ничѣмъ не заявилъ о своемъ еврейскомъ происхожденіи, не проявилъ ни малѣйшаго интереса къ еврейской жизни и литературѣ. Хуже того: онъ даже не зналъ о существованіи новоеврейской литературы, и когда недавно его собесѣдникъ, болгарскій раввинъ д-ръ Эренпрейзъ, открылъ ему, что таковая существуетъ, Брандесъ выразилъ крайнее изумленіе [2]).

[1]) Сюда, конечно, не принадлежатъ тѣ, которые до момента ассимиляціи, въ ранней юности, получили еврейское воспитаніе, или выросли въ патріархальной еврейской обстановкѣ, оставившей въ нихъ неизгладимое впечатлѣніе на всю жизнь. Изъ этой группы — однихъ антисемитизмъ впослѣдствіи вернулъ къ еврейству, а другихъ могъ бы вернуть, еслибъ они дольше жили. Такъ, Бертольдъ Ауэрбахъ, пораженный первыми вспышками антисемитизма въ Германіи, со слезами говорилъ на смертномъ одрѣ: „Такъ-то поработаешь всю жизнь свою какъ нѣмецъ и преподнесешь своему (т. е. нѣмецкому) народу цѣлую полосу культуры, а подъ конецъ тебѣ скажутъ: „ступай, жидъ, не тутъ тебѣ мѣсто!“ Въ этомъ позднемъ раскаяніи виденъ уже проблескъ еврейскаго сознанія, утраченнаго Ауэрбахомъ во второй половинѣ его жизни и вернувшагося къ нему лишь передъ смертью. Это возродившееся еврейское сознаніе привело потомъ многихъ въ ряды борцовъ за еврейское народное дѣло (въ новѣйшее время д-ръ Пинскеръ, Нордау, Герцль и т. п.).

[2]) *Die Welt*, October 1901; См. *Восходъ* 1901, № 58.

Брандесъ, изучившій такъ много древнихъ и новыхъ языковъ, очевидно не знаетъ еврейскаго языка, языка своихъ предковъ, на которомъ написаны древнѣйшія, универсальныя произведенія человѣческаго ума. Ему совершенно чужды еврейская національность, ея прошлое и настоящее, ея волненія и горести. Въ этомъ отношеніи весьма поучительна вышеупомянутая бесѣда Брандеса съ д-ромъ Эренпрейзомъ. Высказавшись отрицательно о сіонизмѣ, какъ политическомъ движеніи, неосуществимомъ при нынѣшней международной политикѣ, Брандесъ призналъ въ немъ цѣннымъ только его духовно-національный элементъ, но призналъ это какъ совершенно посторонній человѣкъ, какъ нееврей. На замѣчаніе собесѣдника, что новое движеніе „вернетъ евреямъ ихъ духовную родину, дастъ содержаніе національной ихъ жизни, воскреситъ ихъ языкъ и самобытную историческую культуру“,—Брандесъ отвѣтилъ: „Вотъ это дѣйствительно великая идея, *но въ ней я ничего не понимаю. Я—датчанинъ*, и никому не позволю отрицать за мною право считаться таковымъ. Я всю свою жизнь кровью сердца писалъ, трудился ради свободы Даніи, ради прогресса ея, и буду трудиться до послѣдняго издыханія“.

Чувствовалъ ли Брандесъ, сколько трагизма въ этомъ торжественномъ заявленіи? Едва-ли. Насъ шокируетъ гордый тонъ, въ которомъ здѣсь говорится объ отщепенствѣ отъ родной націи. Человѣкъ теоретически допускаетъ „величіе“ еврейской національной идеи, но его лично она вовсе не занимаетъ, ибо онъ всецѣло служитъ датской національности, о чемъ съ „благороднымъ жаромъ“ заявляетъ. Онъ, Георгъ-Морисъ Когенъ, потомокъ іудейскихъ священниковъ, считаетъ своимъ святымъ долгомъ „трудиться до послѣдняго издыханія ради свободы и прогресса Даніи“, которая и безъ него имѣетъ довольно энергичныхъ защитниковъ и работниковъ; онъ не чувствуетъ никакой потребности „писать кровью сердца“ и трудиться для блага своей „кровной“ націи, несчастнѣйшей въ мірѣ, вездѣ гонимой и угнетаемой, но исторически великой, полной жизни и порывовъ къ возрожденію. Онъ видитъ для себя какую-то особенную честь въ служеніи сравнительно сильной, счастливой и спокойной Даніи, и не слышитъ въ своей душѣ нравственнаго императива, который бы внушилъ ему, что болѣе достоинъ чести и славы тотъ, кто служитъ слабому, беззащитному.

Отношеніе евреевъ Брандесовскаго типа къ еврейству было бы возмутительно, если бы оно было результатомъ только злой воли. Но въ подобныхъ случаяхъ болѣе важную роль играетъ роковая необходимость, вытекающая изъ условій воспитанія, среды и эпохи. Мы не знаемъ подробностей біографіи Брандеса, но съ большой вѣрятностью можемъ сказать, что онъ принадлежитъ къ разряду евреевъ, которые воспитывались и получили образованіе внѣ еврейской культурной атмосферы. Выросши въ просвѣтительную эпоху, послѣдовавшую за 1848 годомъ, эти люди были свидѣтелями полной ликвидаціи еврейскихъ идеаловъ въ западной Европѣ. Ихъ захватили бурныя общеевропейскія теченія: они боролись, въ качествѣ рядовыхъ или вождей, подъ всевозможными знаменами, но только не подъ еврейскимъ. Когда же появился антисемитизмъ и напомнилъ имъ о существованіи родной націи, большинство ихъ оказалось уже такъ чуждо этой націи, что *не могло* стать въ ряды ея борцовъ. Ихъ сердце полно инымъ патріотизмомъ, умъ — иными идеалами, и то, что должно было проявиться въ нихъ, какъ естественное чувство, теперь стало бы для нихъ нравственнымъ насиліемъ.

Итакъ, кромѣ евреевъ, которые *не хотятъ* быть евреями, считая болѣе выгоднымъ или удобнымъ для себя „приписаться“ къ другимъ націямъ,—есть еще значительная категорія лицъ, которыя *не могутъ* быть евреями, ибо воспитаніе укоренило въ нихъ совсѣмъ иныя національныя чувства. Этотъ выводъ поясненъ выше примѣрами, взятыми изъ западно-европейской жизни; но такое же явленіе наблюдается, хотя и въ меньшемъ масштабѣ, среди русскихъ евреевъ. Здѣсь какъ и на Западѣ, процессъ денаціонализаціи воспитанія начался съ высокихъ фразъ объ „общечеловѣческомъ образованіи“. Неофиты „просвѣщенія“ не понимали, что общечеловѣческое воспитаніе есть только абстракція, которая въ дѣйствительности выливается въ той или другой національной формѣ, въ зависимости отъ языка и программы школы. Впрочемъ, они не были настолько наивны, чтобы искать несуществующую „общечеловѣческую школу“: забросивъ еврейскую школу вмѣсто того, чтобы ее реформировать, они прямо пошли въ русскую, т. е. замѣнили свою національную школу чужой, національной же. Отсюда пошла полоса обрусѣнія. У насъ на этой полосѣ выросло уже второе по-

колѣніе интеллигенціи. Первое поколѣніе, изъ „людей 60-хъ годовъ", воспитывалось въ дѣтствѣ въ еврейской школѣ, но потомъ перешло въ русскую и, подъ вліяніемъ извѣстныхъ „вѣяній", сознательно приняло ассимиляцію, пожертвовавъ для нея въ большей или меньшей степени своими національными идеалами. Дѣтямъ своимъ эти піонеры новаго просвѣщенія дали уже съ самаго начала общее образованіе въ русской школѣ,—и такимъ образомъ значительная часть молодежи оказалась оторванною отъ всѣхъ источниковъ нашей національной культуры—отъ еврейскаго языка, литературы, іудаизма. И теперь „отцы"-ассимиляторы часто еще возвращаются къ національному еврейству, подъ вліяніемъ новыхъ теченій, пробудившихъ въ ихъ сердцахъ „забытыя слова" дѣтства или юности; ассимилированныя же „дѣти" *не могутъ* вполнѣ проникнуться еврейскимъ національнымъ чувствомъ, которое имъ не прививалось въ дѣтствѣ,—не могутъ, несмотря на то, что иногда или сами этого хотятъ изъ состраданія къ своему гонимому народу, или вынужденно вталкиваются въ этотъ народъ напоромъ юдофобіи. Еслибы кто-нибудь изъ представителей этого поколѣнія захотѣлъ искренно исповѣдаться передъ нами, то мы услышали бы такія признанія:

„Вы требуете отъ меня еврейскаго національнаго самосознанія. Но откуда оно могло взяться? Я выросъ въ современной семьѣ, гдѣ о еврействѣ или вовсе не говорили, или говорили какъ о чемъ-то отжившемъ. Мнѣ внушали убѣжденіе, что только еврейская „темная масса" держится еще, по невѣжеству, своей народности; образованные же евреи сливаются съ господствующей націей. Мои родители, какъ люди свободомыслящіе, не могли дать мнѣ религіозное воспитаніе; какъ ассимилированные, они не давали мнѣ и національнаго воспитанія. Наоборотъ, я съ малыхъ лѣтъ воспитывался въ духѣ другой націи. Моимъ разговорнымъ языкомъ былъ русскій, первая прочитанная книга была русская; начальная и средняя школы воспитывали меня въ русскомъ духѣ. Я хорошо зналъ поэзію Пушкина, но не имѣлъ понятія о поэзіи Псалмовъ, Пѣсни Пѣсней, Іегуды Галеви и о твореніяхъ ново-еврейской литературы. Когда я позже познакомился съ пессимизмомъ Шопенгауэра и скептицизмомъ Ренана, я еще ничего не зналъ о пессимизмѣ „Книги Іова" и скептицизмѣ „Когелета". Я читалъ въ подлинникахъ поэмы Гомера и Виргилія и діалоги Платона, не имѣя понятія ни о величе-

ственномъ эпосѣ Книги Бытія, ни о вдохновенныхъ твореніяхъ Іешаи и Іереміи, написанныхъ на незнакомомъ мнѣ языкѣ предковъ. Я зналъ исторію многихъ народовъ и религій, кромѣ исторіи еврейскаго народа и іудаизма. Я впервые услышалъ о соціальномъ равенствѣ и справедливости не отъ родныхъ мнѣ библейскихъ пророковъ, а отъ публицистовъ новѣйшаго времени. Я изучалъ различныя философскія и этическія системы, кромѣ тѣхъ, которыя созданы многовѣковымъ умственнымъ творчествомъ еврейскаго народа. Еврейскій языкъ и еврейская литература были мнѣ недоступны, да и казались мнѣ недостойными изученія. Больше того: я не знаю и разговорнаго языка еврейской массы, того „жаргона", который меня учили презирать, и такимъ образомъ я лишенъ даже возможности сговориться съ массовымъ евреемъ на его языкѣ. Всѣ мои духовные и культурные идеалы связаны съ русскою общественностью, съ русской литературой. Все меня тянетъ къ моей „культурной націи", и ничто не связываетъ меня съ моей „кровной націей", кромѣ смутнаго расоваго инстинкта и безсознательной исторической наслѣдственности, да еще одинаковости соціальнаго положенія. Къ еврейству меня приковываетъ цѣпь безправія, къ русскому обществу влекутъ культурныя симпатіи и привычки".

Эта „исповѣдь сына вѣка" могло бы быть исповѣдью и „дочери вѣка" съ еще болѣе печальными варіантами, ибо воспитаніе еврейскихъ дочерей въ смыслѣ національномъ еще безобразнѣе, чѣмъ воспитаніе сыновей... Но даже тамъ, гдѣ дѣти въ раннемъ возрастѣ—въ семьѣ или элементарной школѣ—усвоили обрывки еврейскихъ знаній по части языка, Библіи или исторіи, эти скудныя знанія обыкновенно улетучиваются у нихъ во время пребыванія въ средней и высшей общеобразовательной школѣ,—и картина отношеній „дѣтей" къ еврейской національной культурѣ остается та же, обычная и ужасающая своей обычностью. Библейское изреченіе: „Твои сыновья и дочери отданы другому народу" — сбылось вполнѣ въ культурной жизни нашихъ образованныхъ классовъ. Что чувствуютъ при этомъ „отцы", болѣе или менѣе національно настроенные — это могъ бы изобразить только великій бытописатель-художникъ. Имъ приходится видѣть на каждомъ шагу, какъ еврейскій языкъ и литература вытѣсняются русскими, какъ „дѣти" съ пренебреженіемъ чужихъ проходятъ мимо всѣхъ сокровищъ своей національной культуры. Нѣтъ большей муки, чѣмъ ви-

дѣть умираніе своихъ національныхъ идеаловъ въ своихъ же дѣтяхъ, чувствовать, что съ тобою обрывается цѣпь поколѣній, создавшихъ многовѣковую славную исторію...

Можно-ли остановить этотъ процессъ вырожденія великой націи? Надо обратиться къ источнику болѣзни. Источникъ этотъ — въ душевной раздвоенности современнаго еврея, вызванной либо полнымъ отсутствіемъ, либо недостаткомъ еврейскаго національнаго *воспитанія* при наличности еврейскихъ національныхъ *интересовъ*. *Все зло въ томъ, что для воспитаннаго внѣ своей народной среды еврея расовая или кровная нація--одна, а культурная--другая, и что послѣдняя подавляетъ первую.* Чѣмъ же устранить эту ужасную раздвоенность?—Выводъ ясенъ. *Нужно по возможности устранить порождаемый въ евреѣ новымъ воспитаніемъ антагонизмъ между расовымъ и культурнымъ элементами національности. Нужно воспитывать и обучать еврея и еврейку такъ, чтобы еврейскій народъ былъ для нихъ не только кровною, но и культурною націей; нужно дать имъ возможность, подобно дѣтямъ другихъ націй, воспринимать общечеловѣческое черезъ національное, сдѣлать для нихъ еврейство ближайшимъ источникомъ культурныхъ интересовъ, средоточіемъ жизненныхъ соціальныхъ и духовныхъ идеаловъ.* Воспитаніе разъевреило молодежь, оно должно ее теперь объевреить. Школа была для насъ въ послѣднее время орудіемъ денаціонализаціи; она должна теперь сдѣлаться, насколько это достижимо, орудіемъ націонализаціи, выполняя въ то же время свои общія воспитательныя задачи. Намъ предстоитъ коренная реформа всей системы обученія. Вопросъ о реформѣ школьнаго воспитанія поднимается всякій разъ, когда народъ переживаетъ культурный кризисъ, когда ему приходится думать объ укрѣпленіи главныхъ устоевъ своей національной жизни. Такой критическій моментъ переживаемъ и мы въ настоящее время. Мы должны укрѣпить расшатанный фундаментъ нашего національнаго зданія—воспитаніе дѣтей. Иначе мы рискуемъ совершенно лишиться національной интеллигенціи, располагающей всѣми орудіями новой культуры для борьбы за наши гражданскія и народныя права.

Возможна ли коренная реформа школы и въ какой степени она осуществима? На первый вопросъ можно отвѣчать утвердительно, ибо общее направленіе воспитанія, по крайней мѣрѣ первоначальнаго, за-

виситъ отъ народной воли, и поскольку отъ напряженія народной воли зависитъ все обновленіе нашей жизни, постольку же этимъ обусловливается полная или частичная реформа воспитанія. *Степень* же осуществимости идеи національнаго воспитанія въ настоящее время зависитъ отъ степени внутренней автономіи, которою располагаютъ евреи въ той или другой странѣ (см. предыдущее письмо). Какъ бы, однако, ни была слаба эта автономія въ иныхъ странахъ (весьма часто по винѣ самихъ евреевъ, поддавшихся ассимиляціи), вездѣ остается значительный просторъ для осуществленія идеи національнаго воспитанія въ той или другой формѣ. Мы всѣ прекрасно знаемъ, какія формальныя препятствія могутъ парализовать результатъ нашихъ усилій въ этомъ направленіи, знаемъ о неизбѣжной сильной конкурренціи нееврейской школы. И тѣмъ не менѣе мы можемъ смѣло утверждать, что для національнаго воспитанія и національной школы остается еще много мѣста въ нашей жизни, что мы еще очень много можемъ сдѣлать не только въ положительномъ, но и въ отрицательномъ смыслѣ, въ смыслѣ ослабленія того вреда, который причиняютъ нашему народному духу чужія школьныя вліянія.

Какъ же реформировать еврейскую школу? Я не буду касаться практическаго рѣшенія этого вопроса въ Западной Европѣ и Америкѣ, предоставляя это публицистамъ, болѣе знакомымъ съ положеніемъ дѣла въ тѣхъ мѣстахъ. Одно можно сказать съ увѣренностью: что въ тѣхъ еврейскихъ кругахъ Запада, гдѣ національное самосознаніе или еще не угасло, или же нынѣ возрождается, существуетъ полная *возможность* націонализировать школу въ довольно широкихъ размѣрахъ. Не говорю уже объ Америкѣ, гдѣ школа свободна отъ всякой административной опеки, и гдѣ нетрудно создать автономное вѣдомство еврейскаго народнаго просвѣщенія,—даже въ старой Европѣ можно еще очень многое сдѣлать въ этомъ отношеніи. Никто не мѣшаетъ нѣмецкимъ и французскимъ евреямъ, хотя бы въ предѣлахъ предоставленной имъ общиной автономіи, усилить преподаваніе еврейскихъ предметовъ (языка, литературы, іудизма) въ своихъ Gemeinde-Schulen и консисторіальныхъ школахъ, учреждать свои особыя среднія и высшія учебныя заведенія, вообще воспитывать и обучать свое юношество въ національномъ духѣ. Западнымъ евреямъ нужно только *захотѣть* —

и національная школа, въ той или другой степени, у нихъ будетъ. А для того, чтобы обнаружилась такая воля, нужно, чтобы начавшійся въ болѣе здоровыхъ слояхъ западнаго еврейства процессъ возвращенія къ народу глубже проникъ въ индифферентныя массы. Другое дѣло—русскіе евреи. Тутъ недостаточно одной доброй воли и даже національнаго настроенія широкихъ массъ; тутъ надо считаться съ исключительно тяжелыми условіями какъ общегражданской, такъ и еврейской жизни. И вотъ, принимая во вниманіе всѣ эти условія, я попытаюсь представить общій планъ реформы нашего школьнаго воспитанія, не выходящій изъ предѣловъ возможнаго.

Старая наша школа—хедеръ и ішива—воспитывала только *еврея*, а не *человѣка*, да и „еврея“ воспитывала крайне односторонне дѣйствуя только на его религіозное чувство или религіозное мышленіе. Новая общеобразовательная школа, наоборотъ, совершенно забываетъ о „евреѣ“ и воспитываетъ только „человѣка“, т. е. фактически—русскаго, поляка или нѣмца, смотря по тому, какой духъ и какой языкъ господствуютъ въ данной школѣ. Таковъ тезисъ и таковъ его антитезисъ. Синтезъ напрашивается самъ собою: одновременное воспитаніе и „человѣка“, и „еврея“. Гуманизація старой школы и національзація новой—вотъ двойная практическая задача настоящаго момента. Школа должна готовить питомца къ осмысленной борьбѣ и за свое личное, и за свое національное *я*,—ибо въ жизни еврея борьба за первое тѣсно связана съ борьбою за второе: враждебный намъ міръ преслѣдуетъ насъ не только какъ отдѣльныхъ людей, сталкивающихся съ нимъ на почвѣ личныхъ интересовъ, но и какъ членовъ извѣстной націи. Намъ необходимо общее просвѣщеніе, одухотворенное опредѣленнымъ нравственнымъ и общественнымъ идеаломъ,—а въ настоящее время ничто не можетъ такъ облагораживать духъ нашей молодежи, какъ еврейскій національный идеалъ, внушающій ей, что лучше служить своему гонимому народу и бороться за его освобожденіе, чѣмъ примкнуть къ чужому сильному народу и тѣмъ обезпечить себѣ спокойное существованіе. Образованіе безъ этого идеала дастъ питомцу грамоту, знаніе, умственное развитіе, культурные пріемы, но не разовьетъ въ немъ ни нравственныхъ, ни общественныхъ эмоцій, или разовьетъ ихъ въ такомъ направленіи, которое приведетъ его къ отчужденію отъ еврейства, т. е. къ

извращенію этихъ эмоцій. *Національзація воспитанія и обученія*, при условіи приспособленія школы къ требованіямъ современной культуры и въ связи съ автономизаціей общинъ—вотъ одинъ изъ главныхъ путей, ведущій къ укрѣпленію еврейства въ близкомъ будущемъ.

Малосвѣдущіе или недобросовѣстные противники еврейской національной идеи воспользуются, конечно, для дискредитированія ея употребленною сейчасъ формулой. Они укажутъ на то, что „національная школа“ входитъ въ программу и русскихъ реакціонеровъ, и прусскихъ шовинистовъ,—изъ чего выведутъ заключеніе, что принципъ національнаго воспитанія можетъ завести и насъ въ дебри реакціи. Нужно ли доказывать нелѣпость подобнаго сопоставленія? Всякому здравомыслящему человѣку должно быть ясно, что между еврейскимъ идеаломъ національной школы и одноименными вождѣленіями нѣмецкихъ и русскихъ „націоналистовъ“—такая же пропасть, какъ между индивидуализмомъ и эгоизмомъ, свободою и гнетомъ, самозащитою и насиліемъ. Нашумѣвшее недавно *Врешенское дѣло* (гоненіе на польскихъ дѣтей въ познанскихъ школахъ за чтеніе молитвъ на польскомъ языкѣ) ярко иллюстрируетъ это различіе [1]). Прусскіе шовинисты стремятся къ подавленію польскаго элемента въ познанскихъ школахъ путемъ насильственнаго ихъ онѣмеченія, между тѣмъ какъ поляки въ данной провинціи отстаиваютъ только свою законную автономію въ дѣлѣ школьнаго обученія своихъ дѣтей, не желая полонизировать нѣмцевъ. Тутъ право и справедливость на сторонѣ поляковъ и пламеннаго защитника ихъ національной школы, Генриха Сенкевича. Совсѣмъ иное отношеніе является у насъ къ тѣмъ же полякамъ, когда они въ австрійской Галиціи стремятся навязывать свою національную школу русинамъ: тутъ они, пользуясь силою большинства, идутъ по стопамъ своихъ прусскихъ угнетателей—и заслуживаютъ такого же рѣзкаго осужденія. До такой деморализаціи никогда, конечно, не могутъ дойти сторонники еврейской національной школы, ибо политическое положеніе

[1]) Въ послѣднее время (конецъ 1906 г.) грубыя насилія прусскаго вѣдомства просвѣщенія надъ національной совѣстью польскихъ учащихся вызвали школьную забастовку десятковъ тысячъ дѣтей въ Познанской провинціи, и теперь прусскія власти пускаютъ въ ходъ жестокія репрессіи противъ забастовщиковъ и ихъ родителей.

евреевъ исключаетъ всякую возможность посягательства съ ихъ стороны на чью бы то ни было чужую школьную автономію. Я уже достаточно говорилъ объ этомъ въ связи съ вопросомъ объ этикѣ еврейскаго національнзма (выше, письмо III). Здѣсь считаю нужнымъ только подчеркнуть, что „автономная школа“ и „національная школа“ употребляются мною, какъ понятія совершенно тождественныя. Это тождество есть и критерій дѣйствительно свободной школы. Если господствующая нація выдвигаетъ, въ связи съ деспотическимъ идеаломъ „національнаго государства“, идеалъ національной школы, то вы, конечно, послѣднюю не назовете „автономной“, ибо она прямо направлена противъ школьной автономіи меньшихъ народностей. Если же какая-либо изъ этихъ меньшихъ народностей стоитъ за свою національную школу, то этимъ она защищаетъ и свою автономію, поскольку она не врывается въ автономію еще меньшихъ національныхъ дробей. Для „государственныхъ“ націй національная школа есть орудіе угнетенія, для не-государственныхъ—орудіе культурнаго освобожденія. Школьная автономія для національнаго меньшинства—это самое драгоцѣнное орудіе его борьбы за свободу противъ посягательства со стороны эгоистическаго, хищнаго національнаго большинства.

Приложеніе А. *Планъ школьной реформы* [1]).

Въ настоящее время существуютъ два типа еврейской школы: 1) *спеціальная школа* (хедеръ, старая талмудъ-тора, іешива), которая пользуется значительной автономіей, но даетъ только еврейское знаніе, и то одностороннее, безсистемное; 2) *общеобразовательная школа* (еврейскія низшія или

---

[1]) Эту часть письма „О національномъ воспитаніи“ я въ настоящемъ изданіи выдѣлилъ изъ текста въ особое приложеніе, въ виду того, что планъ школьной реформы, приспособленный къ обстоятельствамъ недавняго времени (1902), можетъ быть въ близкомъ будущемъ расширенъ и проведенъ въ гораздо болѣе радикальной формѣ, если только въ Россіи утвердится дѣйствительно конституціонный строй. Полагаю, однако, что это „приложеніе“ имѣетъ болѣе, чѣмъ историческій интересъ. Изображенное здѣсь состояніе еврейскаго школьнаго дѣла почти не измѣнилось за послѣднія пять лѣтъ и, слѣдовательно, должно быть принято во вниманіе при ожидаемой радикальной ре-

среднія учебныя заведенія—„казенныя“, общественныя и частныя), болѣе подчиненная правительственному надзору, дающая питомцу общее образованіе безъ еврейскаго, или съ весьма слабой дозой его, и въ значительной степени руссифицирующая учащихся. Школы обоихъ типовъ нуждаются въ коренной реформѣ, которая мѣстами уже началась подъ вліяніемъ новыхъ національныхъ теченій въ еврействѣ.

Главный недостатокъ стараго хедера состоялъ въ томъ, что онъ не выполнялъ своей функціи общенародной школы, замыкаясь въ рамкахъ спеціальнаго богословскаго образованія и какъ будто готовя всѣхъ своихъ питомцевъ въ раввины. Хедеръ былъ естественнымъ продуктомъ эпохи, когда національность отождествлялась у насъ съ ортодоксальной религіозностью. Сохраненіе этой схоластической школы, съ ея примитивными пріемами преподаванія и средневѣковой обстановкой, стало невозможнымъ. И сама жизнь нынѣ выдвигаетъ типъ новаго, реформированнаго хедера, отвѣчающаго современнымъ потребностямъ еврейства. Такъ называемый *образцовый хедеръ* представляетъ собою первую попытку секуляризаціи еврейскаго элементарнаго воспитанія, первый опытъ созиданія *національной* школы на мѣстѣ религіозной. Въ новомъ хедерѣ главное мѣсто занимаетъ правильное изученіе древнееврейскаго *языка*, какъ орудія національнаго объединенія, затѣмъ идетъ изученіе библейской и позднѣйшей *литературъ*, въ связи съ религіозными и этическими основами *іудаизма*. Въ нѣкоторыхъ образцовыхъ хедерахъ древнееврейскій языкъ служитъ даже языкомъ преподаванія, вмѣсто жаргона (натуральный методъ), и такимъ образомъ нашъ литературный языкъ дѣлается въ стѣнахъ школы разговорнымъ. Но все это только зародышъ еврейской національной школы. Образцовыхъ хедеровъ можно теперь насчитать въ Россіи всего нѣсколько десятковъ, противъ тысячъ хедеровъ стараго типа. Еще не выработана опредѣленная, однообразная программа для всѣхъ образцовыхъ хедеровъ, и въ пріемахъ преподаванія господствуетъ большая путаница. Такую обязательную общую программу могъ бы выработать съѣздъ еврейскихъ учителей, а „Общество распространенія просвѣщенія между евреями“ могло бы назначить особую комиссію для разсмотрѣнія и утвержденія выработанной съѣздомъ нормальной программы. При энергичной работѣ въ этомъ направленіи, можно будетъ поставить образцовый хедеръ на должную высоту, и онъ въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій постепенно вытѣснитъ изъ

формѣ; общіе же пути реформы, мною указанные, могутъ быть рекомендованы и теперь, только въ болѣе широкомъ масштабѣ. Историческій интересъ настоящаго письма состоитъ въ томъ, что оно, въ связи съ нѣкоторыми общественными выступленіями, вызвало въ свое время въ обществѣ и прессѣ своеобразный *Kulturkampf* за и противъ національной школы,—о чемъ вкратцѣ сообщено дальше, въ приложеніи *B*.

Изложеніе здѣсь мѣстами сокращено и измѣнено, а также устранены цензурные эвфемизмы.

жизни отжившій старый хедеръ, влачащій нынѣ жалкое существованіе. Упорядоченный и раціонально обставленный, новый хедеръ будетъ служить элементарною народной школой для дѣтей не только ортодоксальныхъ, но и свободомыслящихъ родителей.

Мы должны особенно дорожить этимъ типомъ школы, какъ однимъ изъ немногихъ нашихъ чисто-народныхъ *автономныхъ* учрежденій. Новый, реформированный хедеръ можетъ служить однимъ изъ главныхъ орудій оживленія нашего національнаго языка. Если тамъ дѣйствительно удастся упрочить „натуральный методъ“ преподаванія, то это будетъ первый шагъ къ превращенію языка богослуженія, литературы и письменныхъ сношеній въ живую разговорную рѣчь, хотя бы въ стѣнахъ школы. Я считаю въ высшей степени желательнымъ, чтобы въ хедерѣ нашъ древній національный языкъ конкуррировалъ съ позднѣйшимъ разговорнымъ или „жаргономъ“, хотя я и за послѣднимъ признаю большое культурное значеніе. Идеалъ возрожденія библейскаго языка такъ высокъ, что даже частичное его достиженіе представляетъ огромную важность, ибо въ немъ одно изъ условій нашего національнаго единства.

Я оставляю открытымъ вопросъ о включеніи въ хедерную программу элементарныхъ общеобразовательныхъ предметовъ и русскаго языка. Въ настоящее время русскій законъ, стремясь практически обезцѣнить хедеръ, запрещаетъ изученіе тамъ общихъ предметовъ; эти предметы преподаются въ немногихъ хедерахъ особо, въ видѣ дополнительнаго курса, и преподаются весьма плохо. Въ сущности я не вижу никакого ущерба для воспитанія въ томъ, чтобы ребенокъ въ хедерномъ возрастѣ (отъ 6 до 10 лѣтъ приблизительно) занимался исключительно изученіемъ еврейскихъ предметовъ и затѣмъ уже переходилъ въ общеобразовательную школу. Національное воспитаніе отъ этого бы выиграло въ цѣльности, ибо оно дѣйствовало бы на душу питомца въ годы наибольшей ея воспріимчивости, между тѣмъ какъ общее образованіе не проиграло-бы, такъ какъ курсы низшей и средней школъ совпадаютъ съ возрастомъ 10—20 лѣтъ. Но если практическая жизнь потребуетъ включенія элементарныхъ общихъ предметовъ въ хедерный курсъ, то всегда можно будетъ найти болѣе или менѣе легальную комбинацію для удовлетворенія этой потребности [1]).

---

[1]) Я говорилъ здѣсь о мужскихъ хедерахъ. Вопросъ объ образцовыхъ хедерахъ для дѣвочекъ нѣсколько осложняется тѣмъ, что женскіе хедера еще офиціально не узаконены. Въ двухъ случаяхъ министерство народнаго просвѣщенія не нашло возможнымъ разрѣшить открытіе женскаго хедера, на основаніи весьма гадательныхъ толкованій закона о меламедахъ 1893 года. Между прочимъ, оно мотивировало свой отказъ тѣмъ, будто „съ точки зрѣнія еврейской религіи обученіе дѣвочекъ закону вѣры является предосудительнымъ“ (Справоч. кн. по образ. евр, стр. 97). Въ подкрѣпленіе этого мотива, офиціальный источникъ ссылается на еврейскій кодексъ Іоге Dea (гл. 246, § 6). Не говоря уже о томъ, что странно встрѣчать защитниковъ и истолкователей „Шулханъ-аруха“ въ русскихъ правительственныхъ сферахъ,—указанная

Старыя *талмудъ-торы*, представляющія собою общественные хедера для бѣдныхъ, могутъ быть преобразованы въ большіе образцовые хедера, содержимые на счетъ общества, для чего никакихъ особыхъ разрѣшеній начальства не требуется. Съ надлежащаго разрѣшенія онѣ могутъ быть преобразованы также въ „талмудъ-торы" новаго типа, съ преподаваніемъ общихъ предметовъ на ряду съ еврейскими, но такія талмудъ-торы относятся уже къ разряду общеобразовательныхъ школъ, о которыхъ буду говорить дальше.

Наиболѣе пострадала отъ разрушительнаго дѣйствія времени высшая спеціальная школа—іешива („іешиботъ"), подготовляющая спеціалистовъ по Талмуду и раввинской литературѣ. Только коренная реформа можетъ спасти эту вырождающуюся школу отъ окончательной гибели и сдѣлать ее разсадникомъ національныхъ учителей и раввиновъ. Въ крупныхъ культурныхъ центрахъ „черты осѣдлости" можно было бы официально преобразовать іешивы въ среднія духовныя учебныя заведенія семинарскаго типа, не мѣняя ихъ названія [1]). Въ небольшихъ же городахъ, гдѣ іешивы находятся въ рукахъ ревнивой ортодоксіи, можно улучшать въ нихъ спеціальную программу и пріемы преподаванія постепенно, путемъ воздѣйствія на представителей мѣстныхъ общинъ и улучшенія персонала попечителей и преподавателей. Въ іешивахъ-семинаріяхъ—когда удастся узаконить такую реформу—будутъ преподаваться, сверхъ обширнаго спеціально-еврейскаго курса, и общіе предметы въ объемѣ гимназическаго курса, и окончившіе училище воспитанники будутъ имѣть право, по выдержаніи установленнаго экзамена, занимать мѣста раввиновъ или школьныхъ законоучителей. Этимъ способомъ будетъ хоть до нѣкоторой степени разрѣшенъ и „раввинскій вопросъ", впредь по полнаго его разрѣшенія путемъ учрежденія высшаго „Богословскаго института".

Если наша старая народная школа нуждается только въ реформахъ, которыя приспособили бы ее къ потребностямъ современной жизни, то созданная въ новѣйшее время общеобразовательная еврейская школа нуждается въ

статья вовсе не заключаетъ въ себѣ *запрещенія* дѣвочкамъ учиться закону вѣры: она только признаетъ такое обученіе *необязательнымъ*. Буквальный текстъ п. 6 ст. 246 гласитъ: „Женщина, учившая Тору, достойна награды (въ будущей жизни), хотя и не такой, какъ мужчина, ибо она дѣлаетъ это не въ силу (обязательной) заповѣди". Далѣе указано на *мнѣніе* талмудистовъ о ненужности женской науки, но прибавлено, что это относится къ изученію „устной Торы" (Талмуда), а не писанной (Библіи). Во всякомъ случаѣ, необходимо употребить всѣ старанія для узаконенія женскихъ образцовыхъ хедеровъ, подъ этимъ ли названіемъ, или въ видѣ „частныхъ женскихъ училищъ".

[1]) Напомнимъ, что существованіе іешиботовъ узаконено дѣйствующимъ понынѣ уставомъ 1844 г., и что преобразованіе ихъ въ частныя *спеціальныя* училища на новыхъ началахъ еще недавно поощрялось правительствомъ. См. „Справоч. книгу по образов. евреевъ", стр. 50 сл. и 64 сл. (уставъ Воложинскаго іешибота).

національзаціи. Возникшая по иниціативѣ извнѣ [1]) и затѣмъ развившаяся при господствѣ ассимиляціонныхъ теченій въ еврействѣ, эта „русско-еврейская“ школа заключаетъ въ себѣ много русскаго и мало еврейскаго. Она до сихъ поръ мало чѣмъ отличается по своему духу отъ чисто-русской школы, а преподаваніе въ ней „еврейскихъ предметовъ“ носитъ въ большинствѣ случаевъ такой казенный характеръ, такъ старательно отодвигается на задній планъ, какъ что-то ненужное, что о вліяніи этого элемента на общій духъ школы не можетъ быть и рѣчи. Такое положеніе дѣла объясняется въ гораздо большей степени національною недоброкачественностью учительскаго персонала, чѣмъ препятствіями со стороны закона. Законъ отвелъ въ сущности еврейскимъ предметамъ довольно широкое мѣсто въ программѣ школы; онъ, какъ увидимъ ниже, предоставилъ заботу о нихъ до извѣстной степени родителямъ воспитанниковъ, учителямъ и попечителямъ школъ; но мы не сумѣли воспользоваться даже этой небольшой льготой для того, чтобы придать нашей школѣ народный характеръ или, по крайней мѣрѣ, мѣшать отчужденію ея отъ еврейской жизни.

Въ общеобразовательной школѣ, предназначенной для евреевъ, по необходимости долженъ господствовать *дуализмъ*. Въ ея программѣ стоитъ на одной сторонѣ *государственный* языкъ съ группой общеобразовательныхъ предметовъ, а на другой—*національный* языкъ съ грушою еврейскихъ предметовъ. Установить извѣстное равновѣсіе между этими двумя важными факторами воспитанія, заботиться о томъ, чтобы государственный языкъ не вытѣснялъ національнаго (о предупрежденіи обратнаго ревностно заботится офиціальный учебный надзоръ), чтобы изученіе общихъ и еврейскихъ предметовъ шло параллельно, и чтобы наконецъ въ школѣ не господствовалъ духъ, противный національнымъ чувствамъ воспитанниковъ—вотъ задача тѣхъ, которые возьмутся за реформу нашего школьнаго воспитанія. Основою учебной программы долженъ служить элементарный принципъ, что *для еврея обязательно знаніе двухъ языковъ: національнаго—для внутренней культурной жизни, и государственнаго—для житейскаго и гражданскаго обихода, что оба эти языка ему нужны, какъ орудія умственнаго развитія, и что наконецъ ему равно необходимы общее образованіе, какъ человѣку, и еврейское знаніе—какъ еврею* [2]). Только исходя изъ этого принципа, мы сумѣемъ установить

---

[1]) Обрусительная тенденція уваровской школьной реформы достаточно извѣстна. Какъ далеко заходили подобныя тенденціи съ 1840-хъ годовъ, можно судить по документамъ, обнародованнымъ въ моихъ „Историческихъ Сообщеніяхъ“ № 13 („Бюрократическія упражненія въ рѣшеніи еврейскаго вопроса“), *Восходъ*, 1901, №№ 4—5, а также въ офиціальномъ „докладѣ“ *А. И. Георгіевскаго* „По вопросу о мѣрахъ относительно образованія евреевъ“ (напечатанъ въ немногихъ экземплярахъ, въ 1886 г.).

[2]) Когда эта статья писалась, нельзя было еще и мечтать объ открытой конкурренціи третьяго элемента въ школѣ — разговорно-еврейскаго языка или

въ школѣ то равновѣсіе, которое до сихъ поръ такъ рѣзко нарушалось въ ущербъ нашимъ завѣтнымъ народнымъ интересамъ.

Въ настоящее время у насъ существуютъ три разряда элементарныхъ общеобразовательныхъ школъ: 1) „казенныя“ или *начальныя* (по „Положенію“ 1873 года) еврейскія училища, 2) *общественныя* училища. къ которымъ относятся и разрѣшенныя правительствомъ новыя „талмудъ-торы“, и 3) *частныя* училища. Принадлежность училища къ тому или другому изъ этихъ разрядовъ опредѣляется внѣшнимъ признакомъ: источникомъ дохода, которымъ обезпечивается содержаніе даннаго учебнаго заведенія. Казенныя училища содержатся на счетъ спеціальнаго „свѣчного сбора“, находящагося въ распоряженіи министерства народнаго просвѣщенія; общественныя школы—на счетъ коробочнаго сбора или другихъ спеціальныхъ средствъ еврейскихъ общинъ; частныя училища существуютъ на средства своихъ содержателей. Въ зависимости отъ источника бюджета, между указанными тремя типами школъ установились и существенныя различія въ учебномъ и административномъ отношеніяхъ. Въ казенныхъ училищахъ господствуетъ строгая правительственная регламентація; общественныя школы пользуются нѣкоторымъ самоуправленіемъ, въ лицѣ „попечительныхъ совѣтовъ“, члены которыхъ избираются изъ среды мѣстнаго еврейскаго общества и завѣдуютъ хозяйственной частью; частныя училища, будучи подчинены надзору учебнаго начальства, представляютъ однако значительный просторъ иниціативѣ ихъ содержателей.

По отношенію къ преподаванію еврейскихъ предметовъ, въ наименѣе благопріятныхъ условіяхъ находятся казенныя училища, гдѣ число недѣльныхъ уроковъ, удѣляемыхъ этимъ предметамъ, точно установлено „Положеніемъ“ 1873 года, а именно: 10 уроковъ въ приготовительномъ классѣ и 8—въ каждомъ изъ основныхъ (въ одноклассныхъ и двухклассныхъ училищахъ съ шестилѣтнимъ курсомъ) [1]). Согласно статьѣ 42-ой „Положенія“, общіе предметы преподаются въ начальныхъ еврейскихъ училищахъ (казенныхъ) въ утренніе часы, а еврейскіе—въ часы послѣобѣденные. А примѣчаніе къ той же статьѣ гласитъ: „Желающіе изучить еврейскіе предметы у себя дома—отъ посѣщенія уроковъ этихъ предметовъ въ училищѣ освобождаются“ [2]). Тутъ видна явная тенденція отвести еврейскимъ предметамъ второстепенное мѣсто въ учебномъ строѣ школы

„жаргона“, который нынѣ справедливо претендуетъ на роль языка преподаванія въ начальныхъ школахъ, какъ живой родной языкъ учащихся. Нынѣ же когда мы боремся за „автономную школу въ автономной общинѣ“, мы должны энергично отстаивать это требованіе равноправія для нашего живого *народнаго* языка, который не менѣе древняго-національнаго можетъ противодѣйствовать процессу обрусѣнія въ школѣ и жизни. Къ вопросу о роли „жаргона“ я еще возвращусь (1907 г.).

[1]) Справочная книга по вопросамъ образованія евреевъ. Изд. Общ. распр. просвѣщ. между евреями, Спб. 1901, стр. 29.

[2]) Тамъ же, стр. 25.

и причислить ихъ къ разряду „необязательныхъ“. Этой тенденціей до сихъ поръ пользовались не только христіанскіе [1]), но—къ стыду нашему—и многіе еврейскіе педагоги въ казенныхъ школахъ, для полной деградаціи еврейскаго знанія. А между тѣмъ возможно совершенно иное отношеніе къ дѣлу. Установленное „Положеніемъ“ количество еврейскихъ уроковъ вовсе не такъ ничтожно, чтобы при немъ нельзя было хорошему преподавателю работать въ національномъ направленіи. При десяти урокахъ въ приготовительномъ классѣ и восьми въ основныхъ (въ училищахъ съ *шестилѣтнимъ* курсомъ), можно все-таки немало сдѣлать для успѣшнаго изученія еврейскаго языка, еврейской исторіи и іудаизма, офиціально входящихъ въ составъ „еврейскихъ предметовъ“. Если бы послѣдніе преподавались учителемъ подготовленнымъ, любящимъ и понимающимъ свое дѣло, то они фактически превратились бы изъ второстепенныхъ въ первостепенные и изъ необязательныхъ въ обязательные. Воспитанники охотно изучали бы предметы, такъ много говорящіе ихъ національному чувству, если бы это чувство было присуще и учителю и культивировалось въ школѣ. Но такой учитель въ настоящее время составляетъ большую рѣдкость въ казенныхъ училищахъ, по причинамъ, о которыхъ буду говорить ниже.

Гораздо лучше могутъ быть поставлены въ національномъ смыслѣ другіе два типа школъ—общественныя и частныя. Въ общественныхъ училищахъ, особенно

---

[1]) Ст. 22 „Положенія о евр. нач. учил.“ 1873 г. предоставляетъ попечителямъ учебныхъ округовъ, „въ случаѣ надобности“, назначать на учительскія должности въ казенныхъ еврейскихъ училищахъ, „наряду съ учителями іудейскаго исповѣданія, и лицъ христіанскаго исповѣданія“, — и въ нѣкоторыхъ округахъ власти пользуются этимъ правомъ, назначая преимущественно завѣдующихъ изъ христіанъ даже безъ „надобности“, напримѣръ—при наличности солидныхъ кандидатовъ-евреевъ. Нечего говорить, что такія назначенія отражаются крайне неблагопріятно на постановкѣ преподаванія еврейскихъ предметовъ, надзоръ за которыми доступенъ только еврейскому завѣдующему. Недавно въ одномъ южномъ городѣ были одновременно назначены въ казенномъ еврейскомъ училищѣ завѣдующій-христіанинъ и учитель изъ *крещеныхъ евреевъ*. Въ Ригѣ смотрителемъ 2-хъкласснаго казеннаго еврейскаго училища состоитъ, по сообщенію мѣстнаго корреспондента (*Восходъ*, 1901, № 68), нѣкто М., принявшій нѣсколько лѣтъ тому назадъ православіе. Корреспондентъ сообщаетъ чудовищный фактъ, что М. послѣ перемѣны вѣры не только продолжаетъ свою службу въ училищѣ, но даже долгое время преподавалъ тамъ еврейскіе предметы. „Представители еврейскаго общества протестовали противъ такого порядка вещей, но покойный попечитель учебнаго округа Лавровскій протестъ ихъ не уважилъ“, — и только недавно этотъ православный смотритель прекратилъ преподаваніе еврейскимъ дѣтямъ началъ той вѣры, отъ которой онъ публично отрекся... О деморализующемъ вліяніи подобныхъ фактовъ въ учебно-воспитательномъ смыслѣ говорить не приходится. Нельзя не возмущаться отсутствіемъ гражданскаго мужества у родителей, которые посылаютъ своихъ дѣтей въ училища, гдѣ въ питомцахъ грубо оскорбляютъ ихъ національныя и религіозныя чувства.

въ „талмудъ-торахъ“, количество еврейскихъ уроковъ не ограничено опредѣленными правилами и можетъ быть доведено до максимума. Такъ, въ Могилевской талмудъ-торѣ число недѣльныхъ уроковъ по еврейскимъ предметамъ достигаетъ 20 въ каждомъ классѣ [1]). Въ Виленской образцовой талмудъ-торѣ число еврейскихъ уроковъ въ недѣлю—16, по три урока ежедневно, кромѣ пятницъ, когда полагается лишь одинъ урокъ [2]). Въ Одесской талмудъ-торѣ проявляется уже тенденція южныхъ городовъ къ сокращенію числа еврейскихъ уроковъ: ихъ всего по 12 въ приготовительныхъ классахъ и по 10 въ трехъ основныхъ [3]). Но во всякомъ случаѣ средняя цифра еврейскихъ уроковъ въ общественныхъ училищахъ довольно высока и, кромѣ того, посѣщеніе этихъ уроковъ признается здѣсь обязательнымъ, на ряду съ уроками общихъ предметовъ. Все здѣсь зависитъ, слѣдовательно, отъ отношенія къ дѣлу со стороны завѣдующихъ, учителей и попечительныхъ совѣтовъ. При доброй волѣ и сознаніи своихъ національныхъ обязанностей, всѣ эти руководители общественной школы могли бы довести тамъ изученіе еврейскихъ предметовъ до извѣстной полноты и совершенства. Пяти-шестилѣтній курсъ даетъ возможность питомцу, при хорошей постановкѣ обученія, получить солидныя познанія по древнееврейскому языку, библейской литературѣ, еврейской исторіи и ученію іудаизма. Съ такими познаніями будущій рабочій, ремесленникъ или мелкій торговецъ (большинство учащихся въ общественныхъ школахъ принадлежитъ къ этимъ классамъ) сумѣетъ пройти тернистый жизненный путь еврея, оказывая болѣе или менѣе сознательное противодѣйствіе ассимилирующимъ вліяніямъ извнѣ.

Въ частныхъ училищахъ широкая постановка преподаванія еврейскихъ предметовъ также не встрѣчала бы съ официальной стороны большихъ препятствій, еслибъ содержатели этихъ училищъ руководствовались, кромѣ личныхъ интересовъ, и національными. 4-я статья „Положенія о еврейскихъ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ“ [4]) гласитъ: „Общая цѣль еврейскихъ частныхъ учебныхъ заведеній состоитъ: 1) *въ доставленіи дѣтямъ необходимыхъ познаній въ еврейскомъ законѣ*, и 2) въ облегченіи имъ перехода въ общія училища“. Тутъ еврейскіе предметы поставлены на первомъ планѣ. Въ 1895 г. послѣдовало разъясненіе министерства народнаго просвѣщенія, по которому къ еврейскимъ частнымъ школамъ примѣняется статья общаго закона о частныхъ учебныхъ заведеніяхъ, а именно: что „выборъ учебныхъ предметовъ въ каждомъ частномъ училищѣ зависитъ отъ лица, учреждающаго таковое“, и затѣмъ утверждается учебнымъ начальствомъ. Слѣдовательно, основной законъ не препятствуетъ

[1]) Справоч. книга, стр. 55 (по уставу 1888 г.).

[2]) Тамъ же, 56.

[3]) Тамъ же, 125.

[4]) Оно издано въ 1844 г., но сохранило силу до настоящаго времени, согласно новѣйшимъ официальнымъ разъясненіямъ. См. Справоч. Книгу, стр. 78 сл., а также стр. 83 (разъясненіе М. Н. Пр. отъ 1895 г.).

введенію въ частныхъ еврейскихъ училищахъ солидной программы по еврейскимъ предметамъ. И нѣкоторыя изъ такихъ училищъ, дѣйствительно, пользуются своими прерогативами. Такъ въ С.-Петербургскихъ училищахъ „Общества распространенія просвѣщенія между евреями“ [1]) число недѣльныхъ уроковъ по еврейскимъ предметамъ колеблется въ различныхъ классахъ мужского отдѣленія между 10 и 14, а въ женскомъ отдѣленіи—между 8 и 12 [2]). Но съ другой стороны мы видимъ, что въ восьми частныхъ училищахъ, субсидируемыхъ Одесскимъ отдѣленіемъ того же „Общества просвѣщенія“, еврейскіе предметы находятся въ пренебреженіи. Въ мужскихъ училищахъ этимъ предметамъ удѣляютъ 5—6 недѣльныхъ уроковъ, а въ женскихъ—отъ трехъ до *одного* урока въ недѣлю [3]).

Очень плохо поставлено спеціально-еврейское образованіе въ провинціальныхъ частныхъ школахъ, гдѣ выборъ учебной программы всецѣло предоставленъ содержателямъ. По большей части эти содержатели, изъ полу-интеллигенціи или ассимилированной интеллигенціи, не придаютъ значенія національному образованію и видятъ пользу только въ русской грамотѣ, имѣющей опредѣленную рыночную цѣнность. Количество еврейскихъ уроковъ въ ихъ училищахъ доведено до минимума, если не до нуля, да и способъ преподованія оставляетъ многаго желать. Тамъ же, гдѣ содержатели желали бы поставить изученіе этихъ предметовъ на должную высоту, они нерѣдко встрѣчаютъ препятствія либо со стороны родителей, либо со стороны учебнаго начальства. Многіе родители смотрятъ на общеобразовательную школу, какъ на свѣтское дополненіе къ хедеру, гдѣ ихъ дѣти раньше обучались,—и требуютъ отъ нея только русской грамоты. Тутъ по крайней мѣрѣ есть опредѣленный мотивъ, хотя и малоосновательный, ибо на дѣлѣ старый схоластическій хедеръ не можетъ дать своему питомцу знаніе еврейской грамматики и исторіи, которыя не входятъ въ его программу. Но есть значительная группа родителей (особенно въ большихъ городахъ на югѣ), которые вовсе не заботятся о національномъ образованіи своихъ дѣтей. Они смотрятъ на образованіе съ утилитарной точки зрѣнія и охотно платятъ деньги за обученіе русской грамотѣ и ариѳметикѣ; еврейскій же языкъ, исторія, законъ вѣры кажутся имъ чѣмъ-то для практической жизни непригоднымъ, нестоющимъ денежныхъ затратъ,—а бѣдные содержатели школъ должны считаться съ этими требованіями „покупателей грамоты“. Это прискорбное явленіе можетъ быть устранено лишь постепенно, по мѣрѣ усиленія національнаго настроенія въ полукультурныхъ массахъ съ одной стороны, и общаго улучшенія преподаванія

---

[1]) Къ нимъ примѣняются правила *частныхъ* учебныхъ заведеній, согласно разъясненію попечителя Спб. Учеб. округа отъ 1895 г., ibid., стр. 84.

[2]) Ibid. стр. 121—125 (общіе итоги). Исчисленіе уроковъ въ женскомъ отдѣленіи въ программѣ неясно, и поэтому не ручаюсь за точность итога.

[3]) См. фактическія данныя въ запискѣ, внесенной въ Одес. отдѣленіе группою членовъ, „Восходъ“, 1902, № 1.

еврейскихъ предметовъ—съ другой. Нужно стремиться къ тому, чтобы и полуобразованнымъ родителямъ и воспитателямъ стало ясно, что еврейское знаніе имѣетъ свою высокую цѣнность—духовную, нравственную и общественную.

Въ другихъ мѣстахъ, какъ уже сказано, расширеніе еврейской программы въ частныхъ училищахъ встрѣчаетъ препятствія со стороны мѣстнаго учебнаго начальства. Послѣднее часто отказываетъ содержателямъ въ утвержденіи учебныхъ плановъ, гдѣ еврейскимъ предметамъ отводится больше 6—8 часовъ въ недѣлю. Такое отношеніе мѣстной учебной власти не имѣетъ никакого основанія въ законѣ, который въ „выборѣ учебныхъ предметовъ“ предоставляетъ содержателямъ частныхъ школъ значительную свободу и даже ставитъ еврейскіе предметы на первый планъ. Содержателямъ слѣдовало бы бороться за свое законное право, путемъ доведенія дѣла до высшихъ инстанцій. Но и здѣсь возможенъ компромиссъ, не затруднительный для обѣихъ сторонъ. Въ послѣднее время учебное начальство безпрепятственно разрѣшаетъ такія частныя школы, въ которыхъ общіе предметы преподаются въ дообѣденные часы, а еврейскіе—въ послѣобѣденные, при чемъ число еврейскихъ уроковъ, какъ не входящихъ въ учебный планъ, не ограничено и можетъ дойти до 18 въ недѣлю (по три часа въ день) [1]). На этотъ новый типъ „школы-хедера“ слѣдовало бы обратить серьезное вниманіе, какъ на одно изъ важныхъ орудій національнаго воспитанія.

Я отлично сознаю, что однимъ изъ главныхъ условій реформы школьнаго воспитанія является подготовка соотвѣтствующаго *учительскаго персонала*. Нынѣшній педагогическій персоналъ въ еврейскихъ школахъ весьма неудовлетворителенъ въ національномъ смыслѣ. Питомцы „Еврейскихъ учительскихъ институтовъ“ (изъ двухъ институтовъ нынѣ уцѣлѣлъ только одинъ—въ Вильнѣ), за рѣдкими исключеніями, не подготовлены къ хорошему преподаванію еврейскихъ предметовъ. Въ печати уже неоднократно указывалось на казенный духъ „института“, его мертвящій формализмъ и пренебрежительное отношеніе къ спеціально-еврейскимъ знаніямъ [2]). Стоящій во главѣ этого закрытаго учебнаго заведенія директоръ-христіанинъ и русскіе преподаватели общихъ предметовъ поставлены правительствомъ съ явно-обрусительными намѣреніями, и не имъ конечно заботиться о надлежащей постановкѣ еврейскихъ предметовъ; инспекторъ же и спеціальные учителя изъ евреевъ не могутъ или не желаютъ отстаивать права еврейскаго знанія въ заведеніи, выпускающемъ наставниковъ еврейскаго юношества. Преподаваніе библейскаго языка въ институтѣ превращено въ долбленіе грамматики, на манеръ изученія древнихъ языковъ въ классическихъ гимназіяхъ. Библейскіе пророки, полные глубокаго соціально-этическаго интереса, изучаются рутинно, какъ Цицеронъ или Ксенофонтъ—въ гимназіяхъ, при чемъ въ теченіе

---

[1]) Эти свѣдѣнія относятся къ одесскому учебному округу.

[2]) Число „еврейскихъ уроковъ“ въ Виленскомъ учительскомъ институтѣ—10 въ первомъ классѣ, 9—во второмъ, 8—въ третьемъ и 6—въ послѣднемъ.

всего курса не проходятъ и половины библейскихъ книгъ. Еврейская исторія преподается по краткимъ учебникамъ, годнымъ для начальныхъ училищъ, и безъ всякой научной критики. Такое мертвое преподаваніе не можетъ внушать воспитанникамъ любовь къ еврейской наукѣ, не можетъ будить въ нихъ ни національнаго, ни религіозно-нравственнаго чувства. И дѣйствительно, большинство учителей, вышедшихъ изъ института, поражаетъ своимъ національнымъ индиферентизмомъ и казеннымъ отношеніемъ къ дѣлу преподаванія еврейскихъ предметовъ. Отрадное исключеніе представляютъ только немногіе учителя, которые еще до поступленія въ институтъ обладали такимъ запасомъ еврейскихъ знаній и національныхъ чувствъ, что его не могла истощить даже мертвящая казенщина этого заведенія.

Нужно стремиться внести, насколько возможно, духъ живой въ это царство скуки и рутины. Но нельзя возлагать всѣ надежды на этотъ единственный „казенный“ разсадникъ учителей, который ежегодно выпускаетъ около 15—20 человѣкъ. Въ ожиданіи тѣхъ благопріятныхъ условій, которыя позволятъ намъ открыть еще одинъ или два учительскихъ института, соотвѣтствующихъ нашимъ народнымъ потребностямъ,—мы должны пока исчерпать всѣ имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи скромныя средства для созданія кадровъ народныхъ учителей, хорошо подготовленныхъ и по общимъ, и по еврейскимъ знаніямъ. Крупные центры черты осѣдлости нынѣ кишатъ питомцами хедера и іешивы, прибывающими изъ глухой провинціи и страстно ищущими общаго образованія [1]). Обладая по большей части обширнымъ, хотя и безсистемнымъ знаніемъ библейской и талмудической литературъ, эти „Ломоносовы“ нуждаются въ среднемъ общемъ образованіи и въ систематизаціи своихъ еврейскихъ познаній. Вслѣдствіе извѣстныхъ ограниченій, а также по своему возрасту (отъ 18 до 30 лѣтъ) и скуднымъ матеріальнымъ средствамъ, они не могутъ поступить въ гимназіи и высшія учебныя заведенія, и единственный путь, остающійся для большинства изъ нихъ—это путь народнаго учителя. Подготовиться въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ по главнымъ предметамъ общеобразовательнаго курса, и затѣмъ выдержать установленный экзаменъ для полученія званія „начальнаго“ или „домашняго“ учителя—

[1]) Въ одной Одессѣ число этихъ „внѣшкольныхъ учащихся“, занимавшихся подъ руководствомъ безплатныхъ учителей при слабомъ содѣйствіи мѣстнаго отдѣленія „Общества Просвѣщенія“, достигло во второмъ полугодіи 1900 г. *218* человѣкъ (см. Отчетъ Одес. Отдѣленія за 1900 г., стр. 79). Если къ этой цифрѣ прибавить многочисленную группу самоучекъ, которымъ „Общество“ не оказало никакого содѣйствія, то получится внушительная цифра, свидѣтельствующая объ остротѣ „борьбы за образованіе“. Въ теченіе десяти лѣтъ, я лично принималъ живое участіе въ судьбѣ этой арміи „искателей знанія“ и убѣдился, сколько въ ней таится духовныхъ силъ, которыя при надлежащей поддержкѣ и руководствѣ могли бы превратить ее въ „армію спасенія“ еврейскаго знанія. Къ несчастію, жестокая бѣдственная жизнь ломаетъ и коверкаетъ многихъ среди этого умственнаго пролетаріата.

вотъ завѣтная цѣль большинства „ищущихъ“. Добившись такого званія, они получаютъ право преподавать въ частныхъ еврейскихъ училищахъ, а также открывать таковыя въ разныхъ городахъ. Они могутъ преподавать и по общимъ и по еврейскимъ предметамъ, и слѣдовательно до извѣстной степени соотвѣтствуютъ искомому типу народнаго учителя. На эту то подготовку будущихъ учителей мы должны обратить самое серьезное вниманіе. Необходимо устраивать для „самоучекъ“ спеціальные курсы, гдѣ имъ преподавались бы общіе предметы и систематизировались бы ихъ еврейскія познанія. Во избѣжаніе официальныхъ затрудненій, это удобнѣе всего дѣлать въ формѣ учрежденія при начальныхъ еврейскихъ училищахъ „вечернихъ курсовъ для взрослыхъ“. Программа двухклассныхъ еврейскихъ училищъ, приправленная методикою и спеціальными практическими занятіями, достаточна для подготовки „начальныхъ“ учителей. Устроенные въ нѣсколькихъ крупныхъ пунктахъ еврейской осѣдлости (Одесса, Вильна Екатеринославъ, Кишиневъ, Ковно), такіе курсы могли бы ежегодно выпускать отъ ста до двухсотъ юношей, которые, по выдержаніи установленныхъ экзаменовъ, получали бы учительское званіе и работали бы въ качествѣ учителей въ провинціальныхъ еврейскихъ училищахъ, частныхъ и общественныхъ. „Общество распространенія просвѣщенія между евреями“, которое при субсидированіи начальныхъ школъ вездѣ наталкивается на недостатокъ учительскаго персонала, нашло бы тогда въ провинціи готовые кадры истинно-народныхъ учителей, вышедшихъ изъ еврейской массы и могущихъ содѣйствовать національзаціи нашей элементарной школы.

Питомцы хедера и іешивы ищутъ общаго образованія для того, чтобы вступить въ ряды скромныхъ народныхъ учителей. Но есть еще большой контингентъ лицъ, изъ котораго можно вербовать народныхъ учителей и учительницъ. Я говорю о тѣхъ питомцахъ и питомицахъ русскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, для которыхъ по окончаніи курса самый прямой и честный путь—учительство. Сотни еврейскихъ юношей ежегодно кончаютъ курсъ гимназій, реальныхъ и коммерческихъ училищъ, и лишь небольшая часть ихъ попадаетъ въ университеты и спеціальныя высшія школы, часто идя туда безъ всякихъ опредѣленныхъ надеждъ на будущее. Еще больше число еврейскихъ дѣвушекъ, кончающихъ женскія гимназіи (куда доступъ не такъ ограниченъ, какъ въ мужскія) и подготовленныхъ исключительно къ педагогической дѣятельности. Всѣ эти сотни юношей и дѣвушекъ имѣютъ, въ силу получаемыхъ ими аттестатовъ, право преподавать въ еврейскихъ частныхъ и общественныхъ училищахъ и открывать таковыя повсемѣстно. Часто ли они пользуются этимъ правомъ?—Къ прискорбію, приходится отвѣчать: нѣтъ! Въ послѣдніе годы въ большихъ городахъ, вокругъ нѣкоторыхъ еврейскихъ училищъ, общеобразовательныхъ и профессіональныхъ, группируются молодыя силы, преимущественно женскія, иногда самоотверженно работающія на пользу народнаго образованія. Но число такихъ дѣятелей и дѣятельницъ на педагогическомъ поприщѣ ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ,

что могли бы дать наши ежегодные выпуски изъ мужскихъ и женскихъ гимназій, реальныхъ, коммерческихъ и иныхъ училищъ. Сотни юношей и дѣвицъ мечутся безъ дѣла, стучатся во всѣ двери, поступаютъ въ такія чисто-ремесленныя заведенія, какъ зубоврачебныя, акушерскія и фельдшерскія школы, бѣгаютъ по частнымъ урокамъ, поступаютъ на службу въ конторы и торговыя заведенія; но рѣдко кто изъ нихъ отдается тому дѣлу, къ которому онъ болѣе или менѣе подготовленъ—святому дѣлу обученія народа. Конечно, труденъ путь народнаго учителя и народной учительницы, тяжела жизнь въ глухихъ городахъ и мѣстечкахъ, при скудномъ учительскомъ заработкѣ, при непрерывномъ трудѣ и заботахъ, иногда—непріятностяхъ и столкновеніяхъ. Но зато сколько возвышеннаго, святого, сколько національнаго подвижничества и глубокаго нравственнаго удовлетворенія въ такомъ трудѣ! Быть піонеромъ просвѣщенія въ глухихъ темныхъ углахъ, сознавать, что дѣлаешь изъ забитыхъ и задавленныхъ еврейскихъ дѣтей воспитанныхъ людей, болѣе приспособленныхъ къ борьбѣ за свое личное и національное существованіе,—развѣ такое сознаніе не вознаграждаетъ мыслящаго работника за всѣ лишенія и заботы?

Никогда еще хорошій народный учитель не игралъ въ нашей жизни такой великой, рѣшающей роли, какъ нынѣ, когда дѣло еврейскаго просвѣщенія, встрѣчая извнѣ безчисленныя препятствія, стало почти исключительно нашимъ *внутреннимъ* дѣломъ. Количество людей, идущихъ ежегодно въ ряды народныхъ учителей и учительницъ, можетъ служить вѣрнымъ мѣриломъ того, насколько въ нашемъ обществѣ сохранились еще *личный идеализмъ* и *національное самосознаніе*. Безъ этихъ двухъ двигателей, тѣсно между собою связанныхъ, спасеніе нашего народа невозможно. И чтобы внушить всей массѣ нашихъ школьныхъ работниковъ и работницъ сознаніе своего долга предъ народомъ, необходимо, чтобы они втянулись въ новѣйшее національное движеніе, охватившее лучшіе умы еврейства. Это движеніе облагородитъ, перевоспитаетъ тѣхъ изъ нихъ, которые воспитывались въ духѣ ассимиляціи. Юноши и дѣвушки, окончившіе общее учебное заведеніе и еще незнакомые съ еврейскимъ языкомъ и литературой, должны усвоить себѣ эти элементы національнаго знанія, прежде чѣмъ идти въ народные учителя и учительницы. Они могутъ достигнуть этого путемъ личнаго и кружковаго самообразованія (кружки для подобныхъ цѣлей имѣются во многихъ мѣстахъ); для той же цѣли могутъ быть устраиваемы и спеціальные вечерніе курсы еврейскихъ предметовъ при существующихъ училищахъ. Усвоивъ необходимыя еврейскія познанія, эта національная молодежь получитъ, сверхъ своего офиціальнаго права, и *нравственное* право вступить въ ряды народныхъ учителей.

Тутъ мы подошли къ общему вопросу о *перевоспитаніи* извѣстной части нашей интеллигенціи въ національномъ духѣ. Изъ гущи ортодоксальной массы у насъ выходятъ люди, которые, получивъ въ юности исключительно религіозно-національное воспитаніе, должны потомъ перевоспитывать себя на европейскій ладъ

и усваивать, уже въ зрѣломъ возрастѣ, общее образованіе и государственный языкъ. Съ другой стороны, изъ новыхъ „культурныхъ“ круговъ идетъ поколѣніе, которое, воспитываясь въ общерусской школѣ, остается болѣе или менѣе чуждымъ еврейскому національному знанію и должно уже перевоспитывать себя на еврейскій ладъ. Эти двѣ ненормальныя крайности доказываютъ a contrario, что будущее, болѣе нормальное поколѣніе должно получать одновременно и національно-еврейское, и европейское образованіе, такъ чтобы ему не приходилось потомъ перевоспитывать себя въ зрѣломъ возрастѣ. Но пока обѣ указанныя аномаліи существуютъ, необходимо съ ними считаться, тѣмъ болѣе, что на скорое ихъ исчезновеніе разсчитывать трудно. Необходимо урегулировать и старое движеніе отъ еврейскаго образованія къ общему, и новое—отъ общаго къ еврейскому. Національное перевоспитаніе отрекающейся отъ ассимиляціи части молодежи уже началось, и необходимо, чтобы литература, кружки для еврейскаго самообразованія, спеціальные курсы, чтенія и библіотеки пришли на помощь этой спасительной реставраціи, знаменующей возрожденіе.

Такимъ образомъ, мы будемъ имѣть два большихъ резерва народныхъ учителей: питомцы хедеровъ и іешивъ, получивъ подготовку общеобразовательную, будутъ преподавать въ нашихъ начальныхъ школахъ преимущественно *еврейскіе предметы*; питомцы же и питомицы русскихъ среднеучебныхъ заведеній, пройдя черезъ національный фильтръ, будутъ преподавать въ тѣхъ же школахъ *общеобразовательные предметы*. Это будетъ параллельное движеніе *изъ народа* и *въ народъ*, способное освѣжить нашу умственную атмосферу.

Кромѣ великой заботы о еврейской народной школѣ, намъ предстоитъ еще забота о введеніи въ программы общерусскихъ учебныхъ заведеній тѣхъ спеціальныхъ предметовъ для учениковъ-евреевъ, на которые мы имѣемъ право по закону. Мы очень мало пользуемся предоставленнымъ намъ правомъ въ гимназіяхъ, реальныхъ, коммерческихъ и городскихъ училищахъ обучать своихъ дѣтей еврейской исторіи и литературѣ, хотя бы подъ офиціальною фирмою „закона еврейской вѣры“. Въ сѣверо-западныхъ учебныхъ округахъ еще довольно часто попадаются среднія учебныя заведенія, гдѣ евреямъ преподаются особо ихъ „законоученіе“ и исторія; но въ южныхъ округахъ такія учебныя заведенія встрѣчаются крайне рѣдко. Да и постановка преподаванія этихъ предметовъ, за немногими исключеніями, весьма неудовлетворительна, вслѣдствіе плохого состава преподавателей (преимущественно изъ мѣстныхъ „казенныхъ“ раввиновъ) и неопредѣленности программы. Учащіеся, а нерѣдко и сами учащіе, пренебрежительно относятся къ этимъ „необязательнымъ предметамъ“,—и такимъ образомъ получается униженіе національнаго знанія вмѣсто возвышенія его. Необходимо энергично бороться противъ этого преступно-небрежнаго отношенія къ нашему народному дѣлу. Отъ воли родителей учащихся зависитъ, по закону, рѣшеніе вопроса объ изученіи ихъ дѣтьми еврейскихъ предметовъ въ каждомъ среднеучебномъ заведеніи. И вотъ еврейская національная интеллигенція должна, путемъ нравственнаго воз-

дѣйствія на этихъ родителей, добиваться того, чтобы повсемѣстно преподавались еврейскія исторія и литература, и чтобы къ этой работѣ привлекались люди, достойные возлагаемой на нихъ національной миссіи. При ничтожномъ количествѣ уроковъ, удѣляемыхъ еврейскимъ предметамъ въ гимназіяхъ, реальныхъ и коммерческихъ училищахъ, трудно конечно дать учащимся достаточныя *познанія*; но хорошій учитель, проникнутый національнымъ духомъ, всегда сумѣетъ въ большей или меньшей степени вліять въ этомъ духѣ на учениковъ и ученицъ, сумѣетъ внушить имъ *чувство* любви къ родной націи и желаніе ближе ознакомиться съ ея славной исторіей и литературой. А это уже—результатъ крупный.

Съ дѣломъ націонализаціи воспитанія связанъ и вопросъ, волнующій наше общество уже 15 лѣтъ и причиняющій многимъ неимовѣрныя страданія. Установленныя въ 1887 г. ограниченія доступа евреевъ въ русскія среднія и высшія учебныя заведенія отняли право на образованіе у большей части нашей молодежи. Изъ всѣхъ правительственныхъ репрессій, въ изобиліи сыплющихся на наши головы за послѣднее двадцатилѣтіе, это—едва-ли не одна изъ самыхъ ужасныхъ. Больно видѣть это умственное „избіеніе младенцевъ“, слышать вопли отцовъ и матерей, дѣтямъ которыхъ отказываютъ въ элементарномъ правѣ образованія; обидно присутствовать при систематическомъ школьномъ изморѣ „народа писанія“. Но жалокъ и ничтоженъ тотъ, который умѣетъ только глотать обиды, плакать или возмущаться, и не умѣетъ дѣлать ничего для возможнаго ослабленія наносимыхъ ему ударовъ. Въ постигшемъ насъ бѣдствіи есть одна сторона, которою мы могли бы воспользоваться для нравственнаго улучшенія нашего средняго образованія, хотя бы въ скромныхъ размѣрахъ. Законъ (ст. 969 т. IX Св. зак. изд. 1876 г.) разрѣшаетъ евреямъ „заводить свои училища для образованія своего юношества въ наукахъ и искусствахъ и для изученія правилъ ихъ вѣроисповѣданія“. Въ этомъ законѣ не сдѣлано изъятія для *среднихъ* учебныхъ заведеній—гимназій, реальныхъ и коммерческихъ училищъ, которыя, слѣдовательно, могутъ быть учреждаемы евреями и для евреевъ. (Нѣсколько такихъ училищъ, мужскихъ и женскихъ, уже существуютъ въ Россіи). Это право, предоставленное намъ закономъ, необходимо отстаивать со всей энергіей, борясь со всѣми препятствіями со стороны администраціи [1]). Если наши собственныя гимназіи, реальныя и коммерческія училища не будутъ давать своимъ питомцамъ никакихъ правъ на поступленіе въ высшія учебныя заведенія, то эти права могутъ быть пріобрѣтены путемъ установленнаго экзамена при правительственныхъ школахъ. Зато умственный и нравственный выигрышъ для насъ будетъ громадный. Во-первыхъ, многимъ

---

[1]) Съ 1906 г. открытіе частныхъ среднихъ учебныхъ заведеній для евреевъ значительно облегчено министерствомъ народнаго просвѣщенія, причемъ однимъ сейчасъ даны всѣ „права“, другимъ обѣщано дать въ будущемъ. Широкое использованіе этого права будетъ имѣть важныя послѣдствія для всего дѣла еврейскаго образованія въ Россіи.

еврейскимъ дѣтямъ, остающимся теперь за дверьми средне-учебныхъ заведеній, все-таки будетъ дана возможность получить среднее образованіе; во-вторыхъ, эти дѣти будутъ избавлены отъ тѣхъ униженій, которыя имъ приходится переносить при вступленіи въ правительственную школу и въ самой школѣ, униженій, оставляющихъ въ душѣ осадокъ горечи на всю жизнь; въ-третьихъ, часть нашихъ дѣтей, отчуждаемыхъ отъ родного быта всѣмъ строемъ общерусскихъ учебныхъ заведеній, получитъ возможность изучать по широкой программѣ еврейскіе предметы, отдыхать по субботамъ и еврейскимъ праздникамъ,—словомъ будетъ стоять гораздо ближе къ источникамъ нашей національной жизни, чѣмъ теперь. Еврейская публицистика уже не разъ затрагивала этотъ вопросъ; и если ея голосъ не будетъ услышанъ, если общество наше viribus unitis не возьмется за проведеніе этой мысли въ жизнь со всей той энергіей, на которую способна защищающая свою честь нація,—то исторія будетъ вправѣ впослѣдствіи заклеймить такое общество эпитетами: рабское, трусливое...

Великимъ благомъ для еврейства было бы также учрежденіе особой еврейской *высшей школы*, еврейской не по факультетскимъ программамъ, а по составу учащихся и профессоровъ. Если нынѣ въ Галиціи даже русины домогаются своего „русинскаго университета“, то русскіе евреи, не допускаемые въ общіе университеты, имѣютъ на подобное автономное заведеніе сугубое право. Въ Россіи, конечно, это пока невозможно; но вполнѣ возможно учредить еврейскую высшую школу въ одной изъ странъ западной Европы. Въ настоящее время въ заграничныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ обучаются тысячи русскихъ евреевъ. Университеты Берлина, Парижа, Гейдельберга, Монпелье, Берна, Женевы и другіе переполнены массою еврейскихъ студентовъ и студентокъ изъ Россіи; кое-гдѣ это переполненіе аудиторій и клиникъ иностранцами вызываетъ уже ограничительныя мѣры. Даже открытая недавно въ Парижѣ „Вольная русская школа“, дающая пока только публичные курсы по соціальнымъ наукамъ, привлекаетъ къ себѣ преимущественно слушателей-евреевъ. При такихъ условіяхъ вольный еврейскій университетъ за границей (въ родѣ Université libre въ Брюсселѣ,) былъ бы обезпеченъ и слушателями, и матеріальными средствами (отъ спеціальныхъ пожертвованій и платы за слушаніе лекцій), и наконецъ еврейскими профессорами изъ среды нашихъ ученыхъ, которые въ другихъ странахъ не допускаются къ университетской каѳедрѣ только вслѣдствіе своей національности. Въ этомъ университетѣ могъ бы существовать и особый „факультетъ еврейскихъ наукъ“, гдѣ изучались бы спеціально еврейскія языкознаніе, литература, исторія, философія и богословіе. Національное значеніе такого высшаго учебнаго учрежденія было бы громадно: это былъ бы высшій умственный центръ для разсѣянной націи, убѣжище для всѣхъ томящихся жаждою знанія, испытывающихъ на родинѣ танталовы муки... Наша національная честь и національные интересы велятъ намъ взяться за такое дѣло, какихъ бы усилій оно ни стоило.

Заботу о повсемѣстной организаціи національнаго воспитанія должна взять

на себя наша интеллигенція, которая уже теперь во многихъ мѣстахъ посильно служитъ народу путемъ устройства элементарныхъ школъ, образцовыхъ хедеровъ, библіотекъ и т. п. Но, кромѣ этихъ мѣстныхъ организацій, должны существовать и *центральные органы*, для объединенія дѣятельности всѣхъ лицъ и учрежденій, работающихъ въ пользу еврейскаго народнаго образованія. Могутъ ли исполнять эту роль „Общество распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи“ и его отдѣленія въ провинціи?—Даже въ скромныхъ предѣлахъ своего устава „Общество“ могло бы еще очень многое дѣлать, въ смыслѣ улучшенія національнаго воспитанія въ общественныхъ и частныхъ училищахъ. Въ послѣднее время „Общество просвѣщенія“, вслѣдствіе усиленія своихъ матеріальныхъ средствъ [1]), получило возможность значительно расширить свою дѣятельность по части поощренія народнаго образованія. Оно можетъ теперь, путемъ денежныхъ субсидій, поддерживать многія изъ существующихъ въ провинціи частныхъ и общественныхъ школъ и содѣйствовать открытію новыхъ. Въ виду крайняго недостатка учительскаго персонала, „Общество“ должно исчерпать всѣ находящіяся въ его распоряженіи средства для подготовки еврейскихъ учителей, особенно упрощеннымъ путемъ устройства частныхъ курсовъ для приготовленія способныхъ людей къ учительскому званію, какъ указано выше. Заботясь о количественномъ ростѣ еврейскихъ школъ, „Общество“ обязано заботиться и о качественномъ улучшеніи преподаванія въ нихъ, особенно-же о правильной постановкѣ изученія еврейскихъ предметовъ, которымъ прежде всего должно быть удѣлено достаточное число недѣльныхъ уроковъ. Спеціальныя ученыя и учебныя комиссіи при комитетахъ „Общества“ и его отдѣленій должны вырабатывать *нормальныя программы* преподаванія еврейскихъ предметовъ въ низшихъ и среднихъ школахъ, въ образцовыхъ хедерахъ и талмудъ-торахъ, а комитеты должны слѣдить черезъ своихъ уполномоченныхъ, чтобы эти программы точно исполнялись, по крайней мѣрѣ въ субсидируемыхъ „Обществомъ“ школахъ. Комиссіи могли бы вырабатывать также планы учебниковъ для еврейскихъ училищъ, какъ по спеціальнымъ, такъ и по нѣкоторымъ общимъ предметамъ (напримѣръ, планъ русской хрестоматіи, болѣе приспособленной къ понятіямъ и чувствамъ учащихся евреевъ, чѣмъ существующія хрестоматіи для низшихъ русскихъ школъ, составленныя по большей части тенденціозно и принаровленныя къ потребностямъ православнаго ученика), и давать педагогическую апробацію учебникамъ, соотвѣтствующимъ этимъ планамъ. Вообще, во всякомъ крупномъ дѣлѣ, направленномъ къ подъему національнаго образованія среди евреевъ, „Общество просвѣщенія“ обязано или проявлять свою непосредственную иниціативу, или содѣйствовать благой иниціативѣ отдѣльныхъ лицъ и учрежденій. Оно должно, и до извѣстной степени можетъ, служить центральнымъ органомъ

[1]) См. отчетъ „Общества Просвѣщенія“ за 1900 г. Спб., 1901, стр. 6.

для урегулированія и объединенія просвѣтительныхъ работъ, совершаемыхъ въ разныхъ мѣстахъ „черты осѣдлости".

Все тутъ зависитъ отъ той степени, въ какой „Общество" и его исполнительные органы, комитеты и комиссіи, будутъ проникнуты еврейской національной идеей. Въ другомъ мѣстѣ [1]) я уже подробно говорилъ объ историческомъ генезисѣ „Общества просвѣщенія" и о предстоящихъ ему задачахъ—и формулировалъ свои заключенія въ слѣдующихъ словахъ: „Общество просвѣщенія было всецѣло продуктомъ того времени, когда оно возникло (1863 г.). Тогда на первомъ планѣ стояла задача распространенія общерусскаго образованія между евреями, съ цѣлью сближенія послѣднихъ съ кореннымъ населеніемъ. Это было въ сущности образованіе чисто-внѣшнее: стремились къ переустройству еврейскаго быта на новыхъ *культурныхъ* началахъ; образованіе сводилось главнымъ образомъ къ усвоенію русскаго языка и полезныхъ знаній. Элементарная русская школа являлась главнымъ орудіемъ для достиженія такой цѣли. Средняя и высшая школы поднимали евреевъ еще выше по общественной лѣстницѣ, и потому посѣщеніе ихъ считали нужнымъ поощрять. Вообще, всѣ заботы нашихъ „просвѣтителей" были направлены тогда къ улучшенію правовыхъ условій еврейской жизни въ Россіи *посредствомъ* школьнаго образованія. Время показало тщетность ихъ усилій (въ этомъ послѣднемъ отношеніи), но не въ томъ дѣло: *культурный* уровень русскихъ евреевъ несомнѣнно поднялся за послѣднія десятилѣтія, и „Общество просвѣщенія", съ своей стороны, немало тому содѣйствовало. Теперь иное время и иныя задачи. Не столько о просвѣщеніи внѣшнемъ должны мы заботиться, сколько о просвѣщеніи внутреннемъ: о серьезномъ знаніи, имѣющемъ цѣлью *укрѣпленіе духа народнаго*. Рядомъ со всестороннимъ общечеловѣческимъ знаніемъ, не принаровленнымъ ни къ какимъ узкимъ цѣлямъ, должно стоять и всестороннее спеціально-еврейское знаніе (изученіе еврейской исторіи и литературы etc.), имѣющее одну высокую цѣль: *самосознаніе*. Болѣе, чѣмъ когда либо, намъ теперь слѣдуетъ углубиться въ себя, трудиться надъ своимъ духовнымъ усовершенствованіемъ, не прилаживаясь ни къ какимъ случайнымъ и временнымъ теченіямъ, не угождая никому и ни передъ кѣмъ не заискивая... „Общество просвѣщенія" на собственномъ опытѣ извѣдало, какъ ненадежно строить просвѣщеніе народа на узко-утилитарной основѣ. Если дѣятели этого „Общества" проникнутся убѣжденіемъ, что еврейство есть одновременно и часть человѣчества, и особая народность, и что, поэтому, оно въ своей духовной жизни должно соединять общечеловѣческое знаніе съ спеціально-еврейскимъ,—то есть надежда, что они что нибудь сдѣлаютъ для нашего обездоленнаго народа".

Когда я десять лѣтъ назадъ писалъ эти строки, я не думалъ, что мнѣ еще придется въ кругу дѣятелей „Общества просвѣщенія" выступать въ защиту

[1]) „Итоги Общества Просвѣщенія", „Восходъ" 1891 г. книги X — XI.

подобныхъ элементарныхъ истинъ противъ явно-ассимиляціонныхъ тенденцій. А между тѣмъ это случилось весьма недавно, послѣ десятилѣтія, горькій опытъ котораго долженъ былъ убѣдить еврейскую интеллигенцію, что спасеніе нашего народа заключается только въ твердой національной организаціи. Въ „Отчетѣ одесскаго отдѣленія Общества просвѣщенія за 1900 годъ", комитетъ этого отдѣленія высказалъ свою profession de foi въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Въ томъ же засѣданіи (общаго собранія 1900 г.) возбужденъ былъ вопросъ о томъ, что комитетъ долженъ радикально измѣнить свое направленіе и по возможности болѣе обращать вниманія на воспитаніе юношества въ строго-религіозномъ (?) и *еврейско-національномъ духѣ*, согласно народившимся въ еврействѣ новымъ теченіямъ; но огромное большинство собранія съ этимъ мнѣніемъ не согласилось, признало его совершенно несоотвѣтствующимъ истиннымъ цѣлямъ Общества распространенія просвѣщенія, а напротивъ—вполнѣ одобрило *направленіе комитета*, который задачу Общества видитъ въ распространеніи среди массы еврейскаго населенія началъ обще-европейскаго образованія и практически полезныхъ положительныхъ знаній".

Это заявленіе одесскаго комитета вызвало въ слѣдующемъ, весьма бурномъ общемъ собраніи мѣстнаго „отдѣленія" (апрѣль 1901 г.) рядъ возраженій, какъ со стороны фактической, такъ и принципіальной [1]). Фактическія возраженія сводились къ тому, что представители „новыхъ теченій" возбудили вопросъ о національномъ воспитаніи еврейскаго юношества, но не о „строго-религіозномъ" или ортодоксальномъ, какъ формулируетъ комитетскій отчетъ; затѣмъ было указано на неосновательность вывода „отчета", будто „огромное большинство собранія не согласилось" съ требованіями національной оппозиціи, такъ какъ возбужденный вопросъ тогда никакому голосованію не подвергался. Мнѣ пришлось тогда возражать комитету по существу его заявленія. Путемъ простого анализа этого заявленія я установилъ фактъ, что комитетъ, противопоставляя „европейское образованіе" національно-еврейскому, тѣмъ самымъ отвергаетъ послѣднее; отвергать же „національный духъ" въ просвѣщеніи народа, преслѣдуемаго именно за свои національные идеалы, значитъ отвергать вообще всякое высшее нравственное и соціальное начало въ воспитаніи и слѣдовать узко-утилитарному взгляду на школу, какъ на орудіе только въ матеріальной борьбѣ за существованіе. Отношеніе одесскаго комитета къ національной идеѣ было иллюстрировано мною нѣсколькими примѣрами изъ его дѣятельности. Въ заключеніе я предложилъ вопросъ: подтверждаетъ ли комитетъ упомянутое свое заявленіе въ смыслѣ отрицанія національной программы воспитанія, или это смѣлое заявленіе слѣдуетъ приписать какому нибудь недоразумѣнію? Прямого отвѣта на этотъ

---

[1]) Сообщенія объ этомъ общемъ собраніи, хотя и не вездѣ точныя, своевременно появились въ различныхъ органахъ еврейской печати.

вопросъ я не получилъ. Вмѣсто отвѣта, комитетъ, черезъ одного изъ своихъ старѣйшихъ членовъ, предложилъ національной оппозиціи контръ-вопросъ: „А въ чемъ же ваша національная программа? Что подразумѣваете вы подъ національнымъ духомъ въ воспитаніи?“ Больно и стыдно было слышать такой вопросъ въ *еврейскомъ* собраніи. Въ этомъ вопросѣ и въ косвенно одобренной имъ резолюціи комитета обнаружилась вся глубина нашего соціальнаго паденія. Нѣчто подобное было бы совершенно немыслимо, хотя бы, напримѣръ, въ общемъ собраніи польскихъ просвѣтителей... Но я принялъ этотъ вызовъ—и настоящее „письмо“ является публичнымъ отвѣтомъ на публично поставленный вопросъ. И если противники еврейскаго національнаго воспитанія признаютъ этотъ отвѣтъ достаточно яснымъ и рѣшительнымъ, то я бы предложилъ имъ высказать такъ же ясно и категорически свой взглядъ на задачи еврейскаго воспитанія [1]).

Указанные общественные факты характеризуютъ отношеніе извѣстныхъ круговъ общества къ дѣлу національзаціи еврейской школы и предвѣщаютъ ему великія затрудненія. Однако, эти примѣры не слѣдуетъ слишкомъ обобщать. Дѣятельность центральнаго комитета „Общества просвѣщенія“ въ Петербургѣ и его комиссій доказываетъ, что тамъ не такъ отрицательно относятся къ идеѣ національнаго воспитанія, какъ въ средѣ одесскихъ просвѣтителей... Не изсякло еще національное самосознаніе въ еврейскихъ интеллигентныхъ дѣятеляхъ, и представители отживающаго ассимиляціоннаго направленія еще увидятъ противъ себя рядъ борцовъ среди новаго свободнаго еврейства, вступающаго въ жизнь съ лозунгомъ „національнаго возрожденія“.

Приложеніе *B.* „*Kulturkampf*“ *1901—1902 г.*

Какъ видно изъ заключительныхъ строкъ предыдущаго приложенія, въ 1901 г. вокругъ вопроса о національной школѣ сосредоточился общественный интересъ, благодаря агитаціи и публичнымъ преніямъ между сторонниками и противниками этой идеи. Въ Одессѣ, главномъ гнѣздѣ ассимиляціи, сторонники національной школы работали при посредствѣ неофиціальнаго „Комитета національзаціи“, а противники—въ комитетѣ мѣстнаго отдѣленія Общества просвѣщенія. Осенью 1901 г. этому послѣднему комитету представлена была группою членовъ отдѣленія „Записка“ о необходимости реформированія субсидируемыхъ „Обществомъ“ школъ, въ смыслѣ расширенія и улучшенія преподаванія въ нихъ еврейскихъ предметовъ. Одесскій комитетъ отвѣтилъ на это весною 1902 г. особой декларацією, гдѣ противъ точки зрѣнія національзаторовъ выдвинулъ рядъ доводовъ въ

[1]) См. дальше, письмо X: „О растерявшейся интеллигенціи“.

защиту своего узко-утилитарнаго взгляда на задачи школы. Послѣ офиціальнаго заявленія „просвѣтителей“, что главная задача еврейской школы—давать общерусское, а не еврейское образованіе,—борьба партій обострилась. Новое публичное состязаніе между обѣими сторонами произошло въ многолюдномъ общемъ собраніи „Общества просвѣщенія“ въ Одессѣ (15 мая 1902), гдѣ защитниками національной школы выступили Ахадъ Гаамъ и авторъ этихъ строкъ, а защитниками противоположнаго направленія—М. Г. Моргулисъ и Я. Л. Сакеръ. Подробности этой борьбы читатель найдетъ въ тогдашней еврейской прессѣ. (См. также особую брошюрку „Къ вопросу о національномъ воспитаніи“, Одесса, изд. Шермана, 1903). Я освѣтилъ общественное значеніе этого Kulturkampf'а въ статьѣ „Національное воспитаніе предъ судомъ одесскаго собранія“ (еженедѣльный „Восходъ“ 1902 г., №№ 23—26). Литературный споръ еще и послѣ того продолжался въ страстной формѣ, и оттолоски его читатель найдетъ дальше, въ письмѣ „О растерявшейся интеллигенціи“.

Для характеристики тогдашнихъ общественныхъ теченій, привожу здѣсь заключительную главу упомянутой статьи моей „Національное воспитаніе предъ судомъ одесскаго собранія“. (Здѣсь исключены повторенія, но возстановлены пропуски напечатаннаго текста.

„Fabula docet... Чему же учитъ насъ совершившійся недавно общественный фактъ, и какія слѣдствія вытекаютъ изъ него для дальнѣйшаго хода нашей общественной дѣятельности.

„Этотъ фактъ, прежде всего, свидѣтельствуетъ о страшной умственной смутѣ, царящей во многихъ рядахъ нашей интеллигенціи. Идейная растерянность, смѣшеніе знаменъ и направленій, или же цѣпкая приверженность къ старымъ идеямъ, изъ которыхъ вывѣтрился всякій жизненный смыслъ и которыя напрасно перекрашиваются на новый ладъ—вотъ основныя черты переживаемаго нами культурнаго кризиса. Ясно и твердо проводятъ свою программу только тѣ, которые глубоко убѣждены, что нормальный ростъ еврейства возможенъ лишь при условіи продолженія нашей національно-общественной эволюціи, временно прерванной въ нашей исторіи ассимиляціоннымъ фазисомъ. Тѣ же, которые еще не порвали духовныхъ связей съ этимъ фазисомъ, которые по своему воспитанію или укоренившимся привычкамъ *не могутъ* открыто примкнуть къ національному направленію,—должны были-бы въ свою очередь выставить опредѣленное знамя, опредѣленную программу дѣятельности. До сихъ поръ они этого не дѣлали. Они въ большинствѣ случаевъ отрекаются отъ *теоріи* ассимиляціи, но на практикѣ осуществляютъ ея выводы; они утратили систему, но сохранили ея основные пункты. Благодаря отсутствію знамени, они часто работаютъ въ различныхъ общественныхъ организаціяхъ рядомъ съ дѣятелями національнаго направленія; но эта работа силъ, дѣйствующихъ въ противоположныхъ направленіяхъ, сводится въ результатѣ къ нулю. Теперь наступилъ моментъ *дафференцировки*. Публичные споры о такихъ конкретныхъ вопросахъ, какъ національное

воспитаніе, должны были выяснить глубокое различіе въ настроеніяхъ и стремленіяхъ между сторонниками и противниками національной идеи. Отнынѣ „національное воспитаніе“ является боевымъ паролемъ; это—*шиболетъ*, по которому можно отличить направленіе данной группы.

„Въ этомъ отношеніи одесская эпопея, при всѣхъ обнаруженныхъ ею печальныхъ сторонахъ нашей общественности, можетъ принести огромную пользу. Она выяснила, что дифференцировка необходима: entweder—oder... Намъ говорятъ о „расколѣ“, о „розни“ и тому подобныхъ страшныхъ вещахъ. Но если вы боитесь розни, тогда впрягайте въ одинъ возъ коня и вола, соединяйте несоединимое—и посмотрите, какъ дѣло пойдетъ. Если нашъ общественный возъ „еще и нынѣ тамъ“, то только потому, что изъ опасенія „розни“ мы везли его „соединенными силами“ трехъ героевъ крыловской басни. Идейный хаосъ, синкретизмъ убѣжденій губили и губятъ наше общественное дѣло. Творчество возможно лишь послѣ расчлененія хаоса. Теперь начался процессъ расчлененія, и его ничто не остановитъ. Пусть каждая партія или группа открыто дѣйствуетъ во имя своихъ убѣжденій,—и тогда народъ увидитъ на дѣлѣ, чье направленіе вѣрнѣе, чья дѣятельность плодотворнѣе.

„Конечно, наше національное направленіе настолько широко, оно предоставляетъ такой просторъ общечеловѣческимъ стремленіямъ, что подъ его знамя могутъ стать сторонники разнообразныхъ философскихъ и соціальныхъ доктринъ. Но одно условіе должно быть поставлено всѣмъ, желающимъ дѣйствовать подъ этимъ знаменемъ: признаніе *исторической и психологической* необходимости національной эволюціи еврейства и отстаиванія нашей автономности во всѣхъ сферахъ жизни. Это условіе исключаетъ всѣ виды ассимиляціи, открытой или скрываемой подъ именемъ „общечеловѣческихъ идей“; оно исключаетъ и типъ „вынужденныхъ націоналистовъ“, временно мирящихся съ еврейскимъ націонализмомъ потому только, что въ настоящее время всѣ націи насъ отталкиваютъ; оно исключаетъ наконецъ и тѣхъ номинальныхъ націоналистовъ, которые своими дѣйствіями явно вредятъ сохраненію и автономному развитію еврейства, отрицая необходимость такихъ устоевъ, какъ національное воспитаніе.

„Для всѣхъ фракцій объединяющейся національной партіи послѣднія событія въ Одессѣ также весьма поучительны... Мы всѣ могли убѣдиться, что наша главная и первѣйшая работа состоитъ въ *націонализаціи* нашей отчужденной отъ народа интеллигенціи. Ни одинъ народъ, находящійся въ состояніи національно-культурной обороны, не можетъ указать въ своей исторіи на такой чудовищный примѣръ, чтобы его родная интеллигенція *противопоставила* „общечеловѣческое“ (въ данномъ конкретномъ случаѣ—общерусское) своему же „національному“ и отрицала бы необходимость національнаго воспитанія будущихъ поколѣній, которымъ въ противномъ случаѣ грозитъ неминуемое раствореніе среди окружающихъ народовъ. Едва ли гдѣ нибудь представители національнаго меньшинства такъ ревностно отстаивали школьный типъ господствующей націи, ея языкъ и литературу,

противъ своего народнаго школьнаго типа, своего языка и литературы, — какъ это сдѣлали одесскіе еврейскіе „просвѣтители“. При такомъ національномъ декадансѣ всѣ усилія должны быть направлены на дѣло *внутренняго*, національно-духовнаго возрожденія, безъ котораго никакіе дальнѣйшіе шаги въ томъ или другомъ практическомъ направленіи невозможны. И главнымъ средствомъ для достиженія этой великой цѣли является націонализація воспитанія, школы, интеллигенціи и той полукультурной массы, которая составляетъ особенно неустойчивый въ національномъ смыслѣ элементъ.

„Здѣсь заключается отвѣтъ и тѣмъ, которые желали бы упразднить клички, въ родѣ „*національная* интеллигенція“ и т. п. У другихъ политически несамостоятельныхъ народовъ дѣйствительно нѣтъ надобности въ такихъ кличкахъ. Достаточно напримѣръ сказать: „польская интеллигенція“, чтобы само собою подразумѣвалось: интеллигенція національная, отстаивающая свою самобытность въ той или другой степени (иногда даже въ прискорбной формѣ ультра-націонализма). Только у насъ термины „еврейскій“ и „національный“ не тождественны, ибо есть еврейская интеллигенція, отрицающая свою національную самобытность. Вотъ почему у насъ упомянутое дѣленіе имѣетъ реальное основаніе. Пока существуетъ *ассимиляція*, должна существовать, какъ противодѣйствующая ей сила, *націонализація*. И мы сами ничего такъ пламенно не желаемъ, какъ того, чтобы наступило время, когда кличка „національный“ окажется ненужной, когда терминъ „еврейская интеллигенція“ будетъ совершенно адэкватенъ термину „національная интеллигенція“. Но именно для того, чтобы достигнуть этой цѣли, надо предварительно выдвинуть національную идею, какъ опредѣленное знамя.

„Изъ современнаго идейнаго хаоса, гдѣ столкнулись disjecta semina rerum, должны выйти раньше или позже, путемъ естественнаго расчлененія, тѣ самобытные творческіе элементы, которые составляютъ залогъ нашего внутренняго возрожденія. Оттуда же, съ другой стороны, выдѣлятся тѣ чужеродные элементы, которые носятъ въ себѣ зародышъ національнаго разложенія.

„Двадцать четыре столѣтія тому назадъ, въ эпоху подобнаго же общественнаго хаоса и синкретизма идей, нашъ пророкъ Малеахи говорилъ о предстоящемъ процессѣ „плавленія“, который отдѣлитъ въ народѣ „чистое золото и серебро отъ примѣсей“, сторонниковъ національно-самобытной жизни—отъ приверженцевъ смѣшенія и сліянія. Этотъ процессъ плавленія начался и у насъ“.

Январь—іюнь 1902 г. (редакція 1907 г.).

ГРУППА II.

МЕЖДУ ОБЩЕСТВЕННЫМИ ТЕЧЕНІЯМИ.

ПИСЬМО ШЕСТОЕ.

Утопическое и реальное въ сіонизмѣ.

I. Генезисъ сіонизма.—Двойная реакція: противъ ассимиляціи и антисемитизма.—Историческіе прецеденты.—Эволюціонный націонализмъ и „революціонный“ сіонизмъ.—Политическое мессіанство вмѣсто религіознаго.

II. Палестинофильство, его практики и идеологи.—„Авто-эмансипація“ Пинскера; невѣрность ея исторической перспективы и неувѣренность національной мысли. — Палестинская колонизація. — Первые шаги духовнаго сіонизма.

III. Политическій сіонизмъ: „Judenstaat“ Герцля и первый Базельскій конгрессъ.—Програмная рѣчь Нордау: матеріальная и нравственная стороны „еврейскаго горя“; возвратъ къ еврейству или къ еврейскому государству?—Базельская программа.—Утопичность дипломатическаго сіонизма; будущность палестинской колонизаціи.

IV. Сіонизмъ, какъ способъ ослабленія ассимиляціи и индиферентизма.—Поклонники видимыхъ кумировъ. — Сіонизмъ, какъ этапъ къ культурному націонализму. — Различныя категоріи сіонистовъ. — Реальныя задачи настоящаго.

I. Идея духовнаго или культурнаго націонализма имѣетъ противниковъ въ двухъ крайнихъ лагеряхъ: среди приверженцевъ ассимиляціи и среди политическихъ сіонистовъ. Ассимиляторы совершенно отрицаютъ за еврействомъ право называться націей; они отстаиваютъ только гражданскія права евреевъ, какъ политически разрозненныхъ группъ, входящихъ въ составъ окружающихъ націй и связанныхъ между собою лишь общей религіей. Сіонисты признаютъ евреевъ націей, но только ненормальною и потому неустойчивою; они утверждаютъ, что для дальнѣйшаго сохраненія этой націи необходимо превратить ее въ нормальную, посредствомъ пріобрѣтенія для нея особой территоріи съ болѣе или

менѣе независимымъ государственнымъ строемъ. Первые говорятъ, что идея духовнаго національнализма *ненужна*; послѣдніе — что она *недостаточна*. Теорію ассимиляторовъ мы уже разсматривали и нашли, что она представляетъ собою отрицаніе индивидуальной свободы еврейской націи, т. е. отрицаніе самого принципа равноцѣнности культурныхъ народовъ; это—проявленіе новаго сервилизма, замѣна внѣшняго безправія евреевъ внутреннимъ. Нѣкогда всесильная, ассимиляція нынѣ постепенно теряетъ подъ собою почву, если не на практикѣ, то по крайней мѣрѣ въ теоріи, какъ система идей и стремленій. Пробуждающееся національное сознаніе наноситъ ей ударъ за ударомъ. Въ освободительномъ движеніи еврейства особенно смѣло выступаетъ теперь политическій сіонизмъ, одинъ изъ продуктовъ нашего національнаго ренесанса. Юный сіонизмъ воинствуетъ: онъ полонъ силъ и отваги и увѣренъ, что будущее ему принадлежитъ, что еврейская національная идея осуществима лишь въ формѣ политической реставраціи Палестины. Но такъ-ли это? Не представляетъ-ли сіонизмъ другую крайность, столь же далекую отъ естественной исторической эволюціи еврейства, какъ отживающее нынѣ ассимиляторство?

Начиная съ 1880-хъ годовъ, возродившееся въ еврействѣ національное движеніе проявляется сперва въ формѣ палестинофильства, а потомъ въ болѣе широкой формѣ сіонизма. Извѣстная часть народа ищетъ не только утраченной ею недавно, въ сумятицѣ ассимиляціи, національно-духовной почвы, но и давно утраченной нашимъ народомъ политической почвы. Съ этимъ явленіемъ необходимо серьезно считаться. Сіонизмъ—не столько доктрина, основанная на объективныхъ выводахъ исторіи и современности, сколько общественное движеніе (не скажу *народное*, ибо широкіе слои массы имъ мало затронуты), создавшееся подъ гнетомъ тяжелыхъ событій и удовлетворяющее субъективному настроенію многихъ. Этотъ генезисъ сіонизма необходимо раскрыть. Въ вызвавшихъ его соціальныхъ и психическихъ факторахъ нужно отдѣлить временное отъ постояннаго, для того чтобы предсказать, какіе элементы сіонизма прочны и какіе—эфемерны. Для насъ особенно важно выяснить вопросъ: отчего именно теперь еврейская національная идея, по существу духовная, уклонилась отъ своего историческаго пути и въ

извѣстной части общества стремится принять форму территоріально-политическую?

Сіонизмъ есть реакція противъ двухъ печальныхъ явленій нашей дѣйствительности: противъ отлива національныхъ чувствъ, характеризующаго новѣйшій періодъ еврейской исторіи, и противъ усилившагося въ послѣднее время гнета антисемитизма или юдофобіи [1]). Новы-ли эти причины и новъ-ли по существу самъ сіонизмъ? Принято думать, что антисемитизмъ есть исконный факторъ еврейской исторіи въ діаспорѣ, ассимиляція-же есть лишь продуктъ XIX вѣка. Это мнѣніе, вѣрное въ первой своей половинѣ, ошибочно во второй. Ошибка вытекаетъ изъ односторонняго наблюденія фактовъ еврейской исторіи только въ ея послѣднихъ столѣтіяхъ. Наблюдая всю еврейскую исторію не только діаспорическаго, но и „государственнаго“ періода, мы замѣчаемъ, что ассимиляція не является исключительно печальной привилегіей нашего времени. Отливъ національнаго чувства или ослабленіе культурной самобытности въ тѣхъ или другихъ частяхъ еврейства—явленіе, многократно повторявшееся въ нашей исторической жизни. Достаточно вспомнить объ увлеченіи израильтянъ финикійской или ассиро-вавилонской культурой (въ связи съ религіознымъ культомъ) въ эпоху царей и пророковъ, объ ассимиляціонномъ направленіи эллинистовъ въ Іудеѣ временъ Хасмонеевъ, о поклонникахъ греко-римской культуры и противникахъ зелотовъ въ эпоху паденія Іудеи, объ эпидеміяхъ ренегатства въ эпохи возникновенія христіанства и ислама, о слѣдахъ ассимиляціи во время арабско-испанскаго ренесанса. Чѣмъ же ограждало себя „старое еврейство“ отъ опасности политическаго и культурнаго растворенія среди другихъ народовъ? Въ періодъ государственной жизни—борьбою за свою территорію, политическую автономію и культуру; въ періодъ діаспоры—отстаиваніемъ своей общинно-духовной автономіи, а также сложной религіозной и бытовой дисциплиной, созданной талмудическимъ и раввинскимъ іудаизмомъ. Противъ эксцессовъ юдофобіи со стороны окружающей среды,

[1]) Я беру здѣсь сіонизмъ во всемъ объемѣ его идеаловъ и стремленій, реальныхъ и утопическихъ, во всѣхъ его оттѣнкахъ. На дѣлѣ, однако, мы чаще встрѣчаемся съ односторонними послѣдователями того или другого направленія въ сіонизмѣ. Изъ указанныхъ въ текстѣ двухъ импульсовъ у однихъ сіонистовъ преобладаетъ культурная реакція противъ ассимиляціи, у другихъ — политическая реакція противъ антисемитизма.

противъ „вѣчной ненависти къ вѣчному народу“, старое еврейство діаспоры боролось всѣми доступными ему средствами, а когда жизнь становилась не въ моготу, различныя части народа-странника переселялись изъ болѣе враждебныхъ странъ въ менѣе враждебныя (массовая эмиграція, перемѣщеніе центровъ діаспоры).

Кромѣ всѣхъ этихъ объективныхъ факторовъ борьбы за національное существованіе, въ духовномъ запасѣ еврейства былъ еще одинъ субъективный факторъ, который служилъ источникомъ утѣшенія и бодрости для страждущаго народа: то была мессіанская идея, вѣра въ пришествіе „мошіаха“—политическаго и духовнаго реставратора разсѣянной націи. Въ эпохи относительнаго спокойствія мессіанская идея имѣла характеръ обыкновеннаго религіознаго догмата или упованія, что Богъ когда нибудь соберетъ разсѣянную націю и сверхъестественнымъ путемъ вернетъ ее въ Обѣтованную землю. Въ эпохи жестокихъ гоненій на евреевъ мессіанская вѣра становилась интенсивнѣе и выступала на первый планъ, причемъ иногда выжиданіе Мессіи переходило въ исканіе его, а страстное исканіе порождало иллюзію достижимости горячо желанной мечты. Тогда происходили тѣ мистико-мессіанскія движенія, которыя временно облегчали больную народную душу, но затѣмъ надолго оставляли въ ней осадокъ горькаго разочарованія. Подобно всѣмъ другимъ проявленіямъ національнаго духа, мессіанская идея была въ теченіе многихъ вѣковъ прикрѣплена къ религіозной сферѣ и казалась неотдѣлимой отъ нея.

XIX вѣкъ, въ силу извѣстныхъ причинъ, вызвалъ наибольшій отливъ національнаго чувства въ эмансипированныхъ или ждавшихъ эмансипаціи слояхъ еврейства; но съ другой стороны онъ же, въ послѣднія свои десятилѣтія, выдвинулъ грозный призракъ антисемитизма, произведшій тѣмъ болѣе страшное впечатлѣніе, что многіе считали его уже исчезнувшимъ изъ жизни „цивилизованныхъ народовъ“. Чѣмъ могло бороться новое еврейство, въ лицѣ національно крѣпкаго ядра его, противъ эпидеміи ассимиляціи? Культурнымъ и соціальнымъ противодѣйствіемъ всему тому, что поддерживало эту новую форму рабства, пробужденіемъ національнаго самосознанія, полной секуляризаціей еврейской національной идеи и приспособленіемъ ея къ уровню современности. Этотъ процессъ внутренняго возрожденія уже приближался въ моментъ,

когда антитезисъ ассимиляціи на Западѣ доходилъ до точки „абсурда“. Національное сознаніе прорывалось тамъ и сямъ въ своей новой оболочкѣ; въ наукѣ и литературѣ появились предвѣстники идеологіи новаго національнаго еврейства (Грецъ, Гессъ, Смоленскій)... Но вскорѣ на общественномъ горизонтѣ показался призракъ антисемитизма и произвелъ замѣшательство въ рядахъ народныхъ дѣятелей. Антисемитизмъ далъ сильный толчекъ процессу національзаціи еврейства, показавъ на дѣлѣ несостоятельность ассимиляціонной политики; но толчекъ былъ односторонній: онъ рѣзко отклонилъ процессъ внутренняго возрожденія отъ прямого пути. Этотъ процессъ совершается въ послѣдніе годы не эволюціонно, а революціонно, подъ дѣйствіемъ болѣзненныхъ внѣшнихъ толчковъ и соціальныхъ потрясеній. Буря антисемитизма раздуваетъ въ еврействѣ пламя національнаго чувства. Это пламя уже не только свѣтитъ и грѣетъ, но и жжетъ. Яснѣющее сознаніе мутится подъ вліяніемъ негодованія. Раздраженная юдофобской кампаніей, часть еврейской интеллигенціи не довольствуется уже національно-культурнымъ возрожденіемъ, или считаетъ его невозможнымъ при нынѣшнихъ условіяхъ, а требуетъ политическаго возрожденія. „Насъ въ Европѣ не терпятъ, такъ уйдемъ на свою древнюю родину“—говорятъ даже многіе недавніе ассимиляторы, испытывающіе обидное чувство отвергнутой любви. *Какъ* уйти? Возможенъ-ли такой исходъ цѣлой націи или ея значительной части, и какъ образовать свое особое государство? — всѣ эти вопросы совершенно заглушаются жгучимъ сознаніемъ, что уйти *нужно*. Создаются фантастическіе планы „исхода“, дѣлаются попытки ихъ осуществленія; неудача не разочаровываетъ, ибо обидные толчки извнѣ все еще продолжаются, а при такихъ обстоятельствахъ само стремленіе къ недостижимому идеалу даетъ уже нравственное удовлетвореніе.

Когда въ прежнія времена страданія евреевъ становились невыносимыми, на сцену появлялся религіозно-мистическій мессіанизмъ; нынѣ, когда наши нравственныя и матеріальныя страданія опять превзошли силу нашего духовнаго сопротивленія, появился политическій сіонизмъ— этотъ новый мессіанизмъ, перешедшій изъ экзальтированныхъ умовъ религіозныхъ мистиковъ въ умы политическихъ утопистовъ. Неизбѣжная секуляризація произошла и въ этой области. Какъ еврейская національная идея въ цѣломъ переходитъ нынѣ изъ религіознаго фазиса

въ свѣтскій, такъ и мессіанство перемѣщается изъ области религіознаго мистицизма въ область „политики“ или—точнѣе—политическаго мистицизма. Можетъ-ли этотъ политическій мистицизмъ дать болѣе отрадные результаты, чѣмъ тѣ, какіе давалъ намъ въ былыя времена мистицизмъ религіозный — это мы обсудимъ дальше. А пока установимъ слѣдующій общій тезисъ:

Пробужденіе еврейскаго самосознанія, въ формѣ идеи духовнаго или культурно-историческаго націонализма, есть результатъ нормальной эволюціи. Это—неизбѣжный синтезъ, устраняющій и устарѣлый тезисъ обособленности, и новый антитезисъ ассимиляціи. Такой процессъ націонализаціи, какъ приливъ послѣ отлива, совершился бы, хотя и медленно, и безъ остраго кризиса, вызваннаго вспышкою антисемитизма. Послѣдній ускорилъ, обострилъ процессъ, но и отклонилъ его въ сторону; онъ перемѣстилъ центръ дѣйствій изъ области эволюціонной въ „революціонную“ (конечно, только въ смыслѣ радикальности рѣшенія и *ожиданія* переворота). Такъ возникъ политическій сіонизмъ, это новое политическое мессіанство, вставшее на смѣну стараго—религіознаго и, подобно ему, порожденное чрезмѣрнымъ давленіемъ извнѣ.

II. Опредѣливъ вкратцѣ генезисъ сіонизма, я разсмотрю теперь различныя его формы. Сіонизмъ—явленіе сложное, имѣющее нѣсколько оттѣнковъ. Есть сіонисты, которые цѣнятъ только политическій элементъ движенія и не придаютъ значенія національно-культурному; но есть и такіе, которые видятъ въ сіонизмѣ средство внутренняго возрожденія еврейства и мало вѣрятъ въ достижимость его политической цѣли. Я слѣдилъ за развитіемъ палестинофильства и сіонизма со времени ихъ возникновенія. Въ теченіе многихъ лѣтъ я наблюдалъ всѣ изгибы и оттѣнки этихъ движеній и отмѣчалъ результаты своихъ наблюденій въ рядѣ критическихъ статей. Вотъ почему я считаю себя вправѣ здѣсь ограничиться краткимъ обзоромъ прежнихъ формъ сіонизма (или палестинофильства [1]), подвергая болѣе подробному разсмотрѣнію лишь самоновѣйшую стадію сіонизма „политическаго“ или „герцлевскаго“.

[1]) Тамъ, гдѣ нѣтъ особыхъ оговорокъ, я употребляю въ одинаковомъ смыслѣ старый терминъ „палестинофильство“ и новый „сіонизмъ“. Интересующихся подробностями сіонистской эволюціи отсылаю къ статьямъ *Критикуса*: „Литература смутныхъ настроеній“ (Восходъ 1893, кн. 2—5) и „Взаимодѣйствіе идейныхъ направленій“ (ibid. 1894, кн. 11—12).

Замѣчателенъ тотъ фактъ, что въ представленіяхъ нѣкоторыхъ изъ первыхъ своихъ творцовъ палестинская идея имѣла лишь слабую связь съ національнымъ вопросомъ во всемъ его объемѣ. Возникши въ Россіи въ 1881—1882 г., въ разгаръ погромовъ и панической эмиграціи, палестинское движеніе стремилось къ разрѣшенію не столько національно-культурнаго, сколько *соціально-экономическаго* вопроса. Основные тезисы, обнародованные тогда однимъ изъ вдохновителей движенія, гласили: „Еврейская масса старыми и новыми ограниченіями, даже помимо погромовъ, доведена до ужасающей *нищеты*. Мы вездѣ, какъ лишніе, чужіе, находимся въ самомъ унизительномъ положеніи и живемъ ненормальною, неестественною жизнью. Одна только *колонизація Палестины* можетъ спасти нашу *голодающую массу* отъ неминуемой гибели“ [1]). Ужасныя внѣшнія обстоятельства до того удручающе дѣйствовали тогда на сознаніе, что многіе могли принять эти тезисы и повѣрить, что колонизація Палестины въ состояніи облегчить не только положеніе нѣсколькихъ тысячъ колонистовъ, но и „спасти всю нашу голодающую массу“ и даже возвратить многомилліонный еврейскій народъ „къ нормальной, естественной жизни“. Дѣйствительность вскорѣ показала всю несостоятельность этой логики отчаянія.

Болѣе широкую постановку еврейскаго вопроса въ національномъ смыслѣ сдѣлалъ авторъ брошюры „Autoemancipation“ (1882). Въ этой достопамятной брошюрѣ развивается основная истина, что спасеніе еврейства, окруженнаго врагами, заключается въ *самоэмансипаціи*. Если бы авторъ подразумѣвалъ подъ „самоэмансипаціей“ внутреннее возрожденіе, подъемъ національнаго духа и самосознанія, наконецъ самопомощь въ широкихъ, но возможныхъ размѣрахъ,—то его проповѣдь имѣла бы подъ собою твердую историческую почву. Но онъ подразумѣвалъ подъ „самоосвобожденіемъ“ исключительно „созданіе еврейской національности на собственной территоріи“, въ Палестинѣ или въ другомъ уголкѣ земного шара,—т. е. поставилъ народу мессіанскую задачу [2]). Д-ръ Пинскеръ, авторъ этого горячаго мессіанскаго воззванія, былъ настолько далекъ отъ пониманія еврейской исторической эволюціи, что

[1]) *М. Л. Лилієнблюмъ.* О возрожденіи еврейскаго народа. 2-е изданіе, Москва, 1886, стр. 64. Статьи, вошедшія въ это изданіе, были ранѣе напечатаны въ „Разсвѣтѣ“ 1881—83 г.

[2]) „Авто-эмансипиція“, (рус. изд. Спб. 1898), стр. 42.

подобно христіанамъ полагалъ, будто еврейство перестало существовать какъ нація послѣ утраты собственнаго государства. Указывая на отсутствіе въ еврействѣ національнаго сознанія, онъ восклицаетъ: „гдѣ же его взять? Въ томъ вѣдь и великое несчастіе нашего племени, что *мы не составляемъ націи*, что мы только *евреи*. Мы—стадо, разсѣянное по всему лицу земли [1]). Въ другомъ мѣстѣ онъ поясняетъ свою мысль такъ: „Еврейскому народу недостаетъ большинства аттрибутовъ, необходимыхъ для признанія его націей. Ему недостаетъ той самобытности жизни, которая немыслима при отсутствіи общаго языка, общихъ нравовъ и сожительства на одной и той же территоріи. Народы никогда не имѣютъ дѣла съ еврейской націей, а лишь съ евреями. Для признанія евреевъ національностью, имъ недостаетъ того индивидуальнаго народнаго духа, свойственнаго всѣмъ другимъ націямъ, который создается общностью территоріи“ [2]). Эти основныя мысли, которыя авторъ, вслѣдствіе ихъ важности, повторилъ въ резюме своей брошюры, явно расходятся съ фактами какъ исторіи, такъ и современности. Пинскеръ оспариваетъ существованіе у евреевъ „самобытности жизни“, „общихъ нравовъ“ и даже „индивидуальнаго народнаго духа, который создается только общностью территоріи“—и тѣмъ доказалъ, что ему совершенно чуждо пониманіе всей еврейской исторіи діаспоры, сводящейся къ непрерывной борьбѣ самаго рѣзко выраженнаго національнаго индивида за свою внутреннюю автономію и самобытность. Онъ совершенно игнорировалъ наличность „общихъ нравовъ“ и обычаевъ, охраняемыхъ религіозной дисциплиною даже съ чрезмѣрнымъ рвеніемъ; забылъ и о частичной общности языка въ массахъ еврейства — языка литературнаго, богослужебнаго и разговорнаго. Пинскеръ очевидно имѣлъ въ виду ту горсть евреевъ на Западѣ и въ Россіи, которая дѣйствительно удалилась отъ патріархальнаго строя еврейской жизни и утратила черты внѣшней народной самобытности. Но, во-первыхъ, это относится къ незначительному меньшинству народа и не касается огромнаго его большинства; во-вторыхъ, такое ослабленіе самобытныхъ народныхъ чертъ свойственно верхнимъ слоямъ всѣхъ другихъ націй, даже политически независимыхъ,—и тѣмъ не менѣе никто не сомнѣвается въ самобыт-

[1]) Тамъ же, стр. 20.
[2]) Тамъ же, стр. 10.

ности жизни этихъ націй. Стихійныя проявленія самобытности во *внѣшнемъ* образѣ жизни и обычаяхъ составляютъ характерную черту національности въ массахъ; въ интеллигентныхъ же слояхъ общества, гдѣ патріархальныя отличія сглажены культурою, національная самобытность лежитъ глубже: въ духовномъ существѣ индивидовъ, въ субъективномъ сознаніи, въ объединяющихъ историческихъ воспоминаніяхъ и идеалахъ, въ общихъ чувствахъ, симпатіяхъ, умственныхъ и этическихъ наклонностяхъ [1]).

Тенденція ассимиляторовъ сгладить даже эту духовную самобытность, дабы успѣшнѣе сливаться съ окружающимъ населеніемъ, есть большое зло нашего переходнаго вѣка, и противъ этой тенденціи слѣдуетъ выдвинуть начало внутренняго національнаго возрожденія, будить уснувшее

---

[1]) Впрочемъ, и самъ Пинскеръ противорѣчитъ себѣ, ставя въ началѣ своей брошюры такое основное положеніе: „Въ средѣ народовъ, съ которыми живутъ евреи, они фактически составляютъ чуждый элементъ, не ассимилирующійся ни съ одною націей и потому не терпимый ни одною изъ нихъ“. Но что же обозначаетъ выраженіе; „чуждый элементъ, не ассимилирующійся“, какъ не то, что въ еврействѣ имѣются своеобразныя, самобытныя черты — внѣшнія или внутреннія, — которыя не даютъ ему сливаться съ другими націями? Неясность историческаго мышленія составляетъ главный недостатокъ вдохновеннаго призыва Пинскера: это — вопль изстрадавшагося сердца, но не выводъ знанія и взвѣшивающаго разума.

Нетрудно доказать несостоятельность упомянутаго тезиса, повторяемаго, вслѣдъ за Пинскеромъ, и новѣйшими сіонистами съ Герцлемъ во главѣ, а именно: что такъ какъ евреи въ цѣломъ не могутъ ассимилироваться съ окружающими народами, то ихъ всегда будутъ ненавидѣть, а потому имъ остается только добыть себѣ собственный уголокъ. Такой доводъ имѣлъ бы силу, если бы въ исторіи былъ незыблемо установленъ законъ ассимиляціи политически зависимыхъ народностей съ господствующими, какъ нѣкогда думали. Тогда, конечно, и евреи, и чехи, и ирландцы, и поляки были бы обречены на исчезновеніе, или же—въ случаѣ сопротивленія „закону ассимиляціи“ — на вѣчныя страданія. Но нынѣ, когда не ассимиляція, а напротивъ—сохраненіе національной индивидуальности становится аксіомой соціологіи, когда каждая нація борется за свое автономное существованіе, не справляясь со вкусами господствующей націи, — неужели еврейство составитъ здѣсь исключеніе, то еврейство, которое въ теченіе вѣковъ являло міру примѣръ самоотверженной стойкости при защитѣ своей духовной независимости? Развѣ съ уходомъ евреевъ на Востокъ всякое европейское государство будетъ представлять собою одну національную семью? Развѣ національная борьба прекратится до тѣхъ поръ, пока не восторжествуетъ великая гуманная истина, что каждая нація равноцѣнна въ международной семьѣ? Къ этому идеалу будутъ стремиться и евреи, отстаивая всѣми силами свою духовно-національную самобытность.

самосознаніе. Противъ упадка національнаго чувства въ одной части еврейства нужно бороться, а не мириться съ нимъ и на этомъ основаніи заключать, что еврейство въ діаспорѣ не можетъ быть націей. Да, мы всѣ были свидѣтелями повальнаго упадка національнаго чувства въ верхнихъ слояхъ общества, но не въ массахъ; да и на верхахъ мы нынѣ дождались начала подъема этого чувства, и подъемъ этотъ произошелъ путемъ неизбѣжнаго эволюціоннаго процесса, который по законамъ исторіи долженъ былъ наступить. Разъ въ насъ есть національное чувство и разъ мы имѣемъ, въ той или другой формѣ, самобытность внутренней жизни, то кто же можетъ отнять у насъ званіе „націи“? Не сталъ-ли авторъ „Авто-эмансипаціи“ на точку зрѣнія ассимиляторовъ, которые отказываютъ въ этомъ званіи древнѣйшей и самой стойкой исторической націи, на томъ только основаніи, что она не имѣетъ собственной территоріи? Онъ проглядѣлъ величайшій фактъ исторіи, а именно: что національный духъ разсѣяннаго народа пережилъ крушеніе многихъ государственныхъ націй и оказался, въ смыслѣ объединяющей силы, могучѣе и территоріи и государственности.

Но посмотримъ, что вышло въ дѣйствительности изъ новыхъ безпочвенныхъ мечтаній о созданіи для еврейскаго народа политической почвы.

Горячіе призывы о политическомъ возрожденіи разсѣяннаго народа сводились на дѣлѣ къ поощренію въ Палестинѣ земледѣльческой колонизаціи. Послѣдняя шла туго: десятки тысячъ эмигрантовъ изъ Россіи отправлялись ежегодно въ Америку, и только десятки и сотни—въ Палестину. Щедрость барона Ротшильда спасла отъ упадка первыя колоніи, основанныя на древней родинѣ нашими эмигрантами. Катовицкій съѣздъ 1885 года объединилъ сторонниковъ палестинскаго дѣла. Стали стекаться пожертвованія на палестинскую колонизацію; руководители движенія, въ томъ числѣ и д-ръ Пинскеръ, посвящали свои силы практической организаціи этого дѣла. Но какъ далеко было отъ учрежденія нѣсколькихъ скромныхъ поселеній въ Палестинѣ до идеи созданія автономнаго центра въ этой странѣ! Думали, что широкой организаціи дѣла мѣшаетъ отсутствіе легализованнаго общества. Но вотъ и это препятствіе было устранено. Въ 1890 г. началъ дѣйствовать легализованный палестинскій комитетъ въ Одессѣ. Сборы взносовъ и пожертвованій стали

производиться публично, дѣло колонизаціи оживилось,—и что же въ результатѣ? Прибавилось еще нѣсколько колоній, обезпечена матеріально еще сотня-другая семействъ—и только. Когда московское изгнаніе и репрессіи 1891 г., усилившія злосчастную эмиграцію въ Аргентину, побудили многихъ состоятельныхъ эмигрантовъ покупать обширные участки земли въ Палестинѣ,—дѣло не могло осуществиться вслѣдствіе мѣстныхъ экономическихъ условій и противодѣйствія турецкаго правительства. Колонизація шла медленно, въ размѣрахъ, далеко не соотвѣтствовавшихъ первоначальнымъ мечтаніямъ. На нашихъ глазахъ выросли, за 15-лѣтній періодъ (1882—98 года), около 15 еврейскихъ колоній; еврейское населеніе Палестины, въ колоніяхъ и городахъ, увеличилось приблизительно на полтора десятка тысячъ человѣкъ. Все это само по себѣ очень отрадно. Мы всѣ, сіонисты и несіонисты, съ любовью слѣдимъ за ростомъ этихъ маленькихъ колоній на землѣ, священной для насъ, дорогой намъ по историческимъ воспоминаніямъ. Но что общаго между поселеніемъ въ Палестинѣ, въ качествѣ подданныхъ Турціи, нѣсколькихъ даже десятковъ тысячъ евреевъ, и вопросомъ о политическомъ возрожденіи всего десятимилліоннаго народа, остающагося въ разсѣяніи? Какъ далеко разошлись тутъ мечта и дѣйствительность!...

И вотъ умы начали проясняться. Лучшіе представители палестинофильства поняли, что ихъ скромная практическая дѣятельность несоразмѣрна съ ихъ широкимъ національнымъ идеаломъ,—и они прибѣгли къ компромиссу. Возникло то направленіе, которое я когда-то назвалъ „нео-палестинствомъ“ [1]), а нынѣ назвалъ бы *духовнымъ сіонизмомъ*, въ отличіе отъ политическаго. Творецъ этого направленія объявилъ, что Палестина важна не какъ политическій, а какъ духовный центръ еврейства, какъ убѣжище „не для евреевъ, а для іудаизма“, т. е. для нашей національной культуры, и слѣдовательно—идея сіонизма можетъ осуществиться при перемѣщеніи въ Палестину хотя бы небольшой части діаспоры [2]). Это уже было значительнымъ отступленіемъ отъ догмата политической реставраціи. Послѣдователи духовнаго сіонизма

---

[1]) „Взаимодѣйствіе идейныхъ направленій“. Восходъ 1894, кн. XI.

[2]) *Ахадъ Гаамъ*, Al paraschat derachim (На распутьи), Одесса 1895, стр. 85 сл. (нов. изд. 1902 г. стр. 79 сл.).

проповѣдуютъ, что необходимо одновременно направлять свои усилія къ возрожденію еврейской земли и къ внутреннему возрожденію еврейскаго народа, къ укрѣпленію расшатанныхъ устоевъ его культурной жизни; они говорятъ, что сама палестинская идея должна главнымъ образомъ служить средствомъ національно-духовнаго объединенія евреевъ внѣ Палестины, ибо само стремленіе къ извѣстному реальному центру уже заключаетъ въ себѣ объединяющую силу [1]). Такимъ образомъ, прежній политическій націонализмъ, послѣ многихъ перипетій, приблизился къ духовному или культурному націонализму. Задачею обоихъ стало: *внутреннее возрожденіе* еврейской націи, какъ единицы самобытной, не желающей сливаться съ другими націями, пробужденіе въ ней самосознанія и стремленія къ самоусовершенствованію на свободныхъ, автономныхъ началахъ. Разница только въ томъ, что духовные сіонисты считали внутреннее возрожденіе достижимымъ при условіи стремленія къ автономно-культурному центру въ Палестинѣ, между тѣмъ какъ духовные націоналисты не обусловливали этимъ стремленіемъ процессъ нашего возрожденія, полагая, что мы должны главнымъ образомъ бороться за національно-культурную автономію въ діаспорѣ. На дѣлѣ эта разница сводилась къ тому, что одни проповѣдывали національное возрожденіе, обращаясь лицомъ на Востокъ, а другіе дѣлали это, обращаясь лицомъ на Западъ [2]).

Нужно, къ прискорбію, отмѣтить тотъ фактъ, что ни тѣ, ни другіе не были надлежащимъ образомъ поняты интеллигентною массою. И духовный сіонизмъ, и духовный націонализмъ требуютъ медленной и упорной эволюціонной работы, которая въ эпохи кризисовъ не по душѣ мятущемуся большинству. Интеллигентной массѣ былъ гораздо доступнѣе практическій сіонизмъ, сулившій улучшеніе внѣшняго положенія евреевъ. Когда же опытъ показалъ, что нельзя связывать великій вопросъ о національномъ возрожденіи съ скромнымъ дѣломъ колонизаціи Палестины, въ лагерѣ „палестинцевъ“ стало замѣчаться нѣкоторое охла-

---

[1]) Тамъ же, *passim*.; сборникъ „Pardes“ и др.; „Взаимодѣйствіе идейныхъ направленій“, въ указанномъ мѣстѣ, стр. 21—26,

[2]) Отсюда—созданное мною нѣкогда дѣленіе на „восточниковъ“ и „западниковъ“. См. „Взаимодѣйствіе“ etc., Восх. кн. X. О дальнѣйшей эволюціи духовнаго сіонизма и моихъ разногласіяхъ съ Ахадъ Гаамомъ—см. дальше письмо VII.

жденіе къ народному дѣлу. Одни по инерціи еще держались стараго знамени; другіе же приходили къ заключенію, что если палестинофильство не оправдало возложенныхъ на него надеждъ, то и національный принципъ въ опасности. Это смутное настроеніе привело бы, можетъ быть, многихъ къ провѣркѣ своихъ убѣжденій и къ пониманію еврейской національной идеи въ ея истинномъ, культурно-историческомъ смыслѣ... Но тутъ подоспѣлъ новѣйшій западный сіонизмъ и снова вызвалъ движеніе въ затихшемъ лагерѣ.

III. То душевное настроеніе, которое создало политическій мессіанизмъ среди русскихъ евреевъ въ началѣ 80-хъ годовъ, вызвало спустя 15 лѣтъ однородное движеніе въ Западной Европѣ. На Западѣ, какъ извѣстно, антисемитизмъ появился нѣсколько раньше, чѣмъ въ Россіи; но долгое время онъ имѣлъ здѣсь болѣе или менѣе теоретическій характеръ: евреевъ травили въ извѣстнаго сорта газетахъ, книгахъ, политическихъ клубахъ; это былъ еще антисемитизмъ партизанскій, неорганизованный. Но вотъ посѣянное сѣмя дало обильную жатву. Антисемитизмъ вырвался изъ книгъ и клубовъ на улицу. Достаточно уже деморализованныя юдофобской агитаціей толпы, съ Люэгерами и Дрюмонами во главѣ, даютъ волю своимъ шовинистическимъ инстинктамъ, и въ городахъ Австріи и Франціи слышатся зловѣщіе клики, столь знакомые намъ, русскимъ евреямъ. Это заставило призадуматься многихъ сторонниковъ ассимиляціи на Западѣ. Сила возмущенія пробудила въ нихъ дремавшее національное чувство; но, какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, они перешли отъ одной крайности къ другой. Если еврейство нація,—заявили они—то оно должно сдѣлаться настоящей націей, политически независимой. Кличъ автора „Autoemancipation“ повторился въ „Judenstaat“ д-ра Герцля (Wien, 1896). Снова выдвинутъ былъ на сцену вопросъ о созданіи еврейскаго государства въ Палестинѣ или въ другомъ мѣстѣ, но выдвинутъ рѣшительнѣе, опредѣленнѣе, съ подробнымъ планомъ „пріобрѣтенія территоріи“ и призывомъ къ немедленнымъ дипломатическимъ переговорамъ въ этомъ направленіи. Встрѣтивъ сочувствіе въ старыхъ сіонистскихъ кружкахъ, д-ръ Герцль, который раньше относился безразлично къ вопросу о выборѣ территоріи для „еврейскаго государства“,

примкнулъ всецѣло къ палестинской идеѣ. Въ лагерѣ сіонистовъ, восточныхъ и западныхъ, наступило оживленіе. Таинственные слухи о переговорахъ д-ра Герцля съ султаномъ и съ еврейскими банкирами Англіи поддерживали въ умахъ этотъ политическій миражъ. Устроенный сіонистами въ августѣ 1897 года, внушительный Базельскій конгрессъ долженъ былъ придать миражу нѣкоторое подобіе реальности. Достигнута ли эта цѣль?

На Базельскомъ конгрессѣ обозначились два теченія: 1) стремленіе провозгласить во всеуслышаніе, передъ всѣмъ міромъ, что еврейство сознаетъ себя націей и хочетъ жить, какъ таковая; 2) стремленіе доказать необходимость и возможность образованія еврейскаго государства, или обезпеченной международнымъ правомъ автономной территоріи, какъ единственнаго способа дальнѣйшаго сохраненія еврейской націи и разрѣшенія еврейскаго соціально-экономическаго вопроса. Первая изъ этихъ задачъ, общенародная, была довольно успѣшно выполнена, что произвело хорошее впечатлѣніе и внутри, и внѣ еврейства; для исполненія же второй, партійной задачи оказались въ наличности не опредѣленныя фактическія данныя, какъ иные ожидали, а только гадательные проекты и рѣшенія организовать, подготовлять, пропагандировать и т. п. Если бы Базельскій конгрессъ былъ не партійнымъ, а общееврейскимъ, то за принятіемъ перваго изъ упомянутыхъ пунктовъ могло бы послѣдовать рѣшеніе, не согласное съ содержаніемъ второго пункта. Собраніе делегатовъ всѣхъ партій (кромѣ, конечно, ассимиляторской) могло бы принять положеніе, что еврейство—нація и, слѣдовательно, должна вездѣ отстаивать свои національныя права; что для этого оно намѣрено прибѣгать не къ мессіанскимъ попыткамъ возстановленія Сіона, а къ болѣе вѣрнымъ способамъ внутренней самопомощи, къ борьбѣ за свои реальные интересы въ діаспорѣ, къ урегулированію дѣйствительнаго, а не фантастическаго эмиграціоннаго движенія. Могло, конечно, состояться иное рѣшеніе большинства, но во всякомъ случаѣ на конгрессѣ опредѣлились бы главныя теченія еврейской жизни, и голосъ собранія былъ бы голосомъ народа, а не партіи. Но конгрессъ сіонистовъ имѣлъ уже готовый отвѣтъ на всѣ вопросы. Этотъ отвѣтъ еще отсутствовалъ въ программной рѣчи Макса Нордау, представляющей блестящую характеристику современнаго строя еврейской

жизни на Западѣ, но партійное рѣшеніе было пристегнуто къ ней дальнѣйшими дебатами... Такъ какъ рѣчь Нордау является главнымъ моментомъ и какъ бы исходною точкою базельскихъ совѣщаній, то я считаю нужнымъ подвергнуть ее краткому анализу, чтобы, во-первыхъ, опредѣлить ея внутреннюю цѣнность, а во-вторыхъ — убѣдиться, вытекаютъ ли изъ нея именно тѣ практическіе выводы, къ которымъ пришелъ конгрессъ,

Максъ Нордау прекрасно охарактеризовалъ безграничное „еврейское горе“ (Judennoth) въ двухъ его видахъ—матеріальномъ и нравственномъ. Онъ, правда, обнаружилъ обычное на Западѣ незнакомство съ настроеніемъ русскихъ евреевъ, сказавъ, что послѣднихъ гнететъ только горе матеріальное, а горе нравственное составляетъ удѣлъ ихъ западныхъ единоплеменниковъ [1]). Едва-ли нужно доказывать, что душевныя страданія, причиняемыя юдофобіей окружающей среды, составляютъ въ наше время печальную привилегію образованныхъ русскихъ евреевъ не въ меньшей, если не въ большей мѣрѣ, чѣмъ евреевъ западно-европейскихъ... Впрочемъ, это къ сути дѣла не относится.— Итакъ, Нордау заглянулъ въ душу современнаго еврея, который послѣ „эмансипаціи“ отсталъ отъ своей національной семьи и не былъ принятъ, какъ чужой, въ семьи окружающихъ народовъ. Онъ вспоминаетъ о тѣхъ старыхъ временахъ, когда еврей, запертый въ своемъ душномъ гетто, чувствовалъ себя тамъ какъ въ родномъ гнѣздѣ и съ такимъ же презрѣніемъ относился къ мнѣніямъ своихъ христіанскихъ сосѣдей, съ какимъ послѣдніе относились къ нему. Сынъ гетто могъ страдать и страдалъ отъ своихъ враговъ матеріально, но нравственно онъ былъ независимъ, ибо имѣлъ свой совершенно особый духовный міръ. Новая гражданская эмансипація, сломивъ стѣны гетто, облегчила кое-гдѣ матеріальный гнетъ, но за то поставила еврея въ тягостную *нравственную зависимость* отъ христіанскаго міра. Освобожденный отъ безправія, образованный еврей устремился къ сліянію со своими христіанскими согражданами; на первыхъ порахъ, въ теченіе одного или двухъ поколѣній, онъ это дѣлалъ съ большимъ успѣхомъ и уже воображалъ себя въ Германіи нѣмцемъ, во Франціи—французомъ и т. д. Но вдругъ

[1]) *M. Nordau.* Die allgemeine Lage der Juden. *Die Welt*, 1897, № 14, S. 5; см. также *Восходъ* 1897, кн. IX.

въ Европѣ поднялось антисемитическое движеніе—и еврея, воображавшаго себя равноправнымъ членомъ окружающихъ націй, стали оскорбительно отталкивать, какъ чужого, нежелательнаго въ христіанскомъ обществѣ.

„Эмансипированный еврей Западной Европы—говоритъ Нордау—стряхнулъ съ себя свои еврейскія особенности, но окружающіе его народы говорятъ ему, что ихъ особенностей онъ не усвоилъ. Онъ потерялъ родину, которую имѣлъ раньше въ своемъ гетто, а между тѣмъ отечество его не признаетъ его своимъ сыномъ... Сограждане отталкиваютъ его отъ себя всякій разъ, какъ ему хочется примкнуть къ нимъ. Онъ не чувствуетъ почвы подъ ногами; у него нѣтъ болѣе связи съ обществомъ, въ которое онъ могъ бы вступить въ качествѣ желаннаго полноправнаго сочлена. Ни его характеръ, ни его заслуги не могутъ разсчитывать на справедливую оцѣнку—не говоря уже о симпатіи—со стороны его христіанскихъ согражданъ, а со своими еврейскими соплеменниками у него порвана всякая связь. Поэтому у него возникаетъ ощущеніе, что весь міръ относится къ нему недоброжелательно, и онъ не находитъ мѣста, гдѣ бы онъ встрѣтилъ теплое участіе, котораго онъ ищетъ и къ которому стремится!“

Что же отсюда слѣдуетъ? Чѣмъ спасти этого горемычнаго эмансипированнаго еврея, отставшаго отъ своихъ и не могущаго пристать къ чужимъ? Нордау не даетъ отвѣта на этотъ вопросъ въ своей рѣчи. Но сіонисты Базельскаго конгресса въ своихъ рѣшеніяхъ даютъ на это ясный отвѣтъ: нужно такого еврея пересадить въ его древнее отечество, въ Палестину, и создать тамъ еврейское государство. Но какъ мало согласуется этотъ способъ лѣченія болѣзни съ вѣрнымъ діагнозомъ, поставленнымъ въ рѣчи Нордау! Образованный еврей, въ силу рѣзкаго историческаго кризиса, оторвался отъ своей націи. Такъ прилагайте же старанія, чтобы онъ возвратился къ ней, будите въ немъ уснувшее національное чувство, давайте ему возможность находить въ своей національной семьѣ то, что онъ ищетъ въ чужой. Сіонисты надѣются вернуть такого блуднаго сына къ еврейской націи посредствомъ возвращенія въ еврейское государство. Но это значитъ обусловливать достижимое недостижимымъ. Созданіе еврейскаго Zukunftstaat'a—красивая мечта, мессіанская утопія; но воскресить въ шатающемся евреѣ, средствами

культурнаго свойства, его утраченное національное чувство и тѣмъ положить конецъ его „нравственному горю“—дѣло вполнѣ возможное, какъ доказалъ опытъ послѣднихъ десятилѣтій не только въ Россіи, но отчасти и въ Западной Европѣ.

Нордау говоритъ, что только „существованіе гетто давало возможность евреямъ переносить ужасныя средневѣковыя гоненія“. Это нуждается въ исторической поправкѣ. Евреи испанскіе и провансальскіе въ среднихъ вѣкахъ по большей части не вели замкнутой жизни въ особыхъ кварталахъ, а имѣли общеніе съ окружающими народами и нерѣдко принимали дѣятельное участіе въ ихъ умственной и государственной жизни—и это не мѣшало имъ, однако, стойко переносить потомъ ужаснѣйшія страданія во имя своей вѣры и народности и даже вернуть къ себѣ большинство временно отпавшихъ братьевъ—марановъ. Крѣпость стараго еврейства была не столько въ толстыхъ стѣнахъ гетто, которыя отдѣляли его отъ міра, сколько въ автономіи общинной жизни, въ свободѣ самобытнаго культурнаго творчества. Гетто, дисциплина Талмуда и раввинизма—были только оболочками для этой національно-культурной автономіи. Но вѣдь содержаніе національной культуры не есть нѣчто, разъ навсегда установленное,—и содержаніе новой еврейской культуры могло бы найти новую же оболочку, не тождественную съ обособленіемъ гетто, а приспособленную къ соціальной автономіи въ современныхъ ея формахъ.

Отсутствіе широкой исторической перспективы—главный недостатокъ указанной психологической индукціи Макса Нордау. Онъ взялъ только два рѣзко противоположныхъ момента: гетто и эмансипацію—и вообразилъ, что послѣдняя уже разрушила то, что сохранилось въ первомъ. Происходившій на его глазахъ упадокъ національнаго чувства въ эмансипированномъ еврействѣ онъ принялъ за признакъ разложенія, какъ будто это—послѣднее слово еврейской исторіи, какъ будто въ нашемъ богатомъ прошломъ не повторялись многократно подобные отливы національной энергіи, за которыми всетаки слѣдовали новые приливы. Онъ говоритъ: „Раньше инстинктъ самосохраненія въ евреяхъ былъ направленъ къ наиболѣе рѣзкому обособленію; теперь же (послѣ эмансипаціи) онъ устремился къ возможно полнѣйшему сближенію и отождествленію“. Конечно, по закону равнаго противодѣйствія, порывъ

эмансипированныхъ евреевъ къ сліянію съ ихъ христіанскими согражданами долженъ былъ равняться въ силѣ прежнему стремленію къ обособленію. Но вѣдь, въ силу исторической эволюціи, и новое движеніе естественно должно было утратить свою стремительность и дать исходъ основнымъ влеченіямъ народной души, Нордау изобразилъ ярко средневѣковый тезисъ (обособленіе гетто) и новѣйшій антитезисъ (сліяніе и вырожденіе извѣстной части эмансипированныхъ евреевъ); но онъ забылъ, что народъ, прошедшій эти двѣ культурныя стадіи, способенъ дойти и до третьей—до широкаго синтеза. Требовалось немало времени для того, чтобы приспособить еврейское національное сознаніе къ новымъ условіямъ жизни. Этотъ процессъ приспособленія еще и нынѣ совершается, при рѣзкихъ колебаніяхъ то въ одну, то въ другую сторону. Но при всѣхъ колебаніяхъ онъ долженъ привести къ цѣли. Блуждающій еврей, не принятый въ чужую націю, можетъ еще вернуться къ своей и найти тамъ удовлетвореніе своимъ нравственнымъ запросамъ; онъ будетъ защищенъ отъ внѣшняго униженія національнымъ чувствомъ, какъ нѣкогда — религіознымъ. Вмѣсто этого правильнаго синтеза, сіонисты пристегнули къ указанному антитезису свой выводъ: нужно возстановить еврейское государство. Но вѣдь было много моментовъ въ теченіе двухтысячелѣтняго періода еврейскаго разсѣянія, когда до крайности *нужно было* возстановить еврейское государство, —и чѣмъ же отвѣчала дѣйствительность на эту крайнюю необходимость? Мессіанскими вспышками, оставлявшими по себѣ испепеленныя сердца, пустоту несбывшихся надеждъ. Возстановленіе палестинскаго государства съ значительнымъ еврейскимъ населеніемъ—дѣло невозможное въ силу политическихъ, соціальныхъ и экономическихъ условій; внутреннее же возрожденіе еврейской націи—дѣло не только возможное, но отчасти уже совершающееся. Повторяю, что подъ „внутреннимъ возрожденіемъ“ я подразумѣваю возвращеніе блуждающаго еврея, оторваннаго отъ своей національной семьи, въ эту семью, такъ чтобы онъ былъ нравственно независимъ отъ чужихъ симпатій, а находилъ бы въ служеніи своей великой культурно-исторической націи такое же удовлетвореніе, какое находятъ другіе въ служеніи интересамъ своихъ политическихъ націй. Къ этому должны быть направлены всѣ наши усилія—дѣятельность общества, школы, печати,—и здѣсь именно дѣйстви-

тельное лѣченіе болѣзни, діагнозъ которой поставленъ Максомъ Нордау на Базельскомъ конгрессѣ.

На этомъ конгрессѣ принята была, послѣ долгихъ преній, слѣдующая программа. „Сіонизмъ стремится создать для еврейскаго народа обезпеченный международнымъ правомъ пріютъ въ Палестинѣ. Для достиженія этой цѣли, конгрессъ имѣетъ въ виду слѣдующія средства: 1) цѣлесообразное колонизированіе Палестины еврейскими земледѣльцами, ремесленниками и промышленниками; 2) организацію и объединеніе всего еврейства посредствомъ соотвѣтствующихъ, мѣстныхъ или общихъ, учрежденій, устроенныхъ согласно законамъ каждой страны; 3) усиленіе въ еврейскомъ народѣ національнаго чувства и самосознанія; 4) подготовительныя мѣры къ полученію согласія правительствъ, необходимаго для достиженія цѣли сіонизма“ [1]).—Соотвѣтствуютъ-ли эти средства конечной цѣли? Колонизація Палестины евреями давно уже совершается постепенно, насколько позволяютъ экономическія и политическія условія. Мечта о томъ, что эта скромная колонизація поведетъ къ политическому возрожденію, потерпѣла крушеніе у прежнихъ „ховеве ціонъ“ (палестинофиловъ). Новые западные сіонисты хотятъ оживить эту мечту. Они, вмѣсто постепенной колонизаціи, устроятъ массовую, въ обширныхъ размѣрахъ, заручившись предварительно согласіемъ турецкаго правительства и даже международнымъ обезпеченіемъ палестинской территоріи за евреями. Какія же реальныя основанія они имѣютъ для осуществленія такого грандіознаго плана? Легко, конечно, устраивать разные организаціонные и агитаціонные комитеты, принимать „подготовительныя мѣры“ и т. д. (пункты 2 и 4); но какими же силами двигать дѣло? Вотъ существуютъ уже сіонистскіе комитеты, центральные и мѣстные; пропаганда ведется широко въ литературѣ и обществѣ; вербуются адепты, собираются пожертвованія, подготовляется устройство еврейскаго колонизаціоннаго банка для заселенія Палестины. Но сдѣланъ ли хоть одинъ шагъ для достиженія главнаго—полученія согласія султана и державъ на устройство еврейскаго, если не государства, то хоть обезпеченнаго на-

[1]) *Die Welt*, 1897 г. № 14. Въ свое время уже было обращено вниманіе на то, что употребленіе слова „Heimstätte“ (родной пріютъ) въ формулѣ конгресса, вмѣсто болѣе смѣлой герцлевской формулы „Judenstaat“ (еврейское государство) уже составляетъ невольную уступку обстоятельствамъ.

ціональнаго центра въ Палестинѣ? [1]) Вѣдь Базельскій конгрессъ запретилъ колонизировать Палестину, пока не получатся для этого необходимыя политическія гарантіи.

Допустимъ, однако, что политическіе сіонисты возьмутся за умъ и удовольствуются пока возможнымъ: добьются у султана права только свободнаго поселенія евреевъ въ Палестинѣ и средствами своего банка будутъ продолжать, въ болѣе широкихъ размѣрахъ, прежнюю колонизацію страны, въ надеждѣ, что современемъ здѣсь самъ собою образуется крупный еврейскій центръ съ политическимъ устройствомъ. Но вѣдь не надо забывать, что и такое расширеніе колонизаціи имѣетъ извѣстныя границы въ экономическихъ и земельныхъ условіяхъ страны. Въ теченіе 17 лѣтъ напряженной работы, при усиленной эмиграціи, затратѣ громадныхъ средствъ и при помощи ротшильдовскихъ милліоновъ, намъ удалось пристроить въ Палестинѣ къ землѣ всего только около 3600 поселенцевъ, что составляетъ приблизительно 211 человѣкъ въ годъ [2]). Допустимъ, что комитеты западныхъ сіонистовъ будутъ работать съ значительно большими капиталами и энергіей и будутъ переселять въ Палестину ежегодно не двѣсти, а тысячу колонистовъ (на что потребуется ежегодная затрата въ нѣсколько милліоновъ рублей),—тогда *черезъ сто лѣтъ* еврейское сельское населеніе Палестины достигнетъ ста тысячъ. Увеличимъ это число въ пять разъ, прибавивъ сюда естественный приростъ и притокъ промышленнаго населенія въ города,—тогда получимъ, что черезъ сто лѣтъ въ Палестинѣ будетъ полмилліона евреевъ, то есть населеніе немногимъ большее еврейскаго населенія одной кіевской губерніи (428.000 душъ по новѣйшей переписи). Конечно, всѣмъ намъ очень дорога надежда увидѣть въ началѣ XXI вѣка полмилліона нашихъ братьевъ на нашей

---

[1]) Позднѣйшія попытки Герцля дипломатическимъ путемъ воздѣйствовать на султана и нѣкоторыя европейскія правительства, какъ извѣстно, окончились неудачей.

[2]) Я взялъ суммарный выводъ изъ цифръ населенія въ каждой изъ 15 палестинскихъ колоній, цифръ, приведенныхъ во 2-мъ выпускѣ сіонитскаго сборника „Вѣстникъ Сіона“ (Харьковъ, 1897, стр. 24 — 54). Такъ какъ статья въ сборникѣ помѣчена 1896 годомъ, то къ полученной суммѣ (3160) я прибавилъ еще 422 чел. (удвоенную годовую цифру поселенцевъ) въ счетъ послѣднихъ двухъ лѣтъ,—что и дало указанную въ текстѣ приблизительную сумму.

древней родинѣ,—но развѣ этимъ можно разрѣшить вопросъ о десяти милліонахъ евреевъ, которые разсѣяны и останутся разсѣянными по земному шару? Вѣдь по доктринѣ сіонистовъ эти милліоны въ діаспорѣ обречены на гибель, путемъ ассимиляціи и соціально - экономическаго вырожденія. Но что скажете вы о такомъ оригинальномъ рѣшеніи еврейскаго вопроса, которое обрекаетъ на національную смерть весь народъ, за исключеніемъ $^1/_{20}$ доли его? Едва-ли самые смѣлые сіонисты надѣются, что *всѣ* евреи, „не могущіе ассимилироваться", попадутъ въ Палестину. Справедливо замѣтилъ представитель духовныхъ сіонистовъ, бывшій на конгрессѣ, что если бы даже сейчасъ было разрѣшено устроить еврейское государство въ Палестинѣ, то и тогда, въ силу неумолимыхъ экономическихъ законовъ, евреи могли бы переселяться туда только постепенно, а въ концѣ концовъ въ діаспорѣ осталось бы ихъ неизмѣримо больше, чѣмъ въ Палестинѣ [1]). Что же касается мнѣнія, будто правительство будущаго еврейскаго государства въ Палестинѣ сумѣетъ дипломатическимъ путемъ защищать своихъ соплеменниковъ въ другихъ странахъ,—то это наивное самообольщеніе, ибо мы уже знаемъ, какое значеніе можетъ имѣть голосъ маленькаго государства въ совѣтѣ „великихъ державъ". Въ лучшемъ случаѣ послѣднія могли бы тогда сказать протестующимъ евреямъ діаспоры: если вамъ у насъ не хорошо, то можете удалиться въ ваше собственное государство [2]).

Такимъ образомъ, политическій сіонизмъ представляетъ собою утопію въ кубѣ: мечту о возможности основанія еврейскаго государства, обезпеченнаго международнымъ правомъ, мечту о переселеніи туда сколько нибудь значительной части еврейскаго народа и мечту о рѣшеніи этимъ путемъ участи всего еврейства.

Что же останется на практикѣ отъ всей программы Базельскаго конгресса? — Я думаю, только второй и третій пункты программы: „организація еврейства" и „усиленіе національнаго самосознанія". Эти пункты, лежащіе въ основѣ духовнаго націонализма, будутъ—наряду съ постепеннымъ расширеніемъ прежней палестинской колонизаціи—лучшимъ результатомъ сіонистической пропаганды. Но для этого сіонисты должны

[1]) *Ахадъ Гаамъ* въ журналѣ „Ha'Schiloah" 1898, январь, стр. 4.

[2]) Ibidem. Ср. „Al paraschat derachim", томъ II, стр. 26 (Berlin 1903).

отрезвиться и понять, что „возвращеніе къ еврейству“ есть главная цѣль, а не средство для фантастическаго „возвращенія въ еврейское государство“. Въ противномъ случаѣ, неудавшійся политическій сіонизмъ можетъ привести многихъ къ такому „нравственному горю“, въ сравненіи съ которымъ нравственное горе, вызванное неудавшейся ассимиляціей, покажется ничтожнымъ.

IV. Предыдущій анализъ уяснилъ намъ, почему именно въ данный историческій моментъ національное движеніе въ еврействѣ проявляется главнымъ образомъ въ нереальной, мессіанской формѣ сіонизма. Теперь является вопросъ: какъ должны относиться къ политическому сіонизму, считаясь съ указанными его мотивами, сторонники культурно-историческаго національнзма?

Нѣсколько лѣтъ назадъ меня посѣтилъ одинъ изъ видныхъ дѣятелей палестинофильской партіи и въ шутку спросилъ: „Вы еще не обратились въ палестинофильство?“ Я отвѣтилъ на это: „Мнѣ нѣтъ надобности быть палестинофиломъ для того, чтобы быть евреемъ“. Эти слова могли бы служить отвѣтомъ и на вышепоставленный вопросъ. Поскольку политическій сіонизмъ обладаетъ силою удержать отъ ассимиляціи или спасти отъ индиферентизма извѣстные элементы еврейства, постольку его можно считать практически полезнымъ; но онъ можетъ быть и вреденъ въ той мѣрѣ, въ какой онъ измѣняетъ правильную историческую перспективу и основную концепцію еврейской національной идеи. Тѣ, которые твердятъ о спасительности сіонизма, сознаютъ, что безъ него многіе ихъ единомышленники или отдалились бы отъ еврейства, или не отдавались бы такъ ревностно его интересамъ, какъ теперь, когда они вѣрятъ въ скорое политическое возрожденіе своего народа. Эта мессіанская вѣра есть лекарство противъ разъѣдающаго ихъ пессимизма. Политическіе сіонисты вообще невысокаго мнѣнія о жизнеспособности еврейской націи. Они замѣтили національное вырожденіе въ извѣстныхъ кругахъ—и приписываютъ это вырожденіе всему народу. Еврейская исторія, въ которую они недостаточно вдумались, не дала имъ понятія о своеобразной эволюціи народа, къ которому они принадлежатъ, не дала имъ вѣры—не мистической, а научной—въ неистребимость этого народа при условіи дальнѣйшаго напряженія его національ-

ной воли въ совершенно реальныхъ общественныхъ формахъ. Однако, націоналисты могли бы сказать сіонистамъ: вы не довѣряете опыту исторіи и хотите служить интересамъ нашей націи только подъ условіемъ, что она въ болѣе или менѣе недалекомъ будущемъ получитъ матеріальное обезпеченіе, подъ видомъ собственной территоріи. Что-жъ! Служите пока интересамъ нашего народа, хотя бы подъ вліяніемъ фантастическихъ надеждъ. Современемъ вы, можетъ быть, глубже поймете эволюцію еврейства и увидите, что его сила кроется именно въ томъ, въ чемъ вы предполагали его слабость. Тогда вы станете безусловными націоналистами, членами существующей, а не только „грядущей націи".

Назрѣвшая потребность въ національномъ сознаніи съ одной стороны, и отчужденность отъ еврейства, непониманіе его своеобразной исторической судьбы съ другой—вотъ причины успѣха политическаго сіонизма среди еврейской университетской молодежи на Западѣ и въ Россіи. Оттолкнутая отъ христіанскаго общества антисемитизмомъ и еще ранѣе утратившая культурныя связи съ еврействомъ, молодежь ухватилась за политическій сіонизмъ, какъ за якорь спасенія. Она полюбила свой народъ съ тѣхъ поръ, какъ увѣровала, что онъ будетъ скоро *похожъ на другіе, государственные народы*. Это—*ассимиляція внѣшняя*, заступившая мѣсто прежней внутренней ассимиляціи... Для этой цѣли создается особая философія еврейской исторіи, скроенная по самоновѣйшимъ моделямъ историческаго матеріализма или ницшеанской „переоцѣнки всѣхъ цѣнностей", но имѣющая только одинъ недостатокъ: она не приходится по мѣркѣ упрямой и своеобразной еврейской исторіи, которую можно уложить въ прокрустово ложе готовыхъ теорій только послѣ весьма рѣшительныхъ хирургическихъ операцій...

Недавно я получилъ отъ одного еврейскаго студента длинное посланіе, въ которомъ авторъ, политическій сіонистъ, горячо возражаетъ на мою теорію духовнаго націонализма. Говоря отъ имени многихъ своихъ единомышленниковъ, онъ заключаетъ свое письмо слѣдующими выводами: 1) „Я признаю существованіе еврейской націи; 2) нахожу, что ей грозитъ сильная опасность разложиться, и процессъ разложенія замѣчаю съ тѣхъ поръ, какъ евреи вышли изъ гетто; 3) спасти еврейскую націю можетъ только совмѣстная работа, одушевляемая одной

идеей (но не одна лишь идея); 4) такую работу я вижу въ осуществленіи идеала сіонистовъ".

Отвѣтъ, который я послалъ этому оппоненту, можетъ служить отвѣтомъ многимъ изъ нынѣшней „молодой Палестины". Привожу здѣсь нѣсколько выдержекъ изъ своего отвѣтнаго письма:

. . . „Изъ вашего письма, проникнутаго горячимъ убѣжденіемъ, явствуетъ, что вы и ваши единомышленники обрекаете еврейскую интеллигенцію на окончательное вырожденіе въ смыслѣ національномъ, если она не проникнется идеями сіонизма. Въ возраженіяхъ вашихъ— такія возраженія мнѣ приходится выслушивать и читать почти ежедневно — я слышу вопль нашей шатающейся интеллигенціи: „не отнимайте у насъ того якоря спасенія, того импульса къ національной работѣ, который далъ намъ сіонизмъ!" Господа, мы не настолько жестоки, чтобы отнимать палку у того, кто нетвердо стоитъ на своихъ ногахъ. Я считаю ошибочнымъ взглядъ, будто еврейское общество поголовно отреклось бы отъ нашего народнаго дѣла, если бы не подоспѣлъ сіонизмъ. Во второмъ изъ „Писемъ о старомъ и новомъ еврействѣ" вы найдете доводы въ пользу того, что процессъ національнаго самосознанія долженъ былъ въ нашу эпоху наступить въ еврействѣ, какъ противовѣсъ временному самоотреченію. Приливъ и отливъ національнаго духа чередуются въ еврейской исторіи. Новый приливъ спасъ бы шатающуюся еврейскую интеллигенцію и безъ той частности національнаго движенія, которая называется сіонизмомъ. Но вы и ваши единомышленники утверждаете противное. Духовный національнизмъ не даетъ вамъ достаточнаго импульса для работы; вы не довольствуетесь внутреннимъ возрожденіемъ, т. е. ростомъ самосознанія въ народѣ, а добиваетесь возрожденія государственнаго, хотя и утопическаго; вамъ нужны обычное знамя, матеріальная точка, видимый кумиръ въ образѣ Judenstaat'a. Въ такомъ случаѣ держитесь вашей мечты, пока она необходима вамъ для душевнаго равновѣсія; поклоняйтесь видимому образу, если вашему уму и чувству ничего не говоритъ образъ духовный.

„Я смотрю на васъ, сіонистовъ, какъ на язычниковъ національной идеи... Это печально съ точки зрѣнія абсолютной истины, но отрадно съ точки зрѣнія практической пользы, ибо вѣдь и „язычники

національнаго культа“ все-таки служатъ нашему народному дѣлу и привязываются къ народу. Мало-по-малу сіонисты, быть можетъ, перейдутъ отъ низшихъ, матеріальныхъ формъ національнаго культа къ высшимъ, духовнымъ. Тогда восторжествуетъ та идея истиннаго національнаго, которая составляетъ оригинальную черту еврейства.

„Итакъ, я допускаю, что людямъ, которыхъ только идеалъ „еврейскаго государства“ можетъ привязать къ еврейству, лучше вступать въ ряды сіонистовъ, чѣмъ пребывать въ рядахъ ассимиляторовъ. Но не упускайте же изъ виду, что сіонизмъ есть лекарство для *слабыхъ* евреевъ и что нельзя вѣчно кормить человѣка лекарствами, а надо оздоровить организмъ настолько, чтобы онъ въ нихъ не нуждался. Нужно укрѣпить въ еврейской образованной массѣ національный духъ настолько, чтобы ей не грозило вырожденіе и при отсутствіи такого искусственнаго возбуждающаго средства, какъ сіонизмъ. Надо подумать, что будетъ съ этой массой, когда подогрѣвающая ее нынѣ мечта сіонистовъ, вслѣдствіе неизбѣжныхъ разочарованій, исчезнетъ или превратится въ безплотный мессіанизмъ. Хорошо еще, если до наступленія разочарованія національная идея окрѣпнетъ въ обществѣ; но что же будетъ, когда исчезновеніе *мечты* вызоветъ и исчезновеніе связанной съ нею національной *идеи* и оставитъ въ душѣ страшную пустоту?... *Полезенъ будетъ сіонизмъ, если онъ послужитъ переходною ступенью къ высшему міросозерцанію,—къ духовному національному*, выработанному въ еврействѣ многовѣковой эволюціей. Только въ такой формѣ временнаго, подготовительнаго фактора я признаю законность существованія сіонизма въ извѣстныхъ кругахъ общества“.

Отъ молодежи, болѣе или менѣе отчужденной отъ еврейства, перейдемъ къ сіонистамъ изъ старшаго поколѣнія, ближе стоящимъ къ еврейской жизни. Здѣсь успѣхъ сіонизма вызывается самыми разнообразными мотивами, изъ которыхъ одни низшаго, другіе — высшаго порядка. Въ одной категоріи, напримѣръ, склонность къ сіонизму и нерасположеніе къ духовно-національной идеѣ объясняются узкимъ—я сказалъ бы купеческимъ—практицизмомъ нѣкоторой части нашего общества. Какъ это ни странно, но многихъ привлекаетъ въ утопіи сіонизма именно эта „дѣловая“ обстановка ея: есть же коммер-

санты, которые любятъ рискованныя, смѣлыя предпріятія. Еврейство въ его историческомъ видѣ имѣетъ очень плохой курсъ на этой биржѣ. Какъ часто приходится слышать отъ такихъ господъ откровенныя признанія въ родѣ того, что они сами презираютъ еврейство, какъ *„слабую“* націю, живущую только силою духа, что они будутъ уважать ее только тогда, когда она сдѣлается матеріально сильною, когда она получитъ имущественный цензъ. Если у еврейства еще хватитъ силъ сдѣлаться политическою націей—хорошо, если-жъ нѣтъ—и жить ему незачѣмъ. Народъ, не могущій сдѣлать „хорошую карьеру“, ничего не стоитъ. Эта имущественно-цензовая теорія національности, конечно, несовмѣстима съ еврейскимъ „пролетарскимъ“ націонализмомъ, могущимъ выставить только духовный цензъ, хотя и немалый... Отъ такихъ „условныхъ евреевъ“ мы ничего не ждемъ: стоитъ рухнуть политическому сіонизму—и они повернутся спиною къ еврейской національной идеѣ.

Другіе идутъ за сіонизмомъ, потому что онъ сильно щекочетъ ихъ общественные инстинкты. Возможность „дѣлать политику“, играть роль организаторовъ будущаго государства—вотъ что особенно ихъ привлекаетъ. Программа націоналистовъ требуетъ серьезной подготовки, спеціальныхъ знаній, кропотливой работы; а тутъ ничего этого не нужно: достаточно только увѣровать въ скорое возникновеніе еврейскаго государства. Интеллигентная или полуобразованная толпа идетъ по стадному инстинкту, за теченіемъ, которое въ данный моментъ господствуетъ. Гдѣ очутятся эти люди въ случаѣ краха сіонизма—трудно предсказать. Если къ тому времени подоспѣетъ другое модное движеніе, они, вѣроятно, примкнутъ къ нему, а если нѣтъ, то останутся „не у дѣлъ“ [1]).

Есть еще одна многочисленная категорія сіонистовъ, которую я назвалъ бы „обывательскою“. Эти добрые люди не дѣлаютъ различія между политическимъ сіонизмомъ и культурнымъ націонализмомъ. Въ свою программу они включаютъ все, что угодно: и колонизацію Палестины, и планъ еврейскаго государства, и подъемъ національнаго духа,

---

[1]) Въ послѣдніе годы происходитъ особенно сильный отливъ изъ партіи сіонистовъ въ сторону соціалистическихъ фракцій; изъ послѣднихъ нѣкоторыя умудрились, впрочемъ, сочетать сіонизмъ съ соціализмомъ путемъ своеобразнаго политическаго „пилпула“ (примѣч. 1907 г.).

и вообще всякую дѣятельность, направленную ко благу народа. Для нихъ сіонизмъ является въ сущности флагомъ еврейской народной самопомощи. Для этихъ людей провалъ политическаго сіонизма не опасенъ, ибо они еще имѣютъ въ запасѣ нѣкоторые духовные идеалы.

Но среди сіонистовъ есть также немало сомоотверженныхъ національныхъ дѣятелей, къ которымъ нельзя относиться иначе, какъ съ глубокимъ уваженіемъ, даже не раздѣляя ихъ партійныхъ воззрѣній. Этихъ искреннихъ людей, знающихъ еврейство и болѣющихъ его горемъ, привлекъ къ сіонизму порывъ сердца. Они тронуты тѣмъ, что въ молодежи, которая считалась потерянною для еврейства, проснулось національное чувство, что подъ знаменемъ сіонизма часто соединяются враждовавшіе недавно „отцы“ и „дѣти“, что объединеніе и внутреннее возрожденіе нашего народа стали близкими и возможными. Они боятся выпустить изъ рукъ это спасительное знамя, чтобы не повредить всему дѣлу. Конечно, время ихъ убѣдитъ, что сіонизмъ былъ не причиною пробужденія національнаго чувства, а только однимъ изъ его „сопутствующихъ обстоятельствъ“, и что съ исчезновеніемъ политическаго сіонизма процессъ внутренняго возрожденія будетъ все-таки продолжаться въ здоровой части общества по естественнымъ законамъ нашего историческаго развитія. Эти люди стоятъ на пути къ духовному націонализму, который собственно и теперь живетъ въ ихъ душѣ подъ наслоеніемъ сіонизма.

Еще ближе подходятъ къ нашей исторической доктринѣ тѣ „духовные сіонисты“, о которыхъ я уже говорилъ. Они въ сущности признаютъ цѣликомъ нашу программу внутренняго возрожденія, но прибавляютъ: что вполнѣ свободное и самобытное развитіе еврейской націи возможно лишь на „исторической“ почвѣ Палестины, а потому тяготѣніе къ Палестинѣ и вѣра, что она можетъ стать нашимъ національнымъ центромъ хотя бы въ отдаленномъ будущемъ, могутъ поддерживать въ евреяхъ этотъ идеалъ свободнаго развитія. Такая формулировка сіонизма можетъ привести на дѣлѣ къ *философскому мессіанизму*, противъ котораго ничего нельзя имѣть, какъ противъ *психическаго фактора*. Стоя всецѣло на почвѣ исторіи, и націоналисты-несіонисты питаютъ горячую любовь къ нашей исторической родинѣ; они носятъ въ душѣ тоску по древней колыбели еврейства, связанной съ воспоминаніями о нашей національной юности. Они тоскуютъ по этой родной землѣ,

какъ по дорогомъ покойникѣ, съ которымъ все-таки надѣются сойтись когда нибудь, въ „лучшемъ мірѣ“. Смутная надежда, что когда нибудь Святая земля снова станетъ собственностью нашего народа, часто примѣшивается къ этой сердечной тоскѣ. Но все это относится къ области трогательнаго піэтизма,—и ставить въ зависимость отъ этого наше національное возрожденіе болѣе чѣмъ рискованно.

Что касается практической дѣятельности на пользу нашего народа, то здѣсь у культурныхъ или духовныхъ націоналистовъ много общаго съ лучшими элементами сіонизма. Мы совмѣстно боремся противъ той ассимиляціи, которая является главнымъ зломъ діаспоры. Я съ надеждою слѣжу за успѣшною борьбою западныхъ сіонистовъ съ вырождающейся еврейской буржуазіей, которая подъ гулъ антисемитскихъ кликовъ все еще лицемѣрно кричитъ о своемъ нѣмецкомъ, французскомъ, венгерскомъ или польскомъ націонализмѣ, не чувствуя всего нравственнаго безобразія этого поведенія. Я предвижу въ будущемъ образованіе еврейской національно-политической партіи, наряду съ прочими парламентскими партіями западной Европы—и напередъ горячо привѣтствую этотъ признакъ *внутренней* самоэмансипаціи [1]). Я слѣжу за дѣятельностью многочисленныхъ сіонистскихъ кружковъ и съ радостью замѣчаю, что тамъ не только кричатъ о близкомъ „исходѣ“, но знакомятся также съ еврействомъ, съ его исторіей и культурою, съ его современными нуждами, принимаютъ мѣры къ улучшенію воспитанія юношества въ народномъ духѣ и т. п. Духовные націоналисты, какъ я уже говорилъ, могутъ относиться съ полнымъ сочувствіемъ и къ постепенной колонизаціи Палестины, подъ условіемъ, чтобы эта колонизація малыхъ группъ не выставлялась какъ рѣшеніе общееврейскаго вопроса и не отвлекала вниманія отъ духовныхъ и матеріальныхъ нуждъ милліоновъ евреевъ, которые не попадутъ въ Палестину.

Слѣдовательно, у насъ, при значительномъ принципіальномъ разногласіи, есть много точекъ соприкосновенія въ практической дѣятельности. А что касается принциповъ, то время покажетъ, кто былъ правъ, кто дѣйствовалъ въ духѣ исторической эволюціи еврейства и кто—подъ вліяніемъ внѣшнихъ и случайныхъ теченій. Нельзя, конечно, безъ сожалѣнія

[1]) Предвидѣніе — слишкомъ смѣлое для начала 1898 г., когда писались эти строки, но нынѣ приближающееся къ дѣйствительности. О лозунгѣ еврейской національно-парламентской организаціи см. выше, письмо IV.

*

смотрѣть, какъ громадное количество энергіи затрачивается на достиженіе недостижимаго; можно даже серьезно опасаться, что очень многіе сіонисты, особенно на Западѣ, отшатнутся отъ еврейскаго національнаго дѣла, какъ только рухнетъ планъ „еврейскаго государства“. Но, съ другой стороны, нѣтъ сомнѣнія, что послѣ всѣхъ этихъ жертвъ останется здоровый и стойкій элементъ. Политическій или, точнѣе, мессіанскій сіонизмъ перейдетъ въ культурно-историческій націонализмъ. Многіе, „возвратившіеся къ еврейской націи“ благодаря сіонизму, останутся въ ней, даже когда рухнетъ надежда на „возвращеніе въ еврейское государство“. Народъ еще увидитъ въ своей средѣ немало искренно покаявшихся поклонниковъ ассимиляціи. Шатающійся еврей, напрасно искавшій пріюта въ чужихъ національныхъ семьяхъ, вернется въ свою, и жизнь его будетъ наполнена работою для этой великой исторической семьи, если онъ имѣетъ призваніе къ такой работѣ. Это положитъ конецъ „нравственному горю“ современнаго эмансипированнаго еврея. Что же касается матеріальнаго горя, то мы отъ него не застрахованы нигдѣ, даже на вершинѣ освобожденнаго Сіона. Соціально-экономическія бѣдствія составляютъ удѣлъ и многихъ территоріальныхъ народностей, и въ данномъ случаѣ намъ остается только ждать облегченія отъ той борьбы за новый политическій и соціальный строй, въ которой дѣятельное участіе должны принимать, наравнѣ со всѣми народами, и евреи, какъ самый обездоленный членъ международной семьи.

Національная идея призвана возродить насъ внутренно, уравнить насъ нравственно съ другими народами, дать намъ опредѣленное мѣсто въ общечеловѣческой семьѣ—мѣсто культурно-исторической націи среди политическихъ націй. Политическая „самоэмансипація“ на почвѣ Палестины есть только прекрасная мессіанская мечта; культурная же самоэмансипація или *внутреннее возрожденіе* разсѣяннаго, но единаго еврейства—это естественное историческое явленіе, которое совершается на нашихъ глазахъ и обѣщаетъ великіе результаты въ недалекомъ будущемъ.

Мартъ, 1898 (1907 г.).

ПИСЬМО СЕДЬМОЕ.

Нація настоящаго и нація будущаго.

I. Еврейская нація, какъ бывшая, существующая и будущая. — Отрицаніе „націи настоящаго“ ассимиляторами, признаніе ея націоналистами и колебанія сіонистовъ. — Антиномія сіонизма: умаленіе націи настоящаго ради возвеличенія націи будущаго.—Эксцессы политическаго сіонизма.—Колебанія Макса Нордау.—Его отвѣтъ смиренномудрому журналисту и огульный упрекъ несіонистамъ въ „рабскомъ цѣпляніи за жизнь, лишенную чести и идеала“.— Пассивное сопротивленіе и героизмъ мученичества. — Байронъ и Нордау. — Опасность сіонистскихъ утопій; преждевременное сожженіе кораблей.

II. Утопична ли національная организація діаспоры?—Возраженіе Лиліенблюма. — Осуществимость національно-культурной автономіи. — Возраженіе Ахадъ-Гаама. — Отвѣтъ политической дѣйствительности, вызывающей необходимость культурныхъ автономій и гарантій правъ меньшинства. — Circulus vitiosus духовнаго сіонизма. — Истинный эволюціонизмъ: неразрывная цѣпь между націей настоящаго и націей будущаго.

Если бы потребовалось выразить въ нѣсколькихъ словахъ существенное различіе между господствующими нынѣ въ еврейскомъ обществѣ идейными направленіями, то я предложилъ бы слѣдующую упрощенную схему. Сторонники ассимиляціи видятъ въ еврействѣ только *націю прошедшаго*, „бывшую націю“; они говорятъ, что національное существованіе еврейства прекратилось вмѣстѣ съ политическимъ, т. е. съ потерею политической самостоятельности, и что съ тѣхъ поръ евреи составляютъ только религіозное сообщество, члены котораго нынѣ распредѣляются между разными націями по мѣсту жительства. Политическіе сіонисты видятъ въ еврействѣ *націю будущаго*; они стремятся къ созданію территоріальнаго центра, а въ будущемъ и „еврейскаго государства“, ибо безъ этого, по ихъ мнѣнію, евреи или вовсе не составляютъ націи, или составляютъ націю ненормальную. Духовные же націоналисты (автономисты) признаютъ еврейство не только націей прошедшаго и будущаго, но и

націей настоящаго; они утверждаютъ, что еврейскій народъ, прошедшій черезъ самую продолжительную историческую эволюцію, можетъ и въ діаспорѣ существовать въ качествѣ самобытной культурной націи, въ силу могучихъ субъективныхъ факторовъ національности и при условіи напряженія народной воли въ сторону дальнѣйшаго автономнаго развитія.

По отношенію къ центральному вопросу о еврействѣ, какъ „націи настоящаго“, вполнѣ послѣдовательны ассимиляторы и націоналисты: первые отрицаютъ ее, послѣдніе признаютъ, и изъ своего отрицательнаго или положительнаго рѣшенія вопроса каждая группа исходитъ въ своей дѣятельности. Нельзя того же сказать о сіонистахъ. Въ этой области они обнаруживаютъ рѣзкія колебанія, амплитуда которыхъ простирается отъ націонализма до ассимиляціи. Причина колебаній — въ самой идеологіи сіонизма. Въ сіонизмѣ кроется глубокое внутреннее противорѣчіе, непримиримая *антиномія* по отношенію къ національному вопросу въ настоящемъ. Съ одной стороны, сіонизмъ, какъ движеніе національное, долженъ всячески противодѣйствовать ассимиляціи и доказывать, что еврейство не умерло, какъ нація, и не выродилось въ „секту единовѣрцевъ“, что оно имѣетъ всѣ признаки жизнеспособной націи: самосознаніе, культуру, автономныя стремленія и всѣ данныя для возрожденія. Но, съ другой стороны, основная идея сіонизма, что только территоріальная или политическая реставрація можетъ спасти еврейство отъ гибели, приводитъ къ тому, что апостолы и агитаторы партіи отрицаютъ за діаспорою, въ той или другой степени, право національнаго существованія. Стремясь доказать весь ужасъ „голуса“, сіонисты выставляютъ евреевъ въ настоящемъ либо разсѣяннымъ стадомъ, либо жалкимъ обломкомъ націи, составляющимъ только матеріалъ для политической „націи будущаго“. Послѣднюю они хотятъ утвердить на развалинахъ „націи настоящаго“, и для этой цѣли они стараются представить современное еврейство въ видѣ „разсыпанной храмины“, которой нѣтъ спасенія въ діаспорѣ. Многіе въ пылу агитаціи доходятъ до полнаго отрицанія наличности національнаго еврейства въ діаспорѣ, приближаясь такимъ образомъ къ полюсу ассимиляціи, а иные выражаютъ презрѣніе къ нынѣшнему „жалкому“ и „слабому“ безземельному народу, обѣщая ему свое уваженіе только въ будущемъ еврейскомъ государствѣ, когда онъ запасется земельнымъ цензомъ.

Можно, конечно, искренно сожалѣть о той трагической раздвоенности,

которая въ силу внутренней антиноміи господствуетъ въ душѣ національно мыслящихъ сіонистовъ, о столкновеніи у нихъ „профессіональной“ идеологіи съ общенаціональною, заставляющею ихъ *частично* отрицать „націю настоящаго“. Но нельзя отнестись иначе, какъ съ осужденіемъ, къ тактическимъ пріемамъ тѣхъ политическихъ сіонистовъ, которые стараются дискредитировать націю настоящаго ради вящшаго прославленія націи будущаго. Эти люди не замѣчаютъ, что они подрубаютъ сукъ, на которомъ сидятъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ оскорбляютъ лучшія національныя чувства еврея; они не замѣчаютъ, какъ близко они подходятъ къ воззрѣніямъ ассимиляторовъ, изъ рядовъ которыхъ многіе изъ этихъ сіонистовъ только недавно вышли. Къ этому разряду принадлежатъ нѣкоторые изъ вліятельныхъ вождей сіонистской организаціи на Западѣ, — люди, бывшіе долгое время оторванными отъ еврейства и вернувшіеся къ нему только недавно, со скрижалями политическаго сіонизма въ рукахъ. Пригнанные къ еврейскому берегу бурею антисемитизма [1]), они все еще находятся подъ впечатлѣніемъ грозившаго кораблекрушенія—и затвердили только одинъ лозунгъ испуганныхъ: „Спасеніе въ особомъ государствѣ!“ О національномъ еврействѣ настоящаго эти политическіе сіонисты имѣютъ очень смутное представленіе. Изъ своей прежней ассимиляціонной среды они вынесли впечатлѣніе о полномъ разложеніи „новаго еврейства“; на компактныя же массы „стараго еврейства“ на Востокѣ они смотрятъ издали, какъ на какую-то жалкую толпу паріевъ, изъ которыхъ надо еще „сдѣлать націю“. И вотъ изъ этихъ-то рядовъ неофитовъ сіонизма мы особенно часто слышимъ слова и возгласы, совершенно извращающіе, какъ историческую перспективу, такъ и представленія о національномъ еврействѣ нашего времени.

Яркою иллюстраціей этого настроенія политическихъ сіонистовъ — хотѣлось бы думать: крайнихъ—могутъ служить политическія рѣчи и статьи одного изъ наиболѣе пылкихъ и талантливыхъ лидеровъ ихъ—Макса Нордау. Въ его рѣчи, произнесенной на первомъ базельскомъ конгрессѣ и разобранной мною въ предыдущемъ письмѣ, Нордау представилъ

[1]) „Антисемитизмъ *слишкомъ опоздалъ* своимъ появленіемъ для того поколѣнія, къ которому я принадлежу. Еврейское чувство совершенно заглохло бы въ насъ, если бы его не пробудили дикіе возгласы и неистовые крики враговъ нашихъ“. Изъ статьи лидера сіонистовъ *Макса Нордау*; см. его „Рѣчи и статьи“, рус. перев. стр. 55 (Екатер. 1898).

только критику существующаго порядка еврейской жизни, безъ указанія на способы его переустройства. Въ этой отрицательной части своей задачи Нордау былъ еще достаточно силенъ. Но вотъ въ дальнѣйшихъ своихъ рѣчахъ и статьяхъ онъ сталъ развивать свой положительный идеалъ, — и тутъ-то обнаружилась вся неподготовленность и парадоксальность автора „Парадоксовъ“. Читая подрядъ блестящія ораторскія и литературныя импровизаціи Нордау, все болѣе убѣждаешься, что въ основѣ ихъ лежитъ не ясное представленіе объ идеалѣ сіонизма и даже не горячая вѣра, а смутные порывы; свои колебанія и сомнѣнія авторъ очевидно скрываетъ, или старается заглушить ихъ громкими словами. Его положительный идеалъ неясенъ и полонъ противорѣчій. То онъ говоритъ, что вѣра въ Мессію именно потому спасала евреевъ до сихъ поръ, что это—вѣра въ идеалъ неосуществимый, что главный недостатокъ реальныхъ идеаловъ—въ ихъ осуществимости, ибо, осуществившись, они перестаютъ быть идеалами, и что, слѣдовательно, „евреямъ нечего боятся опасности“, пока живъ мессіанскій идеалъ, „который далекъ отъ насъ, какъ звѣзды небесныя, и такъ же вѣченъ, какъ эти звѣзды“ [1]). То онъ утверждаетъ, что существованію еврейства грозитъ неминуемая опасность, что „если существующія нынѣ условія не измѣнятся, еврейство непремѣнно должно будетъ исчезнуть: просвѣщенные отпадутъ, а необразованные погибнутъ“,—и кончаетъ свою агитаціонную рѣчь восклицаніемъ: „Мое послѣднее слово: евреи или будутъ стремиться къ Сіону, или ихъ вовсе не будетъ!“ [2]). Однако и это патетическое заявленіе оказывается не „послѣднимъ словомъ“ пылкаго Нордау. Спустя полгода въ немъ снова просыпается скептикъ, и у него вырываются слѣдующія слова: [3]) „Допустимъ даже, *что случилось нѣчто невѣроятное*, что Турція и другія державы скажутъ намъ: „мы открываемъ для васъ Палестину,—идите, устройтесь

---

[1]) Статья „Необходимый идеалъ“, 1897 г., „Рѣчи и статьи“, стр. 54—59.

[2]) „Сіонизмъ и его противники“, рѣчь, произнесенная въ Берлинѣ въ апрѣлѣ 1898 г.; ibid, стр. 38. Я здѣсь исправилъ ошибку переводчика, со словъ котораго неправильно цитировалъ въ первомъ изданіи этого письма. „Die Judenheit wird Zionistisch sein“ не означаетъ „евреи будутъ *въ Сіонѣ*“, а „евреи будутъ *стремиться къ Сіону*“ (настроены сіонистически).

[3]) „Задачи Сіонизма“, ibid. 63 и сл.; статья эта впервые помѣщена на еврейскомъ языкѣ въ „Календарѣ Ахіасафа“ на 1899 годъ, стр. 165—172.

на своей старой родинѣ вполнѣ домовито, на хозяйственныхъ началахъ",—но и тогда мы врядъ ли можемъ принять отъ нихъ этотъ дорогой даръ. Мы не можемъ и не вправѣ это дѣлать, потому что не подготовлены къ тому экономическому и политическому строю, который характеризуетъ вполнѣ организованное государство. Еврейскій народъ еще не можетъ управляться самостоятельно и отправлять всѣ экономическія, государственныя и духовныя функціи народа, раздѣленнаго на правильные классы и живущаго вполнѣ самостоятельною политическою жизнью". Отсюда авторъ дѣлаетъ выводъ, что евреи должны предварительно приготовиться къ новой жизни, перевоспитать себя культурно, и даже заявляетъ, что эта „задача перевоспитанія заслуживаетъ гораздо болѣе вниманія, чѣмъ первая задача" (т. е. пріобрѣтеніе Палестины для евреевъ) [1]). Тутъ Нордау превращается уже изъ политическаго сіониста въ культурнаго, ставящаго себѣ главною цѣлью (подобно націоналистамъ) духовное возрожденіе еврейства. Но ошибется тотъ, кто подумаетъ, что Нордау долго остается на этой точкѣ зрѣнія. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ имъ овладѣваетъ уже другое настроеніе— и онъ яростно набрасывается на сторонниковъ культурнаго націонализма. Эта послѣдняя метаморфоза вождя партіи такъ характерна для крайняго политическаго сіонизма, что на ней стоитъ остановиться.

Поводомъ къ новому откровенію апостола сіонизма послужило появившееся въ одномъ еврейскомъ журналѣ „Открытое письмо къ Максу Нордау" [2]). Авторъ этого „письма"—повидимому, начинающій писатель изъ такъ называемыхъ „духовныхъ сіонистовъ"—упрекаетъ Нордау въ односторонности. Вы—говоритъ онъ, обращаясь къ Нордау и западнымъ сіонистамъ—утверждаете, что всѣ противники сіонизма чужды или враждебны еврейству. Получивъ сами свое еврейское самосознаніе отъ внѣшняго толчка, вы думаете, что и ваши противники руководятся только внѣшними побужденіями. Вы забываете, что на востокѣ (Европы) есть немалое число евреевъ, которые свое національное самосознаніе всегда черпали и черпаютъ изъ внутренняго источника своего духа. И эти именно евреи тоже являются противниками

---

[1]) Ibidem, стр. 61—62.

[2]) „Ha'Schiloah" 1898 г., кн. X, стр. 377—381.

сіонизма, хотя они всею душою стремятся къ сохраненію своей націи. Причина ихъ сопротивленія — внутренняя: они не хотятъ обусловливать существованіе еврейства такимъ шаткимъ и гадательнымъ идеаломъ, какъ возстановленіе еврейскаго государства. „Мы — евреи, и больше всего дорожимъ существованіемъ еврейства. Мы, конечно, стараемся скрасить это существованіе, но если это намъ не удастся, то мы будемъ довольствоваться и самымъ фактомъ нашего существованія. Вѣдь живому псу лучше, чѣмъ мертвому льву... Жить во что бы то ни стало, хотя бы жизнью жалкою, рабскою — вотъ стремленіе, спасавшее насъ въ теченіе нашей исторіи. Между тѣмъ западный сіонизмъ, внушая намъ надежду на новую, спокойную жизнь, отнимаетъ у насъ способность мириться съ нашею бѣдственною жизнью“.

Въ послѣднихъ фразахъ своего „Открытаго письма“ авторъ, къ сожалѣнію, проявилъ столько національнаго самоуничиженія и рабскаго смиренія, что всякій знающій исторію могъ бы ему сказать: это клевета на еврейскій народъ! Никогда идеаломъ еврейства не были ни „живой песъ“, ни „жить во что бы ни стало, хотя бы рабской жизнью“. Всегда нашъ народъ, даже порабощенный извнѣ, былъ внутренно свободенъ, ибо ставилъ себя выше своихъ угнетателей. Во всякомъ случаѣ „способность мириться съ бѣдственной жизнью“ не составляетъ добродѣтели новаго еврейства. Это хорошо понялъ бы человѣкъ, знающій наше прошлое и настоящее; но Нордау принялъ всѣ эти „жалкія слова“ за дѣйствительную характеристику народнаго настроенія,—и онъ въ своемъ отвѣтномъ письмѣ [1]) даетъ полную волю своему негодованію не противъ оппонента, а противъ всего несіонистическаго еврейства. „Я, — заявляетъ онъ, — ничего общаго не имѣю съ тѣмъ евреемъ, который хочетъ только жить, хотя бы какъ рабъ, какъ собака, лишь бы жить... Съ такими евреями намъ нечего разговаривать. И если бы мы захотѣли имъ что либо сказать, то развѣ только это: вы не только похожи на рабовъ и собакъ, но и наословъ. Вы хотите жить, только жить, безъ надежды, безъ идеала, безъ будущаго, безъ цѣли? Если такъ, то нѣтъ глупѣе избраннаго вами пути. По собачьи и по рабски вы жить не будете, а только погибнете, ибо

[1]) Опубликовано тамъ же, кн. XII, стр. 553 и сл.

всякій мыслящій еврей, до котораго достигъ хоть одинъ лучъ просвѣщенія, тотчасъ повернется спиною къ еврейству, живущему по собачьи и по рабски, безъ будущаго, безъ цѣли и надежды. Если онъ свѣдущъ въ латыни, то онъ покраснѣетъ при чтеніи стиха Ювенала: Et propter vitam vivendi perdere causas („ради жизни жертвовать цѣлью жизни"); если онъ понимаетъ по нѣмецки, то ему стыдно станетъ при чтеніи стиха Шиллера: Das Leben ist der Güter Höchstes nicht („жизнь не высшее изъ всѣхъ благъ"). И онъ почувствуетъ отвращеніе къ вамъ, трусамъ, цѣпляющимся изо всѣхъ силъ за жизнь, лишенную чести и идеала, если онъ сравнитъ васъ съ народами, которые дорожатъ своею жизнью только ради ея духовнаго и нравственнаго содержанія"!

Въ своей первой базельской рѣчи Нордау нарисовалъ типъ чуждаго своему народу, образованнаго западнаго еврея, который подъ градомъ антисемитскихъ стрѣлъ „начинаетъ сомнѣваться въ самомъ себѣ и въ порывѣ самоуниженія готовъ признать въ себѣ того нравственнаго урода, какимъ его выставляютъ его смертельные враги" [1]). Читая вышеприведенныя строки отвѣтнаго письма Нордау, можно подумать, что и самъ авторъ не совсѣмъ свободенъ отъ той ядовитой бациллы, которая, по его словамъ, передается инымъ евреямъ на Западѣ отъ окружающей юдофобской атмосферы. И дѣйствительно, говорить обо всемъ еврейскомъ народѣ, кромѣ горсти правовѣрныхъ сіонистовъ, въ такомъ презрительномъ тонѣ, называть существованіе его „собачьимъ", „рабскимъ", „лишеннымъ чести и идеала"—можетъ только человѣкъ, чуждый этому народу по духу и понятіямъ. Только человѣкъ, совершенно не понимающій смысла еврейской исторіи, можетъ сказать: что евреи „цѣпляются за жизнь, лишенную чести и идеала", между тѣмъ какъ „другіе народы дорожатъ своею жизнью только ради ея духовнаго и нравственнаго содержанія". Это — величайшій парадоксъ изъ всѣхъ, высказанныхъ когда либо авторомъ „Парадоксовъ". Нужно обладать большою смѣлостью, чтобы упрекать въ отсутствіи идеаловъ и чести націю, которая почти два тысячелѣтія скитается, терпитъ мученичество и совершаетъ подвиги нравственнаго героизма только для того,

[1]) Рѣчи и статьи, стр. 14—15.

чтобы сохранить свой духовный идеалъ и честь своего знамени. Можетъ ли разсѣянное, безземельное еврейство, которое видитъ весь смыслъ своей національной жизни въ ея культурномъ и нравственномъ содержаніи, можетъ ли оно уступать въ этомъ отношеніи другимъ народамъ, въ національной жизни которыхъ духовный элементъ долженъ дѣлить свою власть съ элементомъ матеріальнымъ, земельно-государственнымъ? Или, можетъ быть, Нордау видитъ честь, идеалъ и духовное содержаніе только тамъ, гдѣ есть земельная собственность и защищающая ее „храбрая армія“? Тогда, конечно, въ еврействѣ меньше идеализма и духовности, чѣмъ, напримѣръ, въ сербахъ, румынахъ, болгарахъ или албанцахъ; но тогда съ авторомъ „Парадоксовъ“ нечего говорить, ибо мы будемъ объясняться на разныхъ языкахъ.

Нордау называетъ существованіе евреевъ „рабскимъ“, „собачьимъ“, и такіе эпитеты нынѣ въ ходу среди политическихъ сіонистовъ, пользующихся „крѣпкими словами“ для пропаганды своихъ идей. Но имѣютъ ли они сами понятіе объ истинной свободѣ и чести? По ихъ понятіямъ, еврей, страдающій отъ юдофобіи окружающихъ массъ, ведетъ рабскую жизнь. Но съ какихъ поръ человѣка, страдающаго отъ чужого насилія, стали называть рабомъ? Рабъ есть тотъ, кто утратилъ чувство своей нравственной свободы, а не тотъ, кто во имя этой свободы переноситъ гоненія, т. е. оказываетъ угнетателямъ хотя бы пассивное сопротивленіе. Конечно, активное сопротивленіе выше пассивнаго; но тамъ, гдѣ нѣтъ выбора, гдѣ противъ тебя стоитъ непреодолимый врагъ, тамъ и пассивное сопротивленіе есть проявленіе высокаго мужества, тамъ мученичество есть геройство, ибо оно подготовляетъ почву для активной борьбы будущихъ поколѣній. Еврей, который предпочитаетъ бѣдствовать, оставаясь вѣрнымъ своему народу, чѣмъ благоденствовать, отрекаясь отъ него—есть несомнѣнно свободный человѣкъ. А изъ такихъ свободныхъ людей, если не считать группы ренегатовъ и поборниковъ „сліянія“, состоитъ весь нашъ народъ. По логикѣ Нордау, слѣдовало бы считать рабами всѣхъ великихъ мучениковъ идеи или вѣры, томившихся въ тюрьмахъ и погибавшихъ на эшафотахъ, вмѣсто того, чтобы вырваться на свободу и бѣжать въ страну, гдѣ нѣтъ деспотовъ и инквизиторовъ. Въ высшихъ слояхъ современнаго испанскаго дворянства есть много потомковъ бывшихъ „марановъ“ — евреевъ, принявшихъ въ XV вѣкѣ крещеніе,

чтобы избавиться отъ гоненій. А кровные братья этихъ „испанскихъ“ дворянъ, потомки сефардовъ, нѣкогда изгнанныхъ изъ Испаніи за нежеланіе отречься отъ іудейства, продаютъ теперь фрукты и старое платье на базарахъ Турціи. Назовете ли вы рабами этихъ сефардовъ, этихъ соціально униженныхъ „іерусалимскихъ дворянъ“, которые могли бы теперь быть гордыми мадридскими дворянами, если бы ихъ предки захотѣли присоединиться къ отступникамъ? Развѣ евреямъ средневѣковаго Запада и нынѣшней средневѣковой Россіи можно дѣлать упрекъ, что они „трусливо цѣпляются за жизнь, лишенную чести и идеала“?..

Никому изъ евреевъ, вѣрныхъ національному идеалу, не придется краснѣть при чтеніи приведенныхъ въ „письмѣ“ Нордау стиховъ Ювенала и Шиллера. Но за то Нордау и его единомышленникамъ, вѣроятно, придется краснѣть при чтеніи безсмертныхъ строкъ Байрона въ „Еврейскихъ мелодіяхъ“:

Were my bosom as false as thou deem'st it to be,
I need not have wander'd from far Galilee;
It was but abjuring my creed to efface
The curse which, thou say'st, is the crime of my race.
(Будь я сердцемъ коваренъ, какъ ты говорилъ,
Отъ Шалима вдали я бъ теперь не бродилъ:
Мнѣ лишь было отречься отъ вѣры отцовъ,
Чтобъ стряхнуть съ себя сразу проклятье вѣковъ) [1]).

Великую трагедію еврейской жизни понялъ англійскій поэтъ, но не понялъ вождь еврейской партіи. Байронъ своимъ глубокимъ поэтическимъ чутьемъ постигъ внутреннюю красоту еврейскаго духа, оцѣнилъ его гордую независимость, когда вложилъ еврею въ уста слѣдующія презрительныя слова, обращенныя къ врагу еврейской націи. „Если быть гонимымъ на землѣ значитъ (по-твоему) быть отверженнымъ на небѣ, тогда живи въ своей вѣрѣ, а я умру въ своей. Ради этой вѣры я потерялъ больше, чѣмъ ты въ состояніи дать мнѣ, какъ вѣдомо тому Богу, который позволяетъ тебѣ благоденствовать; въ Его рукѣ—мое сердце и моя надежда, а въ твоей—только моя страна и моя жизнь, которыми я жертвую во имя Его“. Вотъ гдѣ выражена

[1]) Въ нѣсколько вольномъ русскомъ переводѣ г. Минскаго.

(хотя и въ односторонней религіозной формѣ) національная гордость еврея, вотъ гдѣ еврейское нравственное чувство находило свое удовлетвореніе! А извѣрившійся во всемъ еврейскій публицистъ всего этого не понимаетъ. Проникнутый матеріалистическимъ духомъ своего круга, Нордау склоненъ видѣть пресмыкающагося раба въ вѣчномъ борцѣ за свою самобытность; онъ склоненъ думать, что „гонимый на землѣ является отверженнымъ и на небѣ“, на высотахъ свободнаго духа.

Подобное искаженіе исторической перспективы, къ сожалѣнію, все болѣе распространяется нынѣ въ кругахъ политическихъ сіонистовъ. Этика сіонистовъ à la Нордау оказывается въ рѣзкомъ противорѣчіи съ національной этикою еврейства, девизомъ которой являются слова пророка: „не оружіе, не сила (грубая), а духъ“. Неофиты нашей національной идеи, часто далекіе отъ источниковъ еврейской культуры, плохо усвоили нашъ историческій и нравственный катехизисъ. Этимъ объясняется смѣлость и безапелляціонность ихъ сужденій, продиктованныхъ афоризмомъ: „тѣмъ хуже для фактовъ“. Они провозглашаютъ, что внѣ сіонизма нѣтъ еврейства. Мы уже слышали, какъ Нордау въ своей берлинской рѣчи воскликнулъ: „Евреи или будутъ стремиться къ Сіону, или ихъ вовсе не будетъ“! Въ этомъ восклицаніи вылились самыя затаенныя чувства „еврея вчерашняго дня“, примкнувшаго къ политическому сіонизму. Онъ чувствуетъ, что только надежда на политическое возрожденіе привязываетъ его къ еврейской націи, что другихъ культурныхъ, духовныхъ связей онъ съ нею не имѣетъ, что стоитъ оборваться этой единственной нити—и онъ снова оторванъ отъ еврейства, какъ былъ прежде. Такому слабому неофиту можно искренно соболѣзновать, но, во всякомъ случаѣ, не ему пристало жалѣть того „вѣчнаго еврея“, который всѣми доступными ему способами отстаиваетъ свое національное существованіе.

Этотъ „вѣчный еврей“ могъ бы сказать своимъ новоявленнымъ спасителямъ: „любите меня черненькимъ, бѣленькимъ меня всякій полюбитъ“. Вы не были со мною тогда, когда еще не появился планъ обезпеченія меня земельнымъ цензомъ, и я не знаю, останетесь ли вы со мною послѣ того, какъ вашъ фантастическій планъ разлетится въ прахъ. Докажите мнѣ, что вы любите мою душу, мою культуру, а не только мой будущій территоріально-политическій цензъ!

Понижая этическое пониманіе нашей національной идеи, политическій сіонизмъ порождаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и опасность реальнаго свойства: онъ ослабляетъ тѣ средства, которыми народъ до сихъ поръ боролся за свое существованіе. Представьте себѣ, что живетъ одна обѣднѣвшая благородная семья, въ нуждѣ и тѣснотѣ, терпя обиды отъ богатыхъ сосѣдей. Путемъ упорнаго труда эта семья поддерживаетъ свое существованіе и борется за лучшее будущее; среди матеріальныхъ лишеній, она однако не теряетъ сознанія достоинства старой духовной аристократіи. И вотъ пришли къ этой семьѣ ловкіе агенты, продали ей лоттерейный билетъ и вскружили ей голову надеждою на скорое обогащеніе. Сначала настроеніе бѣдныхъ людей прояснилось. Явился подъемъ духа, явилась бодрость, надежда: члены семьи по цѣлымъ днямъ сидѣли и строили планы, какъ они заживутъ послѣ полученія крупнаго выигрыша. Но вотъ день розыгрыша наступилъ: бѣдняки ничего не выиграли. И бѣдный домъ сталъ неузнаваемъ. Уныніе овладѣло его обитателями. Свыкшись въ своихъ мечтахъ съ картиною богатой, привольной жизни, они съ презрѣніемъ стали смотрѣть на свою бѣдность и тѣсноту. Опостылѣла имъ обычная трудовая жизнь съ ея большими матеріальными лишеніями и маленькими духовными радостями. Матеріальное несчастье осталось прежнее, а былая ясность духа исчезла, и остались въ душѣ страшная пустота и горечь разочарованія...

Не къ такому ли исходу ведутъ еврейскую массу политическіе сіонисты? Они внушаютъ народу несбыточныя надежды на пріобрѣтеніе самостоятельной территоріи въ Палестинѣ, на новую политическую жизнь,—и этимъ временно поднимаютъ его духъ. Но въ то же время они внушаютъ народу презрѣніе къ его реальнымъ способамъ борьбы за существованіе. Не переплывъ еще на другой берегъ, сіонисты безумно сжигаютъ за собою корабли. Что же будетъ, когда настанетъ часъ разочарованія, неминуемый, роковой? Чудотворнаго внезапнаго освобожденія народъ не добьется, а къ упорной реальной работѣ постепеннаго освобожденія на мѣстахъ ему уже успѣли внушить презрѣніе. Понимаютъ ли наши чудотворные освободители, что значитъ taedium vitae, когда оно овладѣваетъ значительной частью націи?..

Вотъ теперь сіонисты съ необычайнымъ усердіемъ распространяютъ среди евреевъ всего земного шара акціи „Еврейскаго колоніальнаго

банка“ въ Лондонѣ. Еслибы сіонисты дѣйствовали не какъ политическіе маніаки, еслибы говорили народу, что учрежденный банкъ имѣетъ цѣлью расширить по возможности дѣло еврейской колонизаціи въ Палестинѣ, пристраивать тамъ ежегодно хоть тысячу колонистовъ и тѣмъ облегчать нужду одной частицы еврейства,—то они дѣлали бы поистинѣ великое дѣло. Но они дѣйствуютъ иначе: разжигаютъ воображеніе народа расчетами на покупку Палестины у султана, при посредствѣ упомянутаго банка, и на учрежденіе тамъ автономнаго еврейскаго общежитія съ согласія европейскихъ державъ. Еврей, въ особенности массовой или полукультурный, покупая акцію лондонскаго банка, воображаетъ, что купилъ лоттерейный билетъ на выигрышъ одного участка въ Палестинѣ, будущемъ еврейскомъ государствѣ. Ему рисуются картины будущаго счастья, хотя бы и далекаго; онъ видитъ рѣзкій переломъ въ исторіи: прежняя безотрадная жизнь еврейскаго народа уже кончается, а начнется новая, свободная и счастливая жизнь, къ которой теперь умными людьми, „знатными иностранцами“, дѣлаются энергическія приготовленія. И вотъ среди этихъ приготовленій обнаружится роковая истина. Колоніальный банкъ, допустимъ, добросовѣстно работаетъ и при помощи своихъ милліоновъ, добившись права простой иммиграціи евреевъ въ Палестину (она нынѣ строго воспрещается турецкимъ правительствомъ), переселяетъ туда ежегодно тысячу-другую еврейскихъ колонистовъ[1]). Проходитъ годъ, другой, десятки лѣтъ; въ Палестинѣ возникли еще нѣсколько колоній, рядъ крупныхъ промышленныхъ предпріятій, принадлежащихъ евреямъ, — а общее „еврейское горе“ діаспоры такъ же мало уменьшилось какъ вода въ рѣкѣ, изъ которой вычерпали сотню бочекъ воды. Тѣ, которые теперь напряженно ждутъ отъ колоніальнаго банка широкой политической дѣятельности, разочаруются въ своихъ ожиданіяхъ, ибо ждутъ чуда. Милліоны банка такъ же мало подвинуть *всеобщее* разрѣшеніе еврейскаго вопроса, какъ милліоны фондовъ барона Гирша въ

[1]) „Даже когда осуществится замыселъ Герцля — и банкъ, располагая двумя милліонами фунтовъ стерлинговъ, откроетъ свои дѣйствія, то и тогда нельзя будетъ колонизировать въ Палестинѣ больше нѣсколькихъ сотенъ семействъ ежегодно“. Такъ заявляетъ органъ умѣреннаго сіонизма „Ha'Schiloah“ въ своемъ мѣсячномъ обозрѣніи (февраль 1899, стр. 178), принадлежащемъ перу человѣка, который принималъ дѣятельное участіе въ палестинофильскомъ движеніи съ момента его возникновенія.

Аргентинѣ,—хотя, какъ форма *частной* помощи, палестинская колонизація стоитъ гораздо выше аргентинской. Послѣ всѣхъ „политическихъ“ волненій все останется по прежнему. Если въ Іерусалимѣ и Яффѣ прибавится много евреевъ, то ихъ все-таки не станетъ меньше въ Вильнѣ, Варшавѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ и Нью-Іоркѣ. Историческій status quo ante останется во всей своей неприкосновенности.

Что же тогда?.. Не придется ли слишкомъ ретивымъ агитаторамъ политическаго сіонизма пожалѣть о „сожженныхъ корабляхъ“? Они успѣли внушить молодежи пренебреженіе къ культурной и соціальной работѣ на мѣстахъ, не давъ ей обѣтованной земли. Они ослабили во многихъ сознаніе внутренней свободы, не давъ имъ обѣщаннаго внѣшняго избавленія. Они отняли у людей силу нравственнаго сопротивленія, не замѣнивъ ее опорой матеріальной. Что же будетъ потомъ, когда эта „переоцѣнка цѣнностей“ окажется несостоятельной? Легко ли будетъ воскресить въ душѣ „новыхъ евреевъ“ сіонисткаго типа любовь къ тѣмъ нашимъ національно-культурнымъ цѣнностямъ, которыя такъ старательно обезцѣниваются нынѣ партійными агитаторами? Послѣ краха утопическаго сіонизма, его послѣдователи почувствуютъ такой упадокъ духа, какого не испытала наша масса даже послѣ мессіанскихъ разочарованій прежняго времени. Старая ортодоксія поддерживала въ себѣ бодрость духа хоть религіознымъ мистицизмомъ; нынѣшняя же молодежь, разувѣрившись въ идеалѣ политическаго мессіанства, увидитъ себя совершенно оторванною отъ еврейства. Отъ іудаизма, какъ религіи, она давно отстала; историческіе и культурные идеалы, поддерживающіе евреевъ какъ духовную націю, она обезцѣнила и унизила. Что же у нея останется? Чувство самопрезрѣнія, отчаяніе и опасная душевная пустота. Многіе изъ евреевъ „вчерашняго дня“ не будутъ уже евреями „завтрашняго дня“, когда исчезнетъ то внѣшнее, что ихъ привлекло къ нѣкогда покинутому народу. Будутъ отпаденія, видимыя и невидимыя, будетъ страшный индиферентизмъ, болѣе сильный, чѣмъ въ разгаръ ассимиляціи... И только послѣ окончанія этого опаснаго кризиса, просвѣтленнымъ умамъ снова предстанетъ во всемъ своемъ величіи идеалъ еврейской культурной націи,—не той, которая будто бы „мирится съ бѣдственной жизнью“, а той, которая ведетъ непрерывную борьбу за свободную жизнь, за свое соціальное и духовное возрожденіе во всѣхъ центрахъ діаспоры.

II. Имѣетъ ли подъ собою почву наша работа, направленная къ національной организаціи еврейства въ діаспорѣ? Вотъ вопросъ, который намъ постоянно ставятъ сіонисты и который ими разрѣшается отрицательно. Націоналистовъ упрекаютъ, что они-то и являются безпочвенными мечтателями, когда считаютъ возможнымъ внутренно возродить евреевъ въ странахъ разсѣянія. Сваливая съ больной головы на здоровую, политическіе сіонисты возвращаютъ намъ упрекъ въ фантазерствѣ и утопизмѣ. Цѣлый рядъ возраженій въ этомъ смыслѣ былъ выставленъ въ послѣднее время въ газетныхъ статьяхъ и особыхъ памфлетахъ противъ ученія „духовнаго націонализма“. Оставляя въ сторонѣ полемику, я коснусь здѣсь лишь нѣкоторыхъ существенныхъ возраженій, насколько они связаны съ содержаніемъ настоящаго письма.

Одинъ изъ первыхъ идеологовъ палестинофильства, соблазнившійся новѣйшимъ сіонизмомъ, *М. Л. Лиліенблюмъ*, разбираетъ мою теорію въ своей книжкѣ: „Палестинофильство, сіонизмъ и ихъ противники“ (Одесса, 1899). Возражая тамъ, между прочимъ, на мою основную мысль, что евреи, какъ культурная нація, должны бороться повсюду не только за свои гражданскія, но и за свои національныя права, г. Лиліенблюмъ замѣчаетъ: „Г. Дубновъ является еще большимъ мечтателемъ, чѣмъ, по его мнѣнію, авторъ новѣйшей формы сіонизма. Какъ ни фантастична мысль объ основаніи въ близкомъ будущемъ самостоятельнаго еврейскаго государства, она не можетъ вызвать такой не то снисходительной, не то презрительной улыбки, какъ надежда на то, что въ концѣ концовъ и разсѣяннымъ повсюду евреямъ дано будетъ право на свободное внутреннее развитіе въ смыслѣ національной самобытности, какого требуютъ чехи, ирландцы и т. д.“ (стр. 55). Итакъ, обвиненіе въ фантастичности плановъ, брошенное мною сіонистамъ, обращено теперь противъ меня.

Въ устахъ сіонистовъ такое обвиненіе вполнѣ объяснимо. Люди, разочаровавшіеся въ историческомъ прогрессѣ и слышащіе во всемірной исторіи одинъ только отчаянный крикъ: *горе побѣжденнымъ*!—не могутъ, конечно, думать иначе, какъ съ „снисходительной“ или даже „презрительной улыбкой“, о національныхъ правахъ еврейства въ діаспорѣ. Эти люди страдаютъ въ сильнѣйшей степени исторической близорукостью и навязываютъ всей дальнѣйшей исторіи режимъ пережи-

ваемой ими эпохи. Если не только въ полицейскихъ, но и въ нѣкоторыхъ правовыхъ государствахъ XIX вѣка еще не упразднена система принудительной ассимиляціи, въ силу которой господствующіе народы стараются уничтожать или ослаблять національную самобытность численно слабѣйшихъ народовъ,—то неужели отсюда слѣдуетъ, что такая система должна держаться всегда? Въ среднихъ вѣкахъ и даже позже, въ эпоху реформаціи и религіозныхъ войнъ, не только господствовалъ, но и свирѣпствовалъ принципъ принудительной *религіозной* ассимиляціи, обагрившій кровью всю Европу,—а много ли еще теперь мѣстъ, гдѣ этотъ принципъ торжествуетъ? Нынѣшняя „политическая мудрость“ велитъ пруссакамъ онѣмечивать познанскихъ поляковъ, австрійскимъ нѣмцамъ—бороться противъ дальнѣйшаго расширенія національной автономіи славянъ, русскому правительству—душить малороссовъ, поляковъ, евреевъ, армянъ и т. д. Но уже теперь съ каждымъ годомъ выясняется вся тщета этой полицейской мудрости. Чѣмъ усерднѣе національное большинство старается ассимилировать съ собою меньшинство, тѣмъ сильнѣе послѣднее сопротивляется этому и отстаиваетъ свою самобытность—свой языкъ, обычаи, школу, внутреннюю автономію. Индивидуальность каждаго народа неутомимо борется съ соціальнымъ и культурнымъ обезличеніемъ. Эта борьба вноситъ смуту въ политическую жизнь государства съ разнороднымъ національнымъ составомъ, и даже иногда рѣзко нарушаетъ весь парламентскій строй и ходъ правительственнаго механизма (какъ, напримѣръ, теперь въ Австріи). Но именно эта ожесточенность борьбы и ея гибельныя послѣдствія показываютъ, что близко время, когда система принудительной ассимиляціи будетъ доведена до абсурда. Господствующія націи убѣдятся, что путемъ насильственнаго культурнаго сдавливанія разныхъ націй можно достигнуть не объединенія, а раздробленія государства. Не только чувство справедливости, но и простой практическій разсчетъ подниметъ протестъ противъ принципа: „народъ народу волкъ“ въ предѣлахъ одного и того же государства. Какъ убѣдились въ цивилизованныхъ странахъ, что полезнымъ членомъ общества можетъ быть свободный человѣкъ, а не рабъ,—такъ убѣдятся мало-помалу, что въ государствѣ съ разнороднымъ національнымъ составомъ внутренно-автономная нація является болѣе крѣпкою опорою государственнаго союза, чѣмъ несвободная, обезличиваемая, раздражаемая постоян-

ной травлей. Роль „господствующей націи“ будетъ низведена въ государствѣ къ тому же уровню, къ какому низведена въ истинно правовомъ государствѣ роль „господствующей церкви“. Это отнюдь не мечта, а историческая необходимость, основанная на ростѣ правосознанія.

На этой реальной исторической необходимости я основываю надежду на успѣшный исходъ борьбы евреевъ за свои національныя права. Тутъ совершенно отпадаютъ упреки въ „мечтательности“, выставленные моимъ оппонентомъ, а также его дальнѣйшія разсужденія о томъ, что евреи лишены той силы національной самозащиты, какую имѣютъ другіе зависимые, но живущіе на своей территоріи народы (чехи, поляки, ирландцы etc.). Въ своемъ мѣстѣ я уже говорилъ, что „притязанія евреевъ на національную автономію въ европейскихъ странахъ не идутъ, конечно, такъ далеко, какъ притязанія ирландцевъ или даже поляковъ“ (выше, стр 41). Экстерриторіальная нація требуетъ себѣ національно-культурныхъ правъ въ области автономіи общинъ, школы, языка, представительства. Такія права отчасти уже признаны за евреями на практикѣ, отчасти будутъ еще признаны. Въ такихъ странахъ, напримѣръ, какъ Англія или Соединенные Штаты Сѣверной Америки, ничто не мѣшаетъ евреямъ и теперь довести свое общинное самоуправленіе до широкой національной автономіи, учреждать школы съ преподаваніемъ предметовъ на еврейскомъ языкѣ, открывать еврейскія гимназіи, академіи, создавать свои политическія организаціи. Даже въ странахъ, гдѣ еще не совсѣмъ ослабѣла бюрократическая регламентація, какъ въ Германіи, Франціи и Австріи, евреи могли бы еще очень много сдѣлать для расширенія своей автономіи, если бы у нихъ временно не атрофировалось національное самосознаніе подъ вліяніемъ „благодарности за эмансипацію“ и ложнаго начала культурной нивеллеровки. Но совершающаяся на нашихъ глазахъ реставрація еврейскаго національнаго чувства приведетъ къ этому какъ здѣсь, такъ и въ другихъ странахъ. Конечно, все это не обойдется безъ долгой борьбы какъ съ косностью бюрократіи, такъ и со злобою антисемитически настроенной части христіанскаго общества. Что же? Еврейство давно уже слѣдуетъ въ своей исторіи девизу: per aspera ad ardua tendo (сквозь рядъ препятствій стремлюсь въ высь).

Странно, поэтому, что такую реальную идею, стремящуюся только къ улучшенію существующаго порядка, называютъ мечтою тѣ, которые

грезятъ о совершенномъ пересозданіи существующаго порядка, о переселеніи милліоновъ евреевъ изъ Европы въ Азію и объ основаніи еврейскаго государства путемъ кабинетныхъ комбинацій, банковыхъ акцій и громкихъ рѣчей. Впрочемъ, самъ г. Лиліенблюмъ, стоящій на пути отъ стараго сіонизма къ новому, называетъ „наивными“ людей, вѣрящихъ въ „скорое пріобрѣтеніе Палестины съ гарантированными правами“ (стр. 65). Но если такъ, то къ чему же кричать о сіонизмѣ, какъ о рѣшающемъ историческомъ кризисѣ? Къ чему пользоваться „наивностью“ людей и, рисуя имъ перспективу фантастическаго будущаго, отнимать у нихъ тотъ реальный культурный базисъ, на которомъ такъ долго держится ихъ національное существованіе?

То, что я говорилъ выше о достижимости еврейскихъ національныхъ правъ, можетъ послужить отвѣтомъ и творцу „духовнаго сіонизма“ Ахадъ-Гааму, который глубже постигъ позитивную сущность еврейскаго національнаго вопроса, чѣмъ почтенный творецъ палестинофильства. Съ Ахадъ-Гаамомъ меня сближаетъ философско-историческая точка зрѣнія на ассимиляцію и на дефекты развитія западнаго еврейства въ XIX в. [1]). Насъ сближаетъ также отрицательное отношеніе къ смѣлымъ экспериментамъ политическаго или дипломатическаго сіонизма, ибо мы оба стоимъ въ исторіи на научной эволюціонной точкѣ зрѣнія, не допускающей чудодѣйственныхъ переворотовъ. Расходясь въ оцѣнкѣ того вліянія, которое

[1]) Эта точка зрѣнія съ необычайной ясностью формулирована Ахадъ-Гаамомъ въ его статьѣ „Рабство въ свободѣ“ (1891) и развита мною подробно въ первыхъ „письмахъ“ (1897—1901), въ связи съ моей эволюціонной идеей „антитезиса“. Въ примѣчаніи къ названной статьѣ, а также въ текстѣ новой статьи А. Г. (см. слѣдующее примѣчаніе), говорится, что „Рабство въ свободѣ“ явилось отвѣтомъ на мою статью „Вѣчные и эфемерные идеалы еврейства“ („Восходъ“ 1890, кн. 12). Охотно признавая пріоритетъ Ахадъ-Гамма въ мѣткой характеристикѣ ассимиляціи, какъ формы моральнаго рабства, я долженъ только замѣтить, что по существу *этой* идеи „Рабство въ свободѣ“ не было прямымъ отвѣтомъ на мои „Вѣчные идеалы“. Въ этой незначительной библіографической замѣткѣ я спеціально вопроса объ ассимиляціи не касался, а только указалъ на тѣ духовные идеалы, которые скрываются въ западной идеѣ „миссіи іудаизма“. Согласенъ, что теорія „миссіи“ часто прикрывала „почетное отступленіе“ отъ живой національной идеи еврейства, но все таки допускаю, въ отличіе отъ Ахадъ-Гаама, развѣнчавшаго эту теорію, что для лучшихъ еврейскихъ мыслителей Запада „миссія іудаизма“ была лишь формою *безсознательнаго* націонализма, придавленнаго тяжестью вѣковыхъ пластовъ „религіозной націи“ и новыхъ ассимиляціонныхъ наслоеній въ сферѣ гражданской.

можетъ оказывать на діаспору будущій духовно-національный центръ въ Палестинѣ, мы оба однако согласны въ томъ, что и послѣ возникновенія такого центра наибольшая часть еврейства останется въ діаспорѣ. Отсюда—прямой выводъ (и со стороны Ахада-Гаама было бы актомъ простой послѣдовательности признаніе этого вывода), что діаспора должна неустанно бороться за извѣстный минимумъ тѣхъ національныхъ правъ, максимумъ которыхъ, по его мнѣнію, будетъ когда-нибудь достигнутъ только въ палестинскомъ центрѣ. Этой строгой послѣдовательности, однако, не оказалось у публициста-философа, вообще отличающагося рѣдкою въ наше время ясностью и систематичностью сужденій. Въ своей статьѣ по поводу моего второго „письма“, Ахадъ-Гаамъ силится доказать, что теорія національныхъ правъ въ діаспорѣ есть только переходная ступень къ сіонизму, ибо горькій опытъ убѣдитъ сторонниковъ этой теоріи въ недостижимости національныхъ правъ внѣ Палестины. Вотъ что онъ говоритъ [1]):

„Психологическая необходимость — одно, а логика и дѣйствительность — другое. Евреи, съ гордо поднятой головою, будутъ взывать къ своимъ сосѣдямъ: мы — древняя культурная нація, имѣющая историческія права на Европу, какъ вы сами, и поэтому мы по справедливости можемъ требовать, чтобы вы уважали наши національныя цѣнности и давали намъ возможность жить среди васъ національной жизнью; дайте намъ національныя права! Территоріальные же народы, слушая это, будутъ сердиться или смѣяться — а національныхъ правъ намъ не дадутъ. Если евреямъ удалось получить гражданское равноправіе среди большинства европейскихъ народовъ, то лишь потому, что они обѣщали раствориться среди этихъ народовъ и слиться съ ними со временемъ въ „единую плоть“. Но національныхъ правъ — это долженъ признать всякій, склоняющій свою мечту передъ дѣйствительностью— евреи никогда не добьются среди народовъ. И не только въ наше время, когда всякая господствующая нація стремится положить свою національность въ основу всей государственной жизни, но даже въ позднѣйшія времена, когда измѣнятся понятія и чувства людей, когда господствующія націи признаютъ права другихъ (меньшихъ) и предоставятъ имъ свободу національной жизни, не стараясь ихъ ассимилировать,—даже тогда не найдется въ Европѣ ни одного народа, который бы призналъ національныя права за живущими въ его средѣ евреями. Вѣдь тѣ самые поляки и чехи, которые во имя справедливости требуютъ для себя національныхъ правъ отъ государства, считаютъ себя вправѣ

---

[1]) „Ha'Schiloah“ 1898, кн. IV, стр. 294—95. Здѣсь я цитирую по новому изданію „Al paraschat derachim“, т. II, стр. 63 сл. (Berlin, 1903), гдѣ эта статья помѣщена подъ заглавіемъ: „Три ступени“.

требовать отъ живущихъ среди нихъ евреевъ полнаго сліянія съ ними и пожертвованія собою ради національности польской или чешской.

Больше того, если мы даже при большомъ напряженіи фантазіи увѣруемъ, что въ „мессіанскія времена“ и евреи будутъ признаны отдѣльной націей, имѣющей во всѣхъ государствахъ національныя права, — то и этого будетъ недостаточно для потребностей нашей народной жизни. Вѣдь и сама идея справедливости, во имя которой слабый требуетъ своихъ правъ отъ сильнаго, не обязываетъ сильнаго пожертвовать своими собственными правами тамъ, гдѣ права слабаго съ ними несовмѣстимы. А ничто такъ не вызываетъ столкновенія, какъ національныя права двухъ народовъ, живущихъ не другъ *возлѣ* друга, какъ въ Швейцаріи, а одинъ *внутри* другого, какъ въ Австріи. Во всѣхъ важнѣйшихъ дѣлахъ государственной жизни — въ системѣ воспитанія, законахъ, обычаяхъ, языкѣ, наукѣ и т. п. — невозможно различнымъ націямъ господствовать одновременно, такъ чтобы каждая вносила въ дѣло свой духъ, и чтобы тамъ проводились разнородныя тенденціи. Въ такихъ случаяхъ, по необходимости и по справедливости (?), идутъ за направленіемъ большинства, а меньшинство должно подчиниться этому закону безпрекословно, ибо такъ бываетъ и при столкновеніи гражданскихъ правъ отдѣльныхъ гражданъ. А такъ какъ мы вездѣ составляемъ меньшинство среди народовъ, то вправѣ ли мы надѣяться, что когда-нибудь мы сможемъ зажить въ Европѣ полной національной жизнью?.. Какъ совмѣстить двѣ противоположности: съ одной стороны наше участіе въ общей культурной жизни, принимающей въ каждой странѣ отпечатокъ коренной національности, а съ другой — полное развитіе нашей особенной національной жизни, витающей въ воздухѣ и не имѣющей точки опоры.

Вотъ почему я склоненъ думать, что эта теорія „національныхъ правъ“ есть только одна промежуточная ступень въ будущей эволюціи нашей національной идеи, ступень, черезъ которую сознаніе народа перейдетъ къ послѣдней точкѣ этой идеи. Стремленіе къ національнымъ правамъ, когда выяснится ихъ недостижимость въ діаспорѣ, не можетъ не привести къ убѣжденію, что есть только одно національное право, которое можетъ удовлетворить потребностямъ нашей національной жизни, и безъ котораго мы никогда не достигнемъ искомой цѣли. Это право — въ томъ, чтобы и мы образовали „большинство“ въ одной странѣ на земномъ шарѣ, въ странѣ, на которую мы имѣемъ неоспоримое историческое право и въ исторической атмосферѣ которой наша національная жизнь разовьется въ нашемъ духѣ, не будучи сдавлена опредѣленными границами. Тогда будетъ надежда и для разсѣянныхъ частей народа въ другихъ странахъ, что этотъ національный центръ окажетъ на нихъ духовное вліяніе и дастъ имъ силу жить его жизнью, хотя тѣ на мѣстахъ (діаспоры) будутъ лишены національныхъ правъ“.

Въ моихъ предыдущихъ письмахъ (IV—V) читатель найдетъ рядъ мыслей и фактическихъ указаній, которыя могутъ ослабить силу цитированныхъ сейчасъ доводовъ. Послѣдніе не соотвѣтствуютъ ни юридическимъ основамъ Rechtstaat'а, ни даже государственной практикѣ многихъ странъ. Въ наукѣ права твердо установленъ принципъ свободы національнаго самоопредѣленія и областной или культурной автономіи національныхъ

меньшинствъ въ разноплеменномъ государствѣ. На практикѣ этотъ принципъ нарушается весьма часто, но не вездѣ, и мы не вправѣ утверждать, что въ настоящее время „*всякая* господствующая нація стремится положить свою національность въ основу своей государственной жизни“. Мы знаемъ, что если реакціонная Пруссія душитъ культуру познанскихъ поляковъ, то Австрія уже давно отказалась отъ германизированія Галиціи и даетъ тамъ значительный просторъ польской областной и культурной автономіи. Мнѣ показалась странною сама постановка вопроса у Ахадъ-Гаама, признающаго какъ будто „необходимость“ и даже „справедливость“ волчьихъ аппетитовъ господствующихъ націй. Онъ говоритъ: что „во всѣхъ важнѣйшихъ областяхъ государственной жизни невозможно различнымъ націямъ господствовать одновременно, такъ чтобы каждая вносила въ дѣло свой духъ“; что тутъ „по необходимости и справедливости идутъ за большинствомъ“, которому національное меньшинство безпрекословно подчиняется; что въ каждой странѣ общая культурная жизнь „принимаетъ отпечатокъ коренной національности“... Неужели Ахадъ-Гаамъ считаетъ такой порядокъ нормальнымъ и обычнымъ, и неужели онъ не знаетъ, что нѣтъ такой націи, даже изъ живущихъ *внутри* другихъ, которая бы не давала сильнаго отпора обезличивающему ее національному большинству? Развѣ русины, культурно угнетаемые поляками въ Галиціи, не борются противъ этого гнета, развѣ они уже не успѣли завоевать многое въ области школьной и общественной автономіи и не надѣются на полную побѣду въ будущемъ? Не наученъ и не соотвѣтствуетъ дѣйствительности взглядъ, что „въ важнѣйшихъ дѣлахъ государственной жизни... невозможно различнымъ націямъ одновременно господствовать, такъ чтобы каждая вносила въ дѣло свой духъ и чтобы проводились разнородныя тенденціи“, — причемъ къ такимъ государственнымъ дѣламъ причисляются наряду съ „законами и обычаями“ и „система воспитанія, языкъ, наука“ и т. п. Законодательство въ конституціонныхъ странахъ регулируется народными представителями всѣхъ національностей, входящихъ въ составъ государства, и слѣдовательно является не продуктомъ одного „духа“ или однородныхъ стремленій, а равнодѣйствующею стремленій различныхъ національностей. Тамъ, гдѣ по численному составу инородныя національности вмѣстѣ взятыя превышаютъ „коренную“ (напр. въ Австріи), или гдѣ требованія

ихъ особенно настойчивы, законодательство по необходимости стремится установить для нихъ территоріальную или культурную автономію, особенно въ области школы и языка, дорогихъ каждому народу. Споръ тогда идетъ только изъ-за максимума автономіи и равномѣрнаго ея распредѣленія между всѣми національными меньшинствами. Не въ господствѣ „одного духа“ или „одного направленія“ задача правового государства, а въ уравновѣшиваніи стремленій и интересовъ сталкивающихся національныхъ группъ. Пока нѣтъ этого равновѣсія, освободительная національная борьба кипитъ въ странѣ,—и послѣ долгаго сопротивленія національное большинство бываетъ вынуждено дѣлать уступки меньшинствамъ, изъ опасенія вѣчной междоусобицы и распаденія государства. Ибо автономія и гарантія культурной самобытности миноритетныхъ націй составляютъ элементарное условіе прогресса и даже самого существованія разноплеменныхъ государственныхъ союзовъ.

Тутъ Ахадъ-Гаамъ выдвигаетъ другой доводъ: если даже идеалъ автономіи осуществится для всѣхъ народовъ, то онъ неосуществимъ для евреевъ, живущихъ не возлѣ, а внутри другихъ народовъ. Этотъ доводъ имѣлъ бы силу, если бы евреи были единственною „націей въ націи“; но вѣдь многія мелкія народности и части большихъ народовъ находятся въ положеніи національныхъ меньшинствъ въ тѣхъ или другихъ областяхъ (нѣмцы и чехи въ разныхъ округахъ Богеміи, нѣмцы въ Галиціи и румыны въ Венгріи, поляки въ Литвѣ, литовцы въ Царствѣ польскомъ, великороссы въ Сѣверо-западномъ краѣ и въ Малороссіи). Неужели же всѣ эти меньшинства будутъ позволять себя культурно обезличивать, путемъ ассимиляціи въ языкѣ и школѣ, и не будутъ отстаивать гарантій своей самобытности среди большинства? Вѣдь тутъ заинтересованы почти всѣ національности сложнаго государства, не исключая подчасъ и „господствующей“ націи, дроби которой заброшены въ окраинныя автономныя провинціи. Если же общегосударственное законодательство будетъ по необходимости, въ той или другой формѣ, гарантировать права каждаго національнаго меньшинства, даже внѣтерриторіальнаго, то исключенія не составятъ и евреи, — конечно, при условіи упорной ихъ борьбы за свою національно-культурную свободу въ области общиннаго самоуправленія, школы и языка [1]).

[1]) Хотѣлось бы думать, что если бы Ахадъ-Гаамъ писалъ по вопросу о національной автономіи теперь, когда этотъ вопросъ болѣе выяснился и въ

Если ортодоксальные политическіе сіонисты отрицаютъ возможность „національныхъ правъ“ въ діаспорѣ, то я еще это понимаю, по крайней мѣрѣ, какъ тактическій пріемъ [1]): они не вѣрятъ въ постепенную историческую эволюцію и надѣются упразднить „еврейское горе“ путемъ „революціоннымъ“, путемъ созданія утопическаго Zukunftstaat'a. Но если такой эволюціонистъ, какъ творецъ духовнаго сіонизма, дѣлаетъ подобное заявленіе, то онъ является непослѣдовательнымъ. Вѣдь онъ не вѣритъ во внезапные перевороты; онъ много разъ высказывался, что для созданія духовнаго центра въ Палестинѣ нужно поднять уровень еврейской національной культуры въ діаспорѣ, нужно духовно подготовлять, совершенствовать народъ. Неужели же они этого достигнутъ однимъ только стремленіемъ къ Сіону, будущему духовному центру? А если уже этотъ центръ будетъ созданъ, то гдѣ гарантія, что палестинская частица еврейства будетъ имѣть неотразимое національно-изирующее вліяніе на всю великую діаспору, какъ думаетъ Ахадъ-Гаамъ? Коль скоро онъ допускаетъ, что большинство евреевъ останется въ Европѣ и Америкѣ, а только меньшинство будетъ въ Палестинѣ, то можетъ ли онъ поручиться, что послѣдняя будетъ главнымъ культурнымъ центромъ еврейства? Что именно даетъ ему увѣренность, что палестинская культура будетъ направлять культуру западныхъ евреевъ, а не направляться ею или взаимодѣйствовать съ нею? Вѣдь теперь мы видимъ, что въ скромныя еврейскія колоніи въ Палестинѣ проникаютъ худшіе элементы французской внѣшней культуры, на что горько жалуются сами палестинцы. Охотно допускаю, что горсть евреевъ въ Палестинѣ будетъ жить болѣе „полною національной жизнью“, чѣмъ въ діаспорѣ, и напередъ этому радуюсь,—но меня занимаетъ также участь громады еврейства, остающейся въ діаспорѣ. Или, можетъ быть, Палестина будетъ Ноевымъ ковчегомъ, гдѣ спасется отъ всемірнаго культурнаго потопа лишь часть евреевъ, между тѣмъ какъ всѣ остальные погибнутъ? Но такой жестокій приговоръ надъ діаспорой, конечно, не входитъ въ программу духовныхъ сіонистовъ.

теоріи, и въ политической практикѣ,—то онъ не помѣстилъ бы многаго изъ того, что написано имъ въ цитированной выше статьѣ девять лѣтъ назадъ, въ 1898 г.

[1]) Послѣ Гельсингфорскаго съѣзда 1906 г., и они отказались отъ этой тактики, что нельзя не привѣтствовать.

„Національный центръ (въ Палестинѣ) окажетъ свое духовное вліяніе на нихъ (евреевъ діаспоры) и дастъ имъ силу жить его жизнью, хотя тѣ на мѣстахъ будутъ лишены національныхъ правъ“—говоритъ Ахадъ-Гаамъ. Это ли реальный идеалъ, соотвѣтствующій эволюціонному процессу? Изъ какого же „человѣческаго матеріала“ создадите вы палестинскій центръ, если не обработаете въ національномъ духѣ этотъ матеріалъ въ діаспорѣ? А какъ сохраните вы здѣсь и разовьете національный духъ еврейства безъ національныхъ правъ—автономіи общины, языка, школы? Но допустимъ, что центръ уже образовался на берегахъ Іордана и что онъ имѣетъ магическое дѣйствіе на всю міровую периферію „голуса“. Въ чемъ же его вліяніе? Онъ усиливаетъ въ діаспорѣ національный духъ, національную культуру, то-есть стремленіе отстаивать этотъ духъ и культуру путемъ національно-правовыхъ гарантій во всѣхъ государствахъ. Но вы вѣдь утверждаете, что достиженіе національныхъ правъ для еврейства въ діаспорѣ немыслимо. Значитъ, толчокъ, данный діаспорѣ палестинскимъ центромъ, останется безрезультатнымъ или будетъ порождать только отчаяніе, если духовные національные *порывы* не будутъ осуществляться въ видѣ конкретныхъ національныхъ *правъ* и гарантій, если страстно желаемое останется неосуществимымъ? Вѣдь этотъ „порочный кругъ“—роковой для духовнаго сіонизма: послѣдній будетъ или невозможенъ, или безцѣленъ...

Нѣтъ, ради спасенія вашего эволюціоннаго сіонизма, вы должны поставить принципъ борьбы за національныя права въ діаспорѣ во главѣ своей программы. Вы должны признать, что эта борьба должна и *предшествовать* и *сопутствовать* строительству палестинскаго духовнаго центра. Въ оправданіе вашей спеціальной идеи вы можете только сказать, что палестинская часть еврейства будетъ *въ большей мѣрѣ* осуществлять свои національныя права, чѣмъ діаспора, что въ Палестинѣ національная жизнь будетъ полнѣе, свободнѣе, самобытнѣе; но вы не можете отрицать минимумъ національныхъ правъ въ діаспорѣ, не подрубая той вѣтки, на которой вы сидите. Если вы придете къ этому сознанію, то вы сдѣлаете большой шагъ впередъ, по направленію отъ частнаго къ общему, отъ духовнаго сіонизма къ духовному націонализму.

Мы, автономисты, не хотимъ разорвать цѣпь между націей настоя-

щаго и націей будущаго, какъ не отдѣляемъ обѣихъ отъ націи прошедшаго. Мы—послѣдовательные эволюціонисты; мы имѣемъ на своей сторонѣ медленный, но могучій процессъ историческаго развитія, направляемый сознательной національной волей еврейства. Укрѣпленіе этой воли, усиленіе самосознанія и борьба за гражданскую и національно-культурную свободу нашего народа повсемѣстно—все это входитъ въ сферу реальнаго, достижимаго, и само стремленіе къ этому уже знаменуетъ начало внутренняго національнаго возрожденія.

1899. 1907 г. [1]).

---

[1]) Это письмо частью выдѣлено изъ статьи, первая половина которой вошла въ помѣщенное выше 3-е письмо („Этика націонализма“), частью вновь написано или переработано (особенно первыя и послѣднія страницы).

ПИСЬМО ВОСЬМОЕ.

О смѣнѣ направленій въ русско-еврейской журналистикѣ [1]).

I. Идеалы просвѣщенія и эмансипаціи въ дѣтскій періодъ журналистики. — Первенцы еврейской прессы: „Гакармель", „Гамелицъ" и „Разсвѣтъ" (1860).—Путь апологіи; выжиданіе равноправія и подражаніе западнымъ образцамъ.—Скорбь „Сіона".

II. Вторая стадія (1869—71): усиленіе оппозиціоннаго духа. — „Борьба за право" и ассимиляція. — Карьера „Дня". — Сліяніе еврейскихъ интересовъ съ русскими, или исканіе равноправія путемъ неравенства.

III. Національный индиферентизмъ и борьба съ нимъ въ третьей стадіи журналистики (съ 1879 г.).—Умѣренный „Русскій Еврей" и радикальный „Разсвѣтъ".—Погромы 1881 г. и общественный кризисъ; боевая позиція „Восхода".—Поворотъ къ идеѣ національнаго возрожденія.—Итоги.

I. Два идеала направляли еврейскую журналистику въ Россіи съ первыхъ дней ея существованія: 1) *идеалъ просвѣщенія* или новой культуры, 2) *идеалъ эмансипаціи* или гражданскаго равноправія. Идеалъ просвѣщенія („гаскола") руководилъ главнымъ образомъ дѣя-

---

[1]) Эта статья была написана въ концѣ 1899 г., по случаю приближавшагося сорокалѣтія со времени возникновенія новой еврейской журналистики въ Россіи (въ 1860 г. стали выходить въ Одессѣ „Разсвѣтъ" на русскомъ и „Гамелицъ" на еврейскомъ языкѣ, а въ Вильнѣ — „Гакармель" на еврейскомъ языкѣ). Статья была прочитана въ видѣ публичной лекціи, 20 ноября 1899 г., въ Одессѣ, а затѣмъ появилась въ первыхъ №№ возникшаго тогда еженедѣльника „Будущность". Въ настоящей редакціи опущена вступительная глава, имѣвшая только временный интересъ, какъ характеристика состоянія нашей періодической печати въ моментъ составленія статьи. Авторъ имѣлъ въ виду представить здѣсь идейную эволюцію еврейской журналистики на *русскомъ* языкѣ; періодическія изданія на еврейскомъ языкѣ здѣсь затронуты лишь для параллели. О состояніи этой, національной по языку, части нашей періодической литературы авторъ много писалъ въ своихъ ежегодныхъ критическихъ обзорахъ въ „Восходѣ" 1883—1895 г. (въ отдѣлѣ „Литер. Лѣтопись", подъ псевдонимомъ *Критикусъ*).

тельностью журналистовъ, писавшихъ на древнееврейскомъ языкѣ для группы „маскилимъ“ или интеллигенціи стараго покроя, воспитанной на Талмудѣ и раввинской литературѣ. Идеалъ эмансипаціи стоялъ на первомъ планѣ въ изданіяхъ на русскомъ языкѣ, назначенныхъ для новой еврейской интеллигенціи, обладавшей общимъ образованіемъ, и для нѣкоторой части русской публики. Оба эти идеала проводились на первыхъ порахъ въ элементарныхъ, подчасъ даже наивныхъ формахъ, которыя свидѣтельствовали о недостаточной зрѣлости мысли какъ писателей, такъ и публики.

Незрѣлость мысли и примитивность пріемовъ особенно бросаются въ глаза въ первыхъ періодическихъ изданіяхъ на древнееврейскомъ языкѣ. Въ этихъ изданіяхъ выступали тогдашніе „любители просвѣщенія“ съ проповѣдью о полезности общаго образованія и русской грамоты, о возстановленіи еврейскаго языка въ его классическихъ библейскихъ формахъ и т. п. Между проповѣдниками „новыхъ идей“ попадались люди съ солиднымъ умственнымъ развитіемъ и большимъ запасомъ спеціальныхъ знаній, даже учености; но необходимость пропагандировать такія азбучныя истины накладывала печать ограниченности на ихъ литературныя произведенія. Въ такомъ положеніи оказались бы, вѣроятно, ученые китайскіе мандарины при внезапномъ переходѣ къ европейскому образованію. Первый моментъ перехода отъ старой культуры къ новой превращаетъ часто мудрецовъ въ школьниковъ, зрѣлыхъ людей—въ дѣтей съ элементарными понятіями и стремленіями. Любители просвѣщенія или „маскилимъ“ начала 60-хъ годовъ предъявляли къ еврейской литературѣ самыя скромныя требованія. Достаточно указать на то, что появленіе въ концѣ 50-хъ годовъ еврейскаго перевода плохого романа „Тайны Парижа“ Эженя Сю составило эпоху въ тогдашней литературѣ и вызвало восторженные дифирамбы, въ стихахъ и прозѣ, по адресу переводчика К. Шульмана. Тогдашнихъ „маскилимъ“ приводилъ въ восторгъ самый фактъ обновленія еврейскаго литературнаго языка, очищеннаго отъ раввинскихъ варваризмовъ, независимо отъ того, что писалось на этомъ языкѣ. А что писалось на возродившемся языкѣ въ только-что возникшей періодической печати—мы сейчасъ увидимъ.

Возьмемъ для образца первые нумера обоихъ еженедѣльниковъ на еврейскомъ языкѣ, *Гакармеля* и *Гамелица*, въ годъ ихъ возникно-

венія (1860). Обычныхъ вступительныхъ статей, возвѣщающихъ о цѣли и программѣ новорожденныхъ органовъ, тамъ нѣтъ. Вмѣсто руководящей статьи, въ „Гакармелѣ“ на первомъ мѣстѣ помѣщена высокопарная ода нашего Державина, А.-Б. Лебенсона, въ честь „прелестной дочери небесъ“, воскресшей еврейской рѣчи, нисходящей „съ вершины Кармеля“. За стихами слѣдуетъ низкая проза въ формѣ „правительственныхъ распоряженій“ и общеполитическихъ извѣстій, заимствованныхъ изъ „Русскаго Инвалида“ и „Сѣверной Пчелы“. Дальше идутъ некрологъ одного благотворителя и корреспонденція изъ одного городка объ освященіи новой синагоги. Въ научномъ отдѣлѣ напечатана статья, доказывающая посредствомъ многочисленныхъ богословскихъ цитатъ, что іудаизмъ вовсе не проповѣдуетъ ненависти къ другимъ религіямъ и націямъ; а въ видѣ дессерта читателю преподносится пара мелкихъ замѣтокъ, въ которыхъ, по новому способу, толкуются нѣкоторыя малопонятныя выраженія въ Библіи и Талмудѣ. По этому типу составлены всѣ прочіе нумера смиренномудраго „Гакармеля“.

Въ такомъ же духѣ редактировался на первыхъ порахъ и „Гамелицъ“, который лишь позже превратился въ боевой прогрессивный органъ. Вступительную редакціонную статью этого журнала нельзя читать нынѣ безъ улыбки. Это—напыщенная болтовня о смѣнѣ временъ года, о символическомъ значеніи еврейскихъ праздниковъ и еще о какихъ-то вещахъ, не имѣющихъ между собою никакой связи. По формѣ это не столько статья, сколько стилистическій фокусъ: авторъ такъ расположилъ фразы, что въ каждой изъ нихъ встрѣчается названіе одного изъ 50-ти отдѣловъ Пятикнижія, обозначаемое крупнымъ шрифтомъ. Главный редакторъ Цедербаумъ, очевидно, не нашелъ ничего лучшаго для украшенія первыхъ столбцовъ своего изданія, кромѣ этого плохого упражненія въ модной фразеологіи или „мелицѣ“, которому мѣсто въ ученической тетрадкѣ, а не въ передовой статьѣ новаго журнала. Впрочемъ, второй редакторъ „Гамелица“, д-ръ Гольденблюмъ, восполнилъ пробѣлъ, оставленный его сотоварищемъ. Въ статьѣ „Духъ времени и еврейство“, напечатанной вслѣдъ за упомянутой „передовой статьей“ на нѣмецкомъ языкѣ еврейскими литерами (второй редакторъ еврейскаго журнала, очевидно, „не любилъ“ писать по-еврейски), высказывается нѣчто похожее на современную идею. Но какъ безцвѣтна,

истрепана эта идея! Рядъ общихъ мѣстъ, изложенныхъ въ стилѣ старыхъ проповѣдей нѣмецкихъ раввиновъ—вотъ содержаніе статьи Гольденблюма. Смыслъ ея тотъ, что евреи, въ отличіе отъ другихъ древнихъ націй, сохранились и въ разсѣяніи, что они много страдали въ средніе вѣка, но съ конца 18-го вѣка для нихъ „возсіяло солнце свободы". „Въ настоящее время,—кончаетъ свою статью авторъ,—благодаря милости славныхъ и просвѣщенныхъ правителей, духъ времени въ еврействѣ идетъ впередъ... Презираемый нѣкогда еврей нынѣ, *изъ чувства благодарности* за то, что его наравнѣ съ другими привлекли къ участію въ гражданской жизни, не преминетъ доказать свою полезность" и т. д. (сокращенный переводъ, стр. 7—8). Въ этихъ, казенныхъ и благонамѣренныхъ до раболѣпія, фразахъ редакція едва ли проявила больше оригинальности, чѣмъ въ слѣдующихъ за ними перепечаткахъ офиціальныхъ извѣстій... Еще одно стихотвореніе, разумѣется—въ честь древне-еврейскаго языка, „научная" замѣтка о доказательствѣ движанія земли, экзегетическая замѣтка объ одномъ темномъ мѣстѣ въ Талмудѣ, наконецъ нѣсколько строкъ о гиксахъ въ Египтѣ,—и содержаніе перваго нумера исчерпано. Остальные нумера болѣе или менѣе подходятъ подъ этотъ типъ. Видное мѣсто занимаютъ въ нихъ также популярныя статьи по естественнымъ наукамъ, бывшія въ модѣ въ 60-хъ годахъ; рѣже встрѣчаются статьи историческаго содержанія, носящія здѣсь характеръ школьныхъ поученій. Вообще, все это больше похоже на хрестоматію или сборникъ статей для юношества, чѣмъ на журналъ, выражающій общественное мнѣніе русскихъ евреевъ.

При виленскомъ журналѣ „Гакармель" издавалось еще приложеніе на русскомъ языкѣ. Редакція этого листка въ первой передовой статьѣ объявила, что будетъ „служить прогрессу нашихъ единовѣрцевъ, подготовлять ихъ самихъ къ пониманію своего положенія въ обществѣ и доставлять сочувствующей русской публикѣ вѣрныя понятія о достоинствахъ, недостаткахъ и нуждахъ евреевъ". Она обѣщала „говорить уму и сердцу нашихъ собратовъ о требованіяхъ современности и о согласованіи ихъ съ основными началами нашей религіи". (Приложеніе къ „Гакармелю", отъ 14 іюня 1860 г.). Всѣ эти обѣщанія исполнялись въ русскомъ отдѣлѣ „Гакармеля" такъ же плохо, какъ и въ еврейскомъ. Въ русскомъ приложеніи помѣщались преимущественно переводы старыхъ

сочиненій (въ родѣ апологіи Іосифа Флавія „Противъ Аніона"), субботнія проповѣди преподавателей виленскаго Раввинскаго училища и наиболѣе „удачныя" ученическія работы воспитанниковъ этого училища. Послѣдній пунктъ предусмотрѣнъ даже въ официально утвержденной программѣ изданія, гдѣ говорится: „Въ число таковыхъ статей будутъ приняты, *для поощренія юношества*, и труды воспитанниковъ раввинскаго училища" (ibid, стр. 3). Впрочемъ, скудость содержанія „Гакармеля" объясняется и тогдашними цензурными условіями. Въ упомянутой официальной программѣ редакціи журнала разрѣшалось воспроизводить правительственныя распоряженія, „но безъ всякихъ толкованій и разсужденій къ онымъ со стороны издателя". Нужно ли говорить, что опасенія правительства насчетъ благонамѣренности „толкованій и разсужденій" смиренной виленской редакціи были крайне преувеличены?...

Гораздо выше по своему направленію и литературнымъ пріемамъ стоялъ первый еврейскій органъ на русскомъ языкѣ, *Разсвѣтъ*, издававшійся О. А. Рабиновичемъ въ Одессѣ. Главный сотрудникъ этого журнала, Л. О. Леванда, такъ характеризуетъ предположенное направленіе „Разсвѣта": „Рѣшено было дѣйствовать оборонительно и наступательно: *оборонительно* противъ нападокъ извнѣ, когда дѣло идетъ о защитѣ нашихъ человѣческихъ и конфессіональныхъ интересовъ, а *наступательно* противъ нашего внутренняго врага—мракобѣсія, рутины, общинныхъ неурядицъ, нашихъ племенныхъ пороковъ и слабостей" [1]). Въ такомъ же духѣ, но въ болѣе мягкой формѣ, высказалась редакція о своихъ задачахъ въ опубликованной программѣ „Разсвѣта". На первомъ планѣ стоялъ идеалъ равноправія или эмансипаціи, проводимый путемъ *апологіи*; на второмъ планѣ—идеалъ просвѣщенія и новой культуры, проводимый путемъ *обличенія*. Какъ же осуществлялась эта широкая программа въ дѣйствительности?

Читая передовыя статьи въ первыхъ нумерахъ „Разсвѣта", можно было бы подумать, что редакція, добровольно или вынужденно, рѣшила сдѣлать свой журналъ органомъ мѣстныхъ, одесскихъ интересовъ. Первый органъ русскихъ евреевъ открывается рядомъ статей объ избраніи новаго раввина въ Одессѣ, о его сторонникахъ и противникахъ, о нравахъ одесскаго

[1]) „Къ исторіи возникновенія перваго органа русскихъ евреевъ", — *Восходъ*, 1881, кн. VI, стр. 142.

еврейскаго населенія и т. п. (№№ 1—3 „Разсвѣта“ 1860 г.). Въ да
нѣйшихъ нумерахъ редакція затрагиваетъ и общіе вопросы, но преи
щественно практическаго свойства, какъ напримѣръ вопросы о раввина
школѣ, земледѣліи. Теоретическія воззрѣнія на еврейскій вопросъ и
внутреннюю еврейскую жизнь можно найти лишь въ немногихъ ред
ціонныхъ статьяхъ, преимущественно въ „Обозрѣніяхъ иностран
еврейской журналистики“. Эти воззрѣнія сводятся къ простой мы
что русскіе евреи должны итти по стопамъ своихъ западныхъ братье
а русское правительство должно эмансипировать своихъ евреевъ по
падному образцу. Защита еврейства противъ всякаго рода обвиненій за
маетъ, конечно, въ журналѣ видное мѣсто. Редакторъ О. Рабиновичъ
сказалъ однажды смѣлую для того времени мысль: „Мы несогласны
тѣми, которые связываютъ вопросъ нашего нравственнаго перерожде
съ вопросомъ о нашей эмансипаціи. Совершенствоваться и освобождат
отъ всего дурного должны мы совсѣмъ не для достиженія полноправно
гражданской,—на нее можемъ мы разсчитывать, несмотря на всѣ на
слабости и недостатки, въ силу одной принадлежности нашей къ об
семьѣ человѣческой; но мы должны совершенствоваться изъ подража
Высшему Совершенству и изъ одной любви къ Нему“ (№ 6, стр. 8
Однако, ни сотрудники „Разсвѣта“, ни даже самъ редакторъ не сум
удержаться на высотѣ этого этическаго принципа въ то время, ко
повсюду господствовало убѣжденіе, что евреи должны *заслужить* рав
правіе, какъ милость, которая даруется за особыя цивическія добро
тели. Въ тогдашнихъ апологетическихъ статьяхъ еврейскихъ писате
слишкомъ часто прорываются просительныя нотки. Литературные адвока
еврейства защищали своихъ кліентовъ, главнымъ образомъ, ссылками
„смягчающія вину обстоятельства“. Обличительныя статьи „Разсвѣт
направленныя противъ внутреннихъ недостатковъ еврейской массы, та
отличались большою сдержанностью. Первая обличительная статья, прина
лежавшая перу Л. Леванды („Нѣсколько словъ о евреяхъ западн
края“, № 1), вызвала такую массу протестовъ со стороны публики, ч
редакція должна была съ этимъ считаться. Большая часть читающ
публики держалась того взгляда, что еврейскій журналъ на русско
языкѣ призванъ только защищать интересы евреевъ передъ русски
обществомъ и правительствомъ; обличать же внутренніе недостатки евр

евъ можно съ большею пользою „у себя дома“, въ спеціальныхъ изданіяхъ на еврейскомъ языкѣ. Къ этому утилитарному взгляду стала, повидимому, склоняться и редакція „Разсвѣта“. Но юному журналу не суждено было долго существовать. Стѣсненный жестокими цензурными условіями и не встрѣтивъ достаточнаго сочувствія среди читающей публики, тогда еще малочисленной, „Разсвѣтъ“ прекратилъ свое существованіе, спустя годъ послѣ своего возникновенія.

Тутъ, однако, были повинны не только „внѣшнія условія“. Были и болѣе глубокія причины, мѣшавшія широкому развитію еврейской публицистики. Еврейское общество въ Россіи находилось тогда въ состояніи неопредѣленности и выжиданія. Принято думать, что начало 60-хъ годовъ было въ жизни русскихъ евреевъ эпохою кипучей *общественной дѣятельности*; это мнѣніе ошибочно. Въ извѣстныхъ слояхъ народа совершался духовный переворотъ, пересмотръ ортодоксальнаго міросозерцанія; но въ общественной и гражданской жизни не было замѣтнаго движенія. Нѣкоторыя благопріятныя евреямъ мѣропріятія правительства вселяли, конечно, надежду на лучшее будущее; но только надеждами да упованіями дѣло и ограничивалось. Это выжиданіе „милостей свыше“ сковывало энергію и самодѣятельность еврейскаго общества, парализовало литературу. Другая причина, отнимавшая у юной журналистики силу и оригинальность, заключалась въ томъ, что она имѣла передъ собою готовую модель. Жизнь западныхъ евреевъ, особенно нѣмецкихъ, казалась большинству тогдашнихъ нашихъ дѣятелей наилучшимъ образцомъ для подражанія,—причемъ упускались изъ виду и различія культурныхъ условій на западѣ и востокѣ, и недостатки самой нѣмецко-еврейской культуры. Неопредѣленное *выжиданіе* въ области гражданской эмансипаціи и *готовая модель* въ области культурнаго возрожденія—вотъ два обстоятельства, задерживавшія нашу самодѣятельность въ ту эпоху „пробужденія“. Терпѣливо *ждать* и послушно *подражать* — незавидная доля для народа, возрождающагося къ новой жизни, ищущаго исхода своей проснувшейся энергіи.

Недостатокъ свободы и простора былъ одною изъ причинъ гибели „Разсвѣта“. Его преемникъ „Сіонъ“, примѣняясь къ внѣшнимъ условіямъ, сузилъ свои задачи въ области публицистики и расширилъ ихъ въ

области исторіи и науки. Въ своей первой, програмной статьѣ редакц
писала:

„Если *Разсвѣтъ* успѣлъ расшевелить покоившихся въ сладкомъ сам
забвеніи соплеменниковъ нашего отечества, если онъ успѣлъ поставить мно
жизненныхъ вопросовъ, — то *Сіону* предстоитъ едва ли не болѣе трудная за
дача: отвѣчать на поставленные вопросы, направлять общее движеніе народ
къ разумной цѣли и указывать на пути, прямѣе всѣхъ къ ней ведущіе. От
насъ требуютъ раскрытія богатой сокровищницы нашего многовѣковы
внутренняго развитія и нашей двухтысячелѣтней письменности, пояснені
нашей исторіи вообще и въ предѣлахъ русскаго царства въ особенност
Мы обязаны будемъ отмѣчать всѣ проявленія нашей общественной жизн
слѣдить за ходомъ нашего гражданскаго развитія и давать имъ безпристр
стную оцѣнку. Намъ нерѣдко придется выступать противъ множества суще
ствующихъ противъ насъ и у насъ предубѣжденій... Въ дѣлѣ нашего гра
жданскаго значенія, такъ сильно насъ занимающемъ, прямая линія не всегд
есть кратчайшая. Никакіе доводы, никакія жалобы, какъ бы справедливы он
ни были, не въ состояніи произвести внезапный переворотъ въ томъ образ
мыслей о насъ, который установился вѣками. Въ этомъ отношеніи ближайше
ознакомленіе *русской публики* съ нашей литературой, съ нашей исторіей, с
нашей внутренней жизнью, со всѣми условіями нашего быта, болѣе способн
смягчить строгое о насъ сужденіе нашихъ противниковъ и обвинителей“ (*Сіон*
№ 1, отъ 7 іюля 1861 г.).

Итакъ, центръ тяжести еврейской апологіи передвинутъ изъ област
современныхъ вопросовъ въ область исторіи и науки. Еженедѣльны
„Сіонъ“ получилъ физіономію солиднаго ежемѣсячнаго журнала. Въ пер
вомъ отдѣлѣ помѣщались историческія и историко-литературныя статьи
а „современная лѣтопись“ была отнесена во второй отдѣлъ. Въ обоих
отдѣлахъ господствовалъ академическій тонъ. Но это академическо
безпристрастіе такъ же мало служило цѣлямъ апологіи, какъ сдержанна
страстность публицистовъ „Разсвѣта“. Ожидаемое „ознакомленіе русско
публики“ съ еврейскою жизнью, „способное смягчить строгое о нас
сужденіе“, оказалось несбыточною мечтою. Интересовавшаяся еврейским
вопросомъ русская публика охотнѣе знакомилась съ нимъ по юдофобским
статьямъ славянофильскаго „Дня“ и украинофильской „Основы“, чѣм
по статьямъ „Сіона“. Публицисты еврейскаго журнала вскорѣ убѣдились
что нельзя ограничиваться спокойными, академическими разсужденіям
въ виду возмутительныхъ пріемовъ юдофобской публицистики, что нужн
отвѣчать рѣзкостями на рѣзкость и негодованіемъ на явную ложь. Н
то, что разрѣшалось Аксаковскому „Дню“, не разрѣшалось „Сіону“

Приходилось глотать обиды—и молчать, или же отвѣчать недомолвками и намеками. „Сіонъ“ не выдержалъ этой цензурной пытки—и погибъ. Въ 43-мъ нумерѣ своего изданія (отъ 27 апрѣля 1862 г.) редакція откровенно заявляетъ: „Встрѣчая особенныя препятствія къ опроверженію неосновательныхъ обвиненій, возводимыхъ нѣкоторыми изъ органовъ русской журналистики на евреевъ и еврейскую религію, а равно къ раскрытію истиннаго духа послѣдней,—редакція „Сіона“ считаетъ своею обязанностью прекратить свое изданіе, до исходатайствованія болѣе обширной программы“.

„Болѣе обширная программа“ оказалась, однако, невозможною не только вслѣдствіе офиціальныхъ трудностей, но и вслѣдствіе ограниченности силъ самихъ еврейскихъ публицистовъ и равнодушія нарождавшейся новой интеллигенціи. Цѣль апологіи не достигалась въ силу внѣшнихъ препятствій, а цѣль „самопознанія“ оказалась несвоевременною въ эпоху, когда еврейская молодежь устремилась къ общему образованію и, если искала самопознанія, то въ источникахъ, лежащихъ далеко за предѣлами еврейства...

II. На семь лѣтъ (1862—69) прекратилось существованіе еврейской журналистики на русскомъ языкѣ. Много перемѣнъ совершилось за это время во внутренней жизни евреевъ. Общерусское образованіе съ необычайною быстротою распространялось среди евреевъ; смиреннаго „маскила“ опередилъ обрусѣвшій еврейскій интеллигентъ. Борьба новаго поколѣнія со старымъ была въ полномъ разгарѣ, и побѣда видимо клонилась на сторону новаго. Смиренномудрыя проповѣди о полезности „просвѣщенія“, украшавшія столбцы журналовъ на еврейскомъ языкѣ въ началѣ 60-хъ годовъ, скоро смѣнились боевыми кликами, отголосками достопамятной борьбы „отцовъ и дѣтей“. „Гамелицъ“, который въ началѣ своей карьеры, какъ мы видѣли, пробавлялся „мелицою“ и невинными школьными упражненіями, превратился спустя нѣсколько лѣтъ въ живой обличительный органъ. Сначала онъ въ корреспонденціяхъ и сатирическихъ статьяхъ обличалъ темноту и суевѣріе хасидовъ и подвиги цадиковъ, а потомъ добрался и до болѣе смѣлой критики вѣковыхъ основъ раввинизма. Въ этой критикѣ старыхъ религіозныхъ системъ было много поверхностнаго, фельетоннаго, но именно поэтому

она дѣйствовала разжигающимъ образомъ на умы узниковъ гетто. Въ томъ же духѣ, но съ большимъ талантомъ, началъ дѣйствовать въ 1869 году ежемѣсячный журналъ П. Смоленскаго *Гашахаръ* (Заря). Новый журналъ, имѣвшій громадное вліяніе на провинціальную еврейскую молодежь 70-хъ годовъ, поставилъ себѣ главною задачею „борьбу съ фанатизмомъ и мракобѣсіемъ внутри еврейства". Эту идею „Гашахаръ" настойчиво проводилъ и въ своей публицистикѣ, и въ тенденціозной беллетристикѣ. Другая цѣль журнала состояла въ борьбѣ противъ возникшаго въ обрусѣвшей группѣ интеллигенціи индиферентизма ко всему еврейскому; но этой борьбѣ былъ посвященъ преимущественно позднѣйшій періодъ дѣятельности Смоленскаго.

Въ то время, какъ одинъ изъ идеаловъ новой журналистики—идеалъ просвѣщенія осуществлялся быстро и переходилъ уже отъ обороны къ наступленію, другой идеалъ—гражданской эмансипаціи—нисколько не подвинулся впередъ на практикѣ съ начала 60-хъ годовъ. Благодушное „ожиданіе" равноправія въ „эпоху великихъ реформъ" смѣнилось, послѣ цѣлаго ряда разочарованій, болѣе трезвымъ взглядомъ на вещи. Перестали ожидать скорой эмансипаціи въ видѣ милостиваго дара свыше и рѣшили, что къ этой цѣли надо подвигаться путемъ активной, хотя и медленной, идейной пропаганды. Ослабленіе благодушія повело къ усиленію самодѣятельности. Эта самодѣятельность была основана на западно-еврейскомъ принципѣ, который все шире прокладывалъ себѣ путь въ верхнихъ слояхъ русско-еврейскаго общества: на *принципъ ассимиляціи*. Нужно руссифицировать евреевъ во всѣхъ сферахъ культурной жизни—и эмансипація придетъ сама собой, ибо евреи будутъ тогда составлять не обособленный элементъ, а какъ бы органическую часть русскаго народа. Равноправность, въ которой отказывали *евреямъ*, будетъ безъ спора предоставлена „русскимъ еврейскаго исповѣданія". Эта теорія поддерживалась и примѣромъ „просвѣщеннаго Запада", и всѣмъ строемъ жизни новоявленной русско-еврейской интеллигенціи, среди которой все болѣе утрачивались національные идеалы еврейства, уступая мѣсто либо космополитическимъ, либо національно-русскимъ стремленіямъ. Еще въ 1862 г. одинъ изъ выдающихся еврейскихъ юристовъ, возражая на юдофобскія выходки Аксаковскаго „Дня", писалъ: „Русскому народу надо поглотить русскихъ евреевъ, а евреямъ

необходимо сбросить съ себя эту quasi-національную шелуху, этотъ наростъ, привитый вѣками униженія и рабства. Русскимъ евреямъ необходимо переродиться въ *русскихъ еврейскаго исповѣданія*—въ этомъ вся задача. Въ этомъ, и только въ этомъ, смыслѣ еврейскій вопросъ есть вопросъ національности" [1]). Здѣсь идея „сліянія" выступаетъ во всей своей безобразной наготѣ; но въ этой ли крайней, или въ умѣренной формѣ идея ассимиляціи, которая въ началѣ 60-хъ годовъ бродила только въ немногихъ „передовыхъ умахъ", стала къ концу того же десятилѣтія лозунгомъ большинства нашей интеллигенціи, воспитанной или перевоспитавшейся въ русскихъ школахъ. Отрицательный идеалъ національной капитуляціи, сочетавшись съ положительнымъ гражданскимъ идеаломъ *борьбы за право*, легъ въ основу публицистической дѣятельности новаго органа русскихъ евреевъ—*„Дня"*, издававшагося въ Одессѣ съ 1869 по 1871 годъ. Редакція „Дня" довольно ясно опредѣлила свое направленіе въ особой статьѣ, разосланной въ видѣ проспекта (апрѣль 1869).

„Еврейскій вопросъ—говорится тамъ—*не религіозный*, какъ наивно полагаютъ одни, *и не національный*, какъ неосновательно полагаютъ другіе, — а *общественный, экономическій*. Соотвѣтствуютъ ли еврейскія религіозныя ученія современнымъ ученіямъ о благѣ, нравственности и добрѣ нашихъ новѣйшихъ моралистовъ, или нѣтъ,—но ихъ оставляли бы въ покоѣ, если бы нравственная (?) физіономія нашего еврейскаго населенія вообще представлялась *русскому обществу* удовлетворительной. Тоже самое слѣдуетъ сказать и объ еврейской національности. Не славное историческое прошедшее евреевъ и не завѣтное, пророческое ихъ будущее занимаетъ общественное мнѣніе,—а тѣ цѣли и стремленія, которыя преслѣдуются евреями теперь, то общественное и гражданское положеніе, которое евреи готовятся занять въ самомъ близкомъ будущемъ... Намъ, поэтому, необходимо опредѣлить тѣ соціальныя и экономическія условія, при которыхъ *интересы нашего еврейскаго населенія совершенно сольются съ интересами прочихъ гражданъ*, когда цѣли и стремленія однихъ и другихъ будутъ находиться въ полномъ созвучіи и перестанутъ идти въ разрѣзъ другъ другу".

Далѣе редакція упоминаетъ о другой своей задачѣ: „оградить евреевъ и еврейство отъ того безапелляціоннаго суда, которому ихъ подвергала наша (т. е. русская) печать, въ особенности въ послѣднее

---

[1]) Статья „Еврейскій вопросъ и интересы Россіи", опубликованная по нѣкоторымъ причинамъ гораздо позже, въ V томѣ „Еврейской Библіотеки" 1875, отд. II, стр. 45.

время, когда каждый изъ литературныхъ кружковъ позволялъ себѣ ad libitum насиловать и уродовать факты и явленія изъ общественной жизни евреевъ, чтобы искуственно подогнать ихъ подъ узкія мѣрки сословныхъ страстишекъ и мелочныхъ разсчетовъ". Редакція выражаетъ надежду (которая кажется довольно наивной въ наше время), что „съ появленіемъ спеціальнаго журнала, посвященнаго разрѣшенію еврейскаго вопроса, *исчезнутъ* изъ печати невѣжество, легкомысліе и ложь, которыя прежде зачастую примѣнялись къ евреямъ". Она обѣщаетъ „стараться заслужить довѣріе *какъ русской, такъ и еврейской публики, интересы которыхъ для насъ одинаково дороги*, тѣмъ болѣе, что интересы эти не только не исключаютъ другъ друга, но, напротивъ, вполнѣ совмѣстимы".

Итакъ, борьба за равноправіе тѣсно связана въ новой программѣ съ идеей ассимиляціи. Нужно только убѣдить и еврейское, и русское общество, что ихъ интересы во всемъ совпадаютъ—и тогда само собою придетъ равноправіе. Свободолюбивые публицисты не чувствовали тутъ внутренняго противорѣчія: они отстаивали равноправіе путемъ принципіальнаго утвержденія неравенства. Что означало „сліяніе интересовъ еврейскихъ и русскихъ", какъ не то, что евреи должны пожертвовать своими національными идеалами тамъ, гдѣ послѣдніе сталкиваются съ русскими предразсудками? Но въ такомъ случаѣ возводится въ принципъ, что всякая національная группа въ государствѣ можетъ пользоваться равноправностью лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобы ея интересы вполнѣ подчинялись интересамъ господствующей націи, защищаемымъ крѣпкой рукой правительства. И это именовалось на тогдашнемъ языкѣ „борьбою за равноправіе"!.. Тутъ скрывалось или *психологическое* заблужденіе, состоявшее въ предположеніи, что евреи *могутъ* обезличиться и отождествить всѣ свои народные интересы съ выгодами господствующей націи, или еще болѣе опасное *этическое* заблужденіе, состоящее въ томъ, что евреи *должны* это дѣлать ради своей ближайшей матеріальной выгоды.

Тогдашніе публицисты не замѣчали этого рокового противорѣчія въ ихъ идеалѣ. Столбцы „Дня" пестрѣли терминами: „обрусѣніе", „сліяніе", „образованіе евреевъ въ русскомъ духѣ" и т. п. Съ этими боевыми лозунгами еврейскій журналъ обращался не столько къ еврейской, сколько

къ русской публикѣ, въ пріятномъ заблужденіи, что послѣдняя читаетъ „День“ и что она отъ такихъ прекрасныхъ, льстящихъ ея самолюбію, словъ придетъ въ умиленіе и признаетъ необходимость нашей равноправности. Правда, что, взывая къ чувству справедливости лучшей части русскаго общества, „День“ въ то же время велъ безпощадную войну съ юдофобскими элементами русской печати. Тутъ онъ былъ, насколько позволяла цензура, смѣлъ и отваженъ; въ его публицистическихъ пріемахъ не было робости и смиренія первыхъ органовъ русско-еврейской прессы. Апологія здѣсь часто переходитъ въ полемику. Принципъ самодѣятельности выступаетъ рѣзче и опредѣленнѣе. *Ожиданіе* равноправія уступаетъ мѣсто открытой *борьбѣ* за право. Но въ этой борьбѣ былъ уже элементъ торга, компромисса: за равноправіе платили „сліяніемъ“. Не въ еврейской средѣ, а внѣ ея продолжала наша публицистика искать своей опоры. И что же? Двухлѣтняя дѣятельность „Дня“ могла убѣдить нашихъ публицистовъ, что этотъ методъ и въ новомъ своемъ видѣ не приводитъ къ цѣли. Чѣмъ больше работали они, тѣмъ сложнѣе становилась борьба съ юдофобіей въ русской прессѣ и въ русскомъ обществѣ. Они могли убѣдиться, что слишкомъ поспѣшно отнесли еврейскій вопросъ къ числу временныхъ соціально-экономическихъ вопросовъ, отнявъ у него національный характеръ. На предложеніе „Дня“ о „сліяніи интересовъ“ русскаго и еврейскаго общества получился страшный отвѣтъ на мѣстѣ изданія журнала: одесскій погромъ 1871 г.,—это первое облачко въ ясный день нашей исторіи, отдѣленный десятилѣтнимъ промежуткомъ отъ черныхъ дней послѣдней четверти вѣка. Самъ журналъ палъ жертвою тѣхъ полицейскихъ репрессій, которыя были связаны съ этимъ погромомъ... Съ прекращеніемъ „Дня“ еврейская журналистика на русскомъ языкѣ снова упразднилась до лучшаго или, какъ потомъ оказалось, до худшаго времени.

III. Развитіе ассимиляціонной идеи въ еврейскомъ обществѣ достигло своей высшей точки въ 70-хъ годахъ. Была пора, когда мечта о полномъ сліяніи еврейскихъ идеаловъ и интересовъ съ русскими казалась живою реальностью. Участіе еврейской учащейся молодежи во всѣхъ умственныхъ и соціальныхъ движеніяхъ русской молодежи, не исключая и революціонныхъ, казалось какъ бы прообразомъ будущаго общенія еврейскаго народа съ русскимъ. Но это былъ миражъ, самообманъ. Вре-

менное общеніе было куплено цѣною полнаго отреченія еврейской молодежи отъ идеаловъ и насущныхъ интересовъ ея собственнаго народа; это было не общеніе, а полное подчиненіе себя другому элементу. То было время, когда еврейскій юноша и еврейская дѣвушка, никогда деревни не видавшіе, проливали надъ строфами Некрасова слезы о тяжкой долѣ русскаго крестьянина, не замѣчая гораздо худшихъ страданій своего брата, живущаго впроголодь, унижаемаго и гонимаго еврейскаго труженика—рабочаго, ремесленника, мелкаго торговца. Многіе считали даже излишнимъ обсуждать въ спеціальной литературѣ еврейскій вопросъ, еврейскіе интересы, ибо еврейскіе интересы, по ихъ убѣжденію, поглощались русскими, а еврейская литература—русскою... Одинъ изъ тогдашнихъ, повидимому умѣренныхъ, ассимиляторовъ отмѣчаетъ эту эпидемію обрусѣнія въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Среди еврейской интеллигенціи все чаще и чаще встрѣчается отрицательное отношеніе къ еврейскому дѣлу, въ различныхъ формахъ и степеняхъ. Отрицателей этихъ можно раздѣлить на три группы: одни, стоящіе наиболѣе близко къ еврейству, отрицаютъ лишь необходимость и цѣлесообразность спеціальной разработки еврейскаго вопроса. По ихъ мнѣнію, евреямъ слѣдуетъ избѣгать изолированія даже въ литературѣ, а нужно вести свою пропаганду и проводить свои воззрѣнія въ общерусской литературѣ. Другіе идутъ еще дальше: они совершенно отрицаютъ существованіе еврейскаго вопроса, какъ чего-то самостоятельнаго. По ихъ мнѣнію, весь еврейскій вопросъ есть лишь частный случай нѣкоторыхъ общерусскихъ государственныхъ и культурныхъ вопросовъ, и долженъ потому разрабатываться въ этомъ смыслѣ... Наконецъ, наиболѣе радикальные отрицатели еврейскаго вопроса доходятъ, въ своемъ отрицаніи, до полнаго игнорированія еврейства, какъ культурной, національной и исторической единицы. Идеалъ этихъ господъ заключается въ полномъ этнографическомъ сліяніи еврейскаго съ русскимъ народомъ, а лучшимъ, средствомъ для этой цѣли они считаютъ игнорированіе всего спеціально-еврейскаго, какъ будто еврейскій вопросъ можно убить однимъ молчаніемъ такъ сказать—промолчать его“ [1]).

Подобные отрицательные взгляды считались въ 70-хъ годахъ признакомъ свободомыслія и гражданскаго мужества. Теперь мы ихъ оцѣниваемъ по достоинству и видимъ въ нихъ проявленіе духовнаго рабства и гражданской трусости. Но тогда болѣе серьезно мыслящіе представители еврейской интеллигенціи видѣли въ этомъ только практиче-

[1]) *Существуетъ ли еврейскій вопросъ?* Ис. Оршанскаго. *Разсвѣтъ*, 1879 стр. 55.

скую опасность: ростъ индиферентизма къ еврейскому народному дѣлу. И они стали искать способовъ ослабленія индиферентизма. Возобновившаяся въ русской печати, послѣ войны 1877 года, юдофобская агитація также послужила импульсомъ къ соединенію нѣкоторыхъ интеллигентныхъ силъ вокругъ брошеннаго еврейскаго знамени. Результатомъ всѣхъ этихъ внутреннихъ и внѣшнихъ толчковъ явилось возобновленіе русско-еврейской журналистики, въ лицѣ двухъ органовъ—*Русскаго Еврея* и *Разсвѣта*, издававшихся съ осени 1879 года въ Петербургѣ.

По своему направленію, оба новыя изданія въ первые годы стояли на точкѣ зрѣнія умѣренной ассимиляціи. Редакція „Русскаго Еврея“ заявила, что главная цѣль этого журнала—„способствовать взаимному сближенію евреевъ съ русскими“ и что она смотритъ на евреевъ, какъ на „русскихъ подданныхъ еврейскаго *происхожденія*, іудейскаго вѣроисповѣданія“ (*Р. Е.*, 1879, № 2, перед. ст.). Эта многословная формула могла бы быть замѣнена болѣе короткою и вѣрною: „русскіе подданные еврейской національности“; но терминъ „еврейская національность“ былъ тогда nomen odiosum для еврейскихъ публицистовъ, трепетавшихъ передъ обвиненіемъ въ сепаратизмѣ. Вообще, *апологія* занимала въ программѣ „Русскаго Еврея“ одно изъ первыхъ мѣстъ. Это была апологія благонамѣренная, стремившаяся доказать гражданскую лойальность русскихъ евреевъ и несправедливость направленныхъ противъ нихъ обвиненій. Сходясь въ этомъ отношеніи съ первыми одесскими изданіями, „Русскій Еврей“ выгодно отличался отъ нихъ только тѣмъ, что удѣлялъ больше мѣста внутреннимъ вопросамъ еврейской жизни. Но и тутъ замѣчались излишняя нерѣшительность и робость. Обсуждая наши внутреннія дѣла, публицисты „Русскаго Еврея“ постоянно какъ бы озирались кругомъ, опасаясь, не слышитъ ли ихъ „врагъ“ и не воспользуется ли онъ нашимъ самообличеніемъ для своихъ коварныхъ цѣлей.

Болѣе смѣлый и независимый тонъ преобладалъ въ новомъ „Разсвѣтѣ“. Объявивъ свое изданіе „органомъ нуждъ и потребностей русскихъ евреевъ“ (№ 1), редакція „Разсвѣта“ стала на практически вѣрную точку зрѣнія: что еврейскій органъ печати долженъ говорить *съ евреями*, а не только *за евреевъ*. Вотъ почему „Разсвѣтъ“ смѣлѣе и откровеннѣе говорилъ о нашихъ внутреннихъ недостаткахъ и предлагалъ болѣе

радикальныя средства къ ихъ исправленію. Поднятіе культурнаго и экономическаго уровня русскихъ евреевъ не только путемъ законодательныхъ мѣръ, но и путемъ *самопомощи* народа—вотъ новая идея, зародившаяся въ русско-еврейской публицистикѣ того времени. Еврейская интеллигенція призывалась на работу въ пользу *своего* народа. Этотъ призывъ казался столь смѣлымъ при господствовавшемъ тогда духѣ ассимиляціи, что редакція „Разсвѣта“ сочла нужнымъ въ своей вступительной статьѣ оговориться слѣдующимъ образомъ:

„Мы надѣемся и увѣрены, что они (представители еврейской интеллигенціи) откликнутся на нашъ зовъ и присоединятся къ намъ, что они не будутъ щадить ни силъ, ни труда, необходимыхъ для пробужденія громадной массы русскихъ евреевъ отъ умственной спячки и для спасенія ихъ отъ безвыходнаго матеріальнаго положенія. Этого требуетъ не только благо русскихъ евреевъ, этого требуетъ и благо Россіи. Удѣляя свое время на удовлетвореніе нуждъ и потребностей русскихъ евреевъ, интеллигентная часть ихъ этимъ не выдѣляетъ себя изъ среды русскихъ гражданъ. Она исполняетъ лишь то дѣло, которое лежитъ на обязанности русскаго гражданина вообще“ (ibid).

Итакъ, еврейской интеллигенціи приходилось доказывать, что, служа интересамъ еврейства, она отнюдь не нарушаетъ своего гражданскаго долга по отношенію къ русскому отечеству. Это значило, что долгъ еврея по отношенію къ государству, гдѣ онъ живетъ, былъ для всѣхъ безспоренъ; долгъ же еврея по отношенію къ собственному народу не былъ еще всѣми признанъ и оправдывался лишь настолько, насколько онъ косвенно ведетъ къ исполненію перваго, безспорнаго долга. Естественное чувство любви къ своему народу надо было оправдывать соображеніями государственной пользы; внутренній, святой долгъ, глубоко коренящійся въ нашей *нравственной* природѣ, нуждался въ верховной санкціи внѣшняго *юридическаго* долга. Значительной части нашей интеллигенціи приходилось доказывать, что она имѣетъ *право* дѣлать то, что составляетъ ея *обязанность*.

Тутъ вспоминается грустное замѣчаніе Монтескье: „Если вамъ приходится *доказывать* кому нибудь такія простыя вещи, то будьте увѣрены, что вы ихъ никогда не докажете“. Не думаю, однако, чтобы это пессимистическое предсказаніе вполнѣ оправдалось и въ нашемъ дѣлѣ. Теорія ассимиляціи должна была въ своемъ стремительномъ бѣгѣ дойти до точки „абсурда“—и тогда проявилась бы естественная реакція

подавленнаго ею національнаго сознанія, раздался бы протестъ поруганной и обезцвѣченной народной личности. Но это былъ бы очень длинный путь, и долго пришлось бы еще нашей литературѣ бороться за идеалъ народнаго самосознанія, прежде чѣмъ достигнуть побѣды... Тогда въ дѣло вдругъ вмѣшалась сама жизнь. Она выдвинула гораздо болѣе убѣдительныя доказательства, чѣмъ литература. То были сильныя, *бьющія* доказательства: началась эпоха погромовъ (1881 г.).

Въ еврейской журналистикѣ водворился хаосъ. На первыхъ порахъ какъ будто всѣ понятія перепутались. Новые голоса смѣшались со старыми, иногда совсѣмъ старыми, которые не слышались въ нашей публицистикѣ съ момента ея возникновенія. Тутъ были и подавленные вздохи разочарованныхъ ассимиляторовъ, и первый рѣзкій крикъ новорожденнаго націонализма, призывъ прежнихъ бойцовъ къ продолженію прерванной прогрессивной работы, и странные голоса, звавшіе „домой“, назадъ, въ темную глубь стараго міросозерцанія. Надъ всѣмъ этимъ хаосомъ идей витала одна идея, выдвинутая горькою дѣйствительностью: *идея перемѣщенія центра*. Съ начавшейся массовой эмиграціей евреевъ изъ Россіи связывались различныя надежды и упованія: одни мечтали о свободѣ и общечеловѣческомъ прогрессѣ въ свободной республикѣ за океаномъ; другіе грезили о возрожденіи и національной культурѣ на берегахъ родного Іордана. Эти „вѣрующіе“ были по своему счастливы: они заблаговременно выбрались изъ тонущаго корабля и плыли—или воображали, что плывутъ—къ новымъ берегамъ. Но оставались еще многіе, и далеко не послѣдніе, въ рядахъ нашей интеллигенціи, которые не могли съ такимъ легкимъ сердцемъ бросить тонущій корабль—и еще долго оставались на немъ, надѣясь спасти его отъ полнаго крушенія. Они еще долго боролись за прежніе идеалы, они выкрикивали прежніе лозунги подъ шумъ бушевавшей кругомъ разъяренной стихіи; но въ этихъ лозунгахъ звучали уже порою новыя ноты. Внутренняя интенсивная работа мысли дѣлала свое дѣло. Постепенно отбрасывались негодные элементы прежняго міровоззрѣнія, а его здоровыя и вѣчныя начала соединялись съ новымъ—точнѣе, обновленнымъ — идеаломъ, коренящимся въ почвѣ историческаго еврейства. Изъ потонувшаго корабля было вынесено все, что нужно было спасти, все цѣнное, прочное, лучшее, и перемѣщено на „корабль будущаго“. Ев-

рейская національная идея, родившаяся — или воскресшая изъ мертвыхъ—на мостовой разгромленной улицы „черты“, была очищена, взрощена и воспитана въ этихъ сосредоточенныхъ умахъ, которые мужественно вынесли одну изъ самыхъ жестокихъ бурь, когда либо свирѣпствовавшихъ въ нашей тревожной исторической жизни.

Различными путями шли къ этой цѣли органы нашей журналистики. Періодическая печать на еврейскомъ языкѣ первая отразила въ себѣ путаницу идей, которая воцарилась въ умахъ при наступленіи „смутнаго времени“. Идея перемѣщенія центра выразилась въ ней въ формѣ *палестинофильства* („Гашахаръ“ и „Гамелицъ“). Прежнія обличительныя статьи, направленныя противъ хасидской и раввинской ортодоксіи, вдругъ исчезли со столбцовъ еврейскихъ журналовъ. Отголоски борьбы „отцовъ и дѣтей“ умолкли. Послышались голоса примиренія между покинутыми „отцами“ и вернувшимися „дѣтьми“. Много было трогательнаго въ этомъ примиреніи двухъ поколѣній; но часто подъ покровомъ „примиренія“ таились компромиссы усталаго духа, извѣрившагося въ торжество прогресса... Къ боевому палестинофильству примкнулъ внезапно и „Разсвѣтъ“, прежде радикально-прогрессивный органъ (конецъ 1881 г.). Внезапность этого перехода свидѣтельствовала о силѣ вызвавшаго его *внѣшняго* толчка. Это былъ форсированный идейный переходъ, который однако не спасъ журнала. „Разсвѣтъ“ скоро погибъ въ волнахъ бушующаго моря, несмотря на принятый имъ „новый курсъ“ (начало 1883 г.). Онъ могъ бы многое сдѣлать для подъема нашего самосознанія, еслибъ въ немъ идея перемѣщенія центра не подавила основной идеи культурнаго возрожденія націи. Но для этого „Разсвѣту“ нужно было жить дольше, выйти изъ хаоса „смутнаго времени“,—а онъ рано сошелъ со сцены. Немного дольше продержался его сверстникъ—„Русскій Еврей“ (до конца 1884 г.), продержался благодаря своей менѣе стремительной натурѣ, своей „умѣренности“ и значительной долѣ оппортунизма. Не примыкая ни къ одной изъ борющихся партій, онъ понемногу сочувствовалъ каждой. Онъ жилъ тихо и скромно и умеръ также тихо, не оставивъ по себѣ яркаго слѣда въ нашей періодической литературѣ.

Все тяжелое наслѣдіе „смутнаго времени“ досталось *Восходу*, возникшему въ самый моментъ кризиса (1881—82 г.) и оставшемуся

въ теченіе многихъ лѣтъ единственнымъ органомъ евреевъ на русскомъ языкѣ. Въ немъ сосредоточилась умственная энергія той части нашей прогрессивной интеллигенціи, которая безъ боя не хотѣла сдать занятую ею позицію. Въ этой послѣдней цитадели укрѣпились зелоты нашего прогресса и равноправія. Въ первые годы своего существованія „Восходъ“ былъ органомъ нашего внутренняго возмущенія. Никогда еще русскіе евреи не имѣли литературной трибуны, гдѣ съ такою силою выражалось бы негодованіе противъ всевозможныхъ проявленій юдофобіи, противъ физическихъ и нравственныхъ, уличныхъ и законодательныхъ погромовъ, какъ въ публицистикѣ „Восхода“ первой половины 80-хъ годовъ. Скажутъ: „Да что пользы отъ этого негодованія“?—На вѣсахъ лавочника оно, конечно, значенія не имѣетъ, но въ глубокомъ процессѣ жизни такія imponderabilia являются великими движущими силами. Не одно и то же—отвѣчать на обиду безсильнымъ стономъ, постыдной мольбой или воплемъ негодованія. Поддерживать въ гонимыхъ священный гнѣвъ—значитъ поддерживать силу нравственнаго отпора, какъ суррогатъ политическаго. Возмущеніе противъ юдофобіи, какъ *универсальнаго* явленія, можетъ служить для многихъ первымъ этапомъ отъ ассимиляціи къ націонализму. Къ заслугамъ „Восхода“ слѣдуетъ еще причислить и то, что онъ не боялся раскрывать наши собственныя внутреннія язвы; онъ не выпускалъ изъ рукъ знамени „обличенія“ даже въ тѣ ужасные годы, когда обличать недостатки своихъ значило доставлять радость чужимъ, врагамъ. Эта черта мужества отсутствовала въ большинствѣ прежнихъ органовъ русско-еврейской печати. — Но впослѣдствіи, когда броженіе идей въ обществѣ привело къ положительнымъ результатамъ, и яснѣе стали обрисовываться новыя направленія съ ихъ разнообразными оттѣнками, недостаточность *одного* органа печати на русскомъ языкѣ становилась все очевиднѣе. Въ „Восходѣ“, подъ наружнымъ покровомъ одного „общаго“ направленія, перекрещивались и боролись разныя идейныя теченія, вызванныя неизбѣжнымъ процессомъ „дифференціаціи“. Знамя умѣренной ассимиляціи, развѣвавшееся на редакціонныхъ статьяхъ, было уже истрепано и давно могло быть снято съ пользою для изданія. Это знамя развѣвалось на позиціи, почти покинутой бойцами, а рядомъ съ нимъ поднимался новый стягъ, знаменующій поворотъ въ сторону прогрессивно-національнаго направленія.

Но еврейская національная мысль разнообразна въ своихъ проявленіяхъ. Она начинается съ эмпирическаго понятія *народничества*, поднимается до идеи *духовнаго націонализма*, какъ высшаго историческаго синтеза, и, наконецъ, теряется въ крайнихъ направленіяхъ *сіонизма*. Для того, чтобы еврейская журналистика могла отражать въ себѣ всѣ эти разнородныя теченія, необходимо, чтобы она диференцировалась, чтобы каждое направленіе имѣло въ ней свой спеціальный органъ [1]). Ибо организующая сила прессы возможна только при свободномъ проявленіи всѣхъ сторонъ общественной мысли.

* * *

Итакъ, наблюдая движеніе еврейской журналистики въ Россіи въ теченіе послѣдняго сорокалѣтія XIX вѣка, мы замѣчаемъ въ немъ прогрессивное совершенствованіе и руководящихъ идеаловъ, и литературныхъ пріемовъ, внутренняго содержанія и внѣшней формы. Два основныхъ идеала, господствовавшихъ у насъ съ начала шестидесятыхъ годовъ — идеалы просвѣщенія и равноправія — постепенно усложнялись и углублялись. Они утратили расплывчатыя черты младенчества и пріобрѣли характерныя и твердыя черты зрѣлости.

Идеалъ просвѣщенія на нашихъ глазахъ прошелъ фазисы дѣтства и ранней юности. Въ 1860-хъ годахъ наша журналистика должна была доказывать необходимость и полезность общаго образованія, защищать простѣйшія формы европейской культуры и торжественно увѣрять, что новая культура отнюдь не поведетъ къ критикѣ іудаизма. Спустя 10—15 лѣтъ, эта самая журналистика переходитъ отъ обороны къ наступленію; она предводительствуетъ молодымъ поколѣніемъ въ его отчаянной борьбѣ со старымъ; она сначала робко, а потомъ смѣлѣе заговариваетъ о реформѣ средневѣковаго іудаизма; она критикуетъ, обличаетъ недостатки

---

[1]) Въ прессѣ на еврейскомъ языкѣ идейныя направленія были представлены въ то время (1899 г.) весьма односторонне. Ежедневная газета „Гамелицъ“ оставалась органомъ палестинофильства и умѣреннаго сіонизма; ежедневная „Гацефира“ перешла отъ безпартійности къ офиціальному политическому сіонизму въ духѣ „Базельской программы“. Ежемѣсячный журналъ „Гашилоахъ“ — лучшее изъ всѣхъ періодическихъ изданій на еврейскомъ языкѣ — придерживался направленія „духовнаго сіонизма“ своего руководителя, Ахадъ-Гаама.

еврейскаго быта, воюетъ за новыя начала культуры. Постепенно въ ней нарождается крайнее направленіе, проповѣдующее большее или меньшее отреченіе отъ еврейскихъ національныхъ идеаловъ ради „общечеловѣческихъ“ или русскихъ. Этотъ всеразрушающій антитезисъ юности переходитъ, съ 80-хъ годовъ, къ многостороннему синтезу зрѣлости. Мы теперь стремимся къ сочетанію лучшихъ сторонъ общаго и еврейскаго просвѣщенія; мы усваиваемъ европейскую культуру и вмѣстѣ съ тѣмъ желаемъ сохранить все лучшее въ нашей національной культурѣ; мы смѣло критикуемъ іудаизмъ, не боясь его разрушить, ибо вѣримъ въ несокрушимую мощь его высшихъ религіозныхъ и этическихъ идеаловъ. На этотъ новый путь становится и наша журналистика. Нѣкогда она робко отстаивала приближеніе къ общей культурѣ, потомъ она смѣло отрицала существованіе еврейской культуры, теперь она въ идеалѣ просвѣщенія видитъ соединеніе высшихъ началъ общей и еврейской культуръ.

Тѣмъ же путемъ шло развитіе *идеала равноправія*. Сначала наша журналистика ограничивалась пассивнымъ ожиданіемъ гражданскаго равноправія, или, гдѣ было возможно, являлась ходатаемъ за наши права передъ правительствомъ. Тогда въ ней господствовалъ духъ апологіи; доказывалось, что евреи не такъ дурны, какъ о нихъ думаютъ, и что они *заслуживаютъ* гражданскихъ правъ. Позже, съ усиленіемъ правосознанія въ нашей интеллигенціи, на сцену выступилъ болѣе зрѣлый принципъ „борьбы за право“ путемъ печати. Наша публицистика стремилась пріобщить еврейскій вопросъ къ общерусскимъ соціально-экономическимъ вопросамъ и сама смотрѣла на себя какъ на часть русской прессы. Но она была внутренно слаба и неустойчива, ибо точка опоры ея находилась внѣ еврейства; въ ней было *правосознаніе*, но не было *самосознанія*. Она защищала не еврейскую народность, какъ особую культурную единицу, а только еврейскую часть русскаго народа. Въ настоящее время наша борьба за право становится сложнѣе и глубже; она обращена больше внутрь, чѣмъ наружу. Главная цѣль этой борьбы— развить въ еврейскомъ обществѣ *правосознаніе, основанное на самосознаніи*. Наша новая публицистика находится на пути къ отстаиванію не только гражданскихъ, но и національно-культурныхъ правъ евреевъ. Чѣмъ сильнѣе наступаетъ юдофобская армія на еврейство

тѣмъ сильнѣе становится отпоръ послѣдняго во имя своей внутренней свободы. Еврейская публицистика нынѣ, за рѣдкими исключеніями, не признаетъ апологіи; она не охорашивается, чтобы понравиться врагамъ, и не оправдывается, чтобы разжалобить ихъ; она даже не обращается къ нимъ. Если она часто отмѣчаетъ возмутительныя выходки юдофобовъ, то дѣлаетъ это главнымъ образомъ для свѣдѣнія еврейской публики; она даетъ только исходъ накипающему чувству негодованія.

Вообще, мы начинаемъ теперь смотрѣть на еврейскую публицистику не только какъ на боевое орудіе, но и какъ на средство организаціи нашихъ силъ. Мы выражаемъ въ ней, безъ утайки и безъ желанія кому бы то ни было угодить, наши желанія и стремленія, нашу скорбь и надежду; мы призываемъ черезъ нее народъ къ самопомощи, къ самодѣятельности и самосознанію.

Этотъ переворотъ въ мысляхъ и настроеніяхъ, имѣющій безусловно прогрессивный характеръ, сталъ возможенъ именно потому, что мы переходимъ отъ духовной подчиненности къ независимости, отъ стремленія уподобляться другимъ къ стремленію развиваться и совершенствоваться, оставаясь самими собою. Стремленіе къ національному возрожденію является преобладающимъ въ нашей современной литературѣ. Оно присуще всѣмъ еврейскимъ партіямъ, которыя покончили счеты съ ассимиляціей. Въ самомъ чистомъ видѣ оно выражается въ системѣ еврейскаго духовнаго или культурнаго національнаго, который не ограничиваетъ процесса нашего внутренняго возрожденія предѣлами какой-нибудь особой территоріи. Къ идеѣ національнаго возрожденія приходитъ нынѣ наша журналистика, послѣ сорокалѣтнихъ блужданій. И въ жизни, и въ литературѣ будущее принадлежитъ этой идеѣ, въ которой, какъ въ морѣ, сольются всѣ партійные ручьи современности, за исключеніемъ тѣхъ, которые проложили себѣ русла далеко отъ еврейскаго берега...

Ноябрь 1899.

ПИСЬМО ДЕВЯТОЕ.

Раздробленная и объединенная національная партія.

Группировка партій.—Историческія параллели: споръ хасидеевъ съ эллинистами и зелотовъ съ миролюбцами, споръ о самомъ бытіи еврейства и о способахъ его организаціи.—Разнородный составъ группы „сіонистовъ".—Шатаніе мысли (Нордау) и превращеніе сіониста въ ассимилятора (Люблинскій).—Условные націоналисты. — Культурный сіонизмъ. — Пестрый составъ группы „несіонистовъ". — Идеалъ духовной (культурно-автономной) націи есть модернизованный общенародный идеалъ.—Разновидности ассимиляторовъ: космополиты, народники, скрытые, боящіеся націонализма; оппортунисты, колеблющіеся.—Объединеніе національныхъ и выдѣленіе ассимиляціонныхъ элементовъ изъ группъ сіонистовъ и несіонистовъ.—Образованіе объединенной національной партіи.

Въ послѣдніе годы въ еврейской общественной жизни установилась особая группировка партій и направленій, обусловленная отношеніемъ къ идеѣ сіонизма. Дѣленіе на „сіонистовъ" и „несіонистовъ" стремится, повидимому, вытѣснить или по крайней мѣрѣ заслонить всѣ другія распредѣленія общественныхъ силъ. Соотвѣтствуетъ ли эта группировка дѣйствительному положенію вещей? Исчерпываетъ ли она всю сумму основныхъ идейныхъ направленій, борющихся за преобладаніе въ нашемъ обществѣ, или же она—временное явленіе, отражающее не глубокія и основныя теченія нашей соціальной и духовной жизни, а только ея видимую волнующуюся поверхность?

Во всѣ критическіе моменты еврейской исторіи (а къ нимъ безспорно относится и нынѣ переживаемое нами тяжелое время), въ народѣ кипѣла борьба партій и направленій, различно опредѣлявшихъ цѣли или способы нашего народнаго бытія. Хасидеи и эллинисты, затѣмъ фарисеи и цадукеи въ Іудеѣ временъ греко-римскаго владычества, зелоты и миролюбцы эпохи паденія Іерусалима, ортодоксы, раціоналисты и мессіанисты-

мистики среднихъ вѣковъ и новаго времени, хасиды и миснагиды XVIII вѣка, обскуранты и просвѣтители, ортодоксы и реформисты XIX вѣка—всѣ эти партіи и направленія спорили между собою за преобладаніе въ еврейской жизни. Но изъ этихъ споровъ одни касались самаго существа народной жизни, ея внутренняго смысла и постояннаго направленія, а другіе вызывались только чрезвычайными кризисами и потому имѣли временное значеніе. Примѣромъ перваго рода можетъ служить борьба хасидеевъ съ эллинистами, а второго рода—борьба зелотовъ съ миролюбцами. Хасидеи и эллинисты—иначе говоря, націоналисты и ассимиляторы—эпохи маккавейскихъ войнъ расходились между собою въ своихъ отношеніяхъ къ основному вопросу о самобытномъ существованіи еврейства. Хасидеи полагали, что еврейство, не желая раствориться въ языческомъ мірѣ, должно существовать только въ видѣ рѣзко-обособленной культурной и національной единицы; эллинисты же думали, что іудейскій народъ долженъ приспособляться къ греческой культурѣ—идеалу тогдашняго образованнаго міра, хотя бы въ ущербъ своей духовной самобытности. Вопросъ о политическомъ подчиненіи Іудеи греко-сирійской власти разрѣшался каждою изъ этихъ партій въ ея духѣ, но тотъ или другой исходъ политической борьбы не могъ измѣнить основного идейнаго разногласія. Хасидеи остались бы ярыми самобытниками даже въ томъ случаѣ, если бы борьба за независимость не увѣнчалась успѣхомъ (мы это видимъ на примѣрѣ ихъ преемниковъ, фарисеевъ), а эллинисты, какъ извѣстно, не перевелись въ Іудеѣ и послѣ завоеванія независимости (поклонники греческой и потомъ греко-римской культуры при хасмонеяхъ и иродіанцахъ). Принципіальный споръ хасидеевъ съ эллинистами продолжался въ еврействѣ еще много вѣковъ послѣ того, какъ исчезли самыя названія этихъ двухъ партій, ибо это былъ споръ о самомъ бытіи или небытіи еврейства въ качествѣ особой націи, вѣковѣчный споръ націонализма съ ассимиляціей.

Иной характеръ имѣла борьба зелотовъ и миролюбцевъ-фарисеевъ въ эпоху паденія Іудеи. Тутъ обѣ партіи были національно настроены, и споръ между ними шелъ не столько о цѣли, сколько о средствахъ сохраненія еврейской націи. Зелоты думали, что съ прекращеніемъ политической независимости Іудеи, еврейскій народъ непремѣнно погибнетъ и смѣшается съ другими народами; миролюбцы же изъ партіи

фарисеевъ глубоко вѣрили, что евреи могутъ сохранить свою національность и подъ римскимъ владычествомъ, при условіи культурнаго сопротивленія внѣшнимъ вліяніямъ. Первые, поэтому, стремились спасти націю черезъ *государство* и боролись политическимъ оружіемъ; послѣдніе, потерявъ эту надежду, стремились спасти націю черезъ *культуру* и сражались духовнымъ оружіемъ. Между героическими подвигами вождя зелотовъ Іоханана Гисхальскаго и неутомимою дѣятельностью миролюбца-реставратора Іоханана бенъ-Закая была разница только въ *способахъ* національной борьбы, въ методахъ активнаго и пассивнаго сопротивленія давленію Рима. Іохананъ Гисхальскій сумѣлъ славно умереть за свое государство, которое онъ отождествлялъ съ націей, а Іохананъ бенъ-Закай имѣлъ мужество остаться жить для объединенія и укрѣпленія своей націи на развалинахъ государства [1]). Слѣдовательно, споръ между зелотами и миролюбцами шелъ только о возможномъ, а не о желательномъ или должномъ: онъ касался не вопроса—должна ли или не должна существовать еврейская нація, а можетъ или не можетъ она существовать при тѣхъ или другихъ внѣшнихъ условіяхъ.

Споръ хасидеевъ съ эллинистами есть прототипъ современнаго спора націоналистовъ съ ассимиляторами; споръ зелотовъ съ миролюбцами, mutatis mutandis, отразился въ разногласіяхъ нынѣшнихъ національномыслящихъ евреевъ. Сходясь въ основной идеѣ—желательности самобытнаго развитія еврейской націи, сіонисты и націоналисты-автономисты спорятъ лишь о томъ, возможно ли сохранить эту самобытность только въ Сіонѣ (или черезъ Сіонъ), или также въ діаспорѣ,—что въ свою очередь связано съ вопросомъ: достижимъ ли сіонизмъ или нѣтъ и не опасно ли связывать всю судьбу націи съ гадательнымъ идеаломъ...

Таковъ нашъ современный споръ, сведенный къ своимъ чистымъ идейнымъ источникамъ. Однако, если мы, придерживаясь общепринятаго

---

[1]) Представители анти-національной „римской“ партіи, въ родѣ Агриппы II и Береники, могутъ быть причислены къ „миролюбцамъ“ только въ томъ смыслѣ, что они тоже были противъ войны съ Римомъ. Но *мотивы* „миролюбія“ были совершенно противоположны у Агриппы и Бенъ-Закая: первый желалъ мира ради сближенія и сліянія іудеевъ съ римлянами; второй, видя безполезность войны для спасенія государства, отказался отъ нея лишь для того, чтобы посвятить свои силы духовному укрѣпленію еврейскаго народа, какъ главному средству противъ грозившей ассимиляціи (о болѣе сложной, трагической роли Іосифа Флавія здѣсь не мѣсто говорить).

произвольнаго дѣленія на „сіонистовъ“ и „несіонистовъ“, фактически разсмотримъ пестрый *составъ* этихъ двухъ большихъ группъ, то увидимъ въ каждой идейную смѣсь. Мы замѣтимъ, что въ отношеніяхъ къ самой идеѣ національной самобытности между членами различныхъ группъ часто бываетъ больше общаго, чѣмъ между членами одной и той же группы. Точнѣе говоря, элементы націонализма и ассимиляціи перемѣшаны не только среди „несіонистовъ“, но и—horribile dictu—среди сіонистовъ. Это объясняется коренной ошибкой въ классификаціи нашихъ идейныхъ направленій.

Партія сіонистовъ, какъ извѣстно, распадается на нѣсколько фракцій. Существуютъ политическіе, духовные и культурные сіонисты. Среди самихъ политическихъ сіонистовъ, тѣхъ „правовѣрныхъ“, которые признаютъ „базельскую программу“—нѣтъ строгаго единства убѣжденій и дѣйствій. Въ одномъ изъ предыдущихъ писемъ (VII) я уже указалъ на рѣзкія противорѣчія въ писаніяхъ и рѣчахъ одного изъ главнѣйшихъ вождей партіи—Макса Нордау. Въ послѣдніе годы эти колебанія еще усилились. Тотъ самый Нордау, который въ 1898 году, въ своей берлинской рѣчи, воскликнулъ: „Евреи или будутъ стремиться къ Сіону, или ихъ вовсе не будетъ!“—опубликовалъ въ концѣ 1900 г. нашумѣвшую въ прессѣ статью „Политическое равноправіе евреевъ“, въ которой ни единымъ словомъ не обмолвился о перемѣщеніи еврейскаго центра въ Сіонъ. Въ этой статьѣ [1]) Нордау, разсуждая о способахъ сохраненія и укрѣпленія разсѣяннаго еврейства въ странахъ его теперешней осѣдлости, доказываетъ, что евреямъ здѣсь нужны не „политическія“ права, а только „гражданскія“, ибо политическая эмансипація въ Западной Европѣ, полученная евреями путемъ унизительныхъ компромиссовъ, оторвала ихъ отъ ихъ національнаго дѣла, привела къ ассимиляціи и усилила антисемитизмъ [2]).

---

[1]) Переведена въ январьской книжкѣ „Восхода“ 1901 г.

[2]) Критика уже справедливо указывала Нордау на невозможность юридически отдѣлять гражданскія права отъ политическихъ и на то, что политическія права (парламентское представительство, государственная служба) необходимы именно для защиты равноправія гражданскаго. Считаю нужнымъ указать еще на коренную ошибку въ обобщеніи Нордау. Ассимиляція упрочилась среди евреевъ еще до полученія ими политическихъ правъ (Германія, Австрія), а мѣстами она овладѣла частью общества даже до полученія элементарныхъ гражданскихъ правъ (Россія). Политическою эмансипаціей *воспользо-*

Идеалъ Нордау — гражданскі-свободная, внутренно-автономная еврейская община, сохраняющая среди чужихъ народовъ свою національную самобытность, свою культуру и свои учрежденія. Со свойственнымъ ему увлеченіемъ авторъ даже призываетъ къ возвращенію въ „гетто", не въ смыслѣ средневѣковомъ, а въ смыслѣ свободнаго единенія членовъ еврейской общины на почвѣ своихъ партикулярныхъ интересовъ. „Если гетто—говоритъ онъ—означаетъ лишь мѣсто, гдѣ евреи братски живутъ другъ подлѣ друга, потому что они нравятся другъ другу и предпочитаютъ имѣть сосѣдомъ любящее сердце кровнаго родственника, чѣмъ врага; если гетто означаетъ тѣсный союзъ, въ которомъ евреи трудятся другъ съ другомъ и другъ за друга съ цѣлью стать совершенными людьми и гражданами, хорошими, сильными, прекрасными, свободными, гармоническими натурами,—то я скажу: ради всего на свѣтѣ, вернемся въ гетто, и чѣмъ раньше, чѣмъ въ большемъ числѣ, тѣмъ лучше!" [1]).

Тутъ передъ вами выступаетъ, хотя и въ своемъ обычномъ парадоксальномъ уборѣ, Нордау-націоналистъ, глубоко убѣжденный, что національное единеніе и внутренняя общественная автономія возможны для евреевъ и внѣ Сіона, и что къ этой цѣли культурнаго возрожденія въ діаспорѣ должны быть направлены всѣ наши усилія. Значитъ, мыслимъ *активный* еврейскій національнизмъ и безъ политическаго идеала сіонистовъ. Но вотъ что говоритъ тотъ же Нордау, спустя полгода послѣ обнародованія цитированной сейчасъ статьи: „Одинъ только вопросъ о еврейской національности составляетъ тотъ пунктъ, по которому, вѣроятно, никогда невозможно будетъ достигнуть соглашенія между евреями-сіонистами и несіонистами. Кто думаетъ и утверждаетъ, что евреи не составляютъ народа, тотъ дѣйствительно не можетъ быть сіонистомъ... Кто, напротивъ, убѣжденъ, что евреи составляютъ народъ, тотъ по необходимости (?) долженъ сдѣлаться сіонистомъ, ибо *лишь возвращеніе въ свою страну можетъ спасти* всюду презираемый,

---

вались ассимиляторы; но ею же могли бы пользоваться и еврен-націоналисты въ видахъ защиты своей національно-культурной автономіи (см. выше, письмо IV). Впрочемъ, я въ текстѣ не касаюсь парадоксальной основной темы статьи Нордау, а только беру тотъ ея выводъ, который имѣетъ прямое отношеніе къ предмету настоящаго письма.

[1]) Ibid. стр. 146.

преслѣдуемый и притѣсняемый *еврейскій народъ отъ физической и духовной гибели*“ [1]). Ну, а куда же дѣлись недавнія мечты о символическомъ „гетто“, какъ „тѣсномъ союзѣ“ евреевъ, стремящихся быть „совершенными, сильными, свободными, гармоническими натурами“? Какъ же? Съ одной стороны—„только возвращеніе въ Палестину спасетъ евреевъ отъ физической и духовной гибели“, а съ другой—евреи могутъ спастись повсюду путемъ сплоченія своихъ силъ, путемъ крѣпкой организаціи своихъ общинъ въ діаспорѣ на автономныхъ началахъ!

Колебанія одного изъ лидеровъ сіонистской партіи, помимо субъективныхъ причинъ, имѣютъ объективный источникъ. Это — неустойчивость доктрины, которая силится отождествить себя съ еврейскимъ націонализмомъ во *всемъ* его объемѣ, между тѣмъ какъ она составляетъ только одну его частность, одну изъ его формъ. Въ умахъ иныхъ послѣдователей этой доктрины, однако, совершается логическій процессъ перехода отъ частнаго къ общему, процессъ расширенія и углубленія первоначальной идеи,—и только партійное знамя мѣшаетъ имъ сознаться, что они уже давно вышли изъ узкихъ рамокъ партійной программы.

Кромѣ шатанія мысли, въ лагерѣ сіонистовъ наблюдаются и такіе случаи отпаденія, въ которыхъ скачокъ дѣлается прямо въ область ассимиляціи. Въ предыдущихъ письмахъ я предсказывалъ такой печальный конецъ тѣмъ неофитамъ сіонизма, которые формально примкнули къ идеѣ политическаго возрожденія, прежде чѣмъ успѣли проникнуться еврейскимъ національнымъ самосознаніемъ. Такіе „условные націоналисты“, преимущественно изъ бывшихъ ассимиляторовъ, изъявившіе великодушно готовность „признать“ еврейскую націю только подъ условіемъ пріобрѣтенія ею своего государства въ Палестинѣ, естественно должны были отпасть отъ политическаго сіонизма, какъ только выяснилось, что это условіе неосуществимо или очень далеко отъ осуществленія. Много такихъ отщепенцевъ, вновь впавшихъ въ „первобытное состояніе“ ассимилированныхъ, шатается нынѣ среди еврейской интеллигенціи, какъ въ Россіи, такъ и еще чаще—въ Западной Европѣ, гдѣ культурная основа сіонизма была слаба съ самаго начала. Одинъ

[1]) Статья Нордау „Сіонизмъ“, въ сборникѣ „Помощь евреямъ, пострадавшимъ отъ неурожая“, Петербургъ, 1901 г., стр. 440.

случай подобнаго отступничества получилъ недавно огласку. Постоянный сотрудникъ офиціальнаго органа сіонистовъ „Die Welt“, *С. Люблинскій*, долго печатавшій тамъ боевыя статьи въ партійномъ духѣ, вдругъ публично отрекся и отъ базельскаго символа вѣры, и заодно — отъ еврейской національной идеи. Свое отреченіе этотъ писатель мотивируетъ такъ: сіонизмъ, по первоначальной формулѣ вождей партіи, стремится „создать въ Палестинѣ обезпеченное международнымъ правомъ убѣжище для тѣхъ евреевъ, которые въ другихъ странахъ не хотятъ или не могутъ ассимилироваться съ окружающими націями“,— а онъ, Люблинскій, убѣдился, что онъ уже давно ассимилировался съ нѣмцами, ибо съ дѣтства воспитывался въ нѣмецкомъ духѣ и больше тяготѣетъ къ нѣмецкой культурѣ и германскимъ интересамъ, чѣмъ къ еврейскимъ. Это откровенное заявленіе, которое было бы возмутительно, если бы не было такъ жизненно-трагично, появилось съ годъ назадъ въ „Die Welt“. А въ одной изъ послѣднихъ книжекъ берлинскаго журнала „Ost und West“ г. Люблинскій — эта падающая звѣзда сіонизма, которую иные почему-то считаютъ „восходящей звѣздой“ въ нѣмецкой литературѣ—помѣстилъ статью, свидѣтельствующую о страшномъ моральномъ паденіи иныхъ дѣятелей, временно приписавшихся къ еврейству [1]).

Въ этой статьѣ, озаглавленной: „Послѣднее слово о еврейскомъ вопросѣ“, г. Люблинскій излагаетъ свое новое—или, точнѣе, старое—ассимиляторское credo, къ которому онъ возвратился послѣ временнаго пребыванія въ рядахъ сіонистовъ. Теорія его отличается больше рѣшительностью, чѣмъ глубокомысліемъ. Культура окружающей среды для человѣка—все, а кровь, раса, родная національность—почти ничего не значатъ. Если еврей выросъ среди нѣмцевъ и получилъ нѣмецкое образованіе, то онъ нѣмецъ и почти ничего общаго съ еврействомъ не имѣетъ. Правда, антисемиты это отрицаютъ и грубо отталкиваютъ такого прилѣпляющагося къ ихъ націи еврея; но... въ этомъ трудномъ пунктѣ авторъ вдругъ бросается въ пучину „философіи исторіи“. Юдофобія, видите-ли, есть лишь результатъ столѣтней борьбы между революціонными и консервативными элементами европейскаго

[1]) Ein letztes Wort zur Judenfrage. „Ost und West“ 1901, № 9.

общества,—борьбы, въ которой евреи оказались на сторонѣ радикальныхъ или революціонныхъ партій; когда эта борьба прекратится, исчезнетъ и юдофобія. Но до тѣхъ поръ—сознается авторъ—придется долго ждать. А потому для современнаго еврея остаются три исхода: крещеніе, ассимиляція и сіонизмъ. Первый исходъ, разумѣется, самый легкій и вѣрный, и авторъ откровенно заявляетъ, что онъ не раздѣляетъ „моральнаго негодованія“ противъ такихъ ренегатовъ. „Правда, это не боевыя натуры; но есть вѣдь нѣчто высшее, чѣмъ борьба, а именно: положительная, исчерпывающая себя жизнь личности и производство духовныхъ и культурныхъ цѣнностей въ маломъ или большомъ кругу“. Второй путь - ассимиляція, приверженцемъ которой является лично г. Люблинскій—полонъ трудностей и столкновеній: приходится терпѣть какъ отъ „расовыхъ предразсудковъ“ вообще, такъ и отъ солидарности интересовъ, „навязываемой“ ассимилированному еврею его соплеменниками съ одной стороны и наличностью антисемитизма—съ другой. Такъ, напримѣръ, культурный нѣмецкій еврей, чувствующій себя вполнѣ нѣмцемъ, имѣетъ на себѣ обузу въ лицѣ гонимыхъ евреевъ сосѣдней Россіи, симпатіей къ которымъ домашніе антисемиты его попрекаютъ, утверждая, что у него не нѣмецкое, а—стыдно сказать!—еврейское національное чувство. „Мучительна эта необходимость чувствовать свою солидарность съ людьми по ту сторону границы (евреями) противъ своихъ земляковъ (нѣмцевъ)“—горестно восклицаетъ авторъ. Но forti nihil difficile. „И только тотъ, кто, преодолѣвъ этотъ внутренній разладъ, рѣшительно сказалъ себѣ: а все таки (я нѣмецъ!)—только тотъ имѣетъ право называть себя ассимилированнымъ. Ибо этотъ человѣкъ доказалъ, что любовь къ своей *культурной* націи есть наиболѣе активная жизненная сила его души“. Для тѣхъ-же евреевъ, которые не обладаютъ столь высокимъ мужествомъ и не могутъ ни креститься, ни ассимилироваться, остается третій исходъ—сіонизмъ. „Маленькое еврейское общежитіе, въ родѣ Швейцаріи, доставило-бы непосредственную помощь четыремъ или пяти милліонамъ людей и, кромѣ того, давало-бы душевное облегченіе истинно ассимилированнымъ, избавляя ихъ отъ заботъ о гонимыхъ евреяхъ другихъ странъ и устраняя ужасный разладъ между чувствомъ солидарности (съ евреями) и національнымъ чувстомъ (нѣмец-

кимъ)". При такомъ условіи сіонизмъ явится вѣрнымъ союзникомъ ассимиляціи, и авторъ ничего не имѣетъ противъ характеристики его доктрины формулой: „сіонизмъ во имя ассимиляціи" [1]), т.-е. сіонизмъ для одной части еврейства, не отрекшейся отъ „расовыхъ предразсудковъ", ради того, чтобы облегчить ассимиляцію для остальныхъ, болѣе порядочныхъ евреевъ, сливающихся съ окружающими европейскими націями.

До такой циничной откровенности никто, кажется, изъ предшественниковъ г. Люблинскаго по ассимиляторству не договорился. Ассимиляторы прежней эпохи часто носились еще съ общечеловѣческой идеей, мечтали о братствѣ народовъ, о раствореніи всѣхъ національныхъ типовъ въ одномъ сверхъ-національномъ или универсальномъ типѣ и, слѣдовательно, требовали чего-то въ родѣ взаимности въ дѣлѣ ассимиляціи. Новый же ассимиляторъ съ рѣшительностью библейскаго раба, заявляетъ, что онъ любитъ только свою господскую „культурную націю" (хотя послѣдняя его отвергаетъ) и ничего общаго не имѣетъ съ своей кровной націей, которая только нарушаетъ его покой своими воплями и стонами... Излишне, конечно, дать этическую оцѣнку этой откровенной теоріи оправданія національной измѣны,—да и не для того упомянулъ я здѣсь о метаморфозѣ г. Люблинскаго [2]). Я имѣлъ только въ виду указать на эту метаморфозу, какъ на фактическое подтвержденіе высказанной уже въ предыдущихъ письмахъ мысли, что политическій сіонизмъ самъ по себѣ не гарантируетъ еще наличности національной идеи во всѣхъ его адептахъ. Вѣдь Люблинскіе, теперь отрекающіеся отъ еврейской національной идеи, откровенно сознаются, что ея не было у нихъ и тогда, когда они числились сіонистами, ибо они съ дѣтства пропитаны національными чувствами своей „культурной націи". И послѣ такого признанія они даже и теперь готовы вступить въ дѣловой компромиссъ съ сіонизмомъ, какъ съ чисто-коммерческимъ предпріятіемъ, не имѣющимъ ничего общаго съ національными идеалами еврейства. Но то,

---

[1]) Этой мѣткой формулой впервые охарактеризовалъ взгляды Люблинскаго *Ахадъ-Гаамъ*, въ своей замѣткѣ по поводу давнишней статьи, написанной Люблинскимъ при первомъ переходѣ отъ ассимиляціи къ сіонизму. (См. „Haschiloah" 1897 г. т. I, стр. 385—386). Въ формулѣ Ахадъ-Гаама было только употреблено слово „націонализмъ" вмѣсто „сіонизмъ".

[2]) См. выше, письмо V, стр. 114—116.

что Люблинскіе откровенно высказываютъ, другіе „условные евреи“ хранятъ пока въ умѣ, и раньше или позже покажутъ себя. Допускаю, что такіе ублюдки составляютъ меньшинсто въ сіонистской партіи, но это меньшинство опасно, какъ элементъ разложенія, ибо сіонизмъ безъ націонализма есть тѣло безъ души, разлагающійся трупъ, отравляющій атмосферу своимъ ядомъ.

Ближе подходятъ къ еврейской національной идеѣ и вообще къ нашей народной жизни такъ называемые „культурные сіонисты“. Убѣдившись, что политическій идеалъ сіонизма не скоро осуществится, да и потомъ осуществится только отчасти, т.-е. облегчитъ судьбу лишь одной части народа,—эта группа поставила себѣ цѣлью культурное возрожденіе евреевъ во всѣхъ странахъ, въ смыслѣ улучшенія ихъ экономическаго и духовнаго состоянія. Программа культурныхъ сіонистовъ несравненно обширнѣе и активнѣе программы политическихъ: послѣдніе ограничиваются собираніемъ шекелей и акцій для колоніальнаго банка и обсужденіемъ „дипломатическихъ шаговъ“ своихъ вождей; первые же заботятся объ улучшеніи всѣхъ сторонъ еврейской жизни, о реформѣ воспитанія, обновленіи общественныхъ учрежденій. Однако и здѣсь часто сходятся люди противоположныхъ воззрѣній, которые потомъ неминуемо разойдутся въ разныя стороны. Узкіе утилитаристы подъ „культурной работой“ подразумѣваютъ только распространеніе „общаго образованія и полезныхъ знаній“; другіе ставятъ себѣ цѣлью гармоническое сочетаніе еврейской и общей культуръ; третьи, приближаясь къ религіозной ортодоксіи, признаютъ законность полнаго культурнаго обособленія еврейства („мизрахисты“). Словомъ, и здѣсь встрѣчаются различные градусы національной температуры, отъ точки замерзанія до точки кипѣнія. Если изъ этого конгломерата выдѣлить и организовать здоровые національные элементы, тогда получится еврейская національно-культурная организація, для которой „сіонизмъ“ будетъ служить лишь офиціальнымъ флагомъ, и члены которой могутъ дружно дѣйствовать съ націоналистами, не носящими базельскаго ярлыка.

О „духовномъ сіонизмѣ“ я уже писалъ. Это стройное міросозерцаніе, по которому еврейство можетъ спастись лишь *черезъ* Сіонъ, какъ будущій духовный центръ, отличается отъ „духовнаго націона-

лизма“ лишь теоретически, въ нѣкоторыхъ философско-историческихъ предпосылкахъ. Практическая же программа повсемѣстной націонализаціи еврейства должна быть обязательна для этой группы, если только она желаетъ быть послѣдовательной.

Итакъ, партія сіонистовъ въ настоящее время представляетъ собою конгломератъ, въ которомъ механически смѣшаны такіе несоединимые элементы, какъ націоналисты и ассимиляторы, потенціальные или дѣйствительные. Партія неизбѣжно распадется, какъ только обнаружится этотъ глубокій внутренній разладъ. Тогда выяснится, что еврейская національная идея во *всемъ* ея объемѣ (т.-е. возрожденіе націи во всѣхъ ея историческихъ центрахъ) есть та непремѣнная аксіома, которая и безъ сіонизма можетъ существовать, но безъ которой сіонизмъ не можетъ существовать, не превращаясь въ политическую игру. Тогда откроется, что глубокая и непримиримая противоположность существуетъ только между сторонниками и противниками еврейской національной идеи, какъ цѣли, а не между сторонниками и противниками сіонизма, какъ одного изъ средствъ для ея достиженія.

Разсмотрѣвъ составъ сіонистской партіи, перейдемъ къ опредѣленію состава другой пестрой группы, которую принято нынѣ валить въ одну кучу, съ общею надъ ней вывѣской: „несіонисты“.

Когда въ XVIII вѣкѣ появился хасидизмъ, большинство народа воспротивилось этому быстро распространявшемуся религіозному движенію—и поэтому получило названіе „миснагидовъ“, т.-е. противниковъ, протестантовъ. Среди миснагидовъ были представители разнородныхъ партій, осуждавшіе хасидизмъ каждый съ своей точки зрѣнія. Одни видѣли въ новомъ движеніи опасность для раввинскаго книжнаго знанія и обрядовой системы, другіе—для стоической морали, третьи—для религіознаго раціонализма, четвертые—для свѣтскаго образованія. Когда борьба хасидовъ и миснагидовъ утихла, уступивъ мѣсто борьбѣ обскурантизма съ просвѣщеніемъ, ортодоксальные хасиды и миснагиды оказались соратниками въ одномъ лагерѣ, а либералы или „маскилимъ“ изъ обѣихъ этихъ партій — ихъ ярыми противниками въ другомъ лагерѣ. Нѣчто подобное должно обнаружиться вскорѣ въ нашей современной группировкѣ партій. Нынѣшніе „миснагиды“ сіонизма, такъ называемые „несіонисты“, представляютъ собою, какъ уже сказано, смѣсь не только

разнородныхъ, но и противоположныхъ направленій. Здѣсь можно различить четыре главныя группы: *націоналисты*, *ассимиляторы*, *оппортунисты* и *колеблющіеся*.

Первая изъ этихъ группъ исповѣдуетъ принципъ, что еврейство есть старѣйшая историческая и культурная нація, стремящаяся во всѣхъ странахъ сохранить ту самобытность или внутреннюю автономію, которой добиваются всѣ другія культурныя націи, лишенныя политической самостоятельности. „Духовный націонализмъ“ или „автономизмъ“ опирается на опытъ нашей 19-вѣковой исторіи въ діаспорѣ и на вытекающую отсюда вѣру въ вѣчность еврейскаго народа. Это—не мертвая „вѣра безъ дѣлъ“, а живая, дѣятельная вѣра, поддерживающая въ народѣ напряженную „волю къ жизни“. Говорятъ, что число такихъ націоналистовъ невелико; это не правда. Вся многомилліонная ортодоксальная масса еврейства признаетъ себя *духовной* и внутренно-автономной націей, замѣняя только эпитетъ „духовная“ болѣе узкимъ и яснымъ для нея эпитетомъ „религіозная“, ибо религія (или скорѣе—религіозный авторитетъ) является для массы вѣрующихъ, по исторической традиціи, источникомъ всей національной культуры. Стоящая надъ этой безсознательно-національной массой и достигшая самосознанія, національная интеллигенція является истинной представительницей еврейскаго народа; это—прообразъ сознавшаго себя, самоопредѣлившагося народнаго индивида. Между этой свободомыслящей интеллигенціей и ортодоксіей можетъ быть различіе въ пониманіи сущности іудаизма, но обѣ сходятся въ признаніи духовнаго характера еврейской національности. Онѣ сходятся еще въ томъ, что отводятъ мессіанскому элементу его законное мѣсто. У ортодоксовъ религіозный мессіанскій догматъ составляетъ $^1/_{18}$ часть символа вѣры. Націоналисты изъ интеллигенціи дѣлаютъ по своему то же самое. Ставя себѣ цѣлью сохраненіе культурной автономіи еврейства во всѣхъ странахъ, они отводятъ сіонизму—этому политическому мессіанству—его настоящее мѣсто. Они признаютъ желательность возникновенія на нашей древней родинѣ хотя бы полуавтономнаго еврейскаго центра съ чисто-народной культурой, но они считаютъ непозволительнымъ основывать все спасеніе народа на прекрасной мечтѣ, осуществленіе которой зависитъ въ наибольшей мѣрѣ отъ причинъ, внѣ насъ лежащихъ. Поэтому автономисты напра-

вляютъ свои усилія на удовлетвореніе насущныхъ и реальныхъ потребностей нашей національной жизни здѣсь, въ разсѣяніи, гдѣ всегда будетъ пребывать подавляющее большинство народа. Они хотятъ, насколько это отъ насъ самихъ зависитъ, націонализировать все еврейство, а не одну только его частицу, и хотятъ дѣлать это немедленно, независимо отъ гадательнаго достиженія сіонистскаго идеала [1]).

Группа ассимиляторовъ, и нынѣ еще весьма многочисленная, распадается на нѣсколько разновидностей: есть явные и скрытые ассимиляторы, есть ассимиляторы-космополиты и ассимиляторы-народники. Космополиты утверждаютъ, что евреи въ каждой странѣ, будучи ея гражданами, должны представлять собою сверхъ-національный элементъ и быть повсюду какъ бы миссіонерами общечеловѣческой идеи. Нѣкогда эта форма ассимиляціи заключала въ себѣ значительную дозу идеализма. Сторонники ея вѣрили въ прегрессивное движеніе *всѣхъ* народовъ отъ національнаго своеобразія къ космополитическому единообразію, и имъ льстила мысль, что евреи станутъ въ авангардѣ этого движенія. Они обезличивали свой національный типъ, въ надеждѣ, что интеллигенція окружающихъ народовъ будетъ дѣлать то же самое, и тогда получится лучезарный идеалъ общечеловѣка. Но послѣ того, какъ выяснилась полная несостоятельность космополитизма, какъ неестественной нивеллировки національныхъ типовъ, направленной противъ индивидуальной свободы народовъ,—наши піонеры „сліянія съ человѣчествомъ“ остались между небомъ и землей. Они или представляютъ собою шатающійся интернаціональный элементъ, или же фактически приписываются къ сильнымъ народамъ, впредъ до осуществленія утопіи Анахарсиса Клотца о „гражданахъ рода человѣческаго“. Такіе „международники“ навлекаютъ только на всѣхъ образованныхъ евреевъ тяжкое

[1]) Къ націоналистамъ, открыто исповѣдующимъ свое credo, примыкаетъ по настроенію еще группа безпартійныхъ, національно настроенныхъ, которые, будучи искренно преданы интересамъ еврейства, офиціально не причисляютъ себя къ націоналистамъ, изъ боязни ли партійныхъ кличекъ вообще, или изъ страха передъ этой именно кличкой, скомпрометированной реакціонерами и юдофобами. Эти люди должны раньше или позже перейти изъ фазиса національнаго *настроенія* въ фазисъ національной *организаціи*, ибо жизненная необходимость заставитъ ихъ отмежеваться отъ ассимиляціи, къ сторонникамъ которой ихъ могутъ причислять до тѣхъ поръ, пока они открыто не заявятъ о своемъ „исповѣданіи вѣры“.

обвиненіе, будто они вездѣ денаціонализируютъ „коренныхъ“, разводятъ безпочвенный космополитизмъ, ослабляютъ патріотическое чувство

Ассимиляторы-народники поступаютъ болѣе практично: они, подобно г. Люблинскому, прямо говорятъ, что евреи должны органически раствориться въ каждой націи, среди которой они живутъ. Они объявляютъ себя русскими въ Россіи, нѣмцами въ Германіи, мадьярами въ Венгріи и т. д. Народы очень мало вѣрятъ въ искренность этихъ неофитовъ и часто отказываютъ имъ въ національной „натурализаціи“, продолжая считать ихъ евреями. Но обиженные дезертиры изъ кожи лѣзутъ, чтобы доказать, что они съ еврействомъ не имѣютъ ничего общаго. Думаю, что національное еврейство охотно удостовѣритъ, что и оно съ такими отрѣзанными ломтями ничего общаго не имѣетъ и не жалѣетъ объ ихъ уходѣ... Съ этими господами нельзя, конечно, смѣшивать тѣхъ, которые *не могутъ* быть евреями по духу, вслѣдствіе полученнаго ими нееврейскаго воспитанія. Такихъ нельзя назвать отщепенцами уже потому, что они въ душѣ никогда не были евреями. Можно только скорбѣть о трагедіи нашей жизни, порождающей подобныя явленія.

Въ послѣднее время, наряду съ явными ассимиляторами, размножились скрытые. Чувствуя нравственное безобразіе дезертирства въ такое время, когда всѣ ополчились на еврейскій народъ, одни останавливаются въ нерѣшительности на полпути между „израильскимъ“ станомъ и „филистимскимъ“. Другіе потому не идутъ дальше, что боятся неласковаго пріема въ непріятельскомъ лагерѣ. Есть у насъ еще особый типъ „кающихся ассимиляторовъ“, которые когда-то, въ эпоху полицейскаго либерализма, имѣли нѣкоторый успѣхъ въ ухаживаніяхъ за чужой націей, а потомъ были грубо оттолкнуты. Эти господа, въ душѣ глубоко страдающіе отъ чувства „отвергнутой любви“, на словахъ обидчиво увѣряютъ, что никогда не были влюблены въ отвергшую ихъ націю; однако, при малѣйшей „господской“ ласкѣ они готовы, подобно вѣрнымъ пуделямъ, вновь лечь къ ногамъ своихъ „хозяевъ“. При первыхъ либеральныхъ „вѣяніяхъ“ такіе люди покажутъ себя и увеличатъ собою ряды пашихъ отщепенцевъ. Вообще скрытые ассимиляторы иногда опаснѣе открытыхъ, и морально неизлѣчимымъ изъ нихъ слѣдовало бы поскорѣе уйти изъ нашихъ рядовъ въ „станъ ликующихъ“, куда ихъ давно тянетъ.

Есть еще средняя группа, стоящая между ассимиляціей и націонализмомъ изъ соображеній обывательскаго оппортунизма. Доморощенные политики, вышколенные въ духѣ страха предъ „начальствомъ“ и привыкшіе сообразовываться съ настроеніемъ „внѣшняго міра“, опасаются, какъ бы провозглашеніе еврейской національной идеи не произвело „тамъ“ дурного впечатлѣнія и не побудило Гамановъ правительства, общества и прессы обвинить евреевъ въ *обособленности*. Эти господа тревожно щупаютъ пульсъ то у Суворина или Мещерскаго, то у разныхъ власть имущихъ, но не прислушиваются къ біенію народнаго сердца, къ тому, что волнуетъ лучшіе умы еврейства.

Я не смѣшиваю этихъ людей, запуганныхъ полицейскимъ режимомъ и вѣчной травлей, съ тѣми, которые боятся еврейскаго націонализма изъ этическихъ соображеній. Послѣдніе указываютъ на глубокую деморализацію, которую вызвали націоналистическія партіи въ нѣкоторыхъ странахъ, на выдвинутые тамъ гнусные лозунги „Россія для русскихъ“ и т. п., наконецъ на то, что самое имя „націоналисты“ стало нынѣ въ прогрессивномъ лагерѣ бранной кличкой. Желая предохранить еврейство отъ подобной деморализаціи, они поэтому противятся и еврейской національной идеѣ. Въ письмѣ объ „этикѣ націонализма“ я уже доказывалъ логическую и фактическую несостоятельность подобнаго умозаключенія. Не нужно, кажется, особенной проницательности для того, чтобы усвоить слѣдующую элементарную истину: именно потому, что въ нѣкоторыхъ странахъ царитъ теперь насильственный „господскій націонализмъ“, направленный къ ослабленію или уничтоженію автономіи „зависимыхъ“ меньшихъ націй, послѣднія напрягаютъ и должны напрягать всѣ усилія для отстаиванія своей національно-культурной свободы. Противъ націоналистовъ-поработителей должны выступать націоналисты-освободители. Люди, которые не могутъ усвоить эту простую мысль, должны быть признаны безнадежными въ смыслѣ политическаго здравомыслія.

О многочисленной группѣ „колеблющихся“ или „дикихъ“ я не стану распространяться. Такихъ не мало во всякомъ обществѣ. Обыкновенно эти люди, желая прикрыть отсутствіе опредѣленныхъ убѣжденій, называютъ себя „просто евреями“, „безпартійными“. Я вполнѣ допускаю, что во многихъ изъ нихъ сильно безсознательное чувство привязанности къ еврейству,—но бываютъ критическія эпохи, когда одного смутнаго

чувства недостаточно, когда каждый мыслящій человѣкъ обязанъ уяснить себѣ въ точности руководящую идею, вытекающую изъ его чувствъ, и сообразовать съ этой идеей свою программу дѣятельности. Въ такіе острые моменты соціальной борьбы, „безпартійность“ часто служитъ прикрытіемъ бездѣятельности или индиферентизма. Въ такіе моменты, inter arma, каждый долженъ становиться подъ опредѣленное знамя, чтобы всѣ знали, во имя чего онъ борется, другъ ли онъ или замаскированный врагъ.

* * *

Изъ предшествующаго анализа состава двухъ группъ—сіонистовъ и „несіонистовъ“—съ очевидною ясностью вытекаетъ слѣдующее:

a) Что въ каждой изъ названныхъ группъ имѣются (хотя не въ одинаковой пропорціи) и націоналисты, и ассимиляторы, явные или скрытые, дѣйствительные или потенціальные,—то есть, такіе идейные элементы, которые по существу исключаютъ другъ-друга и должны неминуемо вызвать распаденіе той группы, гдѣ они искусственно соединены.

b) Такъ какъ изъ обѣихъ названныхъ группъ двери открыты, для однихъ—въ сторону націонализма, а для другихъ—въ сторону ассимиляціи, то сообразно этому должна возникнуть новая, естественная группировка партій, вмѣсто нынѣшней искусственной и временной.

При новой группировкѣ выдѣлятся всѣ стойкіе національные элементы, находящіеся нынѣ въ составѣ различныхъ группъ, и составятъ одну сильную партію—*національно-еврейскую*; всѣ же рѣшительные противники еврейской національной идеи будутъ выдѣлены въ особую группу—*ассимиляціонную*. Между этими двумя группами не можетъ быть ни единства стремленій, ни единства дѣйствій въ вопросахъ еврейской жизни, и чѣмъ ярче будетъ демаркаціонная линія между ними, тѣмъ лучше для нашего народнаго дѣла. Дѣйствительно, при извѣстной напряженности національной самообороны, націоналистъ и ассимиляторъ не могутъ идти объ руку, какъ люди противоположныхъ культурныхъ направленій и даже душевныхъ настроеній. Тотъ, кто не слышитъ въ своей душѣ *категорическаго императива національной идеи*, повелѣвающей ему продолжать тысячелѣтнюю героическую борьбу еврей-

ства за свою самобытность, кто допускаетъ, а тѣмъ болѣе желаетъ сліянія, полнаго или частичнаго, этого древнѣйшаго культурнаго народа съ окружающей средой—тотъ умеръ для еврейства. А самоубійство и жажда жизни, трусливая капитуляція и самоотверженная освободительная борьба—не могутъ уживаться въ коллективной народной душѣ. Должно произойти выдѣленіе нежизнеспособныхъ элементовъ для укрѣпленія и объединенія здоровыхъ. За процессомъ диференціаціи пойдетъ процессъ интеграціи.

Объединенная національная партія должна явиться той активной силой, на которой сосредоточены надежды еврейства. Общимъ лозунгомъ для всей партіи будетъ: *дѣятельность, направленная къ повсемѣстному сохраненію еврейской національно-культурной автономіи.* Когда эта общая цѣль дѣятельности будетъ установлена для всей организаціи, наступитъ время для расчлененія послѣдней на фракціи, расходящіяся въ способахъ дѣятельности. Націоналисты-сіонисты будутъ посвящать палестинскому дѣлу большую часть своихъ силъ, не отказываясь вмѣстѣ съ тѣмъ отъ непосредственной работы для національнаго усиленія еврейства въ діаспорѣ. Націоналисты-несіонисты будутъ проводить общую программу партіи съ одинаковой энергіей во всѣхъ мѣстахъ жительства евреевъ, не исключая конечно и Палестины. Въ объединенную національную партію *не* могутъ войти: 1) тѣ крайніе сіонисты, которые вовсе отрицаютъ возможность возрожденія еврейства внѣ Сіона, отказываются отъ культурной работы въ діаспорѣ и, такимъ образомъ, обрекаютъ послѣднюю на исчезновеніе или ассимиляцію („условные націоналисты“ или сіонисты-ассимиляторы); 2) тѣ странные націоналисты (если таковые окажутся), которые совершенно исключаютъ Палестину изъ сферы своей дѣятельности и не стремятся къ созданію тамъ, путемъ практической колонизаціи, хотя бы небольшого народнаго центра, имѣющаго шансы на реальную культурную автономію,—ибо такое поведеніе противорѣчило-бы и нашему историческому чувству любви къ древней родинѣ, и понятію *„повсемѣстной* дѣятельности“, включенному въ общепартійную формулу.

На такихъ равныхъ правахъ, безъ компромиссовъ, могутъ объединиться и организоваться всѣ истинно-національные элементы, разсѣянные въ существующихъ нынѣ группахъ. Симптомы этого объединенія уже

обнаруживаются. Въ жизни и литературѣ все чаще слышатся термины: „еврейская національная партія“, „евреи-націоналисты“. Послѣднее имя присваиваютъ себѣ часто и сіонисты, особенно на Западѣ, гдѣ они сталкиваются съ ассимиляціей, какъ съ грозной и болѣе организованной силой. Требованія широкой національно-культурной дѣятельности *повсемѣстно*—раздавались уже не разъ на сіонистскихъ съѣздахъ и особенно на недавнемъ Ольмюцкомъ съѣздѣ. Еврейская публика въ Россіи въ послѣдніе годы также видѣла нѣсколько примѣровъ соединенія націоналистовъ съ сіонистами для практической борьбы съ общимъ врагомъ—ассимиляціей. Въ настоящее время въ лучшей части нашего общества уже назрѣла потребность въ организаціи общееврейской національной партіи, которая повсюду боролась бы за поруганныя права нашего народа и вмѣстѣ съ тѣмъ неуклонно стремилась бы къ его внутреннему возрожденію.

Ноябрь 1901.

ПИСЬМО ДЕСЯТОЕ.

О растерявшейся интеллигенціи.

Какъ диференцировалась еврейская интеллигенція.—Застрявшіе между ассимиляціей и націонализмомъ.—Идейныя метаморфозы г. Моргулиса.—Его критика автономизма.—Египетская казнь „тьмы", какъ орудіе критической борьбы.—„Человѣкъ" и „еврей" въ средневѣковомъ тезисѣ; Лассаль и ортодоксъ; интеллигентный и массовый еврей въ эпоху антитезиса.—Автономія, гетерономія и „ясная ассимиляція". — Божья кара на членовъ еврейской парламентской фракціи. — Коллоквіумъ двухъ ирландцевъ.—Маркъ-Твэнъ, Геманъ, Масарикъ за еврейскую національную организацію contra евреевъ-ассимиляторовъ.—Смѣшеніе оборонительнаго и наступательнаго націонализма и отрицаніе національной политики еврейства.—Ассимиляція на практикѣ неизбѣжна и для тѣхъ, которые не признаютъ ее въ теоріи, если они отрицаютъ національную идею.—Націонализація, какъ противодѣйствіе обезличенію.—Отрицаніе національнаго воспитанія въ еврейской школѣ, со ссылкой на злоупотребленія національно-государственной школы. — Паневреизмъ и панславизмъ. — „Группа общечеловѣковъ"; дуализмъ идей.—Стойкость въ заблужденіяхъ.—Мой „грѣхъ юности" и строфа Виктора Гюго.—Муки рожденія синтеза.—„Еврейская интеллигенція будетъ національна, или ея не будетъ"!

Процессъ развитія еврейской интеллигенціи въ Россіи въ XIX вѣкѣ совершался въ полномъ соотвѣтствіи съ закономъ прогрессивной эволюціи, по которому всякій жизнеспособный организмъ развивается въ направленіи возрастающей сложности и разнородности. Въ первой половинѣ вѣка, въ „эпоху тезиса", мы имѣли, за немногими единичными исключеніями, одну своеобразную интеллигенцію; она состояла изъ ортодоксальнаго духовенства и стараго ученаго класса, и различными путями—путемъ раввинизма или хасидизма—стремилась къ одной цѣли: сохраненію въ неприкосновенности традиціоннаго европейства. Въ „эпоху антитезиса" (60-е и 70-е годы) рядомъ съ этой патріархальной интеллигенціей выростаетъ, оспаривая у нея руководительство народомъ, новая

„просвѣщенная“ интеллигенція, проникнутая началами европейской культуры. Культурный кризисъ диференцируетъ общество, представлявшее раньше однородную массу. Но, въ силу ненормальныхъ условій еврейской жизни, новое теченіе прокладываетъ себѣ русло вдали отъ центра народной жизни. Значительная часть новой интеллигенціи соединяетъ съ „просвѣщеніемъ“ понятіе или о космополитическомъ обезличеніи еврейскаго національнаго типа, или о полномъ культурномъ пріобщеніи евреевъ въ каждой странѣ къ господствующей націи,—и въ этомъ духѣ „ассимиляціи“ воспитывается во многихъ кругахъ молодое поколѣніе. Растетъ поколѣніе номинальныхъ евреевъ, воспитанное внѣ вліянія еврейскихъ традицій, незнакомое съ языкомъ, литературой и исторіей своего народа, отчужденное отъ его вѣковыхъ идеаловъ. Соціально-этическая несостоятельность этого движенія вскорѣ, однако, обнаруживается. Съ 80-хъ годовъ начинается въ рядахъ „просвѣщенной“ интеллигенціи новая диференцировка: противъ ассимиляціи выступаютъ сторонники еврейской національной самобытности. Въ зависимости отъ политическихъ кризисовъ, само національное движеніе развѣтвляется на нѣсколько теченій, которыя къ концу 90-хъ годовъ формируются, въ жизни или въ литературѣ, въ опредѣленныя доктрины (сіонизмъ въ разныхъ его видахъ, духовный націонализмъ или автономизмъ).

Такимъ образомъ, схема развитія нашей интеллигенціи за сто лѣтъ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

I. Однородная интеллигенція: патріархальная или ортодоксальная.

II. Раздѣленіе интеллигенціи на: 1) ортодоксальную и 2) просвѣщенную.

III. Раздѣленіе просвѣщенной интеллигенціи на: 1) ассимиляціонную и 2) національную [1]).

IV. Раздѣленіе національной интеллигенціи на: 1) сіонистовъ и 2) націоналистовъ или культурныхъ автономистовъ [2]).

V. Раздѣленіе сіонистовъ на: 1) политическихъ, 2) культурныхъ или духовныхъ и на другія, еще недостаточно опредѣлившіяся, фракціи [3]).

---

[1]) Національное теченіе зародилось въ новой еврейской литературѣ еще въ 70-хъ годахъ, а въ 80-хъ оно, въ связи съ эмиграціоннымъ движеніемъ, получило преимущественно палестинофильскую окраску.

[2]) Нынѣ націоналисты частію примыкаютъ къ сіонистической организаціи (насколько ихъ привлекаетъ не „политическая“, а культурная работа), частью составляютъ независимую, пока еще неорганизованную группу. (Ср. дальше, письмо XIV. „О задачахъ Volkspartei“).

[3]) Позже онѣ опредѣлились: поале-ціонъ, территоріалисты, сіонисты-соціалисты и еще болѣе дробныя фракціи.

Только крайне близорукіе люди могутъ принимать этотъ процессъ за признакъ распаденія или разложенія нашей интеллигенціи. Развѣтвленіе дерева не означаетъ ослабленіе ствола, а напротивъ указываетъ на обиліе питательныхъ соковъ въ стволѣ. Разнообразіе формъ въ большомъ общественномъ движеніи свидѣтельствуетъ о широтѣ его охвата. „Диференціація“ не всегда равносильна „раздѣленію“, ибо она, при нормальныхъ условіяхъ, предполагаетъ и параллельный процессъ интеграціи или объединенія организованныхъ частей. Мы нынѣ видимъ, какъ различныя фракціи сіонистовъ и націоналистовъ объединяются во имя общаго принципа культурнаго автономизма въ разныхъ областяхъ общественной жизни. Ихъ интегрируетъ одна цѣль—„націонализація“ общества, школы, общинныхъ учрежденій. Въ послѣднее время состоялось на этой почвѣ соглашеніе между двумя издавна боровшимися партіями: между „просвѣщенной“ и ортодоксальной интеллигенціей. Всероссійскій съѣздъ сіонистовъ въ Минскѣ (1902 г.) провозгласилъ равноправность „національно-прогрессивнаго“ и „національно-традиціоннаго“ направленій въ еврейскомъ воспитаніи,—что составляетъ яркій примѣръ двойного процесса диференціаціи и интеграціи въ сферѣ одного движенія.

Такова творческая сила великаго національнаго „синтеза“, составляющаго характерную черту нынѣшняго фазиса нашего развитія. Внѣ этого синтеза стоятъ только представители ассимиляціоннаго направленія, и по отношенію къ нимъ диференцировка дѣйствительно означаетъ раздѣленіе, иногда даже „расколъ“. Ибо между сторонниками и противниками національно-культурнаго автономизма, какъ основы свободной жизни народа, не можетъ быть никакихъ точекъ соприкосновенія и въ практической дѣятельности. Недавній публичный споръ о національномъ воспитаніи наглядно подтвердилъ вѣрность этого положенія [1]). Тутъ, слѣдовательно, необходима точная демаркаціонная линія между двумя противоположными направленіями, ибо если *соединеніе* ихъ невозможно, то *смѣшеніе* ихъ опасно. Къ сожалѣнію, въ послѣднее время вновь замѣчается тенденція къ такому смѣшенію соціальныхъ противоположностей. Народился особый типъ дѣятелей, которые рѣзко высказываются противъ еврейскаго націонализма въ теоріи и на практикѣ, а когда при-

[1]) См. „Національное воспитаніе предъ судомъ одесскаго собранія“. *Восходъ*, 1902, №№ 23—26. (Ср. выше, приложеніе *B.* къ письму V').

числяешь ихъ къ сторонникамъ ассимиляціи, они обижаются и заявляютъ, что никогда таковыми не были. Напрасно доказываешь имъ, что середины тутъ не можетъ быть, что можно стоять или за національно-автономное развитіе еврейства, или за развитіе его въ духѣ окружающихъ націй (гетерономное), и что каждый изъ этихъ принциповъ предполагаетъ особую систему дѣйствій,—эти люди стоятъ на своемъ: мы ни то, ни другое. И вотъ намъ приходится имъ объяснить, что они такое.

Генезисъ этого своеобразнаго типа для насъ совершенно ясенъ, ибо сложился онъ на нашихъ глазахъ. Мы имѣемъ тутъ дѣло съ метаморфозою ассимиляціи. Послѣдняя, потерявъ подъ собою почву въ жизни, но еще властная во многихъ умахъ, какъ привычный способъ мышленія или какъ результатъ воспитанія, нынѣ притаилась, надѣла маску и путешествуетъ инкогнито. У нынѣшнихъ эпигоновъ ассимиляціи не хватаетъ смѣлости открыто выставлять эту скомпрометированную систему, какъ руководящее начало, какъ знамя; но вмѣстѣ съ тѣмъ у нихъ нѣтъ силъ внутренно порвать съ идеей, которая срослась со всѣмъ ихъ духовнымъ существомъ. И вотъ они мечутся между ассимиляціей и національнымъ, официально отрекаясь отъ обоихъ, но на дѣлѣ слѣдуя старымъ укоренившимся привычкамъ. Тяжелое впечатлѣніе производитъ этотъ типъ *растерявшагося интеллигента*, который сознаетъ шаткость своего символа вѣры, но по инерціи продолжаетъ соблюдать культъ этой вѣры. Благоразумные представители этого типа остановились на стадіи скептицизма и предпочитаютъ „молчать въ плохое время“. Но не всѣ обладаютъ золотымъ даромъ молчанія. Иные, видя успѣхъ національнаго движенія, очертя голову бросаются въ борьбу съ нимъ, забывая, что ихъ собственный корабль уже потерпѣлъ аварію и что трудно сражаться, держась на его обломкахъ. Такая борьба за проигранное дѣло, будучи неблагоразумна, могла бы, однако, быть благородна—въ томъ же смыслѣ, какъ борьба Донъ-Кихота за погибшее рыцарство—если бы наши рыцари боролись открыто во имя своей „дамы сердца“. Но бѣда въ томъ, что они тщательно скрываютъ имя своего „предмета“ и даже на словахъ отрекаются отъ него, какъ отъ чего-то скомпрометированнаго,—а это уже отнимаетъ у ихъ подвига и рыцарскую отвагу донкихотства. Не имѣя мужества защищать побѣ-

жденную исторіей идею, эти люди пассивно или активно сопротивляются заступившему ея мѣсто національному движенію и занимаютъ, такимъ образомъ, странное положеніе въ современной идейной борьбѣ. Они, какъ грѣшныя души, мечутся между двумя мірами. Когда дѣло доходитъ до открытаго общественнаго или литературнаго спора, они обнаруживаютъ свою полнѣйшую теоретическую растерянность. Яркій примѣръ такой растерянности далъ намъ недавно старый, почтенный публицистъ М. Г. Моргулисъ, въ своей статьѣ „Національзація и ассимиляція“ (*Книжки Восхода* 1902, 5—7).

Когда-то мнѣ, какъ обозрѣвателю текущей литературы, приходилось оцѣнивать публицистическую дѣятельность г. Моргулиса [1]). Тогда этотъ писатель принадлежалъ къ эпигонамъ 60-хъ и 70-хъ годовъ, работавшимъ на нивѣ, расчищенной О. Рабиновичемъ и И. Оршанскимъ. Подобно Оршанскому, г. Моргулисъ началъ съ „юридической“ публицистики, состоявшей въ разработкѣ частныхъ вопросовъ правового быта русскихъ евреевъ, въ связи съ критикою репрессивнаго русскаго законодательства. Тогда существовала еще увѣренность, что рѣшеніе „еврейскаго вопроса“ зависитъ только отъ силъ внѣ насъ лежащихъ, и русско-еврейская публицистика напрягала всѣ усилія, чтобы воздѣйствовать на „внѣшнія сферы“. Г. Моргулисъ писалъ объ исторіи *правительственныхъ* мѣропріятій въ области „образованія русскихъ евреевъ“, углублялся въ обсужденіе уставовъ *казенныхъ* еврейскихъ училищъ, элементарныхъ и раввинскихъ, обстоятельно трактовалъ о „коробочномъ сборѣ“, сочинялъ апологіи противъ Брафмана и другихъ юдофобовъ. Во всѣхъ этихъ публицистическихъ работахъ не было ярко выраженнаго идейнаго направленія. Ходячая теорія ассимиляціи или обрусѣнія въ нихъ скорѣе подразумѣвалась, чѣмъ высказывалась.

Въ началѣ 80-хъ годовъ г. Моргулисъ перешелъ отъ практической или „юридической“ публицистики къ теоретической. Въ первыхъ статьяхъ этой серіи отразилось общее шатаніе умовъ, характеризующее то смутное десятилѣтіе. Въ статьяхъ „Еврейскій вопросъ въ его основаніяхъ и частностяхъ“ и „Н. И. Пироговъ“ (1881) авторъ съ одной стороны полемизируетъ съ русскими публицистами, отрицающими

[1]) По поводу „Вопросовъ еврейской жизни“—собранія статей М. Г. Моргулиса („Литер. лѣтопись“ *Восхода* 1890, кн. 1—2).

гражданскую правоспособность евреевъ, и увѣряетъ, что евреи готовы отказаться отъ „навязанныхъ имъ спеціальныхъ интересовъ", какъ только „русское общество протянетъ имъ братскую руку" [1]), а съ другой—взываетъ къ гуманности русскаго общества, воплотившейся въ Пироговѣ. О національной самопомощи и самосознаніи тутъ еще и рѣчи нѣтъ... Но проходятъ три года—знаменательные годы погромовъ, репрессій и усиленной эмиграціи—и г. Моргулисъ мѣняетъ тонъ, явно поддаваясь вліянію проповѣди д-ра Пинскера о „территоріальномъ центрѣ". Свою статью „Самоосвобожденіе и самоотреченіе" (1884), направленную противъ идеи религіозныхъ реформъ въ іудаизмѣ, онъ заканчиваетъ слѣдующимъ резюме: „По двумъ теченіямъ должно идти возрожденіе русскихъ евреевъ: одно—въ постепенной эмиграціи, устройствѣ *территоріальнаго центра съ типическимъ строемъ общежитія* на началахъ общечеловѣческихъ, а другое—въ дѣятельности интеллигенціи, направленной на серьезную, разностороннюю работу, съ цѣлью вызвать къ жизни *народное самосознаніе*, не противорѣчащее началамъ общечеловѣческой морали" [2]). Итакъ, публицистъ, недавно еще уповавшій только на гуманность и „братскую руку" русскаго общества, выступаетъ здѣсь въ роли проповѣдника широкой самопомощи и самосознанія, т. е. стоитъ на пути къ національному міросозерцанію. Принявъ Пинскеровскую идею о „территоріальномъ центрѣ", г. Моргулисъ приближается даже къ „палестинцамъ", въ ряды которыхъ онъ потомъ дѣйствительно вступилъ, какъ практическій дѣятель.

Послѣ этого г. Моргулисъ, какъ публицистъ, надолго умолкаетъ, и только въ 1898 г., послѣ шумнаго провозглашенія новаго сіонизма на первомъ Базельскомъ конгрессѣ, онъ выступаетъ со статьей „Современныя опасенія западно-европейскихъ евреевъ" (*Восходъ*, 1898, кн. 1—3). Тутъ онъ старается разрушить ту идею „территоріальнаго центра съ типическимъ строемъ общежитія", которую онъ 14-ю годами раньше выставилъ главнымъ пунктомъ программы еврейской самопомощи. Онъ доказываетъ невозможность и даже нежелатель-

---

[1]) „Вопросы еврейской жизни", Спб. 1889, стр. 501.
[2]) Тамъ же, стр. 593.

ность „еврейскаго государства“ [1]) и заключаетъ свою статью пожеланіемъ, чтобъ мы „мечтали не о политической жизни въ искусственно созданномъ гесударствѣ, а о мирной жизни среди другихъ народовъ, объ общей дѣятельности во всѣхъ сферахъ народной жизни, во имя осуществленія общечеловѣческихъ задачъ“ (кн. Ш, стр. 21).

Итакъ, новая метаморфоза: особый территоріальный центръ невозможенъ или ненуженъ, и приходится думать о „мирной жизни“ среди другихъ народовъ. Какъ устроить нашу „мирную жизнь“ среди народовъ, въ большинствѣ весьма немиролюбиво къ намъ настроенныхъ, г. Моргулисъ не говоритъ. Раньше онъ проповѣдывалъ „территоріальный центръ съ типическимъ строемъ общежитія“. Отъ „центра“ онъ отказался; что же сталось съ „типическимъ строемъ общежитія?“ Не слѣдуетъ ли осуществлять его въ формѣ повсемѣстной защиты нашего самобытнаго развитія, нашихъ національныхъ правъ, какъ это дѣлаютъ всѣ политически несамостоятельныя культурныя націи? Или же мы должны отказаться не только отъ территоріальнаго *центра*, но даже отъ духовно-національной *централизаціи* или объединенія нашего разсѣяннаго народа?—На эти жгучіе вопросы разсматриваемая статья не даетъ никакого отвѣта, ибо нельзя же считать отвѣтомъ туманную заключительную формулу автора: „общая (?) дѣятельность во всѣхъ сферахъ народной жизни во имя осуществленія общечеловѣческихъ задачъ“. Развѣ такія общія мѣста, слова, изъ которыхъ выдохся всякій смыслъ, что-нибудь разъясняютъ? Позволительно ли отвѣчать интеллигенціи, лихорадочно ищущей разрѣшенія животрепещущихъ вопросовъ, ничего не значущей фразой изъ букваря цивилизаціи: занимайтесь „общею“ дѣятельностью „во имя осуществленія общечеловѣческихъ задачъ?“ Вѣдь весь вопросъ—какъ дѣйствовать, въ какомъ

---

[1]) Обозрѣватель журнала „Гашилоахъ (іюль 1902 г.), д-ръ Ш. Галеви сопоставилъ двѣ цитаты изъ двухъ статей г. Моргулиса: — „Самоосвобожденіе“ и „Современныя опасенія“. Въ первой авторъ ссылался на примѣръ реставраторовъ Эзры и Нехеміи въ доказательство *осуществимости* палестинской идеи, или вообще идеи „территоріальнаго центра съ типическимъ строемъ общежитія“, а во второй тотъ же примѣръ приведенъ имъ въ доказательство того, что даже при наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ созданіе общееврейскаго территоріальнаго центра *невозможно* и что типическій центръ еврейства всегда останется внѣ Палестины. (Ср. „Вопросы евр. жизни“, стр. 538, и „Соврем. опасенія“, Восходъ, 1898, кн. 1, стр. 121).

направленіи? Развѣ осуществленіе національныхъ задачъ (поскольку оно не заключается въ національномъ разбоѣ, коимъ евреи уже по своему положенію заниматься не могутъ), развѣ свободное развитіе своей народной индивидуальности не есть въ то же время и служеніе человѣчеству? Или еврейство все еще разсматривается авторомъ не какъ національная, а какъ интернаціональная группа, обязанная „по профессіи“ осуществлять какія-то расплывчатыя внѣнародныя „общечеловѣческія задачи“?

На всѣ эти вопросы можно найти отвѣтъ въ новѣйшей статьѣ г. Моргулиса: „Національзація и ассимиляція“ [1]), направленной противъ нѣкоторыхъ моихъ „Писемъ о старомъ и новомъ еврействѣ“. Но какой это отвѣтъ? Многіе изъ читавшихъ его, вѣроятно, согласятся, что отъ подобныхъ „отвѣтовъ“ ясный вопросъ можетъ превратиться въ запутанную шараду. Въ новой статьѣ теоретическія блужданія г. Моргулиса достигли своего апогея. Прежнее неустойчивое равновѣсіе его взглядовъ превратилось здѣсь въ рѣзкое колебательное движеніе. Скитаясь отъ идеи къ идеѣ и не находя нигдѣ пристанища, авторъ часто удаляется въ область вѣчныхъ тумановъ, гдѣ конкретныя мысли превращаются въ абстрактныя тѣни. Здѣсь проявились наиболѣе яркіе признаки нашей современной идейной растерянности, нашего общественнаго и литературнаго шатанія. Это обстоятельство главнымъ образомъ и побуждаетъ меня остановиться въ настоящемъ „письмѣ“ на указанной статьѣ г. Моргулиса, а также на нѣкоторыхъ другихъ однородныхъ литературныхъ продуктахъ послѣдняго времени, характеризующихъ настроеніе извѣстной части нашей интеллигенціи. Мнѣ давно хотѣлось изслѣдовать топографію того „вреднаго пространства“, которое образовалось между національзмомъ и ассимиляціей, и опредѣлить соціальное положеніе его обитателей. И я дѣлаю это теперь, потому что получилъ требуемые для такого изслѣдованія литературные документы.

Г. Моргулисъ разбираетъ въ своей статьѣ не всю систему еврейскаго національзма, развитую въ моихъ „Письмахъ“, а только два пункта ея: „Автономизмъ, какъ основа національной программы“

---

[1]) *Восходъ* 1902 г., книжки V—VII.

(письмо IV) и „Національное воспитаніе“ (письмо V). Думается, что литературный оппонентъ, рѣшившійся критиковать два „прикладныхъ“ пункта моей системы, обязанъ былъ прежде всего коснуться тѣхъ общихъ принциповъ, изъ которыхъ они вытекаютъ и которые развиты въ первыхъ „Письмахъ“. Стоило г. Моргулису объявить, что онъ не признаетъ основъ еврейской національной *идеи*—и ему незачѣмъ было бы уже спорить противъ моей практической *программы*. Но такой систематическій разборъ заставилъ бы критика раскрыть свое идейное инкогнито, а такая прямота вовсе не соотвѣтствуетъ характеру дѣйствій растерявшейся интеллигенціи. И вотъ г. Моргулисъ благоразумно предпочелъ разбирать мою систему съ конца. Если къ этому прибавить крайне безсистемное и туманное изложеніе моего критика, обладающаго удивительнымъ даромъ запутывать и свои, и чужія мысли, то станетъ ясно, какъ трудна задача антикритики, направленной къ пролитію свѣта на спорный вопросъ.

Г. Моргулисъ разбираетъ мою теорію трехъ фазисовъ развитія еврейской національной идеи: тезиса обособленія, антитезиса ассимиляціи и синтеза автономизма. Я говорилъ, что еврей эпохи тезиса „былъ парій внѣ гетто и гражданиномъ внутри его“, что онъ „жертвовалъ своей индивидуальной свободой ради крѣпости національной дисциплины“ и что „еврей“ преобладалъ въ немъ надъ „человѣкомъ“, т. е. строгая національно-религіозная регламентація стѣсняла свободу жизни и мысли. Противъ этихъ, едва ли не безспорныхъ историческихъ обобщеній г. Моргулисъ выставляетъ слѣдующіе совершенно непостижимые доводы:

„Историческая правда противъ г. Дубнова. Правда только то, что существовало гетто. Но это средневѣковое установленіе принято не волею еврейскаго народа, а создано противъ его воли. Это заточеніе было недобровольное, и въ его тяжелыхъ условіяхъ не было почвы для выработки еврея цѣльнаго, сознательно истязующаго себя (?) для того, чтобы пользоваться неоцѣненными благами давящей его организаціи... Какая же индивидуальная свобода могла принадлежать средневѣковому еврею: вѣдь онъ былъ совершенно безправенъ! ...Въ сущности средневѣковый еврей былъ также и человѣкомъ, онъ не былъ лишенъ своихъ человѣческихъ чувствъ. Это прекрасно выражено въ протестѣ Шейлока противъ воззрѣнія окружавшей еврея среды. ...Въ евреѣ жилъ, мыслилъ и чувствовалъ человѣкъ со свойственными ему физіологическими и психическими законами“ (кн. V, стр. 102, 103, 105).

Къ чему сіе относится? Развѣ я гдѣ либо отрицалъ, что гетто *территоріальное*, „черта осѣдлости“, было навязано „старому еврейству“?

Гетто мѣшало не „выработкѣ еврея цѣльнаго“ а многосторонняго: еврей гетто былъ односторонне-цѣльнымъ человѣкомъ, цѣльнымъ въ своемъ внутреннемъ быту. Непризнанный гражданинъ страны, онъ былъ гражданиномъ своей общины, составлявшей для него государство въ государствѣ; онъ стѣснялъ свою личную свободу (а не „истязалъ себя) строгою дисциплиною Талмуда и раввинизма, для того чтобы сохранить свою національную самобытность — самое великое для него благо. Кто можетъ отрицать эти аксіомы нашей философіи исторіи?.. Совершенно уже непонятнымъ является стараніе г. Моргулиса убѣдить меня, со ссылкою на протестъ Шейлока, что „средневѣковый еврей *былъ и человѣкомъ*», что въ немъ „жилъ, мыслилъ и чувствовалъ человѣкъ со свойственными ему *физіологическими и психическими законами*“. Можно подумать, что я выставилъ средневѣковаго еврея звѣремъ или даже неодушевленнымъ существомъ, лишеннымъ физіологическихъ и психическихъ органовъ. *Такъ* понялъ или истолковалъ г. Моргулисъ мою метафору о томъ, что въ эпоху тезиса „еврей“ преобладалъ надъ „человѣкомъ“, т. е. національно-еврейскій элементъ—надъ общечеловѣческимъ, національная дисциплина надъ индивидуальной свободой. Не знаю, какое названіе подыскать такому пониманію ясныхъ идейныхъ метафоръ, и затрудняюсь сказать, что хуже для г. Моргулиса— считать ли этотъ способъ его пониманія искреннимъ или притворнымъ...

Къ такому уровню пониманія вполнѣ подходитъ слѣдующій примѣръ, приводимый критикомъ въ подтвержденіе своего мнѣнія, будто средневѣковаго еврея связывали съ народомъ не національныя конкретныя стремленія, а какіе-то отвлеченные общечеловѣческіе принципы:

„Возьмите Лассаля, въ которомъ *мало или почти ничего не было еврейскаго*, проанализируйте его душевное настроеніе, когда передъ нимъ всталъ вопросъ: быть или не быть (евреемъ)? Онъ рѣшилъ, что выходъ изъ еврейства былъ бы внутреннимъ противорѣчіемъ всей сущности его духа, какъ человѣка, былъ бы глубокимъ разладомъ съ его человѣческой совѣстью. Въ Лассалѣ заговорилъ не еврей, а человѣкъ. И средневѣковый еврей, съ своими тѣлесными и духовными оковами, воспринималъ все своими *человѣческими* чувствами и рѣшалъ все своей *человѣческой* совѣстью“ (V, 104).

Теперь все ясно. Мотивы, удерживавшіе въ еврействѣ средневѣковаго еврея и Лассаля, „въ которомъ мало или почти ничего не было еврейскаго“, сходны или даже одинаковы. Лассаль, обсуждая вопросъ о крещеніи, рѣшилъ, что такой актъ былъ бы противенъ его

совѣсти, ибо будучи невѣрующимъ іудеемъ, онъ лгалъ бы, еслибъ объявилъ себя вѣрующимъ христіаниномъ. Значитъ, и средневѣковый еврей такъ разрѣшалъ подобную альтернативу, тотъ еврей, которому и въ голову не приходила мысль о возможности свободнаго отпаденія отъ своей „единоспасающей“ вѣры! Неужели г. Моргулисъ не понялъ, что если Лассаль не измѣнилъ еврейству въ силу *отрицательныхъ* мотивовъ,—потому что онъ христіанство такъ же отрицалъ, какъ и іудаизмъ,—то ортодоксальный еврей не дѣлалъ этого въ силу *положительныхъ* мотивовъ, потому что видѣлъ въ іудаизмѣ единственную истину, единственное духовное благо, безъ чего и жить бы не стоило? Неужели человѣкъ, въ которомъ „почти ничего не было еврейскаго“, могъ о еврействѣ думать такъ, какъ человѣкъ, въ которомъ все было еврейское, все его духовное „я“, весь строй жизни, всѣ вкусы, привычки и симпатіи, весь смыслъ бытія?..

Это роковое для г. Моргулиса сравненіе понадобилось ему, очевидно, для того, чтобы доказать, что можно не быть „національнымъ“ евреемъ и даже не имѣть въ себѣ „почти ничего еврейскаго“—и все-таки оставаться въ еврействѣ, въ силу „человѣческой совѣсти“. Такимъ путемъ онъ хочетъ оправдать ту ассимилированную интеллигенцію, которой принадлежность къ еврейству ограничивается тѣмъ, что она еще не приняла крещенія. Но нужно быть уже черезчуръ непритязательнымъ, чтобы довольствоваться такой интеллигенціей. Въ наше время приходится часто слышать отъ интеллигентовъ, ничего общаго не имѣющихъ съ еврействомъ кромѣ метрики: „Да развѣ мы не страдаемъ за еврейство? Вѣдь стоило намъ офиціально отречься отъ него—и мы бы пользовались всѣми земными благами?“ Такимъ людямъ можно отвѣчать: „Вы, пожалуй, лучше тѣхъ, которые къ внутреннему отреченію отъ своего народа прибавляютъ внѣшнее, офиціальное. Но ваша жертва нужна вашей личной совѣсти, а не народу, въ рядахъ котораго вы только числитесь. Оставаясь евреями только по имени, вы тѣмъ самымъ доказываете, что вы лишены національной совѣсти, духовной и нравственной связи съ своимъ народомъ. Поймите, что не отрекаться отъ данной націи еще не значитъ принадлежать ей. Не быть офиціально неевреемъ не значитъ еще быть евреемъ. Внутренно ассимилированные (подобно Лассалю) съ другимъ на-

родомъ, вы уже *фактически* не принадлежите своему. Вы такъ же мало даете еврейству, національные интересы котораго вамъ чужды, какъ еврейство—вамъ, вашей программѣ жизни. Если бы вся интеллигенція состояла изъ подобныхъ вамъ людей, которые остаются въ еврействѣ потому только, что „выходъ изъ него“ противенъ ихъ совѣсти, то мы бы уже давно не имѣли *еврейской* интеллигенціи“.

Никто, конечно, не можетъ мѣшать г. Моргулису толковать исторію и современность по своему и окутывать ихъ непроницаемымъ туманомъ. Худо только то, что въ его туманной умственной призмѣ чужія мысли принимаютъ уродливыя формы. Изъ десяти египетскихъ казней мой критикъ возлюбилъ *тьму*, въ качествѣ орудія борьбы съ противникомъ: онъ систематически затемняетъ самыя ясныя мои мысли. Примѣнивъ эту „казнь“ къ моей формулѣ тезиса, онъ тѣмъ же способомъ казнитъ и формулу антитезиса. Я говорилъ, что въ эпоху антитезиса культурное еврейское общество западной Европы и затѣмъ *„верхніе слои* русскаго еврейства“ отреклись отъ представленія о еврействѣ, какъ о живой, внутренно-автономной націи, и провозгласили догму сліянія съ окружающими націями. „Одни—говорилъ я—уходили по пути сліянія очень далеко;... другіе, подобно сатанѣ въ „Іовѣ“, отнимали у своей бывшей націи все, кромѣ души, которая у нихъ какъ то *сократилась* [1]), втиснутая въ узкую рамку нѣсколькихъ религіозныхъ догматовъ и обрядовъ“ (выше стр. 78). На это мнѣ возражаютъ:

„Еслибъ это было такъ, то въ теченіе ста лѣтъ не осталось бы евреевъ. Г. Д. предчувствовалъ это возраженіе и потому осторожно прибавляетъ, что душа еврейская *какимъ то чудомъ сохранилась* [2]), но втиснута была въ узкую рамку нѣсколькихъ обрядностей и догмъ. Стоитъ только вдуматься въ ту мысль, что цѣлыхъ сто лѣтъ душа удержалась въ такомъ малопитательномъ тѣлѣ, какимъ является нѣсколько обрядностей [3]), чтобы постигнуть всю ея несостоятельность. Мы, напротивъ, всегда привыкли думать, что историческая душа не сохраняется лишь благодаря безжизненной оболочкѣ. *Массовый еврей* всегда шелъ за тѣми, въ искренность которыхъ онъ вѣрилъ... И въ послѣдніе

---

[1]) Г. Моргулись цитируетъ эту фразу курсивомъ, но употребляетъ вмѣсто слова „сократилась“ слово *„сохранилась“*, при чемъ въ скобкахъ иронически прибавляетъ: „очевидно чудомъ“ (V, 105), а дальше онъ комментируетъ все ту же искаженную версію, не замѣчая ея безсвязности.

[2]) См. предыдущее примѣчаніе.

[3]) А гдѣ же догматы, о которыхъ я говорилъ?

сто лѣтъ еврейская интеллигенція, какъ бы она ни стремилась къ ассимиляціи, успѣла перетянуть на свою сторону незначительную часть еврейства, а масса остается подъ прежнимъ вліяніемъ... При такихъ условіяхъ массовый еврей не могъ перестать быть евреемъ (V, 105—107).

Г. Моргулисъ ломится въ открытую дверь и возражаетъ не на то что я говорилъ, а на ту несообразность, которую онъ мнѣ произвольно навязалъ. Гдѣ вы у меня найдете такую небылицу, будто „массовый еврей“ отрекся отъ своей національной идеи ради сліянія съ чужими народами? И могъ ли я сказать нѣчто подобное въ то время, когда изъ пяти милліоновъ русскихъ евреевъ не меньше четырехъ съ половиною живутъ въ условіяхъ не только религіозной, но и самой строгой національной самобытности? Я говорилъ ясно, что въ Россіи „верхніе слои еврейства“, т. е. интеллигенція и полукультурный классъ, примкнули въ эпоху антитезиса къ знамени ассимиляціи. Но вѣдь въ томъ и горе, что къ ассимилированному меньшинству принадлежитъ вліятельная часть интеллигенціи, которая постепенно перетягиваетъ къ себѣ если не широкія *массы*, то значительныя группы такъ называемаго „общества“. Въ рукахъ этого меньшинства находится завѣдываніе многими общественными учрежденіями, въ особенности просвѣтительными. Развѣ въ рукахъ ассимилированной интеллигенціи это не сильное орудіе для постепенной денаціонализаціи массъ?

Расправившись такъ легко съ тезисомъ и антитезисомъ, г. Моргулисъ принимается за синтезъ. Послѣдній охарактеризованъ мною, между прочимъ, какъ переходъ народа отъ подражательной „гетерономіи“ или инозаконія къ оригинальной „автономіи“, къ правильному развитію въ духѣ своей исторической эволюціи. По этому поводу мой критикъ разводитъ такой туманъ:

...„Сложный историческій индивидъ не подчиняется какимъ то особымъ „законамъ развитія“, а вырабатываетъ *особыя стороны жизни*, свойственныя его умственному и нравственному складу. Неумѣстно говорить о навязываніи чужихъ законовъ и совершеніи насилія надъ народомъ. Если законы развитія общіе, то не можетъ быть чужихъ законовъ, а если чужіе законы развитія, вопреки логикѣ, существуютъ, то они не въ состояніи уничтожить выработанныхъ тысячелѣтіями самобытныхъ сторонъ жизни... Г. Дубновъ считаетъ сліяніе съ другими оскорбленіемъ чувства націи, хотя бы политически приниженной... Но... можно относиться съ любовью къ общечеловѣческимъ сторонамъ жизни народа и вмѣстѣ съ тѣмъ питать полное родственное расположеніе къ самобытно-исключительнымъ сторонамъ, не сливаясь съ другими народностями... Мы въ статьѣ о дѣятельности Оршанскаго... доказывали, что такое

люди шестидесятыхъ годовъ разумѣли подъ ассимиляціей: *сліяніе лишь по внѣшнимъ формамъ съ господствующей средой*; но по духу, по стремленію къ разработкѣ внутренней своей культуры, (они?) разумѣли *любовь къ прошлому*, къ историческимъ своимъ памятникамъ, *симпатію къ судьбѣ своего народа*, освѣщеніе еврейскаго знанія и пр... Надобно же принять во вниманіе истинное ея (ассимиляціи) содержаніе, имѣющее и своихъ представителей, и отличить *ясную* ассимиляцію отъ *темной* [1]).

Первая часть этихъ возраженій, сводится къ игрѣ словами. Г. Моргулисъ не признаетъ „особыхъ законовъ“ развитія націи, а допускаетъ только „особыя“ или „самобытныя стороны жизни“ у каждой націи. Но что такое „историческій законъ“? Въ научномъ смыслѣ это—формула причинныхъ соотношеній между однообразно повторяющимися явленіями исторіи. Въ общеупотребительномъ смыслѣ, подъ историческими законами подразумѣваются основныя соціальныя или духовныя силы, направляющія жизнь даннаго народа въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени. Но если у каждой націи существуютъ, сверхъ общечеловѣческихъ, и индивидуальныя „стороны жизни“, то ясно, что между этими индивидуальными сторонами и общимъ строемъ жизни должны установиться и спеціальныя соотношенія. То же—съ „направляющими силами“: у различныхъ народовъ онѣ проявляются въ различныхъ пропорціяхъ (напр. въ древнемъ Римѣ главной направляющей силой была государственность, а въ Іудеѣ—религіозно-этическое начало, которое подрывало государственность и затѣмъ заняло ея мѣсто). Новы, конечно, не самыя силы, дѣйствующія въ исторіи, а ихъ особенныя комбинаціи въ исторіи каждаго народа. Вотъ эти-то спеціальныя комбинаціи силъ и особыя соотношенія между явленіями я и называю „спеціальными законами“. Неодинаково, напримѣръ, будутъ развиваться двѣ націи, совершенно различныя по своему историческому возрасту и политическому положенію. Древняя нація, сохранившая свои культурныя традиціи, будетъ воспринимать элементы новой культуры съ большимъ разборомъ и иначе будетъ ихъ комбинировать со своими духовными запасами, чѣмъ нація вчерашняго дня, историческая tabula rasa. У зависимой и гонимой націи вырабатываются иныя соціальныя эмоціи, иныя формы народной и правовой самозащиты, чѣмъ у господствующихъ націй, при режимѣ милитаризма и усиленной государствен-

[1]) Кн. V, стр. 111—112. Послѣдніе два курсива—въ подлинникѣ.

ности. Наконецъ, накопленный историческій опытъ, въ связи съ многовѣковою наслѣдственностью, образуютъ извѣстный національный укладъ жизни, стремленія, идеалы. Сознательное развитіе интеллигенціи въ этомъ національномъ духѣ я назвалъ „автономнымъ", а слѣпое или разсчетливое подражаніе инородному—„гетерономнымъ".

Гетерономное развитіе извѣстной части народа роковымъ образомъ ведетъ къ отпаденію этой части отъ автономно развивающагося народнаго организма. Чужія формы развитія, по оптимистической увѣренности г. Моргулиса, „не въ состояніи уничтожить выработанныя тысячелѣтіями самобытныя стороны жизни". Да, не въ состояніи—въ той части народа, которая непрерывно борется за свою самобытность и даетъ постоянный отпоръ навязываемымъ ей чужимъ формамъ; но все самобытное по необходимости исчезаетъ въ тѣхъ слояхъ народа, которыя обнаруживаютъ склонность къ „чужимъ формамъ", къ ассимиляціи. Одно XIX столѣтіе искоренило тысячелѣтіями лелѣянное знаніе еврейскаго языка среди 90% евреевъ западной Европы, говорящихъ, читающихъ, пишущихъ и даже молящихся по-нѣмецки, французски или англійски, и тѣмъ закрыло для нихъ подлинные источники нашей многовѣковой литературы. Да и не одна литература: вся *жизнь* и *культура* еврейства чужды десяткамъ тысячъ номинальныхъ евреевъ, развившихся въ томъ духѣ, который такъ нравится г. Моргулису.

Мой критикъ выступаетъ защитникомъ какой-то „ясной ассимиляціи", „имѣющей и своихъ представителей" (не сомнѣваемся въ этомъ) и означающей „сліяніе лишь по внѣшнимъ формамъ съ господствующей средой". Но вѣдь *извѣстныя* „внѣшнія формы" составляютъ результатъ самобытной національной эволюціи, и „сліяніе" здѣсь означало бы отреченіе отъ послѣдней. Если, напримѣръ, культурный еврей носитъ нѣмецкую или русскую одежду, то онъ конечно не измѣняетъ своей націи; но если онъ своихъ дѣтей обучаетъ по русской или нѣмецкой школьной программѣ, не давая имъ еврейской подготовки, то этимъ онъ уже создаетъ для нихъ переходъ отъ внѣшняго сліянія къ внутреннему. Что же тогда останется?—„Любовь къ прошлому и *симпатія къ судьбѣ своего народа*" — успокаиваетъ насъ неунывающій г. Моргулисъ. Умилительно! Еврей можетъ слиться во „внѣшнихъ формахъ" съ нѣмцами, русскими или французами и только „любить

прошлое" еврейской націи и „симпатизировать ея судьбѣ". Но вѣдь я могу „симпатизировать судьбѣ" и нынѣшнихъ буровъ, и гонимыхъ армянъ, могу „любить прошлое" классическихъ грековъ, Нидерландовъ временъ борьбы съ Филиппомъ, Франціи временъ великой революціи,— неужели этого достаточно, чтобы я уже считался буромъ, арменіномъ или французомъ? Развѣ вполнѣ ассимилированные евреи, называющіе себя нѣмцами, поляками и т. п., не увѣряютъ насъ въ своихъ „симпатіяхъ" къ „единовѣрцамъ"?

Это—одно изъ немногихъ мѣстъ, гдѣ г. Моргулисъ неосторожно выдаетъ тайну своей симпатіи къ „ассимиляціи", хотя и съ оговорками, незначительность которыхъ я сейчасъ указалъ. Послѣ этого остается только удивляться той рѣшительности, съ которою онъ въ другихъ мѣстахъ своей статьи открещивается отъ ассимиляціи *вообще*? Къ чему эта идейная эквилибристика?

Разбирая далѣе мое положеніе, что синтезъ долженъ примирить все лучшее изъ тезиса (національную самобытность) и антитезиса (расширеніе индивидуальной и гражданской свободы), г. Моргулисъ сѣтуетъ, что синтезъ сводится у меня къ *автономіи*, т. е.—поясняетъ онъ— „къ худшей сторонѣ обѣихъ противоположностей". Онъ даже „изумленъ ужасающимъ результатомъ" моего синтеза, выраженнымъ въ формулѣ: „стремленіе къ автономіи и отвращеніе къ гетерономіи" (V, 112—113). Конечно, для сторонника „ясной ассимиляціи" культурная автономія— „худшая сторона", а отвращеніе къ гетерономіи „ужасно". Поясню только моему оппоненту, что „отвращеніе къ гетерономіи" не означаетъ, какъ онъ ошибочно толкуетъ, „отвращеніе къ чуждому духу и чуждымъ формамъ развитія", а только отвращеніе къ навязыванію этихъ чуждыхъ формъ народу, способному развиваться самобытно. Неужели такое отвращеніе къ насилію, во имя національной свободы, „ужасно"?

За неимѣніемъ лучшихъ доводовъ противъ непріятной ему автономіи, мой оппонентъ прибѣгаетъ къ курьезному смѣшенію *національной* автономіи съ стремленіями *партійными*. Онъ спрашиваетъ, какъ возможна автономія *общины* при существованіи въ ней различныхъ партій?

„Автономія—говоритъ онъ — не можетъ пользоваться компетенціей въ направленіи духа общины въ опредѣленномъ смыслѣ. Компетенціи автономіи не

можетъ подлежать введеніе исключительно ортодоксальнаго режима въ синагогахъ, или особой системы преподаванія въ школахъ и т. д... Вся община не можетъ состоять изъ единомышленныхъ общинниковъ въ дѣлѣ религіи, воспитанія и общественности. Такая тѣсно замкнутая организація съ широкой властью [чьей?] объединить всѣхъ общинниковъ однимъ кольцомъ, какая рекомендуется г. Дубновымъ, въ состояніи насильно навязать такой культъ (?), отъ котораго застонала бы община" (V, 114).

Въ отвѣтъ на эту странную тираду мнѣ приходится, къ сожалѣнію, разъяснить ея автору нѣсколько азбучныхъ истинъ. Подъ культурной автономіей подразумѣвается право даннаго національнаго меньшинства устраивать по своему свои общинныя и образовательныя учрежденія, внѣ зависимости отъ однородныхъ учрежденій національнаго большинства, т. е. внѣ искусственныхъ инородныхъ вліяній, но это вовсе не означаетъ казарменнаго однообразія внутри самого общества, пользующагося автономіей. Національный еврей можетъ быть и ортодоксальнымъ, и свободомыслящимъ. Внутри автономной общины ортодоксы и либералы могутъ бороться за преобладаніе, но это имъ не помѣшаетъ защищать соединенными силами свою независимость національную. Школа, напримѣръ, будетъ обязательно національна, а будетъ ли она прогрессивна или ортодоксальна—это уже зависитъ отъ состава партій въ каждой общинѣ. Именно автономія цѣлаго допускаетъ полную свободу частей, различающихся по индивидуальнымъ, но не національнымъ стремленіямъ.

Возражая на мое мнѣніе о необходимости объединенія еврейскихъ политическихъ дѣятелей въ конституціонныхъ странахъ, путемъ образованія *парламентскихъ національныхъ фракцій*, — г. Моргулисъ говоритъ:

„Г-нъ Д. забываетъ, что... достиженіе желательной ему національной компактности еще недостаточно для боевой политической силы. Для этого необходимо еще обладать большимъ политическимъ умомъ, надобно имѣть широкій политическій кругозоръ, ораторскій талантъ и всестороннее образованіе. Рѣчи депутатовъ, хотя бы и прошедшихъ сквозь чистѣйшій національный фильтръ, могутъ набить парламенту такую же оскомину, какая набивается безталанными рѣчами антисемитовъ. Между тѣмъ, настоящій боевой депутатъ, *будучи избранъ только христіанами, не входя вовсе въ составъ чисто-еврейской національной партіи, можетъ* вести такую интенсивную талантливую защиту, какая и не приснится нашимъ націоналистическимъ мудрецамъ... Начнемъ съ того, что очень часто (?) въ парламентахъ раздается вѣская защита евреевъ со стороны христіанъ... Съ другой стороны, исторія знаетъ примѣры эпохи антитезы... когда въ германскомъ парламентѣ раздавались блестящія рѣчи евреевъ, подчасъ избиравшихся исключительно христіанами. Всемірно извѣстный еврей-

скій депутатъ Ласкеръ, дѣйствовавшій въ разгаръ ассимиляціоннаго періода, стоявшій во главѣ *національно-либеральной партіи Германіи*, былъ блестящимъ защитникомъ еврейскихъ правъ" etc. (V, 36).

Выходитъ такъ, что пока еврей-депутатъ состоитъ членомъ *чужой* національной партіи, онъ обезпеченъ и политическимъ умомъ, и ораторскимъ талантомъ, и способенъ (захочетъ-ли — это не важно) вести „интенсивную защиту евреевъ"; но какъ только онъ вступитъ въ составъ еврейской національной фракціи, Богъ у него отниметъ и политическій разумъ, и ораторскій талантъ, и способность къ интенсивной защитѣ своихъ соплеменниковъ, и рѣчи его будутъ „набивать оскомину, какъ безталанныя рѣчи антисемитовъ." Боже, за что же такая кара? Неужели евреи могутъ быть даровиты лишь до тѣхъ поръ, пока они служатъ другимъ націямъ и только мимоходомъ „защищаютъ" свою націю? Это уже нѣчто новое въ области народной психологіи...

Понимаетъ ли г. Моргулисъ, что если депутатъ-еврей, не входящій въ составъ еврейской національной фракціи, только *можетъ* защищать евреевъ, то депутатъ, входящій въ еврейскую національную фракцію, *долженъ* и постоянно *будетъ* отстаивать интересы своего народа? Въ IV-мъ письмѣ я указывалъ на примѣръ австрійскихъ депутатовъ-евреевъ, прихвостней „польскаго клуба", которые, хотя и могутъ, не хотятъ защищать еврейскіе народные интересы. Примѣръ Ласкера выбранъ неудачно. Этотъ вождь національно-либеральной партіи Германіи, *иногда* защищавшій равноправіе евреевъ, защищалъ его на почвѣ ассимиляціи, а не національно-еврейской автономіи. Онъ требовалъ гражданскаго равноправія для евреевъ, какъ для органической части *германской* націи, отрекшейся отъ своей національности и оставшейся вѣрной только своей религіи. Евреи въ его глазахъ были такими же нѣмцами, исповѣдующими іудейскую религію, какъ нѣмцы, исповѣдующіе католичество вмѣсто протестантизма. Такихъ „защитниковъ" мы имѣемъ и теперь. Но въ томъ-то и смыслъ нашего національнаго движенія, чтобы выдвинуть народныхъ борцовъ не *полу-евреевъ*, а *евреевъ*, желающихъ добиться для своей націи всей полноты культурно-автономныхъ правъ, наравнѣ съ другими, политически зависимыми націями.

Дальше г. Моргулисъ даетъ намъ слѣдующій глубокомысленный урокъ политической мудрости:

„Національзація въ области политики меньше всего можетъ привести къ гуманнымъ результатамъ... Группировка по національнымъ партіямъ, необходимость сплачиваться во имя спеціальныхъ интересовъ—есть скорѣе признакъ безсилія и разложенія (?), отсутствія твердыхъ общеловѣческихъ началъ, признакъ соціальнаго паденія... Примѣръ — современная *Чемберленовская Англія*“ (VI, 37).

Чтобы понять всю „аттическую соль“ подобныхъ аргументовъ, представьте себѣ на минуту, что они выдвигаются не противъ національзаторовъ-евреевъ, а противъ національзаторовъ-ирландцевъ, требующихъ автономіи. Ирландецъ-ассимиляторъ говоритъ, примѣрно, своимъ землякамъ устами г. Моргулиса: „Національзація въ политикѣ противна гуманности, какъ вы видите изъ примѣра имперіалистской Чемберленовской Англіи, давящей васъ. Вы группируетесь въ парламентѣ въ особую національную партію—ирландскую; нехорошо: это признакъ безсилія и разложенія, отрицаніе общечеловѣческихъ началъ“. На это ирландецъ-національзаторъ конечно отвѣтитъ: „Да, національзація Чемберленовская или британизація, направленная къ подавленію нашей автономіи, дѣйствительно негуманна, но противъ этой именно негуманности мы и боремся, образуя свою національную партію въ парламентѣ, сплачиваясь во имя своихъ народныхъ интересовъ. Въ „безсиліи и разложеніи“ насъ можно было бы упрекнуть, если бы мы не вели такой борьбы. Глупо укорять насъ, національзаторовъ-освободителей, примѣромъ національзаторовъ-поработителей, преслѣдующихъ противоположныя въ моральномъ смыслѣ цѣли: вѣдь мы не стремимся къ подавленію автономіи Англіи“. Я, впрочемъ, думаю, что между двумя ирландцами подобный коллоквіумъ былъ бы на дѣлѣ невозможенъ, ибо врядъ ли нашелся бы здравомыслящій ирландецъ, который бы выдвинулъ столь несообразныя возраженія противъ своей же національной идеи. А у насъ, евреевъ, гдѣ существуетъ свой національный вопросъ, отличающійся отъ другихъ аналогичныхъ вопросовъ только въ формѣ и степени, но не въ сущности, — у насъ возможны въ устахъ еврея доводы противъ національной организаціи нашихъ политическихъ силъ, въ родѣ вышеприведенныхъ.

Да, велика еще сила моральнаго рабства въ извѣстной части нашей интеллигенціи, рабства, возмущающаго даже иныхъ свободомыслящихъ христіанъ. Вотъ г. Моргулисъ утверждаетъ, что еврейская парламентская партія въ Австро-Венгріи не нужна, ибо еврейскіе интересы могутъ за-

щищать либо „гуманные христіане“, либо евреи изъ общихъ партій; онъ торжественно увѣряетъ (въ отвѣтъ на мою мысль, что въ Америкѣ представляется широкое поле для еврейской автономіи), что „въ Америкѣ именно не можетъ быть и рѣчи о „національзаціи“, т. е. о созданіи еврейской національно-парламентской партіи (стр. 40). А между тѣмъ чешскій профессоръ *Масарикъ*, христіанинъ (и вслѣдъ за нимъ Брейтеръ), настоятельно рекомендуетъ евреямъ самозащиту въ формѣ организаціи самостоятельной національно-политической фракціи въ рейхсратѣ [1]). Еще энергичнѣе выступаетъ въ защиту еврейской національно-политической организаціи извѣстный американскій писатель *Маркъ-Твэнъ*, недавно посѣтившій Австрію и писавшій о тамошней національной борьбѣ. Одинъ американскій адвокатъ-еврей — очевидно, заатлантическій единомышленникъ г. Моргулиса—обратился къ Маркъ-Твэну съ просьбой высказать свое мнѣніе относительно будущности евреевъ въ Австро-Венгріи и другихъ странахъ, гдѣ имъ угрожаетъ антисемитизмъ. Желая выставить „политическую благонадежность“ евреевъ, адвокатъ съ гордостью указалъ на то, что „изъ девятнадцати народностей, населяющихъ Австро-Венгрію, только одни евреи не имѣютъ своей отдѣльной партіи“ (политической). На это откровенное заявленіе Маркъ-Твэнъ отвѣтилъ, между прочимъ, слѣдующее [2]):

„У евреевъ нѣтъ партіи“. — Зачѣмъ вы открываете ваше слабое мѣсто? Такое признаніе не дѣлаетъ чести ни вашей націи, ни вамъ, если вы, констатируя этотъ печальный фактъ, не считаете нужнымъ высказать ваше глубочайшее сожалѣніе. Тѣмъ болѣе вы не должны выставлять его въ свою защиту противъ несправедливыхъ притѣсненій.

Кто далъ еврею право, кто далъ всякой другой націи право сидѣть, сложа руки, въ свободной странѣ и ждать, чтобы посторонніе люди защищали ея интересы? Еврей былъ достоинъ всякаго сожалѣнія въ прежніе грубые вѣка насилія и произвола, когда у него не было средствъ для борьбы съ врагомъ. Но лѣтъ сто, какъ эти средства уже даны ему наравнѣ съ другими, а онъ еще не сдѣлалъ изъ нихъ никакого серьезнаго употребленія. Когда французская революція превратила его въ полноправнаго гражданина, это былъ актъ милости чужого народа, а не плоды его собственныхъ усилій. Я не знаю, способствовалъ ли еврей движенію, давшему ему права въ Англіи. Въ числѣ двѣнадцати непомѣшанныхъ мужей Франціи, выступившихъ съ великимъ Зола на защиту самаго измученнаго, безчестно и позорно обиженнаго еврея

---

[1]) См. письмо IV, выше стр. 96, и приложеніе, стр. 111—12.

[2]) См. „О евреяхъ“ Маркъ-Твэна, переводъ въ „Будущности“, 1902 г., №№ 30—31.

современной эпохи, былъ ли хоть одинъ знаменитый или архибогатый еврей? Въ Америкѣ, еврею нечего бороться за свои права: онъ ихъ имѣлъ съ самаго начала. Но въ Астріи, Германіи, Франціи онъ пользуется правомъ избирательнаго голоса и не дѣлаетъ изъ него никакого употребленія. Очевидно, онъ не умѣетъ взяться за дѣло. Со всѣми своими способностями и деньгами, евреи нигдѣ не играютъ политической роли. Въ Америкѣ каждый неучъ-ирландецъ ясно сознаетъ свои прерогативы, и съ первыхъ же шаговъ ирландцы показали, что заставятъ съ собой считаться на политической аренѣ. Дѣло въ томъ, что ирландцы въ нашей странѣ умѣло организованы, и ихъ избирательный голосъ пріобрѣтаетъ отъ этого не только громадную силу, но часто и перевѣсъ. Если вы скажете, что численностью евреи вездѣ представляютъ меньшинство, я вамъ возражу теперь, что это не отвѣтъ, принимая во вниманіе мой примѣръ съ ирландцами. Какъ ни мало васъ, но въ странахъ, управляемыхъ парламентомъ, вы всѣ должны вотировать за одного еврея при выборѣ членовъ въ разныя законодательныя собранія. Вліяніе, которое иногда можетъ оказать даже одинъ членъ, бываетъ громадно. А что вы сдѣлали для этого въ Австріи, Германіи и Франціи? Или хотя бы въ Америкѣ? Вы спѣшите указать, что евреи стояли совершенно въ сторонѣ отъ безпорядковъ въ австрійскомъ парламентѣ и съ удовольствіемъ добавляете, что тамъ не было ни одного депутата-еврея. Во первыхъ, это не совсѣмъ вѣрно, а во-вторыхъ вы бы должны были приложить всѣ усилія, чтобъ объяснить и оправдать такое явленіе, а не выставлять его какъ достоинство. Во всякомъ случаѣ, въ парламентѣ гораздо меньше евреевъ, чѣмъ могло бы быть, принимая во вниманіе, что право голоса имъ дается наравнѣ съ другими народностями.

Отвѣчая далѣе на вопросъ своего корреспондента: „могутъ-ли евреи помочь своему бѣдственному положенію?“—Маркъ-Твэнъ говоритъ:

Въ политикѣ организуйте ваши силы, сплотитесь воедино, одерживайте побѣды на выборахъ, а гдѣ нельзя—выговаривайте себѣ хоть выгодныя условія. Вы уже сплочены общими бѣдствіями; но вы не эксплоатируете вашей силы, исключая цѣлей благотворительности. Послать бы къ вамъ сюда (въ Австрію) нашихъ ирландцевъ! Эти молодцы живо бы научили васъ, какъ поставить дѣло, и парламентъ скоро бы пріобрѣлъ другой видъ. Вы ошибаетесь, думая, что евреи не принимаютъ участія въ австрійской политикѣ; наоборотъ, они дѣятельные политики, но они разбрасываютъ свои способности по разнымъ партіямъ и теряютъ выгоду, получаемую отъ сосредоточенія всѣхъ силъ вмѣстѣ“.

Что можно прибавить къ этому выраженію глубокаго моральнаго негодованія, вызваннаго въ стороннемъ наблюдателѣ зрѣлищемъ національнаго рабства, въ которое впала ассимилированная еврейская интеллигенція? Отвѣтъ Маркъ-Твэна, адресованный американскому адвокату-еврею, можетъ быть всецѣло направленъ по адресу многихъ „адвокатовъ-евреевъ“ изъ Россіи, говорящихъ тѣмъ же „рабьимъ языкомъ“ о томъ, что составляетъ священнѣйшую обязанность еврей-

ской интеллигенціи, и дождавшихся того, что объ этой обязанности имъ теперь напоминаютъ чужіе...

Кстати—объ отношеніи христіанъ къ еврейскому національному движенію. Не это отношеніе, конечно, должно руководить дѣятельностью еврейской интеллигенціи, которая обязана отстаивать національную свободу и самобытность своего народа во всѣхъ сферахъ жизни, какъ бы на это ни смотрѣли извнѣ, сочувственно или враждебно. Но для нашихъ противниковъ-ассимиляторовъ, дорожащихъ больше всего тѣмъ мнѣніемъ, которое о насъ составляется въ нееврейскихъ кругахъ, и соображающихъ съ этимъ свое поведеніе,—для нихъ нелишне указать здѣсь на нѣкоторые поучительные факты послѣдняго времени. Опубликованные недавно [1]) результаты опроса выдающихся западноевропейскихъ и русскихъ писателей о сіонизмѣ показываютъ слѣдующее. Значительное большинство опрошенныхъ, высказавъ сомнѣніе въ осуществимости политическихъ плановъ сіонизма, отнеслось съ глубокой симпатіей къ связанной съ нимъ идеѣ національно-культурнаго возрожденія евреевъ. Наиболѣе вдумчивые изъ христіанскихъ писателей рѣзко подчеркнули необходимость особой *національной* организаціи евреевъ повсемѣстно. Швейцарскій профессоръ Геманъ, напримѣръ, пишетъ:

„Заслуга сіонистовъ будетъ неизмѣримо велика, даже въ томъ случаѣ, если имъ не удастся возстановить еврейское царство въ Палестинѣ, ибо *они пробудятъ въ народѣ національное сознаніе и заставятъ его заявить объ этомъ другимъ народамъ*... Еврейскому народу поставленъ ребромъ вопросъ: или сдѣлаться настоящими евреями, *по духу и образу мышленія*, или же отбросить отъ себя еврейство... Такъ называемые *полуевреи*, т. е. люди, относящіеся индиферентно не только къ религіи, но и къ своей національности, сейчасъ же поняли, что для нихъ наступилъ рѣшительный моментъ“.

Проф. Масарикъ высказался коротко и ясно: „Я *выше всего цѣню* въ немъ (сіонизмѣ) *націонализмъ*, въ силу котораго угнетенный еврей не стыдится своей національности“. Нѣтъ сомнѣнія, что еслибы авторъ разосланнаго „запроса“,—повидимому, правовѣрный сіонистъ,—формулировалъ его не въ узко-партійномъ смыслѣ, а запросилъ бы мнѣнія христіанскихъ писателей о еврейскомъ *національ-*

[1]) „Русская Мысль“ 1902, іюль, статья „Сіонизмъ и христіане“ д-ра Гордона.

лизмъ, какъ чистомъ автономно-культурномъ движеніи, то онъ получилъ бы еще болѣе рѣшительныя выраженія сочувствія и одобренія. Только поверхностные доктринеры космополитизма, или же представители другой крайности—реакціонеры-государственники, могутъ требовать отъ евреевъ—первые „растворенія въ человѣчествѣ", а вторые—растворенія среди господствующихъ націй.

Наряду съ этими изъявленіями симпатіи освободительнымъ стремленіямъ національнаго еврейства со стороны неевреевъ, изъ лагеря евреевъ-ассимиляторовъ все еще слышатся старые рабскіе возгласы: мы не хотимъ національнаго обособленія, не признаемъ „реакціоннаго" лозунга: *сохраненіе еврейства*, мы не имѣемъ спеціальныхъ культурно-историческихъ задачъ, а должны „работать рука объ руку съ передовыми элементами народа, среди котораго мы живемъ". Это избитое общее мѣсто ассимиляціонной доктрины повторилъ новый публицистъ, г. *Бикерманъ*, въ длинной статьѣ „О сіонизмѣ и по поводу сіонизма", помѣщенной въ „Русскомъ Богатствѣ" (1902, іюль). Авторъ статьи отождествляетъ прогрессивное начало *„сохраненія* націи", во имя котораго національное меньшинство борется за свою внутреннюю автономію, съ реакціоннымъ началомъ *„охраненія"*, во имя котораго національное большинство подавляетъ эту автономію. Націоналистамъ—сѣтуетъ онъ—нужно, чтобы всякое дѣло непремѣнно „служило *сохраненію* евреевъ". *„Охранять*—вотъ тенденція сіонистовъ, еврейскихъ и всякихъ націоналистовъ. Но эта тенденція во всѣ времена и у всѣхъ народовъ была, есть и будетъ реакціонная тенденція" (стр. 40). Но „у всѣхъ ли народовъ"?—вотъ вопросъ. Неужели героическая борьба Нидерландовъ XVI вѣка за свою религіозно-національную самобытность, борьба нынѣшнихъ познанскихъ поляковъ противъ германизаціи, или побѣжденныхъ нынѣ буровъ за сохраненіе, по крайней мѣрѣ, своей областной и культурной автономіи, —неужели все это реакціонныя движенія?

Характеренъ доводъ, которымъ г. Бикерманъ старается устранить это различіе между оборонительнымъ и наступательнымъ націонализмомъ. Онъ, видите-ли, убѣжденъ, что оборонительный націонализмъ превратится въ наступательный, „лишь только окажутся въ наличности необходимыя для этого силы" (стр. 30). Но по этой логикѣ нужно осу-

ждать всякія освободительныя національно-политическія движенія изъ опасенія, что освободившіеся народы усилятся и станутъ угнетать другихъ. Кошутъ не долженъ былъ бороться за свободу Венгріи, которая теперь мадьяризируетъ румынъ и славянъ; поляки должны дать себя онѣмечивать, дабы лишить себя возможности полонизировать впослѣдствіи живущихъ среди нихъ нѣмцевъ и русиновъ. Перенесите эту логику въ соціально-экономическую сферу—и вы дойдете до заключенія, что угнетаемый фабрикантомъ рабочій не долженъ улучшать свое матеріальное положеніе или стремиться къ экономической независимости, изъ опасенія, что по достиженіи независимости онъ самъ откроетъ фабрику и въ свою очередь будетъ угнетать рабочихъ... Опасенія агрессивности особенно курьезны, когда рѣчь идетъ о національномъ движеніи среди евреевъ, которые уже по своему общественному положенію среди другихъ націй не могутъ покушаться на чью бы то ни было національную свободу.

Предлагая еврейской интеллигенціи „работать рука объ руку съ передовыми элементами“ окружающихъ народовъ, ассимиляторы забываютъ, что кромѣ сферы общей работы есть еще обширная сфера спеціальныхъ еврейскихъ интересовъ, требующихъ и спеціальныхъ методовъ борьбы, и особыхъ общественныхъ организацій, одухотворенныхъ національными идеалами. Г. Бикерманъ договорился даже до того, что назвалъ нашъ особый протестъ противъ неслыханнаго гнета „крикомъ ноющихъ (еврейскихъ) публицистовъ о безпримѣрно-жалкомъ положеніи еврейскаго народа“ (59). Этимъ онъ доказалъ, что у иныхъ ассимиляторовъ атрофировано даже чувство политическаго возмущенія противъ репрессій, направленныхъ спеціально противъ ихъ народа. Ихъ занимаютъ только „господскія“ заботы, они рвутся въ ряды борцовъ за общерусское дѣло, покидая свой національный отрядъ въ той же борьбѣ... Коренной недостатокъ интеллигентовъ, разсуждающихъ по способу г. Бикермана (а ихъ теперь очень много), заключается въ томъ, что эти люди лишены конкретнаго пониманія сложныхъ явленій еврейской жизни, къ которымъ они примѣняютъ модные соціологическіе шаблоны, почерпнутые изъ „послѣдней книжки“. Они забываютъ, что жизнь „наиболѣе историческаго“ народа не укладывается въ узкія схемы экономики; что кромѣ соціально-экономической стороны еврей-

скаго вопроса есть еще сторона національно-культурная; что и политическая борьба должна индивидуализироваться у каждаго народа, сообразно его положенію среди другихъ народовъ и тѣмъ идеаламъ, которые составляютъ результатъ его исторической эволюціи.

Правда, нынѣшніе противники еврейскаго націонализма рѣдко выступаютъ *открыто* во имя дискредитированной ассимиляціи, и даже г. Бикерманъ утверждаетъ, что и „теорія ассимиляціи“ и „національная идея“—обѣ никуда негодны, какъ чисто *раціоналистическія* доктрины (стр. 63). Но эти люди „въ простотѣ души“ не понимаютъ, что уже одно отрицаніе національной идеи, какъ руководящаго начала еврейской жизни, по необходимости приведетъ къ *практикѣ* ассимиляціи даже тѣхъ, которые не признаютъ *теоріи* ея. Образованный еврей, не воспитанный въ еврейской школѣ, не черпавшій своихъ идеаловъ изъ еврейской литературы, отчужденный по языку отъ еврейской массы,—поневолѣ будетъ ассимилироваться съ тѣми, въ чьей школѣ, на чьей литературѣ онъ воспитывался, на чьемъ языкѣ говоритъ. Ассимиляція не столько доктрина, сколько жизненный фактъ, неизбѣжный при наличности тѣхъ условій, противъ которыхъ борется націонализмъ. *Она—прямой практическій результатъ отрицанія національной идеи.* Достаточно *не быть* евреемъ-націоналистомъ, *чтобы сдѣлаться* ассимилированнымъ, если не въ первомъ, то во второмъ поколѣніи. *И вотъ почему мы имѣемъ полное нравственное право называть всѣхъ, отрицающихъ національно-культурную автономію еврейства, пособниками ассимиляціи, сознательными или безсознательными.*

Пусть послужитъ подтвержденіемъ всему сказанному слѣдующее патетическое заключеніе г. Моргулиса по національному вопросу:

„Національзація снизу до верху и сверху до низу есть нѣчто неслыханное въ жизни народовъ, и введеніе ея въ жизнь однихъ евреевъ было бы крайнимъ противорѣчіемъ общимъ законамъ развитія. *Это значило бы зачать еврея въ человѣка такъ глубоко, чтобы никакая культура не могла его оттуда извлечь.* Къ счастью, никогда этого но было и, надобно надѣяться, никогда не будетъ“ (VI, 51—52).

Г. Моргулисъ, очевидно, желаетъ, чтобы „еврей въ человѣкѣ“ не сидѣлъ „такъ глубоко“, дабы его можно было во всякое время „извлечь оттуда“, т. е. оставить человѣка безъ еврея. У него даже су-

ществуетъ увѣренность, что „культура“ должна изгнать изъ еврея національный элементъ. Но тогда зачѣмъ было огородъ городить? Вѣдь короче было сказать: намъ дорогъ „человѣкъ“, какъ безнаціональный индивидъ, а не „еврей“, какъ національный индивидъ. Обладая столь ясною формулою (не это ли формула „ясной ассимиляціи“?), г. Моргулисъ не имѣлъ надобности такъ долго полемизировать со мною и такъ часто прибѣгать къ „видоизмѣненію“ мыслей противника, какъ онъ это сдѣлалъ, между прочимъ, и въ послѣдней цитатѣ, при толкованіи термина „націонализаціи“. Никто изъ насъ, конечно, не проповѣдуетъ „націонализаціи снизу до верху и сверху до низу“, по той простой причинѣ, что „низы“—т. е. многомилліонная еврейская масса, по крайней мѣрѣ въ Россіи — архи-національны и самобытны и пока въ націонализаціи не нуждаются. Въ ней нуждаются лишь тѣ слои интеллигенціи и „общества“, которые вслѣдствіе извѣстныхъ печальныхъ условій уклонились отъ нашей національной эволюціи. Въ ней нуждается та современная народная школа, изъ которой эта же интеллигенція старается изгнать еврейскій языкъ и еврейское знаніе. Это дѣйствительно—„нѣчто неслыханное въ жизни народовъ“, но въ обратномъ смыслѣ: ибо нѣтъ такого культурнаго народа, особенно угнетеннаго, у котораго бы значительная часть интеллигенціи была безнаціональна и прямо или косвенно содѣйствовала обезличенію своей націи. Нѣтъ такого народа, у котораго интеллигенцію, законную носительницу національныхъ идеаловъ, надо было бы націонализировать... Это—специфическое зло нашего народа въ діаспорѣ. Но именно противъ этого зла и для предупрежденія его въ будущемъ и призваны бороться всѣ здоровыя національныя силы еврейства.

Опасаясь, что національное воспитаніе „загонитъ еврея въ человѣка слишкомъ глубоко“, г. Моргулисъ старается избавить отъ этой „опасности“ по крайней мѣрѣ элементарную школу. Я въ своемъ письмѣ „о національномъ воспитаніи“ и авторы „Записки“, поданной въ Одесскій комитетъ „Общества Просвѣщенія“ [1]), выдвинули основной тезисъ:

---

[1]) Напрасно г. Моргулисъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ своей статьи приписываетъ мнѣ авторство „Записки“: это—коллективное заявленіе, составленное и редактированное также коллегіальнымъ порядкомъ (въ одесскомъ „Комитетѣ націонализаціи“).

что для нормальнаго воспитанія подрастающаго поколѣнія и для борьбы съ руссификаціей необходимо усилить національный элементъ въ учебной программѣ еврейской *элементарной школы*, ибо вліять на душу питомца удобнѣе всего при *начальномъ* обученіи, имѣющемъ характеръ *воспитанія*. Что же выставилъ г. Моргулисъ противъ этого ясно мотивированнаго тезиса?—Вотъ его доводы:

„Въ школахъ съ элементарнымъ характеромъ невозможно говорить о національзаціи. Количественное расширеніе еврейскихъ предметовъ въ этихъ школахъ ни къ какимъ результатамъ въ смыслѣ національзаціи не приведетъ, потому что нѣтъ хорошо подготовленныхъ учителей. *Еврейское знаніе можетъ стать предметомъ пропаганды въ учительскихъ институтахъ, раввинскихъ семинаріяхъ и еврейскихъ академіяхъ... Элементарная школа—неблагодарная почва для національзаціи,* для которой существуютъ различные иные способы (V, 100). *Осуществленіе задачи распространенія еврейскаго знанія въ массъ—не дѣло элементарной школы...* Въ средней и высшей (?) школѣ, съ расширеніемъ программы общеобразовательныхъ предметовъ, пропорціонально должна быть расширена и программа еврейскихъ предметовъ (VI, 64). — Мы не можемъ признать ареной для національзаціи элементарную школу; мы находимъ, что *школа эта должна быть центромъ пріобрѣтенія знаній, какъ общечеловѣческихъ, такъ и еврейскихъ,* знаній осмысленныхъ хорошимъ преподаваніемъ и ведущихъ къ самопознанію и саморазвитію“ (VI., 72).

Не знаю, чему больше удивляться въ этихъ цитатахъ, составляющихъ „короткій смыслъ длинныхъ рѣчей“ г. Моргулиса: полному-ли непониманію критикуемаго имъ тезиса, смѣшенію-ли различныхъ понятій обученія и воспитанія, или тѣмъ явнымъ противорѣчіямъ, въ которыхъ критикъ то и дѣло путается, самъ того не замѣчая. Утверждать, будто національзація *элементарной* школы, гдѣ воспитываются, по указанію критика, „дѣти самаго нѣжнаго возраста, отъ 8 до 13 лѣтъ“, невозможна, но взамѣнъ этого можно „пропагандировать еврейское знаніе“ въ учительскихъ институтахъ, раввинскихъ семинаріяхъ и академіяхъ,—что же это: чрезмѣрная наивность или злая насмѣшка? Мы требуемъ, чтобы десятки тысячъ дѣтей, проходящихъ ежегодно черезъ еврейскую элементарную школу, воспитывались какъ евреи и получали соотвѣтствующія ихъ возрасту познанія, могущія сдѣлать ихъ сознательными членами своего народа,—а намъ отвѣчаютъ, что начальная школа не мѣсто для національнаго воспитанія, а „еврейскія знанія“ могутъ усваиваться только въ средней или высшей еврейской школѣ, еще несуществующей! Но если въ начальной школѣ нѣтъ мѣста національному воспитанію, тогда оно уже *нигдѣ* невозможно. Воспитатель-

ная сила обученія, въ смыслѣ національномъ или нравственномъ, сказывается въ наибольшей степени въ элементарной школѣ, именно тамъ, гдѣ „обучаются дѣти самаго нѣжнаго возраста“, возраста наибольшей воспріимчивости. Именно эта школа можетъ укоренить въ питомцѣ тѣ возвышенныя полусознательныя эмоціи, которыя впослѣдствіи труднѣе разрушить, чѣмъ сознанныя идеи. Если вы дѣтей „до 13-лѣтняго возраста“ не будете воспитывать въ національномъ духѣ, если тысячи ихъ будутъ выходить изъ школы чуждыми еврейству, если они будутъ знать только русскій языкъ, а не еврейскій, стихи Пушкина и басни Крылова, а не Библію,—то что проку въ спеціально-еврейской научной подготовкѣ небольшой горсти юношей, которые будутъ обучаться въ предполагаемыхъ академіяхъ?

Авторъ, очевидно, смѣшиваетъ два разнородныхъ понятія: обученіе съ цѣлью *воспитанія* (національнаго или моральнаго) и обученіе съ цѣлью *научно-профессіональной подготовки*. Онъ смѣшиваетъ функціи элементарной и спеціальной школъ. Онъ запутывается, наконецъ, въ противорѣчіяхъ, утверждая на одной страницѣ, что „распространеніе еврейскихъ знаній не дѣло элементарной школы“, а на другой—что элементарная школа „должна быть центромъ пріобрѣтенія знаній, какъ общечеловѣческихъ, такъ и *еврейскихъ*“. Отрицая національную школу въ принципѣ, онъ утверждаетъ, будто она практически невозможна вслѣдствіе недостатка подготовленныхъ учителей. Ну, а еслибъ были подготовленные учителя? Вѣдь они могутъ явиться только тогда, когда на ихъ трудъ будетъ спросъ, т. е. когда еврейское обученіе въ начальной школѣ будетъ поставлено на должную высоту, чего нашъ критикъ отнюдь не допускаетъ.

Интересъ курьеза можетъ имѣть то, что вредность національной школы (замѣтьте: *еврейской*) доказывается г. Моргулисомъ на основаніи указаннаго мною (выше стр. 128) „врешенскаго инцидента“, т. е. *гоненія на польскую національную школу со стороны прусскаго правительства*. Вотъ его подлинныя слова:

„Событія, разыгравшіяся во Врешенской школѣ, составляютъ прямой результатъ ярко-выраженнаго національнаго характера германской школы, посягающей на религіозную совѣсть другихъ народностей [1]). Вмѣсто того,

[1]) Слово *религіозная* ошибочно. Польскимъ дѣтямъ во врешенской школѣ запрещали не молиться вообще, а молиться *по польски*, требуя нѣмецкаго языка въ молитвахъ.

чтобы желать... искорененія въ школѣ ярко-выраженнаго національнаго характера и всѣхъ соединенныхъ съ нимъ гибельныхъ послѣдствій, они (составители одесской записки) рекомендуютъ намъ завести у себя то, что вмѣсто примиренія вноситъ вражду въ интернаціональную жизнь" (VI, 52—53).

Итакъ, изъ того, что прусская національная школа вредна, какъ орудіе угнетенія поляковъ, слѣдуетъ, что и польская національная школа вредна, а отсюда,—что таковая же еврейская школа опасна и можетъ „вносить вражду въ интернаціональную жизнь"!—Выводъ поистинѣ ошеломляющій. На чью же совѣсть посягаютъ польская и еврейская національныя школы? Не на совѣсть ли господствующихъ націй? Или поляки, напримѣръ, должны отказаться отъ права воспитывать *своихъ дѣтей* въ своемъ національномъ духѣ, потому что это вызоветъ насилія со стороны нѣмцевъ, введетъ насильниковъ въ грѣхъ? Подчиненная нація не должна защищать свою національную культуру черезъ *свою* школу, потому что господствующая нація деспотически навязываетъ ей черезъ свою школу свой языкъ и культуру?! Съ точки зрѣнія борьбы за право, отсюда, казалось бы, надо было сдѣлать прямо противоположный выводъ: если моимъ дѣтямъ насильственно навязываютъ чужой національный духъ, то я обязанъ по мѣрѣ силъ предохранять ихъ отъ послѣдствій этого гнета, посредствомъ усиленія въ ихъ раннемъ школьномъ воспитаніи моего національнаго духа. Каждому здравомыслящему человѣку ясно, что именно успѣхъ такой борьбы за національную свободу можетъ внести „примиреніе въ интернаціональную жизнь", вмѣсто вражды, вносимой туда насильниками...

Pour la bonne bouche, укажу на заключительную главу статьи г. Моргулиса, гдѣ онъ выпускаетъ противъ „націонализаціи" свой послѣдній зарядъ, надо полагать, наиболѣе сокрушительный и смертоносный. Онъ сравниваетъ еврейскихъ націоналистовъ съ русскими *славянофилами*. Какъ славянофилы ратовали противъ Петровской реформы во имя „коренныхъ устоевъ русской жизни", ругали „гнилой Западъ" и наконецъ дошли до воинствующаго *панславизма*,—такъ и еврейскіе націоналисты ратуютъ противъ просвѣтительныхъ традицій „эпохи реформъ" (при Александрѣ II), ругаютъ по-мендельсоновское западное еврейство и доходятъ—страшно вымолвить!—до „идеи о *паневреизмѣ*, объединяемомъ всемірной организаціей г. Дубнова" (VII, 75—77). Эта параллель такъ нравится автору, что онъ съ особеннымъ удоволь-

ствіемъ пускается въ детальныя сравненія, до сопоставленія московскихъ салоновъ и нашихъ одесскихъ „общихъ собраній“ включительно.

Нужно ли доказывать, какъ произвольна и поверхностна эта историческая параллель? Кромѣ *наружнаго* подобія исходной точки (защита „самобытности“), между доктринами славянофильства и еврейскаго національнализма нѣтъ никакого *внутренняго* сходства идей и стремленій. Само содержаніе понятія „самобытность“ различно въ обѣихъ доктринахъ: въ одной самобытность усматривается въ извѣстныхъ *неподвижныхъ* формахъ государственнаго и церковнаго быта, выработанныхъ при весьма примитивной цивилизаціи (вспомните „троицу“ славянофильства), а въ другой—рѣчь идетъ о свободномъ и прогрессивномъ развитіи древнѣйшаго въ мірѣ культурнаго народа *на почвѣ* самобытности, т. е. съ сохраненіемъ только общаго національнаго духа нашей исторической эволюціи, а не статуарныхъ формъ того или другого фазиса ея (вѣдь мы отнюдь не боремся за режимъ „Шулханъ-аруха“ или хасидизма). Славянофильство хотѣло оградить Россію отъ вліянія Запада не ради сохраненія цѣлости русскаго *народа*, которая достаточно охраняется государственными границами, а ради сохраненія его окаменѣлаго традиціоннаго строя жизни; еврейскіе же націоналисты, ничего не могущіе имѣть противъ культуры Запада, которою они сами проникнуты, хотятъ лишь предохранить отъ исчезновенія среди другихъ народовъ свою *націю*, не огражденную территоріальными границами, и ради этой цѣли самосохраненія требуютъ для еврейства автономіи въ сферѣ внутренней жизни, т. е. приспособленія общей культуры къ особенностямъ даннаго историческаго индивида. Мы осуждаемъ, поэтому, не эпоху реформъ и попытокъ гражданской эмансипаціи евреевъ, а лишь ту рабскую ассимиляцію, которою „эмансипированные“ расплачивались за полученную или ожидаемую гражданскую свободу. Въ дѣлѣ эмансипаціи мы ушли гораздо дальше ассимиляторовъ: они добивались только гражданскихъ правъ, а мы добиваемся сверхъ того и національныхъ правъ, внутренней общественно-культурной автономіи въ предѣлахъ, допустимыхъ для политически несамостоятельныхъ націй. На чьей же сторонѣ тутъ освободительныя стремленія?..

Несостоятельность упомянутой, болѣе чѣмъ странной въ устахъ еврея, параллели особенно выступаетъ въ пунктѣ относительно „пан-

евреизма". Это „страшное" названіе дано г. Моргулисомъ той всемірной національной солидарности евреевъ, которая должна получить конкретное выраженіе въ предложенномъ мною общееврейскомъ конгрессѣ. Сравненіе этого „паневрензма", какъ символа культурнаго единства всего разсѣяннаго народа, съ воинствующимъ политическимъ панславизмомъ—столь же глубокомысленно, какъ сравненіе еврейскаго національнзма съ славянофильствомъ. Предложенная мною „всемірная организація евреевъ" имѣетъ цѣлью (цитирую свою формулу): „обсуждать всѣ коренные вопросы нашей политической, общественной и духовной жизни, и устанавливать формы національной организаціи еврейства, сообразно условіямъ каждой страны" (выше, 100). Если эта „паневрейская" организація такъ устрашила г. Моргулиса, что ему даже померещился празракъ панславизма,— то ему остается только выработать контръ-проектъ о конгрессѣ, который бы стремился не къ національной, а къ какой либо иной организаціи еврейства, хотя бы и „общечеловѣческой"; и если онъ найдетъ способъ организовать *народъ* не на національныхъ началахъ, то онъ несомнѣнно сдѣлаетъ великое открытіе въ соціологіи...

Такова идейная путаница, царящая въ умахъ той части нашей интеллигенціи, генезисъ которой я опредѣлилъ въ началѣ настоящаго письма. На ясныя и категорическія положенія національной программы представители этой растерявшейся интеллигенціи отвѣчаютъ какими-то „безсвязными рѣчами", изобличающими крайнюю хаотичность ихъ міросозерцанія. Не имѣя достаточно смѣлости, чтобы выкинуть знамя ассимиляціи, они выдвигаютъ пустую абстракцію „общечеловѣка". Они не понимаютъ, что есть одна только *конкретная* альтернатива: быть членомъ своей націи или чужой, ибо группы „общечеловѣковъ" нѣтъ въ классификаціи собирательныхъ индивидовъ. Общечеловѣческое входитъ, какъ *сырой матеріалъ*, во всякую народную эволюцію, но *форма*, *типъ* всегда будутъ національны. И если типъ развитія не будетъ національно-еврейскимъ, то онъ по необходимости будетъ національно-русскимъ, нѣмецкимъ и т. п., смотря по тому, какая сфера вліяла на воспитаніе и міросозерцаніе данной группы евреевъ. А въ такомъ случаѣ разложеніе „новаго еврейства" неизбѣжно. Отнять у насъ нашу

типичную національную эволюцію — значитъ отнять нашу *духовную территорію*, единственное, что осталось намъ послѣ того, какъ мы лишились своей политической территоріи, единственное, что объединяло и объединяетъ насъ въ разсѣяніи.

Наша „растерявшаяся интеллигенція“ страдаетъ отъ *дуализма міросозерцанія*, въ которомъ перемѣшаны національные и ассимиляціонные элементы. Это напоминаетъ *дуализмъ культа*, господствовавшій въ древней Самаріи. Ахавъ и поклонники Ваала, поддавшись вліянію финикійской культуры, не отвергали своего національнаго Бога, Іегову, а хотѣли только поставить рядомъ съ нимъ Ваала. Они не понимали, что смѣшивать эти два культа нельзя, что Іегова—символъ національной эволюціи, а Ваалъ—антинаціональной. Только партія пророка Иліи, тогдашняя „національная интеллигенція“, поняла всю опасность и нелѣпость этого дуализма, и она, въ лицѣ своего вождя, обратилась къ противникамъ съ рѣшительнымъ вопросомъ: „Доколѣ будете вы скакать черезъ оба порога (храмовъ Іеговы и Ваала)? Если Іегова—Богъ, то идите за нимъ, а если Ваалъ—Богъ, то идите за Ваалomъ!“ Середины нѣтъ: или національный или ассимиляціонный принципъ!.. И всякій искренно мыслящій человѣкъ долженъ окончательно высказаться за тотъ или другой.

Я упомянулъ объ искренности потому, что ея то у иныхъ представителей растерявшейся интеллигенціи недостаетъ. Эти люди, внутренно убѣдившись въ несостоятельности ассимиляціи, которую они нѣкогда проповѣдывали, часто не хотятъ въ этомъ сознаться, дабы ихъ не упрекнули „въ перемѣнѣ убѣжденій“. Они забываютъ прекрасное изреченіе Марка Аврелія: „Я когда-то заблуждался, но, идя къ истинѣ и мудрости, я не допущу, чтобы старыя заблужденія заграждали мнѣ путь“. Они не замѣчаютъ, что вслѣдъ за ними, растерявшимися, уже рѣшительно идетъ большая армія почти *потерянной* интеллигенціи, внутренно отпавшей отъ еврейства и чуждой его интересамъ. Эта армія давно растетъ на Западѣ и будетъ расти на Востокѣ, если во время не будутъ приняты мѣры къ оздоровленію организма новокультурнаго еврейства и предохраненію его отъ разложенія.

Да, велико еще у насъ число тѣхъ, которые, даже въ нашу эпоху остраго идейнаго кризиса, загромождаютъ себѣ путь къ истинѣ своими старыми заблужденіями. Гордясь стойкостью своихъ заблужденій, люди, ко-

торые „ничему не научились и ничего не забыли“, упрекаютъ въ отсутствіи этой добродѣтели тѣхъ, которыхъ кризисъ послѣднихъ десятилѣтій многому научилъ. Вотъ и г. Моргулисъ (который, какъ мы видѣли, даже въ своихъ заблужденіяхъ не выказалъ особенной стойкости) „счелъ долгомъ—какъ онъ выражается—остановиться на одной исторической справкѣ“. Онъ напоминаетъ о моей юношеской статьѣ въ защиту религіозныхъ реформъ, опубликованной въ 1883 г. („Какая самоэмансипація нужна евреямъ?“), и вмѣняетъ себѣ въ заслугу то, что онъ тогда опровергалъ мои еретическія воззрѣнія. Онъ утверждаетъ, что въ означенной статьѣ я будто бы „накинулся на дорогое прошлое евреевъ“, а онъ, г. Моргулисъ, защищалъ это прошлое, „корректно разбирая“ мои взгляды въ своей статьѣ „Самоосвобожденіе и самоотреченіе“ (V, 101). Мой теперешній оппонентъ, очевидно, раскаялся въ томъ, что нѣкогда „корректно“ разбиралъ мои идеи, и на сей разъ позволилъ себѣ выраженіе, одинаково далекое и отъ корректности, и отъ фактической правды.

Для возстановленія этой правды я долженъ напомнить, что въ названной статьѣ моей обсуждался, въ задорно-обличительномъ тонѣ, свойственномъ эпохѣ антитезиса, вопросъ о религіозныхъ реформахъ въ іудаизмѣ. Исходной точкой моей критики служила мысль, что индивидуальная свобода современной интеллигенціи несовмѣстима съ желѣзной дисциплиной талмудико-раввинскаго обрядоваго режима. Эта исходная точка—столь же неоспоримая для меня теперь, какъ и 20 лѣтъ назадъ—была однако развита въ названной статьѣ въ формѣ, наименѣе отвѣчающей исторической объективности. Это былъ рѣзкій крикъ абсолютнаго раціонализма, присущаго всякому мыслящему юношѣ при переходѣ отъ дѣтской вѣры къ отрицанію (я былъ въ ту пору рѣшительнымъ „позитивистомъ“). Ошибка моя заключалась въ томъ, что я поставилъ вопросъ о реформахъ на почву философскаго раціонализма, а не на почву научно-историческаго эволюціонизма. Я еще смѣшивалъ оцѣнки историческаго и современнаго значеній талмудико-раввинской дисциплины, и выдвигалъ ея отрицательныя стороны въ прошломъ съ точки зрѣнія „новаго еврея“. Г. Моргулисъ не раскрылъ этихъ основныхъ ошибокъ, а выдвинулъ противъ нихъ свой непостижимый историческій парадоксъ: будто Талмудъ проникнутъ не ультра-національнымъ, а „общечеловѣческимъ“ духомъ. Эта защита парадокса, извращающаго весь смыслъ эволюціи іуда-

изма, называется на языкѣ г. Моргулиса защитою „прошлаго“ противъ моихъ „нападокъ“. Но въ такомъ случаѣ я думаю, что даже въ моей рѣзкой критикѣ было больше уваженія къ „дорогому прошлому евреевъ“, чѣмъ въ тенденціозной *апологіи* моего противника.

Мой оппонентъ ни тогда, ни послѣ не возражалъ, однако, противъ того, что особенно заслуживало возраженія въ упомянутой статьѣ, а именно—противъ заключительной главы ея, гдѣ я, тогда прямолинейный раціоналистъ и космополитъ, коротко рѣшилъ участь націонализма ходячей формулою: это—*національный эгоизмъ*. Не дѣлалъ же онъ этого по той простой причинѣ, что онъ до сихъ поръ еще придерживается той же формулы и, какъ мы видѣли, ревностно защищаетъ ее. А между тѣмъ я никогда не скрывалъ, что въ указанномъ отношеніи и я нѣкогда, „на зарѣ моихъ дней“ въ литературѣ, былъ прикосновененъ къ „антитезису“. Еще нѣсколько лѣтъ назадъ, обсуждая оговорки Вл. Соловьева противъ націонализма, я писалъ [1]):

„Многіе изъ насъ когда-то боролись противъ *національнаго эгоизма*, какъ вреднаго начала — и мы были совершенно правы. Но мы тогда думали, что націонализмъ вообще иначе и не мыслимъ, какъ въ формѣ національнаго эгоизма—и тутъ-то мы ошибались. Эту ошибку мы должны теперь исправить. Мы должны исповѣдывать и проповѣдывать, что кромѣ безнравственнаго національнаго эгоизма существуетъ высоко-нравственный *національный индивидуализмъ*. Это не будетъ измѣненіемъ, а только расширеніемъ нашихъ прежнихъ идеаловъ: противъ національнаго эгоизма мы будемъ возмущаться такъ же, какъ въ былое время, но національный индивидуализмъ — святое право народа на самобытное духовное развитіе—мы будемъ защищать всѣми силами“.

Вообще, на вышеупомянутую „историческую справку“ я смѣло могу отвѣтить безсмертной строфой Виктора Гюго, написанной въ отвѣтъ на упрекъ одного стараго маркиза, что поэтъ измѣнилъ роялизму своихъ юношескихъ „Odes et ballades“ и перешелъ къ „якобинцамъ“—республиканцамъ:

L'horizon a changé, marquis, non pas l'âme.
Rien au dedans de moi, mais tout autour de moi.
L'histoire m'apparut, et je compris la loi
Des générations, cherchant Dieu, portant l'arche,

---

[1]) Кн. Восх. 1899, V, стр. 67—68.

Et montant l'escalier immense marche à marche.
Je restai le même oeil, voyant un autre ciel [1]).

Для меня и многихъ людей моего поколѣнія, пережившихъ въ юности одинъ изъ самыхъ трагическихъ кризисовъ еврейской исторіи, восьмидесятые годы были временемъ перехода отъ „антитезиса", несостоятельность котораго мы уже предчувствовали, къ національному „синтезу", который былъ еще неясно очерченъ въ нашемъ сознаніи.

И вся моя прошлая литературная дѣятельность, кажется, даетъ мнѣ право сказать, что „*исторія* явилась мнѣ" и указала вѣрный путь къ этому синтезу. Первыя смутныя внушенія ея въ этомъ направленіи сказались еще въ 1886 году, въ моихъ критическихъ статьяхъ о Момзенѣ и Ренанѣ, гдѣ я противъ ихъ „эллинистической оцѣнки" эпохи второго храма выдвинулъ еврейскій историческій критерій. Яснѣе очерченъ національный синтезъ въ моихъ этюдахъ: «Объ изученіи исторіи русскихъ евреевъ» (1891) и «Что такое еврейская исторія» (1893), и въ цѣломъ рядѣ критическихъ статей [2]), а въ систематической формѣ онъ разрабатывался (съ 1897 г.) въ моихъ „Письмахъ о старомъ и новомъ еврействѣ". — Такъ шелъ я „шагъ за шагомъ", per aspera ad ardua, и чѣмъ глубже я вдумывался въ прошлое и настоящее еврейскаго народа, тѣмъ ярче выступалъ для меня объединяющій ихъ великій національный синтезъ. И я убѣжденъ, что такимъ же путемъ идутъ и будутъ идти къ этому синтезу всѣ тѣ, для которыхъ національное самоопредѣленіе составляетъ органическую часть ихъ общаго міросозерцанія.

И вотъ почему я не могу безъ глубокаго сожалѣнія смотрѣть на ту часть еврейской интеллигенціи, которой чуждо исканіе смысла нашего національнаго бытія, которая остается безстрастной или, въ лучшемъ случаѣ, смущенной зрительницей совершающагося на ея глазахъ историческаго процесса. Грустно видѣть и эту окаменѣлость мысли въ

[1]) Горизонтъ измѣнился, маркизъ, а не душа. Ничего не измѣнилось внутри меня, но все—вокругъ меня. Исторія явилась мнѣ—и я постигъ законъ поколѣній, ищущихъ Бога, несущихъ ковчегъ и поднимающихся по огромной лѣстницѣ шагъ за шагомъ. Я остался съ тѣмъ же взоромъ, только вижу другое небо (*Contemplations II*, „Ecrit en 1846").

[2]) „Литература смутныхъ настроеній" (*Восходъ* 1893, 3—6); „Эпоха второго храма въ изображеніи Ренана" (ibid. 1894, 4—5); „Взаимодѣйствіе идейныхъ направленій" (ibidem, 10—11) и др.

однихъ, и плохо скрытую растерянность въ другихъ. Особенно тяжело смотрѣть на ту растерявшуюся интеллигенцію, которую я охарактеризовалъ въ настоящемъ письмѣ. Она на словахъ старательно скрываетъ безпочвенность, которая проявляется во всѣхъ ея дѣлахъ, и цѣпляется за обломки антитезиса, котораго она не можетъ реставрировать. Отрицая въ теоріи и національную идею, и ассимиляцію, она на практикѣ является пособницей послѣдней. Если въ старшихъ представителяхъ этой категоріи сохранился еще отъ дней дѣтства, проведеннаго въ традиціонной еврейской обстановкѣ, извѣстный піэтизмъ, привязывающій ихъ къ еврейству, то въ ихъ единомышленникахъ изъ новаго поколѣнія, лишенныхъ національнаго воспитанія, и этого піэтизма не будетъ. Противники еврейскаго націонализма не замѣчаютъ, что они прямо или косвенно уничтожаютъ тѣ связи, которыя соединяютъ нашу будущую интеллигенцію съ народомъ; *они способствуютъ ассимиляціи даже помимо своего желанія.* Сама жизнь ассимилируетъ и будетъ ассимилировать тѣхъ евреевъ, которые не будутъ вооружены противъ этого разрушительнаго процесса достачно сильнымъ національнымъ міросозерцаніемъ. *Противъ бациллы ассимиляціи, носящейся въ воздухѣ діаспоры, нуженъ иммунитетъ,—и его даетъ еврейская національная идея.*

Нѣсколько лѣтъ назадъ Максъ Нордау закончилъ одну изъ своихъ агитаціонныхъ рѣчей восклицаніемъ: „Мое послѣднее слово: евреи будутъ сіонистичны, или ихъ совсѣмъ не будетъ!“ Я думаю, что имѣю гораздо большее фактическое основаніе поставить альтернативу въ такой формѣ: *еврейская интеллигенція будетъ національна, или ея совсѣмъ не будетъ!* Она будетъ проникнута идеаломъ національно-культурной автономности еврейства, или же она фактически будетъ чьей угодно интеллигенціей, но только не еврейскою. Осуществить же первую часть этой альтернативы и предотвратить послѣднюю — это въ нашихъ рукахъ и зависитъ отъ нашей національной воли...

Ноябрь 1902.

ГРУППА III.

МЕЖДУ ИНКВИЗИЦІЕЙ И ЭМАНСИПАЦІЕЙ

(1903—1907).

ПИСЬМО ОДИННАДЦАТОЕ.

Историческій моментъ [1]).

(Эмиграціонный вопросъ).

I. Мы снова переживаемъ событія, доказывающія, что исторія имѣетъ болѣе кругообразное движеніе, чѣмъ прямолинейное. Сейчасъ только мартирологъ еврейства на югѣ Россіи совершилъ полный кругъ — отъ уманьской рѣзни до кишиневской, отъ 1768 до 1903 года.

Двадцать два года тому назадъ мы, догматики прямолинейнаго прогресса, впервые съ изумленіемъ и ужасомъ увидѣли, какъ круто загнулась „прямая“ линія новѣйшей исторіи и пошла по направленію, приближающему насъ къ исходной точкѣ, къ мрачному прошлому. Теперь кругъ сомкнулся, конечная и исходная точки сошлись.

Мы дошли до новой роковой грани. Большая часть граней нашей исторіи въ діаспорѣ отмѣчена яркими кровавыми полосами. Вѣхи, отдѣляющія въ ней одну эпоху отъ другой, окрашены кровью нашихъ мучениковъ, героевъ пассивнаго сопротивленія. Крестовые походы, инквизиція, изгнанія, хмѣльничина, гайдамачина, репрессіи и гоненія русскаго правительства, погромы черни—таковы преобладающіе межe-

---

[1]) Писано спустя мѣсяцъ послѣ кишиневскаго погрома 1903 года. Въ настоящемъ текстѣ возстановлены по рукописи многочисленные пропуски, сдѣланные въ первомъ изданіи подъ давленіемъ цензуры Плеве, между вторымъ и третьимъ предостереженіями, обрушившимися на органъ, гдѣ своевременно появилась эта статья (еженедѣльный „Восходъ“ 1903 г., №№ 21—22).

вые знаки нашей исторіи. Каждый изъ такихъ знаковъ обозначаетъ собою поворотный пунктъ на нашемъ скорбномъ пути.

Еврейское сердце еще сжимается отъ боли послѣ недавнихъ ужасныхъ событій, глаза еще затуманены слезами,—но вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуется и приливъ энергіи, зовущей къ дѣйствію, чувствуется тотъ страстный подъемъ національнаго духа, который во всѣ вѣка служилъ намъ щитомъ и оружіемъ въ подобные острые моменты. Къ постигшему насъ новому удару мы оказались въ смыслѣ психическомъ болѣе подготовленными, чѣмъ къ ударамъ начала 1880-хъ годовъ. Чего же другого могли мы ждать послѣ 22 лѣтъ, въ которыя „каждый день убійцей былъ какой нибудь мечты“, каждый день оскорблялъ наши священнѣйшія человѣческія чувства, обострялъ наше народное горе, толкалъ насъ на самое дно соціальной жизни? Пережитое двадцатилѣтіе отрезвило насъ (за исключеніемъ немногихъ неисправимыхъ оптимистовъ) во многихъ отношеніяхъ. Оно завѣщало намъ одинъ великій лозунгъ: *національная самопомощь*,—и новыя страшныя событія должны начертать этотъ лозунгъ огненными буквами на знамени еврейскаго народа.

Словно могучій электрическій токъ пробѣжалъ черезъ организмъ оскорбленной націи. Тѣло еще конвульсивно вздрагиваетъ, но пульсъ усиленнѣе бьется; накипаютъ слезы, но накипаетъ и энергія, энергія возмущенія. Можетъ быть, никогда еще лозунги „самопомощь“ и „самозащита“ не имѣли для насъ такого глубокаго смысла, не были такъ ясны для *всѣхъ* классовъ нашего народа, сверху до низу, какъ въ настоящій моментъ. Но каковы пути самопомощи?—вотъ жгучій вопросъ, на который не дала еще единогласнаго отвѣта предыдущая эпоха, и который особенно настоятельно требуетъ отвѣта теперь.

II. Двѣ формы народной самопомощи завѣщало намъ послѣднее двадцатилѣтіе: 1) самопомощь на мѣстахъ и 2) массовую эмиграцію. Первая осуществляется путемъ постоянной, упорной борьбы за гражданскіе и національные интересы евреевъ въ старыхъ центрахъ; вторая направлена къ радикальному улучшенію положенія болѣе или менѣе значительныхъ группъ народа, путемъ перемѣщенія ихъ изъ старыхъ центровъ въ страны, болѣе благопріятны для гражданской, экономической и національной жизни. По обоимъ этимъ кореннымъ вопросамъ

нашей жизни до сихъ поръ не установилось согласія между различными партіями въ еврейскомъ обществѣ. По вопросу о внутренней самопомощи на мѣстахъ, споръ идетъ между тѣми, которые отстаиваютъ только гражданскіе и экономическіе интересы евреевъ, какъ безправной части населенія, и тѣми, которые отстаиваютъ сверхъ того и національно-культурные интересы еврейства, какъ организованнаго цѣлаго. Этотъ споръ уже достаточно разъясненъ въ предыдущихъ „письмахъ". Не меньшее разногласіе существуетъ по вопросу о цѣли и направленіи эмиграціи. Одни признаютъ только экономическую эмиграцію, относясь безразлично къ мѣсту и національнымъ послѣдствіямъ ея; другіе, не желая еще больше дробить діаспору, стремятся къ сосредоточенію эмигрирующихъ массъ въ опредѣленныхъ пунктахъ, гдѣ возможно образованіе новыхъ національно-культурныхъ центровъ; третьи связываютъ эмиграцію съ политическимъ возрожденіемъ (сіонизмъ). Что же говорятъ факты и цифры о дѣйствительномъ направленіи эмиграціи?

Въ исторіи передвиженій еврейскаго народа 1881 годъ открываетъ новую эру, вторую по своему значенію послѣ эры 1492 года, времени изгнанія евреевъ изъ Испаніи. На нашихъ глазахъ вотъ уже больше двадцати лѣтъ совершается крупный историческій переворотъ, состоящій въ частичномъ перемѣщеніи главнаго центра еврейства. Какъ четыре столѣтія тому назадъ, центръ еврейства передвигался съ Запада Европы въ восточную ея половину, и національная гегемонія переходила отъ сефардовъ къ польскимъ (позже—русскимъ) евреямъ, такъ теперь нашъ народный центръ раздваивается, и часть его перемѣщается изъ Россіи въ другіе пункты путемъ усиленной эмиграціи. Куда идетъ главный потокъ эмиграціи?—Не на нашу древнюю родину Палестину, куда при всѣхъ нашихъ усиліяхъ едва удалось двинуть за послѣднія десятилѣтія десятокъ—другой тысячъ человѣкъ (считая не только земледѣльческую, но и промышленную колонизацію); не въ Аргентину, гдѣ при милліонныхъ затратахъ успѣли устроить на землѣ нѣсколько сотъ семействъ,—а въ *Сѣверную Америку*, преимущественно въ Соединенные Штаты. Въ теченіе двадцати лѣтъ изъ Россіи выселилось до одного милліона евреевъ, и $^{9}/_{10}$ этого количества направились въ Сѣверную Америку. До 1880 г. въ Соединенныхъ Штатахъ насчитывалось около четверти

милліона евреевъ [1]), а теперь число ихъ достигаетъ почти полутора милліона. Одна только нью-іоркская еврейская община насчитываетъ болѣе полумилліона человѣкъ.

Эмиграція въ Америку идетъ безостановочно, съ поразительной правильностью, усиливаясь въ годы рѣзкаго ухудшенія гражданскаго или экономическаго положенія евреевъ въ Россіи и сокращаясь въ менѣе острые моменты. Статистика уже выяснила, что средняя цифра еврейской эмиграціи изъ Россіи въ одну только Сѣверную Америку составляла въ періодъ 1881—1897 г.г. по 25 тысячъ человѣкъ въ годъ, а за четырехлѣтіе 1898—1902 по 35 тысячъ человѣкъ въ годъ (въ круглыхъ цифрахъ) [2]). Если прибавить сюда эмиграцію во всѣ другія страны свѣта, то придемъ къ заключенію, что въ послѣдніе годы вся еврейская эмиграція изъ Россіи дошла до нормы 50 тысячъ въ годъ. Считая естественный приростъ еврейскаго населенія въ Россіи въ полтора процента [3]), мы получимъ при пятимилліонной численности общій годовой приростъ въ 75 тысячъ. Слѣдовательно, нынѣ изъ Россіи уходитъ около $^2/_3$ нашего годового прироста.

Кишиневская катастрофа и вызванная ею въ чертѣ осѣдлости паника, въ связи съ возрастающимъ ухудшеніемъ нашего правового положенія, вызовутъ, какъ показываютъ уже многіе симптомы, чрезвычайное усиленіе эмиграціи въ нынѣшній годъ и слѣдующіе. Если въ 1891 г. (годъ московскаго изгнанія и другихъ репрессій) цифра эмиграціи дошла почти до ста тысячъ [4]), то въ ближайшіе годы она во всякомъ случаѣ будетъ не ниже этого максимума. Такимъ образомъ, отнынѣ установится новая норма годовой эмиграціи, вдвое превышающая предыдущую [5]). При стотысячной эмиграціи будетъ ежегодно уходить изъ

---

[1]) См. ст. *America* въ Jewish Encyclopedia, vol. I, New York 1901.

[2]) Ibid. vol. I, 506; „Иммиграція евреевъ въ Соединенные Штаты Сѣв. Америки", *Восходъ* 1903, апрѣль, стр. 104, 106, 111. Сравн. *Энциклопедическій Словарь* Брокгауза и Ефрона, т. 54, стр. 105.

[3]) *Энц. Словарь*, т. 54, стр. 93 (таблицы движенія населенія въ губерніяхъ черты осѣдлости).

[4]) Въ Соединенные Штаты переселилось въ тотъ годъ 76 тысячъ человѣкъ („Иммиграція" etc. стр. 106), между тѣмъ какъ тогда же шла усиленная эмиграція въ Палестину, Аргентину и другія страны.

[5]) Увы, жизнь оправдала это предсказаніе въ большей мѣрѣ, чѣмъ ожидалось. Кошмаръ, нависшій надъ русскимъ еврействомъ послѣ кишиневскаго погрома, японская война и небывалая эпидемія погромовъ до октябрь-

Россіи не только *весь* приростъ (75,000), но еще 25,000 человѣкъ изъ фонда еврейскаго населенія. Съ этого момента эмиграція превратится въ частичную *эвакуацію* стараго еврейскаго центра въ Польшѣ и Россіи. Эта эвакуація можетъ, конечно, привести современемъ только къ разрѣженію еврейской массы въ русскомъ гетто, а не къ полному исходу ея оттуда. Но во всякомъ случаѣ, частичное перемѣщеніе нашего главнаго историческаго центра въ Сѣверную Америку—фактъ совершающійся и безспорный. Это перемѣщеніе есть величайшее событіе нашей современной исторіи.

III. Чего ищетъ эмигрантъ-еврей, бѣгущій за океанъ изъ страны угнетенія? Хлѣба и свободы? Нѣтъ, *свободы* и *хлѣба*. Гонимый и унижаемый, сынъ древнѣйшаго культурнаго народа, приравненный къ парію—онъ ищетъ прежде всего свободы, а потомъ уже хлѣба, хотя бы въ той скудной дозѣ, какую онъ имѣлъ въ странѣ исхода. Онъ ищетъ своихъ элементарныхъ человѣческихъ правъ, безъ которыхъ нельзя жить, какъ безъ воздуха; онъ ищетъ личной и имущественной безопасности, которой не гарантируетъ ему жестокая родина. Послѣднія событія придали этимъ стимуламъ примитивную форму: стремленіе спасти свою *жизнь* и здоровье, жизнь, здоровье и честь своихъ близкихъ отъ звѣрскихъ инстинктовъ громилъ, вдохновляемыхъ юдофобской агитаціей и поощряемыхъ безнаказанностью... Если нужда и безправіе выгоняли изъ страны десятки тысячъ переселенцевъ, то паника будетъ выгонять сотни тысячъ. Аналогичные примѣры были даже въ началѣ 1880-хъ и 1890-хъ годовъ, когда типъ погрома-рѣзни еще не выяснился во всѣхъ своихъ ужасающихъ подробностяхъ.

Всякій разъ, когда я читаю, что въ Америку ежегодно переселяются массы итальянцевъ, ирландцевъ, поляковъ, я испытываю смѣшанное чувство скорби и надежды. Если члены этихъ свободныхъ или полусвободныхъ націй, гражданское положеніе которыхъ—даже при наихудшихъ условіяхъ—можетъ считаться завиднымъ въ сравненіи съ положеніемъ милліоновъ еврейскихъ паріевъ,—если они покидаютъ

скихъ сатурналій, Бѣлостока и Сѣдлеца включительно—все это довело еврейскую эмиграцію послѣднихъ лѣтъ до ужасающей годовой цифры 150—200 тысячъ (1903—1906 г.).

свое отечество и эмигрируютъ въ страну свободы, то что же дѣлать евреямъ, которыхъ „отечество“ грубо выталкиваетъ? Если бы евреи выселялись изъ Россіи пропорціонально своей нуждѣ, то ихъ годовая эмиграція составила бы не меньше половины всей годовой европейской эмиграціи въ Америку. Тѣмъ, которыхъ пугаетъ наплывъ еврейскихъ массъ въ С. Америку со стороны мѣстныхъ условій, я бы сказалъ: великая республика, принимающая ежегодно полмилліона переселенцевъ разныхъ національностей, можетъ принимать въ этомъ числѣ, по крайней мѣрѣ, сотню тысячъ еврейскихъ эмигрантовъ, трудолюбіе, трезвость и культурность которыхъ были недавно офиціально засвидѣтельствованы въ нотѣ американскаго правительства по румынскому вопросу.

Сила сѣверо-американской иммиграціи заключается въ томъ, что она течетъ по опредѣленному руслу и вполнѣ отвѣчаетъ условіямъ жизни нашей массы. Еврейскій эмигрантъ изъ Россіи долженъ принести въ С. Америку либо знаніе какой нибудь спеціальной отрасли труда, либо простую работоспособность, сообразно чему онъ попадетъ или въ разрядъ «skilled labourers», или въ составъ общей рабочей арміи. Нужна только организація, которая направляла бы эту рабочую массу въ пункты, гдѣ въ ней чувствуется наибольшая потребность. Эмигранту, конечно, предстоитъ жестокая борьба за существованіе, но онъ будетъ бороться не со связанными руками. „Свободу“ (не говоря уже о безопасности личности и имущества) онъ получаетъ тотчасъ, какъ только ступитъ на американскую почву, а „хлѣба“ онъ послѣ большей или меньшей борьбы добьется въ томъ или другомъ пунктѣ Соединенныхъ Штатовъ и Канады [1]).

Итакъ, магистральная линія русско-еврейской эмиграціи идетъ въ Сѣверную Америку. Боковыя вѣтви ея направляются въ Аргентину, Палестину, южную Африку и отчасти въ западно-европейскія страны; но всѣ эти боковыя теченія, вмѣстѣ взятыя, какъ показалъ опытъ, отвлекаютъ весьма небольшую часть отъ массы главнаго теченія. Хорошо это или нѣтъ—другой вопросъ. Не нужно быть политическимъ сіонистомъ, чтобы съ національной точки зрѣнія горячо сочувствовать палестинской колони-

[1]) Мнѣ могутъ указать на „ремиграцію“ или обратное движеніе изъ Америки неудачныхъ переселенцевъ. Но процентъ послѣднихъ ничтоженъ (0,8%) и можетъ быть доведенъ до крайняго минимума путемъ упорядоченія эмиграціи.

заціи; но она по необходимости будетъ идти крайне медленно, и при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ (даже при гадательномъ „чартерѣ“) не будетъ въ состояніи удовлетворять всей нашей огромной потребности въ эмиграціи. Южная Америка, съ ея католическимъ, преимущественно испанскимъ, населеніемъ, внушаетъ серьезныя опасенія относительно мирнаго сожительства еврейскихъ поселенцевъ съ „коренными“ обитателями (вспомните аргентинскихъ „гаучосовъ“!). Южная Африка (Капландъ, Трансвааль) всегда будетъ второстепеннымъ пунктомъ иммиграціи, даже послѣ устраненія тѣхъ препятствій, которыя теперь ставятся тамъ еврейскимъ переселенцамъ. Эмиграціи въ перенаселенныя страны Западной Европы евреямъ слѣдовало бы избѣгать, какъ самой невыгодной и небезопасной (антиаліенизмъ). Австралія, можетъ быть, современемъ составитъ вѣтвь американскаго иммиграціоннаго движенія, но пока она для нашего переселенческаго дѣла не имѣетъ почти никакого значенія.

Если, такимъ образомъ, главнымъ центромъ иммиграціи остается Сѣверная Америка, то является вопросъ: что нужно дѣлать для того, чтобы урегулировать массовое передвиженіе туда, въ видахъ наибольшей пользы для нашего народа? Что нужно дѣлать для того, чтобы перемѣщеніе, хотя бы и частичное, нашего крупнѣйшаго національно-культурнаго центра совершалось при условіяхъ, наиболѣе благопріятныхъ для будущаго роста этого центра на новомъ мѣстѣ? Иначе говоря, какъ сдѣлать будущій количественный центръ еврейства въ Америкѣ и качественнымъ его центромъ или, по крайней мѣрѣ, однимъ изъ такихъ центровъ?

Отвѣтъ на это одинъ: *нужно упорядочить эмиграцію не только какъ соціально-экономическій, но и какъ національный факторъ*. Эмиграція въ Сѣверную Америку представляетъ собою стихійное народное движеніе, вызываемое желѣзной необходимостью. Въ это стихійное движеніе надо внести порядокъ и систему: нужно оказывать нравственную поддержку *эмигрантамъ* и регулировать самый ходъ *эмиграціи*.

Нашимъ основнымъ принципомъ должно быть: не раздроблять еврейской діаспоры, не разбрасываться на большомъ пространствѣ мелкими группами, а напротивъ—*концентрироваться* болѣе или менѣе значительными массами. Но если въ какихъ либо пунктахъ концентрація уже до-

стигла крайняго предѣла, могущаго вызвать экономическія осложненія и соціальныя опасности, то нужно направлять переселенческія массы въ другіе пункты, гдѣ такого сгущенія и сплоченія еще нѣтъ. Въ Нью-Іоркѣ, напримѣръ, и восточныхъ штатахъ концентрація еврейскаго населенія достигла уже „точки насыщенія"; поэтому необходимо направлять будущія переселенческія партіи преимущественно въ западные штаты, сравнительно менѣе населенные.

Для всѣхъ подобныхъ цѣлей должна существовать обширная организація, о которой еще въ началѣ 80-хъ годовъ мечтали друзья народа. Нужно учредить центральный *переселенческій комитетъ*, съ отдѣленіями во многихъ пунктахъ Европы и другихъ частей свѣта. Въ комитетѣ и его отдѣленіяхъ должны быть сосредоточены всѣ нити эмиграціоннаго движенія: отсюда исходитъ руководство всѣмъ дѣломъ, въ смыслѣ выдачи справокъ, указанія наиболѣе удобныхъ иммиграціонныхъ пунктовъ, облегченія переѣзда путемъ сношеній съ пароходными компаніями, устройства справочныхъ бюро труда и т. п. Эту огромную работу могло бы взять на себя учрежденіе, обладающее наибольшими денежными средствами. И тутъ само собою напрашивается имя ICA— „Еврейскаго колонизаціоннаго Общества", которое до сихъ поръ далеко не всегда производительно тратитъ свои милліонные фонды. Переживаемый нами нынѣ острый кризисъ долженъ указать этому обществу его главную обязанность: *урегулированіе общееврейской эмиграціи*, безъ спеціальнаго предпочтенія того или другого вида ея. Будущій „переселенческій комитетъ" долженъ содѣйствовать упорядоченію не только главнаго теченія эмиграціи—сѣверо-американскаго, но и боковыхъ теченій—палестинскаго (если онъ войдетъ для этого въ соглашеніе съ сіонистской организаціей), южно-африканскаго, аргентинскаго и проч.

Въ основѣ всей этой дѣятельности должна лежать не мертвая филантропія, а живое стремленіе *національизировать эмиграцію*, т. е. создавать крупные центры нашей національно-культурной жизни взамѣнъ распадающихся старыхъ центровъ. Односторонніе сіонисты скажутъ, что такое стремленіе осуществимо только въ Палестинѣ. Нельзя, конечно, отрицать, что самымъ лучшимъ орудіемъ національзаціи переселенія была бы наша древняя историческая родина. Но вѣдь мы должны, если намъ дороги интересы *всего* народа, національзировать

не только *желательную,* но и возможную, уже *существующую* эмиграцію, которая обнимаетъ $^{9}/_{10}$ всей переселенческой массы. Мы должны использовать для народныхъ интересовъ экономическія и политическія обстоятельства настоящаго, а не гадательнаго будущаго. Мы не можемъ обречь большую часть эмигрантовъ на національную смерть, въ надеждѣ, что намъ когда нибудь удастся спасти меньшую ихъ часть въ Палестинѣ. Авторъ „Автоэмансипаціи" сказалъ, что „тысячелѣтнему страннику никакой путь (на родину) не можетъ казаться слишкомъ длиннымъ". Но если путь къ политическому возрожденію Палестины дѣйствительно окажется слишкомъ длиннымъ, то странникъ предпочтетъ другой, болѣе короткій и реальный путь. И жизнь уже указала этотъ путь.

Для меня нѣтъ сомнѣнія, что, кромѣ *будущей* еврейской Палестины, нѣтъ мѣста, болѣе пригоднаго для утвержденія еврейскаго національнаго центра съ извѣстной внутренней автономіей, чѣмъ современная Америка. Въ предыдущихъ письмахъ (IV, VII, X) я уже указалъ на обстоятельства, облегчающія задачу культурно-національнаго автономизма въ Соединенныхъ Штатахъ. Мнѣ, конечно, хорошо извѣстны и тѣ вліянія американской культуры, которыя больше способствуютъ обезличенію, чѣмъ сохраненію еврейскаго національнаго типа. Но такія условія могутъ оказывать свое вредное дѣйствіе только при безпорядочной стихійной эмиграціи, стоящей внѣ сферы вліянія національной интеллигенціи. При интенсивной же руководящей дѣятельности интеллигенціи, проникнутой національными идеалами, С. Америка дастъ наибольшій просторъ для осуществленія этихъ идеаловъ. Американская конституція не можетъ препятствовать ни автономіи еврейскаго общиннаго управленія, ни широкой организаціи національнаго воспитанія и обученія, ни образованію еврейской парламентской фракціи [1]). Все это вполнѣ совмѣстимо съ обязанностями добрыхъ гражданъ республики. Для націонализаціи американскихъ евреевъ нужно только искреннее *желаніе*, нужна объединенная и интенсивная работа всей національно-мыслящей интеллигенціи. А для этого необходимо,

[1]) Примѣръ колоніи Вудбайнъ, превращенной въ „еврейскій городокъ" съ широкой мѣстной автономіей, позволяетъ надѣяться, что кое-гдѣ возможно для евреевъ и преобладаніе въ мѣстномъ самоуправленіи.

чтобы параллельно съ эмиграціей русско-еврейскихъ *массъ* въ Америку туда переселялись и группы *интеллигенціи*, не находящей примѣненія своимъ силамъ на старой родинѣ. Мы теперь переживаемъ такой психическій моментъ, когда потребность въ переселеніи обострилась и среди нашего безправнаго образованнаго пролетаріата. Одушевленная національнымъ чувствомъ, значительная часть интеллигенціи могла бы стать въ авангардѣ эмиграціоннаго движенія, долженствующаго обезпечить значительной части гонимаго народа свободу, хлѣбъ и возможность спокойнаго самобытнаго развитія.

IV. Выше уже было сказано, что даже усиленная эмиграція можетъ привести только къ разрѣженію еврейскаго населенія въ странѣ исхода, въ россійскомъ Египтѣ, но не къ полной эвакуаціи этой страны отъ евреевъ. Большія массы будутъ еще оставаться на старыхъ мѣстахъ, при крайне тяжелыхъ условіяхъ матеріальной и духовной жизни. И такимъ образомъ основной вопросъ о народной самопомощи и самозащитѣ на мѣстахъ сохраняетъ всю свою силу. Не стану въ сотый разъ доказывать, что самопомощь гонимаго и терзаемаго народа должна быть глубоко-національна по духу, а не бездушно-филантропична, что главныя наши силы должны быть направлены къ укрѣпленію тѣхъ жизненныхъ устоевъ еврейства, за которые мы боролись и страдали въ теченіе тысячелѣтій. Новый мученическій вѣнецъ, только что возложенный на голову еврейскаго народа, можетъ быть, убѣдитъ въ этомъ и тѣхъ, которые раньше не питали отвращенія къ податливой политикѣ ассимиляціи. Я обращаюсь къ широкимъ слоямъ нашей національно-мыслящей интеллигенціи, безъ различія партійныхъ оттѣнковъ. Намъ теперь болѣе, чѣмъ когда либо, настоятельно необходимо столковаться относительно тѣхъ способовъ самопомощи и самообороны, которые возможны при существующихъ условіяхъ.

Прежде всего не слѣдуетъ допускать ложной мысли, что, поддерживая массовую эмиграцію въ новыя страны, мы будто бы отрекаемся отъ нашихъ историческихъ правъ на тѣ старые центры, гдѣ мы вели культурную трудовую жизнь въ теченіе многихъ столѣтій, гдѣ мы во многихъ мѣстахъ поселились гораздо раньше, чѣмъ тѣ,

которые называютъ насъ „пришельцами“, а себя „коренными“. Мы не отказываемся отъ нашего историческаго и нравственнаго права на эти старые центры, мы и здѣсь всѣми силами будемъ стремиться къ улучшенію нашего экономическаго быта и къ достиженію тѣхъ гражданскихъ правъ, въ которыхъ намъ теперь отказываютъ. Но мы будемъ бороться за эти права, какъ уважающая себя нація. Мы должны одновременно отстаивать свои гражданскія права, свои культурные идеалы и національные интересы. Мы можемъ защищаться противъ организованной юдофобской агитаціи путемъ контръ-организацій, общественныхъ и литературныхъ. И какъ бы долго ни продолжалась эта борьба за право, мы все таки не утратимъ вѣры въ будущій успѣхъ нашего дѣла, дѣла правды и справедливости. Ища постоянно болѣе благопріятныхъ пунктовъ для нашего національнаго существованія, мы въ то же время не перестанемъ настойчиво добиваться нашего равноправія въ странѣ, гдѣ милліонамъ нашихъ братьевъ еще суждено долго жить. Если намъ здѣсь суждено и страдать долго, то будемъ страдать, борясь за лучшую долю, а не смиренно покоряясь обстоятельствамъ. Такое политическое смиреніе грозило бы намъ полной деморализаціей... Мы не будемъ также успокаиваться на полумѣрахъ и жалкихъ подачкахъ со стороны правительства, а будемъ упорно добиваться всего того, что намъ слѣдуетъ, какъ людямъ и гражданамъ.

Для обсужденія всѣхъ вопросовъ, связанныхъ съ двумя видами нашей національной самопомощи—эмиграціонной и гражданско-культурной—слѣдуетъ созвать въ возможно скорѣйшемъ времени *общееврейскій конгрессъ*. Я уже когда-то говорилъ о задачахъ такого конгресса (письма IV и IX), и здѣсь долженъ только прибавить, что настоящій скорбный моментъ выдвигаетъ на первую очередь одну изъ этихъ задачъ: урегулированіе и національзированіе эмиграціи. Сіонисты совершили бы крупный шагъ въ смыслѣ расширенія своей программы, если бы превратили предстоящій имъ въ августѣ этого года очередной шестой конгрессъ въ общееврейскій конгрессъ, съ указанной реальной программой [1]). Но если партійныя соображенія удержатъ сіонистовъ

[1]) Шестой базельскій конгрессъ (августъ 1903), хотя и остался партійнымъ, откликнулся однако на великую идею національной эмиграціи, носившуюся

отъ такого шага, то найдутся дѣятели, способные самостоятельно подготовить общенародный конгрессъ. И немало найдется лицъ, которыя пожелаютъ быть участниками этого новаго Синедріона, созываемаго въ одинъ изъ самыхъ трагическихъ моментовъ нашей исторіи.

Предстоящая обширная работа самопомощи требуетъ крайняго напряженія всѣхъ силъ народа. Вся еврейская интеллигенція, вся работоспособная молодежь должна идти въ это народное ополченіе, созываемое въ критическій моментъ. Какъ ни увеличилось въ послѣднія десятилѣтія число борцовъ за наше народное дѣло, но оно весьма невелико въ сравненіи съ численностью всей нашей, способной къ общественной дѣятельности, интеллигенціи. Тысячи образованныхъ и подчасъ талантливыхъ евреевъ до сихъ поръ „стерегутъ чужіе виноградники", забрасывая свой собственный. Тысячи уходятъ изъ стана погибающихъ братьевъ туда, гдѣ ихъ участіе не такъ нужно или даже нежелательно. Воспитанные въ духѣ, чуждомъ еврейству, они увлекаются общественными и литературными теченіями иной среды, часто принимающими у нихъ форму уродливаго подражанія. Они даже поддаются декадансу русской жизни, съ ея новоявленными типами эгоистическаго „индивидуалиста" и „скучающаго интеллигента". Въ нашей безотрадной жизни я не знаю болѣе уродливаго явленія, чѣмъ этотъ упадокъ общественныхъ идеаловъ въ однихъ и національныхъ идеаловъ въ другихъ, среди народа, находящагося въ состояніи крайней самообороны, въ моментъ величайшей національной опасности...

Хотѣлось бы вѣрить, что новая страшная катастрофа заставитъ и эту обмершую часть интеллигенціи очнуться и одуматься. Гдѣ есть

тогда въ воздухѣ. Памятный угандскій проектъ уже сдвинулъ политическій сіонизмъ съ его позиціи, а вызванная 6-мъ конгрессомъ организація „территоріалистовъ" явилась въ сущности отвѣтомъ на жгучую потребность жизни— направлять по опредѣленному руслу могучій эмиграціонный потокъ, въ видахъ національной концентраціи. Можно считать идею „территоріализма" недостижимою, но нельзя отказать ей въ глубокой жизненной подкладкѣ. Если бы территоріалисты сдѣлали своей первой реальной базой урегулированіе американской эмиграціи и направленіе ея преимущественно въ малонаселенные западные штаты, то они бы приблизились къ задачѣ, указанной въ настоящей статьѣ. Въ самое послѣднее время дѣятельность Ito (Еврейской территоріалистской организаціи) принимаетъ такое именно практическое направленіе, въ смыслѣ національнаго урегулированія русско-американской эмиграціи (примѣч. 1907 г.).

опасность, гдѣ есть чрезвычайная національная работа, направленная къ спасенію сотенъ тысячъ страдающихъ братьевъ, не должно быть мѣста ни сомнительному „индивидуализму", ни отвлеченію общественныхъ силъ въ другую сторону. У кого глаза откроются на бездну еврейскаго народнаго горя, тотъ не уйдетъ ни въ станъ ликующихъ, ни въ лагерь борцовъ за дѣло, далекое отъ жгучей потребности дня...

Наше безбрежное народное горе должно излѣчить и „скучающую" интеллигенцію, и отчужденную. Оно дастъ ей возвышенный, святой идеалъ, дастъ ей цѣль и смыслъ жизни. И если эта, доселѣ оторванная отъ народа, интеллигенція, проникшись національными идеалами, присоединится къ той, которая уже давно выбивается изъ силъ въ борьбѣ за наше народное дѣло,—то „еще надежда наша не погибла".

Надъ свѣжей могилой нашихъ новыхъ національныхъ мучениковъ пусть соединятся всѣ жизнеспособные элементы нашего народа, всѣ, въ комъ не угасла „еврейская искра", кто стремится къ сохраненію и возрожденію нашей націи! Пусть каждый мыслящій еврей видитъ въ себѣ воина той несравненной арміи, которая уже два тысячелѣтія борется духовнымъ оружіемъ противъ несмѣтныхъ враждебныхъ силъ и которая до сихъ поръ сохранила еврейство среди величайшихъ историческихъ катастрофъ!

Май 1903.

ПИСЬМО ДВѢНАДЦАТОЕ.

Уроки страшныхъ дней.

(Отрывки).

I.

Что сдѣлалъ намъ Амалекъ? [1]).

Море крови, къ сердцу вопіющей,
Море слезъ, неотомщенныхъ слезъ...
И звучитъ, и жжетъ тебя гнетущій,
Какъ ножомъ пронзающій, вопросъ:
Для чего и жертвы, и страданья?

Для чего эти новые ужасы, это возвращеніе къ кровавымъ оргіямъ „черной смерти“ и временъ Хмѣльницкаго? Для чего эти тысячи звѣрски убитыхъ и изувѣченныхъ еврейскихъ жертвъ въ Одессѣ, Кіевѣ, Елисаветградѣ, Кишеневѣ, Каларашѣ, Ромнахъ, Оршѣ и еще многихъ и многихъ городахъ юга и сѣвера? Для чего вандальскій разгромъ сотни общинъ, залитыя кровью и засыпанныя обломками улицы, десятки тысячъ семействъ осиротѣвшихъ, ограбленныхъ, пущенныхъ по міру?

Не для того-ли, чтобы Россія перешла въ конституціонный періодъ своей исторіи съ позорнымъ пятномъ на челѣ, чтобы она вступила въ сонмъ правовыхъ государствъ съ клеймомъ варвара или буйнаго вольноотпущенника? Или это—грозное напоминаніе еврею, что онъ, борющійся въ передовыхъ рядахъ освободительной арміи, все еще остается и безправнымъ, и беззащитнымъ, что онъ, больше всѣхъ потрудившійся для дѣла революціи, меньше всѣхъ пользуется ея первыми плодами,

[1]) Эта глава читана на траурномъ митингѣ по поводу октябрьскихъ погромовъ, въ Вильнѣ, 17 ноября 1905 г.

имѣя только одну печальную привилегію—сдѣлаться главной жертвой контръ-революціи и народнаго варварства? Что это: наслѣдіе отходящаго, но еще не ушедшаго прошлаго, или зловѣщее указаніе будущему?

Намъ говорятъ: это—контръ-революція, устроенная развѣнчанными слугами стараго порядка вкупѣ съ темными элементами населенія. Это—правда, но неполная. Кровавые октябрьскіе дни 1905 года были подготовлены не только событіями самаго послѣдняго времени: они—результатъ долгой политической эволюціи Россіи, вѣнецъ той системы желѣза и крови, которая давила евреевъ въ теченіе послѣдней четверти вѣка. Полицейская Россія создала для еврейскаго населенія двѣ инквизиціи: инквизицію безправія для постояннаго обихода и инквизицію погромовъ для чрезвычайныхъ надобностей. То были два конца одной палки: однимъ били, другимъ убивали; на одномъ концѣ гнетъ, на другомъ истребленіе. Желая возсоздать въ Россіи режимъ старой Испаніи, недавно ушедшій на покой „великій инквизиторъ“ и его сподвижники выработали, въ связи съ общей политикой грубаго абсолютизма, спеціальный уставъ для евреевъ. Мотивы устава были упрощены до крайности: „Евреи—народъ культурный и склонный къ прогрессу, а это не подходитъ для нашей всероссійской клерикально-монархической патріархальности, для системы азіатскаго застоя и спасительнаго народнаго невѣжества. Такъ давите же этихъ инородцевъ, не выпускайте ихъ за кордонъ „черты осѣдлости“, гоните ихъ изъ деревень въ переполненные города, отнимайте у нихъ хлѣбъ, отнимайте просвѣщеніе, низведите ихъ на степень паріевъ, внушите массѣ „коренныхъ“, что евреи стоятъ внѣ закона,—а когда внушеніе подѣйствуетъ и вызоветъ погромы, то не торопитесь подавлять ихъ: пусть проявится „народная воля“, пусть безправные испытаютъ и ужасъ беззащитности, и если жизнь имъ станетъ невыносимой, пусть уходятъ въ Америку, Палестину, куда хотятъ“!..

Въ 1881 г. антиеврейскіе погромы были офиціально названы (устами министра Н. П. Игнатьева) „судомъ народнымъ“, а въ 1905 г. ихъ офиціально же причисляютъ къ разряду „патріотическихъ манифестацій“, совершаемыхъ подъ эмблемою креста и національнаго флага. Тогда ихъ оправдывали экономическими причинами, мнимой „эксплуатаціей евреями коренного населенія“; теперь ихъ оправдываютъ причинами политическими, местью за революціонную дѣятельность евреевъ, которыхъ сама

же правительственная инквизиція толкнула въ бездну отчаянія и возмущенія. Мѣнялись мотивы, мѣнялась и практика погромной инквизиціи, послѣдняя—къ худшему. Раньше было бездѣйствіе властей, теперь—явное или тайное содѣйствіе ихъ въ устроеніи погромовъ; раньше были разгромы домовъ и имущества, а съ 1903 года, отъ дней Кишинева и Гомеля, пошли избіенія и рѣзня; на ряду съ догматомъ неприкосновенности громилъ и убійцъ при исполненіи ими „служебныхъ обязанностей", утвердилась практика полицейско-военнаго истребленія еврейской самообороны, мѣшающей исполненію этихъ обязанностей,— пока наконецъ не дошло до полнаго братскаго сліянія полиціи, солдатъ и казаковъ съ убійцами, каннибалами и грабителями изъ народа въ октябрьскіе дни. Дальнѣйшія статьи устава погромной инквизиціи намъ извѣстны изъ недавней практики: „достовѣрныя" правительственныя сообщенія и судебно-полицейскія разслѣдованія, сваливающія вину на убитыхъ и разгромленныхъ, и потомъ постыдная комедія „правосудія" [1]).

Такъ дѣйствовало „старое" правительство; что же дѣлаетъ новое правительство Витте? Оно публикуетъ офиціальныя сообщенія о погромахъ на основаніи данныхъ, доставленныхъ администраторами, организовавшими или вдохновлявшими эти погромы; оно не предаетъ суду этихъ виновниковъ бойни, опозорившей Россію, а инымъ изъ нихъ даже выражаетъ благодарность; оно опровергаетъ „обидное" для него извѣстіе, будто русскій посолъ въ Вѣнѣ устроилъ сборы въ пользу разгромленныхъ,—словомъ, оно ни единымъ актомъ не выразило осужденія происшедшимъ звѣрствамъ, чѣмъ даетъ поводъ думать, что въ этой политикѣ новое правительство идетъ, хотя не такъ откровенно, по стопамъ стараго. Ясно, что граница между старой и новой Россіей есть пока только „воображаемая линія", по крайней мѣрѣ для евреевъ.

Такова роль правительства во всемъ происшедшемъ, роль административной опричнины, роль военныхъ усмирителей, прославившихся „внутренними побѣдами", и казачества, воскресившаго традиціи Хмѣльницкаго и Гонты. А что-же народъ? Неужели эта дикая толпа такъ называемыхъ хулигановъ и „черной сотни" творила только волю послав-

[1]) Послѣ разоблаченій кн. Урусова въ Госуд. Думѣ и ужасовъ Бѣлостока и Сѣдлеца, это изображеніе погромной лабораторіи можетъ показаться еще слишкомъ блѣднымъ (примѣч. 1907 г.).

шихъ ее? Тѣ тысячи и десятки тысячъ рабочихъ, крестьянъ, мѣщанъ и „разночинцевъ", которые на протяженіи всей Россіи, отъ Одессы до Томска, разбивали евреямъ головы, выкалывали дѣтямъ глаза, насиловали и разрубали на куски женщинъ, поджигали, грабили, крали и увозили краденное и награбленное къ себѣ,—развѣ всѣ они дѣлали только контръ-революцію? Нѣтъ, они дѣлали то, что̀ дѣлали ихъ отцы и братья въ былые годы, и будутъ такъ дѣлать впредь при благопріятныхъ къ тому условіяхъ, и завѣщаютъ это будущимъ поколѣніямъ, пока болѣе высокая культура и новое политическое воспитаніе не выгонятъ звѣря изъ этихъ черныхъ сотенъ или, точнѣе, милліоновъ. Сколько времени потребуется для этой метаморфозы, для перевоспитанія одичалыхъ массъ въ духѣ конституціоннаго правового государства, для искорененія глубоко внѣдрившагося въ русскую жизнь кулачнаго права? А потомъ—пріобрѣтутъ ли евреи друзей во всѣхъ этихъ очеловѣченныхъ массахъ?

Живые примѣры не позволяютъ намъ отвѣтить съ увѣренностью: да! Что дѣлали и дѣлаютъ тѣ, которые уже давно поднялись надъ дикостью темнаго царства, что дѣлаетъ русское общество въ лицѣ своихъ либеральныхъ и радикальныхъ элементовъ? Какъ различно отозвалось оно на октябрьскіе погромы съ одной стороны и на объявленіе военнаго положенія въ Польшѣ—съ другой? Въ одномъ случаѣ открытый союзъ административныхъ разбойниковъ съ народными уже выразился въ тысячахъ труповъ, десяткахъ тысячъ изувѣченныхъ и въ опустошеніи большей части „черты осѣдлости"; въ другомъ случаѣ грубый актъ насилія только грозилъ жертвами въ будущемъ. И по поводу перваго испустили вздохъ сожалѣнія, кое-гдѣ крикъ негодованія, между тѣмъ какъ второй случай вызвалъ организованную забастовку, протесты и негодующія резолюціи, и наконецъ серьезныя представленія правительству. Гдѣ комитеты помощи, устроенные русскими людьми въ пользу осиротѣвшихъ и разгромленныхъ еврейскихъ семействъ (такіе комитеты основываются христіанами даже въ Англіи, Франціи, Германіи и другихъ странахъ)? Гдѣ ихъ митинги протеста противъ потрясшаго весь цивилизованный міръ массоваго преступленія? Гдѣ громовыя статьи въ печати, гдѣ тотъ страшный вопль, который новая варѳоломеевская ночь должна была вызвать? Вяло и холодно

отозвалась освобожденная русская пресса на величайшія муки еврейства, на несмываемый позоръ Россіи. Первая газета русскаго организованнаго пролетаріата („Новая Жизнь“) обошла почти молчаніемъ ужасы погромовъ, какъ какой-то мелкій эпизодъ въ революціонной борьбѣ,— та газета, которая кричитъ о близкомъ „народовластіи“ и ни за что не хочетъ помириться на англійской конституціи для нынѣшней Россіи. А впрочемъ—какъ держалъ себя въ послѣдней антиеврейской „кампаніи“ самъ русскій организованный пролетаріатъ? Въ революціонной борьбѣ рядомъ съ нимъ, а часто впереди него, клалъ голову пролетаріатъ еврейскій; а когда контръ-революція направила всю свою ярость противъ евреевъ, куда дѣлись русскіе „товарищи“? Послѣ пяти кровавыхъ дней въ Одессѣ, когда дѣло истребленія уже было окончено, мѣстные организованные рабочіе публично покаялись въ своемъ бездѣйствіи, а въ другихъ мѣстахъ и этого запоздалаго сознанія не было. Тѣ десятки самоотверженныхъ студентовъ и другихъ русскихъ людей, которые участвовали въ еврейской самообороне и пали жертвами товарищескаго долга, останутся славными исключеніями изъ безславной среды...

Есть-ли, послѣ этого, основаніе для оптимизма, для довѣрія?

Изъ страшныхъ испытаній послѣдней четверти вѣка русское еврейство вынесло непримиримую ненависть къ деспотическому режиму, превзошедшему въ своихъ дѣяніяхъ испанскую инквизицію. Проклятіе этому гнусному режиму, глумившемуся надъ нашей человѣческой личностью, любовавшемуся судорогами истязуемой шестимилліонной націи въ теченіе десятковъ лѣтъ! Изъ возмущеннаго народнаго сердца уже исторгнута Ганнибалова клятва въ неустанной борьбѣ со всякими пережитками этого режима, которые еще не скоро исчезнутъ изъ русской жизни, со всякой попыткой реставраціи стараго порядка, ставшаго символомъ ужаса и омерзѣнія въ исторіи. Послѣдніе, безпримѣрные по своему звѣрству погромы, которыми правительство надѣялось убить въ еврейскомъ обществѣ революціонную „бациллу“, не достигнутъ своей цѣли. Революціонное настроеніе отъ этого только повысится, но еще въ большей степени должно повыситься *національное* настроеніе, должно углубиться національное самосознаніе. Мы никогда не забудемъ уроковъ страшныхъ дней. „Помни, что сдѣлалъ тебѣ Амалекъ, когда ты выходилъ изъ Египта“!.. Послѣ 25-лѣтняго египетскаго рабства—напа-

деніе хищнаго Амалека, неуслышанный крикъ Израиля среди „пустыни народовъ“, заглушенные вопли убиваемыхъ, стоны замученныхъ...

Кто-же современный Амалекъ? Не одни слуги опозореннаго стараго порядка, но и тѣ темныя массы, которыя шли за ними. Если первые зажгли въ насъ чувства мести и борьбы, то послѣдніе внушаютъ намъ чувство ужаса предъ будущимъ.

Возможно-ли скорое примиреніе? На послѣднемъ земскомъ съѣздѣ въ Москвѣ одинъ русскій ораторъ сказалъ, что послѣ столѣтняго угнетенія Польши подъ русскимъ владычествомъ должны пройти многіе годы, прежде чѣмъ польскій народъ проникнется добрыми чувствами къ Россіи. Если принять во вниманіе, что Польшу угнетало русское правительство, а не русскій народъ, что послѣдній никогда не устраивалъ полякамъ ни погромовъ, ни варѳоломеевскихъ ночей, то я предлагаю вамъ сосчитать, сколько времени должно пройти, чтобы еврейскій народъ, мученикъ всей Россіи, могъ забыть, простить и примириться съ потомками своихъ мучителей.

Вы, искусившіеся въ анализѣ политическихъ явленій, возразите намъ ссылками на „контръ-революцію“, на „массовый психозъ“, на „линію наименьшаго сопротивленія“ и тому подобные умные термины изъ соціологическаго лексикона. Допустимъ на минуту, что это такъ: мы, люди, тоже немного испорченные анализомъ, пересилимъ наше непосредственное чувство и подчинимъ его силлогизму, ради личнаго утѣшенія или вящшей вѣры въ русскій прогрессъ. Но что вы сдѣлаете съ народомъ, съ той еврейской массой, которая только что пережила за одну недѣлю всѣ ужасы среднихъ вѣковъ вмѣстѣ взятые? Искорените-ли вы память о тысячахъ невинныхъ мучениковъ, ослабите-ли вы священный гнѣвъ современниковъ и далекаго потомства? Еще долго въ тысячахъ еврейскихъ семей будутъ оплакивать убитыхъ, замученныхъ, растерзанныхъ въ октябрьскіе дни. Еще долго костыль хромого, слѣды выколотаго глаза, отрѣзанной руки, искалѣченнаго лица будутъ реликвіями дней ужасовъ. И матери еще долго будутъ разсказывать дѣтямъ, какъ „во дни оны“ замучили варвары ихъ отцовъ, братьевъ и сестеръ, какъ разорили ихъ семейное гнѣздо, обрекли на вдовство, сиротство, болѣзни, голодъ и безысходную нужду. И скорбью преисполнятся сердца дѣтей, и гнѣвомъ загорятся глаза, и руки сожмутся... Передъ

этимъ гнѣвнымъ трепетомъ народной души, передъ этимъ могучимъ настроеніемъ мучениковъ, которое перейдетъ въ исторію, мы безсильны со всѣмъ нашимъ холоднымъ анализомъ. Передъ возмущеніемъ еврейскаго сердца—напрасны всѣ софизмы самообольщающагося ума. Считайтесь съ этимъ непосредственнымъ народнымъ чутьемъ, съ психикой страдальцевъ, съ тѣми эмоціями и настроеніями, которыя двигаютъ исторіей больше, чѣмъ отвлеченныя идеи! И это народное сознаніе, вѣрнѣе обобщающее пережитыя событія, скажетъ вамъ: „Не довѣряйте Амалеку, ни правительственному, ни народному, ибо старая Россія можетъ еще проявляться въ новой".

II.

Рабство въ революціи.

Излишнее довѣріе къ окружающимъ насъ политическимъ и національнымъ группамъ, неумѣлое подражаніе модньмъ образцамъ, огромная затрата силъ на общее, иногда чужое дѣло при крайнемъ пренебреженіи своими насущными народными интересами — таковы преобладающія свойства активныхъ силъ современнаго русскаго еврейства. Въ то время, какъ другія угнетенныя національности Россіи — поляки, армяне, не говоря уже о финляндцахъ—вели революціонную борьбу подъ своими національными знаменами, еврейскія революціонныя силы боролись подъ общерусскимъ или польскимъ знаменемъ, — и если уже допускали еврейскую окраску, то не національную, а только этнографическую, для удобства „классовой борьбы". Спеціальными лозунгами борьбы служили для финляндцевъ—возстановленіе ихъ автономной конституціи, для Польши—мѣстная автономія, свобода языка и національной школы; среди армянъ успѣху революціоннаго движенія больше всего содѣйствовали репрессіи Плеве въ области ихъ церковно-школьной автономіи, недавно отмѣненныя благодаря единодушному протесту народа. Въ тактикѣ-же еврейской революціи спеціальный протестъ заглушался общимъ, и требованіе равноправія, какъ одной изъ элементарныхъ „свободъ", совершенно стушевывалось передъ общеполитическими или классовыми требованіями. Ни разу не было особаго *демонстративнаго* протеста противъ позорнаго еврейскаго безправія, противъ наглаго 25-лѣтняго

глумленія надъ цѣлымъ народомъ; не было *чисто-національныхъ* революціонныхъ выступленій и даже отчаянныхъ политическихъ эксцессовъ (за исключеніемъ случая Дашевскаго, послѣ кишиневской рѣзни, и отчасти Лекерта). Еврейское отчаяніе служило внутреннимъ мотивомъ революціоннаго *настроенія*, но не дало внѣшняго лозунга революціоннымъ *дѣйствіямъ*.

Вслѣдствіе непрерывныхъ гоненій со стороны юдофобскаго правительства, въ русскомъ еврействѣ накопилось очень много оппозиціонной энергіи. Глубоко проникъ революціонный ферментъ въ различные слои гонимаго народа, даже въ дѣтскія души (ибо старый фараоновскій режимъ искоренялъ и еврейскихъ младенцевъ, отгоняя ихъ отъ дверей учебныхъ заведеній). Ни одинъ народъ не выдвинулъ такой массы „бунтующей“ зеленой молодежи, какъ еврейскій. Это было естественно, симптоматично для ужасныхъ условій нашей жизни, но весьма печально по послѣдствіямъ, ибо это придавало движенію характеръ стихійности и незрѣлости. Пошла-ли эта стихійная революціонная энергія на наше народное дѣло? Нѣтъ. Давнишнія ассимиляціонныя наклонности дѣятелей изъ интеллигенціи съ одной стороны и политическая незрѣлость значительной части „борцовъ“ изъ полуобразованныхъ элементовъ съ другой—привели къ тому, что еврейскій протестъ утратилъ свою индивидуальную окраску и растворился въ протестѣ общерусскомъ. Вопли *нашихъ* страдальцевъ, стоны узниковъ гетто претворяются въ общіе лозунги; плодъ нашей муки, жертвы изъ нашей среды мы несемъ на общій „алтарь отечества“: своего еврейскаго революціоннаго алтаря мы не имѣемъ, хотя другія націи занимаютъ каждая свою позицію въ войнѣ съ старымъ порядкомъ. Наши революціонные элементы либо сливаются съ соотвѣтствующими организаціями другихъ народовъ, либо выдѣляются въ особую пролетарскую организацію, которая можетъ быть названа еврейской только по своему племенному составу, по языку своихъ прокламацій, но не по національной программѣ.

Отношенія еврейскихъ членовъ различныхъ соціалъ-демократическихъ и революціонныхъ партій къ еврейству уже выяснились въ достаточной степени.

Та многочисленная армія еврейской молодежи, которая занимаетъ видное мѣсто въ рядахъ „Россійской соціалъ-демократической рабочей

партіи" и выдвигаетъ тамъ даже своихъ лидеровъ, формально порвала всякія связи съ еврействомъ. Это —послѣдовательные ассимиляторы, въ силу своихъ партійныхъ и интернаціональныхъ убѣжденій. Ихъ народъ—русскій, а не еврейскій народъ, ибо понятіе „народъ" для нихъ политически-территоріальное, а не культурно-историческое. Шесть милліоновъ евреевъ, застрявшихъ въ русскомъ государственномъ организмѣ, являются для нихъ россіянами, до поры до времени приписанными къ еврейству. Они готовы признать широкую національно-культурную автономію всѣхъ территоріальныхъ народностей Россіи, кромѣ еврейской, которой неохотно бросаютъ кость въ видѣ „самоопредѣленія", въ надеждѣ, что съ теченіемъ времени и этого не понадобится, ибо еврейскій ручей сольется съ русскимъ моремъ. Видъ широкаго ручья еврейской крови, пролитой руками русскихъ людей, не смутитъ величаваго покоя еврейскихъ „партійцевъ"; не разочаруетъ ихъ и то, что даже организованные „товарищи" не пришли на помощь избиваемой націи: вѣдь это—только одинъ эпизодъ контръ-революціи. Эти люди не чувствуютъ, что они, какъ вѣрные слуги, дѣлаютъ только политику своихъ господъ, господствующей націи; они остались внутренно несвободными и въ революціи.

Еще болѣе некрасивое „рабство въ революціи" обнаруживаютъ евреи изъ „Польской партіи соціалистовъ" (P. P. S.), составляющіе значительный процентъ въ партіи въ Царствѣ Польскомъ и Литвѣ. Эти люди, фанатически борющіеся за польскую автономію, польскій языкъ и школу, доходящіе порою до шовинизма въ преклоненіи передъ всѣмъ польскимъ, стремятся къ совершенной полонизаціи евреевъ названныхъ областей (въ Литвѣ, напримѣръ, они обязываютъ евреевъ-рабочихъ своей организаціи изучать польскій языкъ). Это—достойные потомки тѣхъ жалкихъ еврейскихъ „факторовъ", которые покорно гнули спину передъ польскими панами, служили имъ съ вѣрностью пуделей и любовно принимали даже панскіе пинки. Тѣ гнули только спину, а эти гнутъ и коверкаютъ свою душу на чужой ладъ, съ рабской угодливостью отрекаясь отъ всего національно-еврейскаго, отъ всей культуры „вѣчнаго народа", отъ всѣхъ его идеаловъ и интересовъ. Подобно своимъ политическимъ антиподамъ изъ консервативной и наполовину антисемитской партіи „Народовой демократіи", приверженцы P. P. S. тре-

буютъ полнаго культурнаго сліянія евреевъ съ польскимъ народомъ, и только на время, впредь до достиженія этого идеала, отпускаютъ „темной массѣ“ гомеопатическую дозу „національнаго самоопредѣленія“.

Еврейскіе члены партіи „Соціалистовъ-революціонеровъ“ (С. Р.), примыкающей по своей минимальной программѣ къ лѣвой группѣ конституціонно-демократической партіи, не обнаруживаютъ отрицательнаго отношенія къ еврейству, но они къ нему индиферентны, по крайней мѣрѣ въ своей активной политикѣ. Аграрный вопросъ, въ силу партійной программы, долженъ быть ближе ихъ сердцу, чѣмъ еврейскій, который для нихъ является только частностью общерусскаго освободительнаго движенія. Они живутъ „вѣрою праведныхъ“ и убѣждены, что юдофобія исчезнетъ и русскій волкъ будетъ мирно жить съ еврейскимъ ягненкомъ.

Не является ли представительницей нашихъ національныхъ интересовъ соціалъ-демократическая организація „Бундъ“, приписывающая себѣ столь важную роль въ революціонномъ движеніи нынѣшняго года? Она заявляетъ притязанія на такое представительство, но притязанія ничѣмъ не оправдываемыя. Какъ партія, поставившая себѣ исключительно классовую, пролетарскую программу, „Бундъ“ сознательно служитъ не общимъ интересамъ еврейскаго народа, а только интересамъ одной его части— и самой малой части. Борьба интересовъ буржуазіи и пролетаріата совершенно заслоняетъ для бундовцевъ борьбу за общенародные интересы, которые наиболѣе подвергаются опасности извнѣ. Для адептовъ „Бунда“ еврейскій ярлыкъ—только этническій, а не національный. Они считаются еще съ языкомъ массы—жаргономъ (возрожденіе древнееврейскаго языка ими отвергается), говорятъ о „свободѣ самоопредѣленія“ и даже о „національно-культурной автономіи“, какъ о догмахъ общей свободы; но о дѣйствительномъ развитіи еврейской національной культуры, объ автономномъ общинномъ строѣ, о національномъ воспитаніи, какъ средствѣ предохраненія отъ ассимиляціи—они не думаютъ; самостоятельную же и единую еврейскую народную политику они рѣзко отрицаютъ [1]). Для этого они слишкомъ „классовики“.

[1]) Вотъ слова одного изъ идеологовъ партіи: „Мы не націоналисты... Мы не ассимиляторы. Мы ведемъ классовую борьбу... *Здѣсь* сфера нашихъ задачъ, *здѣсь* область нашихъ цѣлей... Пусть исторія обрекла евреевъ на уподобленіе инымъ народамъ; мы не будемъ принимать мѣры для того, чтобы задержать этотъ процессъ, не будемъ и содѣйствовать ему. Мы нейтральны... Пусть

Адепты „Бунда“ являются преданными сынами только одной „національ“—пролетаріата. Они никогда не объединяются для общееврейскаго дѣла съ прогрессивными національными партіями, хотя бы того требовали вопіющія нужды еврейства, какъ цѣлаго. Да они и не признаютъ еврейства какъ цѣлаго; они разсѣкаютъ живой организмъ на двѣ половины и говорятъ: это—наше, пролетарское, а это чужое,—„отъ лукаваго“ отъ буржуазіи, сіонистовъ, національстовъ или конституціонныхъ демократовъ! Для нихъ не убѣдителенъ тотъ фактъ, что еврейское безправіе одинаково угнетало пролетарія, капиталиста и мелкаго собственника, что на улицахъ разгромленныхъ городовъ лежали рядомъ съ разбитыми черепами люди всѣхъ этихъ трехъ категорій; въ этомъ грозномъ напоминаніи они не слышатъ императива, бороться вмѣстѣ съ общимъ врагомъ.

Отчужденность этихъ фанатиковъ марксизма отъ еврейства сказалась въ трагической формѣ во время недавнихъ событій. Вообразивъ себя рыцарями общерусской революціи, бундовцы силились выказать себя въ октябрьскихъ манифестаціяхъ plus russes que les russes—и когда за этими манифестаціями послѣдовалъ рядъ варѳоломеевскихъ ночей для евреевъ, они смиренно умывали руки и говорили: „Это не больше, какъ контръ-революція! Слава павшимъ за дѣло освобожденія“. Да, господа! но спросили ли вы всѣхъ павшихъ, замученныхъ, изувѣченныхъ и разоренныхъ, за какое дѣло они хотѣли бы потерпѣть мученичество? Вѣдь вы знаете, что 80% этихъ страдальцевъ являются жертвами еврейства, національными, а не политическими мучениками. Они жертвы исконной юдофобіи той дикой толпы, въ которой вашъ „русскій“ красный флагъ пробудилъ ярость, какъ въ боевомъ быкѣ—красный платокъ. Неужели вы не знали, что русскій медвѣдь еще не прирученъ конституціей и что въ его логовище нельзя войти безнаказанно, особенно „чужому“, не своему, къ которому онъ издавна питаетъ инстинктивную ненависть?

исторія сулитъ евреямъ расцвѣтъ своеобразной культуры; мы не будемъ пещись о томъ, чтобы препятствовать этому своеобразію, не будемъ стараться и объ его успѣхѣ. Мы нейтральны“ (*Медемъ*, Соціалдемократія и національный вопросъ“, изд. „Трибуна“, Спб. 1906, ст. 21—22; перепечатка изъ „Вѣстника Бунда“ 1904 г. №№ 1—5). Этотъ величественный „нейтралитетъ“ въ вопросѣ о жизни и смерти націи характеренъ для партіи, именующей себя „еврейскою“...

Поистинѣ, можно удивляться той глубокой вѣрѣ въ культурную мощь русскаго народа, которую проявляютъ эти вожди *еврейскаго* пролетаріата. Наравнѣ съ своими товарищами изъ россійскихъ соціалистическихъ организацій, они проникнуты убѣжденіемъ, что русскій народъ призванъ совершить революцію высшаго порядка, которая дастъ ему возможность сразу перескочить черезъ всѣ историческіе барьеры, черезъ конституціонную монархію—прямо къ „народовластію“ или демократической республикѣ, а немного спустя—къ соціальному Zukunftsstaat'у. „Старуха Европа“ (такъ назвалъ ее кто-то въ „Новой Жизни“, не замѣчая тутъ варіаціи на мотивъ „гнилого Запада“ славянофиловъ) намъ не указъ: она создала революцію, а мы — архи-революцію. Во Франціи республика утвердилась лишь черезъ 80 лѣтъ послѣ великой революціи; германцы вынуждены еще и теперь довольствоваться конституціонной монархіей, и даже довольно плохой, хотя и они въ 1848 г. имѣли свою республиканскую партію,—а мы вотъ сразу все возьмемъ. Но если этой смѣшной иллюзіей русской архи-революціи пробавляются русскіе люди, то это еще объяснимо безсознательнымъ національнымъ мистицизмомъ, той вѣрой въ „миссію“ родного народа, которая когда-то продиктовала славянофиламъ противоположную идею архи-самодержавія [1]). Противъ вѣрующаго фактовъ не выдвигаютъ: „тѣмъ хуже для фактовъ“—скажетъ онъ. И если послѣдніе кровавые погромы не убѣдили этихъ людей, что необходимо еще долгое конституціонное воспитаніе для того, чтобы превратить темныхъ людей или варваровъ въ цивилизованныхъ гражданъ, способныхъ осуществить республиканскій идеалъ народовластія, то ничто уже ихъ не разубѣдитъ. Но какимъ образомъ этотъ мистическій *русскій* націонализмъ охватилъ васъ, господа еврейскіе соціалъ-демократы, васъ, братья и сестры которыхъ только что вновь испытали на своихъ разбитыхъ черепахъ одну изъ историческихъ „миссій“ русскаго народа, сближающую 1905 годъ съ 1648, съ кровавой эпохой хмѣльничины? Воздаю должное вашему русскому національному чувству, но не могу не назвать политическими младенцами евреевъ, идущихъ совершать республиканскій переворотъ съ народомъ, который только что, по приказу начальства, выста-

[1]) Проф. Котляревскій мѣтко назвалъ эту тенденцію русскихъ с.-д. (въ засѣданіи Государственной Думы отъ 16 іюня 1906 г.) „соціалистическимъ славянофильствомъ“.

вилъ въ 150 пунктахъ [1]) несмѣтныя „черныя сотни“ для истребленія „жидовъ“ и готовъ двинуть черные милліоны, если данъ будетъ сигналъ свыше. Вы не творцы, а батраки революціи или маклеры ея. Все для хозяина, ничего для себя!—такова политика вѣрныхъ слугъ, а не гордыхъ, независимыхъ людей.

Нѣтъ, созидать истинную свободу призваны не такіе люди, съ лозунтомъ библейскаго раба: „люблю своего господина“... Если бы вы были внутренно свободными людьми, то вы бы вели не „хозяйскую“ политику, а свою: вы бы боролись въ рядахъ воиновъ революціи не подъ маскою русскихъ или поляковъ, а какъ евреи, которымъ не менѣе дороги интересы ихъ націи, чѣмъ интересы государства, въ составъ котораго они входятъ. Полную свободу, гражданскую и національную, могутъ завоевать для евреевъ только тѣ, которые будутъ открыто вести не хозяйскую, не панскую политику, а свою національную, еврейскую.

III.

Національная или классовая политика?

Совмѣстима ли національная политика съ классовою? Подъ „классовой политикой“ подразумѣвается не та экономическая борьба, которую ведутъ трудящіеся классы съ капитализмомъ ради защиты своихъ справедливыхъ интересовъ: такая борьба необходима въ силу желѣзныхъ законовъ жизни и не прекратится, пока права труда не будутъ признаны въ полномъ объемѣ. *Нормально* такая борьба съ успѣхомъ ведется путемъ профессіональныхъ союзовъ и стачекъ, или путемъ воздѣйствія на законодательство черезъ представителей рабочаго класса въ парламентахъ. Но подъ „классовой политикой“ нынѣшніе идеологи и вожди рабочей партіи подразумѣваютъ нѣчто иное, а именно — стремленіе подвести всѣ явленія политической и духовной жизни подъ категорію классовыхъ, матеріальныхъ интересовъ, стремленіе расколоть націю на двѣ враждебныя, непримиримыя части: буржуазію и пролетаріатъ, разъединенныя эко-

[1]) Сюда нужно внести страшную поправку: *въ 638 пунктахъ*,—какъ показала статистика еврейскаго комитета по оказанію помощи жертвамъ октябрскихъ погромовъ (1907 г.).

номически и какъ будто ничѣмъ другимъ не объединяемыя. Это—стремленіе поставить экономическій факторъ во главѣ историческаго процесса и подчинить ему всю соціальную и духовную эволюцію, во всей ея неизмѣримой сложности. Не здѣсь мѣсто доказывать теоретическую несостоятельность доктрины „историческаго матеріализма“ въ ея абсолютной формѣ, пріобрѣвшей особенно много адептовъ среди потомковъ народа, вся исторія котораго есть яркій протестъ противъ этой доктрины. Но какъ бы мы ни думали о *такой* классовой политикѣ, ясно одно: что она отрицаетъ всякую другую политику, въ томъ числѣ и національную.

Національною политикою называется та, которая направлена къ сохраненію и развитію всего народа, какъ цѣлаго, какъ культурной недѣлимой единицы. Эта политика пріобрѣтаетъ особенную интенсивность у народа, не защищеннаго ни независимой территоріей, ни своимъ собственнымъ государственнымъ строемъ, и составляющаго меньшинство среди другихъ, политически и территоріально сильныхъ народовъ. Она достигаетъ значенія высшаго руководящаго критерія у народа, къ которому болѣе сильные сосѣди относятся враждебно, угнетая и преслѣдуя его, какъ чужеродный національный индивидъ. Еврейскій народъ уже много вѣковъ находится и еще долго будетъ находиться въ такомъ положеніи, подъ разными градусами гнета. Въ Россіи этотъ гнетъ и связанныя съ нимъ опасности достигли наибольшаго для современной эпохи напряженія и, слѣдовательно, должны были вызвать въ еврействѣ соотвѣтствующее напряженіе національной энергіи, единодушную національную политику. И что же мы видимъ? Вмѣсто политики *общенародныхъ* интересовъ, которымъ грозитъ величайшая опасность, насъ влекутъ на путь классовой политики, разъединяющей эти общіе интересы, ставя на ихъ мѣсто частные, экономическіе! Боевой лозунгъ: „пролетаріи всѣхъ странъ, объединяйтесь!“ слышится изъ устъ евреевъ въ такіе моменты, когда для спасенія народа нужно было бы неумолчно кричать: „евреи всѣхъ классовъ и партій, объединяйтесь!“ Вожди еврейскаго организованнаго пролетаріата съ циничною откровенностью заявляютъ, что сознаніе единства національныхъ интересовъ, какъ базисъ общенародной политики, вредно, ибо оно „затемняетъ классовое самосознаніе пролетаріата“. Книжный экономическій монизмъ разрушилъ сознаніе общности народныхъ интересовъ, извратилъ или совершенно искоренилъ естественное чувство брат-

ской солидарности въ членахъ націи, совершившей съ неимовѣрнымъ героизмомъ трехтысячелѣтній историческій путь.

Если классовая политика получаетъ преобладаніе среди націи сильной, объединенной желѣзнымъ кольцомъ территоріи, государственности или хотя бы широкой мѣстной автономіи, то можно назвать такую политику ошибочной, односторонней, но не опасной для цѣлости націи. Но если политику классовой розни ведетъ пролетарская партія народа, объединеннаго только культурно-національными интересами и подвергающагося на каждомъ шагу опасности быть поглощеннымъ окружающими народами, то это не ошибка, не односторонность, а преступленіе, ибо оно влечетъ за собою распаденіе націи. Мы видимъ, напримѣръ, что поляки, хотя они крѣпко сплочены общностью территоріи и языка и ожидаютъ въ близкомъ будущемъ мѣстной политической автономіи, ведутъ во всѣхъ своихъ партіяхъ болѣе или менѣе интенсивную національную политику, отстаивая прежде всего свои сепаратные народные интересы; евреи же, лишенные территоріальнаго панцыря, голые и безоружные среди напора враждебныхъ силъ, отказываются отъ національной политики и посылаютъ свои боевыя силы въ станъ всемірнаго пролетаріата.

Итакъ, классовая политика, хотя и прикрывающаяся флагомъ опредѣленной народности (напр. у „Бунда“), не можетъ быть національна, такъ какъ она по необходимости приноситъ въ жертву общенародные интересы интересамъ класса. Эта классовая политика становится анти-національной, поскольку внушаетъ еврейскому рабочему пролетаріату, что его не только экономическіе, но и соціально-политическіе интересы соединяютъ его съ пролетаріатомъ чужихъ, иногда враждебныхъ народовъ и разъединяютъ съ большинствомъ собственнаго народа, съ этой милліонной якобы буржуазной массой, гдѣ на одного сытаго приходится десять голодныхъ „буржуа“ [1]). Какая же въ

[1]) Неудачную попытку слить классовую политику съ національной сдѣлали новыя фракціи, носящіяся съ какой-то странной смѣсью соціализма и сіонизма: „Сіонисты-соціалисты“, „Поале-Ціонъ с.-д.“ и др.). Въ своихъ теоріяхъ эти фракціи, путемъ талмудической казуистики, стараются сочетать начала двухъ совершенно разнородныхъ направленій, забывая, что суть спора въ томъ, какая политика должна *первенствовать* — національная или классовая, такъ какъ объ первенствовать не могутъ. На практикѣ и тутъ побѣждаетъ конечно, соціализмъ. И у С.-С. и П.-Ц. классовая борьба превыше всего, и фракціи постоянно ведутъ между собою и съ другими соціалистическими пар-

данный моментъ та политическая платформа, на которой большинство активныхъ силъ еврейства, участвуя въ общегосударственной работѣ, революціонной и созидательной, могло бы систематически вести свою народную политику?

Это—платформа политической демократіи или, точнѣе, той *конституціонно-демократической партіи*, къ которой примыкаютъ всѣ здоровые, политически зрѣлые элементы русскаго общества. Вслѣдствіе ассоціаціи идей, особенно вкоренившейся въ русскомъ еврействѣ въ теченіе послѣдней четверти вѣка, представленіе о старомъ самодержавно-полицейскомъ режимѣ у насъ неразрывно и навѣки связано съ представленіемъ о самой гнусной юдофобіи, о позорномъ угнетеніи шестимилліонной націи. Возвратъ къ этому режиму—гибель для нашего народа; борьба съ нимъ и его пережитками—условіе нашего самосохраненія. Консервативно-монархическая партія, возможная среди „господствующей націи", у евреевъ не имѣла бы почвы: она бы насчитывала ничтожное количество членовъ и умерла бы отъ истощенія силъ. Не только въ силу нашего преобладающаго политическаго настроенія, но и въ силу нашихъ національныхъ интересовъ, мы должны стоять на почвѣ конституціонной демократіи. Послѣдняя, въ различныхъ своихъ оттѣнкахъ, даетъ программу-максимумъ для нашихъ прогрессивныхъ элементовъ и программу-минимумъ для соціалистическихъ партій, которыя при большей политической зрѣлости могли бы дѣйствовать сообща съ ка-детами впредь до достиженія своего минимума. Въ союзѣ съ наиболѣе здоровыми силами русскаго народа, сосредоточенными въ конституціонно-демократической партіи и несомнѣнно призванными играть главную роль въ будущемъ парламентскомъ строѣ, мы добьемся нашего гражданскаго и политическаго *равноправія*. Путемъ же широкой организаціи нашихъ собственныхъ силъ мы будемъ добиваться нашего *полноправія*, т. е. фактическаго осуществленія уже признаныхъ за нами гражданскихъ правъ и признанія

тіями мелочные споры о томъ, кто изъ нихъ имѣетъ счастье стоять ближе къ „истинному марксизму", къ идеалу „пролетаризаціи" и т. п. Эти эклектическія теоріи носятъ въ себѣ зародышъ разложенія и оставятъ по себѣ только память объ идейной путаницѣ, господствовавшей въ нѣкоторыхъ кругахъ молодежи въ наше переходное время. О новой, болѣе національной соціалистической фракціи Е. С. П.—см. дальше, стр. 342, примѣч.

нашихъ національныхъ правъ, въ формѣ общиннаго самоуправленія и культурной автономіи. Мы отлично знаемъ, что, побѣдивъ правительственный антисемитизмъ, намъ еще долго придется бороться съ антисемитизмомъ общественнымъ, и мы вовсе не представляемъ себѣ эту борьбу легкою. Но крѣпкого позиціей для борьбы мы считаемъ широкую платформу конституціонно-демократіи, соединенную съ опредѣленной программой національно-культурной автономіи.

Начало такой организаціи уже положено весною нынѣшняго (1905) года. Я говорю о „Союзѣ для достиженія полноправія еврейскаго народа въ Россіи".

Этотъ „Союзъ", ставъ съ самаго начала на точку зрѣнія конституціонно-демократическую, поставилъ себѣ цѣлью: *„осуществленіе въ полной мѣрѣ гражданскихъ, политическихъ и національныхъ правъ еврейскаго народа"*. Это—первая еврейская организація, которая помѣстила на своемъ знамени требованіе „національныхъ правъ" наряду съ гражданско-политическими. Подъ „національными правами" опубликованная программа „Союза" подразумѣваетъ: „свободу національно-культурнаго самоопредѣленія во всѣхъ его проявленіяхъ, въ частности—*широкой автономіи общины, свободы языка и школьнаго обученія"*. Эти краткія, слишкомъ общія формулы, выработанныя на Виленскомъ учредительномъ съѣздѣ, должны быть еще подробно разработаны и конкретно выражены на предстоящемъ надняхъ второмъ съѣздѣ. Задача новаго съѣзда—двоякая: 1) превратить „Союзъ" въ еврейскую *политическую* организацію, призванную бороться за полноправіе еврейскаго народа путемъ объединенія нашихъ силъ въ избирательной кампаніи, созданія національной фракціи въ общерусскомъ собраніи народныхъ представителей, коалиціи съ другими партіями, наконецъ, посредствомъ прессы и всѣхъ видовъ политической агитаціи; 2) подготовить почву для созданія параллельной *общинно-автономной* организаціи, въ видѣ „союза всѣхъ еврейскихъ общинъ въ Россіи", и его центральнаго исполнительнаго органа, вѣдающаго всѣ *внутреннія* дѣла евреевъ—общинныя, культурныя, школьныя—и призваннаго осуществить принципъ нашей національно-культурной автономіи.

Для осуществленія этихъ задачъ, „Союзъ полноправія" долженъ

привлечь къ себѣ всѣ лучшія силы еврейства, расширить свою программу и рамки своей дѣятельности. Путь уже намѣченъ: одновременная организація еврейскихъ силъ на почвѣ и *политической*, и *національно-культурной*. Въ слѣдующей главѣ будутъ указаны способы осуществленія этихъ двухъ главныхъ задачъ.

IV.

Внѣшняя и внутрениия организація [1]).

Мы должны объединить свои силы для общей національной борьбы — таково пламенное желаніе народа, окруженнаго врагами и, въ моментъ великой опасности, раздираемаго внутренней рознью. Реальное стремленіе для однихъ, завѣтная мечта для другихъ,—идея объединенія нашихъ активныхъ силъ носится въ воздухѣ, какъ императивъ самосохраненія или какъ потребность измученной души. Необходимость объединенія безспорна, но степень возможности его опредѣляется уже фактическими соотношеніями партій и характеромъ той организаціи, которая стремится объединить эти партіи. Тутъ слѣдуетъ различать два типа организацій. Въ активной *политической* организаціи, имѣющей опредѣленную цѣль и опредѣленную тактику, непремѣннымъ условіемъ ея прочности является большая или меньшая однородность ея состава; въ *національно-культурной* же организаціи, имѣющей цѣлью устроеніе внутренней жизни, составъ образуется изъ представителей всѣхъ элементовъ народа, признающихъ необходимость его автономнаго развитія, а направленіе опредѣляется той равнодѣйствующей, которая является результатомъ взаимодѣйствія разнородныхъ движущихъ силъ общества.

„Союзъ полноправія евреевъ“ принадлежитъ, безъ сомнѣнія, къ организаціямъ перваго типа. Въ общей его цѣли—достиженіи полноправія сходятся, конечно, всѣ партіи и направленія; но попробуйте соединить ихъ для совмѣстной практической работы—и вы получите не союзъ, а полный разбродъ. Ассимиляторскіе элементы, сливающіе еврейское

---

[1]) Эта глава написана вскорѣ послѣ второго съѣзда „Союза полноправія евреевъ“, состоявшагося 22—25 ноября 1905 г. въ Петербургѣ.

дѣло съ общерусскимъ (или польскимъ), вовсе не примкнутъ къ союзу, обособляющему еврейскую политику и написавшему на своемъ знамени такія страшныя слова, какъ „національныя права“ и „культурная автономія“. Соціалистическія группы, даже не отрицающія еврейскаго національнаго принципа, уже во многихъ мѣстахъ стали во враждебное положеніе къ „Союзу“, какъ организаціи внѣклассовой и, слѣдовательно, „буржуазной“, вдобавокъ имѣющей тактику не столько революціонную, сколько оппозиціонную. Консервативную массу, наоборотъ, пугаетъ даже эта оппозиціонная политика „Союза“, и она могла бы послать своихъ представителей въ „Союзъ“ только для того, чтобы ослабить его радикализмъ. Ясно, что съ такимъ разнороднымъ составомъ, если бы онъ искусственно и образовался, „Союзъ“ ушелъ бы не дальше крыловскаго воза.

Что же остается дѣлать „Союзу“, который съ одной стороны не можетъ объединить *всѣ* наличныя силы народа, а съ другой—долженъ стремиться объединить ихъ въ возможно большемъ числѣ для борьбы за общенародное дѣло?—Онъ долженъ создать такую широкую платформу, такую программу-минимумъ, которую могли бы признать для себя обязательной всѣ сторонники реальной политики. Предварительный этапъ для однихъ, конечный пунктъ для другихъ,—эта программа могла бы служить цементомъ для состава внѣклассовой и внѣпартійной организаціи, по крайней мѣрѣ до достиженія общей цѣли.

Выше я намѣтилъ два главныхъ принципа этой программы: 1) общій—конституціонно-демократическій и 2) спеціальный—національно-еврейскій. Первый можетъ объединить всѣхъ умѣренныхъ и радикальныхъ конституціоналистовъ, а можетъ быть и политически зрѣлые элементы изъ соціалистическихъ партій, когда они убѣдятся, что съ ихъ далекими идеалами придется „немного подождать“ при условіяхъ россійской цивилизаціи. Національно-еврейская политика несомнѣнно объединитъ всѣхъ нашихъ націоналистовъ, народниковъ и сіонистовъ. Такимъ образомъ, создастся опредѣленное *credo*, признаніе котораго будетъ обязательно для всѣхъ, вступающихъ въ члены „Союза“, въ видахъ организаціонной дисциплины.

На послѣднемъ петербургскомъ съѣздѣ „Союза“ противники этой идеи возражали, что такимъ образомъ „Союзъ“ превратится въ еврей-

скую конституціонно-демократическую партію. Да, онъ несомнѣнно приблизится къ *типу* партіи, но тѣмъ не менѣе не перестанетъ быть союзомъ, ибо и россійская партія К.-Д., какъ уже указывалось въ печати, фактически является союзомъ различныхъ конституціонныхъ фракцій, умѣренныхъ и радикальныхъ, объединенныхъ только центральной программой. Нынѣ говорятъ даже объ участіи въ партіи К.-Д. соціалистовъ, признающихъ демократическую конституцію дѣломъ текущей реальной политики, а дальнѣйшія стадіи—дѣломъ будущаго. Приведетъ-ли подобная же комбинація въ нашемъ дѣлѣ къ другой крайности—къ превращенію „Союза“ въ свободную федерацію или „блокъ“ различныхъ партій, связанныхъ между собою только условнымъ и временнымъ соглашеніемъ? Не берусь предсказывать перемѣны политической погоды при окружающемъ насъ густомъ туманѣ. Но пока, по моему мнѣнію, еврейскій „Союзъ“ долженъ твердо стоять на своей первоначальной платформѣ, выработанной въ общихъ чертахъ на первомъ виленскомъ съѣздѣ и, къ сожалѣнію, не разработанной детально на петербургскомъ съѣздѣ, какъ того ожидали. Во всякомъ случаѣ, я считаю необдуманнымъ то „среднее“ рѣшеніе петербургскаго съѣзда, которое оставило „Союзъ“ въ неопредѣленномъ statu quo, открывъ доступъ туда и „правымъ“ и „лѣвымъ“, безъ установленія обязательной хотя бы минимальной программы. Это уже можетъ вылиться не въ партію и не въ федерацію, а въ простой конгломератъ. Исправить эту ошибку лежитъ на обязанности ближайшаго съѣзда „Союза“.

Итакъ, „Союзъ полноправія евреевъ“ есть *внѣшняя политическая организація* для защиты общееврейскихъ интересовъ. Главное поле его дѣятельности—избирательная кампанія, общегосударственный парламентъ и провинціальные сеймы, политическая пресса. Его тактика—воздѣйствіе на законодательство и общественное мнѣніе въ видахъ достиженія полноправія и осуществленія достигнутаго. До упроченія конституціонно-демократическаго строя, „Союзъ“ участвуетъ въ общей освободительной борьбѣ въ коалиціи однородныхъ партій, высоко держа при этомъ свое національное знамя и защищая еврейскіе интересы всѣми доступными ему способами. Въ избирательной кампаніи онъ отстаиваетъ путемъ предвыборныхъ соглашеній пропорціональное представительство евреевъ, а въ парламентѣ организуетъ избранныхъ еврей-

скихъ представителей въ сплоченную народную фракцію. Общій принципъ „Союза“ — *вести еврейскую народную политику* и стоять на стражѣ еврейскихъ интересовъ среди равнодушнаго или враждебнаго „внѣшняго міра“.

Этой организаціей силъ для внѣшней политической борьбы не исчерпываются, однако, народныя задачи еврейства. Нужна еще болѣе широкая, постоянная организація внутренней *національно-культурной* жизни, общиннаго самоуправленія и тѣхъ учрежденій, которыя поддерживаютъ свободу языка, школьнаго обученія и прочихъ видовъ культурной автономіи. Въ этой внутренней организаціи долженъ участвовать, черезъ своихъ выборныхъ представителей, весь народъ, во всемъ многообразіи его духовныхъ и общественныхъ силъ, осуществляющій свои „національныя права“.

Для всѣхъ, стоящихъ на твердой почвѣ исторіи и политической дѣйствительности, ясно, какая автономія возможна въ діаспорѣ для евреевъ. Это—автономія не территоріально-политическая, а національно-культурная. Основа ея—самоуправленіе общинъ, свобода языка, школы и общественныхъ учрежденій. На этой основѣ должна быть воздвигнута широкая *общинная организація*, объединяющая всѣ отрасли внутренняго самоуправленія.

Вотъ общій планъ этой организаціи, основанный на историческихъ прецедентахъ и на требованіяхъ текущей дѣйствительности, вполнѣ осуществимыхъ даже въ умѣренно-конституціонномъ государствѣ:

1) Единицей самоуправленія признается еврейская община, но не религіозная (совокупность прихожанъ молитвенныхъ домовъ), а *національная*, т. е. все взрослое еврейское населеніе данной мѣстности, принадлежность котораго къ общинѣ выражается во взносѣ опредѣленныхъ податей въ ея кассу.

2) Органомъ самоуправленія въ каждой общинѣ является совѣтъ, періодически избираемый изъ состава ея правоспособныхъ членовъ и отвѣтственный передъ общимъ собраніемъ этихъ членовъ. Совѣтъ завѣдуетъ всѣми общинными учрежденіями—просвѣтительными, благотворительными и религіозными, выдѣляя для каждаго учрежденія изъ своего состава руководителей или попечителей. Элементарныя еврейскія школы находятся всецѣло въ вѣдѣніи общинъ; преподаваніе въ нихъ ведется

на еврейскомъ языкѣ (разговорномъ или древнемъ, въ зависимости отъ изучаемаго предмета и типа школы), по программамъ, утвержденнымъ для всѣхъ такихъ училищъ центральной общинной организаціей.

3) Для объединенія дѣятельности всѣхъ еврейскихъ общинъ въ Россіи и для рѣшенія вопросовъ общенародныхъ, образуется всеевре йскій „Общинный союзъ“, имѣющій свой центральный органъ въ видѣ съѣзда или *Ваада* (какъ назывались такіе органы въ старой Польшѣ).

4) Ваадъ состоитъ изъ делегатовъ, избираемыхъ въ числѣ около 300 всѣми общинами (по одному делегату на каждыя десять тысячъ взрослыхъ жителей), и собирается ежегодно, на опредѣленное время (не меньше одного мѣсяца), въ одномъ изъ крупныхъ еврейскихъ центровъ.

5) Функціи Ваада: a) регулированіе общиннаго самоуправленія путемъ изданія обязательныхъ уставовъ для всѣхъ общинъ и мѣстныхъ учрежденій, а также программъ для еврейскихъ школъ; b) созданіе центральныхъ учрежденій, имѣющихъ цѣлью поддерживать національную культуру: среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, учительскихъ институтовъ, раввинскихъ семинарій и ученыхъ академій; c) воздѣйствіе на экономическую жизнь, съ цѣлью подъема народнаго благосостоянія, путемъ поощренія кооперацій, профессіональныхъ союзовъ, урегулированія эмиграціи и т. п.; сюда входитъ также борьба за законодательное уравненіе субботнаго отдыха съ воскреснымъ, дабы евреямъ не приходилось закрывать свои торговыя и промышленныя заведенія два дня въ недѣлю; d) внѣпарламентское воздѣйствіе при обсужденіи, въ общерусскомъ представительномъ собраніи или въ провинціальныхъ сеймахъ, вопросовъ, касающихся еврейства; это воздѣйствіе можетъ выразиться въ формѣ подачи петицій и заявленій, посылки депутацій и т. п.

6) Рѣшенія Ваада осуществляются постояннымъ исполнительнымъ комитетомъ, который поддерживаетъ сношенія съ мѣстными органами общиннаго самоуправленія, а также съ высшими правительственными учрежденіями [1]).

Для выработки подробнаго плана этой общественной организаціи,

---

[1]) Общіе принципы этого проекта легли позже въ основаніе программы „Volkspartei“; съ ними въ общемъ совпадаютъ и резолюціи Гельсингфорскаго съѣзда сіонистовъ (конецъ 1906 г.).

должно быть созвано *учредительное національное собраніе* изъ представителей всѣхъ еврейскихъ общинъ, избранныхъ на основаніи всеобщаго и равнаго избирательнаго права. Созывъ учредительнаго собранія и всѣ подготовительныя къ нему работы возлагаются на „Союзъ полноправія евреевъ". Когда учредительное собраніе создастъ внутреннюю національно-культурную организацію на основѣ общинной автономіи, „Союзъ полноправія" не прекращаетъ своей дѣятельности, а продолжаетъ дѣйствовать, какъ параллельная національно-политическая организація, имѣющая другую цѣль: внѣшнее объединеніе еврейскихъ активныхъ силъ на почвѣ парламентской и вообще политической борьбы.

Сферы дѣятельности этихъ двухъ параллельныхъ организацій: *національно-политической* и *національно-культурной*—должны быть точно разграничены. Попытку смѣшенія ихъ, сдѣланную на послѣднемъ съѣздѣ „Союза", я считаю неудачной. Я уже указывалъ тамъ на несовмѣстимость боевыхъ и созидательныхъ задачъ, политическихъ и культурныхъ, въ одной организаціи. „Союзъ полноправія", вынужденный держаться хотя бы минимальной политической программы и соотвѣтствующей тактики, не можетъ быть поглощенъ „общиннымъ союзомъ", призваннымъ осуществить культурную автономію; обѣ организаціи могутъ работать параллельно. Съѣздъ принялъ слѣдующую резолюцію: „Для осуществленія гражданскихъ, политическихъ и національныхъ правъ еврейскаго народа въ Россіи, съѣздъ постановилъ: поручить центральному бюро „Союза" приступить къ созыву всероссійскаго еврейскаго *національнаго собранія*, на основаніи всеобщаго и равнаго избирательнаго права, для установленія, согласно волѣ всего еврейскаго населенія, формъ его національнаго самоопредѣленія и *основъ его внутренней организаціи*". При всемъ нежеланіи связать директивами будущее національное собраніе, съѣздъ однако предустановилъ въ приведенной резолюціи внутренній національно-культурный типъ будущей организаціи. А если такъ, то иной организаціи, кромѣ автономно-общинной, національное собраніе не сможетъ создать,—если только оно не уклонится отъ пути реальной политики.

Глубоко ошибаются тѣ, которые думаютъ, что внутренняя организація еврейства на началахъ общинной автономіи не принадлежитъ къ жгучимъ вопросамъ дня и терпитъ отлагательство, до разрѣшенія во-

проса о равноправіи гражданско-политическомъ. Безъ мѣстнаго самоуправленія мы не сумѣемъ использовать во всемъ объемѣ ожидаемое равноправіе. Наша община и ея учрежденія, наша народная школа—представляютъ собою нынѣ картину полнаго разложенія. Русское правительство, лишавшее насъ элементарныхъ гражданскихъ правъ, въ теченіе цѣлаго столѣтія ревностно трудилось и надъ дезорганизаціей нашего общинаго строя, уцѣлѣвшаго отъ временъ польскаго владычества, надъ разрушеніемъ послѣднихъ остатковъ нашей автономіи. Оно давно упразднило старую кагальную организацію, не давъ взамѣнъ ничего другого; оно напускало на насъ юдофобскихъ псовъ, которые, своимъ дикимъ воемъ противъ „кагала“, внушали русскому обществу, что общинное самоуправленіе евреевъ таитъ въ себѣ что-то преступное, опасное для государственнаго порядка. Дошло до того, что еврейская община съ цѣлою сѣтью учрежденій, содержимыхъ на ея средства, была лишена правъ юридическаго лица; общинные сборы, коробочный и свѣчной, были отданы въ безконтрольное распоряженіе администраціи; рука жандарма легла на народную еврейскую школу, на всѣ наши просвѣтительныя и благотворительныя учрежденія. Правительство одновременно отнимало у насъ и элементарныя человѣческія права, и національныя; оно желало полнаго вырожденія евреевъ, какъ людей и какъ націи. Оно довело милліоны стараго культурнаго народа до состоянія дезорганизованной массы, объединенной только общимъ безправіемъ... И если мы теперь вступили въ борьбу за наши „гражданскія, политическія и національныя права“, то мы прежде всего должны бороться противъ этой внутренней дезорганизаціи, путемъ планомѣрной созидательной работы.

Мы не должны дожидаться, пока законодательство признаетъ за еврейскою общиною правъ юридическаго лица. Община фактически существуетъ, хотя и въ состояніи разложенія; она имѣетъ, хотя и въ примитивной формѣ, свои особыя учрежденія, свои спеціальные сборы, свое хозяйство. Пусть же она фактически осуществляетъ, въ предѣлахъ возможнаго, свою законную автономію, пока болѣе справедливое конституціонное законодательство не дастъ юридической санкціи этому автономному строю.

Въ этомъ отношеніи я себѣ представляю задачу предстоящаго „Національнаго собранія“ такимъ образомъ. Собраніе вырабатываетъ точный

планъ внутренней организаціи: общины, какъ единицы самоуправленія, и ея мѣстныхъ органовъ, союза общинъ и его центральнаго органа—съѣзда или Ваада. Создавъ опредѣленный однообразный статутъ для всѣхъ общинъ, собраніе въ то же время формулируетъ тѣ „національныя права", которыя намъ придется вскорѣ отстаивать парламентскимъ путемъ наравнѣ съ гражданскими и политическими правами (въ силу формулы о „національномъ самоопредѣленіи", включенной въ программы даже умѣренно-прогрессивныхъ партій). Санкція еврейскаго общенароднаго собранія придастъ особенный вѣсъ этому требованію національныхъ правъ, объемъ которыхъ еще далеко не для всѣхъ выяснился. А выяснить объемъ этихъ правъ мы должны немедленно для того, чтобы знать, что намъ самимъ дѣлать и что сказать другимъ. Надо войти въ русскій парламентъ съ опредѣленными и точными требованіями. Когда поляки, напримѣръ, потребуютъ—и они это сдѣлаютъ съ перваго слова—своей автономіи въ формѣ областного сейма, мы должны знать, въ какой формѣ можемъ мы, евреи, требовать своей культурной автономіи. Общеземскій съѣздъ въ Москвѣ (ноябрь 1905) принялъ рѣшеніе о необходимости предоставить Царству Польскому сеймовую автономію, „съ обезпеченіемъ правъ національнаго меньшинства". Въ это меньшинство входитъ еврейское населеніе Царства Польскаго, составляющее тамъ около 15 проц. Но какъ же обезпечить права „національнаго меньшинства", если послѣднее само еще не имѣетъ точнаго представленія о содержаніи этихъ правъ, объ объемѣ своей національно-культурной автономіи, которая можетъ быть поглощена или уничтожена польскою автономіей? Я привелъ этотъ казусъ только какъ примѣръ того, что силою обстоятельствъ еврейскимъ политическимъ дѣятелямъ поневолѣ придется скоро раскрыть формулу „національныхъ правъ", которую они помѣстили въ своемъ боевомъ девизѣ. И тутъ важно, чтобы между нами не было разногласія, чтобы мы, единодушные въ требованіи гражданско-политическихъ правъ, не разбрелись въ разныя стороны при требованіи національныхъ правъ, чтобы мы не стали „посмѣшищемъ среди народовъ", единодушно отстаивающихъ свою автономію—самое дорогое и священное для всякой уважающей себя націи.

Итакъ, одновременная организація нашихъ силъ для внѣшней политической борьбы и для внутренней національно-культурной самодѣятель-

ности — вотъ тотъ двойной рычагъ, который можетъ повернуть нашу жизнь на новый путь, путь гражданскаго и національнаго освобожденія.

* * *

Это, конечно, еще не все, что можно сказать нашему народу въ настоящій критическій и трагическій моментъ. Мы стоимъ на вулканѣ, который уже поглотилъ десятки тысячъ еврейскихъ жертвъ и кратеръ котораго еще дымится. Мы понесли такое экономическое пораженіе, отъ котораго наша и безъ того бѣдствующая масса не оправится въ теченіе многихъ десятилѣтій; мы претерпѣли еще большее нравственное потрясеніе. Октябрьская катастрофа отняла у нашего народа — да, у цѣлаго народа! — душевное равновѣсіе. Люди охвачены великимъ смятеніемъ. Они бѣгутъ вонъ изъ страны, гдѣ вся бездна мрака и гнили раскрылась, чтобы отравить свѣжія вѣянія свободы, гдѣ во всеобщей свалкѣ слились границы между варварствомъ и революціей, гдѣ въ самой революціи сознательные элементы одолѣваются стихійными. Наибольшая масса бѣглецовъ направляется по старому пути изъ россійскаго Египта — черезъ пустыню Атлантическаго океана въ „обѣтованную землю“, гдѣ можно тотчасъ получить свободу, а послѣ тяжелой борьбы—и кусокъ хлѣба. Четверть вѣка уже идетъ это непрерывное движеніе, четверть вѣка переселенческіе пароходы бороздятъ поверхность океана и въ результатѣ больше милліона евреевъ, пересаженныхъ изъ страны рабства въ великую Американскую республику. И теперь, когда Россія, готовясь стать страной свободы, не перестаетъ быть страной погромовъ, нашъ вѣчный странникъ все идетъ туда же, за океанъ. Удержите ли вы его, скажете ли ему, чтобы онъ подождалъ, чтобы онъ остановилъ свой стремительный исходъ изъ Египта, чтобы онъ ждалъ паденія фараоновъ, гибели „черныхъ сотенъ“ въ волнахъ *Краснаго* моря, превращенія варварскаго Египта въ цивилизованный? Нѣтъ, вы этого не скажете мятущейся массѣ, преслѣдуемой кровавымъ призракомъ погромовъ, окруженной полчищами хищнаго Амалека, бѣгущей подъ гнетомъ сознанія, что лучше не будетъ или будетъ не скоро. Вы сами не можете ей гарантировать скорое избавленіе, исцѣленіе глубокихъ ранъ; вы не можете предсказать свѣтлый безоблачный день послѣ зари, взошедшей въ кровавомъ туманѣ...

Не останавливать это великое эмиграціонное движеніе, а упорядочить его—вотъ наша задача. Будемъ бороться за право и свободу на старой родинѣ, на почвѣ, орошенной кровью нашихъ мучениковъ и борцовъ, но будемъ думать и о другой части русскаго еврейства, создающей новый національный центръ за океаномъ. Будущее принадлежитъ этимъ двумъ еврейскимъ центрамъ — въ Россіи и Америкѣ. Перемѣщеніе силъ изъ перваго во второй будетъ продолжаться, пока оба не сблизятся, хоть отчасти, въ степени цивилизаціи. Національная гегемонія внутри еврейства должна сосредоточиться современемъ въ этихъ двухъ центрахъ, раздѣленныхъ географически, но исторически образующихъ одно цѣлое.

Есть еще страна, родная страна предковъ, озаренная лучами нашей далекой національной юности. Туда рвутся тоскующія сердца милліоновъ, но ноги не идутъ. Тоска еще не превратилась въ напряженную волю, порывъ сердца — въ активную энергію массъ. Совершится ли когда-нибудь это превращеніе, а если совершится, то приведетъ ли оно къ осуществленію грандіозной мечты сіонизма? Увы! діаспора никогда не исчезнетъ, если не включить въ разсчетъ мессіанскаго „конца временъ“; но освѣтить діаспору хотя бы небольшимъ факеломъ, зажженнымъ на вершинѣ Сіона, создать въ исторической колыбели еврейства хотя бы небольшой національно-духовный центръ, образцовый питомникъ чистой національной культуры —это уже задача великая, могущая занять мѣсто въ ряду другихъ реальныхъ нашихъ задачъ. Живъ будетъ не тотъ сіонизмъ, который хочетъ завладѣть всѣмъ національнымъ движеніемъ, а тотъ, который признаетъ себя лишь частью этого движенія. Силу историческаго фактора сохранитъ не тотъ сіонизмъ, который отрицаетъ діаспору и питаетъ несбыточную мечту о прекращеніи ея, а тотъ, который, въ ряду другихъ задачъ внутренняго національнаго возрожденія еврейства во всемъ мірѣ, ставитъ себѣ цѣлью: создать еще одинъ аккумуляторъ самобытной духовной энергіи для питанія діаспоры, которая всѣми силами борется за свое національное существованіе.

Ноябрь—Декабрь 1905 г.

ПИСЬМО ТРИНАДЦАТОЕ.

О суверенитетѣ національной политики въ жизни угнетенной націи.

(Объясненія къ „Урокамъ“).

Въ первой серіи «Писемъ о старомъ и новомъ еврействѣ» (1897—1902) были установлены главные императивы, вытекающіе изъ системы духовнаго или культурнаго націонализма, а именно: національныя права на ряду съ гражданско-политическими, общинная и культурная автономія, національная политика, какъ средство обороны еврейства въ діаспорѣ. Тамъ же было детально выяснено отношеніе этой системы къ ассимиляціи съ одной стороны и сіонизму—съ другой. Въ послѣдніе годы, годы небывалаго роста у насъ соціализма и классовой политики, другой вопросъ привлекъ мое вниманіе: о совмѣстимости національной и классовой политикъ—двухъ принциповъ, одинаково претендующихъ на верховенство—при исключительныхъ историческихъ условіяхъ еврейской жизни. Изученіе этого вопроса и наблюденія за практикой нашихъ разнородныхъ соціалистическихъ фракцій—привели меня къ весьма опредѣленнымъ выводамъ, которые я предполагалъ подробно развить въ новой серіи „Писемъ“, на основаніи предпосылокъ предыдущей серіи. Октябрьскія событія 1905 г. побудили меня, не дожидаясь систематической разработки намѣченныхъ статей, подѣлиться съ публикой нѣкоторыми *отрывками* изъ нихъ, въ связи съ освѣщеніемъ нашихъ ближайшихъ задачъ. Таково происхожденіе статьи „Уроки страшныхъ дней“.

Я счелъ нужнымъ установить здѣсь генезисъ „Уроковъ“, такъ какъ общее ихъ заглавіе дало поводъ моему почтенному критику

С. А. Ан—скому [1]) сдѣлать смѣлое заключеніе, будто я „построилъ свою статью исключительно на урокахъ страшныхъ дней... и свелъ къ одному знаменателю всѣ выдвинутые теперь вопросы еврейской жизни, предложивъ для нихъ одно только рѣшеніе; національную тактику (политику?), національное объединеніе“ [2]). Приходится допустить, что мой давнишній сосѣдъ по журналу забылъ о тѣхъ „Письмахъ“, которыя убѣдили бы его, что осуждаемое имъ „рѣшеніе“ было предложено мною, какъ выводъ изъ опредѣленной системы, задолго до новыхъ „страшныхъ дней“ и, слѣдовательно, не могло быть навѣяно ихъ гнетущими впечатлѣніями. Съ другой стороны, надо полагать, что отрывочность и мѣстами догматичность изложенія въ „Урокахъ“ могли подать поводъ къ неправильному истолкованію главныхъ моихъ выводовъ г-номъ Ан—скимъ, не говоря уже о болѣе пристрастныхъ партійныхъ оппонентахъ, выступившихъ противъ меня на полѣ „брани“ въ бундовской прессѣ [3]). Лучшимъ средствомъ устраненія произвольныхъ комментаріевъ было бы, конечно, немедленное освѣщеніе въ печати всѣхъ подробностей спорнаго вопроса; но не имѣя возможности, безъ ущерба для моихъ очередныхъ работъ, исполнить сейчасъ это намѣреніе, я вынужденъ ограничиться здѣсь немногими дополнительными объясненіями къ „Урокамъ страшныхъ дней“, съ цѣлью болѣе развить мою основную идею и указать честной критикѣ границу между моими дѣйствительными и приписываемыми мнѣ взглядами.

Въ своей оцѣнкѣ нынѣшней политической группировки въ еврействѣ я исходилъ изъ слѣдующихъ тезисовъ, которые постараюсь здѣсь болѣе точно формулировать.

Національная политика, т. е. политика, направленная къ огражденію цѣлости народа и его самостоятельнаго культурнаго развитія, является верховнымъ критеріемъ вездѣ, гдѣ этой цѣлости и внутренней свободѣ грозитъ опасность. Еврейская нація въ діаспорѣ, безземельная и раздробленная, имѣющая повсюду больше враговъ (сознательныхъ или стихійныхъ), чѣмъ друзей, и подвергающаяся, въ силу своего

---

[1]) „Уроки страшныхъ вѣковъ“. *Восходъ* 1906 г. №№ 8—13.

[2]) Тамъ же, № 11, ст. 10.

[3]) Наприм. рядъ „полемическихъ“ статей въ виленской газетѣ „Der Wecker“, январь 1906 г.

положенія, ассимилирующему вліянію чужихъ культуръ — находится въ указанномъ отношеніи въ состояніи *перманентной опасности*. Слѣдовательно, въ еврействѣ національная политика должна быть *постояннымъ* верховнымъ критеріемъ для всѣхъ партій и классовъ, не признающихъ принципа „сліянія“ или національнаго самоотреченія. Въ народѣ могутъ и должны существовать различныя политическія, общественныя, духовныя и классовыя группы, но всѣ онѣ должны подчиняться высшему руководительству національной политики. Формула „Salus populi suprema lex“ примѣнима къ еврейству въ ея буквальномъ смыслѣ: высшимъ закономъ или критеріемъ является именно „спасеніе“ (невредимость) народа, весь путь котораго въ діаспорѣ сплошь усѣянъ опасностями. Вся еврейская исторія въ діаспорѣ есть исторія непрерывной оборонительной войны націи за свое существованіе, какъ таковой, за свое внутреннее единство и автономію при внѣшней политической и территоріальной раздробленности. Въ этомъ и трагизмъ, и высокій героизмъ нашей исторіи: трагизмъ постояннаго „военнаго положенія“, требующаго напряженія всѣхъ силъ націи для самообороны, и героизмъ преодолѣнія величайшихъ препятствій въ теченіе двухъ тысячъ лѣтъ. Уничтожьте или значительно ослабьте это напряженіе оборонительной національной энергіи—и еврейство очутится въ пантеонѣ умершихъ народностей или историческихъ мумій. А къ такому результату ведетъ замѣщеніе національной или общенародной (сверхклассовой) политики другимъ верховнымъ или равноцѣннымъ критеріемъ, какъ напримѣръ—классовой политики.

Г. Ан—скій „совершенно не видитъ, почему именно теперь гнетъ и преслѣдованія, хотя и достигшіе большого напряженія, угрожаютъ величайшей опасностью нашему національному единству“,—и оптимистически заявляетъ: „мы этой „величайшей опасности“ не видимъ не только со стороны внѣшняго гнета, но и со стороны внутренней розни“. И онъ тутъ поясняетъ, что гнетъ и преслѣдованія были во всѣ вѣка—и все-таки еврейство уцѣлѣло, а внутренняя рознь, насколько она „выражается въ классовой борьбѣ, имѣющей глубокіе корни въ экономической и соціалной жизни народа“, вовсе не грозитъ еврейству національнымъ распаденіемъ, ибо „въ защиту общенародныхъ интересовъ выступаетъ и рабочій классъ“, хотя и отдѣльно отъ буржуазіи. Я про-

*

силъ бы г. Ан—скаго указать мнѣ въ прошломъ такой моментъ, когда *безъ* абсолютнаго господства національной политики какая-либо часть діаспоры уцѣлѣла при режимѣ гнета и преслѣдованій, или не проявила признаковъ постепеннаго растворенія среди другихъ народовъ при режимѣ свободы и эмансипаціи [1]). Что же касается переживаемаго нынѣ момента, то я согласенъ съ г. Ан—скимъ, но съ оговоркой, которую я уже сдѣлалъ въ „Урокахъ", а именно: классовая *борьба* въ ея нормальныхъ предѣлахъ не исключаетъ общенародной политики, но исключаетъ ее суверенная классовая *политика*, въ смыслѣ абсолютнаго подчиненія всей соціальной и духовной жизни народа идеѣ экономическаго антагонизма буржуазіи и пролетаріата. Тѣ вожаки еврейскаго рабочаго класса, которые проповѣдуютъ ему непримиримую ненависть къ его „буржуазнымъ" братьямъ, большею частью такимъ же бѣднымъ и гонимымъ; тѣ, которые внушаютъ еврейскому рабочему, что у него больше общихъ интересовъ съ пролетаріатомъ чужого народа, чѣмъ съ буржуазіей родной націи,—эти вожаки систематически разрушаютъ всякое сознаніе національнаго единства, всякую возможность солидарныхъ дѣйствій въ народѣ, противъ котораго такъ солидарно дѣйствуютъ внѣшніе враги, т. е. и чужая буржуазія, и нерѣдко даже чужой пролетаріатъ [2]).

Этимъ проповѣдникамъ классоваго сепаратизма я рѣшаюсь противопоставить ту яко бы „буржуазную" интеллигенцію, которая, въ ужасную эпоху реакціи болѣла нашимъ всенароднымъ горемъ и работала на разныхъ путяхъ для его облегченія или устраненія. То, что представители соціалистическихъ нашихъ партій такъ презрительно называютъ „буржуазнымъ націонализмомъ" „буржуазнымъ сіонизмомъ", „достижествомъ" (программа Союза достиженія полноправія)—все это *внѣклас-*

[1]) Примѣры недавняго прошлаго извѣстны; изъ исторіи болѣе отдаленныхъ эпохъ достаточно указать хотя бы слѣдующіе два результата въ пунктахъ наименьшаго національнаго сопротивленія: раствореніе въ эллинскомъ мірѣ значительной части александрійской діаспоры, національная смерть одной половины сефардскихъ марранов и долгія судороги другой.

[2]) Читайте литературу Бунда. С. С., крайнихъ П. Ц. и другихъ соціалистическихъ фракцій, большею частью эфемерныхъ; прослѣдите отношенія ихъ, въ особенности Бунда, къ октябрьскимъ событіямъ, къ активному бойкоту еврейскихъ выборовъ въ Государственную Думу, или къ такимъ поучительнымъ фактамъ, какъ недавнее изгнаніе христіанскими рабочими своихъ еврейскихъ товарищей изъ отдѣленія машиннаго производства одной еврейской фабрики въ Бѣлостокѣ.

совыя движенія, направленныя къ достиженію полноправія, культурно-національной автономіи или даже особой территоріи для всего народа, а не для опредѣленныхъ классовъ его. Еврейская интеллигенція, создавшая эти движенія, всегда дѣйствовала какъ внѣклассовая демократическая группа, ибо въ ней самой пролетарскій элементъ преобладалъ надъ буржуазнымъ; она съ улыбкою презрѣнія можетъ отвергнуть безсмысленный упрекъ въ „буржуазной идеологіи“, посылаемый ей изъ рядовъ нашихъ марксистовъ, сдѣлавшихъ себѣ прививку „пролетарской психологіи“. Эта интеллигенція, проникнутая конституціонно-демократическими стремленіями въ умѣренной или радикальной формѣ, исполняетъ въ еврействѣ такую же функцію, какъ партія к.-д. въ русскомъ обществѣ: она стремится создать общій политическій и національный базисъ для нормальной жизни всѣхъ классовъ народа, преимущественно же для экономически угнетенныхъ.

Игнорируя сдѣланное мною различіе между законностью классовой *борьбы* и опаснымъ абсолютизмомъ классовой *политики*, мой критикъ позволяетъ себѣ иронизировать насчетъ того, что я будто бы проповѣдями хочу устранить экономическій антагонизмъ и вытекающую изъ него классовую борьбу, что я считаю ихъ изобрѣтеніемъ „злонамѣренныхъ агитаторовъ“, а не „естественными силами, имѣющими своей тенденціей разрушеніе національнаго единства еврейскаго народа“ (въ послѣдней фразѣ критикъ только подтверждаетъ мои опасенія); онъ даже иронически предлагаетъ мнѣ обратиться съ проповѣдью классоваго индиферентизма къ буржуазіи. Нѣтъ надобности, конечно, отвѣчать на это и доказывать, что тенденція умалить дѣйствительное значеніе экономическаго антагонизма въ еврействѣ нигдѣ мною не проводилась. Единственное, что я требую отъ моихъ противниковъ — это, чтобы они *не преувеличивали* нашего дѣйствительнаго экономическаго антагонизма до размѣровъ „борьбы всѣхъ противъ всѣхъ“.

Великое заблужденіе еврейской соціалистической политики заключается въ томъ, что она прикидываетъ къ нашему быту чужія мѣрки, что она искусственно раздуваетъ существующія у насъ классовыя противорѣчія до размѣровъ, имъ несвойственныхъ, и отсюда черпаетъ санкцію своего верховенства. Еврейскій народъ въ Россіи нынѣ представляетъ собою въ экономическомъ отношеніи магнитную пластинку съ двумя по-

люсами на концахъ и длинной „линіей безразличія“ въ серединѣ. Крупная буржуазія и фабричный пролетаріатъ занимаютъ у насъ пока маленькое мѣсто на двухъ крайнихъ полюсахъ, и экономическій центръ лежитъ не въ нихъ, а въ огромной массѣ мелко-торговыхъ и ремесленныхъ „собственниковъ“, которые, по своему Standard of life, у другого народа считались бы несчастными пролетаріями, а у насъ за неимѣніемъ лучшаго причисляются къ „капиталистамъ“ [1]). Мы переживаемъ лишь *начальный* фазисъ того капиталистическаго строя, о фатальныхъ послѣдствіяхъ котораго наши „классовики“ вычитали у Маркса и Энгельса, а насъ влекутъ на соціалистическомъ арканѣ сразу въ послѣдній фазисъ, откуда уже близко къ осуществленію конечныхъ цѣлей соціализма. Съ этой форсированной политикой наши марксисты, плохо понявшіе своего учителя, такъ же далеко уѣдутъ, какъ съ ихъ недавнимъ провозглашеніемъ диктатуры пролетаріата, восьмичасового рабочаго дня и прочихъ внезапныхъ переворотовъ, до пророчества о близости русской демократической республики включительно.

На всѣ доводы о естественности и неизбѣжности классовой борьбы въ еврействѣ я отвѣчаю: да, она естественна и необходима, насколько она вытекаетъ изъ дѣйствительнаго соотношенія силъ капитала и труда въ нашей средѣ; но она у насъ не достигла—и еще долго не достигнетъ—того первенствующаго значенія, которое оправдало бы ея притязаніе на роль верховнаго, направляющаго принципа всей нашей общественной и національной жизни. Классовая борьба—одинъ изъ факторовъ, но не единственный и даже не главный факторъ нашей жизни, и ея вліяніе на нашу народную политику должно быть пропорціонально ея дѣйствительнымъ, а не искусственно раздутымъ размѣрамъ. Даже если бы когда-нибудь она и достигла у насъ значенія первостепеннаго фактора, то и тогда національная политика не должна была бы уступить гегемонію классовой при условіяхъ, угрожающихъ единству и цѣлости націи.

Г. Ан—скій, признавшій въ вышеприведенной цитатѣ тотъ устра-

[1]) По даннымъ „Сборника матеріаловъ объ экономич. положеніи евреевъ въ Россіи“ (изданіе ЕКО, 1904), число фабричныхъ рабочихъ-евреевъ во всей чертѣ осѣдлости — 45 тысячъ, число ремесленниковъ больше полумилліона, число торговцевъ еще больше, а пятую часть всего еврейскаго населенія составляютъ пауперы. Ср. *Пасманникъ*: „Экономическое положеніе евреевъ въ Россіи“, изд. Кадима, 1905 г.

шающій фактъ, что экономическій антагонизмъ „имѣетъ тенденціей разрушеніе національнаго единства еврейскаго народа“, утѣшаетъ насъ тѣмъ, что внутреннее національное единство не является непремѣннымъ условіемъ національнаго развитія, причемъ ссылается на примѣръ нѣкоторыхъ независимыхъ территоріальныхъ націй. Приходится снова повторить трюизмъ о глубокомъ различіи между еврействомъ и всѣми территоріальными и „государственными“ народами. Народамъ, объединеннымъ не только духовными, но и механическими факторами (собственной территоріей, государствомъ, военной охраной), можетъ угрожать лишь опасность внѣшняго завоеванія или политическаго порабощенія, — и въ моменты такой опасности они напрягаютъ всѣ силы для спасенія „отечества“, т. е. того щита, который ограждаетъ ихъ цѣлость и независимость. Еврейскому же народу въ діаспорѣ наносятся удары не по щиту, а по тѣлу, ибо онъ ничѣмъ отъ своихъ сосѣдей не огражденъ. Ему угрожаетъ постоянная опасность *внутренняго завоеванія*: раствореніе среди другихъ народовъ либо путемъ вырожденія отъ соціальнаго гнета, либо путемъ ассимиляціи и культурнаго сліянія. Противъ этой непрерывной опасности духовная нація боролась во всѣ вѣка только однимъ средствомъ: напряженіемъ своей духовно-національной энергіи въ различныхъ формахъ, соотвѣтствовавшихъ культурному уровню каждой эпохи. *Національная воля*, „воля къ жизни“ коллективной личности, представляющая результатъ и накопленной наслѣдственной энергіи, и пріобрѣтаемыхъ воспитаніемъ импульсовъ — вотъ въ чемъ наша жизненная сила. Напряженіе этой національной воли должно быть пропорціонально степени опасности „внутренняго завоеванія“. Для питанія же субъективнаго фактора воли, необходимо во всѣхъ областяхъ жизни поддерживать преемственность нашей исторической эволюціи, чтобы не отрывать молодыхъ вѣтвей отъ стараго ствола; необходимо усилить національные элементы въ воспитаніи, защищать нашу внутреннюю общественную автономію и въ нормальномъ правовомъ государствѣ вести активную національную политику. Въ предѣлахъ объединяющаго національнаго круга возможны и широкая индивидуальная свобода, и классовая борьба, и всякія партійныя и культурныя дѣленія; но всякая партія или группа, которая ставитъ свою групповую цѣль выше закона общенародной самообороны, ослабляетъ этимъ національную волю и приближаетъ насъ къ

гибели. Кто желаетъ дальнѣйшаго существованія еврейскаго народа—долженъ признать суверенитетъ его національной политики, эту единственную духовную дисциплину безземельнаго народа, этотъ *суррогатъ недостающаго намъ территоріальнаго и политическаго единства.* Безъ такого признанія всѣ дороги открыты—къ выходу изъ еврейства. И когда число такихъ выходцевъ будетъ изъ поколѣнія въ поколѣніе прогрессивно возрастать, тогда насъ ждетъ судьба караимовъ или самаритянъ, и исторія великаго „безсмертнаго" народа превратится въ исторію вымирающаго народа.

Выяснивъ основной пунктъ о несовмѣстимости двухъ суверенитетовъ—національной и классовой политикъ, я считаю теперь достаточнымъ изъ всѣхъ многочисленныхъ возраженій моего оппонента коснуться только тѣхъ, которыя имѣютъ прямую связь съ этимъ основнымъ пунктомъ. И прежде всего—объ отношеніи еврейской національной политики къ нынѣшнему революціонному движенію въ Россіи.

Въ первой главѣ своей статьи г. Ан—скій проводитъ параллель между двумя „погромными" эпохами—нынѣшнею и начала 80-хъ годовъ—и приходитъ къ слѣдующему выводу: „Погромы 80-хъ годовъ вызвали кличъ: назадъ! Назадъ къ религіи, назадъ къ національной замкнутости, назадъ въ страну отцовъ!" Они погубили ранніе всходы революціонной пропаганды среди нашей молодежи. Погромы же послѣднихъ лѣтъ (1903—1905), заставшіе еврейскую молодежь въ сильномъ революціонномъ броженіи, не ослабили этого броженія. Но самыя послѣднія октябрьскія сатурналіи смутили часть еврейскаго общества, усилили сознаніе „одиночества и растерянности" и вызвали, какъ и четверть вѣка назадъ, „потребность замкнуться, уйти въ скорлупу"; среди этой именно „испугавшейся" части общества раздался нынѣ протестъ противъ революціоннаго движенія. Отголоски этой реакціи г. Ан—скій слышитъ въ послѣднихъ статьяхъ моихъ и Ахадъ-Гаама.

Меня удивляетъ, какимъ образомъ авторъ „Піонеровъ", такъ глубоко проникшій въ душу ассимиляторскаго маскилизма конца 70-хъ годовъ, могъ сдѣлать такую поверхностную историческую параллель. Свести движеніе 80-хъ годовъ въ его національныхъ и палестинофильскихъ эле-

ментахъ къ простому кличу: „назадъ къ религіи (?), къ національной замкнутости, въ страну отцовъ!“—значитъ не понимать сущности тогдашняго историческаго процесса. Эта сущность состояла въ томъ, что одна часть интеллигенціи сознала всю мерзость господствовавшей раньше ассимиляціи, въ ея грубой формѣ „обрусѣнія“, и устремилась къ той національной политикѣ, которая спасала діаспору въ теченіе вѣковъ,—устремилась инстинктивно, не зная еще, какъ приладить эту политику къ условіямъ новѣйшей культуры (о реставраціи „религіи“ или „національной замкнутости“ въ ихъ средневѣковыхъ формахъ не могло быть и рѣчи, за единичными развѣ исключеніями); другіе, сторонники радикальныхъ средствъ, рѣшили, что въ діаспорѣ вообще невозможны ни сносное экономическое существованіе, ни національная жизнь,—и они, въ связи съ эмиграціоннымъ движеніемъ, создали идеалъ возрожденія Палестины. Слѣдующія два десятилѣтія развили и углубили оба эти направленія: широко обосновались и развѣтвились какъ націонализмъ, такъ и сіонизмъ, и естественно должно было опредѣлиться ихъ отношеніе къ соціализму и революціонному движенію. Это отношеніе не могло быть по существу отрицательнымъ, поскольку классовыя и революціонныя стремленія вызваны ужаснымъ экономическимъ и правовымъ положеніемъ евреевъ въ Россіи. Націоналисты и сіонисты (насколько послѣдніе стоятъ за активную политику въ діаспорѣ) могли только примѣнить и здѣсь свой общій критерій: соціалистическое и революціонное движенія въ еврействѣ должны подчиняться руководству верховнаго принципа—національной политики. Отступленіе отъ этого принципа—а не тѣ или другіе эффекты „страшныхъ дней“ — вызвало протестъ Ахадъ-Гаама и мой. Мы протестовали не противъ *еврейской* революціи, какъ необходимаго отпора гонителямъ со стороны измученнаго народа, а противъ нашей *неврейской* революціи, противъ ассимиляціи или „рабства“ въ нашемъ революціонномъ движеніи, противъ пренебреженія въ немъ національными задачами [1]). Историческая параллель г. Ан—скаго должна быть

---

[1]) Г. Ан—скій видитъ какой-то Sacrilège въ сочетаніи понятій „рабства“ и революціи. Но вѣдь ясно, что упрекъ въ „рабствѣ“ или подражаніи относится не къ участію еврейскихъ силъ въ общемъ революціонномъ движеніи, а къ неучастію ихъ въ еврейскомъ движеніи. Выраженіе „рабство въ революціи“ означаетъ: элементъ рабства *даже* среди борцовъ за свободу. Это—форма эти-

исправлена такъ: въ началѣ 1880 годовъ былъ протестъ противъ ассимиляціи культурной, а въ 1900-хъ противъ ассимиляціи революціонной. Въ послѣднемъ случаѣ протестъ такъ же мало направленъ противъ революціонизма вообще, какъ въ первомъ—противъ культуры вообще.

Я въ своихъ „Урокахъ" опредѣленно говорилъ, что считаю напряженность революціоннаго протеста въ еврействѣ болѣе естественною, чѣмъ во всякой другой націи, ибо ни надъ кѣмъ такъ не издѣвался старый режимъ въ Россіи, какъ надъ нами. Именно: издѣвался, ибо всѣхъ угнетали, а надъ евреемъ глумились... Я перестaлъ бы гордиться своей принадлежностью къ древнѣйшей культурной націи, къ націи пророковъ, Маккавеевъ и зелотовъ, если бы она кому-нибудь уступала въ силѣ революціоннаго гнѣва, въ святой ненависти къ тираніи и активной борьбѣ съ нею. Вскормленный нашими страданіями въ теченіе ужасной 25-лѣтней реакціи, взлелѣянный нашей оппозиціонной литературой и нашими „нелегальными" организаціями,—духъ возмущенія долженъ былъ прорваться съ силою потока, освободившагося отъ ледяныхъ оковъ. Мы всѣ этого ждали, мы страстно призывали мстящую руку на головы нашихъ мучителей, мы хотѣли увидѣть нашъ *еврейскій легіонъ* въ революціонной войнѣ, услышать тамъ наши еврейскіе лозунги, въ которыхъ звучалъ бы призывъ загубленныхъ, замученныхъ, опозоренныхъ во имя еврейства. Мы дождались—и что же? Гдѣ нашъ легіонъ, съ нашими особыми знаменами? Гдѣ наши выстраданные лозунги? Смѣшались ли *всѣ* національныя знамена въ общей свалкѣ съ чудовищемъ стараго порядка? Нѣтъ, тамъ мелькаютъ знамена польскія, литовскія, армянскія, финляндскія. Есть и еврейскій легіонъ („Бундъ"), но безъ яркаго, выдѣляющагося національнаго знамени; этотъ легіонъ употребляетъ общерусскіе лозунги, только на своемъ командномъ языкѣ. Всѣ прочіе наши зелоты сражаются въ авангардѣ общей революціонной арміи, и вы ихъ узнаете только по именамъ, а не по національному лозунгу, ибо нѣтъ его: онъ всецѣло поглощенъ обще-русскими или польскими лозунгами крайнихъ партій, болѣе относящимися къ конечнымъ цѣлямъ борьбы,

---

ческаго осужденія тѣмъ, которые сознательно или безсознательно уклоняются отъ долга защиты слабыхъ и прилѣпляются къ сильнымъ, хотя бы въ общемъ они руководствовались освободительными мотивами.

чѣмъ къ ближайшимъ. Въ освободительной борьбѣ за *весь* угнетенный народъ странно звучатъ голоса: „долой буржуазію, да здравствуетъ диктатура пролетаріата!“,—какъ будто не всѣ классы еврейскаго народа стонали и еще стонутъ подъ игомъ юдофобской тираніи, какъ будто не всѣ эти стоны слились въ одинъ крикъ: „свободы для народа-мученика!“ Въ ошибкѣ общей тактики, уклонившейся отъ политической революціи въ сторону соціальной, въ растворенiи еврейскихъ силъ среди общей революціонной массы и, наконецъ, въ отсутствіи яснаго національнаго лозунга у еврейскаго легіона даже тамъ, гдѣ такой легіонъ есть,—въ этихъ ошибкахъ весь трагизмъ переживаемаго момента. Первая ошибка нанесла ударъ всему освободительному движенію, послѣдняя—еврейской его отрасли.

Возражая на мои указанія относительно отсутствія еврейскихъ національныхъ знаменъ въ революціонной борьбѣ, г. Ан—скій приводитъ рядъ странныхъ и между собой несогласныхъ доводовъ (№ 9, ст. 15—16). Сначала онъ объясняетъ это отсутствіе „тѣмъ отличіемъ, которое существуетъ между евреями, разсѣянными во всей Россійской имперіи, и *территоріальными* націями“. Затѣмъ онъ неожиданно отрицаетъ наличность особыхъ знаменъ даже у территоріальныхъ націй. „*Невѣрно*,—говоритъ онъ, подчеркнувъ это слово—что поляки, армяне и финляндцы ведутъ революціонную борьбу подъ своимъ національнымъ знаменемъ. Это, во-первыхъ. А во-вторыхъ, совершенно неправильнымъ является сопоставленіе націй съ партіями... И у поляковъ, и у армянъ, и даже у финляндцевъ имѣются такія соціалъ-демократическія партіи, которыя стоятъ исключительно на точкѣ зрѣнія классовой борьбы и считаютъ всякія національныя требованія несовмѣстимыми съ соціалъ-демократической догмой“. (У латышей, по свѣдѣніямъ критика, соціалъ-демократы „совершенно не выдвинули національныхъ требованій“). Итакъ, территоріальныя націи ведутъ или могутъ вести борьбу подъ своими національными знаменами, но изъ нихъ „поляки, армяне и даже финляндцы“ не дѣлаютъ этого. Замѣтивъ противорѣчіе въ своихъ двухъ положеніяхъ или явную фактическую невѣрность второго изъ нихъ, критикъ спѣшитъ поправиться, что не націи, а извѣстныя партіи въ нихъ (я, конечно, никогда

не смѣшивалъ этихъ понятій) отвергаютъ національныя программы, какъ несовмѣстныя съ классовыми. Такъ ли обстоитъ дѣло? Не говоря уже о томъ, что такія партіи, какъ П. П. С., навязывающая польскій націонализмъ и евреямъ, служатъ доказательствомъ противнаго, —даже „чистыя“ соціалъ-демократическія партіи (П. С. Д., Л. С. Д. и др.) выступаютъ фактически подъ національными знаменами,—и если не всегда въ ихъ программахъ подчеркиваются національныя требованія, то лишь потому, что послѣднія сами собою подразумѣваются, какъ неоспоримыя предпосылки соціалъ-демократической практики среди угнетенныхъ *территоріальныхъ* націй. Такія партіи самимъ своимъ именемъ, единымъ языкомъ своей литературы и безусловнымъ требованіемъ мѣстной сеймовой автономіи—выставляютъ національную программу. А евреи-соціалисты? Одни входятъ въ составъ такихъ общерусскихъ или польскихъ партій, которыя даже не признаютъ евреевъ правоспособнымъ, заслуживающимъ національно-культурной автономіи народомъ (вспомните отношенія „Искры“ даже къ стыдливымъ націоналистамъ изъ Бунда!); другіе, хотя и образуютъ особыя еврейскія фракціи, однако, изъ опасенія „затемнить классовое самосознаніе пролетаріата“, затушевываютъ національную программу, т. е. сознаніе единства народныхъ интересовъ. Они даже позволяютъ себѣ подшучивать надъ „всеевреискою политикою“ (Kol-Isroel-chawerim-politik—въ обиходѣ Бундовской прессы), ибо чувствуютъ въ ней опасную конкурренцію своей классовой политикѣ.

Обобщая то, что я говорилъ въ „Урокахъ“ объ отдѣльныхъ группахъ еврейскихъ соціалистовъ, я классифицирую ихъ слѣдующимъ образомъ: 1) *ассимиляторы* разныхъ степеней, теряющіеся въ общихъ партіяхъ съ интернаціональной или даже чужой національной окраской (Р. С. Д., С. Р., П. П. С. и др.); 2) *quasi-націоналисты*, у которыхъ блѣдная программа еврейской культурной автономіи стушевывается передъ общерусскими или классовыми требованіями (Бундъ); 3) *quasi-сіонисты*, у которыхъ понятія будущей территоріальной націи и будущаго же соціалистическаго строя заслоняютъ національную программу въ настоящемъ (сіонисты-соціалисты и др.). Коренная общая ошибка всѣхъ этихъ группъ—въ стремленіи совершить быстрый скачокъ отъ Polizeistaat къ Zukunftsstaat (соціалистическому, съ примѣсью у

послѣдней группы „сіонистическаго“ или территоріальнаго мессіанизма), минуя или значительно сокращая длинную промежуточную эволюцію Rechtsstaat. Спеціальный грѣхъ этихъ трехъ группъ противъ еврейства —въ ассимиляціонномъ отреченіи первой и въ подчиненіи національной политики классовой у двухъ послѣднихъ.

Указанная *общая* ошибка соціалистическихъ фракцій чужда той части еврейскаго общества, которая приняла программу конституціоннаго демократиизма; *спеціальная* же ошибка устраняется тѣми, которые въ программу еврейскаго полноправія включаютъ требованіе „національныхъ правъ“. Участвуя въ работѣ созиданія правового государства на мѣстѣ полицейскаго, еврейское общество ставитъ или должно ставить своей главной цѣлью завоеваніе для гонимой націи равноправія а затѣмъ полноправія. Наиболѣе сознательная и національно-мыслящая часть нашей интеллигенціи примыкаетъ въ этомъ отношеніи не столько къ самой партіи к.-д., сколько къ ея программѣ, немыслимой безъ формальной догмы равноправія національностей. Она борется рядомъ съ русскими „ка-детами“—и должна бороться, какъ особый легіонъ, подъ своимъ національнымъ знаменемъ—за основы демократической конституціи, безъ которой нѣтъ гарантій равноправія. Но она вовсе не увѣрена, что впослѣдствіи, послѣ достиженія свободъ и „бумажныхъ“ правъ, наши русскіе союзники изъ к.-д. не займутъ по отношенію къ евреямъ „нейтральную“ позицію, какую заняли „либералы“ въ Западной Европѣ. Послѣ медоваго мѣсяца конституціи, наши пути, можетъ быть, разойдутся, т. е. не мы отстанемъ отъ конституціонно-демократическихъ идеаловъ (къ консервативнымъ партіямъ можетъ принадлежать, какъ и на Западѣ, только горсть евреевъ), а среди русскихъ либераловъ и радикаловъ могутъ обнаружиться антисемитскія теченія. Во всякомъ случаѣ, въ завоеваніи нашего *полноправія* мы должны разсчитывать на собственныя силы, ибо серьезная помощь извнѣ весьма гадательна,—и я не жду ея даже отъ соціалистическихъ партій, которыя еще долго будутъ стоять на точкѣ зрѣнія ассимиляціи евреевъ, если и выйдутъ изъ полосы наслѣдственнаго антисемитизма [1]).

---

[1]) Сказанное здѣсь можетъ послужить указаніемъ, насколько велико мое „довѣріе“ къ русскимъ кадетамъ, въ которомъ упрекаетъ меня г. Ан—скій,

Возвращаясь къ основному пункту нашего спора, я долженъ замѣтить, что г. Ан-скій неправильно освѣтилъ идею о верховенствѣ еврейской національной политики надъ классовою. Онъ говоритъ: „Я не нашелъ бы въ себѣ мужества обращаться къ еврейской трудящейся массѣ съ требованіемъ, чтобы она, даже цѣною своихъ классовыхъ интересовъ, взяла въ свои руки защиту національныхъ интересовъ и національнаго культурнаго богатства еврейскаго народа. И я считаю, ни г. Дубновъ, ни г. Ахадъ-Гаамъ, ни націоналистическія партіи *не вправѣ* обращаться къ массѣ съ подобными требованіями". И затѣмъ идетъ длинный монологъ, съ которымъ еврейскій трудовой народъ могъ бы обратиться къ сторонникамъ національной политики (гл. III). Ошибка критика тутъ очевидна. Націоналисты требуютъ (и не отъ массы, а отъ ея вождей) не пожертвованія классовыми интересами, а подчиненія классовой *политики* верховному критерію національной, какъ подчиняются всѣ классы другихъ народовъ общенародной политикѣ „спасенія отечества" въ критическіе моменты. И, предъявляя такія требованія, мы опираемся именно на народную волю, ясно выраженную въ исторіи и современной жизни. Развѣ во всѣ вѣка вожди еврейскаго народа не твердили ему: ты могъ бы быть счастливъ и спокоенъ, если бы ты отказался отъ своихъ идеаловъ и вѣрованій и слился съ другими народами, но ты этого не сдѣлаешь: ты будешь жить и бороться во имя нашего національнаго на-

видя въ этомъ противорѣчіе съ моимъ недовѣріемъ къ „народному Амалеку". Подъ „народнымъ Амалекомъ" я подразумѣвалъ и „черные милліоны", которые еще долго не переведутся на Руси, и легіоны сознательныхъ и безсознательныхъ антисемитовъ во всѣхъ политическихъ партіяхъ. — Здѣсь выясняется и мое отношеніе къ воззрѣніямъ Ахадъ-Гаама. Воздавая должное его мужественной защитѣ еврейской-національной политики въ прессѣ и на третьемъ съѣздѣ „Союза полноправія", я не согласенъ съ нимъ только въ тактическомъ выводѣ, что для защиты нашего равноправія мы можемъ временно соединиться со всѣми партіями, „внѣ зависимости отъ демократическихъ принциповъ". Помимо всѣхъ болѣе или менѣе основательныхъ возраженій, сдѣланныхъ Ахадъ-Гааму на этотъ счетъ, я считаю такую тактику ненародною въ еврейскомъ смыслѣ, ибо наша мало-мальски сознательная масса, послѣ всего пережитаго, считаетъ своими врагами всѣхъ представителей правыхъ русскихъ партій, хотя бы и умѣренныхъ. На Западѣ евреи тоже почти никогда не шли съ консерваторами (своеобразные англійскіе консерваторы въ счетъ не идутъ). Очень жаль, что противники Ахадъ-Гаама раздули этотъ тактическій придатокъ, чтобы заслонить незыблемую основную идею автора о верховенствѣ еврейской національной политики, состоящей въ борьбѣ за „признаніе равноцѣнности еврея, какъ человѣка, и еврейства, какъ націи".

слѣдія, во имя нашей культуры, народныхъ идеаловъ, религіи, этики,— и развѣ, говоря такъ, вожди не опирались на ясно выраженную народную волю? Наши „классовики“ и сами, конечно, не рѣшились бы сказать теперь еврейской трудящейся массѣ: „Зачѣмъ тебѣ страдать во имя какой-то особой національной культуры? Отрекись, растворись въ окружающей русской массѣ—и благо будетъ тебѣ“. Они бы этого не сказали, если бы даже были увѣрены въ частичномъ успѣхѣ такой миссіонерской пропаганды. Значитъ, они въ душѣ сознаютъ, что есть и въ массахъ нѣчто болѣе высокое и сильное, чѣмъ классовый интересъ, что это „нѣчто“ является высшимъ критеріемъ, ради котораго и массовый еврей жертвуетъ своими личными интересами. Отчего же вы, господа, не хотите признавать въ идеѣ, въ политической программѣ, то, что существуетъ въ жизни безсознательныхъ массъ: верховенство еврейской національной политики? Если бы мы могли сейчасъ устроить плебисцитъ среди милліоновъ „трудящагося еврейскаго народа“ по вопросу о сравнительной цѣнности національной и классовый политикъ, то я не сомнѣваюсь, на чьей сторонѣ будетъ голосъ народа. И тогда вамъ пришлось бы публично сознаться, что ваша классовая политика,какъ ни важна она для трудящихся массъ, меркнетъ въ ихъ сознаніи передъ идеаломъ той національной политики, которую нашъ народъ велъ въ разныхъ формахъ въ продолженіе тысячелѣтій и будетъ вести дальше, если только ваша пропаганда не заставитъ значительную часть его уклониться отъ этого пути автономнаго развитія.

До сихъ поръ русское еврейство *въ цѣломъ* не уклонялось отъ пути національной политики, но не ручаюсь за то, что значительная его часть не уклонится отъ этого пути впослѣдствіи. Подъ вліяніемъ трагическаго процесса ассимиляціи національно-слабыхъ элементовъ діаспоры, подъ вліяніемъ пропаганды историческаго матеріализма, ставящаго классовые интересы выше національныхъ,—извѣстная часть народа можетъ оторваться отъ нашей національной почвы и увлечь за собою сосѣдніе слои массъ. Противъ этой грядущей опасности и борятся націоналисты, имѣющіе *пока* на своей сторонѣ подавляющее большинство народа. Еврейскіе націоналисты (какъ члены самой гонимой націи, они съ гордостью носятъ это имя, символъ геройской борьбы за наши высшіе идеалы) видѣли крушеніе многихъ нашихъ автономныхъ устоевъ на Западѣ, и они будутъ напрягать всѣ силы, чтобы не допустить того же у

насъ. Зная, что діаспора держится только напряженіемъ *національной воли*, они будутъ стремиться къ тому, чтобы постоянно укрѣплять эту волю, питать ее здоровою пищей нашей мощной многовѣковой культуры, претворяющей въ себѣ всѣ элементы культуры общечеловѣческой, и давать ей проявляться въ суверенной національной политикѣ, велѣніямъ которой должны подчиняться всѣ наши классовые, партійные и групповые интересы [1]). И повторяю: этотъ суверенитетъ національной политики есть прямое выраженіе суверенитета народа, его національной воли, какъ она сказалась во всемъ ходѣ нашей исторіи. *Суверенитетъ національной политики есть суррогатъ территоріальнаго единства для діаспоры, которой грозитъ длящаяся опасность „внутренняго завоеванія“*. Другіе народы, даже угнетенные, но объединенные территоріей и общимъ языкомъ, не такъ нуждаются въ этомъ суррогатѣ, или нуждаются только въ моменты опасныхъ кризисовъ. Для господствующихъ народовъ „національная политика“ есть позорное орудіе угнетенія зависимыхъ націй; для еврейства же этотъ лозунгъ имѣетъ совершенно иной смыслъ, иное содержаніе: это—символъ единства разсѣяннаго народа, символъ культурной, духовной самообороны; это—честный путь борьбы за свою народную индивидуальность, ничѣмъ не огражденную, кромѣ духовныхъ факторовъ и внутренно-автономнаго строя жизни.

Апрѣль 1906.

---

[1]) Само собою разумѣется, что при этомъ должна быть обезпечена та сфера индивидуальной свободы, которая вообще совмѣстима съ общественной дисциплиной.

ПИСЬМО ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

О задачахъ „Volkspartei".

(„Еврейская народная партія").

Еврейскій народъ переживаетъ нынѣ одинъ изъ величайшихъ кризисовъ своей исторіи. Своеобразіе новаго кризиса—въ томъ, что въ основѣ его сочетались элементы освободительнаго движенія, сулящаго угнетенному народу равноправіе, съ элементами самой варварской юдофобской реакціи. Половина всего еврейства земного шара, сосредоточенная въ Россіи, живетъ въ необычайномъ положеніи между инквизиціей и эмансипаціей, между варѳоломеевской ночью и зарею свободы. Въ такомъ положеніи не находилась, наканунѣ своего освобожденія, ни одна часть еврейства во Франціи, Германіи, Австріи и другихъ странахъ, гдѣ путемъ революціи было завоевано, въ связи съ конституціоннымъ строемъ, равноправіе гражданъ различныхъ національностей. На Западѣ, между средневѣковымъ мученичествомъ и новѣйшей эмансипаціей (промежутокъ XVI—XVIII в.), лежала въ жизни евреевъ полоса безправія, но не полоса погромовъ и крестовыхъ походовъ. Въ Россіи же уличные погромы, уже больше четверти вѣка, сопутствуютъ юдофобской реакціи и законодательнымъ погромамъ сверху,—а на самомъ порогѣ конституціоннаго режима показалась, среди разгула черныхъ бандъ контръ-революціи, вся „черта осѣдлости", разгромленная, залитая кровью, потрясшая міръ воплями ужаса...

Муки безправія и ужасы погромовъ не остановятъ, конечно, участія активныхъ силъ еврейства въ общерусскомъ освободительномъ движеніи, а наоборотъ—только усилятъ пылъ борцовъ, соединяющихъ съ успѣхомъ этого движенія свои надежды на спасеніе народа-мученика.

Но въ какихъ формахъ должно выразиться это участіе въ освободительной борьбѣ? Какія цѣли должно ставить себѣ россійское еврейство въ борьбѣ за лучшее будущее, какъ слѣдуетъ понимать это будущее и какія силы должны объединиться для его завоеванія? На эти вопросы даются разные отвѣты различными партіями. „Еврейская народная партія"—„Volkspartei"—даетъ на эти вопросы свои отвѣты, вытекающіе, по ея убѣжденію, изъ полнаго синтеза всей прошлой жизни еврейства и реальныхъ требованій современности.

„Volkspartei" исходитъ въ своей программѣ дѣятельности изъ двухъ основныхъ пунктовъ: 1) изъ сознанія *реальной общности и солидарности народныхъ интересовъ всѣхъ частей еврейства* въ сферахъ политической, гражданской и національно-культурной; 2) изъ убѣжденія, что въ борьбѣ за свое народное существованіе евреи должны выступать какъ члены *единой еврейской націи*, входящей въ діаспорѣ въ составъ различныхъ *государствъ* и гражданскихъ союзовъ, но не въ составъ другихъ *націй*.

Общность національныхъ интересовъ еврейскаго народа обусловливается, конечно, какъ у всякаго другого народа, *положительными* факторами—историческими, культурными и соціальными, а не отрицательнымъ моментомъ: необходимостью борьбы противъ враждебныхъ силъ, въ формѣ антисемитизма и юдофобіи. Но тѣмъ, которые въ первоисточникахъ національнаго единства не могутъ или не хотятъ разбираться, достаточно указать на ту элементарную практическую истину, что тамъ, гдѣ есть на лицо общенародная опасность, какъ результатъ давленія извнѣ, должна быть общенародная солидарность въ дѣлѣ отраженія опасности. Враждебные еврейству элементы общества и правительства направляютъ свои удары не противъ отдѣльныхъ частей нашего народа, а противъ всего народа, какъ цѣлаго. Унаслѣдованная или пріобрѣтенная, стихійная или сознательная и разсчитанная, юдофобія прикрывается въ различныя эпохи различными масками: религіозною, расовою, національною, экономическою или политическою, въ зависимости отъ господствующаго въ данный моментъ общественнаго настроенія. Систематическая юдофобская травля въ современной Россіи, принимающая формы истребительной войны противъ евреевъ, должна была бы вызвать въ ихъ средѣ полное объединеніе силъ всѣхъ партій и направленій

для общенародной обороны. Если вождь германскихъ соціалъ-демократовъ заявилъ, что въ моментъ опасности для Германіи отъ вторженія внѣшняго врага его партія будетъ сражаться за отечество рядомъ съ патріотами буржуазіи,—то что же должны были сдѣлать еврейскіе единомышленники Бебеля въ Россіи въ моментъ, когда ихъ беззащитному народу грозила гораздо большая опасность, чѣмъ Германія отъ нашествія французской арміи? Объединились ли они со всей массой борцовъ за народное дѣло, оставили ли они на время свои партійные лозунги классовой розни, чтобы выступать въ освободительномъ движеніи только во имя спасенія своей націи, очутившейся—по талмудическому выраженію—„какъ овца среди семидесяти волковъ“? Нѣтъ, не было и нѣтъ этого объединенія активныхъ силъ и въ моментъ ужаснаго кризиса; нѣтъ даже временной коалиціи, возможной и между политическими противниками. Наши силы идутъ въ разбродъ, и различныя партіи, расходящіяся въ отдаленныхъ цѣляхъ, не считаютъ нужнымъ сойтись, какъ союзники, на федеративныхъ началахъ, для совмѣстной борьбы за достиженіе ближайшаго политическаго минимума, сойтись хотя бы до минованія явной общенародной опасности.

Но прекратится ли необходимость чрезвычайнаго напряженія силъ для защиты общенародныхъ интересовъ съ минованіемъ остраго кризиса и наступленіемъ нормальнаго положенія? Этотъ вопросъ могъ бы быть рѣшенъ утвердительно по отношенію ко всякому народу, но не къ еврейскому. Дѣло въ томъ, что и „нормальное положеніе“ евреевъ въ діаспорѣ изобилуетъ такими ненормальностями, съ которыми практическій политикъ и національный дѣятель не могутъ не считаться. Избавились ли „нормально живущіе“ западные евреи отъ враждебнаго напора антисемитизма, отъ соціальнаго униженія, отъ борьбы съ пережитками старой юдофобской культуры? Добились ли они (и—поставимъ въ скобкахъ вопросъ—добивались ли) полнаго равенства, не только гражданскаго, но и національнаго?

А что ждетъ насъ въ Россіи, когда равноправіе уже будетъ на бумагѣ завоевано, благодаря торжеству того конституціонно-парламентарнаго строя, за который мы теперь боремся вмѣстѣ съ освобождающимся русскимъ народомъ? Если на Западѣ бумажная эмансипація еще не скоро принесла евреямъ дѣйствительную эмансипацію,—то сколько

*

времени понадобится для завоеванія и упроченія послѣдней въ Россіи, гдѣ еще долго не будутъ прекращаться грозныя движенія черносотеннаго Ахерона противъ новыхъ завоеваній политической свободы и европейской цивилизаціи?

Далѣе, если мы даже избавимся отъ внѣшней опасности, въ грубыхъ формахъ гнета правительства и погромовъ черни,—то мы еще не будемъ избавлены отъ той опасности внутренняго, національнаго разложенія, которая грозитъ и западнымъ братьямъ нашимъ. Завоевавъ для себя свободную *гражданскую жизнь*, мы не застрахованы отъ *національной смерти*, или по крайней мѣрѣ отъ медленнаго вымиранія, если не позаботимся о тѣхъ гарантіяхъ внутренней соціально-культурной автономіи, которыя составляютъ миннимумъ политическихъ требованій всякаго національнаго меньшинства, не желающаго раствориться среди окружающаго большинства.

Разъ навсегда мы должны для себя разрѣшить вопросъ: боремся ли мы, евреи, за лучшее будущее, какъ конгломератъ отдѣльныхъ лицъ, сдавленныхъ вмѣстѣ офиціальнымъ ярлыкомъ и общимъ безправіемъ, или какъ внутренно-единая, сознательная нація, имѣющая опредѣленныя историческія и культурныя задачи? Имѣемъ ли мы въ виду только благо каждаго отдѣльнаго еврея-гражданина, который по достиженіи равноправія можетъ пріобщиться по національности къ русскимъ, полякамъ, нѣмцамъ,—или мы хотимъ путемъ подъема соціальнаго положенія евреевъ поднять и возродить—насколько это возможно при условіяхъ діаспоры—еврейскую націю, какъ культурный историческій организмъ? Въ первомъ случаѣ, намъ незачѣмъ идти вмѣстѣ, сомкнутымъ строемъ, въ политической кампаніи; мы вѣдь можемъ, съ большей пользой для карьеры каждаго отдѣльнаго еврея, разсыпаться сейчасъ же по чужимъ національнымъ группамъ или по общимъ интернаціональнымъ партіямъ, вмѣсто того, чтобы сдѣлать это послѣ окончанія политической борьбы. Отрекаясь отъ своей угнетенной національности, всякій членъ ея въ отдѣльности уже перестаетъ чувствовать этотъ гнетъ, предоставляя остальнымъ держаться того же принципа: „спасайся, кто можетъ“. Если же мы еще не дошли до такого паденія, если мы еще не превратились въ развѣянную вѣтромъ „народную пыль“, если мы считаемъ себя единымъ *народомъ*, а не обломкомъ націи, превратившейся въ секту „единовѣрцевъ“,—то мы должны

дѣйствовать во всѣхъ областяхъ политической, соціальной и духовной жизни, какъ сознающій себя народъ. Мы должны отстаивать вездѣ тѣ національные интересы, за которые самоотверженно борются всѣ національныя меньшинства въ разноплеменномъ государствѣ,—конечно, съ тѣми измѣненіями, которыя обусловливаются особенностями нашего историческаго положенія.

Наши западные соплеменники совершили роковую историческую ошибку, когда въ эпохи своей эмансипаціи они не держались политики всѣхъ угнетенныхъ *народностей*. Они въ каждой странѣ выступали не какъ часть географически раздробленной, но исторически единой еврейской націи,—а какъ отдѣльныя группы мѣстнаго населенія, преслѣдуемыя только за свою религію. Они (за исключеніемъ единичныхъ группъ) заявляли себя нѣмцами, итальянцами, чехами или поляками іудейскаго исповѣданія, т. е. надѣвали—искренно или притворно—чужую національную маску передъ вступленіемъ въ новую гражданскую жизнь. Они купили себѣ гражданское равноправіе, давъ задатокъ на ассимиляцію. Они говорили окружающимъ народамъ: „Мы національно сливаемся или сольемся съ вами, отличаясь только по религіи, какъ напримѣръ нѣмцы-католики отъ нѣмцевъ-протестантовъ“. И послѣ полученія эмансипаціи они добросовѣстно расплачивались съ кредиторами, старались „оправдать довѣріе“ — и ассимилировались по всей линіи. Много причинъ лежало въ основѣ этой печальной исторической ошибки: тутъ дѣйствовали и затемненіе національнаго самосознанія, вызванное вѣковымъ поглощеніемъ національнаго элемента въ еврействѣ религіознымъ, и приспособленіе къ грубо-утилитарнымъ тенденціямъ господствующихъ націй, и рабская угодливость безправныхъ и забитыхъ, и, наконецъ, культурное и духовное отщепенство значительной части новой еврейской интеллигенціи, воспитанной въ духѣ окружающихъ народовъ. Какъ бы то ни было, но въ результатѣ получилось такое безобразное явленіе, что эмансипацію получила не западно-европейская часть еврейскаго народа, а различныя группы „лицъ іудейскаго исповѣданія“, ставшія или обѣщавшія стать частями народовъ нѣмецкаго, французскаго, польскаго и т. д. „по мѣсту приписки“. Ясно, что это была полуэмансипація, эмансипація гражданская безъ національной, эмансипація евреевъ безъ еврейства. И на Западѣ начинаютъ въ послѣднее

время чувствовать послѣдствія этой роковой ошибки, послѣ того какъ антисемитизмъ обнаружилъ практическую несостоятельность ассимиляціи, а молодой потокъ національнаго ренесанса подмылъ ея психическій фундаментъ. И нынѣ высшей задачею лучшихъ людей Запада является исправленіе ошибки: достиженіе *полноправія еврея*, какъ гражданина и вмѣстѣ съ тѣмъ члена той вѣчной національности, которую недальновидные политики утаили въ эпоху гражданской эмансипаціи.

Ошибку западнаго еврейства не должны повторить евреи россійской имперіи. Къ чести послѣднихъ нужно сказать, что они въ переживаемый нами канунъ эмансипаціи выступаютъ—въ лицѣ большинства своихъ активныхъ партій и организацій—не только какъ обойденные россійскіе „подданные“, но и какъ члены еврейской націи. Внѣпартійный „Союзъ полноправія евреевъ“ написалъ на своемъ знамени тройственную формулу: „достиженіе гражданскихъ, политическихъ и національныхъ правъ“; сіонисты подчеркиваютъ въ своей Gegenwartsprogramm борьбу за національное самоуправленіе, свободу еврейскаго языка и школы; даже еврейскія соціалистическія партіи и фракціи, въ различной степени, требуютъ національно-культурной автономіи евреевъ, хотя своей исключительно-классовой политикой онѣ уничтожаютъ цѣль этихъ требованій [1]). Это—первый въ исторіи примѣръ выступленія большинства активныхъ силъ еврейства въ борьбѣ за равноправіе подъ своимъ національнымъ знаменемъ, первый примѣръ самоуравненія еврейской націи съ другими націями, борющимися за свою культурную автономію.

Это явленіе имѣетъ свои глубокіе корни въ особенныхъ условіяхъ еврейской жизни въ Россіи. Огромная компактная масса, сохранившая еще остатки духовной гегемоніи былого польско-еврейскаго центра, не могла такъ легко поддаться разлагающему дѣйствію ассимиляціи, какъ разрозненныя группы западнаго еврейства. Начавшійся среди русскихъ евреевъ въ третьей четверти XIX в. ассимиляціонный процессъ задѣлъ широкіе круги общества, но онъ утратилъ свою стремительность, когда

---

[1]) Отрадное исключеніе изъ соціалистическихъ группъ составляетъ новая „Еврейская соціалистическая партія“ (Е. С. П.), члены которой извѣстны также подъ именемъ „сеймовцевъ“ и „возрожденцевъ“. Въ ихъ программѣ національная автономія составляетъ центральный пунктъ, и требованія ихъ въ этомъ отношеніи заходятъ даже за предѣлы реальной политики.

съ 1880-хъ годовъ пошла полоса юдофобской реакціи и погромовъ. Послѣдняя четверть „вѣка свободы“ раскрыла передъ нами всю бездну еврейскаго горя, весь адъ „голуса“. Намъ преподнесли составленный по самобытному русскому рецепту сгущенный экстрактъ позорнѣйшаго безправія, крестовыхъ походовъ, средневѣковаго мученичества, инквизиціонныхъ пытокъ. Для насъ превратили жизнь въ Россіи въ такой адъ, что въ измученномъ народѣ появилась жгучая потребность исхода изъ новаго Египта, выразившаяся въ эмиграціи свыше милліона евреевъ за 25-ти лѣтній періодъ. Испытавъ всѣ ужасы средневѣковой ночи среди яснаго дня новѣйшей исторіи, мы могли сдѣлать болѣе широкій историческій синтезъ, чѣмъ наши западные братья въ до-антисемитскую эпоху; вдобавокъ, мы воспользовались ихъ горькимъ опытомъ: мы видали, что можетъ быть полусвобода и полуэмансипація, что при режимѣ формальнаго гражданскаго равенства возможно грубое отрицаніе національной равноцѣнности еврея. Мы поняли, что не всѣ надежды скоро сбудутся, и не всѣ страданія скоро прекратятся. И мы бросились въ освободительное движеніе Россіи съ гнѣвомъ униженныхъ, со страстностью мучениковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ рѣшимостью бороться за свою народную свободу до конца. Правда, въ пылу борьбы противъ чудовищнаго режима, источника нашихъ мукъ и слезъ, люди нашихъ крайнихъ партій слишкомъ часто становились подъ общія знамена, не выставляя своего національнаго, выкрикивали общіе лозунги, въ которыхъ не звучалъ крикъ измученнаго народа; но психически *еврейскій* протестъ толкалъ бойцовъ въ сраженіе. За спиною дѣятелей революціи и болѣе національно настроенной оппозиціи стояла взволнованная еврейская масса и чувствовала, что именно ея карающая рука направляетъ эти удары въ грудь враждебнаго режима и что она этими ударами разобьетъ свои рабскія цѣпи. И эта масса вправѣ требовать, чтобы громче раздавался еврейскій лозунгъ въ легіонѣ бойцовъ, снаряженномъ самымъ угнетеннымъ и оскорбленнымъ изъ народовъ Россіи, чтобы въ этомъ лозунгѣ звучали еврейскіе императивы.

Эти императивы должны быть и будутъ провозглашены, если не всѣми, то большинствомъ нашихъ организованныхъ активныхъ силъ. Этого требуютъ кровные интересы и завѣтныя чувства нашего народа,— и „Volkspartei“ ставитъ такія требованія во главѣ своей программы.

Потребностямъ широкихъ еврейскихъ массъ отвѣчаютъ и общеполитическая, и національная программы „Volkspartei“. Демократическій строй, не только отвѣчаетъ сравнительно высокому политическому сознанію культурныхъ еврейскихъ массъ, но и является предпосылкой ихъ гражданскаго равноправія. За рѣдкими исключеніями, всѣ болѣе или менѣе сознательные евреи въ Россіи понимаютъ ту элементарную истину, что только торжество демократической конституціи дастъ имъ свободу и равноправность, и что партіи, стоящія правѣе этого направленія, никогда не примирятся съ полною эмансипаціей евреевъ. Такимъ образомъ, и оппозиціонныя политическія воззрѣнія, и насущные народные интересы заставляютъ евреевъ примкнуть въ настоящее время къ тому направленію радикальнаго либерализма, которое въ Россіи выразилось въ дѣятельности *конституціонно-демократической партіи* или „партіи народной свободы“ [1]). Вотъ почему организаторы „Volkspartei“ приняли въ общую часть своей программы всѣ основные пункты программы к.-д. партіи, съ тѣми измѣненіями, которыя обусловливаются національными, бытовыми и экономическими особенностями еврейской жизни (какъ напр. прибавленіе пятаго члена къ четырехчленной избирательной формулѣ—о пропорціональномъ представительствѣ; сокращенія и дополненія въ статьяхъ объ аграрномъ и рабочемъ законодательствахъ) [2]). Основатели „Volkspartei“ сознаютъ, что именно вокругъ конституціонно-демократической платформы будетъ сосредоточена политическая борьба въ Россіи въ ближайшую эпоху, и что завоеванныя на бумагѣ свободы придется еще въ теченіе продолжительнаго времени завоевывать въ дѣйствительности. „Народная партія“, ставящая интересы цѣлаго выше интересовъ отдѣльныхъ частей народа, не можетъ стать на точку зрѣнія соціал-демократическихъ организацій, дѣятельность которыхъ охватываетъ лишь небольшой уголокъ

---

[1]) Говорю: къ *направленію* (въ различныхъ его оттѣнкахъ), а не къ самой *партіи*, въ которую членъ Volkspartei воленъ вступать или не вступать, въ зависимости отъ своихъ политическихъ убѣжденій. Онъ даже можетъ быть членомъ другой, болѣе лѣвой партіи, лишь бы онъ признавалъ конституціонно-демократическую программу реальной программой-минимумъ ближайшаго момента.

[2]) Общая и національная программа Volkspartei была опубликована въ началѣ 1907 г. въ газетахъ и въ особыхъ брошюрахъ (на русскомъ, древнееврейскомъ и еврейскомъ-разговорномъ языкахъ), съ приложеніемъ настоящей вступительной статьи.

жизни того народа, 90% котораго составляютъ либо мелко-буржуазные элементы (мелкіе торговцы, ремесленники, профессіональная интеллигенція), либо безнадежные пауперы. Исходя изъ нуждъ еврейскаго народа въ его цѣломъ, мы считаемъ систематическую борьбу за его полноправіе на почвѣ конституціонной свободы страны единственной реальной политикой нашей эпохи, единственнымъ способомъ созиданія того фундамента, на которомъ впослѣдствіи могутъ свободно дѣйствовать всевозможныя общественныя организаціи, въ томъ числѣ и соціалистическія.

Въ національномъ отдѣлѣ своей программы, „Volkspartei" исходитъ изъ тѣхъ пунктовъ своей общеполитической платформы, въ которыхъ установлены начала свободы культурнаго самоопредѣленія, мѣстнаго самоуправленія и автономіи областей съ гарантіей правъ національнаго меньшинства. Изъ этихъ общихъ принциповъ въ національной программѣ дѣлаются детальные выводы, и устанавливаются способы примѣненія ихъ къ условіямъ еврейской жизни. Здѣсь твердо установлены: способы гарантіи правъ національнаго меньшинства, какимъ являются евреи во всѣхъ областяхъ Россійской имперіи, исключительная компетенція общеимперскаго законодательства въ дѣлѣ обезпеченія правъ національныхъ меньшинствъ въ автономныхъ областяхъ, пропорціональное представительство національныхъ группъ въ имперскомъ парламентѣ и органахъ мѣстнаго самоуправленія, и, наконецъ, право выработки формъ автономіи для каждой національной группы созваннымъ ею учредительнымъ національнымъ собраніемъ.

Проектируя, впредь до созыва еврейскаго національнаго собранія, формы нашей внутренней автономіи, Volkspartei и сходитъ изъ освященнаго многовѣковымъ историческимъ опытомъ принципа *общиннаго* самоуправленія. Персональная автономія для каждаго національнаго меньшинства, не занимающаго сплошной территоріи, признана и современной наукой (труды Шпрингера и др). Во всѣ эпохи діаспоры еврейство имѣло въ разныхъ странахъ суррогатъ территоріальной автономіи, въ формѣ болѣе или менѣе широкой общинной организаціи. Въ мѣстахъ нынѣшней осѣдлости русскихъ евреевъ—въ бывшихъ владѣніяхъ Польши—эта организація имѣла свои обширныя развѣтвленія и охватывала всю внутреннюю жизнь еврейскихъ массъ (кагалы, союзы кагаловъ, „Ваады" или областные и общенародные съѣзды). Но старая кагаль-

ная организація исходила изъ факта гражданскаго неравенства еврейскаго населенія и его кастовой обособленности; затѣмъ, въ ней основной единицей самоуправленія являлась религіозная община, синагогальный приходъ; наконецъ, весь строй самоуправленія подтачивался язвой олигархіи. Новая система самоуправленія отказывается отъ всѣхъ этихъ принциповъ: отъ перваго — въ силу требованія полнаго пріобщенія евреевъ къ гражданской и политической жизни страны, безъ чего немыслимо равноправіе; отъ второго — въ силу господствующей въ современномъ еврействѣ секуляризаціи національной идеи, т. е. отдѣленія ея отъ религіозной; отъ олигархіи же насъ должны предохранить демократическія начала, положенныя въ основу новой общинной автономіи. Единицею еврейскаго самоуправленія въ наше время можетъ быть только свободная *національная* община, имѣющая свои выборные органы для завѣдыванія мѣстными культурными, кооперативными и благотворительными учрежденіями. Общины, объединившись, образуютъ всероссійскій „Союзъ еврейскихъ общинъ“, создающій центральные органы самоуправленія въ сферѣ національно-культурныхъ интересовъ еврейства. Свобода языка и автономія школы являются для евреевъ, какъ и для другихъ націй, самыми цѣнными изъ отстаиваемыхъ „національныхъ правъ“, безъ которыхъ невозможно полное равенство гражданъ предъ закономъ [1]). Вообще, всѣ эти требованія въ области національно-культурной автономіи не содержатъ въ себѣ ничего такого, что было бы несовмѣстимо какъ съ общеимперскимъ законодательствомъ при режимѣ демократической конституціи, такъ и съ областными автономіями зависимыхъ территоріальныхъ націй, освободительнымъ стремленіямъ которыхъ еврейство горячо сочувствуетъ. Volkspartei не претендуетъ на территоріальную автономію для народа, нигдѣ не составляющаго большинства населенія; но она будетъ всѣми силами отстаивать еврейскую общинную и національно-культурную автономію, вытекающую изъ принципа свободы культурнаго самоопредѣленія.

Считаясь съ тяжелыми условіями русской политической и общественной эволюціи, мы весьма далеки отъ оптимистической увѣренности въ быстромъ осуществленіи даже этой программы, которая можетъ показаться слишкомъ скромною партіямъ съ далеко идущими „програм-

[1]) См. выше, письмо XII, гл. 4: „Внѣшняя и внутренняя организація“.

мами будущаго". Придется воевать за каждый пунктъ программы, сначала въ законодательномъ собраніи, а затѣмъ въ практической жизни. Но если мы считаемъ себя *народомъ*, культурнымъ организмомъ, то мы должны немедленно выставить *всѣ* требованія нашей программы, весь комплексъ нашихъ гражданскихъ и національныхъ правъ,—разумѣется, въ реальныхъ, практически осуществимыхъ формахъ—а не трусливо требовать возстановленія нашего человѣческаго достоинства „понемногу", съ осторожной „постепенностью". Пусть и друзья и враги наши знаютъ, чего требуетъ и во имя чего борется еврейскій народъ. Тѣ оппортунисты, которые говорятъ: „добьемся сначала только гражданской эмансипаціи, а потомъ уже выставимъ требованіе національныхъ правъ"—говорятъ въ сущности такъ: „добьемся равноправія личнаго, утаивъ свою національность, а потомъ уже откроемъ міру, что мы тоже нація". У этихъ „умныхъ" друзей еврейства не хватаетъ ума, чтобы сообразить, что они налагаютъ на свой народъ клеймо національнаго неравенства. Сколько національнаго самопрезрѣнія долженъ имѣть еврей, чтобы, признавая право культурнаго самоопредѣленія за всѣми націями, считать это право спорнымъ или сузить его по отношенію къ своему народу, „культурное самоопредѣленіе" котораго началось три тысячи лѣтъ тому назадъ.

Мы не обольщаемъ себя надеждою, что наша дѣятельность, даже при самомъ успѣшномъ ея исходѣ, окончательно устранитъ вѣковое „еврейское горе" діаспоры, заключающееся въ постоянномъ давленіи на насъ чужихъ народовъ и чужихъ культуръ. Мы только указываемъ единственный *реальный* путь—оправдываемый двухтысячелѣтнимъ историческимъ опытомъ—къ наибольшему ослабленію этого давленія, къ сохраненію и возможно болѣе свободному развитію національной діаспоры. Не видя, въ полѣ нашего историческаго зрѣнія, возможности осуществленія „государства будущаго" сіонистовъ,—мы глубоко убѣждены, что наша самодѣятельность должна быть сосредоточена въ урегулированіи нашего національнаго существованія въ той всемірной діаспорѣ, которая даже послѣ будущихъ, весьма гадательныхъ, успѣховъ сіонизма и территоріализма можетъ немного *сократиться*, но не *прекратиться*. Въ предѣлахъ же міровой діаспоры есть широкій просторъ для борьбы за матеріальные и духовные интересы еврейства. Въ тѣхъ странахъ,

гдѣ давленіе извнѣ, экономическое или культурное, переходитъ опредѣленную границу,—является на помощь великій факторъ нашей исторіи: *эмиграція*, въ различныхъ размѣрахъ, начинающаяся съ нормальнаго переселенія обездоленныхъ группъ (по образцу массовой эмиграціи ирландцевъ и итальянцевъ) и кончая частичнымъ или полнымъ перемѣщеніемъ даннаго народнаго центра изъ страны угнетенія въ страну свободы. Колоссальная эмиграція евреевъ изъ Россіи въ С. Америку и другія страны должна, послѣ достиженія эмансипаціи на старой родинѣ, значительно сократиться и утратить характеръ паническаго бѣгства; но еще долго будетъ она, даже при лучшихъ условіяхъ, однимъ изъ крупнѣйшихъ факторовъ нашей жизни. Нынѣ складывающіеся новые центры еврейства въ С. Америкѣ и Палестинѣ будутъ еще долго питаться еврейской эмиграціей изъ Россіи и раньше или позже должны играть, хотя въ различныхъ формахъ, великую роль въ исторіи нашего народа. Вотъ почему къ числу нашихъ важнѣйшихъ національныхъ задачъ, не ограничиваемыхъ предѣлами одной какой нибудь страны, принадлежитъ урегулированіе эмиграціоннаго движенія, забота о томъ, чтобы оно не дробилось, а шло по опредѣленному руслу въ опредѣленные центры. Особенно должна быть велика забота о двухъ новыхъ центрахъ будущаго еврейства, изъ которыхъ одинъ будетъ имѣть преимущественно значеніе духовнаго, а другой — соціально-экономическаго средоточія еврейскихъ силъ. Это дѣло можетъ стать нашей главной національной задачей въ томъ случаѣ, если бы въ ближайшее время широкая преобразовательная дѣятельность въ Россіи стала невозможной вслѣдствіе временнаго торжества черной политической реакціи, грозящей погубить всходы освободительнаго движенія... Но гдѣ бы ни сосредоточивалась наша дѣятельность въ тотъ или другой моментъ,—цѣль ея одна: добиться *достойнаго* существованія для еврейства, какъ равноправнаго члена въ семьѣ культурныхъ народовъ. И здѣсь дѣятельность еврейскаго центра въ одной странѣ соприкасается съ однородной національною работою во всѣхъ другихъ центрахъ діаспоры, составляющихъ вмѣстѣ одно національное цѣлое.

Изъ самой сущности программы Volkspartei вытекаютъ ея отношенія ко всѣмъ другимъ партіямъ и организаціямъ въ еврействѣ. Нашъ двойной критерій для настоящаго историческаго момента: *верховенство*

общенародной политики и *реальный* характеръ этой политики—служитъ для насъ мѣриломъ политической зрѣлости той или другой партіи. Тѣ организаціи, въ дѣятельности которыхъ преобладаетъ принципъ борьбы за реальные интересы народа, какъ цѣлаго, могутъ разсчитывать на сочувствіе и поддержку Volkspartei въ той части ихъ дѣятельности, которая совпадаетъ съ нашей программой.

Совершенно расходясь съ сіонистами въ оцѣнкѣ всей нашей культурной работы въ діаспорѣ (они признаютъ ее только подготовительной ступенью къ исходу въ еврейское „государство будущаго", а мы убѣждены въ самодовлѣющемъ значеніи этой великой органической работы для народа, который въ подавляющей своей массѣ останется въ центрахъ своей нынѣшней осѣдлости и долженъ тутъ жить возможно полною гражданскою и національною жизнью),—мы, однако, готовы идти рядомъ съ этой партіей въ ея Gegenwartsarbeit, въ ея „реальной работѣ", направленной къ повсемѣстному подъему соціальнаго положенія еврейства. Съ внѣпартійнымъ „Союзомъ полноправія евреевъ" мы можемъ дружно работать до тѣхъ поръ, пока онъ не уклонится отъ своей виленской платформы, демократической и національной. Съ представителями еврейскихъ соціалистическихъ организацій мы могли бы до извѣстной стадіи идти вмѣстѣ, если бы они отказались отъ своей антинаціональной тенденціи искусственно обострять антагонизмъ между классовой и общенародной политикой и отрицать верховенство послѣдней даже въ областяхъ, лежащихъ внѣ предѣловъ вполнѣ законной классовой борьбы. Противъ ассимиляціонныхъ же тенденцій, явныхъ и скрытыхъ, натуральныхъ или стыдливо прикрывающихся легкимъ флеромъ „народности", мы будемъ неустанно бороться, какъ противъ пережитковъ разлагающагося еврейства, тормозящихъ процессъ нашего внутренняго возрожденія. Если въ этой разлагающейся средѣ еще есть нѣкоторые здоровые элементы, то они выдѣлятся и пойдутъ въ ряды оживающихъ и ожившихъ. Еврей, проникнутый національнымъ самосознаніемъ и самоуваженіемъ, долженъ громко заявлять о своихъ національныхъ требованіяхъ, глубоко убѣжденный, что націонализмъ самаго угнетеннаго въ мірѣ народа не можетъ не совпадать съ самыми высокими требованіями политической свободы и демократическаго равенства. Никогда еврейскій націонализмъ, какъ чистѣйшая форма народнаго

индивидуализма, не можетъ выродиться въ агрессивный національный эгоизмъ или шовинизмъ. Націонализмъ освобожденія не можетъ выродиться въ націонализмъ угнетенія у народа, который нигдѣ не составляетъ національнаго большинства и нигдѣ не вооруженъ ни мечомъ полицейскаго государства, ни желѣзными тисками „господствующей" національности.

Въ моментъ, когда партіи съ различными „программами будущаго" грозятъ заслонить націю съ ея реальными интересами настоящаго, защитники этихъ общенародныхъ реальныхъ интересовъ должны сплотиться во имя суверенитета народной воли; они должны дать рѣшительный перевѣсъ трезвой національной политикѣ надъ всякими узкопартійными стремленіями или иллюзіями. *Volkspartei* является потенціально *ядромъ организованной націи*, ибо въ нее могутъ вступить всѣ жизнеспособные элементы еврейства, ставящіе выше всего сохраненіе и свободное развитіе своего народа во всѣхъ странахъ. Если въ близкомъ будущемъ раздастся голосъ еврейскаго народа въ его великомъ Національномъ собраніи, призванномъ опредѣлить порядокъ его внутренней жизни, то наиболѣе полной выразительницей его требованій должна быть „Volkspartei" указаннаго типа. Народная партія или партія-народъ стремится организовать силы еврейства не только для внѣшней борьбы за свободу и равенство, но и для внутренней творческой работы, для культурнаго возрожденія націи. Эта работа не ограничена предѣлами даннаго мѣста и времени: она близко соприкасается съ движеніемъ національнаго ренессанса, начавшимся и въ западной діаспорѣ. Она разсчитана не только на нынѣшнее „военное время", но и на слѣдующій періодъ созидательной національной самодѣятельности.

Съ вѣрой въ величіе своей задачи, съ сознаніемъ святости своего долга передъ измученной націей, жаждущей возрожденія—вступаетъ въ жизнь Volkspartei—„Еврейская народная партія".

Декабрь 1906 [1]).

---

[1]) Помѣщено здѣсь съ нѣкоторыми дополненіями и редакціонными поправками къ тексту, ранѣе опубликованному въ видѣ вступительной статьи къ программѣ Volkspartei.

ПИСЬМО ПЯТНАДЦАТОЕ.

Освободительное движеніе и эмиграціонное движеніе.

(Отвѣтъ д-ру Х. Д. Гуревичу) [1]).

Вы оказали мнѣ услугу тѣмъ, что въ своемъ „Открытомъ письмѣ“ прямо и рѣзко поставили мнѣ вопросъ: что общаго между программой „Volkspartei“, приспособленной къ освободительному движенію въ Россіи, и моимъ заявленіемъ (во вступительной статьѣ къ этой программѣ) о великомъ значеніи эмиграціи въ жизни нашего народа? Я и самъ чувствовалъ, что на подобный важный вопросъ мнѣ придется отвѣчать, и ваше письмо содѣйствовало только тому, что я рѣшилъ дать этотъ отвѣтъ немедленно.

Но прежде всего я долженъ отдѣлить формальную сторону вопроса отъ принципіальной. На первую вы сейчасъ получите отвѣтъ, который вѣроятно удовлетворитъ васъ. Почему въ программѣ „Volkspartei“ эмиграціонный вопросъ упомянутъ только въ двухъ словахъ („урегулированіе эмиграціи“), а въ моей вступительной статьѣ онъ выставленъ, какъ одна изъ движущихъ силъ нашей политики? — Отвѣтъ простой: въ программѣ и нѣкоторые другіе важные вопросы только слегка намѣчены (напр. еврейскій экономическій вопросъ, профессіональныя организаціи и т. п.), и это вовсе не означаетъ, что они такъ и останутся нерѣшенными. Когда состоится учредительное собраніе „Volkspartei“,

[1]) Послѣ опубликованія моей вступительной статьи къ программѣ „Volkspartei“ (предыдущее письмо), въ газетѣ „Фрайндъ“ появилось „Открытое письмо къ С. М. Дубнову“, подписанное извѣстнымъ публицистомъ Х. Д. Гуревичемъ. Мой отвѣтъ на это „Открытое письмо“, написанный на разговорно-еврейскомъ языкѣ и напечатанный въ той же газетѣ (въ №№ отъ 21—22 февраля 1907 г.), помѣщенъ здѣсь въ авторскомъ переводѣ, съ нѣкоторыми редакціонными поправками.

на которомъ будутъ обсуждаться доклады по различнымъ пунктамъ программы, тогда будетъ обсужденъ подробно и вопросъ эмиграціонный, и будетъ принято опредѣленное рѣшеніе. Къ этому я еще долженъ добавить: за программу „Volkspartei“ отвѣчаетъ выработавшій ее Организаціонный Комитетъ; за содержаніе же вступительной статьи отвѣчаетъ подписавшій ее. Теперь перейду къ сути дѣла.

Вы, г. Гуревичъ, видите глубокое противорѣчіе между идеями, лежащими въ основѣ программы, съ одной стороны, и моей объяснительной статьи—съ другой. Вы не можете себѣ объяснить, какъ можно соединить въ одномъ планѣ дѣятельности наше участіе въ русскомъ *освободительномъ движеніи*, нашу борьбу за гражданскія и національныя права на мѣстѣ, и энергичную работу по организаціи еврейскаго *эмиграціоннаго движенія*, да еще съ намѣреніемъ создать новые центры въ Америкѣ и Палестинѣ. Вамъ дѣло представляется такъ: если евреи идутъ самоотверженно въ рядахъ русскихъ борцовъ, воодушевленные пламенной вѣрой въ лучшее будущее, то пойдетъ ли имъ на умъ организовать широкую, планомѣрную эмиграцію въ другія страны, куда раньше гнала ихъ горькая нужда и отчаяніе безправныхъ? Какъ могутъ сочетаться свѣтлая надежда и мрачное отчаяніе? Признаки такого отчаянія или „психологіи голуса“ Вы находите въ моихъ объясненіяхъ къ программѣ и особенно въ словахъ, что „наша дѣятельность, даже при самомъ успѣшномъ ея исходѣ, не устранитъ окончательно... постояннаго давленія на насъ чужихъ народовъ и чужихъ культуръ“, а только поведетъ къ „ослабленію этого давленія“.

Изъ вашихъ словъ вытекаетъ, что освободительное движеніе и эмиграціонное, какъ планомѣрныя и организованныя движенія, суть двѣ вещи, исключающія другъ друга. Я же думаю, что это—двѣ стороны одного и того же всееврейскаго движенія, которое при нынѣшнихъ условіяхъ направлено къ освобожденію еврейскаго народа на всемъ пространствѣ діаспоры. Я попытаюсь доказать, что одно движеніе безъ другого даже не можетъ обойтись, при положеніи нашего народа въ настоящее время и, можетъ быть, еще въ далекомъ будущемъ.

Вы, конечно, не станете отрицать, что изъ двухъ причинъ эмиграціи вообще — *экономической* и *политической* — первая еще долго сохранитъ свою силу въ жизни русскихъ евреевъ. Вѣдь мы не болѣе

привилегированный народъ, чѣмъ нѣмцы или итальянцы, которые десятками тысячъ эмигрируютъ ежегодно изъ своихъ собственныхъ странъ въ Америку, покидая свою родину навсегда или на время изъ-за нужды и безработицы. Много лѣтъ еще пройдетъ, прежде чѣмъ мы залѣчимъ тяжелыя раны послѣднихъ десятилѣтій и упорядочимъ наше экономическое положеніе въ Россіи. Вы, вѣроятно, согласитесь также, что и при наилучшемъ исходѣ русскаго освободительнаго движенія, у значительной части евреевъ еще будутъ и политическія основанія покидать свою родину, не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ у ирландцевъ или поляковъ, у которыхъ экономическая эмиграція также часто связана съ политической, съ порывами къ большей національной свободѣ. Если такъ, если эмиграція, хотя въ меньшемъ масштабѣ, останется, то нельзя вѣдь отрицать необходимость урегулированія ея, какъ важнаго общественнаго движенія. Съ этимъ минимумомъ, слѣдовательно, и Вы согласитесь. Теперь я представлю то, что Вамъ кажется максимумомъ эмиграціоннаго движенія, а мнѣ—неизбѣжнымъ результатомъ дѣйствительности и реальныхъ возможностей.

Уже больше четверти вѣка еврейская эмиграція изъ Россіи идетъ приблизительно въ такомъ порядкѣ: въ 80-хъ годахъ, послѣ первыхъ погромовъ и выселеній изъ деревень, эмигрировало ежегодно до 25 тысячъ человѣкъ (беру среднія цифры); въ 90-хъ годахъ, послѣ московскаго изгнанія, цѣлаго ряда репрессій и введенія казенной водочной монополіи, еврейская эмиграція поднялась до 40—50 тысячъ ежегодно; въ послѣдніе годы, со времени Кишиневской рѣзни, японской войны и новой погромной эпидеміи, она приняла ужасающіе размѣры: ежегодно выселяются до двухсотъ тысячъ человѣкъ. Такое паническое бѣгство, будемъ надѣяться, прекратится съ улучшеніемъ общаго политическаго положенія Россіи, когда мы добьемся равноправія; но какъ бы ни сократилась эмиграція, она все-таки у насъ будетъ сильнѣе, чѣмъ у другихъ народовъ. Экономически мы будемъ, какъ уже сказано, еще долго терпѣть: будемъ страдать и отъ боли старыхъ ранъ, и отъ новыхъ формъ общественнаго антисемитизма, который обострится вслѣдствіе усиленія болѣе свободной еврейской конкурренціи, торговой и ремесленной. Мы получимъ равноправіе,—но думаете ли Вы, что тогда мы уже спокойно заживемъ, что мы тотчасъ воспользуемся всѣми правами, дан-

ными намъ на бумагѣ? Извѣстно ли Вамъ, сколько стѣсненій претерпѣли евреи во Франціи, Германіи и Австріи въ дѣлѣ осуществленія своихъ гражданскихъ правъ (не говоря уже о политическихъ), въ первыя десятилѣтія послѣ своей эмансипаціи? А вѣдь это были не погромныя страны: тамъ населеніе не показывало чудесъ храбрости по части разбиванія еврейскихъ головъ, избіенія дѣтей и насилованія женщинъ. Можете ли Вы опредѣлить, сколько еще горя придется намъ вынести отъ разбойничьихъ бандъ „истинно-русскихъ людей“ и отъ болѣе культурныхъ антисемитовъ? Думаете ли Вы, что послѣ торжества освободительнаго движенія—конецъ погромамъ. Можетъ быть, страшные октябрьскіе дни, рѣдкіе даже въ нашемъ многовѣковомъ мартирологѣ, не повторятся,—но „черныя сотни“ еще живутъ и съ Божьей помощью будутъ жить, не переведутся Крушеваны на святой Руси, и намъ еще придется имѣть дѣло съ этими подонками общества. При либеральномъ парламентарномъ режимѣ прекратится, пожалуй, правительственный антисемитизмъ, но общественный антисемитизмъ еще будетъ долго дѣйствовать. Намъ еще часто будутъ напоминать, что недавно мы были безправны и беззащитны, и не разъ дадутъ намъ понять, чтобы мы со своими новообрѣтенными правами слишкомъ далеко не совались. Мы, конечно, не уступимъ и будемъ упорно бороться противъ мрачнаго общественнаго антисемитизма, какъ боролись прежде противъ правительственнаго—а свою способность къ борьбѣ мы уже доказали,—но большого удовольствія такая борьба намъ не доставитъ. И вотъ тѣ, которымъ жизнь при такихъ условіяхъ станетъ не въ моготу, будутъ эмигрировать. Политическія причины нашей эмиграціи, хотя и менѣе острыя чѣмъ прежде, соединятся съ экономическими—и десятки тысячъ еврейскихъ странниковъ потянутся черезъ рѣки и моря, въ далекія страны...

Все это будетъ уже въ лучшемъ случаѣ, если мы добьемся равноправія. Но что же будетъ, если и вторая Государственная Дума не принесетъ намъ того избавленія, котораго мы теперь ожидаемъ уже съ затаеннымъ сомнѣніемъ? Что будетъ, если и эту Думу безцеремонно разгонятъ и затѣмъ примутся за надлежащую „обработку“ конституціи на „истинно-русскій“ ладъ? Что будетъ, если черныя сотни „Союза русскаго народа“ побѣдятъ и будутъ держать страну въ своихъ окровавленныхъ рукахъ? Тогда вѣдь начнется у насъ такая эмиграція,

какой еще не знала еврейская исторія,—и это будетъ для еврейской массы единственнымъ спасеніемъ, исходомъ изъ Египта, исходомъ хотя и не въ „обѣтованную“ страну, но въ такую, гдѣ людей не рѣжутъ. Если вы, возлагающіе всѣ надежды на освободительное движеніе, *теперь* похороните эмиграцію,—вамъ придется *тогда* ее вынуть изъ гроба. И тогда вы постигнете, какая великая живительная и освободительная сила кроется въ еврейской эмиграціи, длящейся тысячи лѣтъ, съ того момента, какъ Іегова сказалъ Аврааму: „Иди изъ своей земли въ землю, которую укажу тебѣ“!

Вы говорите, что сторонники идеи эмиграціи—мрачные пессимисты, ослабляющіе энергію народа въ разгаръ освободительной борьбы. А я говорю: отнимите у еврея надежду на эмиграцію, надежду на то, что въ черный день онъ сможетъ уйти отъ опасности туда, куда шли тысячи его братьевъ, и что есть общественные дѣятели, которые заботятся объ организаціи переселенія,—отнимите все это—и вы его сдѣлаете несчастнымъ сейчасъ же, въ самомъ огнѣ освободительнаго движенія. Тогда онъ дѣйствительно впадетъ въ отчаяніе, ибо увидитъ себя замкнутымъ, отрѣзаннымъ отъ всего міра на полѣ сраженія, откуда въ случаѣ пораженія (а гдѣ этого не бываетъ на войнѣ?) некуда уйти: вотъ настигъ тебя врагъ, ложись и умри! Да, евреи дѣйствительно стоятъ, какъ Вы выражаетесь, одной ногой въ Россіи, а другой въ Америкѣ, ибо если бы они обѣими ногами стояли на россійскомъ вулканѣ, они бы не устояли отъ ужаса передъ возможнымъ близкимъ будущимъ. Я, разумѣется, говорю тутъ о массовыхъ людяхъ, а не о борцахъ, которые бросаются въ сраженіе съ рѣшимостью—побѣдить или умереть...

Тутъ Вы начинаете искать у насъ грѣховъ, то-есть противорѣчій. Вы обвиняете насъ, что мы идемъ въ освободительной борьбѣ не съ пламенной вѣрой въ побѣду; что мы подносимъ народу одной рукой программу освобожденія, а другою указуемъ ему на Америку и Палестину; что мы усиливаемъ въ еврейскихъ сердцахъ отчаяніе „голуса“. Относительно „отчаянія“ мы еще съ вами, господа, поспоримъ: кто его усиливаетъ—тотъ ли, кто даетъ несчастному два пути къ свободѣ, или тотъ, кто даетъ одинъ только путь? Что же касается пламенной вѣры въ наступленіе „мессіанскихъ временъ“ въ Россіи, то думается мнѣ, что въ реальной политикѣ такая хасидская восторженность или политическій ро-

*

мантизмъ для дѣла мало полезны. Наши юные политическіе романтики изъ соціалистическихъ партій думаютъ, конечно, иначе,—но вѣдь мы съ вами, г. Гуревичъ, не политическіе младенцы и не беремъ подряда на постройку „Zukunftstaat'a“ въ нѣсколько лѣтъ. Спросите у средняго еврея съ простымъ, яснымъ умомъ, вѣритъ ли онъ всей душою, что вотъ-вотъ настаетъ на Руси счастливое время „свободы, равенства и братства“? Спросите у трезвой, политически зрѣлой интеллигенціи! Нечего намъ скрывать: мы живемъ не беззавѣтною надеждой, а между страхомъ и надеждой,— и можетъ быть, въ такомъ положеніи намъ еще долго придется жить.

Мы дѣйствительно „бросились въ освободительное движеніе Россіи съ гнѣвомъ униженныхъ и страстностью мучениковъ“, какъ я выразился во вступительной статьѣ; мы иначе не могли: мы—старинный культурный народъ, мы политически зрѣлѣе окружающихъ, мы не можемъ быть „рабами рабовъ“, мы хотимъ быть равны съ другими народами въ гражданскихъ и національныхъ правахъ. Но если послѣ долгой борьбы мы не достигнемъ цѣли, если мы получимъ хартію равноправія, завернутую въ погромъ, если еще долго русская конституція будетъ шагать какъ арестантка между конвоемъ жандармовъ и бандами черныхъ сотенъ,— тогда вы снова услышите въ станѣ Израиля кличъ: вонъ изъ россійскаго Египта! Мы приносили и будемъ приносить жертвы въ освободительной борьбѣ Россіи, но если послѣ всѣхъ нашихъ жертвъ мы останемся, подобно пушкинской старухѣ, при старомъ корытѣ,—тогда мы не выдержимъ, и значительная часть нашей массы уйдетъ. И вотъ эту надежду на свободу въ далекомъ краю, хотя бы для части нашего народа, мы должны имѣть въ запасѣ: она дастъ намъ силу и мужество бороться здѣсь, на старой родинѣ.

Но попробуйте отнять у евреевъ эту надежду! Вы хотите отнять страннический посохъ у народа, который тысячи лѣтъ на него опирался? Вы считаете „эмигрантскую психологію“ браннымъ словомъ? Хорошо же, попытайтесь вырвать эмигрантскую психологію изъ сердца Агасфера— вмѣстѣ съ душою вы ее вырвете! „Ты будешь вѣчно странствовать!“— это проклятіе, наложенное христіанской легендой на „вѣчнаго жида“ Агасфера, превратилось для него въ бѣдственномъ „голусѣ“ въ благословеніе, въ средство спасенія, ибо онъ бы давно уже погибъ безъ остатка, еслибъ не научился великому искусству странствовать. Агасферъ не остался

бы „вѣчнымъ евреемъ“, еслибъ не сдѣлался „вѣчнымъ странникомъ“. Наши предки, въ тѣ ужасныя времена, хорошо понимали эту истину. „Большое добро—говоритъ агада—сдѣлалъ Богъ еврейскому народу тѣмъ, что разсѣялъ его въ разныхъ странахъ, ибо если евреевъ преслѣдуютъ въ одной странѣ, они могутъ спастись переселеніемъ въ другую“. Съ религіозной точки зрѣнія это, конечно, парадоксально: вѣдь Богъ могъ охранить свое „избранное племя“ отъ гибели и въ одной странѣ; но въ основѣ этого афоризма лежитъ здоровая историческая мысль: еслибъ не эмиграція, отъ еврейскаго народа и слѣда бы не осталось послѣ всѣхъ катастрофъ, крестовыхъ походовъ, изгнаній, репрессій, инквизицій и погромовъ. А что сталось бы съ нами, русскими евреями, въ послѣднія десятилѣтія, еслибъ мы не могли въ кипящемъ котлѣ, гдѣ насъ варили, открыть клапанъ и выпустить паръ въ сторону! Мы бы задохлись въ странѣ рабства и погромовъ, если бы мы не выпустили полутора милліона человѣкъ въ сѣверную Америку, Палестину, Аргентину, южную Африку и другія страны, гдѣ имъ можно свободно дышать, если бы мы утратили надежду на эту *возможность* эмигрировать. И этотъ клапанъ вы хотите закрыть! Берегитесь, котелъ еще кипитъ и, даже при лучшихъ обстоятельствахъ, еще отъ времени до времени будетъ кипѣть!..

Вся наша исторія есть исторія перемѣщенія культурныхъ центровъ изъ одной страны въ другую, и я уже въ своихъ научныхъ трудахъ достаточно развивалъ эту теорію гегемоническихъ центровъ. Палестина, Вавилонія, Испанія, Германія, Польша, Россія—все это большія станціи еврейской культуры. Въ послѣднее время намѣчаются новая большая станція въ Америкѣ и меньшая, но близкая сердцу, въ Палестинѣ. Нѣсколько лѣтъ назадъ я уже указывалъ, куда ведетъ современное частичное перемѣщеніе еврейскихъ силъ [1]),—и послѣднія событія доказали, что я не ошибся.

Тутъ мы переходимъ отъ исторической и психологической стороны вопроса къ практической. Вы, г. Гуревичъ, думаете, что возлагать надежды на два будущихъ центра еврейства въ Америкѣ и Палестинѣ—значитъ „тащиться за совершившимися фактами“. По вашему мнѣнію, вовсе не доказано, что Америка дѣйствительно сдѣлается для насъ со временемъ

---

[1]) Выше, письмо XI: „Историческій моментъ“.

крупнымъ экономическимъ или политическимъ центромъ, а новыя поселенія въ Палестинѣ—небольшимъ духовнымъ центромъ. Я съ благодарностью принимаю „упрекъ“ въ излишней приверженности къ фактамъ, ибо это не малая заслуга въ эпоху, когда политическіе романтики тянутся за „далекими задачами и отдаленными идеалами“, которые сбудутся ко дню пришествія мессіи. Для „Volkspartei“ будетъ высокой честью и признакомъ политической зрѣлости, если она всегда будетъ идти по пути реальной политики и дѣлать всѣ свои разсчеты на основаніи фактовъ, а не утопій и мечтаній. Мы не сіонисты, потому что считаемъ конечную цѣль политическаго сіонизма несбыточной мечтой, по крайней мѣрѣ для ближайшихъ поколѣній. Но и мы имѣемъ далекую перспективу, и именно на основаніи „совершающихся фактовъ“. Когда мы видимъ, что въ теченіе 26 лѣтъ на нашей древней родинѣ, въ Палестинѣ, прибавилось два-три десятка колоній и нѣсколько десятковъ тысячъ еврейскихъ жителей, и что тамъ медленно образуется новое поселеніе изъ земледѣльцевъ, виноградарей и сельскихъ хозяевъ; когда мы слышимъ, какъ малыя дѣти разговариваютъ на нашемъ помолодѣвшемъ старомъ языкѣ, а въ школахъ изучаютъ на этомъ языкѣ всѣ науки,—тогда мы имѣемъ право надѣяться, что въ Палестинѣ со временемъ вырастетъ духовный центръ національнаго еврейства. Великъ ли будетъ этотъ центръ—это еще вопросъ, и я не вѣрю, подобно Ахадъ Гааму, чтобы палестинскій центръ обладалъ магической силой вліять на всю нашу національную культуру въ „голусѣ“. Нѣтъ, если мы здѣсь, въ діаспорѣ, самостоятельно не укрѣпимъ нашу національную автономію на почвѣ гражданской свободы, тогда небольшая группа „Erez-Isroel-Iuden“ насъ отъ ассимиляціи не спасетъ. Но совсѣмъ отрицать моральное вліяніе малаго палестинскаго центра было бы несправедливо. Пусть на Сіонѣ вспыхнетъ хоть маленькій огонекъ, который не освѣтитъ всего еврейскаго міра, но вѣдь этотъ огонекъ будетъ грѣть много еврейскихъ сердецъ. Уютный уголокъ тамъ, у старой бабушки, всегда будетъ притягивать насъ съ магнетической силой, будетъ будить дорогія историческія воспоминанія,—помимо того, что это все же пунктъ для колонизаціи. Эту практическую колонизацію должны поддерживать всѣ—для этого нѣтъ надобности числиться „сіонистомъ“,—и такая партія общенародной реаль-

ной политики, какъ „Volkspartei“, должна это имѣть въ виду при „регулированіи эмиграціи“.

То же можно сказать и о юной дочери русскаго еврейства, которая переѣхала на большую квартиру, хотя и слишкомъ далеко, въ сѣверную Америку. Если мы видимъ, что за два съ половиною десятилѣтія создана была, преимущественно выходцами изъ Россіи, почти двухмилліонная „еврейская Америка“, что одинъ городъ Нью-Іоркъ вмѣщаетъ въ себѣ около $^3/_4$ милліона нашихъ братьевъ, что главный потокъ нашей эмиграціи идетъ и будетъ идти въ великую республику за океаномъ, гдѣ евреи уже вплелись въ общественную и политическую жизнь,—видя все это, мы вправѣ надѣяться, что Америка когда нибудь сдѣлается самымъ крупнымъ центромъ еврейства послѣ Россіи, а при извѣстныхъ обстоятельствахъ—и еще болѣе крупнымъ. Это-то великое историческое движеніе мы должны взять въ свои руки и, по мѣрѣ возможности, регулировать. Мы должны—и это нашъ священный долгъ—организовать великое переселеніе въ Америку на твердыхъ основаніяхъ; мы должны стараться, чтобы эмигранты не терпѣли напрасныхъ страданій въ дорогѣ, чтобы они знали, въ какомъ пунктѣ Америки имъ удобнѣе найти трудъ и заработокъ, не стѣсняя черезчуръ старыхъ поселенцевъ, но и не слишкомъ разбрасываясь. И здѣсь и тамъ мы должны напрягать всѣ силы, чтобы наши братья въ странѣ свободы были организованы на широкой основѣ національной автономіи, которая предохранитъ ихъ отъ культурной ассимиляціи—величайшей опасности Соединенныхъ Штатовъ сѣверной Америки.

Вы опасаетесь, что Америка „закроетъ передъ еврейскими эмигрантами свои широкія ворота“—напрасная тревога. При всѣхъ законодательныхъ ограниченіяхъ противъ иммиграціи, великая республика все-таки не закроетъ своихъ границъ спеціально передъ евреями. Могутъ быть поставлены нѣкоторыя плотины, съ цѣлью ослабить чрезмѣрную стремительность всемірнаго эмиграціоннаго потока, направляющагося въ Америку,—но и тогда останется достаточно мѣста для еврейскихъ эмигрантовъ, среди странниковъ другихъ національностей. Не впустятъ черезъ „широкія ворота“—пройдемъ черезъ узкія. Сомнѣнія нѣтъ: великое еврейское передвиженіе въ Америку будетъ идти еще десятки лѣтъ, и если мы это движеніе оставимъ безъ всякой организаціи, то это бу-

детъ преступленіемъ противъ нашего народа. Американская еврейская колонія—родная дочь россійской метрополіи, и когда старой матери плохо приходится, она съ надеждою тянется къ юной дочери въ странѣ свободы. Мы тѣсно связаны съ частью нашей національной семьи, очутившейся въ Америкѣ: наше горе—ея горе, наша радость—ея радость. Намъ нельзя раздѣлиться: это—плоть отъ плоти нашей. Нельзя, конечно, сказать, что тамъ наши дѣла обстоятъ совсѣмъ благополучно. Если въ Америкѣ не такъ чувствительно давленіе чужихъ *народовъ*, то тамъ больше даетъ себя чувствовать давленіе чужой *культуры*, сильнѣе—опасность ассимиляціи. Вотъ почему я говорилъ, что и здѣсь и тамъ должны мы бороться за нашу внѣшнюю и внутреннюю свободу, какъ единой націи. Наша сила въ томъ, что въ этой войнѣ мы имѣемъ двѣ позиціи: если Исавъ нападетъ на одну, мы его встрѣтимъ какъ слѣдуетъ, но въ худшемъ случаѣ у Якова остается вторая позиція, „другой станъ во спасеніе“. *Вездѣ*, всѣми силами, будемъ мы бороться за нашу свободу и національное существованіе.

Противники „Volksparteі“, вѣроятно, воспользуются моими словами, чтобы пріобщить партію къ сіонистамъ или территоріалистамъ. Партія, конечно, тутъ не причемъ: я пишу эти слова не отъ ея имени. Меня же можно превратить въ сіониста или территоріалиста развѣ только при помощи полемическаго маневра. Мои мысли о сіонизмѣ и прочихъ еврейскихъ движеніяхъ достаточно ясно изложены въ „Письмахъ о старомъ и новомъ еврействѣ“. Есть, безъ сомнѣнія, кое что общее между моими воззрѣніями и сіонизмомъ и территоріализмомъ, поскольку у насъ есть общая національно-культурная почва; но споръ между нами о центрѣ тяжести нашей работы далеко еще не улаженъ. Нечего и говорить, что я очень далекъ отъ взгляда максималистовъ сіонизма, что вся наша національная борьба въ діаспорѣ должна имѣть только цѣлью „организацію экзода“ въ утопическій Judenstaat. Мы организуемъ и регулируемъ не утопическую, а реальную эмиграцію; мы занимаемся не искусственнымъ созданіемъ новыхъ центровъ, а считаемся съ фактомъ размѣщенія національныхъ силъ въ тѣхъ центрахъ діаспоры, которые уже сложились и складываются, и заботимся объ укрѣпленіи ихъ въ смыслѣ національно-культурной автономности.

Я считалъ важнымъ разъяснить публикѣ серьезный вопросъ объ отно-

шеніи между двумя великими движеніями въ жизни русскаго еврейства и, думается, успѣлъ доказать, что при существующихъ *нынѣ* условіяхъ освободительное и эмиграціонное движенія—не два контраста, а двѣ силы, другъ друга дополняющія. Послѣдній вопросъ адресованнаго мнѣ „Открытаго письма“ сюда уже не относится, но все-же я дамъ на него краткій отвѣтъ. Вы думаете, что „Volksparteі“ не имѣетъ права упрекать другія партіи въ томъ, что онѣ ставятъ свои партійныя стремленія выше общенародныхъ. Но, высказавъ такой упрекъ во вступительной статьѣ къ программѣ, я имѣлъ въ виду—какъ тамъ и указано—тѣ наши классовыя фракціи, которыя сдѣлали бранное слово изъ самой святой, трогательной формулы еврейскаго единства: „Kol-Isroel chawerim“ (всѣ евреи—товарищи). Евреи, для которыхъ терминъ „общееврейская политика“—бранное слово, которые осмѣиваютъ высокую идею національной политики, спасавшую насъ въ теченіе двухъ тысячелѣтій; евреи, которые стремятся внутренно дробить и крошить разсѣянный народъ и научаютъ одну десятую часть гонимой націи ненавидѣть остальныя девять десятыхъ ненавистью пролетаріата къ „командующей“ буржуазіи („буржуазіи“, состоящей изъ милліоновъ голодныхъ или полусытыхъ и тысячъ сытыхъ людей),—такіе евреи вполнѣ заслуживаютъ упрека въ томъ, что они жертвуютъ „націей“ ради „класса“ или партіи.

Вашъ упрекъ по адресу „Volksparteі“, что она „остерегается далекихъ задачъ и далекихъ идеаловъ и ограничивается ближайшими общееврейскими интересами“, я принимаю отъ имени партіи, какъ заслуженный комплиментъ. Да, мы не хотимъ насильно приблизить „конецъ временъ“ и подталкивать мессію—знаете почему?—потому что *не можемъ*. У насъ есть высокіе идеалы—что можетъ быть выше организаціи всего еврейства?—но мы идемъ къ нимъ реальными путями и не витаемъ въ эмпиреяхъ. Я увѣренъ, что въ душѣ Вы тоже присоединитесь къ пожеланію, чтобы мы хоть черезъ полвѣка осуществили въ жизни тѣ „ближайшія“ общееврейскія задачи, которыя намѣчены въ программѣ „Volksparteі“,—и тогда мы уже съ вами сойдемся относительно „далекихъ идеаловъ“.

Февраль, 1907.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1. Изъ вступленія къ первымъ „Письмамъ“ (1897) [1]).

De quel nom te nommer, heure trouble où nous sommes? [2]) Какъ назвать переживаемый нашимъ обществомъ моментъ вялости мысли и дѣйствій, оскудѣнія идеаловъ и руководящихъ принциповъ? Мы съ каждымъ годомъ становимся бѣднѣе духомъ. Мы уподобились „мѣди звенящей и кимвалу бряцающему“, ибо наше настроеніе не вырабатывается внутреннею нашею жизнью, а является отраженіемъ внѣшнихъ воздѣйствій. Въ теченіе одного послѣдняго десятилѣтія въ еврейскомъ обществѣ трижды мѣнялось настроеніе. Была у насъ пора лихорадочнаго смятенія, вызваннаго отчаяніемъ, когда у всѣхъ на устахъ былъ горькій вопросъ: „куда идти?“ [3]). Было затѣмъ краткое мгновеніе пріятныхъ чаяній и упованій, которыя не сбылись [4]). Нынѣ же все стихло: нѣтъ ни отчаянія, ни чаяній, а есть какое-то среднее безразличное состояніе, какое-то угнетающее сознаніе, что въ близкомъ будущемъ нельзя ждать коренныхъ перемѣнъ въ нашемъ печальномъ положеніи и, слѣдовательно, надо отказаться пока отъ всякихъ широкихъ задачъ. Это сознаніе дѣйствуетъ усыпляющимъ образомъ на большую часть еврейской интеллигенціи, располагая ее къ бездѣятельности или заставляя ее пробавляться мелкими общественными дѣлами, не идущими далѣе требованій буржуазной филантропіи.

... Мы переживаемъ какія-то сумерки общественности. Вечернія ли это сумерки или предразсвѣтныя? Идемъ ли мы къ свѣту, или къ еще болѣе густому мраку? Люди маломыслящіе, примѣняющіе къ исторической жизни народа жалкую

---

[1]) Первоначальный текстъ здѣсь мѣстами сокращенъ, а мѣстами дополненъ возстановленіемъ цензурныхъ пропусковъ и пояснительными замѣчаніями.

[2]) Какимъ именемъ назвать тебя, смутный моментъ, который мы переживаемъ? (Викторъ Гюго).

[3]) 1890—92 г.—время разгара правительственныхъ репрессій, увѣнчанныхъ ужаснымъ московскимъ изгнаніемъ, время усиленной эмиграціи въ С. Америку и Аргентину, когда многіе носились съ планомъ барона Гирша о полной эвакуаціи Россіи отъ евреевъ.

[4]) Надежды, связанныя съ перемѣною царствованія (1894—95) и скоро попавшія въ разрядъ „безсмысленныхъ мечтаній“.

мѣрку житейской обыденности, отвѣтятъ, конечно, что рѣшеніе этого вопроса зависитъ отъ „внѣшнихъ обстоятельствъ“, а въ ожиданіи этихъ обстоятельствъ будутъ или спокойно прозябать, или же суетиться по поводу разныхъ общественныхъ мелочей, ложно выдаваемыхъ за „народное дѣло“. Если такіе люди будутъ преобладающимъ элементомъ въ нашемъ обществѣ, то можно напередъ предсказать, что послѣднее пойдетъ по пути возрастающаго упадка. Но если въ обществѣ укоренится и пріобрѣтетъ господство убѣжденіе, что въ наибольшей степени отъ насъ самихъ зависитъ наша участь, что не то или другое отношеніе полицейскаго участка рѣшаетъ судьбу древнѣйшаго культурнаго народа, и что внутреннее, духовное возрожденіе, какъ самостоятельный актъ нашей воли, есть главное условіе, обезпечивающее нашу будущность,—то путь къ нашему возрожденію уже найденъ. Мы будемъ внутренно свободны, пока въ насъ будетъ жить свободный, оппозиціонный духъ, хотя бы надъ нами и тяготѣло иго внѣшняго безправія. Рабомъ можно называть только того, у кого душа раболѣпна, а не того, кто подъ гнетомъ деспотизма лишенъ элементарныхъ правъ человѣка. Деморализація есть слѣдствіе самопрезрѣнія и пустоты душевной; она невозможна при наличности самоуваженія и ясныхъ активныхъ идеаловъ. Если кому-нибудь грозитъ вырожденіе, то развѣ только той части еврейской интеллигенціи, которая не можетъ противопоставить внѣшнему гнету совокупность національно-культурныхъ идеаловъ, равносильныхъ несокрушимымъ религіознымъ идеаламъ, какими держалась и держится при всякихъ невзгодахъ вѣрующая еврейская масса.

Въ самое послѣднее время въ нашу безотрадную жизнь внесъ нѣкоторое оживленіе первый базельскій конгрессъ, провозгласившій идею политическаго сіонизма. Неоспоримая заслуга конгресса заключается въ демонстрированіи національнаго единства разсѣяннаго народа и въ попыткѣ пробудить наши дремлющія силы для живой общенародной работы. Но долговѣчность національнаго движенія именно въ формѣ сіонизма подлежитъ большому сомнѣнію. Связывая дѣло національнаго возрожденія съ мечтою о политической реставраціи Палестины, новый сіонизмъ, во-первыхъ, отвлекаетъ вниманіе общества отъ соціальныхъ интересовъ еврейства въ діаспорѣ и, во-вторыхъ, рискуетъ прослыть несостоятельнымъ, какъ только обнаружится, что мечта о территоріально-политическомъ возрожденіи несбыточна. Сіонизмъ есть полезное возбудительное средство, могущее поддерживать въ молодомъ поколѣніи національное самочувствіе только *временно*, пока не наступитъ сомнѣніе или разочарованіе въ осуществимости конечной цѣли этого движенія,—а вѣдь это раньше или позже должно случиться. Тогда разочарованные сіонисты увеличатъ собою кадры тѣхъ, которые вотъ уже 15 лѣтъ блуждаютъ безъ пути и безъ цѣли, смущенные и растерянные, какъ воины, потерявшіе свое знамя.

Положеніе этой послѣдней интеллигентной группы, наиболѣе многочисленной, особенно трагично. Извѣрившись, подъ вліяніемъ антисемитической реакціи, въ спасительности ассимиляціоннаго направленія 70-хъ годовъ, представители этой

категоріи не рѣшились вмѣстѣ съ тѣмъ примкнуть къ новому національному движенію въ еврействѣ. Многіе изъ нихъ привыкли связывать понятіе объ ассимиляціи съ „просвѣщенностью“ и либерализмомъ, а понятіе о національнизмѣ съ культурной отсталостью,—и въ силу этого поверхностнаго, ошибочнаго воззрѣнія они, потерявъ опору въ ассимиляціи, не хотятъ искать ее въ національной идеѣ. И вотъ они или вовсе живутъ безъ общихъ руководящихъ принциповъ, или еще цѣпляются за обломки потерпѣвшей крушеніе системы, связанной съ воспоминаніями о лучшей порѣ. Такіе люди въ лучшемъ случаѣ руководятся въ своей дѣятельности узко-утилитарными соображеніями минуты; но возможна ли плодотворная работа безъ одухотворяющей общей идеи?

Мнѣ кажется, что настала пора провѣрить нашъ запутанный идейный инвентарь. Среди развалинъ прежнихъ кумировъ и поспѣшныхъ попытокъ замѣнить ихъ новыми, должны поднять свой голосъ тѣ, которыхъ испытанія послѣднихъ десятилѣтій отвлекли отъ идоловъ въ сторону продуманныхъ идеаловъ, почерпнутыхъ изъ нѣдръ исторической эволюціи еврейства. Они должны съ полною искренностью объявить, какіе уроки извлекли они изъ прежнихъ ошибокъ, какія поправки успѣли они внести въ свое міросозерцаніе путемъ труднаго процесса самоопредѣленія. Они должны противопоставить свою выстраданную творческую мысль умственной окаменѣлости однихъ, растерянности другихъ и легкомысленнымъ увлеченіямъ третьихъ. Очень плохъ тотъ еврей, кого тяжелыя народныя испытанія послѣдней эпохи ничему не научили, не побудили къ тщательной провѣркѣ своихъ партійныхъ убѣжденій, къ самоиспытанію, къ углубленію своихъ національныхъ воззрѣній. И еще хуже тотъ, кто изъ ложнаго самолюбія не желаетъ признаться въ томъ, чему научило его болѣе зрѣлое размышленіе, и продолжаетъ наружно исповѣдывать вѣру, отъ которой въ душѣ отрекся.

Одна изъ причинъ незрѣлости или туманности нашихъ идейныхъ направленій заключается въ отсутствіи *исторической перспективы*, которое замѣчается даже въ доктринахъ, выступающихъ подъ національнымъ флагомъ. У насъ принято обыкновенно опредѣлять всю будущность народа съ точки зрѣнія новѣйшихъ событій, а не всей совокупности моментовъ, пережитыхъ еврействомъ. Наши „новообращенные“ всѣхъ оттѣнковъ наблюдаютъ драму еврейской исторіи только съ пятаго акта и воображаютъ, что это и есть начало драмы. Они рѣдко спрашиваютъ себя: не происходили ли общественныя движенія, подобныя переживаемымъ нынѣ, въ предыдущія эпохи нашей исторіи и каковы были ихъ результаты? Ихъ философія исторіи не охватываетъ больше двухъ-трехъ ближайшихъ къ намъ десятилѣтій. Потомки старѣйшаго историческаго народа, они поступаютъ такъ, какъ если бы это былъ народъ вчерашняго дня, а не нація, умудренная опытомъ тысячелѣтій.

Провѣрить запасъ высшихъ принциповъ, вытекающихъ изъ общечеловѣческой и нашей собственной исторической эволюціи, и выяснить, какіе изъ нихъ должны служить руководящими въ нашемъ народномъ дѣлѣ; ввести историческую пер-

спективу въ оцѣнку современныхъ теченій еврейской жизни, и, наконецъ, отъ времени до времени откликаться на вопросы дня, связанные съ основами нашего національнаго бытія—таковы задачи нижеслѣдующихъ „Писемъ".

Ноябрь, 1897.

---

2. Предисловіе автора къ нѣмецкому переводу первыхъ «Писемъ» (1903)[1]).

Эти вступительныя строки къ нѣмецкому переводу моихъ „Писемъ" я пишу въ дни тяжелаго національнаго траура, вызваннаго кишиневской катастрофой. Мы переживаемъ моментъ, когда въ нашемъ соціальномъ положеніи стушевываются границы между „старымъ" и „новымъ еврействомъ", между средневѣковьемъ и современностью. И—мы не должны себя обманывать—этотъ моментъ, необычайный по своимъ наружнымъ проявленіямъ, находится по существу въ тѣсной генетической связи со всѣмъ тѣмъ, что въ различныхъ степеняхъ переживаютъ евреи въ послѣднія десятилѣтія.

Вѣковая, наслѣдственная вражда къ еврейству растетъ въ христіанскихъ массахъ, проявляясь то въ „культурныхъ" формахъ западно-европейскаго антисемитизма, то въ варварскихъ формахъ русскаго вандализма и правительственнаго гнета. Полукультурный русскій юдофобъ Крушеванъ, одинъ изъ вдохновителей Кишиневской рѣзни, открыто объявляетъ въ своей, субсидируемой правительствомъ уличной газетѣ такой наглый ультиматумъ русскимъ евреямъ: „Или сдѣлайтес христіанами, или въ годовой срокъ покиньте страну!" Русское правительство, всей своей системой жестокихъ ограниченій и преслѣдованій, говоритъ евреямъ: „Пока вы не перестанете быть евреями, мы будемъ васъ держать въ положеніи безправныхъ и беззащитныхъ паріевъ". А европейскіе антисемиты жалѣютъ о той дозѣ эмансипаціи, которая была дана евреямъ въ короткія *intervala lucida* новѣйшей исторіи, и раздуваютъ пламя ненависти къ еврейству, какъ націи и расѣ.

Чѣмъ же отвѣчаетъ еврейское образованное общество на это повсемѣстное усиленіе варварской или „цивилизованной" юдофобіи?—Оно даетъ два различ-

---

[1]) Въ 1905 г. былъ изданъ въ Берлинѣ нѣмецкій переводъ первыхъ двухъ „Писемъ о старомъ и новомъ еврействѣ" (въ прежней редакціи), подъ заглавіемъ: „Die Grundlagen des Nationaljudentums" (Berlin, Jüdischer Verlag), съ обстоятельнымъ предисловіемъ переводчика д-ра *И. Фридлендера* и спеціально написаннымъ для нѣмецкаго изданія предисловіемъ автора. Воспроизвожу здѣсь это предисловіе, какъ дополненіе къ письму XI („Историческій моментъ"), съ которымъ я его одновременно писалъ, послѣ Кишиневскаго погрома 1903 г.

ныхъ отвѣта, изъ которыхъ одинъ гласитъ: *ассимиляція*, а другой: *политическій сіонизмъ*. Но это въ сущности не отвѣты, а простые механическіе отголоски альтернативы, поставленной намъ врагами. Враги говорятъ: ассимилируйтесь или уходите!—а изъ еврейскаго лагеря одни отвѣчаютъ: „мы ассимилируемся", другіе: „мы уходимъ!"

Состоятельны ли эти отвѣты? Прежде всего бросается въ глаза практическая ихъ нецѣлесообразность даже при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. Можно ассимилировать и постепенно довести до состоянія полнаго растворенія среди другихъ народовъ (а вѣдь именно такого растворенія требуютъ наши враги) едва одну десятую часть еврейства, но остальныя девять десятыхъ, ядро народа, останутся національно-самобытными. Затѣмъ при наилучшихъ условіяхъ намъ едва удастся водворить въ Палестинѣ, послѣ многолѣтняго напряженія силъ, одинъ милліонъ евреевъ, но девять милліоновъ останутся въ діаспорѣ. Ясно, что исходъ, облегчающій—и то проблематично—участь одной десятой части націи, не можетъ считаться рѣшеніемъ вопроса о судьбѣ всего народа.

Разница между двумя крайностями: доктриною ассимиляціи и политическимъ сіонизмомъ—этическая, а не практическая. Доктрина ассимиляціи предполагаетъ низкую измѣну нашему національному знамени, отреченіе (полное или частичное) отъ того, чѣмъ живетъ и во имя чего борется еврейскій народъ. Сіонизмъ, насколько въ основѣ его лежитъ идея неистребимой національной самобытности еврейства (ибо есть видъ сіонизма, лишенный этой основы), представляетъ собою движеніе возвышенное и исторически-идеальное, противоставящее патологическому ассимиляціонному разложенію здоровое начало возрожденія. Но практически, какъ уже сказано, ни то, ни другое движеніе не разрѣшитъ всецѣло или даже въ значительной степени великой проблемы, поставленной еврейству современнымъ историческимъ моментомъ.

Гдѣ же настоящее, всеобъемлющее рѣшеніе?—За нимъ мы должны обратиться къ нашей исторіи, къ великому синтезу столѣтій, къ накопленному опыту всѣхъ пережитыхъ нами эпохъ. Есть одинъ путь, проведшій нашъ народъ сквозь длинный рядъ вѣковъ: путь автономной національно-духовной эволюціи. Эту автономность развитія, душу еврейской націи, мы должны и можемъ отстаивать вездѣ, во всѣхъ мѣстахъ нашего разсѣянія, а не только въ гадательномъ будущемъ Сіонѣ, который никогда не прекратитъ діаспоры, а въ лучшемъ случаѣ развѣ только немного сократитъ ее. Наша слабость—въ той внутренней расшатанности національной жизни, которая вызвана эпохою ассимиляціоннаго антитезиса; наша сила—въ прочномъ установленіи созидательной эволюціи, въ формѣ синтеза между старымъ и новымъ еврействомъ, въ стремленіи къ внутреннему національно-культурному возрожденію повсемѣстно.

Наша тѣсная національная сплоченность дастъ намъ могучее орудіе въ борьбѣ за наше соціальное существованіе среди народовъ. Если въ иныхъ мѣстахъ существованіе извѣстной части нашего народа становится невыносимымъ, то

отсюда есть исходъ, къ которому прибѣгаютъ всѣ угнетаемые народы или классы: эмиграція въ пункты, болѣе благопріятные для національнаго и экономическаго роста. При широко организованной самопомощи, урегулированная эмиграція поведетъ не къ большему раздробленію еврейства, а только къ перемѣщенію его центровъ. Великія переселенія—въ связи съ перемѣщеніемъ національно-культурныхъ центровъ—составляютъ обычныя явленія въ еврейской исторіи. Четыре столѣтія назадъ, вслѣдъ за разрушеніемъ сефардскаго центра на Пиренейскомъ полуостровѣ, возникъ ашкеназійскій центръ въ восточной Европѣ, служившій до послѣдняго времени однимъ изъ главныхъ резервуаровъ нашей національной энергіи. Нынѣшняя Россія явно идетъ по стопамъ старой Испаніи; путемъ средневѣковаго законодательства и варварскихъ гоненій она стремится эвакуироваться отъ евреевъ. Частичная эвакуація уже началась: большая часть ежегоднаго естественнаго прироста еврейскаго населенія уходитъ изъ Россіи. За послѣднія двадцать лѣтъ Россія двинула въ одну Сѣверную Америку около милліона евреевъ. Этотъ главный потокъ эмиграціи намѣчаетъ и путь передвиженія русско-еврейскаго центра. И нѣтъ сомнѣнія, что огромный запасъ національно-самобытныхъ силъ, кроющійся въ русскомъ еврействѣ, найдетъ въ странѣ свободы болѣе благопріятныя *внѣшнія* условія для своего развитія, чѣмъ въ странѣ рабства и безправія.

Конечно, и здѣсь, и въ другихъ странахъ, еврейскій свободный націонализмъ будетъ, по внѣшнимъ культурнымъ формамъ, отличаться отъ средневѣковаго замкнутаго націонализма гетто,—но въ этой метаморфозѣ и заключается весь смыслъ нашего современнаго „національнаго синтеза“. Доказать историческую законность и практическую осуществимость этого синтеза — главная задача нижеслѣдующихъ „Писемъ“.

Одесса, 19 мая, 1903.

PS. Въ предисловіи переводчика къ нѣмецкому изданію „Писемъ“, а также въ отдѣльной брошюрѣ д-ра Фридлендера „Dubnow's Theory of jewish nationalism“ (New-Jork 1905), мнѣ было сдѣлано указаніе на слѣдующее противорѣчіе въ моей критикѣ сіонизма: съ одной стороны я признаю духовный типъ націи выше территоріальнаго, а съ другой—допускаю желательность полу-автономнаго культурнаго центра на территоріи Палестины, какъ типически-національнаго. Это противорѣчіе только кажущееся. Теоретически я считаю духовный типъ націи болѣе высокой ступенью въ эволюціи народовъ, чѣмъ территоріальный; но это не мѣшаетъ мнѣ признать, что придатокъ территоріальнаго единства

увеличиваетъ силу всякой націи, даже достигшей этой высокой ступени. Весь споръ мой съ сіонизмомъ вращается не вокругъ *желательности*, а только *осуществимости* территоріально-политическаго центра, объединяющаго все еврейство. Если въ прежней редакціи „Писемъ“ нѣкоторыя фразы подавали тутъ поводъ къ недоразумѣніямъ, то въ новой редакціи эти неясности совершенно устранены.

СОДЕРЖАНІЕ.

		стр.
Предисловіе	. . . . .	III—VIII

ГРУППА ПЕРВАЯ:

Общіе принципы.

Письмо I.	Теорія еврейскаго національнаго.	1— 28
„ II.	Еврейство, какъ духовная (культурно-историческая) нація среди политическихъ націй	29— 52
„ III.	Этика націонализма	53— 73
„ IV.	Автономизмъ, какъ основа національной программы .	74—112
„ V.	О національномъ воспитаніи	113—129
	Приложеніе А. Планъ школьной реформы	129—148
	Приложеніе В. „Kulturkampf“ 1901—1902 г.	148—151

ГРУППА ВТОРАЯ:

Между общественными теченіями.

„ VI.	Утопическое и реальное въ сіонизмѣ	152—180
„ VII.	Нація настоящаго и нація будущаго	181—204
„ VIII.	О смѣнѣ направленій въ русско-еврейской журналистикѣ	205—226
„ IX.	Раздробленная и объединенная національная партія . .	227—244
„ X.	О растерявшейся интеллигенціи	245—280

ГРУППА ТРЕТЬЯ:

Между инквизиціей и эмансипаціей (1903—1907).

„ XI. Историческій моментъ. (Эмиграціонный вопросъ) . . . 281—293

„ XII. Уроки страшныхъ дней. (Отрывки):

1. Что сдѣлалъ намъ Амалекъ?—2. Рабство въ революціи.—3. Національная или классовая политика?—4. Внѣшняя и внутренняя организація. . . . . 294—32

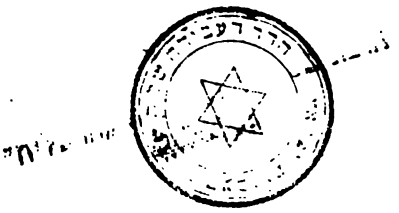
„ XIII. О суверенитетѣ національной политики въ жизни угнетенной націи . . . . . 321—33

„ XIV. О задачахъ „Volkspartei“ (Еврейская народная партія). 337—35

„ XV. Освободительное движеніе и эмиграціонное движеніе . 351—36

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1. Изъ вступленія къ первымъ „Письмамъ“ (1897). . 362—36

„ 2. Предисловіе автора къ нѣмецкому переводу первыхъ „Писемъ“ . . . . . 365—368



ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Следуетъ читать.*
32	5 снизу	аборигентъ	аборигенъ
39	колонцифра сверху	63	39
149	2 снизу	*даффференцировка*	*дифференцировка.*
282	2 „	благопріятны	благопріятныя
304	12 свер.	императива, бороться	императива: бороться.
345	11 сн.	и сходитъ	исходитъ

UNIVERSITY OF MICHIGAN
3 9015 02657 8826

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN

DATE DUE

MAY - 6 1998

UNIVERSITY OF MICHIGAN
3 9015 02657 8826